Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»
Центр исследований белорусской культуры,
языка и литературы НАН Беларуси
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет
Смоленский государственный университет
Белорусский республиканский фонд
фундаментальных исследований
Ономастическая комиссия Международного комитета славистов

РЕГИОНАЛЬНАЯ ОНОМАСТИКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сборник научных статей

Под научной редакцией А.М. Мезенко

Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2022

УДК 81’373.2(082)
ББК 81.053.16я43
Р32

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 3 от 03.03.2022.

Составители: **А.М. Мезенко, М.Л. Дорофеенко, Ю.В. Дулова, О.В. Шеверинова**

Научный редактор:
заведующий кафедрой общего и русского языкознания
ВГУ имени П.М. Машерова,
доктор филологических наук, профессор *А.М. Мезенко*

Рецензент:
профессор кафедры русского языка БГУ,
доктор филологических наук, профессор *И.Э. Ратникова*

Р32 **Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования :** сборник научных статей / сост.: А.М. Мезенко [и др.] ; под науч. ред. А.М. Мезенко. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2022. – 403 с.

ISBN 978-985-517-871-3.

В сборнике научных статей, составленном по материалам III Международной научной конференции «Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования», рассматривается широкий спектр вопросов по проблемам региональной ономастики.

Для научных сотрудников, аспирантов, студентов, всех тех, кто интересуется проблемами ономастики.

УДК 81’373.2(082)
ББК 81.053.16я43

ISBN 978-985-517-871-3

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2022

Ректор учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»
участникам III Международной научной конференции
«Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования»

Многоуважаемые участники конференции, коллеги и друзья!

Позвольте мне от имени многотысячного коллектива студентов и преподавателей Витебского государственного университета имени П.М. Машерова приветствовать вас на III Международной научной конференции «Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования». Судя по программе, на ней собрана научная элита, которая определяет основные направления развития современной ономастики, обеспечивает сохранение и поддерживает распространение знаний об именах собственных в мире.

Знаменательно, что ученые Витебска уже в третий раз собирают у себя лингвистов не только Беларуси, но и зарубежья, их молодых коллег, учеников и последователей. Все это говорит о значимости конференции, заинтересованности научной общественности в обсуждаемых проблемах. Национальные ономастиконы хранят в своей памяти широкие сведения об особенностях организации, экономического развития, культуры, этнографии обществ, для обслуживания которых они образовались. Поэтому вопросы сохранения местной топонимии и антропонимии, ***находящиеся*** в центре внимания ономатологов не одно столетие, не теряют своей актуальности и в наше время.

Регулярное проведение конференций, безусловно, содействует развитию лингвистической науки, так как на этих встречах вы не только подводите итоги и анализируете все, что было уже сделано, но и намечаете перспективы дальнейших научных разработок и проектов, определяете базовые векторы развития региональной ономастики на ближайшие годы. В современном мире глобализации поддержка, с одной стороны, национальной самобытности, а с другой – единения народов – дело и культурной, и общечеловеческой важности.

В нынешней конференции, проводимой кафедрой общего и русского языкознания нашего университета, принимают участие более 90 ученых-филологов из России, Польши, Украины, Китая, а также ученых Национальной академии наук Беларуси и всех ведущих учебных заведений нашей страны. Это позволит тесно сотрудничать как ономастам витебской, смоленской, волгоградской, воронежской, екатеринбургской, оренбургской, белостокской научных школ, так и ученым, представляющим другие города страны; будет содействовать развитию международного сотрудничества и взаимодействия в научной сфере.

Очевидно, что многие докладчики участвуют на этих встречах регулярно, цементируя тем самым основы вашего уникального научного сообщества. Надеемся, что и те, кто сегодня впервые пополнил ваши ряды, станут единомышленниками и друзьями на многие годы.

Отрадно, что работу конференции возглавляют ведущие ономатологи славянских стран, чьи имена по праву находятся в фарватере современной ономастической науки.

Хочу пожелать всем участникам конференции хорошего настроения, плодотворных дискуссий, творческого вдохновения.

27 апреля 2022 года Валентина Богатырёва

1. ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Т.В. Аникеева
Минский государственный лингвистический университет
e-mail: tatsiana.anikeyeva@gmail.com

УДК 81'42

Типология ономасиологического признака прецедентного феномена современного художественного текста

Ключевые слова: *прецедентный феномен, ономасиологический признак, вторичная номинация, контекст интерпретации, косвенная номинация.*

В статье рассматриваются особенности выделения и текстовой реализации ономасиологического признака, представленного в семантике прецедентного феномена современного художественного текста. Прецедентный феномен, репрезентированный как сложно организованная форма реализации спектра представлений, способствует множеству разнотипных реализаций и способов текстового введения его ономасиологического признака. Основными типами реализации данного признака выступают аспекты понятийных, непонятийных и оценочных компонентов значения, обусловливающие интерпретационное взаимодействие феномена с окружающим текстовым пространством.

T.V. Anikeyeva
Minsk State Linguistic University

Typology of modern literary text precedent phenomenon onomasiological feature

Key words: *precedent phenomenon, onomasiological feature, secondary nomination, interpretation context, indirect nomination*.

The article is devoted to the peculiarities of structuring and text realization of onomasiological feature that is represented in the semantics of precedent phenomenon. Precedent phenomenon which is represented as a complex structure reflecting the ideas and concepts that are based in the field of language and modern literary text is prone to be realized in many ways and be represented through various onomasiological feature text structures. The main types of feature realization involve the aspects of notional, non-notional and assessment components of precedent phenomenon semantics that define the interconnection between the phenomenon and the surrounding text.

Сложность, полиаспектность и особая уровневая организация пространства современного художественного текста позволяет особым образом рассматривать и трактовать не только собственно языковую структуру текстового пространства, но и указывать на иерархичные способы репрезентации значения отдельных языковых единиц и структурирующих текст языковых комплексов [1, 59]. Одним из типичных способов инкорпорирования и сближения текстов служат языковые средства выражения межтекстовых связей, отражающие сложный характер взаимодействия текстов как семиотических сущностей. На современном этапе одним из средств выражения межтекстовых связей может выступать

прецедентный феномен, реализующий совокупность разделяемых определенным языковым сообществом знаний, мнений и представлений, которые являются общими для всех или значительного количества представителей лингвокультурного сообщества [2, 216]. Подход к рассмотрению таких фрагментов инотекста, как прецедентный феномен, приводит к определению его сущности как интертекстуальной метафоры, способной в когнитивном отношении отражать сходство явлений, принадлежащих к различным семиотическим и текстовым областям. Сложный характер текстовых реализаций феноменов данного типа приводит к необходимости рассмотрения функционального аспекта реализации прецедента и выделения его онтологических и прагматических оснований.

Реализация прецедентного феномена современного художественного текста представляется сложной и разноаспектной в силу соответствующего специфичного отражения текстовым пространством особенностей реализации прецедентного феномена, что ведет за собой вопросы, связанные с декодированием феномена и раскрытием его сущности в интерпретации. Особым, до сих пор не разрешенным вопросом предстает реализация семантики прецедентного феномена как ключевого компонента его текстовой реализации, а также выявление факторов, лежащих в основе дополнительной реализации прецедента. Сложность семантизации прецедента как языковой формы в значительной степени обусловлена уровневым характером организации представлений, отражаемых на текстовом уровне, а также недостаточной разработанностью подходов к определению интерпретационной полноты задействования данных уровней в структуре прецедентного феномена. Данный факт приводит к необходимости анализа семантико-структурного типа реализации прецедента и раскрытия основных способов проявления ономасиологического признака в его интерпретации.

Структура ономасиологической модели, определенная для конкретизации значения единицы номинации, обнаруживает общие свойства с метафорической моделью реализации прецедентного феномена и включает трехчастную структуру, предполагающую взаимодействие субъекта, объекта номинации и ономасиологического базиса как основы номинативного взаимодействия. Зачастую мотивированность данного типа ономасиологического базиса в языке эксплицитно представлена в рамках языковой формы в структуре первичной номинации и представлена через использование единиц номинативного отражения деятеля. Определения прецедентного феномена, отражаемые в лексикографических источниках, представляют сложный характер структурирования значения прецедента, что наиболее ярко проявляется на примере языковых реализаций прецедентного имени и названия. Внутренняя структура прецедентного феномена как структура идентификации базиса его реализации может быть представлена как сложно организованная совокупность свойств, отражающих признаковые и функциональные характеристики прецедента. Признак номинации может быть определенным образом эксплицирован при помощи актуализации единицы в составе контекстуального окружения, то есть определен в контексте его текстовой репрезентации. Таким образом, номинант отражает значимые характеристики, лежащие в основе прецедента и репрезентирующие его путем апеллирования к признаку, являющемуся основой имплицитного метафорического сравнения: *«Закончился полёт, опустили занавес, народ поспешил в гардероб. Русская народная традиция требуют убегать отовсюду как можно скорее, максимально суетясь, панический создавая* ***ходынку*** *на ровном месте»* [5, 47]. В основе номинаций данного типа как метафорически вторичных лежит экспликация соответствующих сем, связанных с реализацией деятеля и факта. Деятель при этом предстает разнотипно, что предполагает выстраивание типологии деятеля, наиболее актуальной в интерпретационном аспекте. Тем не менее, деятель как общая понятийная категория способен вступать во взаимодействие с некоторыми иными периферийными аспектами взаимодействия прецедента, что составляет интерпретационный ономасиологический базис прецедентного феномена.

Исследование ономасиологического базиса прецедентного феномена представляет собой выявление совокупности понятийных и непонятийных компонентов значения в ономасиологической структуре прецедентного феномена. Характерной чертой реализации прецедентного феномена является сложный тип реализации ономасиологической основы прецедента. Одним из способов воспроизведения феномена представляется реализация понятийной семы, связанной с деятелем или фактом окружающей действительности: *«Странная прогулка – так назвала бы я рассказ о сегодняшнем дне. Гуляли мы по Никольскому кладбищу Александро-Невской лавры. Мы, кстати, не впервые по кладбищу гуляем: у Платонова – как бы это выразиться? – некоторая слабость к таким прогулкам. Эти прогулки меня особенно не тяготят, а с другой стороны – не сказать, что сильно повышают настроение, – не* ***Диснейленд*** *как-никак»* [5, 129]. Семантика прецедента *Диснейленд* в ономасиологическом аспекте направлена на актуализацию понятийного содержания понятия о Диснейленде и может исчерпываться обращением к лексикографическому описанию понятия в толковых или экциклопедических словарях, представленного как «парк развлечений» [3]. Иным типом экспликации предстает формирование прецедентного феномена путем задействования комплекса, включающего как понятийный, так и один из непонятийных компонентов реализации семантической структуры прецедента: «*Сегодня вместо сестры Валентины появилась сестра Анжела. Она молода, но прелести Валентины в ней нет. Внешность довольно вульгарна, не говоря уже об имени. Гейгер сказал, что Валентина нездорова, и его интонация не очень мне понравилась. Не знаю, почему. Весь день пытался печатать на компьютере. Чувствовал себя* ***первопечатником»*** [5, 48]. Сема деятеля, репрезентированная в лексикографическом описании средневекового представления о первопечатнике, модифицируется при помощи описания способа осуществления действия, эксплицируемого при помощи контекстуального компонента ‘*печатать целый день, печатать долго*’, как это было свойственно для средневековых первопечатников, не обладавших современными техническими средствами.

Усложненную схему воспроизведения понятийного компонента представляет тип реализации базиса номинации прецедентного феномена как совокупности понятийных, непонятийных и коннотативных свойств описываемого объекта. Подобная схема экспликации, задействующая как понятийный, так и часть непонятийных представлений об описываемом объекте типична для реализации прецедентных имен и наименований: *«Я не хочу выглядеть меркантильней всех, я, может, тоже мечтаю быть* ***леди Гамильтон****, но кто-то же должен организовывать средства для существования. Странно, вообще говоря, что это делает не немец»* [5, 127]. Номинант *Леди Гамильтон* не эксплицирует на вербальном уровне представление о чертах внешности или аспекте биографии персонажа, позволяя отсылать не только к элементарной дефиниционной структуре толкового словаря, где отражена центральная понятийная сема *«персонаж произведения»*, отражающая характерный деятельностный тип реализации прецедента, но и актуализирует представление о меркантильности, складывающееся на основе традиционно рассматриваемых как периферийные понятийные представления о данном номинанте: *‘любовница нескольких мужчин’*; *‘сожительница Чарльза Гревилля’*; *‘куртизанка в Неаполе’* [4], обобщения которых позволяют сформировать символическое прочтение леди Гамильтон как женщины, живущей за счет любовных связей и являющейся меркантильной.

Отдельным значимым типом реализации вторичного взаимодействия служит косвенный тип номинативного отражения признака в структуре прецедентного номинанта. С одной стороны, он отражает репрезентацию универсальных языковых категорий, поскольку данный тип косвенной номинации позволяет охарактеризовать предмет или персоналию с разных сторон как результат парадигматической синонимии, а с другой

направлен на вертикализацию связи феномена со сферой-источником и позволяет представить ономасеологический признак как детерминант универсального или национально-детерминированного знания: *«Но в первые советские годы – ах, каким они были святым воинством, эти юные комиссары, эти **древние сыны Авраамовы**!»* [6, 34].

Представленные примеры позволяют сделать несколько выводов относительно способов реализации прецедентного феномена современного художественного текста и признаков, лежащих в основе реализации языковых единиц, отражающих прецедент. Проблематика исследования оснований для реализации прецедентного феномена обусловлена сложностью и разнотипностью проявления прецедентных феноменов современного художественного текста. Репрезентация значения прецедента основана на метафорическом способе формирования отношений в структуре единицы вторичной номинации. Совокупность языковых формальных и содержательных параметров реализации прецедентного феномена позволяет определить текстовую единицу, необходимую для интерпретации феномена в рамках интерпретационного контекста, составляющего единство семантических, формальных и контекстуальных особенностей реализации прецедента. Номинативные способы определения прецедента говорят о наличии в семантической структуре языкового способа репрезентации прецедента особых характеристик, лежащих в основе номинации объекта внеязыковой действительности и реализуются как ономасиологический признак прецедентного феномена. Дефиниционные особенности лексикографического представления прецедентного феномена могут различным образом участвовать в формировании прецедентного номинанта, что обусловливает вариативность проявления понятийных и непонятийных компонентов значения прецедентного феномена, позволяющих эксплицитным или имплицитным путем вербализовать представления об ономасиологическом признаке и отражении им аспекта бытования прецедента, который представляется как собственно вторичный или косвенный тип его описания. Оценка прецедентного феномена также может принимать участие в интерпретационной экспликации свойств и иных параметров реализации прецедента, формируя отдельный пласт характеристик, влияющих на его ономасиологическую структуру.

Литература

1. Кобрина, Н.А. О соотносимости ментальной сферы и вербализации: взаимозаменяемость / относительная автономность / неоднозначность векторной зависимости / Н.А. Кобрина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – № 3. – С. 59–69.

2. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – 7-е изд. – М.: ЛКИ, 2010. – 264 с.

3. Диснейленд [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B8%D1%81%D0%BD%D0%B5%D0%B9%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B4. – Дата доступа: 30.01.2022.

4. Леди Гамильтон [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%B0%D0%BC%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D1%82%D0%BE%D0%BD,_%D0%AD%D0%BC%D0%BC%D0%B0. – Дата доступа: 30.01.2022.

Источники

5. Водолазкин, Е.Г. Авиатор / Е.Г. Водолазкин. – М.: АСТ, 2016. – 410 с.

6. Степнова, М.Л. Женщины Лазаря / М.Л. Степнова. – М.: АСТ, 2021. – 445 с.

Н.В. Васильева
Институт языкознания РАН, Москва
e-mail: vasileva-natalia@iling-ran.ru

УДК 001.4 + 81’373.2

Терминологическая модель с элементом *-оним*: ретроспектива, настоящее и будущее

Ключевые слова: *ономастическая терминология, базовая терминологическая модель, терминоэлемент-оним, инструментальная функция термина.*

В статье представлена краткая история базовой для метаязыка ономастики терминологической модели с финальным элементом оним. На примере данной модели демонстрируется инструментальная функция термина: термин как инструмент вовлечения новых объектов в поле научного анализа и запуска терминотворческих процессов и как когнитивный катализатор процесса формирования целостного понятийного аппарата научной дисциплины. В заключение предлагается несколько критериев оценки необходимости нового термина.

N.V. Vasilyeva
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow

Terminological model with the element *-onym*: its retrospective, present and future

Key words: *onomastic terminology, basic terminological model, term-element onym, the instrumental function of terms.*

The article presents a brief overview of the terminological model with the final element onym, which is basic for the metalanguage of onomastics. On the example of the model the instrumental function of the term is demonstrated: the term as a tool for engaging new objects in the field of scientific analysis and launching term creating processes and as a cognitive catalyst of formatting an integral conceptual apparatus of a scientific discipline. Finally, criteria for assessing the need for a new term are proposed.

Терминология современной ономастики вызывает интерес не только у самих ономастов (ономатологов), но и у терминологов – представителей терминоведения как лингвистической дисциплины. Для такого интереса есть несколько причин. Прежде всего, ономастическая терминология представляет собой довольно замкнутую систему терминов, в которой интересующие терминоведов процессы можно наблюдать в наиболее «чистом» виде. Кроме того, это категориально довольно гомогенная система терминов, носящих в основном классификативный характер, т.е. в нее входят термины для обозначения имен многочисленных денотативных объектов, которые попали (и продолжают попадать) в поле внимания исследователей-ономатологов. Наконец, по сравнению с другими лингвистическими дисциплинами терминологическая история ономастики не уходит в глубину веков, она достаточно обозрима, и термины сравнительно легко поддаются атрибуции.

Далее будет рассмотрена базовая для метаязыка ономастики терминологическая модель, а именно модель с финальным терминоэлементом *оним*. Эта модель является самой узнаваемой также за пределами ономастики и на первый взгляд не несет в себе ничего загадочного: ее категориальное значение можно сформулировать как ‘вид собственного имени/собственного наименования, специфицированный первым компонентом’, ср. *топоним, антропоним, гидроним*. С точки зрения словообразования, это тип

интернационального термина, близкий к сложному слову детерминативного типа, поскольку и первый, и второй компоненты происходят от полнозначных древнегреческих слов *topos* ‘место’, *anthropos* ‘человек’, *hydōr* (*hydro-*) ‘вода’ + *onoma* ‘имя’ и второй компонент модифицируется первым, т.е. отношения между ними сходны с падежным управлением, ср. *имя* → (род. п.) *места*, *человека* и пр.

Обращение к древнегреческому языку показывает, что в его лексическом составе детерминативной модели сложных слов с компонентом *-оним* не существовало [2]. *Оним* (*-onymos*) как компонент в составе слова встречается в префиксальной/префиксоидной модели, и по частеречной принадлежности такие слова являются адъективами (субстантивация для них вторична). Список слов невелик: *anōnymos*, *diōnymos*, *epōnymos*, *homōnymos*, *polyōnymos*, *synōnymos*. Для описания семантических отношений между компонентами таких слов необходимо привлекать «внешнего носителя», т.е. обладателя свойств, выраженных компонентами слова. Ср. *anonymos* (a-, an- ‘отсутствие’) – ‘не имеющий имени’ (человек, город и пр.), *homonymos* (*homos*, *homo-* ‘одинаковый’) – ‘соимённый (человек) и др. Таким образом, хорошо известные в русском и в других языках слова *аноним*, *эпоним*, *синоним*, *омоним* являются заимствованиями из древнегреческого языка (мы здесь не будем специально останавливаться на путях заимствования и на языках-посредниках, это отдельная лексикологическая тема), в то время как современные термины с компонентом *-оним* представляют собой искусственные образования, собранные с помощью интернациональных терминоэлементов.

Далее очень важно подчеркнуть многозначность лексемы *onoma* (вариант: *onyma*), ставшей опорным компонентом современной терминологической модели. Существительное *onoma*, род. п. *onomatos* обозначало и имя в широком смысле (название), и имя нарицательное, и имя собственное [2, 1178]. Многозначность исходной лексемы отразилась в значении категориального элемента, а как итог – в значении терминов. Например, наличие в тексте терминов *зооним* и *фитоним* еще не говорит о принадлежности этого текста предметному полю ономастики, поскольку данные терминологические номинации встречаются и в сфере лексикологии, где они обозначают виды животных и растений, а не собственные имена индивидуальных объектов. К зоонимам в таком значении термина будут отнесены *собака* и *кошка*, а не *Полкан* и *Мурка*, а к фитонимам – *дуб* и *ель*, а не *Бартек* (самый старый дуб в Польше) и *Старый Тикко* (очень старая ель в Швеции). У подобных терминов следует выделять два значения – одно в рамках ономастической модели на *-оним* как обозначение разновидности собственного имени; другое – в рамках лексикологической модели, категориальный компонент которой сопоставим с финалями лексикологических терминов *антоним*, *синоним*. Таким образом, корни двойственного – даже внутри лингвистики – понимания некоторых терминов с компонентом *-оним* уходят в глубину веков, и особо ратующим за точность выражения ономатологам придется с такой двойственностью смириться.

После краткого экскурса в историю обратимся к современному состоянию ономастической терминологии, в которой модель терминов с финальным компонентом *–оним* занимает ведущее место. Особенностью ономастической терминологии является, если можно так сказать, высокий категореобразующий потенциал каждого нового термина с компонентом *-оним*. Связано это явление с тем, что любой термин на *–оним* (*somethingonym*, по выражению Ричарда Коутса, ср. [9, 8]) сразу становится центром терминологического гнезда, включающего производные термины, построенные по жестким моделям с использованием стандартных морфем, которые являются носителями категориального значения. Пример такого гнезда был представлен еще в первом издании словаря Н.В. Подольской в 1978 г., это хорошо известные модели на *-ия*, *-ика*, *-ист*, *-икон* и др., см. [6, 9–10]. Такое когнитивное свойство ономастической терминосистемы позволяет создателю термина экономить усилия: достаточно придумать новый термин с компонентом *-оним*, а остальное – т.е. все производные – система «доделает» сама.

Модель с элементом *-оним* может служить ярким примером инструментальной функции термина, раскрывающей работу термина как инструмента познания. Как писала

Н.А. Слюсарева, впервые выделившая эту функцию для лингвистических терминов: «Термин выступает в виде своеобразного органа, при помощи которого “ощупывается”, “осматривается”, “измеряется”, “взвешивается” открываемое» [6, 74]. В рассматриваемом случае можно говорить о механизме терминологического притяжения, который реализуется в рамках терминологической модели [1, 461]. Модель одновременно и облегчает, и сдерживает реализацию терминотворческих интенций: являясь жестким каркасом как носитель категориального значения, она допускает свободное заполнение различными элементами. Базовая модель ономастики с элементом *-оним* с категориальным значением ‘собственное наименование объекта, обозначенного первым компонентом’ обладает практически неограниченными возможностями для заполнения. То, что Н.А. Слюсарева назвала «фронтальным добыванием терминов» [6, 72], реализуется в ономастике именно в рамках данной модели.

История ономастики знает удачные и неудачные реализации инструментальной функции терминологической модели. К числу удачных для ономастики XXI века, как ответ на вызовы времени включившей в сферу своих интересов коммерческую номинацию (нейминг), можно отнести термины *эргоним* и *прагматоним*. Первый принят в русской ономастике в значении ‘собственное наименование любого делового объединения людей’; второй термин, *прагматоним*, обозначает собственное наименование марки товара. Еще один, очень важный для топонимических исследований термин *урбаноним* прошел достаточно долгий путь до своего признания в качестве единственного термина для обозначения собственного имени любого внутригородского объекта (улиц, площадей, переулков и пр.). К настоящему времени в трудах белорусских и российских топонимистов окончательно утвердился термин-коррелят *виконим* для обозначения собственного имени любого объекта внутри сельского поселения, см. прежде всего работы А.М. Мезенко [4; 5], а также М.Л. Дорофеенко [3] и Р.В. Разумова [4].

Наблюдения над главной терминологической моделью ономастики приводят к мысли о том, что в какой-то момент начинается спецификация когда-то конечных узлов классификативного дерева, т.е. возникает все больше и больше имеющих названия объектов, для категоризации которых нужны термины. Этот процесс эстетически не всегда безупречен, а его результаты зачастую дискуссионны. Так, труды коллег из славянских стран демонстрируют неоднозначное понимание терминов в сфере коммерческой номинации [10]. Например, в русской ономастике *фирмоним* это результат спецификации эргонима, т.е. его вид; в польской – *фирмоним*, *эргоним* и *социоидеоним* составляют три группы коммерческих названий одного классификативного уровня [10, 99–100]. В качестве примеров терминов для названий маркетинговых объектов А. Галковский в своей статье, специально посвященной ономастической терминологии этой сферы, приводит следующие термины (поскольку это термины-интернационализмы, приведем здесь потенциальные русские варианты): *театронимы* (названия театров), *эмпоронимы* (название магазинов), *медионимы* (названия СМИ), *порейонимы* (названия транспортных средств), *тезауронимы* (названия украшений и бижутерии), *тиронимы* (названия сыров), *ойнонимы = энонимы = ампелонимы* (названия вин), *фармаконимы* (названия лекарственных средств) и др. [10, 101–102]. Список терминов может быть продолжен встречающимися в русских текстах терминами, ср. *алконим*, *трофоним*, *рестороним* и др. Вопрос об оценке этих терминов пока специально не ставился (см. заключение). В задачу входила демонстрация терминологических возможностей данной модели.

Далее остановимся на самом элементе *-оним*, который существует в ономастике как отдельный самостоятельный термин, не являясь при этом прямым заимствованием греческого слова *onoma*. Тем, кто в настоящее время занимается ономастикой, трудно себе представить, что до 60-х годов XX в. интернационального термина *оним* не существовало. Автором термина *оним* считается чешский лингвист В. Шмилауэр (Vladimír Šmilauer) [12, 289]. Ситуацию, предшествующую появлению этого термина в славянской ономастике, можно охарактеризовать как парадоксальную: уже существовали термины

субординатного уровня (видовые), ср. *антропоним*, *топоним*, *гидроним*, но отсутствовал термин базового уровня. Парадокс состоял в том, что хорошо известный грамматический термин *имя собственное* подходил лишь ограниченно не только из-за дефектных деривационных возможностей в славянских языках, но и из-за его чисто грамматической трактовки как имени существительного. Те объекты, которые стали изучаться в ономастике, например, артионимы (названия произведений искусства), заметно отличались по своей структуре от прототипических имен собственных, какими являются антропонимы и топонимы.

Таким образом, термин *оним*, который сразу же после своего появления занял прочное место в терминосистемах славянской и немецкой (в ту пору ГДР) ономастики, собрал воедино всю совокупность видовых терминов и завершил иерархическое построение терминополя этой научной дисциплины. Благодаря «отдельности» нового термина *оним*, «старые», т.е. уже существовавшие в системе термины *антропоним* и *топоним* как бы заново обрели словообразовательную членимость, упрочив тем самым продуктивность терминологической модели с элементом *-оним* и открыв поистине бесконечные возможности для терминообразования.

Подводя итог краткому обзору истории и современного состояния главной терминологической модели метаязыка ономастики и признавая ее высокий креативный потенциал, выскажем некоторые пожелания, которые позволят, на наш взгляд, развиваться ономастической терминологии дальше, не теряя связи с традициями. Эти пожелания можно представить в виде анкеты, предъявляемой к потенциальному термину, в которой термин как отдельная единица знания и как слово оценивается со следующих точек зрения.

а) С когнитивной точки зрения: насколько необходимо номинативное заполнение понятийной лакуны; возможно, однословный интернациональный термин не нужен, а достаточно, например, описательного выражения;

б) с точки зрения семантики: насколько соответствует значение слова или морфемы латинского, древнегреческого и др. языков (условно: этимона) тому смыслу, который создатель термина хочет вложить в научный термин;

в) с информационной точки зрения: присутствует ли в термине информационный шум в виде нежелательных ассоциаций;

г) с точки зрения эвфонической и общеэстетической: насколько термин благозвучен, удобен для произнесения и соответствует ли он языковому вкусу.

В дальнейшем для оценки необходимости введения в терминосистему нового термина могут быть добавлены и другие критерии, в частности, текстовый [11].

Литература

1. Васильева, Н.В. Об инструментальной функции термина (на материале ономастической терминологии) / Н.В. Васильева // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXVIII: Языки, культуры, модальности: Интеграция методов когнитивных исследований языка: материалы круглого стола; Московск. гос. лингвист. ун-т, 1 ноябр. 2019 г. / гл. ред. вып. О.К. Ирисханова. – Тамбов: Державинский, 2019. – С. 458–464.
2. Дворецкий, И.Х. Древнегреческо-русский словарь / И.Х. Дворецкий. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. – Том I–II. – 1904 с.
3. Дорофеенко, М.Л. Лингвогеографические особенности виконимии Брестской области / М.Л. Дорофеенко // Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования: сб. науч. трудов. – Брест: БрГУ имени А. С. Пушкина, 2018. – Т. 2. – С. 29–32.
4. Мезенко, А.М. Виконимика как раздел топонимики: состояние, перспективы / А.М. Мезенко // Nowe nazwy własne – nowe tendencje badawcze / A. Cieślikowa, B. Czopek-Kopciuch (Eds.). – Kraków: PANDIT, 2007. – P. 379–390.
5. Мезенко, А.М. Наименования топографических объектов в пределах поселения: сопоставительный аспект / А.М. Мезенко // Вестник Костром. гос. ун-та. – 2017. – Т. 23. – С. 113–116.
6. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – М.: Наука, 1978. – 198 с.
7. Разумов, Р.В. Особенности современных российских систем виконимов (на примере Некоузского, Первомайского, Рыбинского, Тутаевского районов Ярославской области / Р.В. Разумов // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – Т. 1. – № 1. – С. 145–149.
8. Слюсарева, Н.А. Терминология лингвистики и метаязыковая функция языка / Н.А. Слюсарева // Вопросы языкознания. –1979. – № 4. – С. 69–76.

9. Coates, R. We are surrounded by onymies: relations among names, name-types, and terminological categories / R. Coates // Names in daily life: Proceedings of the XXIV ICOS International Congress of Onomastic Sciences. – Barcelona: Generalitat de Catalunya, Departament de Cultura, 2014. – P. 6–13.

10. Gałkowski, A. La terminologie de la chrématonymie de marketing: fondements historiques, conceptions, discussions / A. Gałkowski // Lexicalisation de l'onomastique commerciale: créer, diffuser, intégrer / Jana Altmanova et Gabrielle Le Tallec (éds.). – Bruxelles: Peter Lang. – P. 91–105.

11. Vasilyeva, N. New onomastic terms: textual criterion of necessity / N. Vasilyeva // Book of Abstracts. 27th International Congress of Onomastic Sciences. 22-27 August 2021, Kraków, Poland [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://icos2020.ijp.pan.pl/abstracts. – Дата доступа: 14.01.2022.

12. Witkowski, T. Probleme der Terminologie / T. Witkowski // Namenforschung. Name Studies. Les noms propres. Ein internationales Handbuch zur Onomastik. Hb. 1 / Hrsg. von E. Eichler, G. Hilty, H. Loeffler, H. Steger, L. Zgusta. – Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1995. – S. 288–294.

Л.Н. Верховых
Борисоглебский филиал Воронежского
государственного университета
e-mail: lverhovyh@mail.ru

УДК 811.161.1´373.21

Лингвокраеведение как научное направление (к вопросу о соотношении терминов *лингвокраеведение – лингвострановедение – лингворегионоведение*)

Ключевые слова: *лингвокраеведение, краеведение, региональная лингвистика, лингвострановедение, лингворегионоведение.*

В статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с развитием лингвокраеведения как научного направления. Автором анализируется семантика и соотношение терминов лингвокраеведение, лингвострановедение, лингворегионоведение в современном научном узусе. В работе проводится разграничение терминов лингвострановедение и лингвокраеведение; отмечается высокий научный и лингводидактический потенциал современного лингвокраеведения.

L.N. Verkhovykh
Borisoglebsk branch Voronezh State University

Linguistic local history as a scientific direction (on the question of the relationship between the terms *linguistic local history – linguistic regional studies – linguistic regional studies*)

Key words: *linguistic local history, local history, regional linguistics, linguistic and regional studies, linguistic and regional studies.*

The article deals with topical issues related to the development of linguistic local history as a scientific direction. The author analyzes the semantics and correlation of the terms linguistic local history, linguistic regional studies, linguistic regional studies in modern scientific usage. The paper distinguishes between the terms linguistic regional studies and linguistic regional studies. The high scientific and linguodidactic potential of modern linguistic local history is noted.

В современной лингвистике широко представлен лингвокраеведческий подход к изучению системы национального языка. Краеведческий материал является необходимой компонентой научных исследований в области региональной ономастики, диалектологии, отчасти этнолингвистики.

Исследования авторитетных лингвистов, изучающих языковую специфику определенного региона, опираются в том числе и на краеведческую составляющую [см.: 6; 8; 9; 14; 15; 16;17; 18; 19; 20; 21; 22; 25; 27; 28; 29; 32; 33; 38;39 и др.].

Современные ученые приходят к выводу о необходимости изучения лингвистической специфики региона с учетом данных краеведения. Как верно замечает Л.Я. Костючук, «макро-, минитопонимы, как и псковские говоры, нельзя рассматривать без учета соседних языков, без истории изучаемых говоров и истории их носителей – без «родиноведения». Это термин И.И. Васильева в его исследовании-пособии о «Псковской стране» в помощь народным учителям» [21, 59–60].

Особое значение в настоящее время приобретает выделение специальной лингвистической дисциплины, изучающей языковую специфику региона в соотношении с данными краеведения.

Рассматривая вопросы филологического краеведения, В.И. Супрун отмечает: «среди проблем филологического краеведения немаловажное значение имеет изучение обширного пласта имен собственных, бытующих на той или иной территории России» [34, 142]; «все разряды ономастики нуждаются в детальном изучении во взаимосвязи с краеведением» [34, 144]. Ученый выделяет краеведческую ономастику, входящую в состав региональной лингвистики: региональная лингвистика «изучает языковые особенности каждого населенного пункта и даже, в случае необходимости, его отдельных частей, определяет сходства и различия между явлениями и фактами в соседних говорах на каждом из лингвистических ярусов, классифицирует говоры одного языка, распространенные на территории региона» [35, 26]; «в региональную лингвистику входит краеведческая ономастика, изучающая особенности всех онимических пластов» [35, 26].

А.М. Мезенко отмечает, что в настоящее время «одним из приоритетных направлений развития современной лингвистики, и ономастики в частности, становится регионалистика» [25, 28]. Исследователь считает, что отсутствие единообразия терминов, обозначающих направление в языке, изучающее язык региона (региональная лингвистика, лингвистическая регионалистика, лингворегионология, лингворегионоведение) [см. 2], свидетельствует о становлении этого лингвистического направления [25, 28].

В настоящее время идет процесс развития региональной лингвистики как науки культурологического плана [5, 151]. По мнению Е.В. Брысиной, «краеведение, являясь одним из проверенных средств патриотического и нравственного воспитания, по-видимому, и должно стать отправной точкой развития региональной лингвистики, т.к. соединение учебно-познавательных задач с воспитательными происходит здесь естественным путем, ненавязчиво, без настойчивой назидательности» [5, 151].

Интеграция лингвистики и краеведения в научных лингвистических исследованиях – закономерный процесс, обусловленный множеством факторов. К главному из них отнесем действие принципов экспансионизма и антропоцентризма в современной лингвистике. «Экспансионизм – это выход в другие науки, выделение новых областей знания на границах науки, возникновение новых «сдвоенных» наук. Антропоцентризм – изучение языка с целью познания его носителя, выявление в языке человеческого фактора» [см.: 36, 88–89].

Интеграция лингвистики и краеведения позволяет провести комплексное научное исследование языка региона, сделать выводы, имеющие высокую практическую значимость как для лингвистики, так и для краеведения. Лингвокраеведческий подход к изучению единиц языка позволяет изучить национально-региональную специфику языковых единиц и при этом учесть особенности регионального мировосприятия человека.

Вторым фактором является влияние процесса глобализации на развитие лингвистики, что и обусловило процессы интеграции и дифференциации в лингвистических исследованиях. А.М. Мезенко отмечает, что «начавшаяся на рубеже XX–XXI вв. глобализация привела к интегративным процессам, во многом определившим современные

направления в мировой лингвистике и в частности антропонимике» [26, 96]. Процессы интеграции и дифференциации в отечественной филологии рассматривает Л.А. Климкова, замечая, что «даже в названиях некоторых направлений отражен выход за пределы лингвистики – в этнографию, социологию, культурологию, литературоведение, то есть своеобразное сопряжение процесса дифференциации с элементами интеграции» [13, 92].

Третьим фактором развития лингвокраеведения как науки является процесс регионализации. А.М. Мезенко считает, что актуализация исследований региона обусловлена регионализацией: это «процесс, интенсифицировавшийся в последние годы благодаря и вопреки активизации глобализации (процессы глобализации усилили роль региональных факторов, способствовали складыванию тенденций регионального развития, использующих местные особенности в качестве базы для новых стратегий) и приводящий к формированию региональной идентичности, другими словами, появлению в массовом сознании соотнесения себя с региональным локусом» [25, 28]. Указанные факторы и способствуют развитию лингвокраеведения как научной и учебной дисциплины, как одного из важных подходов в изучении языковой картины мира.

В XXI веке лингвокраеведение рассматривается как научное направление [13, 92], как раздел лингвистики [37, 79–80]. Действительно, научная составляющая лингвокраеведения обуславливается как спецификой предмета исследования – изучаются языковые особенности местности, так и интеграцией лингвистики и краеведения, которое в XXI веке приобретает специализированный, научный характер [см.: 23] (см. также исследования М.Н. Громова, В.С. Соболева, С.О. Шмидта).

С.Г. Шейдаева отмечает: «Лингвокраеведение занимается исследованием местной истории и культуры на языковом материале. По своей направленности (от языка – к культуре и истории народа) этот раздел лингвистики можно поставить в один ряд с таким современным направлением языкознания, как лингвокультурология. <…> И хотя лингвокраеведение обычно ассоциируется только со школьным преподаванием и большинство работ по этой тематике до недавнего времени писалось именно учителями, но в настоящее время приходит осознание того, что оно имеет не только важно прикладное (дидактическое) значение, но и собственно научное. Это связано с тем, что все большую актуальность приобретают работы, выявляющее в языке различные аспекты человеческого восприятия мира» [37, 79–80].

В этой связи отметим, что в настоящее время происходит уточнение термина *лингвокраеведение* исходя из особенностей его употребления и функционирования в научной сфере. Безусловно, важными компонентами семантики данного слова являются семы ‘научный подход’, ‘наука’, ‘учебный предмет’, ‘вид деятельности’ [см.: 101, 104].

Возникает закономерный вопрос: как соотносятся термины *лингвокраеведение, лингворегионоведение* и *лингвострановедение*?

Здесь существует два подхода к рассмотрению данной проблемы. Первый связан с пониманием того, что лингвокраеведение является частью лингворегионоведения. Это понимание обусловлено тем, что лексема *регион* имеет более широкое значение, чем *край.*

В «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С.А. Кузнецова слово *край* имеет пять значений, из них четвертое – ‘страна, область, местность’ [4], пятое – ‘в России: крупная административно-территориальная единица’[4]. Лексема *регион* фиксируется в значении: ‘обширный район, группа соседствующих стран или территорий, объединенных по нескольким общим признакам (географическим, экономическим, политическим)’ [4], от латинского *regio (regionis)* – область.

В «Большом академическом словаре русского языка» второе значение лексемы *край* – ‘страна, область, местность’, третье – ‘крупная административно-территориальная единица в России’ [3-8, 570], *регион* – ‘обширный район, соответствующий нескольким

областям страны или нескольким мелким странам, имеющим какие-либо общие экономико-географические, политические и другие особенности' [3-23, 515]. Более позднее слово *регион*, видимо, изначально при заимствовании и было синонимично лексеме *край*. Однако в настоящее время актуализируется сема 'соответствующий нескольким областям страны', поэтому лингворегионоведение понимается шире, чем лингвокраеведение.

Отметим, что при безусловном пересечении лингвокраеведение и лингворегионоведение имеют и несколько различные аспекты анализа языкового материала: ср.: под лингворегионоведением понимается «комплексная наука, возникшая на стыке диалектологии, социолингвистики, лингвокультурологии и др. наук» [30, 11]; лингворегионоведение рассматривается как область культурологического знания и актуального научно-прикладного направления [31, 109–110], а лингвокраеведение образуется пересечением предметных областей лингвистики и краеведения, представляя собой раздел лингвистики, комплексную научную дисциплину, которая интегрирует диалектологию, ономастику, краеведение. Предметом изучения лингвокраеведения являются языковые особенности какого-либо края (региона) на основе анализа краеведческих данных.

Если сопоставить дисциплины лингвокраеведение и лингвострановедение, то можно увидеть следующее.

В «Новом академическом словаре методических терминов» под термином *лингвострановедение* понимается «аспект в практическом курсе иностранного языка и учебная дисциплина» [1, 127–128], в данном словаре акцентируется практический характер указанной дисциплины при наличии у термина *лингвокультурология* теоретического, при этом существенно следующее замечание: «среди методистов и лингвистов нет единого мнения о существовании принципиальных различий между названными дисциплинами» [1, 128].

В.А. Маслова дает следующее определение лингвокультурологии – «это отрасль лингвистики, возникшая на стыке лингвистики и культурологи и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» [24, 9]. Здесь важно и замечание о том, что «лингвострановедение и лингвокультурология разнятся тем, что лингвострановедение изучает собственно национальные реалии, нашедшие отражение в языке» [24, 12], ср.: страноведение – это «научная дисциплина в системе географических наук, занимающаяся комплексным изучением стран или отдельных крупных районов, их природы, населения, хозяйства, культуры, социальной организации» [4].

Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров понимают под лингвострановедением дисциплину, которая «занимается изучением языка с точки зрения его культуроносной функции» [10, 9]; «в лингвострановедении изучаются приемы и способы включения ознакомительно-познавательного потенциала языка в процессе преподавания этого языка иностранцам...» [10, 9].

Второй подход связан с разграничением понятий лингвокраеведение и лингвострановедение, лингворегионоввдение как минимум по двум параметрам: в аспектном отношении (что изучается) и субъектно-объектном (кто изучает и для кого предназначены получаемые знания).

Полагаем, что термины лингвокраеведение и лингвострановедение различаются не только по изучаемому объему языкового материала (в пределах края / в пределах страны), но и аспектом рассмотрении: если лингвострановедение изучает язык в его отношении к культуре, то лингвокраеведение изучает языковые особенности края в различных аспектах, учитывая не только культурную специфику, но и географическую (изучение топонимии, микротопонимии), этнографическую (изучение говоров и ономастикона, отражающих этнографические особенности края) и др. Отметим при этом, что лингвокраеведение необходимо рассматривать как научную и учебную дисциплину, которая изучает язык родного края и изучение осуществляется *носителями этого языка.*

Если изучение языка родного края осуществляется научным сообществом, можно говорить об академическом лингвокраеведении, а если учителями и школьниками, – то о школьном.

Можно соотнести термин лингвокраеведение с употреблявшимся в XIX веке термином родиноведение. Н.Ф. Бунаковым была написана «Программа родиноведения», которую он включил в «Родной язык как предмет обучения в народной школе с трехгодичным курсом» [7, 27–35], рассматривая *родиноведение* вместе с *отечествоведением* и *мироведением* [7, 27].

Обладая мультипредметной основой (в рамках лингвокраеведения языковая специфика края изучается исходя из синтеза различных знаний о крае: географических, исторических, архитектурных, археологических, культурных, биологических и иных), лингвокраеведение демонстрирует нам высокий научный и методический потенциал. Лингвокраеведение позволяет решать «задачи истинного познания своей Малой Родины», воспитания истинного патриотизма [18, 231; 268].

В сфере научного знания обычно определяется сущность дисциплины, ее предмет и задачи исследования, а затем уже возникают работы по методике обучения данному предмету. С лингвокраеведением наоборот: сначала мы фиксируем значительное число научных исследований, выполненных на основе применения лингвокраеведческого подхода, появление разнообразных программ, учебных и учебно-методических пособий, и при этом понимаем, что теория и методология лингвокраеведения еще не разработаны, то есть труды по методике лингвокраеведческой работы уже изданы, а теория не разработана в полной мере. В этом и видится актуальность проводимого исследования.

В настоящее время лингвокраеведение входит в сферу лингвистического знания, обладая лингвистическим предметом изучения, одновременно с этим лингвокраеведение носит интегративный характер, соприкасаясь в рамках краеведческой составляющей с различными областями научного знания. Современное лингвокраеведение имеет важное научное и прикладное (лингводидактическое) значение.

Литература

1. Азимов, Э.Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. – М.: ИКАР, 2009. – 448 с.
2. Бондалетов, В.Д. Лингвистическое регионоведение: предмет изучения / В.Д. Бондалетов // Русские народные говоры: история и современность: сборник статей Всероссийской науч.-практ. конф. – Арзамас: АГПИ, 2005. – С. 36–39.
3. Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К.С. Горбачевич. СПб.: Наука, 2007. – Т 8. – 839 с.; Расплыв – Розниться / Гл. ред. К.С. Горбачевич. – СПб.: Наука, 2014. – Т. 23. – 735 с.
4. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2014 // Грамота. ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gramota.ru/slovari/info/bts. – Дата доступа: 26.01.2022.
5. Брысина, Е.В. Региональная лингвистика: содержание и направления развития / Е.В. Брысина // Известия Волгоград. гос. пед. ун-та. – 2020. – № 2 (145). – С. 150–155.
6. Брысина, Е.В. Страноведческий потенциал донской казачьей культуры и диалекта / Е.В. Брысина, В.И Супрун // Мир русского слова. – 2021. – № 3. – С.4–13.
7. Бунаков, Н.Ф. Родной язык как предмет обучения в народной школе с трехгодичным курсом: лекции, чит. на пед. курсах. Моск. политехн. выст., в 1872 г. / Н.Ф. Бунаков. – СПб.: Д.Д. Полубояринов, 1900. – 135 с.
8. Бурыкин, А.А. Путеводители по Волге как источник поволжской ономастики / А.А. Бурыкин // Ономастика Поволжья: материалы XVII Междунар. науч. конф., Великий Новгород, 17–20 сент. 2019 г. / Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого; сост., ред. В. Л. Васильев. – Великий Новгород: ТПК «Печатный двор», 2019. – С.121–128.
9. Васильев, В.Л. Этимологические заметки о балто-славянской гидронимии исторических новгородско-псковских земель (Вселуг, Долосцо) / В.Л. Васильев // Вопросы ономастики. – 2021. – Т. 18. – № 1. – С.113–127.
10. Верещагин, Е.М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Русск. яз., 1990. – 246 с.

11. Верховых, Л.Н. Термин *лингвокраеведение* как обозначение особого направления в краеведении и страноведении / Л.Н. Верховых // Воронежское лингвокраеведение. Вып. 5. Межвузовский продолжающийся сборник научных трудов. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2021. – С.98–107.

12. Ганцовская, Н.С. Культуремы как этнодиалектные маркёры говоров Костромской низменности / Н.С. Ганцовская, Г.Д. Неганова // Притяжение Севера: язык, литература, социум: материалы I Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. – Петрозаводск: ПетрГУ, 2018. – Ч. 1. – С. 200–213.

13. Климкова, Л.А. Лингвокраеведение в отечественном научном и образовательном пространстве / Л.А. Климкова // Вестн. Костром. гос. ун-та. – 2017. – Т. 23. Спец. выпуск. – С.92–96.

14. Климкова, Л.А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мире: монография / Л.А. Климкова. – Москва; Арзамас: АГПИ, 2007. – 394 с.

15. Климкова, Л.А. Иллюстративная зона в региональном онимическом словаре/ Л.А. Климкова // Российская академическая лексикография: современное состояние и перспективы развития : сб. науч. ст. по материалам междунар. науч. конф., посвященной 70-летию выхода первого тома академического «Словаря современного русского литературного языка» / отв. ред. О.Н. Крылова, С.А. Мызников, М.Н. Приёмышева, Е.В. Пурицкая; Ин-т лингв. исслед. РАН. – СПб.: Инс-т лингв. исслед. РАН, 2018. – С.354–361.

16. Ковалев, Г.Ф. Основные ценности региональной микротопонимии / Г.Ф. Ковалев // Русское народное слово в языке и речи: сб. материалов Всероссийской науч.-практ. конф., посвященной 75-летию Арзамасского государственного педагогического института им. А.П. Гайдара. – Арзамас: АГПИ, 2009. – С.189–200.

17. Ковалев, Г.Ф. Изучение ономастики в школе как межпредметная интеграция на уроках русской словесности / Г.Ф. Ковалев // Русский язык в школе. – 2017. – № 12. – С. 22–28.

18. Ковалев, Г.Ф. Избранное. Этнонимика. Воронежское лингвокраеведение. Разное / Г.Ф. Ковалев. – Воронеж: Научная книга, 2014. – 440 с.

19. Ковалев, Г.Ф. Словарь микротопонимов Воронежской области: в 2-х т. / Г.Ф. Ковалев. – Воронеж, 2017. – Т.1: А-Л. – 412 с.; Т 2: М-Я. – 420 с.

20. Королева, И.А. Региональная топонимия: общность топонимической системы смоленско-витебского пограничья / И.А. Королева // Неофилология. – Тамбов, 2021. – Т. 7 (№ 27). – С.425–433.

21. Костючук, Л.Я. Топонимы в условиях Псковского пограничья (синхронно-диахронный аспект восприятия и исследования) / Л.Я. Костючук // Ономастика Поволжья: материалы XVIII Междунар. науч. конф.; Кострома, 9–10 сент. 2020 г.: в 2 т. / науч. ред. Н.С. Ганцовская, В.И. Супрун ; сост. и отв. ред. Г.Д. Неганова; Костромской гос. ун-т. – Кострома: Костромск. гос. ун-т, 2020. – Т.1. – С.58–64.

22. Курносова, И.М. Елецкие говоры в языке И.А. Бунина: монография / И.М. Курносова. – Елец, 2013. – 170 с.

23. Лихачев, Д.С. Краеведение как наука и деятельность / Д.С. Лихачев // Русская культура: сб. ст. / сост. Л.Р. Мариупольская. – М.: Искусство, 2000. – С. 159–173.

24. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.

25. Мезенко, А.М. Именослов Белорусского Поозерья в кругу ономастических исследований: проблемное поле, подходы, перспективы / А.М. Мезенко // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сб. науч. ст. / сост. А.М. Мезенко, Е.А. Зайцева, О.В. Шеверинова; под науч. ред. А.М. Мезенко. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2016. – С. 27–30.

26. Мезенко, А.М. Номинативные тенденции антропонимии начала XXI века / А.М. Мезенко // Ономастика Поволжья : материалы XVIII Междунар. науч. конф., Кострома, 9-10 сент. 2020 г.: в 2 т. / Костром. гос. ун-т ; науч. ред. Н.С. Ганцовская, В.И. Супрун ; сост. и отв. ред. Г.Д. Неганова. – Кострома: Костром. гос. ун-т, 2020. – Т. 1. – С.96–102.

27. Мызников, С.А. Апеллятивы и топонимы в Беломорье и Ярославско-Костромском Поволжье: опыт соспоставительного анализа / С.А. Мызников // Ономастика Поволжья : материалы XVIII Междунар. науч. конф., Кострома, 9–10 сент. 2020 г.: в 2 т. / Костром. гос. ун-т. ; науч. ред. Н.С. Ганцовская, В.И. Супрун ; сост. и отв. ред. Г.Д. Неганова. – Кострома: Костром. гос. ун-т, 2020. – Т. 1. – С. 111–119.

28. Мызников, С.А. Русские говоры Беломорья в контексте этноязыкового взаимодействия: опыт комплексного исследования / С.А. Мызников. – М.: СПб.: Нестор-История, 2021. – 912 с.

29. Неганова, Г.Д. Названия берега и форм берегового рельефа в говорах Костромской области: ландшафтно-географический аспект / Г.Д. Неганова // Неофилология. – Тамбов, 2021. – Т. 7 (№26). – С. 227–234.

30. Новикова, Т.Ф. Лингворегионоведение / Т.Ф. Новикова. – Часть 1: программа и программно-методические материалы. – Белгород: БелГУ, 2010. – 76 с.

31. Новикова, Т.Ф. К проблеме изучения языка региона [Электронный ресурс] / Т.Ф. Новикова // Научно методический журнал. – Харьков: ХНПУ, 2009. – № 41. – С. 107–113. – Режим доступа: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/761/1/Novikova_Problem.pdf – Дата доступа: 19.01.2022.

32. Супрун, В.И. Гефиронимы в русском онимическом пространстве / В.И. Супрун // Ученые записки: сб. науч. тр. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. – Т. 25. – С.204–210.

33. Супрун, В.И. Донская казачья свадьба «рыцарского периода»: источники описания / В.И. Супрун // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. – 2020. – № 2 (145). – С.155–162.
34. Супрун, В.И. Краеведческая ономастика / В.И. Супрун // Духовная культура: проблемы и тенденции развития: тез. докл. Всероссийск. науч. конф., 11–14 мая 1994 г. Лингвистическое изучение материальной и духовной культуры. – Сыктывкар, 1994. – С.142–144.
35. Супрун, В.И. Составные части региональной лингвистики / В.И. Супрун // Русские народные говоры: проблемы изучения: тез. докл. межвуз. науч. конф., посвященной 90-летию со дня рождения проф. Г.Г. Мельниченко, Ярославль, 20–22 окт. 1997 г. – Ярославль: ЯГПУ, 1997.– С. 25–27.
36. Хроленко, А.Т. История филологии: учеб. пособие / А.Т. Хроленко. – М.: Флинта, 2013. – 138 с.
37. Шейдаева, С.Г. Лингвистический аспект исследования истории и культуры региона / С.Г. Шейдаева // Филологический класс. – 2012. – № 2 (28). – С.79–83.
38. Щербак, А.С. Атрибутивность составных топонимов / А.С. Щербак // Ономастика Поволжья: материалы XVIII Международ. науч. конф., Кострома, 9–10 сент. 2020 г.: в 2 т. / науч. ред. Н.С. Ганцовская, В.И. Супрун; сост. и отв. ред. Г.Д. Неганова. – Кострома: Костром. гос. ун-т, 2020. – Т. 1. – С.135–140.
39. Щербак, А.С. Ономастика и краеведение / А.С. Щербак // Теория и практика ономастических и дериватологических исследований: коллективная монография / науч. ред. В.И. Супрун, С.И. Ильясова. – Майкоп: Магарин О.Г., 2017. – С.183–200.

Е.Н. Горегляд
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: ylgoregliad@yandex.ru

УДК 81'373.2-112(476.5)

Научная школа «Актуальные проблемы ономастики»: история и современность (к 20-летию со дня основания)

Ключевые слова: *научная школа, региональная ономастика, урбанонимия, антропонимия*

Статья подготовлена в связи с двадцатилетием со дня основания витебской научной школы «Актуальные проблемы ономастики». Уделено внимание истории создания и становлению школы. Рассматриваются основные направления деятельности научной школы, которые представлены фундаментальными и прикладными исследованиями в области ономастики. Определяется роль лидера научной школы в процессе исследовательской деятельности.

E.N. Garagliad
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

Scientific school «Actual problems of onomastics»: history and modernity (to the 20th anniversary of its foundation)

Key words*: scientific school, regional onomastics, urbanonymy, anthroponymy.*

The article was prepared in connection with the twentieth anniversary of the founding of the Vitebsk scientific school «Actual problems of onomastics». Attention is paid to the history of the creation and formation of the school. The main activities of the scientific school are considered, which are represented by fundamental and applied research in the field of onomastics. The role of the leader of the scientific school in the process of research activity is determined.

Современная научная школа представляет собой «социальный феномен», способствующий эффективному комплексному решению актуальных проблем определенного направления научной деятельности. В состав научной школы входят ученые для разработки

конкретных аспектов исследовательской программы, теоретико-методологических проблем, для обмена информацией, воспроизводства и распространения знаний. Создание таких объединений – это потребность науки и общества в целом. В основе создания научной школы лежит идея, сформулированная основателем и маркирующая направление поиска и отбора материала исследования, очерчиваются проблемы и методы исследования.

Одной из ведущих классических белорусских научно-исследовательских школ является витебская научная школа «Актуальные проблемы ономастики». Годом ее основания считается 2001, однако само направление ономастических исследований начало формироваться в регионе несколько раньше. Еще в 80-х годах прошлого века появились первые статьи профессора А.М. Мезенко, посвященные изучению названий улиц Витебска. Впоследствии материал исследования был расширен и представлен в монографии «Урбанонимия Белоруссии» (1991). Позднее вышла в свет книга «Имя внутригородского объекта в истории. Об урбанонимах Беларуси XIV – начала XX в.» (2003), которая, по мнению профессора А.Ф. Рогалева, открыла большие возможности для исследования многих процессов, происходивших в ономастической лексике на протяжении шести столетий.

Было понятно, что региональная ономастика представляет собой серьезное направление лингвистических исследований с множеством проблем, требующих решения. На базе кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета имени П.М. Машерова с целью разработки конкретной исследовательской программы начинает формироваться научный коллектив, включающий ряд ученых. Лидером научной школы должен быть человек, авторитет которого признан научным сообществом, исследователь, владеющий четким теоретическим и эмпирическим мышлением. Генератором идей, объединяющим началом витебской ономастической научной школы стала профессор А.М. Мезенко, которая обозначила векторы исследований, очертила цели, теоретические принципы и методологию будущих изысканий. Среди основных достижений профессора А.М. Мезенко – разработка концепции урбанонимики, определение антропоцентричности как отличительной черты белорусской урбанонимии, разработка принципов номинации внутригородских объектов, обоснование выделения самостоятельного раздела ономастики – виконимики и др.

Ведущими направлениями научных исследований, проводимых в рамках деятельности витебской ономастической школы, являются комплексный анализ онимической системы Беларуси, и прежде всего Витебщины, в синхронии и диахронии, всесторонняя разработка теории образования и функционирования оттопонимных дериватов, выявление модели ономастического пространства художественной литературы и др.

В частности, в ходе разработки темы «Язык и культура Белорусского Поозерья: история и современность» изучены структура, семантика и география фамилий жителей Белорусского Поозерья (Г.К. Семенькова), особенности номинации культурно-бытовых учреждений Беларуси (Е.О. Сапегина), оттопонимные дериваты Витебской области (В.М. Генкин), антропонимная система Витебщины и Могилевщины XVI–XVIII вв. (О.М. Ляшкевич), выявлена динамика личных имен жителей Витебска и Витебского района (Ю.М. Галковская), проанализирована зависимость региональных антропонимических процессов от культурных и социально-политических реалий в динамическом и социолингвистическом аспектах (Т.В. Скребнева), составлен реестр экклезионимов Белорусского Поозерья (О.А. Лукина), установлена социальная стратификация личных имен в городском антропонимиконе, определены социальные параметры использования личных имен в городском окружении (И.А. Лисова). Исследованию ономастического пространства художественного текста посвящены работы А.Н. Деревяго, Т.П. Слесаревой, лимнонимию региона изучала Т.И. Синкевич. Сопоставлению русскоязычной и китайской урбанонимии посвящена кандидатская диссертация Ван Ли.

Одной из задач научной школы является трансляция культурных норм и ценностей. В 2016–2020 г. проводилась научно-исследовательская работа по изучению социокультурных особенностей Белорусского Поозерья в рамках темы «Белорусские собственные имена в социуме, произведениях художественной литературы и фольклора». Цель работы – выявить специфику социокультурного пространства региона, роль социокультурных компонентов топонимии, антропонимии, зоонимии, прагматонимии. Исполнителями темы впервые проанализировано взаимодействие и взаимовлияние ономастики, культуры и социума Белорусского Поозерья – региона, который является одним из крупнейших в стране, рассмотрены ойконимы как язык культуры, наименования топографических объектов внутри поселений (в том числе виконимы, урбанонимы, хортенсионимы), а также изучена мотивация выбора имени новорожденного как способ репрезентации культурного кода. Промежуточным итогом такой значительной работы стала изданная в 2017 году коллективная монография «Белорусское Поозерье: культура – ономастика – социум» (А.М. Мезенко, Т.Ю. Васильева, Ю.М. Галковская, М.Л. Дорофеенко).

Всего в ходе разработки темы были подготовлены шесть монографий, два учебника, более двухсот научных статей и докладов, в том числе за пределами Беларуси, защищены две диссертации на соискание степени доктора филологических наук, семь кандидатских диссертаций.

Научная школа «Актуальные проблемы ономастики» по характеру связей между поколениями относится к многоуровневым школам, поскольку одной из ее задач является подготовка последователей, научной смены. Преемственность поколений в рамках научной школы выявляется, в частности, посредством руководства написанием магистерских и дипломных работ, посвященных различным аспектам ономастических исследований. К настоящему времени защищено более двух десятков магистерских диссертаций, выполненных в русле ономастики. В работу научной школы включились перспективные молодые исследователи Дулова Ю.В., Лазарев П.Д., Коврыга В.М., Близнюк Д.В.

Витебская ономастическая школа является практико-ориентированной. Логическим продолжением фундаментальных трудов становятся прикладные исследования. Представителями научной школы подготовлены и изданы материалы, позволяющие углубленно изучать проблемы ономастики в рамках школьного и вузовского курсов. Среди таких изданий – учебные и учебно-методические пособия «Белорусская ономастика. Топонимия»; «Беларуская анамастыка»; «Беларуская антрапанімія»; «Имя собственное в художественном тексте»; «Ойконимия и катойконимия Белорусского Поозерья», «Ономастика Беларуси. Топонимия», «Ономастика Беларуси. Антропонимия», программно-методический комплекс «Актуальные проблемы урбанонимики» для студентов и магистрантов и др. В них содержатся теоретические сведения и тренировочные материалы, позволяющие обучающимся как проводить самостоятельную работу, так и осуществлять самоконтроль. Результаты исследований внедрены в производственный и учебный процесс ряда организаций и образовательных учреждений города и области, а также Смоленского государственного университета. Отметим, что научные работы студентов и магистрантов, выполненные в русле ономастики, неоднократно удостаивались дипломов Республиканского конкурса НИРС.

Несколько лет на базе филиала кафедры общего и русского языкознания в ГУО «Гимназия №2 г. Витебска» плодотворно работает научный кружок студентов и школьников «Имена собственные во времени и пространстве» под руководством доцентов кафедры общего и русского языкознания Т.В. Скребневой, В.М. Генкина и учителя-методиста Е.К. Моисеевой. К участию в работе кружка привлечены студенты и магистранты факультета гуманитаристики и языковых коммуникаций, учащиеся гимназии.

Научное сообщество нуждается в постоянных контактах, обмене информацией. Представители витебской ономастической школы сотрудничают с вузами и академическими институтами Беларуси, стран ближнего и дальнего зарубежья в области научных

исследований и организации международных конференций. Проявлением признания результатов деятельности школы за рубежом выступает расширяющееся с каждой последующей витебской конференцией представительство в ней ученых-ономастов из России, Украины, Польши, Литвы, Латвии.

Особо стоит отметить многолетнее и успешное сотрудничество со Смоленским государственным университетом. Благодаря в первую очередь лидерским качествам профессоров И.А. Королевой и А.М. Мезенко проводятся конференции «Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования» и «Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования», в которых приняли участие как зарекомендовавшие себя ученые, так и те, кто только начинает свой путь в науке.

В 2021 году представителями витебской ономастической школы начато изучение традиций и новаций в развитии языка и культуры Белорусского Поозерья в рамках темы «Беларуская мова: этналігвістычны, сацыялінгвістычны і лінгвакультуралагічны аспект даследавання». Целью такого исследования является установление особенностей проявления и взаимодействия языковых и культурных традиций и новаций в разных типах дискурса названного региона. На первом этапе выявлены сходства и различия репрезентации гендерного состава восточнобелорусской и западнорусской урбанонимии, выявлены гендерные соотношения в зеркале урбанонимикона Витебска и Белостока начала XXI века, а также гендерные особенности сельского именника во второй половине XX века.

Деятельность представителей научной школы «Актуальные проблемы ономастики» позволяет восполнить имеющиеся пробелы исследовательского поля этого направления лингвистических исследований, способствует расширению понятийного аппарата данной отрасли лингвистики, дает возможность обнаружить взаимодействие и взаимовлияние ономастики, культуры и социума. При этом результаты проведенных исследований не изолированы в рамках школы, а распространяются на смежные дисциплины (историю языка, культурологию, историю Беларуси и др.).

Общественным признанием витебской ономастической школы стало награждение профессора А.М. Мезенко медалью Франциска Скорины (2010 г.), Почетной грамотой Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь за многолетнюю плодотворную работу по подготовке и аттестации научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации (2021 г.), Грамотой Государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси» за высокие показатели в развитии науки и инновационной деятельности, плодотворное сотрудничество с филиалом «Институт языкознания имени Якуба Коласа» (2021 г.), а также присвоение Почетного звания «Заслуженный работник образования Республики Беларусь» за многолетний плодотворный труд, высокий профессионализм, заслуги в развитии сферы образования и науки (2020 г.). Грамотами и дипломами разного уровня также награждены многие представители ономастической школы. Однако статус и положение членов школы определяются не количеством наград, не уровнем их образования, учеными степенями и званиями, а тем реальным вкладом, который они вносят в развиваемую школой систему знаний.

За двадцать лет своего существования витебская научная школа «Актуальные проблемы ономастики» зарекомендовала себя как сложившийся коллектив единомышленников, имеющий известность в научном сообществе, демонстрирующий высокий уровень исследовательского потенциала, оригинальность идей, обладающий научной репутацией, имеющий традиции и сохраняющий преемственность поколений.

Основные труды представителей школы

1. Белорусское Поозерье: культура – ономастика – социум: монография / А.М. Мезенко [и др.] / науч. ред. А.М. Мезенко. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2017. – 202 с.

2. Генкин, В.М. Современная ойконимия витебского пограничья как объект лингвокультурного изучения / В.М. Генкин // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»: сб. науч. тр. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. – Т.25. – С. 56–61.

3. Горегляд, Е.Н. Использование ономастического материала в обучении иностранных студентов-филологов / Е.Н. Горегляд // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сб. науч. ст. / сост.: А.М. Мезенко, М.Л. Дорофеенко, Ю.В. Дулова, О.В. Шеверинова; под науч. ред. А.М. Мезенко. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. – С.7–10.
4. Мезенко, А.М. Ономастика Беларуси. Антропонимия: учебник / А.М. Мезенко [и др.]. – Минск: РИВШ, 2017. – 398 с.
5. Мезенко, А.М. Ономастика Беларуси. Топонимия: учебник / А.М. Мезенко [и др.]; под ред. А.М. Мезенко. – Минск: РИВШ, 2018. – 320 с.
6. Мезенко, А.М. Теория имени собственного: учебное пособие / А.М. Мезенко, В.М. Генкин, А.Н. Деревяго. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2022. – 195 с.
7. Муратова, Е.Ю. Прецедентное имя в поэтическом тексте как источник национально-культурных смыслов / Е.Ю. Муратова // Мова і культура. (Науковий журнал). – К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2018. – Вип. 21. – Т. II (191). – С. 288–294.
8. Николаенко, С.В. Регионалистика и лингводидактика: повышение мотивации учащихся к изучению языка через реалии родного края / С.В. Николаенко // Славянские ценности в коммуникативном пространстве регионов: коллективная монография / Под ред. В.А. Масловой, М.В. Пименовой. – Минск: Энциклопедикс, 2017. – 268 с.
9. Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сб. науч. ст. / сост. А.М. Мезенко [и др.]; под науч. ред. А.М. Мезенко. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. – 328 с.
10. Синкевич, Т.И. Лимнонимия Витебщины: история и современность / Т.И. Синкевич // Вестн. БрГУ. Серия 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – Брест, 2017. – С. 5–12.
11. Скребнева, ТВ. Гендерные особенности сельского именника во 2-й половине XX века / Т.В. Скребнева // Вестн. Минск. гос. лингвист. ун-та. Сер. 1, Филология. – 2020. – № 3 (106). – С. 97–104.
12. Слесарева, Т.П. Антропонимы в повести Владимира Короткевича «Листья каштанов»: семантический аспект / Т.П. Слесарева // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сб. науч. ст. / сост. А М. Мезенко, М.Л. Дорофеенко, Ю.В. Дулова, О.В. Шеверинова; под науч. ред. А.М. Мезенко. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. – С. 257–260.
13. Dorofeenko, M. Религиозная лексика в названиях улиц Беларуси и Франции / M. Dorofeenko // Chrzescijanskije dziedzctwo duchowe narodow slowianskich. Literatura. Jezyk. Kultura. Historia. Сер. «Monastycyzm I mistycizm w literaturze, kulturze I jezyku Slowian». – Bialystok: Uniwersytet w Bialymstoku. – S. 417–427.
14. Języki ruskie w rozwoju historycznym i kontaktach z polszczyzną / pod red. Lilii Citko. – Białystok: Prymat, 2018. (Раздзел: Мезенко, А. Восточнославянские флористические названия улиц в сопоставительном аспекте. – S. 223–231).
15. Monastycyzm i mistycyzm w literaturze, języku i kulturze Słowian. – Suprasl, 2020. (Раздел: Мезенко А.М. Церковные названия внутригородских линейных объектов в урбанонимной системе Беларуси: территориальная дифференциация. – С. 183–194).

Е.Е. Иванов
Могилевский государственный университет
имени А.А. Кулешова
e-mail: ivanov-msu@mail.ru

УДК 81’373.23+811.111

Фоновая семантика антропонимов

Ключевые слова: *имя собственное, антропоним, значение, фоновая семантика, английский язык, преподавание иностранного языка, межкультурная коммуникация.*

В статье рассматривается проблема языкового значения имени собственного. Описываются компоненты значения имени собственного. Рассматривается феномен культурного коннотативного фона имени собственного как предмет межкультурной коммуникации. Определяются характеристики культурной семантики антропонимов английского языка в аспекте его преподавания как иностранного.

E.E. Ivanov
Mogilev A.A. Kuleshov State University

Background semantics of anthroponyms

Key words: *proper name, anthroponym, meaning, cultural background, English, foreign language teaching, intercultural communication.*

The article deals with the problem of the linguistic meaning of a proper name. The components of the meaning of a proper name are described. The phenomenon of the cultural connotative background of the proper name is considered from the point of view of intercultural communication. The characteristics of the cultural semantics of anthroponyms of the English language are determined in the aspect of its teaching as a foreign language.

Проблема определения объема и специфики значения имени собственного до сих пор является предметом активных дискуссий в лингвистике. Актуальным в этой связи является рассмотрение фоновой семантики антропонимов в аспекте преподавания иностранного языка. Разработка данной проблемы на материале английского языка ведется преподавателями Могилевского государственного университета А.А. Кулешова в течение последних десяти лет [1].

Разнообразие мнений философов и лингвистов по вопросу семантики имени собственного можно свести к трем основным точкам зрения.

Традиционная и наиболее известная трактовка восходит к работам английского философа Дж. Милля, утверждавшего, что собственные имена не обладают значением, поскольку они, по его мнению, не «коннотируют» (не обозначают), а «денотируют» (называют). Дж. Милль не без оснований полагал, что имена собственные являются ярлыками (метками), помогающими узнавать предметы и отличать их друг от друга. Вслед за ним называют имена собственные «пустыми», «асемантичными» и т.п. такие авторитетные лингвисты, как А.А. Реформатский, О.С. Ахманова, Н.Д. Арутюнова, Н.И. Толстой и др. Так, по известному мнению Н.И. Толстого, у имени собственного нет значения (семантики), но есть информация (содержание).

Согласно противоположной точке зрения, имена собственные также обладают значениями. Эту концепцию особенно убедительно обосновал в свое время датский лингвист О. Есперсен, который в монографии «The Philosophy of Grammar» (1924) остро критикует позицию Дж. Милля и полагает, что имена собственные имеют даже большее по объему значение, чем имена нарицательные, поскольку непосредственно зависят от степени осведомленности коммуникантов о денотатах, обозначенных именем собственным [2, 71–77]. Данного подхода придерживаются такие известные специалисты по ономастике, как В.А. Никонов, А.В. Суперанская, Л.М. Щетинин, В.И. Болотов и др. Так, А.В. Суперанская отмечает, что «ономастическая семантика – совершенно особый тип семантики, поразному проявляющийся на уровне языка и речи» [3, 323], утверждая, что в семантику имен собственных следует включать и субъективные и социально обусловленные факторы, и все те эмоции, которые референт вызывает у говорящего.

Согласно третьей точке зрения, имена собственные имеют собственное значение в языке и в речи, но совершенно другого типа, чем имена нарицательные. Эта теория развивается в работах Л.В. Щербы, Е. Куриловича, Ю.А. Карпенко, Т.Н. Кондратьевой и др. отечественных и зарубежных лингвистов. Так, по мнению В.Д. Бондалетова, под значением имени собственного понимаются разные вещи, к тому же увиденные с разных точек зрения [4, 22].

Говоря о значении имени собственного, исследователи в первую очередь отмечают значение предметности, то есть имя сообщает о наличии некоего объекта. Кроме того, имена собственные несут в себе определенную информацию о данном объекте и его

свойствах. Эта информация может быть известной только в узком кругу людей. Так, в широко известной работе Д.И. Ермоловича «Имена собственные на стыке языков и культур» (2001) выделяется ряд компонентов в значении имени собственного: а) бытийный (интродуктивный) – существование и предметность обозначаемого, что является общим для всех предметных словесных знаков, и имен нарицательных, и имен собственных, т.е. – существует такой предмет; б) классифицирующий – отнесенность предмета к определённому классу, к денотату имени, что представляет собой как бы свернутое сообщение, например, этот предмет – человек; в) индивидуализирующий – предназначение того или иного имени для наречения одного из предметов в рамках денотата, что дифференцирует данный отдельный предмет как референт имени, т.е. комбинация всех трех компонентов несет информацию, например, есть такой человек, который зовется *Смитом*; г) характеризующий – набор признаков референта, которые являются достаточными, чтобы собеседники понимали, о чём или о ком идёт речь, например, антропоним *Шекспир* [5, 12].

Следует отметить, что значение имени собственного вовсе не исчерпывается указанными компонентами. Так, антропонимы часто дают больше информации даже при условии, что носитель языка не знаком с их обладателями, например, имена героев произведений художественной литературы (значащие имена *Отелло*, *Гамлет*, *Ловелас*, *Кассандра* и др.).

Антропонимы имеют свою специфическую семантическую структуру, которая учитывает не только внутрилингвистические, но и экстралингвистичекие факторы. В семантику антропонима входят компоненты, которые отражают лексические, лексико-грамматические и грамматические характеристики имени: его семантический признак, указывающий на категориальную принадлежность антропонима к существительным; семантический признак принадлежности человеческому сообществу; семантический признак пола; семантический признак лица; семантический признак автономности, отличающий имя собственное от имени нарицательного и т.д. Например, В.А. Никонов в значении антропонимов выделяет три его аспекта: 1) доантропонимическое, т.е. этимологическое; 2) собственно антропонимическое, т.е. указание на объект, его называние; 3) отантропонимическое («постантропонимическое») значение, придающее нейтральному знаку некоторое «идеологическое» содержание со стороны лица, которое данный знак обозначал [6, 45]. Так, английское личное имя *Arthur* ассоциируется с именем короля Артура, персонажа средневековых легенд Британии, олицетворяющего нравственный идеал рыцарства. В данном случае имеет место не только о языковое, но и о речевое значение имени собственного в виде комплекса ассоциаций, возникающих под влиянием культурно-исторического контекста и варьирующихся от индивида к индивиду в зависимости от множества экстралингвистических факторов. Именно поэтому отантропонимическое значение по сравнению как с доантропонимическим, так и с антропонимическим значениями наиболее подвержено изменениям в зависимости от исторического контекста, речевой ситуации, уровня знаний говорящего и прочих факторов.

Вариативность отантропонимического значения является естественным в силу высокой степени социальной детерминированности его объема и его семантических характеристик. Тем не менее, в нем можно выделить общий для всех носителей языка компонент фоновой семантики. Несмотря на то, что фоновая коннотация является скрытым компонентом значения языковой единицы, она осознается носителями языка на основе культурно-маркированных ассоциаций, культурных стереотипов, а также фоновых знаний. В структуре антропонимов актуализируются различные культурные и социальные коннотации. Антропоним, обладая определенным значением в языке, в тексте обогащается дополнительным содержанием. Семантический потенциал личного имени в тексте находится в постоянном движении и развивается в сторону усложнения, насыщения индивидуальными характеристиками персонажа.

Поэтому антропонимы можно и нужно рассматривать как культурно-языковой код, который теснейшим образом связан с менталитетом и национальным характером носителей языка. Для лингвиста как раз и важны устойчивые ассоциации антропонима с теми или иными фактами культуры. То или иное имя в силу различных обстоятельств может становиться знаменательным для целого народа – таковы имена прославленных общественных и культурных деятелей, гениальных представителей науки и искусства, широко известных фольклорных и литературных персонажей, популярных киногероев и др. Так, при упоминании имени *Charles*, в сознании активизируется информация, которую можно представить в виде цепочки ассоциаций: «*Чарльз – Дарвин – принц Чарльз – королева Елизавета*» и т.д. Важно помнить то, что содержание этой цепочки различно для разных индивидов, и зависит от объема их культурной грамотности, фоновых знаний, пресуппозиций и т.д. Вместе с тем, многие антропонимы выполняют функцию хранения и трансляции традиций, истории, культуры народа.

Большинство английских антропонимов обладают богатой и разнообразной фоновой семантикой, закрепленной в сознании носителей англоязычной культуры в виде устойчивых ассоциаций, связанных с тем или иным именем (*Elizabeth II, William Shakespeare, The Beatles, Walter Scott* и др.). В результате закрепления ассоциаций разного рода множественные антропонимы в большинстве случаев либо получают способность выразить идею «типичного представителя», либо становятся стандартными прозвищами. Например, *Jock, Mack* – шотландец; *Paddy* – ирландец; *Jack, Mac* – американские сленговые обращения к мужчине; *Jane* – девчонка; *Mary Jane* – типичное «имя» английской служанки; *Tommy Atkins* – солдат, служака; *Dick* – сыщик; *Bobby* –полицейский (английский); *Darby and Joan* – счастливая супружеская пара и т.д. Развитием гендерного признака являются фоновые ассоциации, на которых базируются антропонимы со значением «уличная женщина» (*Moll, Poll*), «женственный мужчина» (*Cissy, Jessie, Nancy, Mary*). Наиболее часто встречающееся имя становится национальным символом. В английской лингвокультуре таким именем является *Jack* (аналогично русскому *Иван*), который широко представлен в англоязычном фольклоре*: All work and no play make Jack a dull boy; Jack of all trades and master of none; Before one can say Jack Robinson; Every man Jack; Jack would be a gentleman if he had money (if he could speak French).* Ассоциации социального порядка связаны с распространенностью личного имени в той или иной общественной среде. Широкое употребление ряда имен в провинции способствовала их использованию в значении «сельский житель, деревенщина», что послужило причиной возникновения устойчивой ассоциации и соответствующей коннотации. Это свойственно, например, мужским именам *Dick* (дериват имени *Richard*), *Hodge* (от *Roger*), *Rob* (от *Robert*) и женским *Jenny, Molly.*

Большую роль в формировании фоновой семантики антропонимического кода культуры играют художественная (эстетическая) антропонимия, которая базируется на национальных традициях возникновения и функционирования личных имен и дает носителю языка различные устойчивые пространственно-временные ориентиры (место действия, время, социальный статус участников событий и т.п.). Любой антропоним в художественном тексте кодирует социокультурную и прагматическую информацию. Антропонимы в художественном тексте реализуют свой коннотативно-экспрессивный потенциал, обусловленный способностью их семантики к накоплению различных фоновых ассоциаций.

Так, герои произведений Шекспира, принадлежащие к придворной знати, носят имена *King John, Richard II, King Lear, Macbeth, Henry* и др. Экзотические имена носят герои комедий Шекспира, действие которых происходит за пределами Англии: *Sebastian, Antonio*; простолюдины имеют этимологически английские имена: *Dogberry, Mistress Overdone, Speed.* Мастерство и талант имятворчества ярко продемонстрировал

У. Теккерей, который использовал много имен, этимологизирующихся без контекста и релевантных качествам персонажей (сладкоречивые *Archbishop of Mealy potatoes* и *Charles Honeyman*, миссионер *Silas Hornblower* и др.) либо легко этимологизирующихся в контексте (пастор *Felix Rabbits* от лат. *felix* (счастливый) и *rabbit* (кролик), *Rebecca Sharp, Squire Balance* и др.).

Фоновая семантика в отношении антропонимов и других имен собственных понимается как совокупность наиболее типичных социокультурных, исторических, экспрессивных и прочих ассоциаций носителей языка, в том числе зафиксированных в справочных и иных текстовых источниках в отношении того или иного имени. Фоновая семантика антропонимов иностранного языка может быть декодирована и описаны. Антропонимический фон является значимым элементом в системе языка и культуры, знание фоновой семантики антропонимов способствует постижению национальной культуры и языка другого народа.

В антропонимической системе лингвокультуры выделяются единицы, которые относятся к ядру языковых средств, хранящих в себе и транслирующих культурную информацию, играющих ведущую роль в формировании шкалы ценностей и моделей мировосприятия и поведения носителей данного лингвокультурного сообщества. Эти единицы способствуют формированию дополнительных смысловых ассоциаций при изучении иностранного языка, поэтому должны описываться в лингводидактическом плане. Хорошее знание антропонимической системы иностранного языка способствует формированию языковой компетенции в области межкультурной коммуникации, что является важнейшим компонентом качества лингвистического образования [7].

На кафедре теоретической и прикладной лингвистики факультета иностранных языков Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова создан комплекс учебных пособий по практике английской устной и письменной речи с грифом Министерства образования Республики Беларусь [8] и учебно-методических пособий по отдельным темам преподавания практики английского языка как основного иностранного в вузе (с грифом УМО по гуманитарному образованию) [9–20], в которых отражены предметно-тематические реализации антропонимического кода английского языка. Отдельно отражены в учебных пособиях языковые (грамматические и фонетические) свойства антропонимов [21–23], а также их использование в составе фразеологизмов и пословиц [24–26]. Разработано и обобщающее учебно-методическое пособие «Антропонимия английского языка» (2013) [27], которое используется для преподавания одноименного специального курса [28], направленного на формирование лингвистических и фоновых знаний в сфере использования английских антропонимов.

Литература

1. Козылева, М.В. О коннотативном значении имени собственного (на материале английских антропонимов) / М.В. Козылева // Куляшоўскія чытанні: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 27–28 апреля 2011 г. / Могилев. гос. ун-т имени А.А. Кулешова; редкол.: Е.А. Болтовская, Т.С. Воробьева, И.С. Елисеева [и др.]. – Могилев, 2011. – С. 121–124.

2. Есперсен, О. Философия грамматики = The philosophy of grammar / О. Есперсен; пер. с англ. В.В. Пассека и С.П. Сафроновой; под ред. и с предисл. Б.А. Ильиша. – 3-е изд., стер. – М.: URSS; Ленанд, 2006. – 404 с.

3. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 366 с.

4. Бондалетов, В.Д. Русская ономастика / В.Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.

5. Ермолович, Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур / Д.И. Ермолович. – М.: Р. Валент, 2001. – 199 с.

6. Никонов, В.А. Имя и общество / В.А. Никонов. – М.: Наука, 1974. – 278 с.

7. Иванов, Е.Е. Качество лингвистического образования в Республике Беларусь (в аспекте межкультурной коммуникации) / Е.Е. Иванов // Проблемы качества образования в Белоруссии и России в контексте интеграционных процессов: в 2 ч. / Российская академия образования; под ред. М.И. Вишневского, В.В. Мосолова. – М.: РАО, 2008. – Ч. 1. – С. 161–170.

8. Василенко, Е.Н. Английский язык. Развитие навыков устной и письменной речи = English. Developing Speaking and Writing Skills: учеб. пособие: в 2 ч. / Е.Н. Василенко, Е.Е. Иванов, А.Н. Шестернёва. – Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2020. – Ч. 1. – 348 с.; Ч. 2. – 232 с.

9. Василенко, Е.Н. Основной иностранный язык = Speech practice: Sport = Практика речи: спорт: учеб.-метод. пособие / Е.Н. Василенко, Л.В. Глуханько, В.В. Рингевич, А.Н. Шестернёва. – Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2018. – 104 с.

10. Василенко, Е.Н. Практика речи: Болезни XXI в. = Speech practice: 21st Century Diseases: учеб.-метод. пособие / Е.Н. Василенко, Л.В. Глуханько, А.Н. Шестернёва. – Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2018. – 88 с.

11. Василенко, Е.Н. Практика речи: Забота о здоровье = Speech practice: Healthcare: учеб.-метод. пособие / Е.Н. Василенко, Л.В. Глуханько, А.Н. Шестернёва. – Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2018. – 96 с.

12. Василенко, Е.Н. Практика речи: Личность = Speech practice: Person and Personality: учеб.-метод. пособие / Е.Н. Василенко, А.Н. Шестернёва. – Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2018. – 148 с.

13. Василенко, Е.Н. Практика речи: Отдых и досуг. Путешествия = Speech practice: Recreation & Leisure. Travelling: учеб.-метод. пособие / Е.Н. Василенко, В.В. Рингевич, А.Н. Шестернёва; под ред. Е.Н. Василенко. – Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2019. – 108 с.

14. Василенко, Е.Н. Практика речи: Работа = Speech practice: Jobs: учеб.-метод. пособие / Е.Н. Василенко, Л.В. Глуханько, А.Н. Шестернёва. – Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2019. – 104 с.

15. Василенко, Е.Н. Практика речи: У карты мира. Городская жизнь = Speech practice: World Map. City Life: учеб.-метод. пособие / Е.Н. Василенко, В.В. Рингевич, А.Н. Шестернёва. – Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2019. – 132 с.

16. Глуханько, Л.В. Основной иностранный язык. Уровень 1. Практика речи. Лексика: правильный выбор слова = English Speech Practice. Level 1. Lexical Meaning: Choosing the Rigt Word: учеб.-метод. пособие / Л.В. Глуханько. – Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2020. – 68 с.

17. Глуханько, Л.В. Основной иностранный язык. Уровень 2. Практика речи. Лексика: правильный выбор слова = English Speech Practice. Level 2. Lexical Meaning: Choosing the Rigt Word: учеб.-метод. пособие / Л.В. Глуханько. – Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2021. – 64 с.

18. Глуханько, Л.В. Основной иностранный язык. Уровень 3. Практика речи. Лексика: правильный выбор слова = English Speech Practice. Level 3. Lexical Meaning: Choosing the Rigt Word учеб.-метод. пособие / Л.В. Глуханько. – Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2020. – 64 с.

19. Книга, Ю.А. Практика речи: Жилье = Speech practice: Housing and accommodation: учеб.-метод. пособие / Ю.А. Книга. – Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2019. – 76 с.

20. Якубова, В.Ю. Практика речи: Питание = Speech Practice: Food and Meals: учеб.-метод. пособие / В.Ю. Якубова; под ред. Е.Н. Василенко. – Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2019. – 116 с.

21. Голякевич, Н.Д. Практическая грамматика английского языка: морфология: учеб.-метод. пособие / Н.Д. Голякевич, С.П. Зубрий. – Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2016. – 228 с.

22. Голякевич, Н.Д. Практическая грамматика английского языка: морфология = Practical English Grammar: Morphology: учеб. пособие / Н.Д. Голякевич, С.П. Зубрий, Е.Е. Иванов. – Минск: РИВШ, 2019. – 268 с.

23. Петрушевская, Ю.А. Основной иностранный язык. Уровень 1: практическая фонетика: вводно-корректив ный курс = First foreign language. Level 1: Practical Phonetics: Introductory Course: учеб.-метод. пособие / Ю.А. Петрушевская. – Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. – 116 с.

24. Иванов, Е.Е. Курсовые работы по языкознанию (фразеология, паремиология, афористика английского языка): учеб.-метод. пособие / Е.Е. Иванов, Ю.А. Петрушевская. – Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2016. – 204 с.

25. Иванов, Е.Е. Английские пословицы: из литературы и в литературе: этимология, функционирование, варианты = English Proverbs: from Literary Texts, in Literary Texts: Etymology, Usage, Variability / Е.Е. Иванов, Ю.А. Петрушевская. – Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. – 76 с.

26. Иванов, Е.Е. Происхождение и история английских пословиц = The Etymology and History of English Proverbs / Е.Е. Иванов, Ю.А. Петрушевская. – Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2019. – 80 с.

27. Козылева, М.В. Антропонимия английского языка: учеб.-метод. пособие / М.В. Козылева. – Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2013. – 137 с.

28. Козылева, М.В. О содержании спецкурса «Антропонимия английского языка» / М.В. Козылева // Актуальные проблемы преподавания иностранных языков в высшей школе Республики Беларусь: сб. науч. ст. / под ред. Е.Е. Иванова. – Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2011. – С. 172–175.

Л.А. Климкова
Арзамасский филиал Нижегородского государственного
университета им. Н.И. Лобачевского
(Арзамас, Россия)
e-mail: dialekt_arz@mail.ru

УДК 811.161.1373.2(082)

Онимический компонент языковой личности бывшего сельского жителя

Ключевые слова: *языковая личность, диалектная языковая личность, онимический компонент языковой личности, первичный онимический пласт, микротопонимия, микроантропонимия.*

В статье рассматривается онимический компонент языковой личности бывшего сельского жителя. Утверждается факт градуальности формирования этого компонента. Особое внимание обращено на его первичный, диалектонимический, пласт, включающий микротопонимию и микроантропонимию, на который с течением времени наслаиваются как вторичные пласты элементы других онимических систем. Делается вывод о сохранности первичного онимического пласта на протяжении всей жизни языковой личности и об актуализации его в коммуникативном жанре воспоминаний, в связи с чем прослеживается аналогия с диалектным апеллятивным компонентом языковой личности.

L.A. Klimkova
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch
(Russia, Arzamas)

Onymic component of the language personality of a former villager

Key words: *language personality, dialect language personality, onymic component of a language personality, primary onymic layer, secondary onymic layer, microtoponymy, anthroponymy.*

The article considers the onymic component of the language personality of a former villager. The fact of gradualness of this component formation is confirmed. Special attention is paid to the primary, dialectonymic, layer, which includes microtoponymy and microanthroponymy and gets as a secondary layer elements of other onymic systems over time. The conclusion is made about the preservation of the primary onymic layer throughout the life of the language personality as well as its actualization in the communicative genre of memories, thus we observe an analogy with the dialect appellative component of the language personality.

Формирование в русистике понятия *языковая личность* и его актуализация во 2-й половине XX века в рамках антропоцентрической парадигмы языкознания привели к созданию теории языковой личности (ЯЛ) как феномена – коммуникативной персонологии. Этот феномен получил глубокое осмысление, полипараметрическую разработанность; проявлены разные аспекты, компоненты ЯЛ, разные подходы к ее рассмотрению; создана многоуровневая модель ЯЛ, причем базовой является трёхуровневая, предложенная Ю. Н. Карауловым [4, 38]; сформирована разветвленная типология языковых личностей исходя из субъектно-характерологической, субъектно-статусной, психологической, социумной, социокультурной, этнокультурной и др. сущностей (мы уже подчеркивали это с указанием имен исследователей и их работ [см. 7; 8; 9].

При рассмотрении ЯЛ внимание сосредоточивается обычно (прежде всего) на ее апеллятивном компоненте. То же касается и диалектной языковой личности [см., однако: 2], а также и ЯЛ бывшего сельского жителя [ср.: 7, 33-42; 1, 110-121]. Неоднократно отмечено, что у среднего, рядового носителя языка (нормальная, нейтральная ЯЛ [см.: 3, 19]) объем словарного запаса (словарная ЯЛ) составляет предположительно 8-10 тысяч единиц, больший объем, тем более значительно больший, зависит от более высокого интеллектуального уровня личности. (Кстати, словарный запас у представителей современной молодёжи исчисляется, по некоторым признаниям, двумя-тремя тысячами единиц). Однако в любой ЯЛ, в том числе и диалектной, и бывшего сельского жителя есть, занимает определенное место и онимический компонент. Вопрос о его объеме стается открытым. В самом русском языке, в русской языковой картине мира онимический компонент колоссальный: свыше двухсот миллионов единиц, от микро- до макро- и мегаимен (см. мнение Ю.А. Карпенко). Конечно, лишь малая толика его входит в словарный запас отдельной, индивидуальной языковой личности.

Формирование онимической картины мира, онимического компонента ЯЛ имеет градуальный характер. Направление его динамики, структура являются общими, характерными для любой ЯЛ.

Первичный пласт онимического компонента ЯЛ является локальным, в него входят усвоенные личностью еще в детстве названия тех объектов, с которыми связано её физическое и социальной бытие, на которых протекает повседневная жизнь, а также именования лиц, входящих в её непосредственное коммуникативное пространство, то есть (микро)топонимия (в городе – урбанонимия) и (микро) антропонимия.

С течением времени, по мере взросления личности, приобретения, накопления ею жизненного опыта, расширения кругозора в результате образования и самосовершенствования объем онимического компонента увеличивается за счет единиц смежных локальных микросистем (населенных пунктов разной степени удаленности), произведений устного народного творчества, а также тех, что узнаются, усваиваются при изучении школьных предметов (литературы, истории, географии и др.), при чтении художественной литературы, публицистики. Так в соответствии с принципом центробежности осуществляется выход ЯЛ в другие онимические пространства – региональное разного диапазона, фольклорное, научное, художественное, публицистическое и др., тем самым формируются вторичные зоны-пласты онимического компонента ЯЛ, наслаивающиеся на первичный пласт, сопрягающиеся с ним. При этом градация, возрастание происходит как в номенклатурном, так и семантическом планах, второй проявляется в движении имен от агнонимов (или почти агнонимов, при знании только референта имени или при минимальном представлении о нем) до единиц с объемным энциклопедическим значением, то есть в движении значения онима от референтного до энциклопедического (минимального – объемного) и символического. И такое постижение онимов происходит в течение всей жизни человека, особенно интенсивное в наше время – время развитых информационных технологий.

Первичный пласт в онимическом компоненте ЯЛ остается на всю жизнь, являясь своего рода ядерным, на него наслаиваются, к нему присоединяются, как мы уже сказали, фрагменты других систем, разнолокальные и разновременные пласты, исходя из опыта личности, ее практической деятельности, образовательного, интеллектуального уровня.

Рассмотрим обозначенный феномен на примере конкретной ЯЛ нашего информанта – Анисимовой Л. А., 1941 г.р., жившей в с. Селякине Арзамасского района Горьковской (ныне Нижегородской) области. Первичный, локальный, онимический (диалектонимический) пласт ее, усвоенный в детстве и подростковом возрасте, включал (и включает в долговременной памяти) свыше трёхсот единиц (вместе с их вариантами) двух полей – микротопонимического и микроантропонимического. Покажем их, и поскольку нам важны общий объем и структура онимического компонента ЯЛ, постольку

приводим лишь номенклатуру единиц (по разрядам онимов) – без их дефинитивной (за некоторым исключением), мотивационной и иллюстративной зон [см. их, в частности: 5].

Микротопонимическое поле, возглавляемое комонимом *Селякино*, включает:

– названия улиц и частей улиц (виконимы): *Долгая сторона, Короткая сторона, Стрели́ца, Курмыш, Поповка, Выселка(и), Советов конец, Любшин конец, Серёдка, Таскалин конец, Плотина, Шутов проулок, Мишанин проулок, Тётьду́нин проулок, Раку́шин проулок, Лёскин проулок, Лёсынькин проулок, Вотяков проулок, Агапов проулок, Пантелеев проулок, Чванов проулок, Стрелка (площадь)* и др.;

– названия орографических объектов, положительного и отрицательного рельефа (микрооронимы): *Бля́блина гора, Акулькина гора, Люба́нькина гора, Левтина гора, Вотякова гора, Чванова гора, Молвина́* (место за селом), *Красная Горка* (место массовых гуляний за селом), *Дол, Зады* (место за селом), *Конный двор* (место, где была конюшня); *Гусев овраг, Мостошный овраг, Церковный овраг, Полевой овраг, Лёскин овраг, Ужов овраг, Лёсынькин овраг, Прова́л, Заво́ды* (ямы), *Коровьи ямы* и др.;

– названия водных объектов (микрогидронимы): *Гусев пруд, Полевой пруд, Сторо́ниский пруд, Шошков пруд, Дядю́шкин пруд, Лёскин пруд, Лёсынькин пруд, Поповский пруд, На-Поповке* (пруд)*, Курмышский пруд*, *Шуров пруд, Озеро, Уздец* (узкая часть пруда), *Бакалды* и др.;

– названия колодцев, родников (микроспелеонимы): *Гусев колодезь, Попов колодезь, Тату́лин колодезь, Советов колодезь, Колодчик* (родник), *Колодезек* (родник), *На-Поповке* (колодец), *Бурлако́в колодезь* и др.;

– названия частей, участков леса, деревьев (микродримонимы): *Ближний лес, Дальний лес, Ужо́в лес, Грузни́к, Шеман и́ха, Шу́рова дача, Где дубы, Перелесок, Ковыльков тополь* и др.;

– названия дорог (микродромонимы): *Балахон(ин)ская дорога, Белозерская дорога, Костыл(ись)ская дорога, Костыльская дорога, Коти(хин)ская дорога, Котисьская дорога, Селякинская дорога, На-Селя́ку, На-Белозерию, Чапарская дорога, На-Чапа́ру, Мочальная тропка, На-Маяк* и др.;

– названия полей (агроонимы): *За-Выселками, За-Гусевым оврагом, За-Конным Двором, За-Маяко́м, За-Мельницей, За-Мостошным оврагом, За-Полевым, К-Белозерии, К-Балахонихе, К-Маяку́, К-Котихе, К-Перелеску, У-Ближнего леса, У-Дальнего леса, У-Маяка́* и др.

Микроантропонимическое поле в ономастиконе ЯЛ включает в себя все виды официальных именований людей (фамилии, личные имена, отчества) и неофициальных (лично-индивидуальные и коллективные прозвища – семейные, групповые, уличные фамилии, а также модификаты персонимов). Своеобразной точкой отсчета (ядром) в этом поле является именование (официальное и неофициальное) самой ЯЛ (представлена выше). Остальные зоны неофициальной сферы выглядят так:

– лично-индивидуальные прозвища: *База́риха (Нюрка Базариха), Бутру́ня, Безьян (Панька Безьян), Вани́ца, Валю́ня, Галю́ня, Круглый (Костька, Костя Круглый), Народный (Шурка Народный), Дедо́к, Дубовый, Заяц, Бадя́ (Зойка Бадя), Коза (Верка Коза), Козлю́шка (Верка Козлюшка), Голва́н (Ванька Голван), Куя́, Куёк, Михе́й, Мороз (Ванька Мороз), Морозов, Моро́зиха, Дубовый, Е́то, Ковылёк, Сорока (Ванька Сорока), Петух (Петька Петух), Рыжая (Дунька Рыжая), Чугун (Витька Чугун), Пу́шинька (Галька Пу́шинька), Потапыч, Якут (Ванька Якут), Шало́й (Коля Шалой), Бобо́к, Лушавчи́ха, Бузу́иха, Таганиха, Минодо́риха. Панаго́риха, Горюни́ха, Раку́шиха, Варибо́ниха, Чайник (Лёлька Чайник)* и др.;

– семейные прозвища: *Куйки, Галюня-Валюня* (супружеская пара);

– групповые прозвища: *матраи, паруньки, селяканы, котиханы* и др.;

– уличные фамилии: *Анюшины, Авдонинны, Бляблины, Бобковы, Дымкины, Ваня́шкины, Ду́даревы, Лизины, Лизкины, Лёскины, Лёсынькины, Варибо́новы, Ковыльковы,*

Гаврилины, Куйковы, Минодорины, Панагоровы, Михейкины, Шу́товы, Панькины, Печёнкины, Потапычевы, Санаткины, Горюновы, Якуто́вы, Огашенькины, Оксяткины и др.;

– модификаты персонимов: *Агашенька, Оксятка, Ане́тка, Ваняшка, Ваница, Вася́га, Витя́ка, Ле́втя, Лёска, Лёсынька, Саня́, Санятка, Санька, Шурынька, Полятка, Панька, Любанька, Шурентий* и др. (это не считая общеязыковых уменьшительно-ласкательных с *-еньк-*/*-оньк-* и фамильярных с *-к-*).

Весь первичный онимический компонент нашей ЯЛ остаётся в памяти на всех этапах жизненного пути, изменился только фонетический облик единиц в соответствии с литературными нормами, например: Пантеле́в (проулок) → Пантелеев, Стороніський (пруд) → Сторонинский, Курмысьский (пруд) → Курмышский, Костылисьская (дорога) → Костылихинская и т.д.

Вскрытый первичный онимический пласт входит не только в названную ЯЛ, но и в другие индивидуальные ЯЛ микросистемы, в целом же – в коллективную языковую личность.

Онимический компонент интересующей нас ЯЛ пополнялся за счет единиц других микросистем, когда информант начал ходить в школу в соседние населенные пункты – д. *Белозерье* (5 класс), п. *Балахониха* (6-8 классы), р.п. *Мухтолово* (9-10 класс), а затем учился в институте (г. *Арзамас*). Названные ойконимы вошли во вторичный региональный онимический пласт вместе с другими комонимами, астиономами, с диалектонимами и урбанонимами:

– ближнего регионального пространства: *Костылиха, Лидовка, Котиха, Майна, Замятино, Пятницы, Кичанзино, Абрамово, Волчиха, Большое Туманово*, *Водоватово, Веригино, Семеново, Шерстино, Васильев Враг* и др.; *Арзамас: Мытный* (рынок), *Гостиный ряд,* (б. *Кооперативная улица*), *Соборная площадь (*б. *площадь Ленина*), *проспект Ленина, улица Калинина, Карла Маркса, Советская, 9 Мая, Кирова, Калинина* и др.*; река Теша, пруд Рамзай, Смирновский пруд, Морозовский пруд* и т.д.;

– удалённого регионального пространства (Окско-Волжско-Сурское междуречье): *Ардатов, Выкса, Навашино, Вача, Филинское*, *Бутурлино, Перевоз, Сергач, Спасское, Гагино, Княгинино, Кулебаки, Большое Болдино, Починки, Лукоянов, Вознесенское, Пильна, Первомайск, Дальнее Константиново, Сеченово, Лысково* и др.;

– дальнего регионального пространства (Заволжье): *Бор, Семёнов, Городец, Воскресенское, Варнавино, Урень, Ветлуга, Тоншаево, Шахунья, Тонкино, Шаранга, Шахунья* и др. [ср.: 6, 73–75].

Те же онимические зоны, причем как топонимические, так и антропонимические, выделяются и за пределами регионального пласта в виде единиц, фрагментов макромистем разного диапазона вплоть до мегасистем. При этом единицы, фрагменты крупных ойконимических систем при знакомстве личности (непосредственном или опосредованном) с соответствующими населенными пунктами и их жителями входят в ЯЛ не только своими астионимами и комонимами, но и конкретными субъединицами, в числе которых урбанонимы, эргонимы, эмпоронимы, экклезионизмы, микротопонимы и т.д., а также – антропонимами, именами людей, задействованных в коммуникативном пространстве личности, входящих в него, в частности именами деятелей культуры, – все это зависит от интенций ЯЛ, прагматики общения.

Объемным является пласт идеонимов (артионимов, библионимов, гемеронимов, поэтонимов, мифонимов и т.д.), вошедших в онимический компонент ЯЛ из сферы искусства, художественной, научной литературы. (Эти вторичные онимические пласты мы здесь сознательно оставляем без эмпирического материала).

Выход за пределы локального (диалектонимического), регионального пластов и тем самым обогащение ономастикона ЯЛ связан с такими этапами жизненного пути информанта, как перемена места жительства, изменение социального статуса (бывший сельский житель → городской житель), получение высшего образования, работа по специальности, предусматривающей поездки в разные населённые пункты, города страны – в результате перерастание ЯЛ

бывшего сельского жителя, диалектной, в литературную. Всё это приводит к тому, что первичное онимическое пространство в структуре ЯЛ отодвигается, уступая место вторичному онимическому пласту, отражающему другие, новые условия бытия личности, его событийную сферу. Однако, отодвигаясь, уходя из оперативной памяти, первичный онимический пласт не исчезает, он обслуживает уже не физическую, а духовную сферу ЯЛ, актуализируясь в воспоминаниях, в общении с земляками, выражая любовь к своей малой родине и тоску по прошлому. И здесь прослеживается аналогия с ситуацией относительно апеллятивного пространства компонента ЯЛ [см. 8; 9], с сохранением его на протяжении всей жизни бывшего сельского жителя, диалектоносителя, и актуализацией его в зрелом возрасте, в старости.

Литература

1. Власкова, М.В. Языковая личность бывшего сельского жителя: дис. …канд. филол. наук: 10.02.01 / М.В. Власкова. – Киров. – 283 с.
2. Идиолектный ономастикон сибирского старожила / авт.-сост. Е.В. Иванцова, Е А. Берестова; ред.: Е.В. Иванцова. – Томск: Изд. Том. ун-та, 2015. – 308 с.
3. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, – 390 с.
4. Караулов, В.И. Русский язык и языковая личность / отв. ред. Д.Н. Шмелёв / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 263 с.
5. Климкова, Л.А. Микротопонимический словарь Нижегородской области (Окско-Волжско-Сурское междуречье): в 3-х ч. / Л.А. Климкова; МПГУ. – Арзамас: АГПИ, 2006.
6. Климкова, Л.А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира: монография / Л.А. Климкова; науч. ред. И.А. Ширшов; МПГУ. – Арзамас: АГПИ 2007. – 394 с.
7. Климкова, Л.А. Языковая личность диалектоносителя: лексический компонент / Л.А. Климкова // Русское слово. Выпуск 3: сб. науч. тр. к юбилею <…> профессора Р.И. Кудряшовой / под ред. Е.А. Алещенко, Е.В. Брысиной, В.И. Супруна. – Волгоград: Изд-во лицея № 8 «Олимпия», 2011. – С. 33–42.
8. Климкова, Л.А. Диалектный компонент языковой личности бывшего сельского жителя / Л.А. Климкова // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2021 / Отв. ред. С.А. Мызников. – СПб.: ИЛИ РАН, 2021. – С. 185–206.
9. Климкова, Л.А. Диалектный субстрат языковой личности филолога // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. – М., 2021. – № 2. – С. 245–255.

И.В. Крюкова
Волгоградский государственный социально-педагогический университет
e-mail: kryukova-irina@ya.ru

УДК 811.161.1

К трактовке понятия «коннотативный оним»

Ключевые слова: *коннотативный оним, интралингвистическая коннотация, экстралингвистическая коннотация, атрибутивно-референтное употребление, нереферентное употребление*.

В статье рассматриваются научные подходы к определению понятия «коннотативный оним». Выделяются коннотативные онимы двух групп: имена с интралингвистическими коннотациями, которые связаны с языковой формой имени и его стилистическими возможностями в тексте, и имена с экстралингвистическими коннотациями, которые соотносимы с признаками широко известного денотата безотносительно к языковой форме имени. Намечаются перспективы исследования региональных коннотаций имени собственного.

I.V. Kryukova
Volgograd State Socio-Pedagogical University

To the interpretation of the concept of connotative onym

Key words*: Key words: connotative onym, intralinguistic connotation, extralinguistic connotation, attributive-referential use, non-referential use.*

The article deals with the scientific approaches to the definition of the connotative onym concept. Two groups of connotative onyms are distinguished: names with intralinguistic connotations, which are associated with the linguistic form of the name and its stylistic capabilities in the text, and names with extralinguistic connotations, which are correlated with the features of a well-known denotative without regard to the linguistic form of the name. The prospects for the study of regional connotations of a proper name are outlined.

Для объединения имен с общим свойством – наличием коннотативных значений – используются синонимичные термины «коннотативное имя», «коннотативный оним», «коннотоним». Однако понимание о коннотативных именах собственных в современных ономастических исследованиях неоднозначно. В данной статье представлена попытка систематизировать существующие научные подходы к определению коннотативного онима и охарактеризовать виды имен собственных, которые могут называться коннотативными.

Прежде всего, при определении какого-либо имени собственного как коннотативного, необходимо уточнить объем самого понятия «коннотация». Многообразие определений и типологий коннотации в самом общем виде могут быть сведены к двум основным подходам: собственно лингвистическому и экстралингвистическому. При лингвистическом подходе коннотация рассматривается как часть лексического значения слова. В рамках этого подхода наиболее показательно определение В.Н. Телия: «Коннотация – семантическая сущность, узуально или окказионально входящая в семантику языковых единиц и выражающая эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности при ее обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект» [15, 5]. Согласно концепции В.Н. Телия, эмоциональная (эмотивная) оценка, побуждающая испытывать чувство-отношение к объекту обозначения, добавляется к рациональной, как бы наслаивается на нее [15, 39]. При экстралингвистическом подходе коннотация выводится за рамки лексического значения слова и описывается как набор семантических ассоциаций, связанных с обозначаемым объектом в данном языковом коллективе. Данный подход, характерный для западной семантической традиции, восходит к Л. Блумфилду. Он выделяет коннотации, имеющие эмоциональную базу, и коннотации, относящиеся к сфере сознания, которые обусловлены социальными, региональными и культурными факторами [2]. В отечественной лингвистике такой подход к пониманию коннотации представлен в трудах Ю.Д. Апресяна. Автор дает достаточно узкое определение коннотации как узаконенной в данном языке оценке объекта действительности, именем которой является данное слово, и называет коннотациями лексемы несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия. Коннотации воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности [1].

Однако независимо от трактовок данного понятия, например, включение или невключение коннотации в лексическое значение слова, всеми исследователями, во-первых, признается сопутствующий, дополнительный характер коннотации, во-вторых, оценка рассматривается как вершинный, основной компонент коннотации.

Данные признаки коннотации имеют отношение и к именам собственным. Однако у онимов, как известно, отсутствует непосредственная связь с понятием, поэтому онома-

стическая коннотация накладывается не на понятие, а на предметно-логическое содержание имени собственного. Кроме того, у онима, в отличие от апеллятива, границы между денотативным и коннотативным компонентами значения более четкие, поскольку в имени всё, что не только указывает на единичный объект, а еще и информирует или вызывает эмоции, будет относиться к коннотации. Это говорит о неоднородности типов онимов, которые могут называться коннотативными.

Эта неоднородность становится особенно очевидной при обращении к работам основателя Донецкой ономастической школы Е.С. Отина. В них признаки коннотативного имени собственного исследуются наиболее полно и глубоко. Автор вводит в научный оборот термин «коннотоним» и определяет его как «собственное имя (антропоним, топоним, реже – эргоним, хрононим и др. онимы), в котором его денотативное значение сосуществует с общеязыковыми или индивидуальными коннотациями» [11, 279]. Исходя из данного определения он относит к коннотонимам как имена, связанные с известными (реальными или вымышленными) носителями или событиями (*Моцарт, Плюшкин, Камчатка, Ходынка*), так и имена, не привязанные к конкретному носителю, но имеющие коннотации национально-культурного плана (*Рабинович, Иван, Фриц*) или социального (*Марь Иванна, Иван Иванович, Дунька*). О разнообразии имен и названий с коннотативным значением можно судить по составу онимов, включенных Е.С. Отиным в уникальное лексикографическое издание – «Словарь коннотативных собственных имен» [12]. Однако, несмотря на огромный объем материла, автор несколько ограничивает круг коннотонимов и относит к ним только те имена, которые обладают переносными значениями.

При более широком подходе к пониманию ономастической коннотации в сферу исследовательских интересов попадают не только имена, употребляемые в переносном значении. Основное внимание уделяется интралингвистическим коннотациям, которые выявляются в контекстуальном окружении имени, преимущественно в художественном тексте. Например, Л.М. Буштян, анализируя имена собственные в произведениях советской поэзии, последовательно рассматривает ономастические коннотации фонетического, лексического, словообразовательного, морфологического и синтаксического уровней, затрагивает проблему ономастического творчества поэтов [3]. Е.Е. Гунтарева на примере лирических стихотворений С.А. Есенина показывает возможности национально-культурных коннотаций имен собственных в поэтическом тексте, где большая роль отводится контекстному окружению [4]. При этом, как показывают исследования И.А. Королевой, особенно отчетливыми национально-культурными коннотациями обладают различные формы именования человека [6]. Зависимость коннотаций антропонимов от литературного жанра устанавливается Л.И. Зубковой при анализе «деревенской прозы». Например, у имен *Аристарх, Геронтий, Зосима, Любава, Матрёна* – коннотации архаичности, у имен *Акульша, Егорша, Коляня, Митяй, Настёна* – коннотации народности и просторечности, у имен *Мишель, Кэт, Серж* – коннотации иноязычности, а разные формы одного имени (*Аня, Анечка, Анька, Анютка, Аннушка, Нюра, Нюраха, Нюрашка, Нюрок, Нюрочка, Нюсечка, Нюся*) выражают целый спектр стилистических и прагматических коннотаций [5].

В исследовании Т.А. Ненашевой представлен анализ коннотаций антропонимов иного типа – референтно однозначных имен. Это имена с экстралингвистическими коннотациями, которые отличает способность к переносному употреблению. Однозначная референтность имени, по мнению автора, состоит в том, что объект номинации уникален для коммуникантов данного социального поля и однозначно соотносится ими с определенным звуковым или графическим комплексом. На материале имен, принадлежащих американской лингвокультуре, автор выделяет в структуре значения антропонима три типа коннотаций: стилистические, фоновые и аксиологические [10]. Подобные личные имена известных носителей в немецкой лингвокультуре рассматриваются Л.М. Сапожниковой как монореферентные имена [13].

Суммируя рассмотренные научные подходы, определим коннотативный оним как имя собственное, в семантической структуре которого помимо предметно-логического

содержания имеются эмоционально-оценочные и национально-культурные компоненты значения, отражающие отношение носителей языка или к имени как языковому знаку, или к субъекту / объекту номинации, получившему широкую известность в данном обществе и в данную эпоху. Исходя из данного определения, условно разделим имена, которые могут называться коннотативными, на две группы – имена с интралингвистическими коннотациями и экстралингвистическими.

К первой группе отнесем имена, коннотации которых обусловлены свойствами онима как языкового знака. Актуализаторами коннотации онимов первой группы могут быть: суффиксы субъективной оценки у антропонимов, необычный фонетический или графический облик онима, нестандартные словообразовательные формы и т.п. Показательны в этом отношении тексты, содержащие рефлексию на такие имена собственные носителей русского языка и культуры. Приведем несколько характерных примеров, взятых из «Национального корпуса русского языка». *Мирон – тоже странное имя. Несовременное какое-то. – А почему тебя зовут Мироном?* (А. Маринина. Иллюзия греха,1996). *Их сыну исполнялось тринадцать и звали его Карлос Ромеро – странное имя для еврейского мальчишки* (В. Голяховский. Русский доктор в Америке, 2001). *В конце я не удерживаюсь и спрашиваю, откуда все-таки такое необычное имя Джеймс Ильич?* (Труд-7, 2007.01.17). Данные примеры, несмотря на субъективный характер оценки антропонима, в сумме показывают, что языковое сознание чутко реагирует на соответствие или несоответствие языкового знака представлениям о современности названия и национально-культурным традициям наречения именем. В контекстах подобного рода не менее наглядны топонимические коннотации, особенно в тех случаях, когда речь идет о региональных названиях, ранее незнакомых автору речи. *Здесь, в горах, еще лежит снег, а вот и озеро Пукаки – очень красивое озеро и смешное название* (Ю. Усачев. Дневник космонавта, 2001). *Я смотрел на беленькие хаты утопавшей вдали, в зелени, станицы Апшеронской на другом берегу быстрой и прозрачной речки, носившей странное название – Туха. <…> Я зашагал по длиннющей улице, носившей странное название – Большая Крупская* (С. Голицын. Записки уцелевшего, 1989).

У имен второй группы коннотации формируются на основе экстралингвистических характеристик, т.е. актуализаторами коннотаций становятся признаки широко известного денотата безотносительно к свойствам имени как языкового знака. Наблюдения за функционированием коннотативных онимов данной группы показывают поэтапное формирование коннотаций. Приобретая свойства коннотонима, имена собственные проходят определенные стадии семантического развития: помимо референтного употребления, лишенного оценочности и дополнительной информативности (указание на номинируемый объект), все они функционально активны в атрибутивно-референтном употреблении, а некоторые из них и в нереферентном употреблении.

В атрибутивно-референтном употреблении коннотативные имена не только указывают на объект, но и приобретают способность выражать оценку. Например, социальную оценку, т.е. место человека по отношению к другим членам социума. Особенно наглядна социальная оценка у коннотативных топонимов и прагматонимов. *Я подъехал к дому, лавируя между припаркованными машинами. В основном – «Жигули» и «Москвичи». Непрестижный район* (С. Лукьяненко. Ночной дозор, 1998). *В разгар летних отпусков мало кого из актеров можно застать в столице. Все разъехались, кто на Багамы, кто на дачи – в зависимости от своих доходов и пристрастий* (Труд-7, 16.08.2002). *Я считаю, что одни люди покупают костюмчик от Кардена, или Диора, а другие фабрики «Большевичка». Каждому свое* (Радио «Эхо Москвы», 12.01.2002). При анализе подобных контекстов выявляются не только социально-оценочные коннотации онимов, но и системные семантические отношения между ними – синонимические и антонимические, не свойственные именам собственным референтном употреблении. При этом имена в атрибутивно-референтном употреблении не покидают класса имен собственных, т.к.,

несмотря на существенные семантические трансформации, продолжают обозначать широко известные единичные объекты.

У коннотонимов в нереферентном употреблении ономастический статус утрачивается, обозначая другие объекты со сходными свойствами, они приобретают постоянные переносные значения и употребляются в коммуникативных ситуациях, зачастую далеких от текстов, в которых встречались первоначально. *Критики называют «Евровидение» культурным Чернобылем* (Новая газета, 18.05.2009). *Как-то незаметно прошла реформа высшего образования, разом превратившая его из собственно образования в интеллектуальный макдоналдс* (Литературная газета, 07.11.2012). *Из-за главы штаба Собчак разыгралась какая-то «Санта-Барбара»* (РосБалт, 24.10.2017). Именно такие имена собственные с устоявшимися коннотациями, понятные в переносном употреблении представителям разных слоев общества и разных поколений, составляют подкласс прецедентных имен в корпусе коннотативных онимов.

Между тем, как показал проведенный нами анализ коннотативных онимов постсоветского периода, не все из них полностью проходят данный путь семантических преобразований. Одни имена, функционально активные в атрибутивно-референтном употреблении в рассматриваемый период, стали символами своего времени, они общепонятны (*Беловежская пуща, Форос, Раиса Горбачева, «Жигули», «Сникерс»* и др.), но при этом не покидают класса имен собственных, их нереферентное употребление в переносном значении единично или отсутствуют вовсе. Другие проходят полный путь семантического развития от атрибутивного-референтного до нереферентного употребления и развивают несколько переносных значений, различных в функциональном и социально-оценочном статусе (*Сталин, Голливуд, Санта Барбара, Макдоналдс, Лего, Урюпинск, Чернобыль* и др.). Онимы с экстралингвистическими коннотациями, как в атрибутивно-референтном, так и в нереферентном употреблении, легко поддаются лексикографическому описанию, они представлены в подготовленном нами словаре коннотативных имен собственных постсоветского периода [8], который мы считаем в определенной степени продолжением исследования и словарной систематизации коннотонимов, начатое Е.С. Отиным.

Таким образом, понятие о коннотативном имени – достаточно широкое и неоднозначное. Однако имеется общее свойство, объединяющее онимы с интралингвистическими и экстралингвистическими коннотациями – наличие эмоциональности, экспрессивности и/или дополнительной информативности, которая накладывается на основное, предметно-логическое содержание онима.

В заключение заметим, что рассмотренный материал показывает возможности формирования ономастических коннотаций на общечеловеческом или общенациональном уровнях. Однако следует также отметить коннотации регионального уровня, исследование которых представляется актуальным и перспективным. Один из результативных путей определения региональных ономастических коннотаций – использование психолингвистических методик, прежде всего, свободного ассоциативного эксперимента. Например, методом ассоциативного эксперимента устанавливаются антропонимы-реакции, связанные с ойконимом Витебск, что позволяет установить тематические группы имен, которые формируют ассоциативно-культурный фон ойконима в языковом сознании жителей города [9], или выявляются эстетические коннотации современных антропонимов, которые различаются в зависимости от региона – в Волгограде и в Смоленске [ср. 14 и 6]. Трехэтапный эксперимент с использованием нескольких психолингвистических методик, проведенный нами одновременно в двух городах – в Волгограде и в Тюмени, подтвердил существование региональной специфики при восприятии коннотативных имен разных разрядов (свободный ассоциативный эксперимент), их понимании в переносном значении (метод синонимических замен) и употреблении в собственных высказываниях (методика дополнения) [7]. Дальнейшая работа в этом направлении может пролить свет на многие теоретические вопросы, связанные с определением и типологизацией коннотативных онимов, для решения которых пока не хватает эмпирической базы.

Литература

1. Апресян, Ю.Д. Коннотация как часть прагматики слова / Ю.Д. Апресян // Избранные труды. Том II. Интегральное описание и системная лексикография. – М., 1995. – С. 156–176.

2. Блумфилд, Л. Язык / Л. Блумфилд. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 607 с.

3. Буштян, Л.М. Ономастическая коннотация: на материале русской и советской поэзии: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Л.М. Буштян. – Одесса, 1983. – 21 с.

4. Гунтарева, Е.Е. Роль коннотативных имен собственных в художественном тексте (на материале лирики С.А. Есенина) / Е.Е. Гунтарева // Извест. Смол. гос. ун-та. – 2019. – № 3 (47). – С. 164–173.

5. Зубкова, Л.И. Культурная обусловленность антропонимической коннотации / Л.И. Зубкова // Вестн. Тамбов. ун-та. – 2008. – № 8. – С. 146–152.

6. Королева, И.А. Оценочность русских имен и фамилий / И.А. Королева // Оценки и ценности в современном научном познании: сб. науч. тр. – Калининград, 2009. – Ч. 2. – С. 61–65.

7. Крюкова, И.В. Коннотативные имена собственные постсоветского периода: особенности понимания и воспроизведения / И.В. Крюкова, О.В. Врублевская, Т.В. Хвесько // Сибирский филологический журнал. – 2021. – № 3. – С. 177–190.

8. Крюкова, И.В. Коннотативные имена собственные постсоветского периода: опыт лексикографического описания / И.В. Крюкова, О.В. Врублевская, О.В. Кирпичева. – Волгоград: Перемена, 2021. – 199 с.

9. Мезенко, А.М. Имя человека в ассоциативно-культурном фоне ойконима Витебск / А.М. Мезенко, В.В. Горнак // Наука – образованию, производству, экономике: материалы XVIII (65) Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов. – Витебск, 2013. – Т. 1. – С. 232–234.

10. Ненашева, Т.А. Коннотативная семантика референтно однозначного имени: монография / Т.А. Ненашева. – Н. Новгород: Нижегород. гос. тех. ун-т имени Р.Е. Алексеева, 2012. –153 с.

11. Отин, Е.С. Избранные работы / Е.С. Отин. – Донецк: Донеччина, 1997. – 470 с.

12. Отин, Е.С. Словарь коннотативных собственных имен / Е.С. Отин. – Донецк: Юго-Восток, Лтд, 2004. – 412 с.

13. Сапожникова, Л.М. Национально-культурный компонент в семантической структуре монореферентных собственных имен (на материале немецкого языка) / Л.М. Сапожникова // Вопросы ономастики. – 2015. – № 1. – С. 175–185.

14. Супрун, В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: монография / В.И. Супрун. – Волгоград: Перемена, 2000. – 172 с.

15. Телия, В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1986. –141 с.

Источники

Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ruscorpora.ru. – Дата доступа: 20.01.2022.

В.Б. Скрамблевіч
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт
e-mail: lera2304@gmail.com

УДК 81.373.423

Тэарэтычныя пытанні аманіміі імён уласных

Ключавыя словы: *аманімія, уласнае імя, полісемія, анамастыка, семантыка.*

У артыкуле разглядаюцца некаторыя тэарэтычныя аспекты аманіміі ўласных імён: пытанні тэрміналогіі, класіфікацыя амонімаў сярод імён уласных, крытэрыі размежавання анамастычных полісемантаў і анамастычных амонімаў.

V.B. Skramblevich
Belarussian State University

Theoretical questions of homonymy of proper names

Key words: *homonymy, proper name, polysemy, onomastics, semantics.*

The article is devoted to some theoretical aspects of homonymy of proper names: issues of terminology, classification of homonyms among proper names, criteria for distinguishing between onomastic polysemantics and onomastic homonyms.

Праблема аманіміі з'яўляецца аб'ектам даследавання ў самых розных галінах лінгвістыкі. Аманімія прысутнічае на ўсіх структурных узроўнях мовы: фанетычным, марфемным, марфалагічным, лексічным і сінтаксічным. Некаторыя даследчыкі адзначаюць таксама наяўнасць і «комплекснай аманіміі», калі даволі цяжка вызначыць, на якім моўным узроўні ўзнікла неадназначнасць. Кола пытанняў, звязаных з аманіміяй, надзвычай шырокае: паходжанне і функцыянаванне амонімаў, іх класіфікацыя, крытэрыі размежавання полісеміі і аманіміі і структурныя адрозненні паміж гэтымі з'явамі, дыферэнцыяцыя значэнняў у амонімаў. Цікавым і істотным уяўляецца вывучэнне з'явы аманіміі ў межах уласных імён мовы, прычым яно ўскладняецца нявырашанасцю многіх тэарэтычных праблем, якія таксама прыцягваюць увагу даследчыкаў. Найбольш істотнымі з іх з'яўляюцца стаўленне ўласных імён да катэгорыі агульнага паняцця і лексічнага значэння, класіфікацыя і вызначэнне месца ўласных імён у агульнай сістэме мовы і ў маўленні.

У навуковай літаратуры па лексікалогіі ўласныя імёны звычайна разглядаюцца як разрад назоўнікаў, пры гэтым часцей за ўсё даследчыкі абмяжоўваюцца абмеркаваннем традыцыйных пытанняў: маюць/не маюць уласныя імёны лексічнае значэнне, азначаюць/не азначаюць агульныя паняцці, як яны суадносяцца і ўзаемадзейнічаюць з агульнымі імёнамі. Пры гэтым на перыферыю адыходзіць той відавочны факт, што ў якасці ўласных імён могуць выступаць словы ўсіх знамянальных часцін мовы, разнастайныя словазлучэнні і самастойныя сказы [3, 60].

Намінацыя, ідэнтыфікацыя і дыферэнцыяцыя – тры грані галоўнай функцыі ўласнага імя. Нягледзячы на тое, што ўласныя імёны з'яўляюцца сферай павышанай намінацыі, яны маюць даволі аслаблены змястоўны план, бо кожнае ўласнае імя азначае адзін прадмет і гэты прадмет вылучаецца імем з групы (як правіла, вельмі вялікай) аднастайных прадметаў. Як аднастайны прадмет мае падабенства з іншымі прадметамі класа, так і ўласнае імя семантычна прыпадабняецца да іншых уласных імён, страчваючы сваю семантычную аб'ёмнасць [1]. Тым не менш абмежаванасць у змястоўным плане не пазбавіла ўласныя імёны ад такой з'явы, як аманімія.

Пад аманіміяй уласных імён прынята разумець ужыванне аднаго моўнага знака да прадметаў розных анамастычных палёў, г. зн. амонімамі ў анамастыцы прызнаюцца выпадкі супадзення ў гучанні і на пісьме слоў-прадстаўнікоў розных анамастычных класаў: антрапонімаў і заонімаў (Мішка, Васька – размоўныя варыянты мужчынскіх імён і мянушкі жывёл); антрапонімаў і тапонімаў (гідронімаў, айконімаў): Лена, Уладзімір; гідронімаў і заонімаў: Волга, Амур (назвы рэк і мянушкі жывёл); міфонімаў і астронімаў (касмонімаў): Венера, Марс, Меркурый, Няптун і інш. (імёны багоў старажытнарымскага пантэона і назвы планет Сонечнай сістэмы) і інш.) [2].

У манаграфіі «Агульная тэорыя імя ўласнага» А.В. Суперанская адзначае, што аманімія звязана з паняційнай сферай слоў. А паколькі паняційнасць імён уласных абмежаваная, то іх аманімія павінна выяўляцца інакш ці не выяўляцца зусім. Аўтар таксама падкрэслівае, што аманімію імён уласных нельга разглядаць без аманіміі імён агульных, і вылучае наступныя выпадкі аманіміі:

1) аманімія двух імён агульных;

2) аманімія імя ўласнага і імя агульнага;

3) аманімія двух уласных імён.

Пры аднясенні слоў, у тым ліку і ўласных імён, да амонімаў ці полісемантаў трэба ўлічваць аб'ектна-намінатыўную суаднесенасць праз тэрміны «поле», «падсістэма», якая ва ўсіх выпадках будзе розная. «Калі адно імя ў адным полі ўжываецца ў сувязі з рознымі аб'ектамі – гэта не аманімія, а тэзаіменнасць – ужыванне аднаго імя да розных аб'ектаў), характэрнай прыкметай якой з'яўляецца далучэнне дадатковых азначэнняў. Напрыклад, горад Растоў – на Дану і Вялікі» [4, 289]. У якасці прыклада аманіміі ўласных імён. А.В. Суперанская разглядае слова бабушкин і адзначае, што наяўнасць аднаго і таго ж прозвішча Бабушкин у розных асоб – гэта факт хутчэй юрыдычны, а не лінгвістычны. А вось у словазлучэннях бабушкин зонт, Бабушкин переулок, город Бабушкин, курсант Бабушкин гаворку трэба весці менавіта пра амонімы, бо, нягледзячы на тое, што «гістарычна пералічаныя словы зводзяцца да аднаго – бабушка, у выніку шматлікіх актаў пераасэнсавання, якія мелі месца падчас паўторных анамастычных ужыванняў слова, яны разышліся настолькі, што ўтвараюць самастойныя лексічныя адзінкі» [4, 290], і яны будуць з'яўляцца амонімамі, бо належаць да розных палёў, у адрозненне ад дзвюх асоб па прозвішчы Бабушкин. Такім чынам, А.В. Суперанская робіць выснову, што:

1) амонімы – гэта факты розных палёў;

2) аманімічныя імёны суадносяцца з дэнататамі, якія належаць да розных катэгорый аб'ектаў;

3) прысутнасць у адной мове аднолькавых імён дэнататаў, якія належаць да адной катэгорыі аб'ектаў, лічыцца як адно слова.

Пры вывучэнні пытанняў аманіміі імён уласных некаторыя даследчыкі адзначаюць прысутнасць «тэрміналагічнага голаду» (бо відавочна адсутнасць іншага тэрміна, які б склаў аналаг «амоніму», але ў разрадзе ўласных імён). Праблема аманіміі разглядаецца часцей за ўсё толькі з пункту гледжання тоеснасці (не тоеснасці) прадмета, асобы, месца званага ўласным імем [3, 63]. М.І. Прывалава паказвае, што аманімія імён уласных – з'ява не аднастайная, а таму ў працах, прысвечаных дадзенай праблематыцы, пытанне разглядаецца абмежавана, зыходзячы з аднаго-двух разрадаў уласных імён.

У межах аманіміі ўласных імён М.І. Прывалава прапануе вылучаць як мінімум 4 тыпы суадносін:

1) адно і тое ж уласнае імя называе розныя прадметы (асобы, жывёл, рэчы і г.д.) аднаго і таго ж класа;

2) уласнае імя называе розныя прадметы розных класаў;

3) агульнае імя становіцца ўласным;

4) уласнае імя становіцца агульным.

І.В. Бандарэнка ў артыкуле «Да пытання аб семантычных параметрах уласных імён (на прыкладзе марфалагічнай аманіміі ў складзе антрапанімаў)» прапануе вылучаць наступныя тыпы аманіміі імён уласных: 1) маўленчая аманімія; 2) сумежная аманімія; 3) моўная аманімія. Пад маўленчай аманіміяй аўтар разумее тоеснасць фанетычнага гучання і графічнага аблічча аднаго ўласнага імя, якое належыць розным яго носьбітам, і падзяляе яе на наступныя віды:

а) сітуатыўная – уласнае імя, напрыклад, Аляксандр, для кожнага Аляксандра становіцца асобным словам;

б) з дадатковым этымалагічным адрозненнем – імёны, якія аднолькава гучаць, але маюць рознае паходжанне: Роза (ад Розалия) – Роза (імя па назве кветкі роза);

в) амаскарачэння – скарачэнне асабістых імён (Жэня – Яўген і Яўгенія).

Да сумежнай аманіміі адносяцца факультатыўныя амонімы (г.зн. словы-амонімы належаць да розных анаматычных класаў і з’яўляюцца несупастаўляльнымі па велічыні (Венера (планета) і Венера (багіня)) і ўмоўная амонімія (разглядае аманімічныя адносіны паміж імем уласным і агульным імем (Раман – раман).

У выпадках моўнай аманіміі цікавасць выклікаюць лексіка-граматычныя амонімы, распаўсюджанасць якіх звязана з наяўнасцю ў мове парных імён з фіксаваным

мужчынскім і жаночым родам (Багдан – Багдана, Валерый – Валерыя). Адбываецца атаясамліванне мужчынскага імя ў родным склоне з жаночым імем у назоўным склоне.

В.Е. Варанічаў для амонімаў–уласных імён прапануе выкарыстоўваць тэрмін «анамастычныя амонімы» – словы, якія супадаюць па гучанні і на пісьме і прадстаўлены ў розных анамастычных класах: антрапонімах і заонімах, антрапонімах і тапонімах і інш. Унутры разраду анамастычных амонімаў ён вылучае амаантрапонімы – імёны людзей, якія супадаюць у гучанні і напісанні; аматапонімы – аманімічныя назвы геаграфічных аб'ектаў, якія адносяцца да розных класаў, амазаонімы – аманімічныя апазіцыі мянушак жывёл, якія адносяцца да розных заалагічных відаў [2, 91–92].

Тым не менш, нягледзячы на наяўнасць такога дэталёвага вызначэння для разнастайных амонімаў–уласных імён, цяжкасці пры вылучэнні амаантрапонімаў сярод уласных імён захоўваюцца. І прычынай таму з'яўляецца адсутнасць універсальных крытэрыяў размежавання полісеміі і аманіміі, паколькі спрэчным застаецца перш за ўсё лексічны статус імён, якія ўваходзяць у адно тэрміналагічнае поле (анамастычны клас). Таму, каб пазбегнуць неадназначнасці, улічваючы той момант, што ўласныя імёны прысутнічаюць на ўзроўні мовы і маўлення, некаторыя даследчыкі прапануюць вылучаць аманімію ўласных імён на ўзроўні маўлення, паколькі ў ёй прысутнічае канкрэтная інфармацыя аб намініруемых аб'екце ці асобе і лексічнае значэнне аднолькавых імён будзе рознае, а значыць, аманімічнае.

Такім чынам, падводзячы вынікі, адзначым, што пры вывучэнні аманіміі імён уласных і агульных актуальнымі застаюцца пытанні тэрміналогіі, класіфікацыі і адрозненні аманіміі ад полісеміі. Устаноўлена, што, калі імя суадносіцца з канкрэтным аб'ектам, семантыка імя ўласнага з'яўляецца адзінкавай ў маўленні, але ў мове дастаткова абагульнена. Уласныя імёны могуць быць тоеснымі (калі яны выкарыстоўваюцца для абазначэння адзінкавых аб'ектаў рэчаіснасці) і неадназначнымі. Апошнія, зыходзячы з прынцыпаў лексіка-семантычнай дыферэнцыяцыі, могуць быць падзелены на анамастычныя полісеманты і анамастычныя амонімы. Аманімію ўласных імён немагчыма разглядаць адасоблена ад аманіміі імён агульных, а пры кваліфікацыі ўласных імён як амонімаў або полісемантаў трэба ўлічваць іх аб'ектна-намінатыўную суаднесенасць.

Літаратура

1. Бондаренко, И.В. К вопросу о семантических параметрах собственных имен (на примере морфологической омонимии в составе антропонимов) / И.В. Бондаренко // Science and Education a New Dimension. Philology. – 2017. – V(32). – С. 12–14.

2. Вороничев, О.Е. О многозначности и омонимии имён собственных / О.Е. Вороничев // Начальная школа плюс до и после. – 2012. – № 6. – С. 90–94.

3. Привалова, М.И. Собственные имена и проблема омонимии / М.И. Привалова // Вопросы языкознания. – 1979. – №5. – С. 56–67.

4. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 367 с.

И.А. Славкина
Сибирский федеральный университет
e-mail: ingaslavkina@yandex.ru

УДК 81.22

Вторичные онимы как отражение региональной идентификации

Ключевые слова: *региональная идентичность, региональная идентификация, прагмонимы, топонимические образы, маркеры территориальной идентичности*.

Предметом исследования явились способы отражения и лингвистического выражения региональной идентичности. Материалом изучения избраны прагмонимы, называющие изделия Красноярской кондитерской фабрики «Краскон».

I.A. Slavkina
Siberian Federal University

Secondary onyms as a reflection of regional identification

Key words: *regional identity, regional identification, pragmonyms, toponymic images, markers of territorial identity.*

The subject of the study was the ways of reflection and linguistic expression of regional identity. The pragmonyms calling the products of the Krasnoyarsk confectionery factory «Kraskon» were chosen as the material of the study.

Изучение имен собственных привлекает внимание представителей разных отраслей научного знания. Историки, философы, этнографы, социологи, культурологи и др. традиционно обращаются к лексическим единицам, представляющим собой особый семиотический код. Пик интереса исследования онимов в лингвистической науке пришелся на середину прошлого столетия, однако новый аспект изучения имен собственных открылся в рамках антропоцентрического подхода, который в последние десятилетия прочно утвердился в гуманитарных науках. Именно смещение объекта изучения с системы языка на носителя языка позволяет рассматривать «человека в языке и язык в человеке», определяя имена собственные как лингвокультуронимы [4, 7].

Одним из способов вербализации компонентов региональной идентичности являются онимы. Под региональной идентичностью понимается «объективное состояние, основывающееся на рефлексивном чувстве лично самотождественности и целостности (…), состояние, предполагающее гармоничное сочетание индивидуальной самости и включенности индивида в региональный социум» [1, 277].

Региональная идентификация, в этой связи, может быть рассмотрена как процесс становления и развития региональной идентичности.

На наш взгляд, изучение ономастического пространства региона позволяет выявить значимые вербализованные знаки, символы, образы, отражающие этноментальные особенности той или иной территории. Давая характеристику онимам, мы можем проследить весь процесс номинации: от возникновения образа до его вербализации. Значимым и показательным является то, что кладется в основу номинации. Все это позволяет познать социум через язык, сделать выводы о важности тех или иных событий и явлений. В процессе присвоения имен собственных «важную роль выполняет функция идентичности, позволяющая номинатору отразить традиционные территориальные, этнические и межкультурные ценности, сформированные на протяжении длительного исторического периода и отражающие знания человека о мире, в которых сконцентрирован его национально-культурный и межэтнический опыт» [2, 15].

Среди многочисленных онимов наиболее показательными в контексте вышесказанного являются онимы вторичной номинации – прагмонимы. (от греч. pragma «вещь, товар» + onyma «имя»). Термин был предложен З.П. Комоловой для обозначения товарной марки как объекта лингвистического изучения [3, 67]. А.В. Суперанская считает, что данные названия стоят на грани между именами собственными и апеллятивами, именуя их товарными марками, или словесными товарными знаками [6]. Существуют и другие варианты этого термина, например, «прагмат» или «праматоним». В «Словаре русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской под термином прагматоним понимается «номен для обозначения сорта, марки, товарного знака» [5, 113]. В последующем изложении мы будем придерживаться наиболее частотного термина «прагмоним».

В данной статье предметом анализа является такая разновидность прагмонимов, как чоконимы. Традиционно под чоконимами понимается название шоколадной продукции, считаем возможным расширить использование указанного термина для номинации кондитерской продукции в целом.

Материалом исследования послужили названия изделий кондитерско-макаронной фабрики «Краскон» – крупнейшего производителя кондитерских и макаронных изделий в Красноярском крае. «Краскон» производит более 200 наименований кондитерских изделий. Мощности производства кондитерских изделий составляют 10 тысяч тонн в год.

Наряду с качеством производимого товара на рынке продвижения продукции значимым оказывается и название. Часто наименование продукции привлекает потребителя, побуждает к приобретению товара. Большая часть чоконимов включает оним Краскоша («Краскоша капитан Авроры», «Краскоша на Енисее», «Краскоша на балу», «Мечта Краскоши» и др.) и его производные («Краскошино загорье», «Краскошино», «Краскошино шоу» и др.). Собственное существительное Краскоша представляет собой вымышленное имя, образованное путем множественной мотивации от имени собственного «Краскон» и созвучного нарицательного существительного *дракон.* Название фабрики Краскон в свою очередь образовано путем слоговой аббревиации от словосочетания *красноярские конфеты* и созвучно существительному *дракон.* Возможно, именно поэтому производные аббревиатуры Краскон повторяют все словообразовательные модели лексемы дракон (*дракоша – Краскоша, дракошино – Краскошино, дракончики – краскончики*) и характеризуется такими же парадигматическими и синтагматическими отношениями (*Дракоша озорной – «Краскоша озорной», Дракоша – друг… - «Краскоша – друг белочки», Дракошино… – «Краскошино шоу», Дракоша любит… – «Краскоша любит загадки»* и др.).

Анализируя названия шоколадных конфет, включающих лексему *Краскоша,* с точки зрения синтагматических отношений, можно указать следующие характерологические черты указанного образа: Краскоша – провинциал, проживающей в местности, названной в его честь: «Краскошино» (скорее всего, данный топоним образован по словообразовательной аналогии с лексемой *Простоквашино*), «Краскошино загорье». Краскоша любит путешествовать: «Краскоша на севере», «Краскоша в столице», «Краскоша на Енисее». Краскоша открыт для общения («Краскоша друг буревестника», «Краскоша друг белочки», «Краскоша с коровкой на лужайке», «Краскоша дарит букет роз»), любит праздники («Краскошино торжество», «Краскошино шоу», «Краскоша на балу»). Краскоша – весельчак («Краскоша озорной», «Краскоша забавный», «Краскоша заводной», «Краскоша любит загадки»).

Отметим, что образ Краскоши широко известен и положительно воспринимается сибиряками, что подтверждается результатами опроса, проведенного среди жителей г. Лесосибирска. Так, 87% респондентов без особых затруднений смогли назвать продукцию фабрики «Краскон», примечательно, что большинство указали конфеты, названия которых включают оним Краскоша. На вопрос «С чем ассоциируется слово *Краскоша»* были получены следующие ответы: *конфеты, красноярские конфеты, вкусные конфеты, наши конфеты, новогодний подарок, дракон, Красноярск, дракончик.* Фигурирование в ответах таких лексических единиц, как *красноярские, Красноярск, наши* указывает на то, что Краскоша – это символ, или так называемый «географический образ», имеющий некую территориальную закрепленность.

Результаты опроса позволяют утверждать, что продукция Абаканской кондитерской фабрики практически не известна жителям города, несмотря на то что в силу территориальной близости регионов многие из опрошенных регулярно отдыхают на озерах Хакасии. Напротив, такие торговые марки центральных регионов России, как «Рот-Фронт», «Красный октябрь», «Яшкино», «Славянка» широко известны жителям провинциального сибирского города. Таким образом, можно с уверенностью утверждать,

что с точки зрения маркетинга вымышленный персонаж Краскоша оправдал брендинговую стратегию красноярской кондитерской фабрики.

В рамках исследования представляют интерес такие чоконимы, как «Саянита» и «Саянале», в которых прослеживается желание кондитеров с одной стороны создать ореол изысканности (по типу названий «Италиано», «Белиссимо», «Венециано», «Шарм», «Элит»), с другой стороны сохранить свою региональную специфику. Аффиксальные морфемы в лексемах Саянита и Саянале делают отсыл к «заморскому», европейскому, иностранному, иноязычному, однако смысловое наполнение регионально и культурно маркировано: корневая морфема –саян– позволяет указанные наименования включить в ряд однокоренных с такими лексическими единицами, как Саяны, Саянские.

Еще одним фактом проявления территориальной маркированности можно считать маркетинговый ответ фабрики «Краскон» на принятие в 2008 г. поправок к закону о товарных знаках. Введение закона закрепляет право на использование «старых» названий за столичным холдингом «Объединённые кондитеры». Все остальные производители шоколадной продукции должны были либо выкупать у «Объединённых кондитеров» лицензии, либо прекратить использовать в качестве названия известные «советские» чоконимы типа «Белочка», «Мишка на севере», «Аврора», «Красная шапочка» и др. И вот «Уралкондитер» выпускает конфеты «Умелочка» в привычной для глаза обёртке конфет «Белочка». Кондитерская фабрика Краскон в данной ситуации использовала стратегию сохранения колористики шоколадной обертки и совмещения в чоконимах уже известных названий конфет с региональными образами. Так, в результате нейминга появились такие названия, как «Краскоша на верблюде», «Краскоша друг белочки», «Красноярская птичка», «Красноярское танго», «Краскоша капитан Авроры», «Краскоша друг буревестника», «Сибирская красавица в шапочке», «Краскоша любит загадки», «Краскоша вечерком» и др., представляющие своего рода аллюзию с известными советскими товарными знаками «Кара-Кум», «Белочка», «Птичье молоко», «Танго», «Аврора», «Буревестник», «Красная шапочка», «Загадка», «Вечер».

Обращает на себя внимание тот факт, что включение в названия шоколадной продукции ярких представителей сибирской фауны (медведь, соболь, лиса и др.) нами не отмечено, за исключением единичного случая – набора шоколадных конфет «Питомцы Роева ручья».

При анализе чоконимов кондитерской фабрики «Краскон» выявлено, что чаще всего в основу номинации кладутся следующие топонимические образы Красноярского края.

1. Саяны – общее название для двух горных систем на юге Сибири в пределах субъектов Российской Федерации: Красноярского края, Иркутской области, Республик Хакасия, Тыва, Бурятия, а также северных районов Монголии. *(Например, «Саянские росы», «Саянские поля», «Саянское лето», «Саянские озера», «Саянские жарки», «Саянская весна»* др.).

2. Красноярск – один из крупнейших городов России, крупнейший культурный, экономический, промышленный и образовательный центр Центральной и Восточной Сибири; административный центр Красноярского края. *(Например, «Красноярская птичка», «Красноярское танго», «Красноярские вечера», «Красноярские сюжеты», «Красноярский вальс», «Красноярские рассветы»* и др.).

3. Енисей – самая многоводная река России, занимает в мире пятое место по длине. *(Например, «Енисейские морозы», «Енисейские»*).

4. Загорье – территория в предгорьях Западных Саян *(«Краскошино загорье», «Красноярское загорье»*).

5. Столбы – Государственный природный заповедник, расположенный на северо-западных отрогах Восточных Саян, граничащих со Среднесибирским плоскогорьем. (*«Красноярские столбы», «Заповедные столбы»* и др.).

Данные номинации отражают конкретные, реальные географические образы, которые характеризуются знаковостью, узнаваемостью. Таким образом, прагмонимы, с одной стороны могут рассматриваться как вербальные ресурсы выражения и описания процесса региональной идентичности, с другой стороны могут являться средством маркирования и конструирования территориальной идентичности, создавать так называемый имидж региона.

Литература

1. Еремина, Е.В. Понятие региональной идентичности и специфика её формирования в современной России / Е.В. Еремина // Социально-гуманитарные знания. – 2012. – № 5. – С.276–287.

2. Исакова, А.А. Прагмонимы современного русского языка как составляющая рекламного дискурса: лингво-когнитивная, семантическая, структурно-прагматическая характеристика: автореф. дис… д-ра филол. наук / Е.В. Еремина; Челябинск, 2012. – 29 с.

3. Комолова, З.П. Лексико-семантическая система прагмонимов (на материале товарных марок в СССР и США) / З.П. Комолова // Материалы научного симпозиума «Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики». – М., 1971. – С. 396–399.

4. Маслова, В.А. Современные направления в лингвистике / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2008. – 272 с.

5. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – М.: Наука, 1988. – 200 с.

6. Соболева, Т.А. Товарные знаки / Т.А Соболева, А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1986. – 176 с.

В.В. Шур, С.Б. Кураш
Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І.П. Шамякіна
e-mail: text2005@gmail.ru

УДК 811.161.3`373.2

Асаблівасці ўзаемаўплываў у анамастычных сістэмах беларускай і іншых моў

Ключавыя словы: *онім, антрапонім, прозвішча, рэгіён, тапонім, этнонім, этнатапонім, балты, ляхі, прусы, татары, цюркі.*

У артыкуле на прыкладах мясцовых гаворак, гістарычнай, мастацкай літаратуры, фальклору прасочваецца ўзаемадзеянне беларускіх анамастычных сістэм з суседнімі рускай, польскай, літоўскай, латышскай і інш., тлумачацца прычыны ўзаемадзеянняў, указаны рэгіёны, у якіх узаемаўплыў у сістэмах анамастыкі праяўлены найбольш пераканаўча і паслядоўна.

V.V. Shur, S.B. Kurash
Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin

Features of mutual influences in the onomastic systems of the Belarusian and others languages

Key words: *onym, anthroponym, surname, region, toponym, ethnonym, ethnotoponym, Balts, Poles, Prussians, Tatars, Turks.*

Using the examples of local dialects, historical, fiction, folklore, the article traces the interaction of Belarusian onomastic systems with neighboring Russian, Polish, Lithuanian, Latvian, etc., explains the reasons for interactions, indicates the regions in which mutual influence in onomastic systems is shown most convincingly and consistently.

Значная колькасць прозвішчаў трапіла да нас з суседніх народаў і іх моў. На працягу многіх стагоддзяў побач з беларусамі пражывалі рускія, палякі, яўрэі, літоўцы, украінцы, татары, латышы, немцы, чэхі, цыганы і інш. Землі сучаснай Беларусі ў мінулыя стагоддзі ўваходзілі ў склад Вялікага Княства Літоўскага, затым Рэчы Паспалітай, Расійскай імперыі. Усе названыя дзяржавы былі многанацыянальнымі, што, безумоўна, адбілася і на складзе лексікі беларускай мовы, у тым ліку і на складзе ўласных імёнаў, прозвішчаў, самых разнастайных тапанімічных назваў. Пад уплывам моў суседніх народаў, што здаўна жылі па суседству або сярод беларусаў, у нашай анамастычнай сістэме замацаваліся прозвішчы і імёны гэтых народаў. У сваю чаргу беларускія ўласныя імёны, прозвішчы, тапонімы замацаваліся ў шматлікіх варыянтах у мовах суседніх народаў. У наш час многія беларусы маюць тыпова рускія, польскія, нямецкія, цюркскія, літоўскія прозвішчы: *Іваноў, Дзянісаў, Трафімаў, Сярэбранікаў, Козыраў, Дзёмін*; *Альшэўскі, Зелянкоўскі, Стахоўскі, Станіслаўскі, Трэмбіцкі, Яблонскі, Панятоўскі*; *Фурман, Цандзер, Шанц, Фунт, Хільман, Кошман*; *Кардаш, Бесан, Бут-Гусаім, Басалык, Султан, Кучук, Шарып*; *Каўрус, Мальдзіс, Тумас, Мажэйка, Лукас, Судас, Пунтус, Вількс* і інш. У самым агульным выглядзе такі ўзаемаўплыў можна вытлумачыць, напрыклад, тым, што руская, украінская мовы ва ўсе часы былі зразумелыя для беларусаў, бо гэтыя мовы маюць агульныя вытокі.З украінцамі, літоўцамі і палякамі беларусы некалькі стагоддзяў былі ў адной дзяржаве (ВКЛ), што таксама не прайшло бясследна.

Самыя цесныя кантакты ва ўсе перыяды сумеснай гісторыі выяўляюцца паміж беларусамі і рускімі. Гэта прасочваецца на самых розных узроўнях і, безумоўна, выразна выяўляецца і на фактах анамастыкі. Так, вядома, што каля двух мільёнаў беларусаў у выніку самых розных абставін жыве за межамі сваёй этнічнай радзімы, частка з іх забылася нават аб сваіх каранях, але аб гэтым сведчаць іх прозвішчы, некаторыя іншыя адметнасці мовы, фальклору. На працягу стагоддзяў Беларусь была крыніцаю міграцыі насельніцтва ў іншыя рэгіёны Расійскай імперыі, пазней – савецкай дзяржавы. Пра гэта, напрыклад, пераканальна напісана ў дапаможніку «Беларусазнаўства»: *«Міграцыя прасочвалася ўжо з Сярэднявечча, з часоў ВКЛ... Прычынай былі дынастычныя або палітычныя сваркі, разлады паміж прадстаўнікамі буйнешых княскіх дынастый – Рурыковічаў і Гедымінавічаў* (напрыклад, бунт Міхаіла Глінскага)*»* [1, 239]. Паводле перапісу 1897 г., сярод 700 самых знатных сем'яў Расіі толькі каля 150 вяло свой радавод ад усходнеславянскай (рускай) дынастыі Рурыкавічаў, князёў і баяр маскоўскіх, цвярскіх, казанскіх. А 430 сем'яў паходзілі з Беларусі, Украіны, Польшчы. Гэта такія княжацкія і баярскія роды, як *Валконскія, Шуйскія, Курбскія, Глінскія, Дастаеўскія* і інш. Напрыклад, знакамітыя *Глінскія* паходзілі з тураўскіх і мазырскіх баяраў. Так, вядома, што XVI ст. у гісторыі ВКЛ вызначалася значнымі міжусобнымі звадкамі-спрэчкамі паміж буйнымі беларускімі феадаламі. Асаблівы канфлікт адбыўся ў пачатку 1508 г. паміж тураўскім князем *Міхаілам Львовічам Глінскім* і вялікім маршалакам *Янам Забярэзінскім*, які пачаўся з забойства апошняга ў Гародні 2 лютага. Як сведчаць гісторыкі, *Міхаіл Глінскі* адпомсціў *Яну Забярэзінскаму* нібыта за нагавор на яго манарху, з-за чаго ён трапіў у нямілась да вялікага князя і караля. Учынак М. Глінскага выклікаў хвалю абурэння сярод магнатаў і шляхты, але знайшліся прыхільнікі ў абодвух знатных феадалаў.У выніку распачаўся адкрыты вайсковы канфлікт паміж групоўкамі: супраць Глінскага выступілі прыхільнікі Вялікага князя Жыгімонта Казіміравіча. Міхаіл Глінскі найчасцей цярпеў паражэнні, бо Вялікага князя на той час падтрымлівала большасць магнатаў і шляхты. Глінскі, авалодаўшы Мазыром і адчуваючы хісткасць і слабасць свайго становішча, запрасіў дапамогі ў маскоўскага цара *Васіля III*, які ахвотна аказаў вайсковую дапамогу мяцежнаму ліцвіну, да якога ў выніку адышлі *Орша, Крычаў, Мсціслаў, Слуцк* і іншыя ўмацаваныя паселішчы з усходу сучаснай Беларусі. Але хутка ўрадавыя войскі ВКЛ пад кіраўніцтвам гетмана *Канстанціна Астрожскага* і іншых вядомых феадалаў, якія паводле колькасці, узбраенняў і вайсковай вывучкі пераўзыходзілі злучэнні мяцежнікаў, выцеснілі і разгромілі прыхільнікаў апальнага *Міхаіла Глінскага*; апошні

вымушаны быў збегчы ад пагібелі і пайсці на службу да маскоўскага цара. З ім, як пісаў І. Саверчанка, уцяклі яшчэ 11 тытулаваных асоб, сярод якіх пяць *Глінскіх*, двое сваякоў *Жыземскіх*, *Іван Казлоўскі*, *Васіль Мунча*, *Іван Азярэцкі*, князь *Друцкі* і яшчэ 18 уплывовых асоб, якія не мелі пасад і званняў. Некаторыя з названых мяцежнікаў, прыхільнікі *Міхаіла Глінскага*, пазней адракліся ад яго і папрасіліся на службу да Жыгімонта Казіміравіча, але *Глінскія* засталіся назаўсёды ў Маскоўскай дзяржаве, атрымаўшы ва ўладанне *Малаяраславец* і *Бароўск*. Больш падрабязна гл. гістарычную хроніку Івана Саверчанкі «Трыумф» [4].

Вынікам узаемадзеяння беларуска-рускага анамастыкону з'яўдяюцца і факты тапаніміі: на беларускай карце можна выявіць больш за 30 айконімаў-этнонімаў тыпу *Русіны*, *Русава*, *Русінаўцы*, *Рускае Сяло*, а таксама *Маскалі*, *Маскалёўшчына*, *Маскаляняты*, *Маскаленкі* і інш., што вядомы ў самых розных, але пераважна ўсходніх рэгіёнах сучаснай Беларусі – у *Полацкім*, *Верхнядзвінскім*, *Нараўлянскім*, *Бешанковіцкім* раёнах.Сюды, відаць, можна аднесці і айконімы тыпу *Вязьмічы* (Аршанскі, Талачынскі), *Бранчыцы* (Салігорскі), *Цвяранцы* (Браслаўскі), *Вялікія Лукі* (Пухавіцкі раёны). Як пісаў пра такія айконімы В. Жучкевіч, паходжанне іх (паселішчаў. – *В. Ш., С.К.*) не з'яўлялася выпадковым: звычайна такія назвы атрымлівалі сёлы, заснаваныя перасяленцамі з адпаведных гарадоў і рэгіёнаў. Яны (беларускія паселішчы), відавочна, маладзейшыя за тыя гарады, імёнамі якіх яны ідэнтыфікаваны. Дарэчы, усе гэтыя назвы не капіруюць асноў тых айконімаў, ад якіх утвораны, а набываюць па аналогіі пад уздзеяннем беларускіх мадэляў усталяваныя ў гэтым рэгіёне словаўтваральныя анамастычныя асаблівасці: *Цвер* (горад Расіі) → *Цвяранцы*; *Вязьма* → *Вязьмічы* і інш. Гэтая з'ява ўласціва і іншым беларускім тапонімам, што ўтвораны ад назваў-этнонімаў: ляхі → *Ляхавічы*, мазуры → *Мазуршчына*. У канцы XVIII ст. пасля далучэння беларускіх губерняў да расійскай імперыі некаторыя расійскія магнаты, феадалы, генералы набылі на далучаных землях значныя зямельныя тэрыторыі і заснавалі ўласныя пасяленні: *Салагуб* → *Салагубава* (Лельч.), *Аўрамаў* → *Аўрамаўская* (Хойн.), *Сумарокава* (Маг.) і інш. У савецкі перыяд (1964 г.) было перайменавана больш за 300 самых розных беларускіх паселішчаў, новыя назвы паводле паходжання выяўлялі тыповыя айканімічныя наватворы, створаныя на падставе рускіх анамастычных мадэляў савецкага перыяду: *Восточная* (былыя Цуцкі Паст. р-на), *Рощина* (былыя Звягі), *Майское* (былыя Лізуны) Сененскага раёна.

Паводле звестак апошняга перапісу насельніцтва, 4% насельніцтва Беларусі складаюць палякі. Даследчыкі адзначаюць, што пасяленні перасяленцаў з Польшчы на тэрыторыі Беларусі сваю гісторыю пачынаюць з XV ст., апрача гэтага, значны ўплыў на беларускую мову, яе лексіку, фарміраванне імёнаў і прозвішчаў зрабіў перыферыйны польскі дыялект, вядомы пад назвай *«пальшчызны крэсовай»*, які ўзнік на ўкраінскай, беларускай і літоўскай аснове як вынік масавай паланізацыі карэннага насельніцтва ў XVI–XVIII стст. і працягваўся ў 20–30-я гг. XX ст. Да Вялікай Айчыннай вайны існаваў нават асобны польскі раён з цэнтрам у *Койданава* (Дзяржынск), у якім па колькасці насельніцтва пераважалі палякі (трэба разумець апалячаныя, акаталічаныя беларусы. – *В.Ш., С.К.*). Вядома, напрыклад, што з Беларуссю (Вялікім Княствам Літоўскім) звязваюць радавод такіх выдатных асоб у гісторыі літаратуры, мастацтва, навукі, культуры, ваеннай справы Польшчы, як *Адам Міцкевіч*, *Тадэвуш Касцюшка*, *Тамаш Зан*, *Уладзіслаў Сыракомля*, *Станіслаў Манюшка*, *Эліза Ажэшка*, *Рафаіл Чарвякоўскі*, *Тамаш Ваўжэцкі*, *Люцыян Жаліхоўскі*, *Юльян Нямцэвіч*, *Адам Нарушэвіч*, *Францішак Князьнін*, *Язэп Марцінкевіч*, *Мечыслаў Карловіч*, *Язэп Пілсудскі* і інш.

Даследчыкі польска-беларускіх этнакультурных і сацыяльна-эканамічных сувязяў выдзяляюць тры этапы міграцыі польскага насельніцтва на Беларусь. У выніку працяглага пражывання палякаў сярод беларускага насельніцтва ў розных раёнах Беларусі склаліся спрыяльныя абставіны для карыстання палякамі беларускай мовай, радзей імёнамі і прозвішчамі. Так, у палескіх раёнах Беларусі (*Петрыкаўскі*, *Лельчыцкі*, *Жыткавіцкі*, *Столінскі*, *Лунінецкі*, *Ельскі*, *Нараўлянскі* і інш.) нашчадкі этнічна польскіх

перасяленцаў (мазураў, слянзакаў, малапалян) у большасці выпадкаў лічаць сябе беларусамі, хоць і з'яўляюцца носьбітамі тыпова польскіх імёнаў і прозвішчаў. У зносінах паміж сабою карыстаюцца беларускай моваю. У той жа час карэнныя жыхары больш за паўтара дзясятка сёлаў у рэгіёне *Налібоцкай пушчы*, як пісаў В. Вярэніч, дзе нават сярод старажылаў ніхто не гаворыць па-польску, амаль пагалоўна пішуць сябе палякамі. Старажытных польскіх каланістаў у пераважнай большасці напаткаў лёс многіх другіх: яны даўным-даўно страцілі свае нацыянальныя асаблівасці. Так, гэты даследчык выявіў на Палессі наступныя прозвішчы польскага паходжання, якія належаць жыхарам палескіх вёсак Мазырскага, Петрыкаўскага, Лунінецкага, Столінскага, Жыткавіцкага раёнаў, продкі якіх перасяліліся з Польшчы ў асноўным з Мазоўшы і Сілезіі: *Абрамовіч*, *Багінскі*, *Бароўскі*, *Віслоух*, *Дзрангоўскі*, *Дзетнар*, *Збароўскі*, *Пятроўскі*, *Радзішэўскі*, *Сапліц*, *Стахоўскі*, *Хвацэк*, *Дамброўскі*, *Марцінкоўскі*, *Заруцкі*, *Тшыбульскі*, *Акінчыц*, *Брэзіцкі*, *Дашкевіч*, *Карбонскі*, *Кавальскі*, *Ладзінскі*, *Папроцкі*, *Рагалевіч*, *Рудніцкі*, *Сенчкоўскі*, *Смогаль*, *Таргонскі*, *Турмовіч*, *Цэлінскі*, *Яновіч* і інш. У канцы XIX ст. працягваўся прыток простага насельніцтва (батракоў, сялян, рабочых) з Польшчы ў маёнткі некалі апалячаных феадалаў на Беларусь, і таму побач з прозвішчамі *Дэмбоўскі*, *Лігорскі*, *Русецкі*, *Ястрэмскі* значна часцей пачынаюць сустракацца чыста сялянскія прозвішчы *Голік*, *Коль*, *Гралька*, *Мруз*, *Піляж*, *Зайдэль*, *Фіял*, *Кашнер*, *Фэлькін*, *Клімчык*, *Ягода*, *Станьчыц* [2, 128–129].

Ёсць кампактныя пасяленні палякаў і ў ваколіцах Мазыра. Пра іх у свой час таксама пісалі В. Вярэніч, М. Капач. Так, па іх звестках, да ліку пасяленняў, што ўзніклі ў перыяд першай польскай міграцыі на Палессе (XV ст.), адносяць *Кустаўніцу* – адну з сямі былых шляхецкіх вёсак у Мазырскім раёне (зараз гэтай вёскі няма, а на яе месцы пабудаваны Мазырскі нафтаперапрацоўчы завод. – *В.Ш., С.К.*).Як і жыхароў астатніх шасці вёсак Мазырскага раёна (*Тварычаўкі*, *Пянькоў*, *Драздоў*, *Загорын*, *Нараўшчызны*, *Стрэльскай Грады*), старажылаў гэтых пасяленняў на Мазыршчыне называюць польскай шляхтай. Паводле ўспамінаў карэнных жыхароў гэтых вёсак, на Палессе іх продкі трапілі нібыта за нейкія заслугі перад польскім каралём, які шчодра надзяліў перасяленцаў зямлёю і даў шляхецтва.

Як прасочана этнографамі, гісторыкамі, лінгвістамі, з канца XVII ст. пачынаецца працэс польскай міграцыі на Беларусь, звязаны з развіццём на Палессі ляснога промыслу і перасялення туды жыхароў малазямельнага густанаселенага Мазоўша. Перасяленцы – *мазуры* на Палессі ператварыліся ў аседлых арандатараў, якіх называлі *«шляхтай чыншовай»*, г. зн. паселеных на ўмовах чыншу. Пазней, у канцы XIX пачатку XX ст., беззямельная частка польскага сялянства мігрыравала на Беларусь, дзе яны наймаліся батракамі да магнатаў у іх фальваркі, такіх перасяленцаў называлі *хатэчковымі*.

Працэс міграцыі розных этнічных груп палякаў на Беларусь, як прасачыла А.А. Станкевіч, адлюстроўваўся і ў шматлікіх тапонімах, утвораных ад польскіх этнонімаў: *Ляхава* (Навагр., Пін., Слуц. р-ны), *Ляхава* Града (Асіп.), *Ляхавец* (Рэч.), *Ляхавічы* (Зэльв., Навгрд., Драг.), *Ляхаўка* (Шчуч., Барыс., Бялын.), *Ляхаўцы* (Шчуч., Малар.), *Ляхаўшчына* (Віл.), *Ляхі* (Віл., Пруж.), *Ляхчыцы* (Кобр*.), Мазураўка* (Кір., Краснап.), *Мазураўшчына* (Ашм.), *Мазурка* (Валож.), *Мазуркі* (Лях.) *Мазуршчына* (Саліг.), *Мазуры* (Дзярж., Кобр., Ельск.), *Палякі* (Мёр.), *Паляшчына* (Гор.), *Слянзакі* (Петр.) [5, 14].

Значнае павелічэнне колькасці палякаў у канцы XIX пачатку XX ст. было выклікана палітыкай актыўнай паланізацыі Заходняй Беларусі, якую праводзіў урад буржуазнай Польшчы, а таксама прымусовым акаталічваннем беларусаў. Усяго на тэрыторыі Заходняй Беларусі да 1939 г. пражывала 1,5 млн. палякаў [2, 14–15].

Вядома таксама, што малазямельныя польскія сяляне (па другой версіі – апалячаныя, акаталічаныя ўкраінцы з Львоўшчыны. – *В.Ш., С.К.*) з прозвішчамі *Хамутоўскі*, *Неўмяржыцкі*, *Зелязінскі*, *Цалка*, *Бароўскі*, *Рагажынскі*, *Таргонскі* і інш. за бясцэнак у канцы XIX. ст. купілі ў мясцовых памешчыкаў у Мазырскім павеце надзвычай бедныя пясчаныя землі і заснавалі такія вёскі, як *Вусаў*, *Лохніца*, *Жмурнае*, *Забродзе*, *Убарцкая Рудня*, *Зарубанае* і інш., што ў Лельчыцкім раёне.

У сістэме беларускіх уласных імёнаў і прозвішчаў прасочваецца славяна-балцкае лексічнае ўзаемадзеянне. Частка тэрыторыі сучаснай Беларусі, як лічаць вучоныя, упершыню была заселена балтамі (продкамі сучасных латышоў, літоўцаў), ад якіх засталіся ў нашай мове шматлікія назвы прадметаў быту, паселішчаў, рэчак, азёраў, урочышчаў. Найбольшая колькасць такіх агульных і ўласных назваў (тапонімаў і антрапонімаў) сустракаецца ў паўночна-заходняй частцы рэспублікі, у памежных раёнах, што прымыкаюць да Літвы і Латвіі. М. Грынблат прыводзіць прыклады наступных беларускіх прозвішчаў на Віцебшчыне, якія ўтварыліся ад агульных латышскіх і літоўскіх каранёў, што пазней у беларусаў сталі прозвішчамі: *Мільта*, мільто (лат. *milti* – мука), *Путра*, *Путро* (лат. *putra* – каша), *Вакар* (лат. *vakars* – вечар), *Бэнда* (лат. *bende* – кат), *Цура* (лат. *cura* – бруд) і інш. [3, 47–48]. У многіх раёнах Беларусі ёсць прозвішчы *Роўда, Дукса, Камейша, Дыля, Шакута, Жамойдзік, Жамойда, Дайліда, Ашмянік* і інш., якія належаць беларусам, хоць генетычна гэтыя прозвішчы ад літоўскіх каранёў.

Вядома, што некаторыя літоўскія пасяленні на тэрыторыі сучаснай Беларусі былі асіміляваны продкамі сучасных беларусаў. Так, у «Этнаграфіі Беларусі» паведамляецца, што з XVI ст. даходзяць звесткі пра кампактнае пасяленне літоўцаў у воласці *Абальцы* (сучасны Сенненскі раён), дзе, між іншым, быў пабудаваны ў 1387 г. князем Ягайлам адзін з самых першых у Вялікім Княстве Літоўскім каталіцкі касцёл. Літоўскае насельніцтва *Абальцаў* паступова з XVI ст. было ўцягнута ў працэсы асіміляцыі, і як вынік у нашы дні яно нічым не адрозніваецца ад карэннага навакольнага насельніцтва Віцебшчыны – беларусаў [10, 92].

Пра масавае перасяленне латышоў на беларускія землі пісалі гісторыкі У. Тугай і А. Галавач. Так, найбольш актыўна працэс іх міграцыі праходзіў у 60–80-я гг. XIX ст. Па падліках гэтых даследчыкаў, у 1870 г. на Беларусі жыло прыкладна 800–900 сем'яў латышоў, у асноўным перасяленцаў з *Латгаліі*. У канцы XIX ст. шматлікія групы (калоніі) латышоў меліся ў *Віцебскім* (каля 4000 чалавек), *Полацкім* (каля 1700), *Аршанскім* (да 3700), *Быхаўскім* (каля 1000 чалавек) паветах. Невялікія іх групы жылі на *Гомельшчыне* і *Брэстчыне*. Сяліліся латышскія каланісты, як правіла, паблізу паўнаводных рэк *–Дняпра, Прыпяці, Бярэзіны, Заходняй Дзвіны, Сажа*.Гэта *Шульцава, Забалоцце, Манулька* (Віцебскі раён), *Міхалінава*, *Гладніка*, *Матушава*, *Дабрамыслава, Выдрэя* (Лёзненскі раён), *Вацлавава* (Ушацкі раён), *Грудзінаўка* (Быхаўскі раён), *Латрошча* (Магілёўскі раён), *Галіч-Мыза* (Клімавіцкі раён) і інш. У 1870 г. 40 латышскіх сем'яў з *Курляндскай губерні*, як прасочана гэтымі даследчыкамі, выехалі ў ваколіцы *Нароўлі*, дзе ўзялі ў арэнду зямлю дзвюх сядзіб каля вёскі *Фізінкі* і ў маёнтку *Галоўчыцы*, і сёння на Нараўляншчыне можна знайсці нашчадкаў тых перасяленцаў з прозвішчамі *Брыга, Болат, Шпал*. У названай кнізе прыводзяцца наступныя прозвішчы былых латышоў-каланістаў, што сустракаюцца ў розных частках Беларусі: *Мандрык, Куціс, Берзін, Крумін, Прэйс, Мезайс, Круміс, Яўнайс, Цепліс, Брэдзіс, Рубіс* і інш. [8, 25].

Пераважна ў сумежных з Латвіяй раёнах сустракаюцца і характэрныя прозвішчы, якія адлюстроўваюць шматвекавыя беларуска-латышскія моўныя, этнакультурныя, эканамічныя і інш. сувязі народаў. Так, М. Грынблат адзначае наступныя тыповыя для жыхароў Полацкага, Лепельскага, Чашніцкага, Браслаўскага, Шаркаўшчынскага, Сенненскага раёнаў прозвішчы, якія ўзыходзяць да этнонімаў *латыш, латгол*: *Латыш, Лотыш, Латышоў, Латышаў, Латышовіч, Латышкевіч, Латышкаеў, Латышэўскі, Латышонак, Латышок, Латыгалеў, Латыгоўскі* і інш. Гэтым і іншымі даследчыкамі адзначана, што яшчэ нямала слоў балтыйскага паходжання, не вядомых жывым беларускім гаворкам, успрынята беларускай анамастыкай, асабліва антрапаніміяй (у прозвішчах), і захоўваецца ў ёй. Словы балтыйскага паходжання ў беларускай анамастыцы, як і *беларусізмы* і *славянізмы* ў латышскай і літоўскай тапаніміцы, вывучаны яшчэ недастаткова, хоць вырашэнне гэтых праблем уяўляе вялікую цікавасць для высвятлення этнічнай гісторыі гэтых народаў, іх культурна-моўных сувязей [3, 47].

Пакінулі свой прыкметны след у беларускай анамастыцы *прусы* і *яцвягі* – балцкія плямёны, што былі асіміляваны ці знішчаны германцамі, літоўцамі і славянамі. Так, у гістарычных даведніках, працах, прысвечаных этнагенезу славянаў і балтаў, можна знайсці наступныя звесткі. «Роднасныя літоўцам *яцвягі* – заходнія суседзі Русі Літоўскай – займалі *Белавежскую пушчу* і землі, што да яе прылягалі, так званае Падляшша. У 983 г. у яцвягаў аднялі землі, асяродкам якіх стала *Бярэсце*. Тут жа, на былых яцвяжскіх паселішчах, узніклі і другія гарады – *Кобрын, Камянец, Драгічын*. На яцвяжскія тэрыторыі прэтэндавалі і палякі – у барацьбе за Брэсцкае княства інтарэсы рускіх і мазавецкіх князёў прыходзілі ў сутыкненне.

У 1263 г. пачалося паўстанне прусаў і яцвягаў супраць *Тэўтонскага ордэна*. Вялікую ваенную дапамогу аказалі паўстанцам ліцвіны (беларусы) і літоўцы. Вайна цягнулася дваццаць гадоў і завяршылася перамогай ордэна. Прусы ў наступным былі германізаваны, яцвягі ў большасці сваёй загінулі. Частка іх прыйшла жыць на Гродзеншчыну. *Яцвяжскія* вёскі ёсць на *Скідзельшчыне*. Як адзначае К. Тарасаў, «з палонных яцвягаў пачаўся горад Барысаў. Яцвяжскія імёны – *Дзіркот, Коман, Рыкала, Скумант, Скурко, Сох, Вазола* і інш. – можна прасачыць у беларускіх тапонімах і прозвішчах. На жаль, яцвяжская мова згублена, і пакуль што ў нас не было спроб вычленіць яцвяжскія запазычанасці» [7, 117]. Вядомы краязнаўца з Слуцка Р. Родчанка свае гнасеалагічныя карані шукаў у гісторыі зніклых *прусаў*. Справа ў тым, што ён, як і некаторыя іншыя даследчыкі, лічыў, што прусы не прапалі бясследна. На яго думку, *прусы* часткова былі знішчаны немцамі, часткова імі ж асіміляваны, але значная іх колькасць перасялілася ў бліжэйшыя краіны, у тым ліку і на Беларусь. Напрыклад, і сёння толькі ў радыусе 20–30 км ад Слуцка ёсць тры вялікія вёскі з назваю *Прусы*, дзе ў свой час пасяліліся бежанцы з Прусіі. Адна з гэтых вёсак у Салігорскім раёне і дзве ў Капыльскім. Яшчэ ў першыя пасляваенныя гады ў Капыльскім раёне быў *Прускісельсавет* (Звязда. – 1993. – 11 жн.).

Ад балтыйскіх этнонімаў былі ўтвораны айканімічныя назвы *Жмойдзякі* (Івац.), *Жмойск* (Докш.), *Жамойдзішкі* (Воран.), *Жамойдзі* (Лід.), *Літоўск* (Драг., Кругл.), *Латышы* (Бешанк., Глыб., Мёр.), *Латышчына* (Рас.) і інш. [6, 14–15.]

Некаторыя беларусы маюць прозвішчы, якія ўтварыліся ад цюркскіх, у асноўным ад татарскіх каранёў: *Кураш, Камай, Булгак, Бузук, Калдай, Кабак, Канчак, Даўляш, Букаты, Калган, Курбека, Кардаш, Салтан, Шабаш* і інш. У сваю чаргу татары, якія ўжо больш за семсот гадоў жывуць сярод беларусаў, успрынялі беларускія прозвішчы. Так, татары, што пастаянна жывуць у нашай рэспубліцы (іх называюць *беларускія татары*), карыстаюцца ў зносінах паміж сабою беларускаю моваю, шануюць яе, але зрэдку карыстаюцца сваімі імёнамі, яшчэ меней выкарыстоўваюць цюркскія прозвішчы, аформленыя на ўзор беларускіх: *Улановіч, Гусаім, Бут-Гусаім, Базарэвіч, Якубоўскі, Ахматовіч, Азулевіч*, у ліку такіх некаторыя беларускія, але частыя ў татар: *Александровіч, Канапацкі* і інш.

Першымі пасяленцамі-цюркамі, як лічаць даследчыкі, на Беларусі былі *нагайцы*, якіх войска вялікага князя ўзяло ў палон у данскіх стэпах і Прыазоўі. Пазней, пасля Грунвальдскай бітвы (1410), у якой разам са славянскімі народамі прымалі ўдзел каля сарака тысяч татараў, частка іх засталася ў Літве і на Беларусі. Князь *Вітаўт* заахвочваў жаніцьбу татарскіх воінаў з ліцвінкамі (беларускамі) і надзяляў зямлёю ўзамен за абавязак несці воінскую службу.

Буйное непрымусовае перасяленне татараў на беларускія землі адбылося пасля разгрому *Залатой Арды* ў 1395 г., тады на Беларусь (ВКЛ) прыйшоў з рэшткамі свайго войска сам залатаардынскі *хан Тахтамыш*. Ён доўга жыў у *Лідскім* замку. Апошні хан Залатой Арды таксама жыў каля *Шчучына* на Гродзеншчыне (дарэчы, у гэтых мясцінах і цяпер найбольш кампактна пражываюць татары). Першы крымскі хан, які паклаў пачатак вядомай у гісторыі дынастыі *Гірэяў*, быў родам з-пад Трокаў, дзе, апрача літоўцаў, жыве многа беларусаў, палякаў, татараў (ЛіМ. – 1990. – № 8). Крымскія татары неаднойчы ў XV–XVII стст. нападалі на старажытныя беларускія землі. Нават цяжка падлічыць, колькі перамог і паражэнняў у гэтых набегах-войнах мелі нашы продкі і татары. Па

падліках некаторых даследчыкаў вядома, напрыклад, што ў перыяд з 1474 па 1569 гг. крымскія татары зрабілі 75 паходаў на землі Вялікага Княства Літоўскага. Прычым у двух паходах (1532 і 1551 гг.) з татарамі прымалі ўдзел і туркі. Варта тут адзначыць, што толькі ў акадэмічным зборніку «Легенды і паданні» (Мінск, 1983) занатавана 34 сюжэты пра татараў і туркаў (цюркаў), пра іх самабытную гісторыю прышэльцаў, якую яны пачалі на землях Вялікага Княства Літоўскага часткова як палонныя, часткова як войска, якое несла службу пры дварах феадалаў або пад кіраўніцтвам вялікага князя літоўскага. Пра адну жорсткую бітву ліцвінаў з татарамі ў 1507 г. апавядае такі летапіс, як *«Хроніка Быхаўца»*. Войска князя *Міхала Глінскага* разбіла тады дзесяцітысячную арду прышэльцаў і вызваліла 40 тыс. палонных. Было ўзята ў палон таксама мноства татараў, якія ўжо ніколі не вярнуліся ў Крым, а сталі выконваць разнастайныя работы ў дварах і маёнтках князёў *Глінскіх*, а з цягам часу гэтыя татары стварылі нават свае паселішчы ў ваколіцах *Клецка*. Некаторыя з такіх паселішчаў маюць назвы, у аснове якіх цюркскія карані: *Арда, Карацк*, *Бабаевічы* і інш.

Пра паходжанне асобных татарскіх прозвішчаў, якія трапляюцца ў розных кутках Беларусі, сведчаць легенды. Так, у адной з іх «Перасяленне татараў з Крыма» расказваецца: «...князь Вітаўт быў прызнаным гаспадаром — вялікім князем усёй Літвы. Ён прасіў татарскага цемніка пасяліць коннікаў у мястэчках для вайсковай службы. Татараў жанілі з мясцовымі дзяўчатамі. З таго часу ў некаторых беларусаў захаваліся двайныя прозвішчы, як, напрыклад, *Бут-Гусаінаў* (на Палессі, у Столінскім і Лунінецкім раёнах, часцей сустракаецца варыянт гэтага прозвішча – Бут-Гусаім. – *В.Ш., С.К.*). Плакалі красуні, не хацелі выходзіць замуж за нехрышчоных татарскіх разбойнікаў. Ды воля князя была законам... Вядома, рэлігія адмяжоўвала іх ад мясцовых людзей, і трымаліся яны адасоблена. Але час рабіў сваё. Татары паступова асімілявaліся, страцілі сваю мову, набылі мясцовыя імёны. У касцёл або царкву, праўда, не пайшлі, маліліся ў мячэці, чыталі каран». Даследчыкі матэрыяльнай і духоўнай культуры беларускіх татараў адзначаюць, што частка татараў на Беларусі прыняла хрысціянства і амаль поўнасцю асімілявалася, але дзе-нідзе захавала самабытныя рысы ў гаспадарчым жыцці, хатнім побыце, народным адзенні. Апошняе надзвычай яскрава праяўляецца на *Давыд-Гарадоччыне*, дзе этнографы выдзяляюць нават спецыфічны для беларускага нацыянальнага адзення *«давыд-гарадоцка-тураўскі строй»* з выразнымі элементамі татарскай вонкавай атрыбутыкі. Пра сказанае сведчаць і ўспаміны гарадчукоў, запісаныя і па-мастацку асэнсаваныя ў *«Фрэсках Пагарыння»* пісьменнікам Уладзімірам Глушаковым – ураджэнцам тых мясцін. «Так што прыйшлося гарадчукам (жыхарам Давыд-Гарадка. – *В.Ш., С.К.*) у1503 годзе, з надзеяй азірнуўшыся на Кіеў, у коннымі пешым страі выйсці за сцены роднага горада і схапіцца на адкрытым месцы з паганымі, – у гэтым пабоішчы трохтысячны атрад крымскіх татараў-крымчакоў, напярэдадні адкінутых ад сцен Слуцка, – быў цалкам разбіты і рассеяны.

Уплыў беларускай анамастыкі на рускую, у прыватнасці на тапаніміку, даследчыкі заўважылі таксама на тапонімах тыпу *Рудня, Гута, Буда, Майдан* і інш., якія з'яўляюцца неад'емнай часткай сучаснай беларускай тапанімічнай сістэмы, а на спрадвечна рускай частцы Расіі яны ўжываюцца не так часта. Так, Л. Трубэ такія тапонімы прасачыў з XVII ст. на тэрыторыі Ніжагародскай губерні. На яго думку, выплаўка жалеза з балотнай руды, паташны промысел, нарыхтоўка дзёгцю ў XVII–XVIII стст. атрымалі там інтэнсіўнае развіццё, бо, напрыклад, *паташ*, а больш навукова – *вуглякіслы калій*, шырока практыкаваўся ў тыя часы для вытворчасці мыла, шкла, а дзёгаць – для вытворчасці скур і інш. Гэтая сыравіна вельмі высока цанілася. Як сведчаць афіцыйныя дакументы, у Ніжагародскай губерні тады ўзнік шэраг пасяленняў з назвамі *Гута, Рудня, Паташня, Буда* і вытворныя ад іх. Такія пасяленні, паводле Л. Трубэ, заснавалі там беларусы-перасяленцы, якія наладжвалі вытворчасці па нарыхтоўцы паташу, мыла, жалеза, дзёгцю і іншага ляснога тавару [6, 64].

Такім чынам, асноўнымі прычынамі ўзаемадзеянняў і ўплываў у сістэмах анамастыкі, якія адбываліся ў мінулых стагоддзях у беларускай і суседніх моўных сістэмах, былі міжэтнічныя кантакты: да нашых часоў у анамастыконах прасочваюцца некаторыя роднасныя ўзаемадзеянні і сувязі, асабліва феадальныя шлюбы, канфлікты, міжусобіцы, войны, міграцыйныя працэсы вялікіх груп насельніцтва, выкліканыя беззямеллем, эканамічнымі і сацыяльнымі працэсамі ў суседніх землях і краінах, што заканамерна адбілася і ў моўных сістэмах, асабліва пераканальна на фактах анамастыкі, пераважна айканіміі і антрапанімії.

Больш падрабязна пра ўзаемаўплывы ў анамастычных сістэмах гл. у кнізе «Беларускія ўласныя імёны: беларуская антрапанімія і тапанімія» [9].

Літаратура

1. Беларусазнаўства: навучальны дапаможнік / Пад рэд. П. Брыгадзіна. – Мн.: Завігар, 1997. – 288 с.
2. Веренич, В.Л. К историко-социологической характеристике польских переселенческих говоров в Полесье / В.Л. Веренич // Польские говоры в СССР. – Мн. : Наука и техника, 1973. – Ч. 2. – С. 128–129.
3. Грынблат, М. Беларуска-латышскія сувязі ў тапанімii і антрапанімii БССР / М. Грынблат // Беларуская анамастыка. – Мн.: Навука і тэхніка, 1977. – С. 43–63.
4. Саверчанка, І. Трыумф: гістарычная хроніка / І. Саверчанка // Полымя. – 2017. – № 4. – С. 153–165; № 5. – С. 158–170.
5. Станкевіч, А.А. Мова і грамадства: міжмоўныя кантакты і лексічнае ўзаемадзеянне ў беларускіх народных гаворках / А.А. Станкевіч. – Мн. : РІВШ, 2012. – 220 с.
6. Суперанская, А.В. Что такое топонимика? / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1985. – 168 с.
7. Тарасаў, К. Русь Літоўская / К. Тарасаў // Імя тваё – Белая Русь. / уклад. Г. Сагановіч. – Мн. : Полымя, 1991. – 319 с.
8. Тугай, У.В. Дзе песні з Даўгавы гучалі / У.В. Тугай, А.В. Галавач. – Мн.: Полымя. – 1992. – 87 с.
9. Шур, В. Беларускія ўласныя імёны: беларуская антрапанімія і тапанімія: дапаможнік для магістрантаў, якія навучаюцца па спецыяльнасці 1-21 80 11 «Мовазнаўства» / В. Шур. – Мазыр: Выснова, 2018. – 355 с.
10. Этнаграфія Беларусі: энцыкл. / рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мн.: БелСЭ, 1989. – 375 с.

2. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТОПОНИМИКИ

Т.Ю. Васильева
Витебский государственный
ордена Дружбы народов медицинский университет
e-mail: vasilieva.vitebsk@yandex.by

УДК 811.161(476.4)(476.5)

Ойконимы Витебщины и Могилевщины, объективирующие пространственный код культуры: сопоставительный аспект

Ключевые слова: *топоним, ойконим, пространственный код культуры, ойконимия, сопоставительный анализ.*

В статье выявляются и описываются ойконимы Витебской и Могилевской областей Республики Беларусь, объективирующие пространственный код культуры. Определяются и характеризуются основные пространственные параметры и модели, которые находят отражение в топонимных системах регионов. Устанавливаются общие и специфические черты воплощения данных параметров и моделей в исследуемых ойконимиконах.

T.Y. Vasilieva
Vitebsk State Order of People's Friendship Medical University

Oykonyms of Vitebsk and Mogilev regions, which objectify the spatial code of the culture: the comparative aspect

Key words: *toponym, oykonym, spatial code of the culture, oykonymy, comparative analysis.*

The article is devoted to the research of the oykonyms of the Vitebsk and Mogilev regions, which objectify the spatial code of the culture. The main spatial parameters and models that are reflected in the toponymic systems of the regions are defined. General and distinctive features of the objectification of these parameters in the systems of names of settlements are established.

Ономастические исследования последних десятилетий XX – начала XXI века характеризуются пристальным вниманием к проблемам исследования культурной семантики, заключенной в именах собственных. Выявление культурного содержания ономастических единиц происходит путем соотнесения массивов языковых знаков со знаками культуры, в качестве которых могут рассматриваться единицы кодов культуры. Ойконимия любого региона, представляющая собой в данном аспекте способ языкового воплощения базовых кодов культуры, выступает носителем значимых для данного лингвокультурного сообщества смыслов, выявление которых позволяет определить специфику ментальной сферы создателей топонимикона.

В настоящее время в научной литературе существует несколько подходов к выделению базовых кодов культуры, однако пространственный (ландшафтно-топографический) код присутствует практически во всех классификациях (работы Д.Б. Гудкова, В.В. Красных, энциклопедический словарь «Белорусская мифология»). Данный код культуры описывает способы членения и осмысления пространства человеком. Концепция пространства (места) является базовой для топонимической концептосферы и, соответственно, топонимический материал может дать достаточно подробную и целостную трактовку народного восприятия простран-

ства на основе следующих семантических оппозиций: «ближний – дальний», «правый – левый», «передний – задний», «верх – низ», «стороны света», «начало – конец». Целью нашей работы является выявление специфики ойконимов Витебщины и Могилевщины, объективирующих пространственный код культуры.

Материалом исследования послужили топонимы, представленные в справочниках «Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Віцебская вобласць» и «Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Магілеўская вобласць», также для сопоставления привлекались данные «Слоўніка назваў населеных пунктаў Віцебскай вобласці» и «Слоўніка назваў населеных пунктаў Магілеўскай вобласці» Е.Н. Рапановича.

В результате проведенного исследования ойконимиконов двух регионов установлено, что для описания местоположения поселения в ойконимных системах Витебской и Могилевской областей используются 5 базовых оппозиций («передний – задний», «ближний – дальний», «верх – низ», «начало – конец», «север – юг»).

Параметр «передний – задний» в ойконимиконах двух регионов находит выражение в пространственной модели, реализующей идею *нахождения населенного пункта за каким-либо объектом*. Данная идея объективируется при помощи ойконимов, в семантике которых содержится указание на местоположение поселения за соответствующим географическим объектом (*задние* названия). На территории Витебской области отмечены 83 такие ойконимные единицы, на территории Могилевской области – 34 таких названия: *Заболотье – заболотье* ‘место за болотом’ [4, 553]; *Заборье* – бел. *забор’е* ‘место, которое находится за лесом, за бором’ [8, 269]; *Загорье – загорье* ‘загорная сторона, местность за горами’ [4, 570]; *Задорожье* – бел. *задарожжа* ‘местность за дорогой’ [8, 279]; *Залесье* – бел. *залессе* ‘местонахождение за лесом, по ту сторону леса’ [8, 289]; *Замошье* – бел. *замошша* ‘пространство за моховым болотом’ [8, 293] и др. В исследуемых ойконимиконах не отмечено наименований, в семантике которых отсутствует указание на объект, относительно которого развивается номинация, в отличие, например, от ойконимикона Смоленщины, где присутствуют такие топонимы: *Заднее, Задняя*.

В пределах исследуемых регионов не выявлены *передние* названия, что связано с отражением особенностей субъективной ориентации, где главный тот, кто наблюдает. *Задние* названия присваиваются жителями поселений, для которых номинируемый населенный пункт оказывается расположенным за каким-либо объектом (болото, лес, озеро, поле и др.).

Реализация параметра «ближний – дальний» связывается исследователями топонимного материала с попыткой человеческого сознания измерить пространство через расположение объектов относительно друг друга и положения номинатора. Названия Витебщины, реализующие данную пространственную оппозицию, делятся на коррелирующие и некоррелирующие, тогда как в пределах Могилевской области отмечаются только некоррелирующие наименования. В семантике некоррелирующих топонимов исследуемых регионов содержится указание на локализацию населенного пункта около определенного географического объекта: *Поддубье* – бел. *паддуб’е* ‘место около дубов или под дубами’ [8, 467], *Подберезье* – бел. *падбярэззе* ‘место около березового леса, место под березами’ [8, 464], *Подлесье, Подлипки* – бел. *падлiпкі* ‘место около лип, под липами или где росли липы’ [8, 470] и др.

Необходимо отметить, что в семантике ойконимов с префиксом *под-* может содержаться также указание на локализацию населенного пункта перед соответствующим географическим объектом. Так, В.П. Лемтюгова указывает, что при помощи пространственного префикса *под-* в сочетании с суффиксом *-je* образуются существительные среднего рода с общим значением ‘место, которое находится перед чем-нибудь’ [6, 122].

Локализация населенных пунктов около соответствующего географического объекта отражается в ойконимах с префиксом *при-* (*Придворье* – бел. *прыдвор'е* ‘пространство около крестьянского двора или господского населенного пункта’ [8, 550], *Придорожье* и др. (Витебская область); *Прибор* – бел. *прыбар* ‘место или поселение, которое находится около низкого берега реки’, ‘место около бора’ [8, 547], *Прибережье* – бел. *прыбярэжжа* ‘часть суши, близкая к берегу’ [8, 547], *Приворотье* – бел. *прыварацце* ‘пространство около ворот’ [8, 548] и др. (Могилевская область)), а также в наименованиях с префиксом *у-/уз-* (*Узречье* – бел. *узрэчча* ‘пространство около реки’ [8, 669], *Улесье* – бел. *улессе* ‘место около леса’ [8, 670] и др. (Витебская область); *Уболотье* – бел. *убалацце* ‘пространство около болота’ [8, 661], *Улужье* – бел. *улужжа* ‘пространство перед лугом, около луга’ [8, 667] и др. (Могилевская область)).

Сопоставительный анализ позволил выявить следующие специфические черты ойконимной системы Витебской области: 1) наличие ойконимов с префиксом *над-: Надбережье, Надозерье* (2), *Надречье* (ср. бел. рег. *наднямонне* ‘пространство по обеим сторонам реки Нёман’ [8, 443]); 2) присутствие коррелятивных пар названий: *Буда Ближняя – Буда Дальняя, Близкое Чурилово* (до 1975 г.) – *Чурилово Далёкое*; 3) присутствие ойконимов, выражающих идею расположения населенного пункта между какими-либо географическими объектами: *Мижлесье* – бел. рег. *міжлессе* ‘голое место между кустов на лугу’, ‘узкая полоса леса между основными лесными массивами’ [8, 428], *Мижречье* – бел. *міжрэчча* ‘пространство между речками’ [8, 428].

Наименования, выражающие идею удаленности объекта, являются непопулярными: *Далёкие, Далёкое* (Витебская область), *Дальний, Дальнее Лядо* (Могилевская область). Немногочисленность таких наименований в исследуемых ойконимиконах связана с тем, что простое указание на удаленность населенного пункта оказывается недостаточным, чтобы более или менее точно его локализовать. Противоположная ситуация, по данным А.М. Мезенко, наблюдается в системе названий внутригородских объектов, где модель «ближний – дальний» характеризуется асимметричностью в пользу второго компонента [7, 103].

Рассматривая особенности отражения параметра «верх – низ», следует отметить, что в ономастической литературе выделяются две ситуации функционирования *верхних* и *нижних* названий: 1) «высотная», связанная с пространственной вертикалью; 2) «гидрографическая», обусловленная привязкой к реке [2, 107].

«Высотная» ориентировка выражается при помощи следующих названий населенных пунктов: *Высокая, Высокое, Высоты, Горные Ходцы, Горовые Поршни*; *Верхние Морозы – Нижние Морозы, Высокий Городец – Низкий Городец* и др. (Витебская область); *Верхи, Высокое, Горная Улица – Низкая Улица* и др. (Могилевская область). Популярность некоррелирующих *верхних* (*высоких*) и малочисленность *нижних* названий исследователи топонимного материала объясняют бóльшими дистинктивными возможностями признака высотного расположения объекта по сравнению с признаком нахождения объекта в низине.

«Гидрографическая» ориентировка выражается коррелятивными парами *Верхнее Кривино – Нижнее Кривино* (на р. *Кривинка* (левый приток *Западной Двины*)), *Верхнее Хамино* (утраченное название) – *Нижнее Хамино* (на р. *Сарьянка* (правый приток *Западной Двины*)) (Витебская область); *Верхняя Тощица – Нижняя Тощица* (на р. *Тощица* (правый приток Днепра) (Могилевская область), отражающими относительный признак – расположение объекта выше или ниже другого по течению.

Абсолютный признак (расположение объекта в верховьях или низовьях рек) выражается при помощи названий, зафиксированных в пределах Витебской области: *Верховье* (3), *Водва* – бел. рег. *водва* ‘исток реки’ [8, 151], *Низы, Понизовье* (3), *Понизье, Устье*

(6). Ойконимия Могилевской области включает только два таких наименования: *Понизов, Устье* (2).

Параметр «начало – конец» находит выражение в пространственных моделях, реализующих идею конца пространства. В системе названий населенных пунктов регионов данная идея объективируется с помощью модели *граница* (*Черты* – бел. рег. *чарта* ‘граница; городская граница’ [8, 695], *Кордон* (до 1939 г. *Старое Комачино*) – бел. ‘государственная граница’ [8, 346], *Мета* – бел. рег. ‘граница, пограничный знак, след, линия, след на траве, пашне, маяк; межевая насечка на дереве’ [8, 427], *Рубеж* (3), *Рубежница* (2) и др. (Витебская область); *Кордон*, *Межное* – ср. ст.-бел. *мяжа* ‘граница, линия, грань’ [8, 438], *Межонка*, *Рубеж* (4) (Могилевская область)) и модели *конец* (*Концевые, Кончане, Крайцы* (Витебская область), *Концы, Краи, Крайний* (Могилевская область)). Следует отметить, что если наименования, представляющие первую модель, характеризуются бóльшим разнообразием в пределах Витебской области, то вторая модель характеризуется паритетной представленностью в исследуемых ойконимиконах. Выявленные ойконимы, по мнению исследователей топонимного материала, свидетельствуют о действительных границах между деревнями, землями, находившимися у разных владельцев, и могут служить дополнительным источником исторической информации о специфике землевладения на данных территориях в разные исторические периоды [1, 62].

Идея начала не находит отражения в ойконимных системах, что связано со спецификой субъективной ориентации, при которой пространственное начало совпадает с номинативным центром (населенным пунктом, относительно которого номинируемое поселение располагается в пограничном пространстве). Популярность идеи конца пространства обусловлена существованием четких границ между своим/освоенным и чужим/неосвоенным пространством, а также важностью самой идеи границы [2, 122]. Особое внимание к пространственным границам в народной духовной культуре проявляется в наличии большого количества запретов и предписаний, кодифицирующих поведение в «пограничном» пространстве, а также в традиции совершать на рубежах и границах ритуальные действия из области медицинской, любовной, охранительной и вредоносной магии [5, 306].

Ориентация по сторонам света, в частности ось север / юг, выражается при помощи названий *Северное Гнездилово – Южное Гнездилово* (Витебская область), *Полночное/Северное Белищено – Повднёвое/Южное Белищено* (Могилевская область). Рассмотрение особенностей расположения объектов, обозначаемых данными топонимами, свидетельствует, что характеристика северного и южного направлений является недиффузной: деревни *Северное Гнездилово* и *Полночное/Северное Белищено* находятся севернее деревень *Южное Гнездилово* и *Повднёвое/Южное Белищено*. Следует отметить, что населенные пункты Витебской области *Северное Гнездилово* и *Южное Гнездилово* локализуются севернее д. *Гнездилово*, что указывает на вторичность составных наименований с компонентами *северный* и *южный*.

В прошлом в пределах Могилевской области существовала еще одна коррелятивная пара, отражавшая ориентацию по оси север/юг: *Северный Жабин – Южный Жабин*. В настоящее время ойконим *Северный Жабин* утрачен в связи с вхождением соответствующего населенного пункта в состав деревни Новосёлки Могилевского района Могилевской области.

Некоррелирующие наименования *Восточная* и *Южная* в Витебской области и *Север, Восток, Восточное, Восточный, Восход* (2) в Могилевской не отражают пространственных характеристик объектов, так как они возникли в советское время и фиксируют популярную для советской эпохи тенденцию присвоения наименований по связи с абстрактным понятием (*восток*, *север*, *юг*). Непопулярность названий населенных пунктов,

связанных с ориентацией по сторонам света, является специфической чертой ойконимного пространства, в отличие, например, от урбанонимного, где, по данным А.М. Мезенко, параметры «север – юг», «запад – восток» нашли самое широкое воплощение [7, 104].

Таким образом, изучение названий населенных пунктов Витебской и Могилевской областей не выявило существенных различий воплощения пространственного кода культуры в ойконимиконах исследуемых регионов, однако следует отметить, что ойконимы Витебской области, объективирующие пространственный код культуры, являются более многочисленными (172 топонима на Витебщине против 107 топонимов на Могилевщине) и характеризуются большим разнообразием. Данный факт объясняется тем, что, по данным нормативных справочников [9, 10], в пределах Витебской области в настоящее время функционируют 5018 топонимов, тогда как в Могилевской области названий населенных пунктов в 2 раза меньше (2481 ойконим). Наличие единых пространственных параметров и моделей воплощения пространственного кода культуры в топонимиконах исследуемых регионов обусловливается смежностью территорий, общностью исторического развития.

Литература

1. Агеева, Р.А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации / Р.А. Агеева. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

2. Березович, Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек / Е.Л. Березович ; под ред. А.К. Матвеева. – 2-е изд. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 328 с.

3. Бойцов, О.Н. Топонимия Смоленского края в прошлом и настоящем [Электронный ресурс]: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / О.Н. Бойцов. – Смоленск, 2003. – Режим доступа: http://www.rsl.ru. – Дата доступа: 05.04.2011.

4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – М.: Рус. яз., 1989–1991. – Т. 1: А – З. – 1989. – 699 с.

5. Левкиевская, Е.Е. Пространство / Е.Е. Левкиевская // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / редкол.: Н.И. Толстой (отв. ред.) [и др.]. – М.: Международные отношения, 1995. – Т. 4: П (Переправа через воду) – С (Сито) / Т.А. Агапкина [и др.]. – 2009. – С. 304–308.

6. Лемцюгова, В.П. Беларуская айканімія: Лінгвістычны аналіз назваў населеных пунктаў Мінскай вобласці / В.П. Лемцюгова. – Мінск: Навука і тэхніка, 1970. – 156 с.

7. Мезенка, Г.М. Коды культуры і ўрбананімія славян: падабенства і варыяцыі рэпрэзентацыі / Г.М. Мезенка // Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фальклярыстыка: дакл. беларус. дэлегацыі на Міжнар. з’ездзе славістаў (Мінск, Беларусь, 20–27 жн. 2013 г.) / рэдкал.: А. А. Лукашанец (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2013. – С. 99–108.

8. Яшкін, І.Я. Слоўнік беларускіх мясцовых геаграфічных тэрмінаў: Тапаграфія. Гідралогія / І.Я. Яшкін. – Мінск: Беларус. навука, 2005. – 808 с.

Источники

9. Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Віцебская вобласць: нарматыўны даведнік / У.М. Генкін, І.Л. Капылоў, В.П. Лемцюгова; пад рэд. В.П. Лемцюговай. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 668 с.

10. Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Магілеўская вобласць: нарматыўны даведнік / І.А. Гапоненка, В.П. Лемцюгова, І.М. Шаруха і інш.; пад рэд. В.П. Лемцюговай. – Мінск: Тэхналогія, 2007. – 407 с.

11. Рапановіч, Я.Н. Слоўнік назваў населеных пунктаў Віцебскай вобласці / Я.Н. Рапановіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1977. – 504 с.

12. Рапановіч, Я.Н. Слоўнік назваў населеных пунктаў Магілеўскай вобласці / Я.Н. Рапановіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1983. – 236 с.

В.М. Генкин
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: vgenkin@yandex.ru

УДК 81’373.232.4(476.5)

Родовые и гендерные особенности топонимии Витебщины

Ключевые слова: *топонимы, региональная топонимия, структурно-грамматический анализ, грамматический род, гендерный аспект.*

В статье анализируются структурно-грамматические и номинативные особенности топонимов Витебщины, определяются закономерности функционирования грамматической категории рода в разных типах географических названий. Выявляются гендерные особенности топонимов, восходящих к антропонимам и другим типам именования лиц, устанавливаются исторически мотивированные гендерные приоритеты.

V.M. Genkin
Vitebsk State University named after P.M. Masherov
e-mail: vgenkin@yandex.ru

Generic and gender features of the toponymy of Vitebsk region

Key words: *toponyms, regional toponymy, structural and grammatical analysis, grammatical gender, gender aspect.*

The article analyzes the structural-grammatical and nominative toponyms’ features of Vitebsk region, determines the patterns of functioning of gender as the grammatical category in different types of geographical names. Toponyms’ gender features dating back to anthroponyms and other types of persons’ naming are identified and historically motivated gender priorities are established.

Исследовательская парадигма, характерная для современных гуманитарных наук, ориентирована в первую очередь на изучение роли языка и культуры, ментальных факторов в процессах познания, освоения и изменения человеком окружающего мира. Ономастика, будучи одним из концептуально важных разделов гуманитаристики, тоже все больше уходит от сугубо лингвистических принципов и методов исследования своего разнообразного материала в область, которую в широком смысле можно назвать лингвокультурологической. Признавая смену направления и методологии ономастических исследований естественным и неизбежным процессом, мы, тем не менее, должны не забывать, что ономастическую науку (и особенно топонимику) в ее современном виде сформировал как раз формантный подход, создавший фундамент для всех ее последующих достижений. При всей своей внешней «формальности» именно он позволил в дальнейшем более правильно этимологизировать географические названия, устанавливать их связи с другими разрядами онимов и делать выводы, которые мы можем отнести к области лингвокультурологических наблюдений.

Имеющийся опыт убеждает: какие бы цели и задачи ни ставил перед собой исследователь-ономаст, по-прежнему важным этапом изучения ономастикона, в частности региональной топонимии и ее отдельных разрядов, остается традиционный структурно-грамматический анализ, который не только позволяет формально установить соответствующие типы географических названий, но и представляет собой логически необходимую ступень к более полному пониманию системного характера изучаемой части имен собственных, а также номинативной логики, отраженной в них. Модель исследования «от формы к содержанию» однозначно способна обеспечить бóльшую строгость

и объективность как интерпретации ономастического материала, так и сделанных на основе его анализа выводов.

Среди грамматических категорий, актуальных для описания онимов, существенную информативную нагрузку несет на себе категория рода, которая применительно к основной массе одушевленных существительных (в ономастике это антропонимы) соотносима с признаками пола, т.е. априори является гендерно маркированной. Что касается неодушевленных существительных, к которым относится большинство других онимических пластов, и, в частности, интересующие нас топонимы, то для них это категория классифицирующего характера, которая очень сложно и далеко не всегда поддается логическому объяснению. Кроме того, часть топонимов характеризуется еще и колебаниями в грамматическом роде: *Беразіно – Бярэзань, Бягомль – Бегамля, Гомель – Гомля* (Полоцкий район); *Кацельна* (ср. род) – *Кацельна* (жен. род), *Лясная – Леснае* (Мёрский); *Новая Барсучына – Новае Барсучына* (Шумилинский), *Працоўнае – Працоўная* (Оршанский) и др.

Этимологически близкие топонимы также не ‘однородны’ в сугубо грамматическом смысле этого понятия. Сравним, например, названия деревень, прямо или опосредованно восходящие к антропониму *Ян* и, соответственно, так или иначе указывающие на отношение к лицу, носившему данное имя. Примеры, как видим ниже, имеют разные грамматические показатели, обусловленные, в основном, спецификой словообразовательного значения, выражаемого формантом: *Янавічы, Янанішкі, Янішкі, Янкішкі, Янкавічы, Янкі, Янукі, Янулі* (мн. число), *Янава, Янова, Яніна, Янкава, Януйлава* (ср. род), *Янавіль, Янаўшчына, Янкаўшчына, Янкоўшчына, Яноўшчына* (жен. род).

Сразу оговоримся: в топонимии, особенно в отдельных ее разрядах и подразрядах, обычно прослеживается номинативная логика, позволяющая говорить о предопределенности грамматических, в том числе родовых, особенностей названия. Грамматический род в большей степени зависит от характера денотата и, соответственно, типа топонима. Кроме того, свою роль здесь играет формант, в значении которого совмещены семантические и грамматические показатели. Логическое объяснение категории рода в топонимии чаще всего связано с характером детерминативов, то есть «слов, обозначающих определенную географическую реалию» [3, 47]. Для витебской топонимии наиболее актуальны географические термины, используемые для обозначения следующих типов объектов:

– различного вида и разной величины водоемов, которыми богат регион (*болото, колодец, озеро, река, ручей* и т.п.);

– самих поселений (*город, деревня, местечко, село, посёлок, хутор* и т.п.);

– земельных, лесных и иных участков, угодий (*гай, лес, поле, роща* и др.);

– путей сообщения и переправ (*гать, перевоз, переезд, разъезд* и т.п.).

Проиллюстрируем данное положение на конкретных группах примеров. Так, несубстратные названия рек, особенно небольших, почти регулярно имеют форму женского рода: *Абалянка, Бярозка, Друйка, Крывінка, Лужаснянка, Матіца, Пестніца, Свячанка, Ужніца, Халастоўка, Шэвінка* и т.д. Среди таких потамонимов много вторичных, оформленных соответствующими данному типу топонимов аффиксами названий (*-анка/-янка, -інка, -іца, -оўка/-аўка* и др.). Обычно такие форманты присоединяются к основам ойконимов: р. *Друйка* ← г.п. *Друя* (Браславский район), р. *Лужаснянка* ← д. *Лужасна* в (Витебский), р. *Крывінка* ← д. *Крывіна*, р. *Свячанка* ← *аг. Свяча* (Бешенковичский) и т.д. Все немногочисленные названия адъективного типа также указывают на согласование с термином-определителем по женскому роду, например, реки *Белая, Крывая, Сіняя*. Нужно отметить, что и в группе гидронимов, используемых для именования крупных или относительно крупных рек и имеющих, как правило, более древнее происхождение, тоже преобладает форма женского рода: *Віцьба, Дзвіна, Дзісна, Друць, Лучоса, Палата, Шоша, Эсса* и др. Потамонимы в форме мужского рода составляют небольшой процент в числе названий рек региона, причем некоторые из них в разговорной речи имеют параллельные варианты женского рода: *Агнеш, Адроў* (*Адрова*), *Днепр, Сергуч, Сермеж, Язьмянок*.

В многочисленной и разнообразной витебской лимнонимии однозначно доминирует форма среднего рода, продиктованная родом детерминатива *озеро*. Именуемые такими формами озера расположены в разных частях Витебщины: *Асвейскае* (Верхнедвинский район), *Белае* (Браславский, Бешенковичский, Витебский, Глубокский, Полоцкий районы), *Богінскае* (Браславский), *Глыбокае* (Полоцкий), *Дабееўскае* (Шумилинский), *Доўгае* (Глубокский), *Ельна* (Браславский, Мёрский), *Лосвіда* (Витебский) и т.д. Форма среднего рода присуща как названиям, возникшим непосредственно в белорусском языке и имеющим нередко прозрачную структуру либо объяснимые на синхронном уровне деривативные отношения (оз. *Асвейскае* ← г.п. *Асвея* в Верхнедвинском районе, оз. *Богінскае* ← дер. *Богіна* в Браславском, оз. *Лукомльскае* ← дер. *Лукомль* в Чашникском, оз. *Наўліцкае* ← дер. *Наўліца* в Полоцком, оз. *Слабадское* ← дер. *Слабада* в Бешенковичском), так и более древним субстратным или заимствованным лимнонимам: *Абстэрна* (Мёрский район), *Лосвіда* (Городокский), *Струста* (Браславский) и др.

Переходя к характеристике грамматического рода ойконимов, сразу подчеркнем, что этот пласт географических названий в современном топонимиконе играет по ряду позиций ведущую роль, несмотря на ярко выраженную тенденцию к сокращению числа населенных пунктов. На момент создания словаря-справочника «Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Віцебская вобласць: нарматыўны даведнік» [2] на территории региона в его административных границах насчитывалось 6528 населенных пунктов. С точки зрения структуры, грамматических и словообразовательных особенностей их названия достаточно разнородны. В структурном отношении преобладают простые названия, на долю которых приходится 92,45%, вторая позиция принадлежит составным ойконимам (5,7%), на третьем месте – сложные названия (1,85%). Среди простых по структуре ойконимов выделяется группа названий в форме множественного числа (46,25%). Названия в форме единственного числа представлены преимущественно средним родом (30,55% от общего числа). Почти каждый пятый из простых ойконимов имеет форму женского рода (19,81%). Названия мужского рода составляют самую немногочисленную группу (3,41%).

Исследователи неоднократно отмечали: за формальными внешними показателями грамматического числа и рода нередко кроются куда более глубокие факторы, отражающие, помимо прочего, менталитет народа-номинатора. Так, доминирование форм множественного числа в белорусской ойконимии, по мнению ономастов, свидетельствует о коллективности сознания и мировосприятия как важном элементе белорусского менталитета. Участок земли и расположенный на нем населенный пункт через такие названия номинаторы связывают с определенным коллективом, а не ограничиваются указанием на отношение к одному-единственному лицу (владельцу, наследнику, основателю и т.д.). Хотя ойконимы в форме единственного числа, в том числе названия с посессивным значением, достаточно распространены, они не занимают ведущих позиций, как, например, в некоторых российских регионах. Доля ойконимов с формантами *-іна*/*-ына* и *-ова*/*-ава*/*-ева* (самые распространенные словообразовательные элементы в восточнославянской ойконимии) составляет менее примерно 21% от общего числа современных названий населенных пунктов Витебщины.

По-разному проявляет себя показатель грамматического рода в названиях городских и сельских поселений. В астионимии (если населенный пункт изначально строился как город, а не стал им в результате роста населения и иных изменений) преобладают примеры мужского рода: *Браслаў*, *Віцебск*, *Лепель*, *Полацк*. Как уже отмечалось выше, объясняется этой грамматикой детерминанта ‘город’.

В комонимии для именования сел и местечек используются преимущественно лексемы среднего рода (*Багародзіцкае*, *Вялікае Сяло*, *Глыбокае*, *Дворнае Сяло*, *Коханово*, *Спаскае* и др.), а для деревень (если не брать во внимание названия в форме множественного числа) – среднего (*Баршчоўка*, *Запалянка*, *Ляхаўка*, *Клябань*, *Опса*, *Укля* и т. д.) и женского (*Азёрная*, *Асінаўка*, *Баравая*, *Глінаўка*, *Глыбачка*, *Каменка* и многие другие). Естественно, что ойконимы, образованные путями онимизации апеллятивов или трансонимизации, сохраняют грамматические признаки мотивирующих слов:

– *Балота* (*Вялікае Балота*), *Барок, Бор, Буда, Гара, Гаць, Горка, Кардон, Мельніца, Рудня, Слабада* (ойконимы – онимизированные апеллятивы);

– *Белае, Вымна, Езярышча, Лосвіда, Паўазер'е, Струста, Шэвіна, Язна* (названия населенных пунктов, образованные безаффиксным способом на базе лимнонимов);

– *Бірвіта, Віцьба, Дзісна, Лонніца, Палата, Ула* (трансонимизированные потамонимы).

Предметом нашего внимания являются не только вопросы, связанные с категорией грамматического рода в региональной топонимии, но и проблемы отражения гендерного фактора в системе географических названий. Следует сразу подчеркнуть: в топонимии родовые различия сугубо грамматического характера сами по себе не могут служить каким бы то ни было показателем гендерных особенностей. Выявление гендерной составляющей возможно лишь при условии, что топоним явно или на имплицитном уровне несет в себе информацию о человеке. В современной региональной топонимии названия, содержащие в своей основе указание на определенное лицо или группу лиц, являются преобладающим лексико-семантическим типом топонимов. Исторические данные свидетельствуют: их основная масса формируется после XIV столетия, что объясняется развитием частного земледелия, активизацией процессов расселения и, как следствие, вовлечением в оборот большого числа земельных участков, их дроблением и появлением на них новых объектов, каждый из которых нуждается в отдельном именовании. Эта эпоха характеризуется особой номинативной продуктивностью и доминированием антропоцентричного подхода в процессе выбора имени для самых разных географических объектов. Абсолютное большинство топонимов, возникших в период начиная с указанного времени и по сей день, связано с человеком. В качестве производящих основ выступают, во-первых (преимущественно), антропонимы, во-вторых (реже), другие формы именования лиц: этнонимы, названия людей по социальным, профессиональным и иным признакам.

Все топонимы, восходящие ко второму типу основ, указывают на отношение к формам номинации лиц мужского пола. Объяснить это можно двумя основными причинами: семантической и словообразовательной первичностью форм мужского рода именования лиц и социальным положением женщины в эпоху активного формирования топонимов. В пользу того что топонимы были образованы от основ мужского рода говорят и их деривативные показатели: характер формантов, морфонологические и морфотактические особенности. Проиллюстрируем несколькими группами примеров:

– этнотопонимы: *Гудава Зямянскае, Латыгава, Латышонкі, Латышы, Ляхавічы, Ляхі, Мазурава, Мазуры, Маскалёнкі, Маскалёва, Палякі, Палячкі*, и др.;

– топонимы, образованные от названий лиц по профессии, роду занятий: *Бандары, Ганчарова, Дзегцяры, Жабенцяі, Кавалі, Кажамякі, Пісарава, Папоўшчына, Сакольнікі* и т.п. (в скобках отметим, что часть профессий, зафиксированных в этой группе географических названий, в принципе была не доступна женщинам);

– ойконимы, связанные с названиями лиц по сословным признакам, воинским званиям и т.п.: *Бандарцы, Баярова, Баяршчына, Баяры, Казакі, Казачкі, Казакова, Князёва, Князі, Маёраўшчына* и др.

Среди антропотопонимов также однозначно доминируют названия, в чьих основах зафиксированы мужские имена. Правда, здесь возможна определенная корреляция, связанная с наличием параллельных, схожих форм, относящихся как мужскому, так и к женскому именникам, но при выборе исходного варианта предпочтение, как показывает анализ, будет отдаваться мужскому антропониму.

На фоне вышесказанного наибольший интерес, как раритетные, представляют названия, восходящие непосредственно к женским именам. Их дифференциация тоже сопряжена с определенными трудностями и должна сопровождаться некоторыми оговорками. Практически не вызывает сомнений этимологизация следующих комонимов:

– *Альгова* (сегодня пригород Витебска), название связывается с женским именем *Ольга*; такую же точку зрения отражает и словарь В.А. Жучкевича [1, 268–269];

– *Сонькін Рог* (Ушачский район), притяжательное прилагательное в составе топонима однозначно говорит о его происхождении;

– *Мікіціха* (Шумилинский), благодаря антропонимному форманту *-іха*, который в другой функции в топонимии практически не используется, название увязывается с именем (прозвищем) женщины.

Некоторые сложные отантропонимные топонимы со вторым корнем, восходящим к апеллятиву *поле*, логически соотносятся с именами лиц женского пола, так как многие виды полевых работ были зоной ответственности женщины. На сегодня сохранилось три таких названия: *Брыгітполле* (Витебский район), *Ірынполле* (Лепельский), *Мар'янпаль* (Городокский). Из них бесспорно только один увязывается с женским именем *Брыгіта*. Для двух других версия о происхождении от женских имен является предпочтительной, но не единственно возможной ввиду наличия мужских имён *Ірын* и *Мар'ян*. Согласно «Краткому топонимическому словарю», названия происходят от женских имен *Ирина* [1, 147] и *Марья* [1, 224].

Название деревни *Евіна* (Городокский район) В.А. Жучкевич увязывает с фамилией *Евін* [1, 115]; в таком случае можно говорить лишь об опосредованной связи топонима с женским именем *Ева*.

Литература

1. Жучкевич, В.А. Краткий топонимический словарь Белоруссии / В.А. Жучкевич. – Минск: Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1974. – 448 с.

2. Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Віцебская вобласць: нарматыўны даведнік / У.М. Генкін, І.Л. Капылоў, В.П. Лемцюгова; пад рэд. В.П. Лемцюговай. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 669 с.

3. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – Москва: Наука, 1988. – 192 с.

М.В. Голомидова
Уральский федеральный университет
e-mail: golomidova-marin@mail.ru
С.О. Горяев
Уральский федеральный университет
e-mail: gorajev@yandex.ru

УДК 81.373.211.5

Актуализация культурной информации городских топонимов в контексте формирования локальной идентичности: опыт новых форматов топонимического просвещения

Ключевые слова: *городские топонимы, территориальная идентичность, культурная информация, городской топонимический ландшафт, топонимическое просвещение.*

В статье рассматриваются роль просветительской топонимической работы для формирования локальной идентичности. На примере просветительских практик в Екатеринбурге, раскрываются новые способы привлечения внимания к городскому топонимическому ландшафту и способы популяризации информации о городских топонимах. Освещается опыт модернизации традиционных просветительских форм при использовании топонимического материала в деятельности электронных СМИ и блогеров, экспертов-топонимистов и специалистов в области музейного и экскурсионного дела.

M.V. Golomidova
Ural Federal University
S.O. Goryaev
Ural Federal University

The Actualization of Cultural Information of Urban Place Names in the Context of the Local Identity Development: The Experience of New Formats of Toponymic Enlightenment

Key words: *urban place names, street names, territorial identity, cultural information, urban toponymic landscape, toponymic enlightenment.*

The article examines the role of toponymic enlightenment for the formation of local identity. Using the example of educational practices in Yekaterinburg, the authors are reveal new ways of attracting attention to the urban toponymic landscape and ways of popularizing information about urban toponyms. The article highlights the experience of modernization of traditional educational forms when using toponymic material in the activities of electronic media and bloggers, toponymic experts and specialists in the field of museum and sightseeing work.

Наука о географических именах традиционно рассматривает топонимы как знаки культуры, способные передавать историко-культурную и социокультурную информацию. Поэтому такое особое направление прикладной топонимики, как популяризация научных знаний, неизменно раскрывает тесную связь топонимии, истории и культуры и показывает ценность топонимического материала в реконструкции «времен и событий». Многие профессионалы, вовлеченные в эту деятельность, – от ученых и педагогов до работников музеев и туристических гидов на местах – не только расширяют эрудицию своей аудитории, но и пробуждают интерес к топонимии, и, что особенно важно, если речь идет о географических именах родного края, города, поселка, – к месту своего проживания.

«Топофилией» назвал И-Фу Туан эмоциональную связь человека и пространства, подчеркивая гуманистическую значимость восприятия и понимания места как части жизненного мира людей [1]. Через личное отношение к месту, через его субъектную интерпретацию вырабатывается то, что называется «чувством места», а вместе с тем и осознание человеком своей идентичности как приобщения к нему. Географические имена выступают в этом случае знаками, которые помогают формировать идентичность территориальную – региональную, локальную – и закреплять устойчивые ассоциативные связи человека с территорией. Эти связи становятся существенными для общественного сознания в современную эпоху, отмеченную диалектическим взаимодействием процессов глобализации и глокализации, проявляющейся, в частности, в «сохранении и усилении региональной специфики территорий» [2, 3]. В условиях глобализующегося мира – подчеркивают исследователи социальной и политической географии, – у жителей отдельных регионов «формируется осознание того, что сохранение собственной региональной уникальности и дальнейшее развитие территории возможны лишь в том случае, если будет сохранена собственная региональная специфика в глобальном пространстве» [3, 3].

По отношению к городу идентичность является формой территориальной самоидентификации местных жителей. «Значимыми в городской идентичности становятся проявления уникальности города в сравнении с другими городами, приписываемые ему людьми, которые выступают в роли как создателей, так и реципиентов идентичности [4, 96].

Городские топонимы, рассматриваемые в таком ключе, несомненно, вносят свой вклад в общий фонд представлений о территориальной самобытности – они вербально маркируют топографию пространства, закрепляют общие и индивидуальные знания

о фрагментах городской территории, помогают связать в коллективной памяти места и события. Поэтому привлечение внимания жителей к окружающему топонимическому ландшафту – в любых коммуникационных форматах – способно работать на углубленное осмысление специфики города, на формирование чувства привязанности и на объединение местных сообществ. Отсюда проистекает особая актуальность современного топонимического просвещения.

На сегодняшний день уже сложился определенный набор жанров просветительских краеведческих материалов. В их числе специальные книжные издания, научно-популярные материалы в СМИ, лекции и беседы, которые проводятся на медиаканалах и в живом общении со слушателями, школьные уроки и рефераты и др. Однако новые технические возможности и новые подходы к взаимодействию с общественностью способствуют расширению приемов и форм вовлечения аудитории в топонимическую «тематику». В этой связи представляется чрезвычайно перспективным как «собирание» просветительских новаций, так и обмен творческим опытом. В своем описании мы обратимся к екатеринбургским кейсам и рассмотрим, какие каналы и средства работы с аудиторией применяются для усиления воздействующего эффекта и достижения познавательного, аффективного и конативного (поведенческого) результата.

Городские топонимы, как и любые другие географические имена, будучи конвенциональными обозначениями, имеют склонность к утрате живой мотивировочной семантики. В этом случае они могут сохранять внешние структурные связи с производящей лексикой, однако вопрос жителям, «почему так названо», уже может не получить своего ответа. В значительной степени это касается, например, мемориальных названий. Чем шире известно имя человека или события, увековеченное в урбанониме, тем выше шансы на сохранение устойчивых ассоциаций с коллективными усредненными энциклопедическими знаниями.

Однако вполне типичны и факты иного рода, когда имя, по сути, перестает поддерживать в своей внутренней форме общественную значимость исходного мотива номинации, и внутренняя форма затемняется. К примеру, подавляющему числу жителям Екатеринбурга не известно, в честь кого названа *улица Крауля*. При своем появлении в 1918 году название имело уточняющий компонент «*Рабочего Крауля*», но позднее он был упразднен. В итоге со временем неясность внутренней формы повысила условность годонима, ослабила его возможности к актуализации объяснительного контекста и стала поводом для разноплановых интерпретаций (см. характерное название статьи [3]). Часть из них развертывается даже в версиях местного топонимического фольклора [4].

Стертость внутренней формы не препятствует функционированию топографических имен собственных, поскольку их основная функция направлена на навигацию в пространстве. Но в то же время утрата связей с фондом общих знаний значительно обедняет их смысловой потенциал. Отсюда и проистекает необходимость реанимировать сведения, благодаря которым «оживляется» внутренняя форма топонимов для массовой аудитории.

Современными цифровыми инструментами для восстановления / или поддержания коллективной осведомленности могут служить QR-коды, размещенные на зданиях и улицах, интересных с точки зрения истории или современности. В отличие от обычных памятных табличек, QR-код позволяет перейти на интернет-ресурсы и получить более емкую информацию, которую передают не только в справочные тексты, но и фото- и видеоматериалы.

Еще одним модернизированным способом (не лишенным, впрочем, своих исторических корней») является визуализация образа, заключенного в топониме. Традиционно для этого использовались и продолжают использоваться аннотационные и мемориальные доски. Но формы современного уличного искусства и малые скульптурные формы, размещаемые в пространстве, близком к пешеходам, позволяют в большей степени обратить на себя внимание. Приведем в качестве примеров частные екатеринбургские «зарисовки»:

портрет И.С. Тургенева, выполненный в жанре популярного уличного искусства – граффити, украсивший торцевую часть дома по улице, которая носит имя писателя; скульптурное изображение архитектора Константина Бабыкина в сквере, названном в его честь. В последнем случае «герой» названия, – основатель уральской архитектурной школы, – как обычный горожанин, сидит на скамеечке, а за его спиной возвышается величественное здание Управления железной дороги, построенное по проекту архитектора. Не сложно заметить, что общим для отмеченных приемов является демократизация форм подачи визуального материала: «герои», чьи имена увековечены в топонимах, перемещаются «с пьедесталов в повседневность» и словно становятся частью сегодняшней жизни.

Широкие возможности для решения просветительских задач предоставляют городские порталы и социальные сети. Так, городской портал Екатеринбурга Е1 организовал большой проект «Неизвестный Екатеринбург», в рамках которого с 2015 года по настоящее время наполняется рубрика «Улицы нашего городка». История названий улиц и названий отдельных строений, городской топонимический ландшафт и неразрывно связанный с ним ландшафт архитектурный, улицы и происходившие на них события – таков контент большой серии материалов, размещенных на Е1. Материал каждой публикации подается как виртуальная, привязанная к конкретному топосу (улице, перекрестку), экскурсия в занимательной форме, подающая исторические и краеведческие сведения. Показательно, что в самом начале проекта авторы задают именно топонимическую тему: «Первая улица в этом списке – Шейнкмана. Признаемся, выбор на неё пал неслучайно – именно здесь находится редакция E1.RU.» [5] и далее в очерк включается биографическая справка и рассказ о прежних названиях улицы. Личное отношение к месту призваны формировать характерные вовлекающие заголовки, например, [6], [7], [8] и др.

Весь проект призван, конечно же, не только рассказать о местах и об их именах, но и пробудить читательский отклик: расшевелить фантазию аудитории, настроить горожан на собственные воспоминания, на поиск личных историй. Условия для разговора всех, кто заинтересовался темой, предоставляет лента комментариев в чате и общее приглашение к диалогу. Не случайно, настраивая на погружение в тему, организаторы проекта призывают делиться своими знаниями «топонимических историй», неофициальных названий, а также местных городских мифов и легенд.

Аналогичным образом происходит работа с группами в социальных сетях, где формируются свои сообщества и в неформальном ключе идет обмен интересными находками и топонимическими фактами, см., например, один из постов в группе «Екатеринбург | История Екатеринбурга» в социальной сети «Вконтакте» (https://vk.com/wall-181806689_19738). Инициаторами ведения аккаунтов в социальных сетях выступают как люди с научной подготовкой, так и активные жители, которым нравится изучать свой город в подробностях, делиться знаниями и мнениями, участвовать в обсуждении дискуссионных вопросов и получать удовлетворение от общения в группе. Учитывая, что социальные сети все заметнее берут на себя роль нью медиа, за ними можно усматривать хорошие перспективы в качестве площадки для развития коммуникации «вокруг городских топонимов».

Отдельного комментария в качестве формы модернизированной работы заслуживают специальные мероприятия, например, по-новому организованные тематические выставки в музеях. Прямой контакт с посетителями, риторическая работа экскурсоводов, дополнительные творческие задания и квесты позволяют создать эмоциональную атмосферу в общении с посетителями, получить обратную связь и добиться воздействующего результата. Для конкретизации обратимся к опыту просветительской топонимической работы Музея истории Екатеринбурга.

В 2018 году музей организовал выставку с интригующим названием «Кто такой Толебок?». В название выставочного мероприятия вынесено гипотетическое темное в этимологическом плане слово *Толебок* одна из версий старого названия улицы, сейчас официально именуемой *улицей Толедова*. Выставка аккумулировала обильный исторический материал о происхождении и динамике топонимического ландшафта города и

преподнесла его в форме увлекательного путешествия в пространстве и времени. Погружению в разные эпохи помогали документы, карты, фото- и видеоматериалы, сюжетные зарисовки из жизни столицы Среднего Урала, а также экспонаты, овеществившие адресную работу топонимов, – таблички и аншлаги, некогда висевшие на улицах уральской столицы, конверты и открытки с адресами, старые газетные объявления. Загадки от организаторов и элементы квеста («Как стартовать на улице Свердлова, то через Арсеньевский проспект можно добраться до Верхотурского тракта. И при этом оставаться на месте?») [10] привнесли интригу в восприятие информации.

Почти правилом стала в современной музейной работе интерактивность, то есть приглашение посетителей к различным формам деятельностного общения с выставочными материалами и к сотворчеству. Примечательно, что в случае екатеринбургской выставки посетителей приглашали попробовать свои силы в номинации городских улиц и оценить итоги своих усилий. Подобные задания занимательны для экскурсантов, но они одновременно позволяют выявить трудные вопросы топонимического нейминга и провести тренировку языкового вкуса. В свою очередь, для профессионалов, занимающихся разработкой новых городских имен, результаты своеобразных номинативных экспериментов дают пищу для своих наблюдений.

В топонимическом плане представляет интерес отдельный проект Музея истории Екатеринбурга «Город семи районов» (https://ekb7.ru/), призванного привлечь внимание к нецентральным частям города. На сайте размещены лонгриды о жилых районах города, для ряда районов разработаны путеводитель и экскурсии. Интерактивная часть проекта представлена на сайте игрой по указанным на заглавной странице и по прочим жилым районам.

Отметим, что несмотря на популярность интернет-форматов, «топонимическая активность» музея вынесена и в реальный мир. Музей разработал настольную игру «Лица улиц Екатеринбурга» (https://m-i-e.ru/licaulic), в которой нужно сопоставить название улицы в честь известного человека с портретом этого человека. При этом персоналии поделены на пять категорий: поэты/писатели, государственные деятели, революционеры, ученые, люди героических профессий. Кроме настольной игры, для самых маленьких посетителей предлагается интерактивное занятие «Где эта улица?» (https://m-i-e.ru/gdeulica), напрямую связанное с топонимической номинацией – одно из заданий предполагает, что дети сами дают улицам названия, то есть выступают в роли создателей урбанонимов.

Наконец, топонимическое просвещение может принимать формы специальных публичных мероприятий. В екатеринбургском культурном пространстве примером такового служит проект «Семейный open-air фестиваль локальной идентичности жителей микрорайона Химмаш и поселка Нижне-Исетск» (https://m-i-e.ru/himmash-fest), где локальная идентичность вынесена в название события. Обратим внимание, что в заглавие вынесены городские хоронимы (поселок Нижне-Исецк уже давно вошел в состав города как жилой район Нижнеисецкий), подчеркивающие область проявления локальной идентичности, но основная форма этого проявление – знакомство и углубление знаний именно о составляющих район улицах.

Подводя итог обзору екатеринбургских практик, обратим внимание на некоторые характеристики текущей ситуации:

Во-первых, следует отметить общую тенденцию к росту познавательного интереса жителей к своей территории, к отысканию ее специфических черт, в том числе через повышение осведомленности о жизненном контексте появления и функционирования городских названий.

Во-вторых, востребованными у массовой аудитории оказываются просветительской формы работы, основанные на принципах диалогичности и интерактивности.

В-третьих, применительно к разным возрастным группам подтверждают свою эффективность формы сотворчества, благодаря которым горожане вместе с профессионалами погружаются в изучение и восстановление подробностей жизни улиц, микрорайонов и районов и участвуют в подержании живой памяти мест.

Литература

1. Tuan, Y.F. Topophylia / Y.F. Tuan. – New York: Columbia University Press, 1990. – 260 p.

2. Robertson, R. Globalization: Social Theory and Global Culture / R. Robertson // SAGE Publications. – London – Thousand Oaks – New Delhi, 1992. – 211 p.

3. Голубь, А.Б., Шведов, В.Г., Агжитов, А.А. К вопросу о значении процессов глобализации и глокализации в социально-экономическом развитии регионов // Власть и управление на Востоке России. – 2013. - №2. – С.3–9.

4. Старостова, Л.Э. Прагматический подход к моделированию территориальной идентичности: социокультурный аспект / Л.Э. Старостова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. – 2015. – № 3 (141). – С. 95–105.

3. А был ли Крауль? / Мультирегиональный агрегатор новостей «БезФормата» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ekaterinburg.bezformata.com/listnews/a-bil-li-kraul/66950904/. – Дата доступа: 30.01.2022.

4. Кепкин, Г.В Екатеринбурге есть улица Крауля. Почему она так называется? / социальная сеть «Живой журнал» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://garyh-jet.livejournal.com/327532.html. – Дата доступа: 30.01.2022.

5. Улицы нашего городка: где жил герой Маяковского и хранили «самый драгоценный» изумруд / Сетевое издание «Е1.РУ Екатеринбург Онлайн» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.e1.ru/text/gorod/2016/12/08/50504591/. – Дата доступа: 30.01.2022.

6. Улицы нашего городка: где любят бродить сталкеры и прячутся маленькие шедевры конструктивизма / Сетевое издание «Е1.РУ Екатеринбург Онлайн» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.e1.ru/text/gorod/2017/01/25/50986261/. – Дата доступа: 30.01.2022.

7. Улицы нашего городка: где справлял Новый год Свердлов и на каждом доме висело имя Троцкого / Сетевое издание «Е1.РУ Екатеринбург Онлайн» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.e1.ru/text/gorod/2017/03/07/50986221/. – Дата доступа: 30.01.2022.

8. Екатеринбург, где логика? Пять фактов, которые убедят вас, что город все перепутал: если вы недавно на Урале, то наверняка попадали в ловушки улиц / Сетевое издание «Е1.РУ Екатеринбург Онлайн» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.e1.ru/text/entertainment/2020/11/07/69530085/#card_5. – Дата доступа: 30.01.2022.

10. Чирков, С. Нейминг города. Зачем улицы меняют имена / Сайт «Екатеринбург-ТВ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ekburg.tv/articles/gorodskie_istorii/2018-05-15/nejming_goroda._zachem_-ulicy_menjajut_imena – Дата доступа: 30.01.2022.

И.А. Дамбуев
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
e-mail: igor_dambuev@mail.ru

УДК 811.133.1’373.21

Новые топонимы во Франции: проблемы выбора имени

Ключевые слова: *французская топонимия, новые коммуны, нормализация топонимов, выбор имени, Национальная комиссия по топонимии.*

В статье сообщается о топонимической деятельности во Франции в связи с проведением территориальной реформы. Эта реформа, заключающаяся в укрупнении административно-территориальных единиц, привела к появлению новых топонимов. На материале доклада французской делегации на 2-й Сессии Группы экспертов ООН по географическим названиям перечисляются основные проблемы с новыми топонимами. Излагаются основные принципы выбора новых топонимов и правила их написания, сформулированные в практическом руководстве по установлению географических названий, изданном во Франции в 2021 году.

I.A. Dambuev
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

New toponyms in France: choosing a place name

Key words: *French toponymy, new communes, standardization of toponyms, choosing a name, National toponymy commission.*

The article reports on toponymic activity in France in connection with territorial reform. This reform, consisting in the integration of administrative-territorial units, resulted in the creation of new toponyms. Based on the report of the French delegation at the 2nd Session of the UN Group of Experts on Geographical Names, the main problems with new toponyms are listed. The basic principles of the choice of new toponyms and the rules of their spelling, formulated in the practical guide to deciding on geographical names, published in France in 2021, are outlined.

Во Франции в 2015–2019 гг. были проведены территориальные реформы, в результате которых произошло объединение нескольких регионов и ряда коммун (коммуна – низшая единица в административно-территориальном делении Франции). Это привело к необходимости создания новых названий для более укрупненных административно-территориальных единиц. С 2015 г. Национальная комиссия по топонимии (НКТ) письменно обращалась к инициаторам территориальной реформы с предложениями помощи в решении будущих вопросов, связанных с географическими названиями. Однако эти письма были получены слишком поздно и не повлияли на выбор названий для новых административных единиц. В результате НКТ апостериори констатировала низкое качество некоторых из вновь официально утвержденных названий.

Как отмечалось в докладе французской делегации на 2-й Сессии Группы экспертов ООН по географическим названиям [2], состоявшейся 3–7 мая 2021 г. в виртуальном формате, в 2015 г. написание 35% названий новых коммун имело ошибочную орфографию, а в 2016 г. таких написаний было 40%. Практически все орфографические ошибки при написании новых географических названий были связаны с написанием составных топонимов. В 96% случаев были нарушения в употреблении дефиса, 11% – нарушения в употреблении прописной буквы и 2% названий имели нарушения в употреблении диакритических знаков. В 2017 г. Министерство внутренних дел Франции адресовало префектам служебное письмо, рекомендующее помимо прочего придерживаться правил орфографии в написании новых географических названий. С 2017 г. орфографические ошибки стали редкими.

Помимо орфографических вопросов НКТ обратила внимание на выбор самих новых названий. Образование некоторых топонимов является неудачным. Например, новый регион, объединяющий прежние регионы *Аквитанию* (*Aquitaine*), *Пуату* (*Poitou*) и *Лимузен* (*Limousin*), получил название *Новая Аквитания* (*Nouvelle-Aquitaine*). В топонимии понятие новизны обычно связано с переносом известного названия на другую территорию (например, *Новая Каледония, Новый Орлеан, Нью-Йорк* и др.). Случай же с *Новой Аквитанией* резко выделяется из этой традиции номинации, вызывая сомнения в удачности названия.

Еще одним примером сомнительного названия для топонимистов НКТ явилось название региона на севере Франции *Hauts-de-France*. Регион был образован слиянием регионов *Nord-Pas-de-Calais* и *Picardie* и на первых порах обозначался простым слиянием бывших названий – *Nord-Pas-de-Calais-Picardie*. В результате обсуждений с жителями этих регионов в феврале 2016 г. региональный совет выбрал три предложенных

варианта: *Hauts-de-France, Nord-de-France* и *Terres-du-Nord*. В итоге в результате онлайн-опроса, в котором приняло участие 55 000 человек, региональный совет выбрал вариант *Hauts-de-France* (букв. ‘Верх Франции; Верхняя Франция’). В сентябре того же года это название было утверждено Государственным советом. Критика этого названия вызвана тем, что в данном случае употребление слова *haut* ‘верх, вершина’ связано с сугубо картографической условностью – расположением севера на топографической карте. Во французской же топонимии слово *haut* традиционно употребляется для обозначения возвышенностей или верховьев реки.

В ходе территориальных преобразований НКТ удалось при поддержке Министерства внутренних дел и Ассоциации мэров и председателей межкоммунальных образований Франции активно приобщиться к работе, предоставляя консультации по конкретным вопросам по просьбам мэрий и префектур. На основе полученного опыта НКТ, используя перерыв в осуществлении реформ в связи с муниципальными выборами, разработала практическое руководство по установлению географических названий для должностных лиц «Décider du nom d’un lieu» [1] (букв. ‘Как выбрать название местности’), опубликованное в январе 2021 г.

Данное руководство состоит из введения, трех разделов и перечня использованных источников. Во введении особое внимание уделяется разъяснению культурного, исторического и политического значения топонимов, их юридического статуса. Подчеркивается и явление варьирования топонимов. Так, отмечается, что устная и письменная формы топонимов могут не совпадать, учитывая особенности французской орфографии, неофициальные формы топонимов могут отличаться от официальных форм, особенно в устной речи.

В первом разделе, названном «Советы по выбору имени», излагаются следующие требования к топониму как языковому знаку: быть значимым для местных жителей; быть дистинктивным для других пользователей; легко входить в употребление.

Среди способов создания значимого имени предлагаются следующие: использование одного или нескольких прежних имен собственных; сочетание прежних имен или их частей; использование слов, описывающих физико-географические особенности местности, или связанных с ее историей.

Использование прежнего имени может происходить разными способами. При объединении нескольких коммун в одну наиболее предпочтительным является использование названия главной коммуны (например, коммуна *Annecy*, образованная в 2016 г. из коммун *Annecy, Annecy-le-Vieux, Cran-Gevrier, Meythet* и *Seynod*). Название новой коммуны может сопровождаться определительным компонентом, указывающим на изменение размеров территории коммуны (например, коммуна *Grand-Bourgtheroulde*, образованная в 2016 г. из коммун *Bourgtheroulde-Infreville, Bosc-Bénard-Commin* и *Thuit-Hébert*), или употребляться без вспомогательных различительных компонентов (например, коммуна *Spechbach*, образованная в 2015 г. из коммун *Spechbach-le-Bas* и *Spechbach-le-Haut*). Новый топоним может заимствовать и ранее известное имя другого объекта. В этом случае желательно, чтобы этот объект примерно совпадал по своим границам с новым объектом (например, сообщество коммун *Trièves* (2015 г.), названное по исторической области *Trièves*) или был типичным или символичным для него (например, новая коммуна *Erdre-en-Anjou* (2015 г.), названная по протекающей реке *Erdre*). Наконец, новый топоним может быть образован путем топонимизации антропонима, агионима, вымышленного имени (например, коммуна *Saint-Martin-de-l’If* (2016 г.), названная по агиониму *Saint Martin*, самому распространенному во французской топонимии [3, 236]).

Сочетание прежних имен или их частей возможно при объединении коммун, имеющих примерно равное значение. В данном случае возможно образование составных топонимов с сочинительным союзом или без него на основе названий бывших коммун как

в случае с новой коммуной *Coux-et-Bigaroque-Mouzens* (2016 г.), образованной путем слияния коммун *Coux-et-Bigaroque* и *Mouzens*. Данный способ образования новых топонимов имеет существенный недостаток, заключающийся в появлении неудобных в употреблении длинных названий (например, самое длинное название коммуны *Saint-Remy-en-Bouzemont-Saint-Genest-et-Isson*, образованной в 1836 г. слиянием коммун *Saint-Remy-en-Bouzemont, Saint-Genest* и *Isson*). Новый топоним может быть образован сочетанием компонентов прежних составных топонимов (например, название коммуны *Sainte-Marie-d'Attez* (2015 г.), образованное от топонимов *Saint-Ouen-d'Attez* и *Dame-Marie*). Встречается и сочетание слогов прежних топонимов, в результате которого появляется, так называемое, телескопированное слово (например, название коммуны *Montmérac* (2015 г.), образованное от названий прежних коммун *Montchaude* и *Lamérac*). Данный способ образования топонимов требует сохранения финали прежнего топонима для удобства образования оттопонимного прилагательного и катойконимов, а также учета природы составных компонентов (например, считается неудачным название коммуны *Cherré-Au* (2019 г.) от прежних названий коммун *Cherré* и *Cherreau*, в котором возводится в слово суффиксальный элемент). Составные топонимы также могут быть образованы от гидронимов и имен других географических объектов (например, название агломерационного сообщества *Arlysère* (2016 г.), образованное от гидронимов *Arly* и *Isère*).

Использование слов, описывающих физико-географические особенности местности, или связанных с ее историей, остается продуктивным способом образования во французской топонимии еще со времен революции (например, название коммуны *Les Trois-Lacs* (2016 г.) 'три озера'; название сообщества коммун *Chemin-des-Dames* (1995 г.) 'дорога дам', происхождение которого связывают с обустройством дороги в XVIII в. до замка Бов для посещения Людовиком XV своих дочерей).

Каждый топоним, обозначая единичный географический объект, должен быть дистинктивным. В целях предупреждения возникновения омонимичных названий составители руководства считают наилучшим выходом использование уникальных топонимов. В противном случае рекомендуется использовать определительные компоненты, уточняющие географическое расположение объекта (*Saint-Martin-en-Bière, Saint-Martin-en-Vercors* и др.) или создающие противопоставительные отношения между топонимами (*Colombier-le-Vieux* и *Colombier-le-Jeune, Aspach-le-Haut* и *Aspach-le-Bas, Mourmelon-le-Grand* и *Mourmelon-le-Petit* и др.).

Требование дистинктивности топонима диктует объективность в выборе топоосновы для нового топонима. Нежелательно выбирать в качестве основы имя географического объекта, несопоставимого по территории с вновь номинируемым объектом. Например, название новой коммуны *Guerlédan* (2017 г.) заимствовало название озера *Guerlédan*, являющегося популярным местным туристическим объектом, что повлекло судебные споры со стороны других прибрежных коммун о присвоении местного туристического бренда. Нежелательным с точки зрения НКТ является и использование в качестве топонима сочетания географических терминов (например, коммуна *Plaine-et-Vallées* (2018 г.) 'равнина и долины', названная так по равнине Туар и долинам рек Див и Туэ).

Важным требованием к новым топонимам является легкость их вхождения в употребление. Разработчики руководства выделяют в данном случае следующие аспекты, на которые необходимо обратить внимание: употребление имени в устной и письменной речи; употребление имени в потоке речи; возможность образования катойконимов; традиционность имени.

Новый топоним, употребляясь в устной и письменной речи, должен иметь разумную длину. В качестве ориентира предлагается использовать почтовый стандарт написания адреса, содержащий 38 символов. Если вычесть 5 символов почтового индекса и знак пробела, остается 32 символа для написания названия коммуны, что уже очень много. В устной речи имена, содержащие четыре и более слога, подвержены усечению, и это

необходимо предупредить. Чаще всего усечению подвергаются конечные слоги топонима, что может привести к омонимии. Для облегчения произношения топонима рекомендуется избегать последовательности одинаковых слогов, а также одинаковых гласных, принадлежащих разным слогам, что приводит к хиатусу. Рекомендуется также избегать в новом топониме возможных нежелательных созвучий и коннотаций, которые могут возникнуть в результате фонетических явлений в потоке речи, а также игры слов в составных топонимах. Например, в результате объединения в 2016 г. прежних коммун *Hyencourt-le-Grand, Pertain* и *Omiécourt* была образована новая коммуна. Название коммуны было составлено из слогов прежних названий, в результате чего получилось слово *Hypercourt*, которое можно прочитать как *hyper* ‘очень’ и *court* ‘короткий’. Названий подобного рода составители руководства рекомендуют избегать. Среди немаловажных требований к названиям населенных объектов перечисляется и возможность образования от них прилагательных и катойконимов. При этом деривация должна следовать известным словообразовательным моделям, учитывая региональную специфику. Образование дериватов от составных топонимов в большинстве случаев основано на стержневом компоненте (например, *clermontois, -e* от *Clermont-Ferrand*). Такой способ позволяет избежать длинных прилагательных и существительных, а также возможных сомнений по поводу употребления прописной и строчной буквы в словах с дефисным написанием (например, *saint-mandéen, -ne* от *Saint-Mandé*). В противном случае рекомендуется слитное написание компонентов топонима (например, *bourcominois, -e* (с 2019 г.) от *Bourg-et-Comin*), если это не создает двусмысленности при произношении.

Выбор имени является непростым делом. Имя связано с вопросами идентичности, и его изменение должно учитывать привязанность жителей к прежним именам. Национальная комиссия по топонимии рекомендует избегать выбора таких имен, которые могут спровоцировать полемику в обществе, особенно это относится к топонимизации имен людей. Важно сохранять и, по возможности, употреблять прежние топонимы, как в случае с названием квартала города Бордо *Bordeaux-Caudéran*, поглотившим в 1965 г. коммуну *Caudéran*. Для решения проблемы выбора имени для нового объекта предлагается учитывать мнение местных жителей на начальном этапе при выборе возможных вариантов названий, а также на заключительной стадии при выборе окончательного названия из ограниченного числа вариантов, отобранных узкой группой специалистов. Специалисты могут обладать разными компетенциями, но среди них желательно присутствие лингвистов, историков и географов.

Второй раздел руководства, озаглавленный «Правила написания», содержит основные правила французской орфографии в части написания географических названий. При написании французских топонимов используются только буквы, знак дефиса, апостроф и не используются кавычки, амперсанд и другие типографские символы. Все компоненты составного топонима пишутся через дефис: *Saint-Julien-Mont-Denis, Lessard-et-le-Chêne* и др. Знаменательные компоненты топонима пишутся с прописной буквы (*Locmaria-Grand-Champ*), а служебные со строчной (*Houlbec-près-le-Gros-Theil*). С прописной буквы служебное слово пишется, если оно стоит в начале топонима (*Les Anses-d’Arlet*). Некоторые слова могут употребляться как наречия с прописной буквы и как предлоги со строчной (*Bouilh-Devant* и *Ville-devant-Chaumont*). Диакритические значки употребляются как со строчными, так и с прописными буквами (*Épinal, Maçon*). Не проставляются в официальных названиях административно-территориальных единиц диакритические значки, употребляющиеся в региональных и иностранных языках (ñ, å, ø и др.). Топонимы пишутся в полной форме и не подвергаются аббревиации. Числительные пишутся в словесной форме (*Les Quatre-Routes-du-Lot*) за исключением устоявшихся в языке случаев употребления арабских и римских цифр (la place du *8-Mai-1945* ‘площадь *8 Мая 1945*’, le quai *Henri-IV* ‘набережная *Генриха IV*’).

В третьем разделе руководства излагаются основные процедуры по наименованию и переименованию названий коммун и других объектов. Согласно Кодексу территориальных сообществ, инициатива изменения названия коммуны является прерогативой муниципального совета коммуны, который вносит соответствующее предложение префекту. Префект передает предложение в региональные отделения почтовой службы и архивного управления, прежде чем передать его на обсуждение в Совет департамента. Поддержанное предложение о переименовании префект адресует министру местного самоуправления. Решение о переименовании утверждается законодательным актом. Государственный совет допускает переименования только в двух случаях: если две коммуны имеют омонимичные названия, затрудняющие осуществление хозяйственной деятельности; если предлагаемое наименование отражает реально доминирующее употребление и подтверждается исторически. В данном разделе также детально рассматриваются полномочия разных органов власти в вопросах наименования новых коммун и переименования других географических объектов: улиц, площадей, деревень и других населенных мест.

Рассмотренное руководство, предназначенное, прежде всего, для должностных лиц, осуществляющих деятельность в области географических названий, имеет большое значение в деятельности по наименованию новых административно-территориальных единиц во Франции и их нормализации. Оно призвано повысить качество географической номенклатуры, что в итоге отвечает запросам всего общества. Мы считаем, что данное руководство и результаты топонимической работы последних лет во Франции могут быть интересны и полезны и для аналогичной деятельности в других странах. Несмотря на различия в языковом плане и в топонимических традициях, руководство определяет основные принципы работы, которые имеют универсальный характер.

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности», №121031000258-9).

Литература

1. Décider du nom d'un lieu (2021). Paris, Commission nationale de toponymie. 31 p.
2. United Nations (2021) 2nd Session of the United Nations Group of Experts on Geographical Names. Un guide pour décider du nom d'un lieu. Submitted by France. GEGN.2/2021/55/CRP55, 6 p.
3. Vial, Éric (1995) Les noms de villes et de villages. – Paris, Belin. – 319 p.

М.Л. Дорофеенко
Белорусский государственный университет
e-mail: mari008@mail.ru

УДК 81'373.211.1:316.72:39

Национально-культурный компонент и внутрипоселенческие названия

Ключевые слова: *виконимы, внутрипоселенческие названия, культурная коннотация, национально-культурный компонент, текст культуры, функциональное поле.*

Объектом исследования в статье является одна из разновидностей внутрипоселенческих названий – отантропонимные виконимы Гомельской и Гродненской областей общим количеством более 400 единиц. Автором установлены основные разновидности и состав функциональных полей культур, задействованных во внутрисельских названиях указанных территорий.

Человек как носитель определенной культуры воплощает в названиях географических объектов собственные представления и сведения, отражающие картину мира. В виконимиконе Гомельской и Гродненской областей в разной степени сосуществуют и взаимодействуют белорусская, русская, советская и западноевропейская культуры.

Западноевропейский компонент культуры получил большее распространение в Гродненской области, что, вероятно может объясняться и географическим положением региона, граничащего с Западной Европой. Центром языкового пространства является белорусский компонент, широко представленный различными рубриками. Это обусловлено тем, что для сельского жителя важным является желание ощутить себя участником истории. Кроме того, приоритеты в номинации могут меняться в зависимости от различных факторов: исторических реалий, национального состава населения, известности имени. Так, в виконимиконе преобладают не планетарные прецедентные имена, а региональные, то есть известные в пределах данного региона или местности.

M.L. Darafeyenka
Belarusian State University

National and Cultural Component and Intrasettlement Names

Key words: *viconyms, intrasettlement names, cultural connotation, national and cultural component, cultural text, functional field.*

The object of research in the article is one of the varieties of intrasettlement names - viconyms derived from anthroponyms of Gomel and Grodno regions with a total number of more than 400 units. The author has identified the main varieties and composition of the functional fields of cultures involved in the intravillage names of mentioned territories.

A person, as a certain culture-bearer, embodies his own ideas and information in the names of geographical objects, reflecting the world picture. In the viconimicon of Gomel and Grodno regions Belarusian, Russian, Soviet and Western European cultures coexist and interact to varying degrees. Western European component of culture has become more widespread in Grodno region, which can probably be explained through its geographical position and bordering on Western Europe. The center of the linguistic area is represented by Belarusian component, which is widely supported by various headings. This is due to the fact that village dwellers have an important urge for being participants in history. In addition, priorities in nomination may vary depending on different factors: historical realities, national composition of the population, recognition of the name. So, not planetary precedent names prevail in the viconymikon, but regional ones, recognized within a given region or local area.

Внутрипоселенческие названия – относительно новая, практически не разработанная категория исследования. В широком смысле в зависимости от типов населенных пунктов можно выделить урбанонимы (внутригородские наименования), виконимы (внутрисельские наименования), хортенсионимы (наименования в пределах садовых товариществ). Данная статья посвящена исследованию внутрисельских названий и материал исследования – отантропонимные виконимы Гомельской и Гродненской областей общим количеством более 400 единиц.

Цель – установить основные разновидности и состав функциональных полей текстов культуры, задействованных во внутрисельских названиях указанных территорий.

Национально-культурный компонент включает два элемента: 1) ***национальный*** и 2) ***культурный***.

1) ***национальный***, по данным Викисловаря, значит свойственный какой-либо нации, выражающий её характер; принадлежащий какой-либо нации; принадлежащий какой-либо стране; государственный [7];

2) ***культурный.*** Культура (от лат. cultura – «возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание) – исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации

жизни и деятельности людей, в их взаимоотношениях, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях. Понятие «культура» употребляется для характеристики определенных исторических эпох (античная культура), конкретных обществ, народностей и наций (культура майя), а также специфических сфер деятельности или жизни (культура труда, политическая культура, художественная культура); в более узком смысле – сфера духовной жизни людей. Включает в себя предметные результаты деятельности людей (машины, сооружения, результаты познания, произведения искусства, нормы морали и права и т.д.), а также человеческие силы и способности, реализуемые в деятельности (знания, умения, навыки, уровень интеллекта, нравственного и эстетического развития, мировоззрение, способы и формы общения людей). Материальная и духовная культура находятся в органичном единстве» [1, 669–670].

Соответственно, в названиях улиц находят отражение знания, умения, навыки, уровень интеллекта, нравственного и эстетического развития, мировоззрение определенной нации, то есть можно говорить о реализации данными онимами национально-культурного компонента, так как они транслируют культуру языковым знаком.

Реконструкция культуры этноса возможна по данным сохранившихся текстов (в том числе и имен собственных), обычаев, ритуалов и т.п., из которых и извлекается «экстралингвистическая (культурная) коннотация».

«Культурная коннотация – интерпретация денотативного или образно мотивированного аспектов значения языкового знака в категориях культуры, предполагающая выявление связи образа, лежащего в основе номинативной единицы языка (слова или фразеологизма), со стереотипами, символами, эталонами, мифологемами и другими знаками национальной и общечеловеческой культуры, освоенной народом – носителем языка. Понятие культурной коннотации является базовым для *лингвокультурологии* – той части лингвистики, которая исследует и описывает корреспонденции языка и культуры в их синхронном взаимодействии и взаимовлиянии. Культурная коннотация – инструмент для изучения этого взаимодействия в определенные периоды или эпохи жизни народа, оказавшие заметное воздействие на формирование его ментальности» [9, 145–146].

«Одной из основных категорий лингвокультурологии и связующим звеном между двумя семиотическими системами – языком и культурой, становится культурная коннотация» [8, 85]. Категория коннотации включает в себя «дополнительные, сопутствующие стилистические, семантические доли основного значения языковой единицы. Но именно наличие в ней культурной информации и соотнесенности с прескрипцией культурного кода делает ее особо важной для определения национальной специфики языка» [8, 85]. Владение культурным кодом – ключ к правильной трактовке культурно-значимой информации, заключенной в значении [10].

Человек как носитель определенной культуры воплощает в названиях географических объектов собственные представления и сведения, отражающие картину мира. В виконимиконе Гомельской и Гродненской областей сосуществуют и взаимодействуют белорусская, русская, советская и западноевропейская культуры. Центром языкового пространства является белорусский текст культуры, широко представленный различными рубриками.

Ученые периодически обращаются к исследованию национально-культурного компонента онимов.

Лингвострановедческий подход Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова дидактичен и направлен на обучение иностранных студентов. Исследователи полагают, что «национально-культурный компонент свойствен именам собственным, пожалуй, даже в большей степени, чем апеллятивам» [2, 170].

Е.В. Шерстюкова, А.А. Колесников, А.П. Пересыпкин посвящают статью проблеме семантики личных имен собственных (на материале немецкого языка), а также особенностям их

функционирования в художественном тексте, где реализуются разного рода коннотации. Основное внимание в работе авторы уделяют фоновым знаниям как отражению культурного, национального, социального, исторического знания человека о самом себе [12]. Д.Ю. Ильин исследует реализацию национально-культурного компонента в региональном топонимиконе [4]. В.В. Катермина посвящает статью рассмотрению лингвокультурологического аспекта русских коннотативных имен собственных [5]. Ма Цзин исследует национально-культурные коннотации русских топонимов [11].

На начало XXI в. приходится наибольшее количество диссертационных исследований, выполненных в лингвокультурологическом ключе. Объектом изучения становятся различные разряды онимов, в том числе в одной из частей нашего диссертационного исследования изучены виконимы Беларуси в лингвокультурорлогическом аспекте: определены основные коды культуры, репрезентируемые внутрисельскими названиями [3].

Среди виконимов можно обнаружить лексические единицы, в которых заключен огромный объем национально-культурной информации. Национально-культурный компонент семантики виконимов отличается богатством культурных ассоциаций, особой страноведческой репрезентативностью. Спецификой географических названий является высокая степень концентрации в них экстралингвистической информации.

Исследование отантропонимного виконимикона позволяет увидеть языковую картину народа. На формирование личности влияют различные факторы: социальное и языковое окружение, уровень образованности, а также ономастический материал – совокупность имен собственных, которыми человек пользуется в жизни [1, 24]. Сюда же следует отнести и виконимы. При номинации объекта важную роль играют уже имеющиеся фоновые знания. Диалог культур в виконимии осуществляется за счет обмена культурными представлениями, выраженными в конкретных знаках, словах. Для того чтобы этот диалог был интерпретирован, необходимо обладать знанием и пониманием культур, вступающих в него.

Функциональное поле **белорусской культуры** формируют названия улиц, образованные от имен:

- деятелей белорусской культуры и науки: *ул. Дворчанина, ул. Янки Купалы, ул. Франциска Скорины, ул. Т.Лопатиной, ул. Бекиша*;
- участников Великой Отечественной войны: *ул. Анищенко, ул. Мазейко, ул. Пинчука, ул. Н. Русака, ул. Ольги Соломовой*;
- участников борьбы за установление советской власти: *ул. Бритова, ул. Драпезы, ул. Финковской*;
- воинов-интернационалистов: *ул. Гавраша, ул. Михаила Клявы, ул. Корчуганова, ул. Виктора Лобоча*;
- председателей колхозов: *ул. Карагедова, ул. Ю. Кардаша, ул. Магазинщикова, ул. Сатыго*.

Структуру функционального поля **русской культуры** представляют виконимы, восходящие к фамилиям:

- русских писателей, деятелей науки: *ул. Гоголя, ул. Льва Толстого, ул. Чехова, ул. Ломоносова, ул. Мичурина, ул. Тимирязева*;
- русских профессиональных революционеров, участников Октябрьской революции: *ул. Урицкого*;
- военачальников прошлого: *ул. Кутузова, ул. Нахимова, ул. Суворова*;
- летчиков и космонавтов: *ул. Гагарина, ул. Терешковой, ул. Чкалова*.

Структура функционального поля **советской культуры**, учитывая, что советский – относящийся к государственной власти Советов, свойственный, принадлежащий стране Советов и относящийся к деятельности в советах, связанный с Советским союзом, включает фамилии:

- основоположников научного коммунизма: *ул. Ленина*;

• советских партийных и государственных деятелей: *ул. Дзержинского, ул. Жданова, ул. Крупской, ул. Константина Стриевского*;

• советских военачальников, полководцев: *ул. Доватора, ул. Черняховского*.

Следует отметить, что определенные трудности возникают при отнесении имени личности к той или иной культуре. Особенно это касается разграничения советского текста культуры и национальных текстов культур союзных республик. Кроме того, некоторые сложности появляются при определении текста культуры для имен людей, имеющих отношение к нескольким странам. В данном случае принимаются во внимание национальность личности и степень вклада в каждую культуру.

Так, Элиза Ожешко и Ян Чечот, именами которых названы улицы, являются уроженцами Беларуси, однако вклад внесли не только в белорусскую культуру. К примеру, Элиза Ожешко в Польше считается выдающейся польской писательницей. Ян Чечот воспринимается еще и как польский и литовский поэт, фольклорист и этнограф, член общества филоматов.

Западноевропейская культура в отантропонимном виконимиконе Гомельской и Гродненской областей представлена именами деятелей международного рабочего движения (*ул. Розы Люксембург, ул. Тельмана, ул. Карла Либкнехта*), основоположников научного коммунизма (*ул. Карла Маркса, ул. Фридриха Энгельса*), участников освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков (*ул. Яна Генжеля*), просветителей (*ул. Снядецкого*), религиозных деятелей (*ул. Яна Павла II*), композиторов (*ул. Огинского*). Западноевропейский компонент культуры получил большее распространение в Гродненской области.

Набор, состав, а также особенности функционирования имен собственных определены культурой народа. В системе внутрисельских названий прослеживается своеобразие восприятия и осмысления окружающей действительности.

Сельские жители стремятся сохранить свои традиции, реализовать в названиях внутрисельских объектов имена участников исторических событий и деятелей культуры. Уникальность языковой картины мира любой нации четко прослеживается в именах собственных, в которых отражается совокупность представлений о мире и его устройстве, концептуализация действительности.

Таким образом, в виконимии рассмотренных регионов в разной степени сосуществуют белорусская, русская, советская культуры. Западноевропейский компонент культуры получил большее распространение в Гродненской области, что, вероятно может объясняться и географическим положением региона, граничащим с Западной Европой. Белорусская культура занимает доминирующее положение. Это объясняется тем, что для сельского жителя важным является желание ощутить себя участником истории. Кроме того, приоритеты в номинации могут меняться в зависимости от различных факторов: исторических реалий, национального состава населения, известности имени. Так, в виконимиконе преобладают не планетарные прецедентные имена, а региональные, то есть известные в пределах данного региона или местности.

Литература

1. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия, 1991; СПб.: Фонд «Ленинградская галерея», 1993. – 1629 с.

2. Верещагин, Е.М. Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.

3. Дорофеенко, М.Л. Виконимия Беларуси: номинативный, лингвогеографический, лингвокультурологический аспекты: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.02 / М.Л. Дорофеенко; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2015. – 28 с.

4. Ильин, Д.Ю. Реализация национально-культурного компонента в региональном топониконе / Д.Ю. Ильин // Филология и человек. – 2011. – №2. – С. 95–104.

5. Катермина, В.В. Имя собственное как носитель национально-культурной информации / В.В. Катермина // Известия Южного федерального университета. – 2017. – Филологические науки, (4). – С. 166–174.

6. Мезенка, Г.М. Віцебшчына ў назвах вуліц: манаграфія: у 2 ч. / Г.М. Мезенка. – Віцебск: УА «ВДУ імя П.М. Машэрава», 2008. – Ч. 1. – 363 с.
7. Национальный / Викисловарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9. – Дата доступа : 10.01.2022.
8. Стоянова, Е. Культурная коннотация как инструмент лингвокультурного исследования и показатель лингвокультурной компетенции инокультурной личности / Е. Стоянова // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Rossica. – 2020. –8. – С. 85–94.
9. Телия, В.Н. Культурная коннотация как способ воплощения культуры в языковой знак / В.Н. Телия, Е.О. Опарина // Культурология. – 2011. – 1 (56). – С. 145–148.
10. Телия, В.Н. Язык. Семиотика. Культура / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры» – 1996. – 288 с.
11. Цзин, Ма. Национально-культурные коннотации русских топонимов / Ма Цзин // Международный научный журнал «Молодой ученый». – 2020. – № 39 (329). – С. 187–192.
12. Шерстюкова Е.В. Национально-культурный аспект функционирования имен собственных (на материале немецкого языка) / Е.В. Шерстюкова, А.А. Колесников А.П. Пересыпкин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2010. – № 1 (5): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 227–229.

К.А. Зайцава
Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава
e-mail: katsyaryna_zaytsava@mail.ru

УДК 811.161.3'373.211.1

Айконімы Бешанковіччыны як частка тапанімнай прасторы Беларускага Паазер'я: структурны аспект

Ключавыя словы: *айконім, айканімія, рэгіёнім, тапанімія, намінацыя, структура, фармант, Бешанковіцкі раён, Беларускае Паазер'е.*

У артыкуле разглядаюцца асаблівасці айканіміі Бешанковіцкага раёна Віцебскай вобласці ў структурным аспекце, супастаўляюцца дадзеныя даследаванага рэгіёна з паказчыкамі па Віцебшчыне. Вызначаюцца найбольш пашыраныя структурныя тыпы намінацый на кожнай з разглядаемых тэрыторый. Пералічваюцца адрознівальныя рысы айканіміі Бешанковіччыны і Беларускага Паазер'я па структурным складзе.

E.A. Zajceva
Vitebsk State University named after P.M. Masherov
e-mail: katsyaryna_zaytsava@mail.ru

Oikonyms of Beshenkovichy as part of the toponymic space Belarusian Poozerye: structural aspect

Key words*: oikonym, oikonymy, regiononym, toponymy, nomination, structure, formant, Beshenkovichy district, Belarusian Poozerye.*

The article discusses the features of oikonymy in the Beshenkovichy district of the Vitebsk region in a structural aspect, data are compared of the studied region with indicators for the Vitebsk region. The most extended structural types of nominations in each of the territories under consideration are determined. The distinguishing features of the oikonymy of the Beshenkovichy and the Belarusian Poozerye are listed according to the structural composition.

Даследаванннем уласных назваў населеных пунктаў: гарадоў, вёсак, пасёлкаў, хутароў займаецца адзін з раздзелаў тапанімікі – айканіміка (ад грэчаскага oikos –

“жыллё” і onyma – “імя”). “На першым этапе іменаваня важную ролю ігралі назвы прыродных аб’ектаў і ў першую чаргу вадаёмаў. З цягам часу тапанімічныя прыярытэты мяняліся, і галоўным арыенцірам сучаснага чалавека станавіліся ўжо не месцы водных перапраў, паляўнічыя ўгоддзі ці месцы збору раслін, а населеныя пункты. Іх назвы паступова станавіліся цэнтрам тапанімічнай сістэмы, сэнсавым ядром тапанімнага поля” [2, 17]. Займаючыся вывучэннем назваў паселішчаў, становіцца відавочным наяўнасць сувязі дадзеных адзінак з укладам жыцця чалавека, гісторыяй гаспадарчай дзейнасцю. Вядома, што тэрыторыя Беларускага Паазер'я насялялася крывічамі, асноўнай дзейнасцю якіх было земляробства, жывёлагадоўля, рамяство, адлюстравалася ў айканімнай лексіцы рэгіёна.

Трэба адзначыць, што тэрыторыя Беларускага Паазеер'я ўключае ў свой склад усю Віцебскую вобласць, паўночна-ўсходнюю частку Гродзенскай вобласці і поўнач Мінскай вобласці.

Айконімы як раздзел тапанімікі выступаюць аб’ектам даследавання ў працах беларускіх вучоных-анамастаў (Т.М. Аліферчык, Т.М. Багаедава, Н.А. Багамольнікава, Т.Ю. Васільева, У.М. Генкін, І.Л. Капылоў, Л.В. Леванцэвіч, Г.М. Мезенка, В.В. Шур, Н.Р. Якубук).

Калі разглядаць асаблівасці структуры сучаснай айканіміі, то, па дадзеных навукоўцаў, на кожнай тэрыторыі пераважаюць разнастайныя словаўтваральныя мадэлі онімаў: “матывацыйныя асновы, словаўтваральныя спосабы, словаўтваральныя тыпы і мадэлі тапонімаў у розных рэгіёнах Беларусі не супадаюць. Кожны спосаб фарміруе ў залежнасці ад тэрыторыі пэўную колькасць структурна-граматычных і семантычных тыпаў. Таму ў апошні час вялікая ўвага стала надавацца рэгіянальнаму матэрыялу, які, спадзяёмся, яшчэ працяглы час будзе прадметам спецыяльных лінгвістычных даследаванняў, у тым ліку і айканімічных” [1, 7]. У дадзенай працы мы зрабілі спробу высветліць, якім чынам упісваюцца мадэлі сельскіх намінацый Бешанковіцкага раёна ў агульную карціну айканіміі Беларускага Паазеер'я ў структурным плане. Для параўнання структурных мадэляў Бешанковіччыны і Віцебшчыны мы скарысталіся дапаможнікам У.М. Генкіна “Айканімія і катайканімія Беларускага Паазер'я” (2009 г.).

На тэрыторыі Бешанковіцкага раёна намі зафіксавана 243 назвы населеных пунктаў. Зыходзячы са структурна-граматычных асаблівасцей, айконімы даследаванага рэгіёна падзяляюцца на простыя, складаныя і састаўныя; адзіночналікавыя і множналікавыя. Асноўным крытэрыем размежавання ўтварэнняў з’яўляецца фармантны аналіз. Да простых камонімаў адносяцца намінацыі, што складаюцца з аднаго слова ў форме назоўніка або прыметніка: *Бікложа, Панкратава, Слабада*. Іх налічваецца 207 адзінак, што складае 85,2% ад агульнай колькасці назваў населеных пунктаў. На Віцебшчыне гэты паказчык дасягае 92,45% [3, 11] (гл. табліцу 1).

Табліца 1 – Структурныя тыпы айконімаў Беларускага Паазер’я і Бешанковіччыны

Арэал распаўсюджання	Структурныя тыпы айконімаў		
	Простыя	Складаныя	Састаўныя
Беларускае Паазер’е	92,45%	1,85%	5,7%
Бешанковіцкі раён	85,2%	4,1%	10,7%

У залежнасці ад асаблівасцей словаўтварэння простыя айконімы падзяляюцца на вытворныя і невытворныя. Невытворныя намінацыі ў сваёй большасці з’яўляюцца вынікам анімізацыі апелятываў: *Белае, Доўгае, Луг, Свяча, Холм* і інш. Большасць адгіронімных айконімаў утварылася такім чынам: *воз. Бікложа → в. Бікложа, воз. Паўазер’е → в. Паўазер’е.* Вядомы той факт што, калі паселішча ўзнікала на месцы

ўпадзення адной ракі ў другую, яно атрымлівала імя вытока, а не галоўнай ракі. Дадзенае меркаванне можна суаднесці з узнікненнем назвы аграгарадка *Ула* ад назвы ракі *Ула,* якая ўпадае ў Заходнюю Дзвіну на гэтай тэрыторыі. Самай частотнай намінацыяй на тэрыторыі Беларускага Паазер'я, утворанай у выніку пераходу назвы паселішча ў разрад оніма, з'яўляецца назва вёсак *Слабада*. Па дадзеных У.М. Генкіна, на тэрыторыі Віцебшчыны на сённяшні дзень захавалася каля 30 паселішчаў, названых *Слабада*, гістарычна іх было яшчэ больш [3, 12]. На тэрыторыі Бешанковіцкага раёна таксама фіксуюцца 3 намінацыі з вытворнай і невытворнай асновай – в. *Слабодка* і в. *Слабада* (2).

Па сваіх граматычных паказчыках на тэрыторыі Бешанковіцкага раёна Віцебскай вобласці адзіночналікавыя онімы (*Асінаўка, Двор Нізгалава, Мураўшчына, Рубеж*) пераважаюць над множналікавымі (*Бешанковічы, Бортнікі 1, Галыні, Лукі*) ў суадносінах 56,4%:43,6%. Айконімы дадзенай граматычнай класіфікацыі знаходзяцца ў парытэтных адносінах з паказчыкамі па Віцебшчыне (адзіночналікавыя – 53,7%; множналікавыя – 46,3) гл. табліцу 2.

Табліца 2 – Суадносіны граматычных паказчыкаў ліку айконімаў Беларускага Паазер'я і Бешанковіччыны

Арэал распаўсюджання	Граматычныя тыпы намінацый	
	Адзіночналікавыя	Множналікавыя
Беларускае Паазер'е	53,7%	46,3%
Бешанковіцкі раён	56,4%	43,6%

Як і на ўсёй тэрыторыі Беларускага Паазер'я, на Бешанковіччыне сярод адзіночналікавых намінацый (137 адзінак) пераважаюць назвы, якія маюць форму ніякага роду. Дадзены факт звязаны з працэсам утварэння онімаў. Даволі часта назвы населеных пунктаў утвараліся па назве ўладальніка і ўжываліся ў форме прыналежнага прыметніка: *Багданава, Ганчарова, Гаўрыліна, Дашкава, Кошчава, Стаськава*. У сучасным ўжыванні дадзеныя назвы ўспрымаюцца як назоўнікі.

Вытворныя айконімы адрозніваюцца ад невытворных наяўнасцю тапанімнага фарманта. Улічваючы той факт, што ўсе ўласныя назвы ўтвараюцца па сваіх пэўных мадэлях, група тапонімаў, аб' яднаных адзінай прыкметай, называецца "тапанімным тыпам". У славянскай тапаніміі да такога тыпу адносяць намінацыі, якія пабудаваны па схеме аснова слова + суфікс ці аснова слова + фіналь (*-ск-, -аў, -ава, -ова*). Большую колькасць вытворных айконімаў складаюць намінацыі, аформленыя пры дапамозе фармантаў *-ава, -ова* (18,9%): *Александрова, Бачэйкава, Багданава, Гняздзілава, Ільягова, Кошчава, Немцава* і інш. Як адзначалася вышэй, дадзеныя намінацыі ўтвараліся пры дапамозе пасесіўнага фарманта, які ўказваў на прыналежнасць аб'екта яго ўладальніку. Як заўважае Н.У. Падольская, у рускай мове былі таксама іншыя спосабы ўтварэння тапонімаў-пасесіваў, напрыклад, *Манастыршчына* (зямля, якая належала манастыру), сяло *Кахоўка* (належала Кахоўскім) [4, 140]. З іншага боку, як адзначана даследчыцай, форма прыналежнага прыметніка ў тапоніме далёка не заўсёды абазначае прыналежнасць аб'екта ўладальніку, што яшчэ раз даказвае пра складанасць матывацыі некаторых намінацый. Аналагічным значэннем прыналежнасці валодаюць назвы сельскіх паселішчаў з фармантамі *-іна, -ына*: *Гаўрыліна, Гурына, Трубіліна, Хоціна (5%)*.

Фарманты *-шчына, -оўшчына/-еўшчына*, якія афармляюць групу простых айконімаў, знаходзяцца на трэцім месцы сярод агульнай колькасці намінацый і налічваюць 5%: *Аскершчына, Баброўшчына, Жахоўшчына, Касарэўшчына, Сянькоўшчына, Янаўшчына, Ярмолаўшчына.* Функцыянаванне дадзенага тапанімнага тыпу тлумачыцца з гістарычнага боку: "На пачатку антрапанімічны дублет выступаў у якасці паіменнага ўдакладнення: указваў, ад якой канкрэтнай асобы зямля перайшла ў спадчыну. <…>

На працягу XVI – XVII стст. суфіксы *-щина, -овщина, -щизна, -овщизна* амаль непадзельна пануюць у сферы ўласных назваў зямель, дворышчаў, урочышчаў, маёнткаў, атрыманых у спадчыну ці набытых у выніку прыватнай куплі-прадажы. Заключным этапам у працэсе станаўлення тапанімічнай функцыі суфіксаў *-щина, -овщина* з'явілася іх тапанімізацыя. Відаць, з гэтым этапам і трэба звязваць з'яўленне назваў на *-щина, -овщина* ў айканіміі ў масавым парадку *(*XVIII – XIX стст.)"[Цыт. па 3, 18].

Айконімы, аформленыя з дапамогай старажытнарускага фарманта –je фіксуюцца ў двух тапанімных тыпах Бешанковіцкага раёна: 1) айконімах суфіксальнага ўтварэння (*Вярхоўе*) і ў 2) айконімах прэфіксальна-суфіксальнага ўтварэння, якія аформлены па наступных мадэлях:

за- + **- je**: *Забалоцце, Забелле, Забор'е, Задарожжа, Зарэчча, Залужжа, Замошша, Заручэўе* і інш.;

паў- + **-je***: Паўазер'е;*

пры- + **-je***:Прыдзвінне,*

уз- + **-je***:Узрэчча.*

Дадзены тып з'яўляецца другім па распаўсюджанасці словаўтваральных мадэляў і складае 8,2% ад агульнай колькасці намінацый. Высокі паказчык намінацый дадзенага тыпу сведчыць пра тое, што адным з параметраў намінацыі населеных пунктаў у старажытнасці быў арыенцір на лакалізацыю аб'екта. Пераважная большасць адзінак тапанімнага тыпу ўказвае на размяшчэнне паселішча за якім-небудзь прыродным аб'ектам (балота, бор, дарога, луг, рака, мох, ручай).

Айканімны інвентар Бешанковіччыны налічвае яшчэ некалькі онімаўтваральных фармантаў: тыпова беларускі *-ічы/-ычы, -овічы/-евічы* (*Бешанковічы, Ганкавічы, Давыдкавічы, Мількавічы*), *-ка* (*Дуброўка, Ржаўка, Слабодка, Ульянаўка*)*;-ішча/-ышча* (*Вяжышча, Дубішча, Селішча*).

Звяртаюць на сябе ўвагу і складаныя тапонімы, якія па сваёй структуры маюць не менш за дзве каранёвыя марфемы. Большасць складаных айконімаў утворана па мадэлі прыметнік + назоўнік: *Новае сяло → Навасёлкі*. У якасці прыметнікавых складнікаў ужываюцца наступныя лексемы: стары, добры, светлы: *Дабрыгоры, Светагорава, Старадворцы*.

На даследаванай тэрыторыі зафіксаваны два айконімы, якія ўтвораны па мадэлі лічэбнік + назоўнік: *Двурэчча, Пяцігорск*.

Састаўныя онімы ўключаюць у свой склад два, радзей больш, кампаненты, звязаныя падпарадкавальнай сувяззю. Структурная схема такіх намінацый выглядае наступным чынам: прыметнік + назоўнік: *вёска Казінае Сяло, вёска Крывое Сяло, вёска Чырвоныя Буднікі*. У дадзенай групе пераважаюць назвы з атрыбутыўнымі кампанентамі ў складзе прапрыяльнай часткі:

вялікі/малы: *Малыя Галыні, Малы Двор, Вялікія Паўлавічы, Малыя Паўлавічы*;

новы/стары: *Новае Вадапоева, Старое Вадапоева, Старыя Ранчыцы, Новыя Ранчыцы*;

верхні/ніжні: *Верхняе Крывіна, Ніжняе Крывіна*.

Сярод састаўных айконімаў на тэрыторыі Беларусі вылучаецца група назваў з кампанентам *Двор*: *Двор Бабча*, *Двор Саланевічі* і г.д. Састаўныя айконімы нярэдка суадносяцца з простымі назвамі, а тэрмін-вызначальнік *Двор* у іх выконвае размежавальную функцыю. Пры гэтым абодва населеныя пункты з'яўляюцца тэрытарыяльна блізкімі, напрыклад, могуць знаходзіцца ў межах аднаго сельскага савета: *Гомель – Двор Гомель* (Гомельскі сельскі савет Полацкага раёна); *Паулле – Двор Паулле* (Вяркудцкі сельскі савет Ушацкага раёна) [2, 24]. Састаўны камонім з кампанентам *Двор* сустракаецца і на даследуемай тэрыторыі *Нізгалава – Двор Нізгалава*. На Бешанковіччыне таксама зафіксаваны найменні, пабудаваныя па мадэлі – назоўнік + колькасны лічэбнік: *Бортнікі 1, Бортнікі 2, Ганчарова 1, Ганчарова 2*. Дадзены тып намінацыі з'яўляецца штучным.

Такім чынам, айконімны інвентар Бешанковіцкага раёна ўключае ўсе структурныя тыпы назваў сельскіх паселішчаў.

Айканімная сістэма Бешанковіччыны па колькасных паказчыках структурных тыпаў, граматычных форм амаль цалкам упісваецца ў агульную карціну сельскіх намінацый Беларускага Паазеер'я. Аналіз тапанімных тыпаў паказаў, што на традыцыі іменавання аказвала ўплыў актыўнае развіццё прыватнага землекарыстання,цесная сувязь чалавека з месцам яго пражывання. Сярод усіх вядомых базавых прасторавых параметраў іменавання для айканіміі Бешанковіцкага раёна Віцебскай вобласці пераважным з'яўляецца параметр "лакалізацыя аб'екта".

Спіс скарачэнняў

в. – вёска, воз. – возера, агр. – аграгарадок

Літаратура

1. Багамольнікава, Н.А. Адантрапанімічныя айканімічныя ўтварэнні / Н.А. Багамольнікава // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины – 2009. – №1 (52). – С. 7–15

2. Белорусская ономастика. Топонимия: учеб. пособие / А.М. Мезенко [и др.]; под общ. ред. А.М. Мезенко – Минск: Элайда, 2012. – 260 с.

3. Генкин, В.М. Ойконимия и катойконимия Белорусского Поозерья: учеб.-метод. пособие / В.М. Генкин. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2009. – 115 с.

4. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А.В. Суперанская. 2-е изд. – М.: Наука, 1978. – 192 с.

Крыніцы

1. Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Віцебская вобласць: нарматыўны даведнік / У.М. Генкін, І.Л. Капылоў, В.П. Лемцюгова; пад рэд. В.П. Лемцюговай. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 668 с.

А.В. Кавалёва, Г.В. Юдзянкова
Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І.П. Шамякіна
e-mail: alena.kavaliova@gmx.de

УДК 811.161.1'373

Аксіялагічны код сучасных гадонімаў Мазыршчыны

Ключавыя словы: *гадонім, гаданімікон, урбанонім, апелятыў, тапааснова, аксіялагічны код, менталітэт.*

У артыкуле разглядаюцца гадонімы Мазыршчыны ў аксіялагічным аспекце. Вызначаюцца матывавальныя асновы гэтых найменняў, вызначаюцца аксіялагічныя сферы, тыповыя для намінатараў. Выяўляецца сэнсавае напаўненне сучаснага гаданімікона гэтага рэгіёна, прыводзяцца прычыны і тэндэнцыі фарміравання ментальнага кампанента назваў лінейных аб'ектаў Мазыршчыны.

A.V. Kavaliova, H.V. Yudziankova
Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin

Axiological code of modern Mozyr hodonyms

Key words*: hodonym, hodonymicon, urbanonym, appellative, toponymic stem, axiological code, mentality.*

The article deals with Mozyr region hodonyms in the axiological aspect. The motivational bases of these names are analyzed, the axiological spheres, which are typical for nominators, are defined. The semantic content of the modern hodonymicon of this region is revealed, the authors give alsoreasons and tendencies of the mental component of Mozyr region linear objects names.

Аксіялагічны код выносіць у гарадскую прастору галоўныя сацыяльныя каштоўнасці. Гадонімы як частка анамастычнай прасторы рэгіёна сведчаць пра этапы развіцця духоўнай і матэрыяльнай культуры этнасу. Такія назвы ўтрымліваюць інфармацыю пра мясцовыя падзеі, афіцыйныя і неафіцыйныя назвы ўнутрыгарадскіх аб'ектаў. Вывучэнне назваў лінейных аб'ектаў, як сведчыць практыка іх апісання і сістэматызацыі, дае магчымасць даведацца не толькі пра тыя аб'екты, якія ёсць у сучасным паселішчы, а і пра зніклыя вуліцы, плошчы, культавыя і адміністрацыйныя будынкі, ранейшы рэльеф, гандлёвае і сацыяльнае жыллё, самыя розныя кантакты і сувязі з суседнімі паселішчамі і народамі. У сваіх даследаваннях гадонімы разглядалі Н.А. Багамольнікава, М.В. Гарбанеўскі, Г.М. Мезенка, Р.В. Разумаў, А.В. Супяранская, Т.В. Шмялёва, В.В. Шур і інш. Даследаванне сучаснага гаданімікону дазваляе паслядоўна выявіць этапы развіцця горада, выявіць культурныя аксіялагічныя слаі грамадства, прааналізаваць сацыякультурныя асаблівасці рэгіёна.

Пад гадонімам разумеецца "назва лінейнага аб'екта ў горадзе, у тым ліку праспекта, вуліцы, завулка, праезда, бульвара" [1, 52]. З лінгвістычнага боку можна адзначыць тры задачы, якія выконваюць гадонімы: 1) дыферэнцыруючая – адмежаванне аднаго аб'екта ад іншых; 2) семантычная – паведамленне аб гэтым аб'екце; 3) семіятычны – фіксацыя сацыяльна значных сэнсаў [2, 38].

Матэрыялам даследавання з'яўляюцца назвы лінейных аб'ектаў горада Мазыра, якія ўтвораны шляхам анімізацыі з мэтай маркіравання аксіялагічных акцэнтаў, тыповых для сучаснага грамадства.

Назвы ўнутрыгарадскіх аб'ектаў рэгіёна, у прыватнасці вуліц, як сведчаць пісьмовыя помнікі, фіксуюцца з XV стагоддзя. Сярод самых старажытных урбанонімаў Мазыра вылучаюцца *Спаская* (*Спасаўская*) *гара, Ясная гара, Пціцкая вежа, Рамашоў роў, гарадзішча Кімбараўка, Верхні замак, Ніжні замак, Мікалаеўская царква, Манастыр Бернардзінцаў* і інш. Паміж вуліцамі *Калініна* (былая *Калінік*) і *Інтэрнацыянальнай* (частка былога *Кіеўскага гасцінца*) знаходзілася *Капітанская горка*, якая ў 20–30 гады XIX ст. была прарэзана *Пяцярбургска-Кіеўскім гасцінцам*, што злучаў Санкт-Пецярбург і Стамбул.

У канцы XVI – XVIII ст., як сведчаць апісанні горада на той перыяд, планіроўка вуліц Мазыра была пераважна радыянальна-веернай. Гэта найперш было абумоўлена прыродна-геаграфічнымі ўмовамі – ярамі і ўзвышшамі, на якіх узнік і паступова фармаваўся яго ландшафт і канфігурацыя вуліц. Ад *Спаскай* або *Замкавай гары*, дзе знаходзіўся галоўны пляц і быў гарадскі рынак, у розныя накірункі разыходзіліся асноўныя тагачасныя вуліцы: на Кіеў і Оўруч – *Кіеўская, Оўруцкая*; На Мінск, Слуцк – *Слуцкая*, на Тураў – *Свідаўская* (*Свірыдаўская*), на Петрыкаў, што ўздоўж Прыпяці, – *Нагорная*, *Гончая*.

На пачатку XX стагоддзя, як сведчаць самыя розныя крыніцы пра старадаўні Мазыр, у горадзе існавалі толькі вуліцы *Пятніцкая* (цяпер *Куйбышава*), *Слуцкая* (цяпер *Савецкая* ад Прымаставой плошчы да плошчы Леніна), *Кіеўская* (ад сучаснай плошчы імя Леніна да рынка (раён *плошчы Максіма Горкага*), якая да канца 60-х гадоў XX ст. была самай заселенай магістраллю. Каля *Замкавай гары* пабудоў не засведчана, былі вуліцы *Жытомірская, Оўруцкая* (цяпер – плошча *Максіма Горкага*), іншых падобных унутрыгарадскіх аб'ектаў не было. За час свайго існавання адбывалася і перайменаванне назваў лінейных аб'ектаў Мазыршчыны. Так, сучасная *Плошча Леніна* ў Мазыры ў розныя часы называлася *Базарная Плошча*, а ў першай палове XX стагоддзя – *Плошча Свабоды*.

Традыцыйна ў горадзе выдзяляюць пяць асноўных равоў – доўгіх прыродных паглыбленняў, у якіх размешчана самая старажытная частка Мазыра. Гэта вуліцы *Калініна* (былая *Калінік*), *17 Верасня* (былая *Свідоўка* або *Свірыдаўская*), *Пралетарская* (былая *Папоўшчына*), *Саета* (былы *Рамашоў Роў*), *Кіслякоўскі роў* (у раёне Прымаставой плошчы), *Ленінская* (былыя назвы *Пакроўская* і *Арыстакратычная* (неафіцыйная і

больш ужывальная раней назва *Астрожная*). У паўднёва-заходняй частцы Мазыра, крыху ўбаку ад гэтых чатырох узвышшаў, – самая высокая кропка *Мазырскай грады* – "*Шайтан-гара*", да яе шчыльна прымыкае гарадская тэрыторыя, якая раней мела назву *Кальварыя* [3, 230].

Усяго ў сучасным Мазыры больш за 100 вуліц, больш за 50 завулкаў, з іх большая палова названы ў гонар пэўных гістарычных асоб (*І. Апанскага, М. Данілеўскага, Г. Саета, Ц. Бумажкова, М. Катаева, Ф. Нялідава, В. Харужай, А. Царэнка* і інш.)

Сучасная гаданімія Мазыршчыны пачала фарміравацца ў другой палове XX стагоддзя падчас будаўніцтва буйных прадпрыемстваў горада. Каля чацвёртай часткі назваў лінейных аб'ектаў звязаны з ідэямі стваральнай працы, з прамысловымі аб'ектамі, што знаходзяцца побач. Найменне *Нафтабудаўнікоў* (*Нефтестроителей*) матывавана апелятывам *нафтабудаўнік* 'той, хто працуе на нафтабудаўніцтве', што ўказвае на будаўніцтва мазырскага нафтаперапрацоўчага завода. Гадонімы *Завадская* (*Заводская*), *Калгасны* (*Колхозный*), *Працоўная* (*Рабочая*), *Промышленная* (*Прамысловая*), *Магістральная* (*Магистральный*), *Меліяратыўная* (*Мелиоративная*) суадносяцца з наступнымі лексемамі: *завадскі* 'які знаходзіцца побач з заводам', *калгасны* 'які мае адносіны да калгаса', *працоўная* 'які мае адносіны да працы', *прамысловая* 'якая мае адносіны да прамысловасці', *магістральная* 'якая мае адносіны да магістралі (галоўнай лініі шляхоў зносін)', *меліяратыўная* 'які мае адносіны да меліярацыі'. Вуліца *Студэнцкая* (*Студенческая*) атрымала назву з-за непасрэднай блізкасці да педагагічнага ўніверсітэта, завулак *Прывакзальны* (*Привокзальный*) – да чыгуначнай станцыі, *Партовая* (*Портовая*) – каля порта, найменне *Швейны* (*Швейный*) – каля швейнай фабрыкі.

На гарадскіх ускраінах фіксуюцца найменні, якія суадносяцца з фларыстычнымі апелятывамі. Сярод гэтых назваў паселішчаў вылучаюцца айконімы, якія ў сваіх тапаасновах утрымліваюць выразную ацэначную ці эмацыянальна-экспрэсіўную канатацыю. У беларускай анамастычнай традыцыі XX стагоддзя такія онімы павінны былі, як меркавалася тагачаснымі намінатарамі, ствараць аптымістычны настрой, са станоўчага боку характарызаваць найменні. Найменні *Цвяточная* (*Цветочная*), *Ветравая* (*Ветровая*), *Сонечная* (*Солнечная*), *Лугавая* (*Луговая*), *Цяністая* (*Тенистая*), *Зелёный* (*Зялёны*), *Сасновая* (*Сосновая*), *Светлая* ўзыходзяць да апелятываў *цветочная* 'якія мае адносіны да кветак', *ветравая* 'якая мае адносіны да ветру', *сонечны* 'асветлены сонцам, радасны, светлы, шчаслівы', *лугавая* 'які мае адносіны да лугу', *цяністы* 'які мае цень', *зялёны* 'які мае шмат расліннасці', *сасновая* 'на якой расце шмат сосен', *светлы* 'нічым не азмрочаны, шчаслівы, азораны ўнутраным пачуццём радасці, прасякнуты аптымізмам, узнёслы'. Назва лінейнага аб'екта *завулак Бярозавы* фіксуецца з нумератыўнымі кампанентамі *1, 3, 5* і суадносіцца з лексемай *бярозавы* 'на якім расце шмат бяроз'.

Некаторыя гадонімы змяшчаюць указанне на лакалізацыю аб'екта. Назва лінейнага аб'екта *Палеская* (*Полесская*) утворана ад лексемы *палеская* 'якая знаходзіцца каля лесу', найменне *Южная* знаходзіцца на поўдні горада, гадонім *Нагорная* матываваны лексемай *нагорная*, якая знаходзіцца каля гары'.

У савецкі перыяд на выбар тапаасновы ўплывала тагачасная ідэалогія. Значную групу сярод акрэсленых назваў вуліц XX стагоддзя ў беларускай айканіміі складаюць найменні, якія ўзыходзяць да апелятываў, што ўмоўна перадаюць абнаўленне жыцця, сімвалізуюць пачатак новай эпохі. Гадонім *Савецкая* паходзіць ад лексемы *савецкі* (*савецкая*) 'які мае адносіны да Краіны Саветаў, да СССР'. Назва *Камсамольская* ўтворана ад лексемы *камсамольская* 'якая мае адносіны да идэалагічных вучэнняў, арганізацый: *камсамолец* 'член камуністычнай арганізацыі, якая аб'ядноўвае перадавую моладзь СССР'. Новыя найменні ўтвораны таксама ад апелятываў, што адлюстроўвалі ідэі сяброўства, міра. Назва бульвара *Дружба* матывавана лексемай *дружба* 'блізкія прыязныя адносіны паміж кім-небудзь'. Найменне *Міра* (вуліца) узыходзіць да апелятыва *мір*

‘адсутнасць вайны’. Гадонім *Сацыялістычная* (*Социалистическая*) матываваны лексемай *сацыялістычная* ‘якая мае адносіны да сацыялізма’. Найменне *Пралетарская* (*Пролетарская*) утворана ад лексемы *пралетарская* ‘якая мае адносіны да пралетарыя (наёмны рабочы ў капіталістычным грамадстве)’; адзінка *бульвар Юнацтва* (*Юности*) – ад лексемы *юнацтва* ‘пара маладосці’. Назва *Партызанская* (*Партизанская*) суадносіцца з лексемай *партызанская* ‘якая мае адносіны да партызан (*партызан* ‘удзельнік узброенай барацьбы, якая вядзецца атрадамі народных мас на акупіраванай тэрыторыі’).

Новыя эпоха ў жыцці грамадства абумовіла ўзнікненне новых святочных дат і важных гістарычных падзей. У гаданіміі Мазыршчыны пазначанага перыяду засведчаны найменні, тапаасновы якіх суадносяцца з назвамі тагачасных свят. Адзінкі *8 Марта,* 17 *Верасня* (*17 Сентября*) (зав.), *Первомайская* (вул.), *Первомайский* (зав.) суадносяцца з лексемамі 8 Сакавіка – Міжнародны дзень жанчын, *Першамай* (Першае Мая) – Дзень Міжнароднай салідарнасці працоўных, 17 верасня – Дзень далучэння заходніх абласцей да тэрыторыі сучаснай Беларусі. Назва *Акцябрская* (*Октябрьская*) утворана ад тапаасновы *Акцябр* або *Кастрычнік* (ад назвы рэвалюцыйнай падзеі 1917 года).

У сучаснай гаданіміі Мазыра можна прасачыць агульную тэндэнцыю намінацыі, тыповую і для тагачаснай айканіміі, а менавіта абмежаваны ў колькасных адносінах набор тапаасноў новых адзінак. Гэтыя назвы матываваны апелятывамі-сімваламі і ідэаламі новага грамадства (*Рассвет, Авангард*), лексемамі са станоўчымі канатацыямі (*Сонечны, Прывольная*), назвамі свят (*Акцябр, Першамайскі*). Адметнай рысай у айканіміі гэтага перыяду стала і з’яўленне вялікай колькасці айконімаў-мемарыялаў, створаных у гонар партыйных і дзяржаўных кіраўнікоў, рэвалюцыянераў, герояў грамадзянскай і Вялікай Айчыннай войнаў, дзеячаў культуры (*Леніна, Кіраўскае, Чапаева, Заслонаўка, Някрасава*). Новыя найменні паходзілі таксама ад тапаграфічных апелятываў (*Прыазёрная, Сасновая*), матываваны назвамі прамыслова-гаспадарчых рэалій (*Меліярацыйная, Саўгасная*). У тапанімічным ландшафце краіны шматлікія новыя адзінкі з’яўляліся штучнымі, ненатуральнымі (*Мілавідная, Раздольная*), не ўказвалі на фізіка-геаграфічныя асаблівасці мясцовасці (*Светлы, Сонечная*), не ўтрымлівалі звестак пра мінулае паселішча (*Вясёлая, Камсамольская*). Яны з’яўляюцца неінфарматыўнымі, нетыповымі для традыцыйнай айканіміі Беларусі, ім не ўласціва гісторыка-культурная напоўненасць.

Такім чынам, сучасная гаданімія Мазыршчыны знаходзілася пад уплывам ідэалогіі яе стваральнікаў і матывавана сімвалічнымі апелятывамі, фларыстычнымі найменнямі, якія толькі часткова ўказвалі асаблівасці мясцовасці, лакалізацыю гадоніма, на наяўнасць пэўных прамысловых аб’ектаў.

Літаратура

1. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – М.: Наука, 1988. – 199 с.

2. Шмелёва, Т.В. Современная годонимия: семантика и семиотика / Т.В. Шмелева // Лингвистическое краеведение. – Пермь: ПГПИ, 1991. – С. 33–50.

3. Шур, В.В. Урбананімія Мазыра як крыніца гісторыка-культурнай інфармацыі / А.В. Кавалёва, В.В. Шур // Студыі з анамастыкі і этымалогіі. – 2019–2020: зб. навук. арт. / НАН Украіны, Ін-т укр. мовы; редкал.: В. П. Шульгач [і інш.]. – Кіеў, 2021. – С. 229–236.

4. Mlife. Портал города Мозыря [Электронный ресурс]. – Мозырь, 2022. – Режим доступа: https: //mlife.by. – Дата доступа: 03.01.2022.

І.Л. Капылоў
Цэнтр даследаванняў беларускай культуры,
мовы і літаратуры НАН Беларусі
e-mail: iharkap@gmail.com

УДК 811.161.3ʼ373.2 (476.5)

Рэгіянальны анамастыкон паўночна-заходняй Віцебшчыны: вынікі даследавання

Ключавыя словы: *мікратапонім, гідронім, антрапонім, айконім, паўночна-заходняя Віцебшчына.*

У артыкуле абгрунтоўваецца актуальнасць вывучэння анамастыкона паўночна-заходняй Віцебшчыны, даецца агляд вынікаў, атрыманых у ходзе выканання праекта БРФФД "Рэгіянальны анамастыкон паўночна-заходняй Беларусі ў функцыянальна-семантычным і лексікаграфічным аспектах". Анімныя адзінкі чатырох раёнаў Віцебскай вобласці (Браслаўскага, Глыбоцкага, Мёрскага, Пастаўскага) разглядаюцца ў тэарэтыка-метадалагічным, гістарычным, семантыка-функцыянальным і лексікаграфічным аспектах.

I.L. Kapylou
The Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches
of the National Academy of Sciences of Belarus

Regional onomasticon of the northwestern Viciebsk region: results of the study

Key words: *microtoponym, hydronym, anthroponym, oikonym, northwestern Viciebsk region.*

The article substantiates the relevance of studying the onomasticon of the northwestern Viciebsk region, gives an overview of the results obtained as a result of the implementation of the BRFFR project "Regional onomasticon of northwestern Belarus in functional-semantic and lexicographic aspects". The onymic units of four districts of the Viciebsk region (Braslaŭ, Hlybokaje, Miory, Pastavy) are considered in the theoretical-methodological, historical, semantic-functional and lexicographical aspects.

У рамках НДР Беларускага рэспубліканскага фонду фундаментальных даследаванняў у Інстытуце мовазнаўства імя Якуба Коласа выкананы навуковы праект "Рэгіянальны анамастыкон паўночна-заходняй Беларусі ў функцыянальна-семантычным і лексікаграфічным аспектах" (дагавор з БРФФД № Г20 – 115), мэтай якога з'яўляецца комплекснае даследаванне і лексікаграфічнае апісанне анамастычнай сістэмы Беларускага Падзвіння (паўночна-заходні рэгіён). У якасці аб'екта даследавання былі выбраны анамастыконы чатырох раёнаў Віцебскай вобласці: Браслаўскага, Глыбоцкага, Мёрскага, Пастаўскага.

Актуальнасць даследавання ў першую чаргу абумоўлена недастатковай вывучанасцю анамастычнай сістэмы рэгіёна, унікальнасць якога вызначаецца комплексам фактараў гістарычнага, геаграфічнага, лінгвістычнага, сацыяльнага, культуралагічнага характару:

па-першае, рэгіянальны анамастыкон паўночна-заходняй Віцебшчыны ўяўляе сабой складаную сістэму лексічных адзінак, якая характарызуецца цеснай сувяззю элементаў розных гістарычных эпох і перыядаў (перыяд старажытных племянных саюзаў, Полацкага княства, ВКЛ, Рэчы Паспалітай, Расійскай імперыі, Савецкай Расіі, Другой Рэчы Паспалітай, БССР, Рэспублікі Беларусь);

па-другое, на фарміраванне мясцовай тапаніміі непасрэдны ўплыў аказала ўнікальнасць прыроднага асяроддзя, якая заключаецца ў выключным багацці прыродных рэсурсаў на гэтых землях. Так, гідралагічная сетка рэгіёна налічвае каля 1000 водных аб'ектаў, з іх больш за 600 – азёры. Вялікую тэрыторыю займаюць балоты (напрыклад, балотны масіў Мох (Мёрскі раён) мае статус водна-балотнага ўгоддзя міжнароднага значэння, яго плошча складае 4,4 тыс. гектараў) [10, 403]. Рэгіён вызначаецца разнастайнасцю ландшафтаў. Надзвычайным багаццем характарызуецца мясцовая флора (напрыклад, толькі на тэрыторыі Пастаўскага раёна налічваецца больш як 1000 відаў вышэйшых раслін [8, 33]);

па-трэцяе, развіццё і функцыянаванне рэгіянальнага анамастыкону абумоўлена сацыякультурным феноменам памежжа (тры з чатырох даследаваных раёнаў мяжуюць з краінамі Балтыі), для якога характэрны этнічна неаднародны склад насельніцтва, разнастайнасць яго культуры і канфесійнай прыналежнасці;

па-чацвёртае, народныя гаворкі Браслаўскага, Глыбоцкага, Мёрскага, Пастаўскага раёнаў адносяцца да паўночна-заходняй дыялектнай зоны, якая па вызначэнні А.А. Крывіцкага, з'яўляецца "самай адметнай разнастайнымі рэгіянальнымі адрозненнямі" [4, 217], што праяўляюцца на лексічным, лексіка-семантычным, семантычным і граматычным узроўнях;

па-пятае, ва ўласных імёнах кожнага рэгіёна (паўночна-заходняя Віцебшчына не выключэнне) захоўваецца своеасаблівы пласт культурнай і этнафіласофскай спадчыны народа, утрымліваюцца каштоўныя звесткі пра духоўныя і матэрыяльныя традыцыі мясцовых жыхароў, іх веды пра сусвет, прыроду, чалавека і грамадства;

па-шостае, пад уплывам сацыяльна-эканамічных, дэмаграфічных і палітычных фактараў тэрытарыяльная структура сельскага рассялення ў перыяд XX – пачатку XXI стст. кардынальна змянілася: з карты паўночна-заходняй Віцебшчыны, паводле даных нарматыўнага даведніка "Назвы населеных пунктаў Беларусі. Віцебская вобласць", зніклі 954 найменні населеных пунктаў [5, 130–131, 236–238, 329–332, 360–362], якія ўяўляюць сабой значны пласт гісторыка-культурнай спадчыны, а адпаведна патрабуюць навуковага асэнсавання.

Стан даследавання дадзенага рэгіёна неаднастайны. У найбольшай ступені вывучаны айконімы, урбанонімы, у найменшай – мікратапонімы і антрапонімы. З чатырох раёнаў асабліва вылучаецца Пастаўшчына: дзякуючы намаганням мясцовага краязнаўцы І.М. Пракаповіча даволі поўна апісаны назвы населеных пунктаў, водных аб'ектаў раёна і вуліц раённага цэнтра [6, 7, 8]. Р.І. Аўчыннікава апублікавала даведнік "Гідронімы Браслаўшчыны: слоўнік" [2]. Уласныя геаграфічныя назвы рэгіёна часткова разглядаліся ў працах А.Э. Адамковіча [1]. Значны ўклад у вывучэнне розных катэгорый онімаў рэгіёна ўнеслі прадстаўнікі віцебскай анамастычнай школы (Т.Ю. Васільева, Ю.М. Галкоўская, У.М. Генкін, М.Л. Дарафеенка, І.Я. Кураш, І.Л. Лісава, Г.К. Семянькова, Т.І. Сінкевіч, Т.У. Скрабнёва і інш.) пад кіраўніцтвам прафесара Г.М. Мезенка.

Вынікі даследавання. У выніку выканання праекта онімныя адзінкі паўночна-заходняй Віцебшчыны былі разгледжаны ў тэарэтыка-метадалагічным, гістарычным, семантыка-функцыянальным і лексікаграфічным аспектах.

Тэарэтыка-метадалагічны аспект. Была распрацавана методыка, якая грунтавалася на правядзенні збору онімнага матэрыялу шляхам палявых запісаў. У методыцы былі адлюстраваны наступныя палажэнні: выбар інфарманта, пашпартызацыя звестак пра яго, патрабаванні да запісу рэгіянальных онімных адзінак і іх варыянтаў (фанетычных, марфалагічных, словаўтваральных, акцэнталагічных), апытальнік па кожнай даследаванай катэгорыі онімаў (мікратапонімаў, гідронімаў, антрапонімаў). Дадзеная методыка была выкарыстана ўдзельнікамі праекта падчас экспедыцыйных даследаванняў рэгіёна, а таксама вучнямі мясцовых школ пад кіраўніцтвам настаўнікаў-філолагаў (асабліва плённа працавалі вучні Варапаеўскай сярэдняй школы Пастаўскага раёна пад кіраўніцтвам настаўніка М.А. Атрахімовіча). Адной з важных дадатковых крыніц збору

онімных адзінак пры аналізе рэгіянальнага анамастыкону паслужылі надпісы на некропалях. Гэты від даследчай работы на некропалях паўночна-заходняй Віцебшчыны праводзіўся з улікам экстралінгвістычных фактараў: знаходжання гэтых зямель на скрыжаванні польска-руска-літоўска-беларускай культурных і лінгвістычных традыцый, а таксама паралельнага суіснавання рэлігійных традыцый рымска-каталіцкай, праваслаўнай і грэка-каталіцкай цэркваў. Улічваўся таксама і той факт, што напісанне ўласных імёнаў на надмагіллі не было строга кадыфікавана, а даволі часта вызначалася толькі ўласным жаданнем і ступенню адукаванасці аўтара надпісу.

У выніку праведзеных экспедыцый у Глыбоцкі, Мёрскі, Пастаўскі раёны, а таксама шляхам даследавання гістарычных помнікаў, архіўных і іншых пісьмовых крыніц было сабрана каля 10 тысяч онімных адзінак паўночна-заходняй Віцебшчыны. Экспедыцыйныя даследаванні на хрысціянскіх некропалях Пастаўскага раёна (в. Дунілавічы, в. Лынтупы, в. Камаі) далі магчымасць сабраць 352 адзінкі, з якіх 135 – афармлены кірылічнай графікай, 217 – лацінскай графікай. У большасці анамастычныя адзінкі прадстаўлены афіцыйнымі формамі імёнаў, з якіх асноўную масу займаюць намінацыі грэчаскага (для кірылічных надпісаў) і лацінскага паходжання (для надпісаў лацінкай), а таксама агульнахрысціянскія намінацыі яўрэйскага паходжання.

Гістарычны аспект. Ажыццёўлены збор онімных адзінак паўночна-заходняй Беларусі са старабеларускіх пісьмовых помнікаў, картаграфічных крыніц, класіфікатараў аб'ектаў адміністрацыйна-тэрытарыяльнага ўстройства Беларусі. Найбольш поўна анамастыкон паўночна-заходняй Віцебшчыны адлюстраваны ў "Актах, издаваемых Комиссиею, высочайше учрежденною для разбора древних актов в Вильне» (т. 1–39) і "Собраніи государственныхъ и частныхъ актовъ, касающихся истории Литвы и соединенныхъ съ ней владѣній (отъ 1387 до1710 года)". Уласныя геаграфічныя назвы даследаванай тэрыторыі шырока прадстаўлены ў матэрыялах "Памятной книжки Ковенской губерніи" на 1889, 1893, 1896, 1898, 1904, 1906, 1909 гады. Крыніцамі апісання тапаніміі таксама паслужылі "Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Ковенская губерния" (СПб, 1861), "Географическо-статистический словарь Российской империи» (Т. 3; СПб, 1867), Любавский М.К. "Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія первого статута" (М., 1892), "Матеріалы по исторіи и географіи Дисненскаго и Вилейского уѣздов' Виленской губерни" (Витебск, 1896), Гошкевич И.И. "Полный список населенных мест Виленской губернии" (Вильна, 1905), "Полоцкая ревизія 1552 года (Москва, 1905), "Вялікі гістарычны атлас Беларусі" ў 4-х тамах (Мінск, 2009–2018) і інш. Архіўныя крыніцы і даныя помнікаў пісьменнасці дазволілі ўстанавіць факты першага ўпамінання паселішчаў, іх уласнікаў, адміністрацыйна-тэрытарыяльную прыналежнасць у розныя гістарычныя перыяды. Аналіз старажытных пісьмовых крыніц даў магчымасць выявіць варыянтнасць найменняў населеных пунктаў і прасачыць іх эвалюцыю: напрыклад, *Икажно, Ыкажно, Икажня, Иказнь*, першая згадка ў 1499 годзе (сучасная вёска *Іказнь* на тэрыторыі Браслаўскага раёна), *Березевеч, Березвица, Березвичо, Березвичи, Бережвеч*, першая згадка ў 1552 годзе (існавала на тэрыторыі Глыбоцкага раёна), *Заутяне, Завутье, Заустье, Зовутье*, першая згадка ў 1552 годзе (сучасная вёска *Завуцце* на тэрыторыі Мёрскага раёна), *Облея, Ольбея, Олбея*, першая згадка ў 1516 годзе (сучасная вёска *Галбея* на тэрыторыі Пастаўскага раёна). Найбольш адметным у гісторыі станаўлення, развіцця і функцыянавання беларускіх тапонімаў з'яўляецца перыяд Рэчы Паспалітай, якія вядзе свой пачатак ад Люблінскай уніі 1569 года і заканчваецца трэцім падзелам федэратыўнай дзяржавы ў 1795 годзе. Гэты перыяд характарызуецца надзвычайным дынамізмам і зменлівасцю тапанімічнай сістэмы як у якасных, так і ў колькасных адносінах, што абумоўлена зменлівасцю палітычнай, сацыяльна-эканамічнай, рэлігійнай, культурнай і моўнай сітуацыі. Падрабязныя звесткі па тапаніміі паўночна-заходняй Віцебшчыны XIX стагоддзя ў кантэксце рэгіянальнай геаграфіі, гістарычнай

антрапагеаграфіі, этнаграфіі, гісторыі, а таксама тагачасных моўных, рэлігійных, грамадскіх і эканамічных адносін змяшчае “Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich” (Warszawa, 1880–1902). Напрыклад, *Ikaźń,* mko w pow.dziśnieńskim, na płd. brzegu jeziora t.n., o 80 w kierunku zach. od Dzisny, 340 w. od Wilna, w 3 okręgu administracyjnym, posiada 541 mieszk., t.j. 270 męż. i 270 kob. (1879); paraf. Cerkiew prawosławna i drew. paraf. Kościoł katoł pod tytułem Bożego Ciała… W XVI w. I. Należał do ks. Prońskich, którzy tu mieli swój zamek…do Ikazni należały Antary, Milki całe, dziś podzielone na kilkę części, Zamosze, Pohost, Kupczelin, Jundziłowo, Mudzielewszczyzna, Jakubielewszczyzna (dziś Nizin) [9, 255–256].

Семантыка-функцыянальны аспект. Праведзены лексіка-семантычны аналіз рэгіянальнага анамастыкону, у выніку якога ўстаноўлена семантыка ўтваральных асноў тапонімаў, прынцыпы іх намінацыі, вызначана залежнасць уласных геаграфічных назваў паўночна-заходніх раёнаў Віцебшчыны ад прыродна-геаграфічнага асяроддзя і сацыяльна-эканамічных фактараў, выяўлены ўплыў на тапанімікон прыгранічных раёнаў літоўскай і латышскай моў. Атрыманыя вынікі дазваляюць праводзіць супастаўляльны аналіз анамастыконаў кожнага з чатырох даследаваных раёнаў, вызначыць універсальныя з’явы і спецыфіку ўтварэння, развіцця і функцыянавання онімных адзінак. Прааналізавана варыятыўнасць уласных геаграфічных назваў на дыяхранічным і сінхранічным зрэзах і выяўлены прычыны яе ўзнікнення. На аснове архіўных матэрыялаў і лексікаграфічных крыніц створаны корпус зніклых на працягу ХХ стагоддзя геаграфічных назваў Браслаўскага, Глыбоцкага, Мёрскага і Пастаўскага раёнаў.

Лексікаграфічны аспект. Распрацавана канцэпцыя лексікаграфічных анамастычных даведнікаў, на аснове якой створаны тапанімічныя і антрапанімічныя даведнікі па кожным з раёнаў. У слоўнікавых артыкулах тапанімічных даведнікаў указваецца тып паселішча, яго адміністрацыйна-тэрытарыяльная прыналежнасць. Істотная ўвага ўдзяляецца гістарычным сведчанням аб населеных пунктах: гістарычны матэрыял дае магчымасць прасачыць эвалюцыю тапанімічных форм, ацаніць узрост паселішчаў, змены іх статусу, сістэмныя карэляцыі з іншымі населенымі пунктамі. Такі падыход дазваляе атрымаць поўную інфармацыю аб фарміраванні айканімічнага ландшафту рэгіёна, аб адлюстраванні мінулага паўночна-заходняй Беларусі праз прызму гісторыі назваў населеных пунктаў. Узоры артыкулаў:

Дрысвяты, в. (Браслаўскі раён, Відзаўскі с/с), знаходзіцца за 30 км на паўднёвы захад ад Браслава. Па сведчанні гісторыкаў, “узнікненне вёскі звязана з востравам на возеры Дрысвяты, вядомым як Замак, дзе захаваліся рэшткі шматслойнага гарадзішча днепра-дзвінскай археал. культуры (2 – 1 ст. да н.э.), перыядаў Кіеўскай Русі і ВКЛ… У канцы 14 – пач. 15 ст. “двор Дрысвяты” на востраве – вялікакняжацкае ўладанне, у тым ліку вял. кн. Вітаўта, караля Аляксандра” (ГіВБ. Віц. вобл. Т. 10. Кн. І, с. 395). У пісьмовых крыніцах узгадваюцца пад 1402 г. і 1413 г. Гістарычныя варыянты: *Дрисвяты, Дрисветы, Дрисвет, Дрысват, Дрисвата*. Назва адгідранімічнага паходжання: узнікла ад назвы аднайменнага возера, якая ў сваю чаргу паходзіць з літоўскай мовы – *driektis* ‘выцягнутае, расцягнутае’.

Чарневічы, в. (Глыбоцкі раён, Празароцкі с/с), знаходзіцца за 55 км на паўночны ўсход ад Глыбокага. У пісьмовых крыніцах упершыню згадваецца ў 1552 годзе як маёнтак, сяло. Паводле “Полацкай рэвізіі”, належала Дзмітрыю Корсаку (ГіВБ. Віц. вобл. Т. 10. Кн. ІІ., с. 537). Гістарычныя варыянты: *Черневичи, Чернеевичи, Чернеево*. Назва адантрапанімічнага паходжання: утворана ад ад імя-мянушкі або прозвішча *Чорны*. Фінальная частка *-ічы* дае падставы меркаваць, што гэта назва патранімічная – яна ўказвае на імя заснавальніка роду, якому ў далёкім мінулым і належала паселішча.

Чарты, в. (Пастаўскі раён, Курапольскі с/с), знаходзіцца за 10 км на паўночны ўсход ад Пастаў. Упершыню ў пісьмовых крыніцах згадваецца ў 1567 годзе ва ўладанні Зяновічаў у Ашмянскім павеце Віленскага ваяводства ВКЛ. Гістарычная назва *Чарток.*

Назва адапелятыўнага паходжання, узыходзіць да перыяду падсечна-агнявога земляробства: *рабіць чэрці, чарціць* – назва аднаго з этапаў гэтага віда земляробства. Не менш верагоднай з'яўляецца і версія І.М. Пракаповіча, паводле якой, сваю назву вёска атрымала ад наймення возера, што ў сваю чаргу мае фіна-ўгорскія карані: чэр (комі) – *'прыток ракі, рака',* ты (комі, удм.) – 'возера'. Сэнс назвы тлумачыцца як "возера, якое злучаецца ракой з другім возерам" [Пракап., 2013, 102].

Сабраны падчас экспедыцый мікратапанімічны матэрыял сістэматызаваны ў выглядзе слоўніка мікратапонімаў. Слоўнікавы артыкул пабудаваны наступным чынам: назва геаграфічнага аб'екта, граматычная катэгорыя (род, лік) пры аднаслоўных назвах, тып аб'екта, геаграфічная прывязка на мясцовасці, пры магчымасці тлумачэнне паходжання назвы, месца запісу. Узор слоўнікавага артыкула:

АБРУ́БСКІ ЛУГ. Луг, на беразе р. Кручонкі. в. Псуя.

АЛЬХО́ЎКА *ж.* Урочышча. Прымыкае да вёскі Дайлідава. в. Лявонавічы.

БАРАВЫ́Я НА́ВІНЫ. Урочышча. На месцы хутара Міленція Засыпы. в. Зябкі.

БАРО́К *м.* Частка лесу ад былога ляснога масіву. в. Зябкі.

БЖЫЗІ́НШЧЫНА *ж.* Мясціна. На мяжы з вёскай Абруб. Былы хутар. Мясціна названа па прозвішчы гаспадара. в. Зябкі.

У антрапанімічных даведніках змяшчаецца наступная інфармацыя: форма напісання прозвішча на беларускай мове, указанне на пол носьбіта прозвішча, парадыгма скланення прозвішча, транслітарацыя на лацінку з беларускай мовы ў адпаведнасці з Інструкцыяй [3], форма напісання прозвішча на рускай мове, парадыгма скланення прозвішча, транслітарацыя на лацінку з рускай мовы:

Напісанне на беларускай мове	Пол носьбіта прозвішча	Парадыгма скланення	Транслітарацыя на лацінку	Напісанне на рускай мове	Парадыгма скланення	Транслітарацыя на лацінку
Ду́нда	м. ж.	-ы, -у, -ам, -дзе Дунда	Dunda	Дунда	-ы, -е, -ой, -е -ы, -е, -ой, -е	Dunda
Пчо́лка	м. ж.	-і, -у, -ам, -у -і, -цы, -ай, -цы	Pcholka	Пчёлка	-и, -е, -ой, -е -и, -е, -ой, -е	Pchelka

У выніку выканання праекта створана электронная інфармацыйная база, якая змяшчае максімальна поўныя звесткі пра анамастыкон рэгіёна. База даных уключае інфармацыю пра дзве асноўныя катэгорыі онімаў: тапонімы і антрапонімы. Інфармацыйная сістэма ўяўляе сабой дынамічны электронны рэсурс з "адкрытым уваходам" для пастаяннага дапаўнення і карэкціроўкі лексікаграфічнага матэрыялу. Выкарыстанне камп'ютарных тэхналогій як асобага спосабу прадстаўлення моўных адзінак дазваляе класіфікаваць анамастычны матэрыял па розных узроўнях: лексіка-семантычным, словаўтваральным, структурна-граматычным і інш.

Прозвішча па-беларуску	Прозвішча па-руску	Фіналь	Усяго	Браслаўскі раён	Глыбоцкі раён	Мёрскі раён	Пастаўскі раён
Аўсю́к	Авсюк	-юк	16	2		1	13
Аліхве́р	Олихвер		38				38
Альхімё́нак	Альхимёнок	-ёнак	29	1	23		5
Амяльчэ́ня	Амельченя	-эня	1	1			
Андро́н	Андрон	-он	12				2
Андрэ́йчык	Андрейчик	-чык	24	4	2		18
Анту́х	Антух	-ух	39		2		17

Фіналь	Усяго	Браслаўскі раён	Глыбоцкі раён	Мёрскі раён	Пастаўскі раён
-іч	924	117	304	153	350
-овіч	2668	464	821	413	970
-ёнак	827	84	386	204	153
-онак	522	131	216	86	89
-чык	330	61	85	29	155
-усь	23	22			1
-ук	592	100	137	116	239
-ун	314	115	99	29	71
-скі	1726	445	531	221	529
-аў	968	296	244	103	325
-ін	331	93	78	27	13
-уха	24	1	5	2	16
-ец	360	59	78	43	180

У перспектыве антрапанімічны блок будзе пашыраны: у яго плануецца ўключыць дадатковае поле, дзе знойдзе адлюстраванне інфармацыя аб лакалізацыі (з указаннем населеных пунктаў) прозвішчаў на тэрыторыі рэгіёна.

Праведзенае комплекснае даследаванне анамастычнай сістэмы Беларускага Падзвіння (паўночна-заходнія раёны) дазволіла вызначыць агульныя тэндэнцыі развіцця і функцыянавання сістэмы ўласных імёнаў рэгіёна, выявіць лінгвістычныя і экстралінгвістычныя фактары, што ўплывалі на яе змены, а праведзены збор, сістэматызацыя і лексікаграфічнае апісанне далі магчымасць стварыць максімальна поўны анамастычны корпус аднаго з унікальных рэгіёнаў Беларусі.

Умоўныя скарачэнні

ГіВБ. Віц. вобл. – Гарады і вёскі Беларусі. Віцебская вобласць. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі. Кн. I, 2018. Кн. II, 2019.

Пракап., 2013 – Пракаповіч, І. Назвы нашых мясцін / Ігар Пракаповіч. – Мінск: Кнігазбор, 2013. – 192 с.

Літаратура

1. Адамковіч, Алесь. Літоўскія назвы ў тапаніміцы нашага рэгіёна / Алесь Адамковіч. – Паставы: Сумежжа, 2018. – 44с.
2. Аўчыннікава, Р. Гідронімы Браслаўшчыны: слоўнік / Р. Аўчыннікава. – Мінск: Віктар Хурсік, 2015. – 117 с.
3. Инструкция по транслитерации фамилий и собственных импен граждан Республики Беларусь при включении их персональных данных в регистр населения (утверждена постановлением Министерства внутренних дел от 9.10.2008 № 288).
4. Крывіцкі, А.А. Дыялекталогія беларускай мовы / А.А. Крывіцкі. – Мінск : Вышэйшая школа, 2003. – 294 с.
5. Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь. Віцебская вобласць / У.М. Генкін, І.Л. Капылоў, В.П. Лемцюгова; пад рэд. В.П. Лемцюговай. – Мінск : Тэхналогія, 2009. – 669 с.
6. Пракаповіч, І.М. Адкуль паходзяць назвы. Назвы рэк і азёр Пастаўскага раёна / І. Пракаповіч. – Наваполацк, 2000. – 44 с.
7. Пракаповіч, І.М. Назвы нашых вёсак / І.М. Пракаповіч. – Мінск : Кнігазбор, 2013. – 192 с.
8. Пракаповіч, І.М. Чароўны край – Пастаўшчына: краязнаўчыя артыкулы / І. . Пракаповіч. – Мінск, 2009. – 304 с.
9. Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. T. III. Warszawa: nakł. Filipa Sulimierskiego i Władysława Walewskiego. Druk “WIEKU“ Nowy świat. – 960 c.
10. Энцыклапедыя прыроды Беларусі: у 5 т. – Т. 3. Катэнарыя – Недайка; рэдкал.: І. Шамякін (гал. рэд.) і інш. – Мінск: Беларуская Савецкая Энцыклапедыя, 1984. – 488 с.

Е.А. Казнина
Ярославский государственный педагогический
университет им. К.Д. Ушинского
e-mail: kaznina.elena@mail.ru

УДК 811.161.1’373.211.5

Особенности наименований-посвящений городов Ярославской области

Ключевые слова: *урбанонимы, годонимы, агоронимы, меморативы, названия-посвящения, ономастическая система.*

В настоящей статье подвергаются анализу названия-посвящения, которые являются неотъемлемой частью ономастической системы любого города. Мотивы номинации внутригородского объекта по такой модели разнообразны: сформировать мышление особого типа, увековечить имя выдающегося жителя города. Использование различных классификаций урбанонимов определяет способы нахождения характерных черт мемораторов Ярославской области. Произведенный анализ урбанонимов городов Ярославской области дал возможность определить основные особенности мемориальных названий.

E.A. Kaznina
Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky

Features of the names-dedications of the towns of Yaroslavl region

Key words: *urbanonyns, godonyms, agoronyms, memoratives, dedication-names, onomastic system.*

This article gives the detailed analysis of the names-dedications, which are an integral part of the onomastic system of any town. The motives for nominating an intracity object according to this model are various: the formation of a special type of thinking, to perpetuate the name of an outstanding resident of the town. The use of various classifications of urbanonyms determines the ways of finding the typical features of memoratives of the Yaroslavl region. The analysis of the urbanonyms of the towns of the Yaroslavl region made it possible to determine the main features of the memorial names.

Годонимы и агоронимы города способны рассказать об истории конкретного населенного пункта и об истории страны в целом. Наименования-посвящения дают нам представление о важных исторических личностях, которые привносили что-то новое в развитие страны.

Названия-посвящения определяются как отдельный способ номинации линейных и точечных внутригородских объектов. Все урбанонимы этой группы «возникают в результате процесса искусственной номинации» [4, 92] А.В. Суперанская определяет наименования в честь отдельных лиц. А.М. Мезенко предлагает разветвленную схему для описания ономастической системы, в которой названия-посвящения подразделяются на группы в зависимости от сферы деятельности личности. Более сложная схема на данном этапе предложена Ю.А. Качалковой. После детального анализа убанонимии Екатеринбурга автор выделяет три группы имен собственных, мемориальные номинации включают в себя не только отантропонимные названия, но и наименования в честь других топообъектов [2, 89]. Так как охватить весь пласт отобранных наименований сложно, остановимся на рассмотрении отантропонимных наименований.

Провести анализ подобных наименований представляется возможным на уровне населенного пункта или же региона. Однако, на наш взгляд, целесообразнее рассмотреть мемораторы региона. Были отобраны девять городов Ярославской области: Гаврилов-Ям (76), Данилов (16), Любим (13), Мышкин (10), Переславль-Залесский (26), Пошехонье (18),

Ростов (51), Тутаев (16), Углич (31). Крупные города Ярославль и Рыбинск имеют более тысячи улиц, что затрудняет изучение специфики появления наименований-посвящений на уровне малого города.

При изучении этого пласта урбанонимов мы обращались к количественным данным, которые показали, что для Гаврилов-Яма посвящения являются основным принципом номинации и составляют более 50% от общего числа наименований (140); для Ростова этот способ присвоения имени линейному объекту является основополагающим – 40%; для остальных городов Ярославской области количество мемориативов не превышает 30%: Пошехонье – 30%, Углич – 26%, Любим – 24%, Мышкин – 22%, Тутаев – 20%, Данилов – 19%, Переславль-Залесский – 14%. Таким образом, наименования-посвящения занимают значительную часть урбанонимического ландшафта города.

Среди выявленных названий посвящения деятелям культуры становятся самой многочисленной подгруппой. Это может быть связано с тем, что подобные наименования легко запомнить жителям города. Во многих городах мы обнаруживаем *улицу Маяковского* (6), *улицу Некрасова* (6); имя Александра Сергеевича Пушкина находит свое отражение в названиях улиц (5) и площади (1), также как и имя Николая Васильевича Гоголя. Названия-посвящения в честь деятелей культуры разнообразны, несмотря на то, что указанные выше примеры есть в большей части городов Ярославской области. Это лишь говорит о важности личности для искусства страны. Мемориативы в честь писателей и поэтов превалируют над всеми именами собственными других деятелей культуры – представителей сферы музыки (*улица Чайковского*), художниками (*улица Петровичева*).

Лексические единицы, вошедшие в группу посвящений в честь политических деятелей, революционеров и идеологов марксизма, представлены именами прославившихся своими заслугами людей. Д.Ю. Ильин указывает на то, что «переименования по идеологическим причинам представляют собой сложный процесс»[1, 131], это положение для нас очень важно, с точки зрения того, что принцип номинации в честь человека набирает популярность после революции 1917 года. По мнению израильского ономатолога М. Азаряху (M. Azaryahu) мемориальные названия «превращают городскую среду в виртуальную политическую сцену» [6, 311]. Однако сейчас эти наименования уже не призваны влиять на формирование мышления и являются отголоском прошлого.

В каждом городе есть *улица Ленина*. В нескольких городах пользуется популярность имена *Карла Либкнехта* и *Карла Маркса*, больше половины городов Ярославской области имеют *улицу Карла Либкнехта* и *улицу Карла Маркса.* Исчезновение *улицы Карла Маркса, улицы Карла Либкнехта* и *площади Коммуны* в Угличе связано, вероятно, с тем, что это туристический город. При помощи исходных названий *улица Спасская, улица Ярославская* и *площадь Успенская* создаётся впечатление пребывания в историческом городе.

Обратимся к посвящениям героям Великой Отечественной войны; все наименования появились в 1940-х годах. При рассмотрении таких мемомаративов мы сталкиваемся трудностью определения, в честь кого именно названа улица, например, фамилии *Козлов, Ушаков, Комаров, Матросов* являются довольно распространенными, на территории области и конкретного населенного пункта могли проживать несколько человек с такими фамилиями и быть участниками Великой Отечественной войны. Здесь мы видим необходимость привлечения краеведческого материала, чтобы определить, кому посвящен урбаноним. Определенно мы можем выделить самые популярные мемориативы этой подгруппы: *улица Толбухина, улица Труфанова, улица Чкалова и улица Осипенко.*

Сложно идентифицировать в честь кого была названа улица в том случае, если фамилия достаточно распространенная и не ассоциируется с определенными заслугами человека. Такое часто происходит с участниками Великой Отечественной войны, так как многое принимали участие в войне и сложно определить, чья ценность выше.

В отличие от подгрупп мемориативов деятелям культуры и деятелей революционного движения, героев революций и гражданской войны, партийным и государственным

лидерам подгруппа посвящений деятелям науки представлена не во всех городах, отобранных для анализа. Так, подобные наименования отсутствуют в Пошехонье, Любиме, Мышкине и Тутаеве. Распространенными наименованиями становятся *улица Ломоносова, улица Менделеева, улица Павлова* и *улица Мичурина.*

Помимо групп, выделенных Ю.А. Качалковой, нами была обозначена группа *активные деятели города*. Причина тому такова, что подобные мемориальные названия не могут быть включены в другие группы. В свою очередь после определения этой подгруппы мы встречаем коллизию: некоторые урбанонимы сразу определяются в две группы. Имена талантливых писателей, поэтов, художников, увековеченные в названиях улиц – яркий тому пример: *улица Ольги Берггольц, улица Сурикова, улица Крылова, улица Петровичева, улица Воинова, улица Воронина, улица Трефолева, улица Ковалева.*

Отметим, что с точки зрения словообразовательных моделей мемориативы строятся следующим образом: «родовое понятие + фамилия» (*улица Достоевского, улица Ленина, улица Пыряева, улица Никонова* и т.д), причем в схему могут вклиниваться звания, инициалы или имя; а вот модель «прилагательное, образованное от антропонима + родовое понятие» используется лишь для нескольких наименований (*Ленинское шоссе, Ленинская улица, Пушкинская улица*), что говорит о непродуктивности данного способа. При образовании урбанонимов по второй модели можем получить неблагозвучные мемориативы, которые будут нести в себе отчасти негативные коннотации. Названия-посвящения не имеют номера в наименовании, исключения составляют названия линейных объектов Ростова: *Толстовской Набережной 1-й проезд, Толстовской Набережной 2-й проезд, Толстовской Набережной 3-й проезд, Толстовской Набережной 4-й проезд.* Подобная ситуация происходила с улицами Углича, где существовали шесть однотипных наименований, пять из которых были переименованы: *1-я линия улица Шевченко* в *улицу имени В.М. Голубева*; *3-я линия улица Шевченко* в *улицу имени В.И. Калашникова*; *4-я линия улица Шевченко* в *улицу имени В.Г. Жолудева*; *5-я линия улица Шевченко* в *улицу имени Н.А. Козлова*; *6-я линия улица Шевченко* в *улицу имени А.Ф. Романенко.* Примечательно, что на смену пришли мемориальные наименования.

Улица Суворова, улица Степана Разина, улица Пугачева, улица Челюскина, улица Невского, улица Сусанина выделяются среди других наименования, связано это со временем, когда жили эти люди, а значимость этих имен для истории России очевидна. Для жителей городов такие мемориативы запомнить не составляет труда.

Еще одна особенность, которую необходимо отметить наличие мемориатива *улица В.В. Терешковой*. Присвоением нового наименования топообъекту занимаются топонимические комиссии городов, обычно члены комиссии опираются на ряд правил. Считается, что нельзя назвать топообъект в честь ныне живущего человека.

Таким образом, анализ наименований-посвящений позволил выявить особенности, которые присущи мемориальным названиям городов Ярославской области:

1. Наименования-посвящения занимают важную часть урбанонимиконов городов Ярославской области.
2. Некоторые названия отражают реалии ушедшей эпохи.
3. Подгруппа посвящений деятелям культуры является самой многочисленной, распространенная модель номинации.
4. Имена самых известных деятелей культуры, науки, революции и идеологов марксизма представлены сразу в нескольких городах Ярославской области
5. Без доподнительной информации сложно идентифицировать некоторые мемориативы, так как в названиях использованы распространенные фамилии без уточняющих элементов.
6. Часть наименований может быть отнесена к нескольким группа; выбор в пользу той или иной осуществлялся по той сфере деятельности, в которой выдающаяся личность преуспела.

7. Некоторые наименований не могли быть отнесены к какой-либо подгруппе, из выделенных ономатологами, поэтому определены в отдельную подгруппу названия в часть активных деятелей города, так как внесли неоспоримый вклад в жизнь города.

8. В отличие от других урбанонимов, входящих в ономастические системы городов Ярославской области, используются всего две модели для образования названий-посвящений.

В заключение отметим, что наименования-посвящения требуют переосмысления, так как большинство мемориативов деятелям революционных движений, героям революций и гражданской войны, партийным и государственным лидерам устарели. Дальнейшее изучение мемориативов может быть осуществлено в совокупности с посвящениями другим топообъектам или для определения путей изменения облика города в советский период.

Литература

1. Ильин, Д.Ю. Изменение ономастических единиц: возможность отражения в туристическом дискурсе / Д.Ю. Ильин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2017. – Т. 16 №4. – С. 129–136.

2. Качалкова, Ю.А. Урбанонимическое пространство современного Екатеринбурга (официальные названия) / Ю.А. Качалкова // Вопросы ономастики. – 2013. – №1. – С. 88–104.

3. Мезенко, А.М. Урбанонимия Беларуссии: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / А.М. Мезенко. – Минск, 1991. – 34 с.

4. Разумов, Р.В. Постсоветская урбанонимия Российской Федерации: основные мотивы номинации и онимические ожидания горожан / Р.В. Разумов // Верхневолжский филологический вестник. – 2020. – №3. – С. 90–98.

5. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – Москва: Наука, 1973. – 366 с.

6. Azaryahu, M. The Power of Commemorative Street Names / M. Azaryahu // Environment and Planning D: Society and Space. – 1996. – Vol. 14. – P. 311–330.

Источники

1. Васильев, С.Д. Улицы, на которых мы живем / С.Д. Васильев, К.И. Иванов. – Переславль-Залесский: Переславльчкий совет ВООПИиК, 2005. – 142 с.

2. Киселев, С.И. Хронограф событий Гаврилов-Ямского края: события, факты, комментарии, 1918–1941 гг. / С.И. Киселев. – Ярославль: Аверос Плюс, 2017. – 476 с.

3. Лиуконен, Е.А. Улицы старого Углича / Е.А. Лиуконен. – Углич: ООО «Издательский дом «Углич», 2017. – 426 с.

Т.А. Кісель, Н.Р. Якубук
Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна
e-mail: smalucha@yandex.by
e-mail: kisel-ts@mail.ru

УДК 811.161.3′373.21

Мікратапанімія Столінскага раёна (матэрыялы да слоўніка “Мікратапанімія Брэсцкай вобласці”)

Ключавыя словы: *анамастычны матэрыял, мікратапанімія, моўны рэгіён, Столінскі раён, Брэсцкая вобласць.*

У артыкуле пададзены мікратапонімы, зафіксаваныя падчас дыялекталагічных экспедыцый у вёскі Столінскага раёна Брэсцкай вобласці. Назвы ўрочышчаў уяўляюць цікавасць не толькі як сродак зносінаў, але, у першую чаргу, як крыніца шматлікіх і разнастайных ведаў пра нацыянальную гісторыю і культуру. Таму надзённым з’яўляецца пытанне збору, апрацоўкі і вывучэння анамастычнага матэрыялу Брэстчыны.

T.A. Kisel, N.R. Yakubuk
Brest State University named after A.S. Pushkin

Microtoponymy of Stolin district (materials for the dictionary "Microtoponymy of the Brest region")

Key words: *onomastic material, microtoponymy, language region, Stolin district, Brest region.*

The article presents the microtoponyms recorded during dialectological expeditions to the villages of Stolin district in Brest region. The names of the tracts are of interest not only as a means of communication, but above allas a source of numerous and varied knowledge about national history and culture. Therefore, the issue of collecting, processing and studying the onomastic material of Brest region is relevant.

Мікратапонімы, адносячыся да спецыфічнай часткі рэгіянальнай лексічнай сістэмы, з'яўляюцца важнай крыніцай разнастайнай лінгвістычнай і экстралінгвістычнай інфармацыі, таму што кожны рэгіён – своеасаблівая тэрыторыя са сваёй гісторыяй і традыцыямі. Гэта ўнікальны моўны матэрыял, які захоўвае цікавыя звесткі пра матэрыяльную і духоўную культуру народа. Па мікратапонімах можна прасачыць гісторыю таго ці іншага населенага пункта, змены ў жыцці цэлых пакаленняў.

Даследаванне ажыццяўлялася ў межах рэалізацыі НДР "Лінгвакультуралагічны кампанент у змесце асноўных этнаканцэптаў і ўласных найменняў Брэсцка-Пінскага моўнага рэгіёна" (№ ДР 20211558 ад 24.05.2021) пры фінансавай падтрымцы Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь.

Назвы ўрочышчаў, што падаюцца ў даным артыкуле, запісаны падчас дыялекталагічных экспедыцый у вёскі Столінскага раёна Брэсцкай вобласці.

АБЕСІ́НІЯ *ж.* Частка вёскі. (в. Хорск)

БА́БЫНА ГОРА́ *ж*. Частка Нячатаўскага лесу, размешчаная на ўзвышаным месцы. Паводле мясцовай легенды, тут раней жыла злая баба-вядзьмарка. *Пойшлы до Бабынэй Горы, там богато ягід назбыраем, і далэко ны одходь, бо баба выскочыть і соплямы тыбэ вэльмо обмажэ.* (в. Фядоры)

БАГО́ННІК *м.* Лес, у якім расце багун. (в. Альшаны)

БА́М *м.* Участак зямлі, які знаходзіцца далёка ад вёскі. Выкарыстоўваецца ў летні перыяд як часовая палявая ферма. *Сыну, поідэм на БАМ разом, поможэш короў доіты*. (в. Фядоры)

БАРАВО́Е *н.* Урочышча ў лесе. (в. Рубель)

БАСЭ́НЬ *ж.* Лес. *За Смоляром едэм у Басэнь. Там дубі рослі*. (в. Гарадная)

БАТРАКІ́ *мн.* Неафіцыйная назва вуліцы Савецкай, на якой раней жылі батракі (в. Рухча)

БЕРЭ́ЗНЯК *м.* Невялікі лес, у якім растуць адны бярозы (в. Альшаны)

БІКО́ВЭ *н.* Лес. (в. Аўсямірава)

БІ́ЛАЯ *ж.* Поле на месцы былога хутара. Магчыма, назва звязана з колерам глебы (пясчаная, светлая). (в. Фядоры)

БІ́Р *м.* Вялікі змешаны лес, які знаходзіцца на мяжы Беларусі і Украіны. *В Бір по козлякы ходять, по білыі грыбы.* (в. Нячатава, в. Фядоры)

БІ́РКА *ж.* Частка лесу на месцы былога хутара. *Думаю, шо трэба з'іздыты на Бірку, хоть гэто вэльмы далэко*. (в. Фядоры)

БОЛО́ТО *н.* Балота Марочна, якое знаходзіцца на мяжы Беларусі і Украіны. *Глянь, воны зноў швэндалы ў Болото по клюкву.* (в. Нячатава, в. Гарадная, в. Калоднае, в. Фядоры); частка вёскі, размешчаная ў нізіне і аб'яднаная вуліцай Балотняя. *На Болоты заўсюды ны пройты, ны проіхаты, гразь, ямкы.* (в. Фядоры)

БОЛЬ́ЦЦЭ *н.* Малое балота, праз якое можна выйсці да вялікага балота Марочня. (в. Фядоры)

БО́Р *м*. Месца ў лесе, дзе пасвілі цялят. (в. Кароцічы)

БОРОВІ́ЦА *ж.* Участак зямлі на месцы былога бору. (в. Семігосцічы)

БОРОДОЁВА ГОРА́ *ж.* Узвышанае месца, дзе знаходзіцца археалагічны помнік. (в. Гарадная)

БРАДЗІ́ЛАЎКА *ж*. Неафіцыйная назва вуліцы ў вёсцы, гразкае месца. (в. Бор-Дубінец)

БРАДО́К *м.* Частка лесу. *Подалася туды, бі до Брадка. Там хоро́шы яго́днік.* (в. Гарадная)

БРО́Д *м.* Частка вёскі. (в. Альманы)

БРУДКІ́ *мн.* Хмызняк сярод вады. (в. Старое Сяло)

БУРТЫ́ *мн.* Частка вёскі, дзе раней знаходзілася сховішча гародніны – ‘бурты’. (в. Рубель)

БУЯНО́ВІЦА *ж.* Сасновы лес. (в. Аўсяміра́ва)

ББ́ІБКІЎ САДО́К *м.* Поле з садам на месцы былога хутара, які належаў селяніну па прозвішчы Быбко. *Мы часто ідэм у ліс коло Быбкіного садка.* (в. Нячатава, в. Фядоры)

БЭРЭ́ЗНЭЕ *н.* Паша на месцы былога хутара. *Гоньдіка богато було хуторів, і Бэрэзнэе, і Любора.* (в. Нячатава, в. Фядоры)

БЭРЭ́ЗЫНО *н.* Лес. *У Бэрэзына колісь косылі, зараз ягоды бэрэмо*. (в. Гарадная)

ВАКЗА́Л *м.* Частка вёскі, дзе жывуць некарэнныя жыхары. (в. Рубель)

ВАЛЬ́І *мн.* Поле на месцы валоў, што ўтварыліся пры сцягванні карчоў, дрэў падчас меліярацыі. *Малыны на тых Валах морэ було, а тыпэр там – однэ полэ, ягоды ныма дэ збыраты.* (в. Фядоры)

ВЕЛІ́КІ ГРУД *м.* Сенажаць на ўзвышаным месцы (в. Семігосцічы)

ВЕЛІ́КІ ЛЕС *м.* Неафіцыйная назва часткі вёскі. (в. Рубель)

ВЕРЕМЕ́ЕВА ГРА́ДКА *ж.* Частка лесу. *Колісь там буў участак Пахторова батькі Веремея.* (в. Гарадная)

ВЕРХВІ́Р’Е *н.* Урочышча каля возера, у розных месцах якога ёсць віры, што ўтвараюцца ў выніку непасрэднага сутыкнення дзвюх плыняў. Віры відаць на паверхні вадаёма. (в. Семігосцічы)

ВЕРХІ́ *мн.* Сенажаць. (в. Семігосцічы)

ВОДАКА́ЧКА *ж.* Невялікае возера, з якога качалі ваду. (в. Відзібор)

ВОРО́БЫНО *н.* Поле на месцы былога хутара. *Чого назвыско Воробыно – ны знаю, зерно там сіялы*. (в. Нячатава)

ВОРОНУ́ХА *ж.* Частка лесу. *У Воронухі летом грыбоў було*! (в. Гарадная)

ВУ́ГОЛ *м.* Луг. *Округ Вугла було болото*. (в. Гарадная)

ВЫ́ГАН *м.* Месца за вёскай, дзе жыхары пасвілі жывёлу (в. Альшаны)

ВЫ́ГАРЫШЧА *н.* Урочышча на месцы лесу, які выгараў. (в. Альманы)

ВЫ́ДРА *ж*. Хутар на расчышчаным ад лесу месцы. *Некалі, мусіць, выдзіралі дрэвы, і там, на Выдры, пасяліліся людзі.* (в. Калоднае)

ВЫ́ЛАЗ *м.* Поле, за якім знаходзіцца выезд на дарогу. (в. Семігосцічы); урочышча ў лесе. Гэтая мясціна знаходзіцца на выхадзе, або, як казалі ў вёсцы, на “вылазе” з балота. (в. Рубель)

ВЫЛЬ́ІКЫ ЛІ́С *м.* Урочышча на месцы былога хутара. *Онё тожэ буў хутор*. (в. Радчыцк)

ВЫТРО́ПНЭЕ *н.* Поле, сенажаць на месцы асушанага балота. *Мы на Вытропному дору дялку сіна зкосылы.* (в. Фядоры)

ГЛІ́НІНСКІ ВО́СТРАЎ *м.* Поле на ўзвышаным месцы з гліністай глебай (в. Семігосцічы)

ГЛІ́НКІ *мн.* Урочышча каля аднайменнага возера. *Там копалі гліну, булі ямкіі. А потом прочыстылі, стало гозеро*. (в. Гарадная)

ГЛУБО́КЕ *н.* Месца адпачынку на аднайменным возеры. (в. Семігосцічы)

ГЛУШКО́Ў КРАМЕ́Ц *м.* Сенажаць чалавека па прозвішчы Глушко. (в. Семігосцічы)

ГМІРО́ВА ВУ́ЛІЦА *ж.* Частка вёскі. *Там Гмір жыў*. (в. Гарадная)

ГНІЛУ́ША *ж.* Балота. *Гнілуша – болото нізкое і топкое*. (в. Гарадная)

ГО́ЗЭРО *н.* Месца рыбнай лоўлі на возеры. *Вжэ ныхто в нашому Гозыры ны купаецца, бо мулом заросло, рыбу ловять, гусы плавають*. (в. Аўсяміра́ва); месца адпачынку на возеры, якое было створана ў выніку асушэння часткі балота Марочна. *На Озэры людэй було до смутка, добрэ ўсі отдохнулы*. (в. Фядоры, в. Нячатава)

ГОЛІ́ЦЫЯ *ж.* Хутар. *Люді з Голіцыі купілі зэмлю гэтую, і воны там жылі. Потом там буў кірпічны завод.* (в. Гарадная, в. Нячатава)

ГОРА́ *ж.* Частка вёскі на ўзвышаным месцы. *На Горі настроілы хат*. (в. Фядоры)

ГОРОДЭ́НЬСКЭ *н.* Поле і лес, якія знаходзяцца каля в. Гарадная. *Поіхалы по грыбы ў Городэньскэ*. (в. Нячатава, в. Фядоры, в. Радчыцк)

ГОРЭ́ШНІК *м.* Частка лесу. *За Горэшніком Гміроўцы жылі.* (в. Гарадная)

ГО́СЛІВА *н.* Месца купання на аднайменным возеры. (в. Хорск)

ГО́СТРАЎ *м*. Урочышча на месцы сядзібы паноў Гастравецкіх. (в. Туры)

ГРАДА́ *ж*. Мяжа лясного масіву (в. Семігосцічы)

ГРАНЬ *ж.* Лес. *Грань – граныця Украіны і Белорусі*. (в. Гарадная)

ГРУДО́К *м*. Паша паміж хатамі ў вёсцы на ўзвышаным месцы. *Люды ўжэ повыганялы короў на Грудок.* (в. Фядоры)

ГРЫ́ЦКОВА ГРАДА *ж.* Сенажаць. (в. Семігосцічы)

ГРЫЦУ́ХА *ж.* Балота. *Грыцуха – то болото*. (в. Гарадная)

ГРЫ́ШКОВЕ *мн.* Балота. *По Грышковых пасвілі коровы*. (в. Гарадная)

ГУ́МНІШЧА *н.* Поле на месцы, дзе раней размяшчаліся хлявы, пуні. (в. Семігосцічы)

ГУ́СІ *мн.* Месца ў лесе, дзе вясною пры вяртанні з выраю спыняліся гусі. (в. Хатомель)

ГУСЭ́ЛЫЦА *ж*. Паша. *Гусэлыца в самом коньцы сыла.* (в. Нячатава)

ДЕЛО́ЎКА *ж.* Частка лесу. *У Делоўцы лес валілі.* (в. Гарадная)

ДЗЕ́ДЗІНКА *ж*. Балота. *На Дзедзінцы ходзяць у нас каровы.* (в. Калоднае)

ДЗІ́КІ МОХ *м.* Луг, які знаходзіцца пасярод лесу недалёка ад вёскі. (в. Відзібор)

ДЗІ́КОЕ БОЛО́ТО *н.* Луг, які выкарыстоўваюць як сенажаць, але да яго цяжка дабрацца праз хмызнякі і балота. (в. Відзібор)

ДІ́ДОВА ГОРА́ *ж.* Месца за вёскай, дзе знаходзіцца замчышча. *Кажуть, шо там, на горі, дід бородаты жыв.* (в. Гарадная)

ДО́ВГОЕ *н.* Самае працяглае па даўжыні возера. (в. Семігосцічы)

ДО́ВГЫ ЛІ́С *м.* Паласа лесу. *Доўгы ліс – ж гэто прозліско.* (в. Радчыцк)

ДОМА́НСКІ *м.* Сенажаць на востраве. Мясцовы жыхар Сяргей Басан служыў у арміі каля Даманска. Калі Сяргея клікалі працаваць у калгас (касіць сена), той з неахвотай ішоў і казаў: “Лічыце, што я загінуў на Доманском” (в. Семігосцічы)

ДО́МІКІ *мн.* Частка вёскі, дзе на месцы старых хат у 80–90 гады 20 ст. пабудаваны двух-, трохпавярховыя сучасныя дамы. *Відно, шо ў нас святок: усі Домікі попрыходылы на танцы.* (в. Фядоры)

ДО́ЎГАЯ МАРО́ЧЛЯ *ж.* Поле, дзе расце марочля (зелле). (в. Бор-Дубінец)

ДО́ЎГІ ПЭСО́К *м.* Выцягнутае ў даўжыню поле з пясчанай глебай (в. Семігосцічы)

ДО́ЎЖЫЦА *ж.* Луг выцягнуты па форме. *На Доўжыцы у нас буў сенокос.* (в. Гарадная)

ДРАВА́ХА *ж*. Частка вёскі, дзе раней жыхары нарыхтоўвалі дровы. (в. Відзібор)

ДРУГА́ КУРЫ́ЛКА *ж.* Частка лесу, размешчаная каля “курылкі” – доміка для адпачынку ў лесе. *Ягоды збыралы коло Другэй Курылкі.* (в. Фядоры)

ДРЫТЫ́ШЫН *м.* Поле, сенажаць на месцы былога хутара. *Моя бабка, мій батько ў войну жылы на хуторы, на Дрытышыну.* (в. Фядоры)

ДРЭ́КОВЫ ЛУЖО́К *м*. Лес. *У Дрэковому лужку тожэ чорныі ягоды быруть.* (в. Гарадная)

ДУБО́ВА *ж.* Луг. *У Дубовой рослі дубы, буў сенокос*. (в. Гарадная)

ДУБО́ВАЕ *н*. Паша за дубамі. *Кароў гоняць на Дубовае*. (в. Калоднае)

ДУБРО́ВАЯ *ж.* Неафіцыйная назва вуліцы Школьнай – раней на гэтым месцы расло шмат дубоў. (в. Хатомель)

ДУ́ДАРОВА *н.* Поле, якое належала чалавеку па прозвішчы Дудараў. (в. Відзібор)

ДЫМІ́ДОВКА *ж.* Поле. *Дід Дымід жыў – то і Дымідовка*. (в. Аўсяміра́ва)

ДЭ КРЭ́СТІК *м*. Частка лесу каля пастаўленага крыжа. (в. Фядоры)

ДЭ МІРЛІ́НЦЫ *мн.* Частка вёскі, дзе жывуць перасяленцы з в. Мерлін. *Воны збыраюцца на горі Дэ мірлінцы.* (в. Фядоры)

ЖА́СЬКА *ж.* Поле, на якім раней сеялі збожжа (ад дзеяслова жаць). (в. Семігосцічы)

ЖЫДЫ́ *мн.* Часткі вёскі, дзе да вайны жылі яўрэі. (в. Рубель)

ЗА БІ́РЫКОМ *м*. Поле, што знаходзіцца за хутарам селяніна Бірыка. *Сразу За Бірыком кукуруза ростэ, а потом – Яныкіў ліс*. (в. Фядоры)

ЗА ДУ́БОМ *м.* Балота. *Там ростэ велікі дуб, а за ім – болото*. (в. Гарадная)

ЗА КАНА́ВОЮ. Частка вёскі, якая размешчана за р. Стубла (рэчку ў вёсцы называюць Канаваю). *Заканаўскыі – гэто тыі, шо жывуть За Канавою.* (в. Фядоры Стол.)

ЗА КРУКО́ВСКІМ. Частка лесу. *Кажуть, там вэльмо хфайно, там сам пан Круковскі сыдів*. (в. Гарадная Стол.)

ЗА МАТВІ́ЕМ. Частка лесу. *Онё жів дід Матвій.* (в. Гарадная Стол.)

ЗА ПІСЬМЕ́НОМ. Лес. *За Пісьменом, бо за полем Пісьмень*. (в. Калоднае Стол.)

ЗАБЛУ́КВА *ж.* Возера, якое знаходзіцца ў непраходным месцы, каб да яго дабрацца, трэба ведаць мясцовасць, бо можна заблукаць. (в. Семігосцічы)

ЗАБЭРЭ́ЖЖЭ *н.* Поле, сенажаць на месцы былога хутара, размешчанага на беразе р. Стубла. *Дялку сіна нам одбылы ў Забэрэжжы.* (в. Фядоры)

ЗАГОЗЕ́РНАЯ ВУ́ЛІЦА *ж.* Частка вёскі. *Загозерная, бо за гозером*. (в. Гарадная)

ЗАГРУДО́ЧЧЭ *н.* Лес за грудком. (в. Аўсяміра́ва)

ЗАДО́ВГА *ж.* Поле. (в. Аўсяміра́ва)

ЗАКОШІ́В’Е *н.* Частка вёскі. *Есціка і Закошів’е, і Замісе.* (в. Аўсяміра́ва)

ЗАКУ́П’Е *н*. Поле за балотам, багатым на купы травы. *На Закуп’і ріс говэс, пшыныца.* (в. Нячатава)

ЗАМІ́ССЕ *н*. Частка вёскі за сялом (за місцэм). (в. Аўсяміра́ва)

ЗА́МКОВЫШЧА *н.* Узвышанае месца за вёскай. *Замковышча – гэто гора. Там, кажуть, колісь замок буў*. (в. Гарадная)

ЗАМО́ГЛІЦА *ж.* Поле, размешчанае за мясцовымі могілкамі (в. Семігосцічы)

ЗАМОГЫ́ЛЛЕ *н.* Частка вёскі, якая знаходзіцца за могілкамі. *Мій аднокласнік жывэ ў Замогыллі.* (в. Фядоры)

ЗА́МЧЫШЧЭ *н.* Узвышанае месца, дзе знаходзіцца археалагічны помнік – гарадзішча. (в. Гарадная)

ЗАПЕСО́Ч’Е *н.* Месца купання на возеры. (в. Семігосцічы)

ЗАПЛО́ЦЬЕ *н.* Поле, абгароджанае плотам (в. Семігосцічы)

ЗАРЭ́ЧКА *ж.* Частка вёскі, якая знаходзіцца за ракой. (в. Рубель)

ЗАРЭЧЫ́Ч’Е *н.* Возера за ракой. (в. Семігосцічы)

ЗАСТРУ́ЖЖЭ *н.* Поле, сенажаць на месцы былога хутара. *Гэтым літом короў загналы на БАМ аж у Застружжэ*. (в. Фядоры)

ЗБЫ́ШЧА *н.* Частка вёскі, дамы якой былі збіты (пастаўлены) у адзін доўгі рад. *Мы жылы на Збышчы, потом пырыіхалы на Полянку.* (в. Фядоры)

ЗЕЛІ́НСКОЕ *н.* Лес. *Там жыў леснік Зелінскі*. (в. Гарадная)

ЗОЛОТЫ́ РОГ *м.* Возера мае форму рога і славіцца вялікай колькасцю рыбы ў ім (таму і залаты). (в. Семігосцічы)

ЗОЎКІ́НЬСКЭ *н.* Поле, сенажаць, якія знаходзяцца каля вёскі Жолкіна (мясц. Зоўкінь). *До Зоўкіньского ішчэ далэковато.* (в. Фядоры)

ЗЯЛЁНЫ ХУТАР *м.* Хутар, акружаны лесам, які знаходзіцца далёка ад вёскі. (в. Відзібор)

ІЛЬКО́ВА ДОЛІ́НА *ж.* Лес. *Там забіло Ілька. Поехаў ён у лес по дрова воламі, а на дорозі застроміласа дэрэвііна, і ён хоцеў ее отсекчы. А вона крутануласа і прыбіла ёго.* (в. Гарадная)

КАЗЛО́ВА ГОРА́ *ж.* Поле на ўзвышаным месцы, якое раней належала селяніну па мянушцы Казёл. (в. Хорск)

А.І. Копач
Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт
e-mail: aleh@bk.ru

УДК 801.311.5(043.2)

Схемы аб’екта як адасобленага, але не самастойнага арыенціра ў прасторы ва ўласных імёнах геаграфічных аб’ектаў Беларусі

Ключавыя словы: *кагнітыўная лінгвістыка, граматыка канструкцый, тапанімічная канструкцыя, схема, рэкурсіўныя адзінкі, сродкі рэпрэзентацыі.*

На прыкладзе тапонімаў Беларусі, якія рэпрэзентуюць апасродкаваны характар успрымання адзінкавых геаграфічных аб'ектаў, паказаны паступальнасць развіцця граматычнага і семантычнага бакоў тапазнака, іх абумоўленасць відам аб'екта намінацыі, прыстасаванасць тапазнакаў да падтрымкі адзін аднаго пры намінацыі аб'ектаў тапанімічнай прасторы.

Aleh I. Kopach
Minsk State Linguistic University

Schemes of the object as a separate but not an independent landmark in space in the geographical names of Belarus

Key words*: cognitive linguistics, construction grammar, toponymic construction, scheme, recursive units, means of representation.*

A consistent development of grammatical and semantic aspects of a toponymic sign, their dependence on the type of a toponym, and adaptability of place names to support each other while naming the objects of a toponymic space are shown on the example of Belarusian toponyms representing indirect nature of the perception of geographical objects.

Граматыка тапоніма рэдка разглядалася ў лінгвістыцы як цэласная сімвалічная структура, за якой стаіць семантычны складнік. Як правіла, топаасновы вывучаліся адасоблена ад топафармантаў. Яшчэ радзей на аснове спалучэння граматычных паказчыкаў

рабіліся высновы аб іерархіі адзінкавых аб'ектаў як арыенціраў. Разгляд семантыкі цэласных тапознакаў магчымы ў рамках граматыкі канструкцый – аднаго з напрамкаў кагнітыўнай лінгвістыкі, які разглядае аб'екты лінгвістычнага даследавання як сукупнасць схематычных і самастойных канструкцый, запас якіх паэтапна пашыраецца за кошт такіх механізмаў, як катэгарызацыя, аналогія і аўтаматызацыя засвоеных граматычных структур [4]. Вынікам ужывання гэтага інструментара становіцца апісанне шэрагу рэкурсіўных адзінак мовы, якія здольны прадэманстраваць факт паступовасці развіцця граматычнага (і не толькі) боку тапазнака.

У дадзенай працы мы засяродзімся на апісанні адной з груп схем, якія рэалізуюць тапанімічную канструкцыю «1AN», што сімвалізуе зварот суб'екта да індывідуальных асаблівасцей топааб'ектаў. Схемы дзеянняў суб'екта, якія разглядаюць аб'ект як адасоблены, але не самастойны арыенцір, адлюстраваны ў назвах, што заяўляюць пра сябе як пра асобны цэнтр ўвагі чалавека (пра гэта сведчыць іх паказчык аб'ектнасці ў спалучэнні з прыкметай-дыферэнцыятарам), аднак пакуль няздольныя служыць у якасці агульнавядомага аб'екта для мясцовага насельніцтва, які дазваляе арыентаваць без адсылкі да іншых рэалій: балота *Бы́хаўскае* < горад *Быхаў*. Схема дае найбольш яскравыя прыклады выкарыстання чалавекам супрацьпастаўлення «фігура – фон», якое ўпершыню заўважаецца ў схемах «шлях да аб'екта» (поле *По́ля ў Шыро́кіх*, сенажаць *За бро́дам*, балота *Падлі́пай*) і «прыналежнасць аб'екта да мясцовасці» (вёска *Зага́цце*, лес *Міжбро́ддзе* і інш.). На пярэдні план выходзіць кагнітыўная схема «цэнтр – перыферыя», якая арыентуе адносна аб'екта, аднак ужо не падкрэслівае факт прыналежнасці (праз фармант *-jэ*) менш заўважнага аб'екта знешняму асяроддзю больш прыкметнага. Замест гэтага даецца толькі кропкавая спасылка на іншы топааб'ект.

Гэты факт падкрэслівае, што суб'ект пазнання з цягам часу ўсё радзей звяртаецца да апісання канкрэтыкі ўласных дзеянняў або надання дадатковых значэнняў узаемаадносінам топааб'ектаў у прасторы, абіраючы замест максімальна матываванай на першым этапе формулы КРЫНІЦА + ШЛЯХ + ПРЫЗНАЧЭННЕ + КІРУНАК толькі спасылку на больш здольны да ўказання месцазнаходжання арыенцір.

Матэрыялам для дакладу паслужылі 774 імёны розных відаў аб'ектаў (айконімы, патамонімы, лімнонімы, гелонімы, мікратапонімы), якія, з аднаго боку, вылучаюць аб'ект сярод іншых аб'ектаў мясцовасці, а з другога – залежаць ад іншых імёнаў і назваў аб'ектаў навакольнага ландшафту. У працы выкарыстоўвалася інфармацыя аб тапонімах шасці гісторыка-этнаграфічных зон Беларусі, кожная з якіх прадстаўлена двума раёнамі (Докшыцкі, Шумілінскі, Гродзенскі, Мастоўскі, Брэсцкі, Іванаўскі, Калінкавіцкі, Мазырскі, Быхаўскі, Рагачоўскі, Пухавіцкі, Чэрвеньскі). Агульная колькасць базы даных імёнаў нашага даследавання – 4707.

Звяртаюць на сябе ўвагу значна большыя паказчыкі прадуктыўнасці назваў, пабудаваных па гэтай схеме, у параўнанні з узгаданымі вышэй: пар. «шлях да аб'екта» адлюстраваны ў 75 прыкладах, «прыналежнасць аб'екта да мясцовасці» – у 118.

Пераход да апісання розных аспектаў вылучэння самастойных аб'ектаў адносна іншых арыенціраў мае вынікам выкарыстанне суб'ектам розных схем, якія падаюць аб'ект як адасоблены, але не самастойны арыенцір у прасторы.

1. Схема «аб'ект, які фіксуецца праз сваё адноснае размяшчэнне ў неакрэсленай блізкасці да іншага аб'екта». Разглядаемая схема працягвае сабой схему «шлях да аб'екта». На гэтым этапе яго ўспрыманне як неакрэслена блізкага да больш значнага аб'екта (фігуры) набывае паўнавартасны аб'ектны статус. З лінгвістычнага боку тапонім уяўляе сабой прамежкавы тып паміж першапачатковай арыентацыяй з дапамогай прыназоўнікаў месца ў межах як апелятываў, так і онімаў і тыповымі для ўласна тапонімаў славянскіх тэрыторый спасылкамі на аб'ект праз суфіксальныя формы: *Зарача́нка, Уздуўліна, Пад'я́заўкі* і інш.

Актуалізаваная ў межах гэтай схемы катэгорыя аб’ектнасці аднаўляе страчаны ў большасці прыназоўнікавых канструкцый аб’ектны паказчык, але ў новай якасці абавязковага кампанента тыповага ўласнага геаграфічнага імені (гл. табл. 1).

Табліца 1 – Прадстаўленасць схемы «аб’ект, які фіксуецца праз сваё адноснае размяшчэнне ў неакрэсленай блізкасці да іншага аб’екта» ў розных відах аб’ектаў

Аб’ект свету	Колькасць	%	Прыклады
Участак зямлі	3 са 162	1,85	*Патсе́тнае, Уздýліна*
Урочышча	6 з 400	1,5	*Завóдная, Падвóйстраўка*
Свабоднае ад расліннасці месца	3 з 220	1,36	*Павáлашніца, Падатóрская*
Вадаём са стаячай вадой	14 з 1074	1,3	*Пад’я́заўкі, Уздýліца*
Населены пункт	26 з 2475	1,05	*Прыазёрная, Зарачы́цк*
Лес	1 са 119	0,84	*Нары́шніца*

Спарадычнасць імёнаў гэтай групы (53 прыклады), верагодна, сведчыць пра страту ўплыву сродкаў рэпрэзентацыі прасторавых адносін, тыповых для арыенціраў у апелятыўнай лексіцы (прыназоўнікі і прэфіксы), іх абмежаванасць як колькасную (іх няшмат у лексіцы любой мовы), так і сутнасную (недакладная акрэсленасць месца размяшчэння), недастатковасць для вылучэння адзінкавых аб’ектаў ва ўмовах паступовай, але непазбежнай дэталізацыі ландшафту, росту магчымых арыенціраў. Нягледзячы на невялікую колькасць такіх назваў і іх прадстаўленасць у вельмі абмежаваным шэрагу відаў аб’ектаў, іх значнасць для асэнсавання больш прыдатнага для абагульнення імені суфікса нельга пераацаніць. Разам з тым нават у такой абмежаванай групе можна зафіксаваць розныя па структуры імёны, якія дазваляюць заўважыць паступовасць згортвання распаўсюджаных апісанняў кшталту *Забóрскае вóзера* (яно адзінае захоўвае ў сваім складзе геаграфічны тэрмін) праз формы *Падвя́лая, Падгліннaя, Задзве́рны*, якія нагадваюць пра статус аб’екта імпліцытна, але ўжо без указання на прыналежнасць да прасторы самога аб’екта (пар. магчымыя, але не выкарыстаныя формы кшталту **Падсе́цце*), у экспліцытна аб’ектныя формы: *За́лазкі, Падрэ́чанка*. Цікава, што ў параўнанні з агульнай карцінай перавагі ўласна тапонімаў у дадзенай схеме прыклады фіксуюцца ў мікратапанімії і айканімії, што падкрэслівае ўключанасць айконімаў у сістэму арыентацыі аб’ектаў, якія суб’ект далучае да сваёй дзейнасці, абмежаванай невялікім колам аб’ектаў у блізкасці ад месца пражывання. Гэта пацвярджае значнасць ролі прыназоўнікаў на ранніх этапах знаёмства з аб’ектам.

Сярод паказчыкаў такіх імёнаў лідзіруюць прэфіксы *за-* (15 прыкладаў) і *пад-* (10); суфіксы адносных прыметнікаў *-н-, -ск-* у спалучэнні з імпліцытна або экспліцытна прадстаўленым геаграфічным тэрмінам.

2. Схема «аб’ект, які фіксуе сваё адноснае размяшчэнне кропкавым указаннем на сувязь з іншым аб’ектам». Схема звяртае намінатара да імёнаў, якія цалкам пазбаўляюцца ад спецыялізаваных арыентацыйных сродкаў мовы (прыназоўнікаў) на карысць фіксацыі ў імені свайго фонавага статусу праз спасылку на іншыя, больш прыдатныя для арыентацыі ў прасторы фігуры мясцовасці. Галоўная асаблівасць такіх тапонімаў у параўнанні з адзінкамі, утворанымі паводле папярэдняй схемы, – адсутнасць у структуры імені паказчыкаў кірунку. Па колькасці гэта група геаграфічных назваў значна перавышае папярэднія – 638 прыкладаў (гл. табл. 2).

Табліца 2 – Прадстаўленасць схемы «аб’ект, які фіксуе сваё адноснае размяшчэнне кропкавым указаннем на прыналежнасць да іншага аб’екта» ў розных відах аб’ектаў

Аб’ект свету	Колькасць	%	Прыклады
Месца праезду	5 з 14	35,71	*Лу́нянка, Вы́дрыцкі мост*
Вадаём са стаячай вадой	230 з 1074	21,42	*Пла́ўна, Крушы́наўскае возера*
Лес	25 са 119	21,01	*Хвайна́ Лішчы́цкая, За́балацкі*
Вадаём з цякучай вадой	27 з 215	12,56	*Бало́наўка, Я́звінка*
Свабоднае ад расліннасці месца	27 з 220	12,27	*За́дніца, Га́йска*
Участак зямлі	19 са 162	11,73	*Сло́мішча, Гумёнка*
Населены пункт	264 з 2475	10,67	*Га́рец, Клінск*
Урочышча	40 з 400	10	*Старасе́лле, Бараві́я*
Формы рэльефу	1 з 13	7,69	*Чыжэ́вськiй рів*

Марфемы, якія суадносяцца са статусам такога аб’екта, значна пашыраюць свой склад у параўнанні з папярэднімі схемамі, што можна патлумачыць множнасцю спасылак гэтай групы на самыя розныя віды аб’ектаў. Калі на першым этапе існавання сістэмы імёнаў топафарманты маюць спецыялізацыю ў залежнасці ад відаў аб’ектаў, на якія спасылаюцца ці якія намініруюць, то з цягам часу такая стройная пабудова страчваецца, а рэферэнцыя фармантаў пазбаўляецца сваёй адназначнасці [3, 73]. Расфакусіраванасць граматычных паказчыкаў адносных імёнаў ускосна звязана таксама з вусным бытаваннем большасці прыкладаў, іх невялікім (у межах вёскі) радыусам выкарыстання. Тым не менш у дадзенай групе адзначаюцца тэндэнцыі да пераважнага выкарыстання тых ці іншых сродкаў падчас намінацыі топааб’ектаў розных класаў.

Фарманты назваў лясоў, якія рэпрэзентуюць схему, нешматлікія, аднак сярод іх ёсць свае ядро – схемы з флексійным фармантам -ы/-і (13 прыкладаў): *Бугры́, Ку́пы, Дыля́нкі, Куба́ні*. Імёны захоўваюць сувязь з канструкцыяй «1N = N(хА)» праз адпаведнасць геаграфічнаму тэрміну. Такія схемы пакуль не залежаць ад паказчыкаў прыналежнасці да аб’екта, але ўжо імкнуцца адасобіцца ад апелятываў, як слушна заўважаюць тапанімісты – прадстаўнікі структурнай лінгвістыкі [2, 46], праз замену ва ўласных імёнах адзіночнага ліку тапонімаў на множны нават у выпадках, калі характар аб’екта не дае падстаў для трансфармацый. Тыя ж флексійныя сродкі часцей за астатнія ўжываюцца ў назвах свабодных ад лесу месцаў (10 прыкладаў: *Курганы́, Выжары́)* і ўчасткаў гаспадарчай дзейнасці (6 прыкладаў: *Кадаўбы́, Крыжы́*). Уласныя імёны ўрочышчаў, у адрозненне ад астатніх мікратапонімаў, амаль не фіксуюць онімаў з флексійнымі фармантамі (*Станкі́*), што падкрэслівае іх асаблівы статус у мікратапаніміі. На першае месца выходзяць фарманты прыметнікаў -ае/-ая/-і/-ые/-ыя (+ ГТ) (9 прыкладаў): *Пе́рша, За́дні, Гу́зкые* і інш.

Сярод уласна тапонімаў, утвораных паводле гэтай схемы, толькі ў айконімах першае месца займаюць флексійныя імёны (79 прыкладаў), характэрныя для мікратапаніміі. На другое месца вылучаюцца складаныя і складана-суфіксальныя формы, якія часта разглядаюцца як пераходныя ад максімальна распаўсюджаных састаўных да тыповых славянскіх суфіксальных формаў [1, 86]. Пра пераходны статус сведчаць часткі складаных назваў, якія суадносяцца з геаграфічнымі тэрмінамі аб’ектаў з адрозных ад айканіміі класаў тапонімаў: *поле* ў імені *Краснапо́лле*.

У гелонімах вядучай становіцца прадуктыўнасць фарманта -ск(-ае/-і) і яго вытворных у спалучэнні з экспліцытна ці імпліцытна выражаным геаграфічным тэрмінам (112 прыкладаў). Пры гэтым, як і ў мікратапонімах, большую ролю адыгрываюць формы, дзе геаграфічны тэрмін маецца на ўвазе (68 прыкладаў): *Кабы́ліцкае* < в. Кабы́лічы, *Пугачо́ўскае*

< в. Пугачóва. Аднак паступова павялічваецца колькасць формаў з экспліцытным тэрмінам – асаблівасць, якая развіваецца максімальна ў азёрных уласных імёнах. Перавага назваў з імпліцытным геаграфічным тэрмінам тлумачыцца згаданым вузкім кантэкстам ужывання такіх імёнаў, рэферэнцыя якіх не з'яўляецца сакрэтам для мясцовых жыхароў. Цікава, што суб'ект пазбаўляецца ў назвах балот толькі ад тэрміна ў форме ніякага роду (відаць, ад лексемы балота, якая не нясе дадатковых сэнсаў кшталту зарослясці і г.д.), у той час як тэрміны *мох, машок, алес* застаюцца ў структуры імені: *Равéнскі Машóк, Валасáцкі Мох, Я́звінскі Алёс*.

Сказанае пра расфакусіраванасць граматычных паказчыкаў адносных імёнаў не датычыцца назваў вялікіх гідрааб'ектаў, што нядзіўна, бо бытаванне, радыус выкарыстання і стабільнасць існавання ў іх будуць супрацьлеглыя мікратапанімічным.

Сярод лімнонімаў прадуктыўны сродак рэферэнцыі да аб'екта з адносным іменем – фармант *-скае* і яго вытворныя ў спалучэнні з экспліцытным геаграфічным тэрмінам (17 прыкладаў): *Альшáнскае вóзера* , *Латкóўскае вóзера*.

У патамонімах пераважаюць субстантыўныя фарманты, сярод якіх дамінуе *-ка* з вытворнымі (20 прыкладаў): *Балачáнка, Грáдаўка, Бярвéнка, Ды́еўка, Ігóрка*. Аднаслоўнасць назваў рэк мае пазамоўнай прычынай іх памер і, як вынік, стабільнасць у ландшафце, доўгі час выкарыстання, важнасць у сацыяльным жыцці і быце.

3. Схема «аб'ект, які фіксуе сваё распалажэнне спасылкай на міжаб'ектную прастору». Разглядаемая схема не вельмі прадуктыўная (48 прыкладаў), але заўважная па форме. Яна ўключае назвы з дзвюма асновамі, кожная з якіх паказвае на асобны аб'ект. Сустракаючыся ў межах адной назвы, яны акрэсліваюць становішча аб'екта рэферэнцыі паміж дзвюма больш заўважнымі ў ландшафце кропкамі. Гэта дазваляе ўдакладніць яго месцазнаходжанне, але ўскладняе моўны код, таму на апошнім этапе развіцця канструкцыі суб'ект спрашчае яе ў бок аднаслоўных адзінак (гл. табл. 3).

Табліца 3 – Прадстаўленасць схемы «аб'ект, які фіксуе сваё размяшчэнне спасылкай на міжаб'ектную прастору», у розных відах аб'ектаў

Аб'ект свету	Колькасць	%	Прыклады
Вадаём са стаячай вадой	38 з 1074	3,54	а) *Ваўкавы́ск і Жу́раўка;* б) *Скрыль-Ану́фрава;* в) *Забóрска-Ільні́цкае;* г) *Хліпóйстрава*; д) *Бераспóння.*
Вадаём з цякучай вадой	1 з 215	0,47	г) р. *Мухавéц* < ручай *Муха, канал Вец.*
Населены пункт	8 з 2475	0,32	б) *Скрыль-Слабадá;* г) *Альсагóрка.*
Урочышча	1 з 400	0,25	д) *Горні́вськы* < гара, ніва

Да спосабу арыентацыі праз спасылку адначасова на некалькі кропак у прасторы звяртаюцца назвы даволі значных аб'ектаў мясцовасці, аднак прадуктыўнай схему можна лічыць выключна для намінацыі балот. Толькі гелонімы праходзяць увесь шлях ад адасобленых злучнікавых спалучэнняў да складана-суфіксальных прыкладаў, што тлумачыцца нестабільнасцю існавання балот у прасторы. Для суб'екта ў выпадках, калі аб'ект можа ў любы час знікнуць, стварэнне часовага знака спасылкай адразу на два рэферэнты – адно з магчымых выйсцяў. Такія імёны звычайна з'яўляюцца ў сістэме з мэтай адлюстраваць змяненні, якія адбыліся ў сістэме арыентацыі на мясцовасці пасля ўсталявання першаснай сістэмы намінацыі. Працэс таксама можа быць звязаны са зліццём аб'ектаў у адзін (балоты) або змяненнем абставін іх існавання.

Такім чынам, агульная тэндэнцыя развіцця катэгорыі тапанімічнай адзінкавасці ў межах разгледжаных прыкладаў рэалізацыі канструкцыі «1AN» складаецца ў згортванні

апісання канкрэтыкі руху суб’екта ў бок патрэбнага аб’екта і замену гэтага апісання кропкавай спасылкай на адносныя прыкметы топааб’екта. Па меры пераходу да ўжывання такіх прыкмет узрастае роля ўласна тапонімаў, а айконімы часцей дэманструюць сваю ўключанасць у мікратапанімічны кантэкст. Паказчыкі лакалізацыі аб’ектаў адносна пазіцыі назіральніка (прыназоўнікі і прэфіксы) паступова замяняюцца сродкамі, якія пацвярджаюць аб’ектны статус рэаліі (суфіксамі). На першае месца ў большасці выпадкаў выходзіць супрацьпастаўленне «фігура – фон», што падкрэслівае іерархічнасць топасістэмы і прыстасаванасць яе знакаў да падтрымкі адна адной пры намінацыі аб’ектаў тапанімічнай прасторы.

Літаратура

1. Кубрякова, Е.С. Части речи в ономасиологическом освещении / Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1978. – 114 с.
2. Подольская, Н.В. Проблемы ономастического словообразования (к постановке вопроса) / Н.В. Подольская // Вопросы языкознания. – 1990. – № 3. – С. 40–53.
3. Селищев, А.М. Из старой и новой топонимии / А.М. Селищев // Избранные труды. – М.: Просвещение, 1968. – С. 45–96.
4. Leino, A. Place-Names as Constructions / A. Leino // Cognitive Onomastics: a Reader / ed. by S. Brendler. – Hamburg : Baar, 2016. – 204 p.

Лань Лин
Уральский федеральный университет
e-mail: 854448069@qq.com

УДК 811.581’373.211.5:94(511.31)

Годонимы города Чэнду (Китай) в лингвокультурологическом освещении

Ключевые слова: *городские топонимы, годонимы, лингвокультурология, семантический ономасиологический анализ, Чэнду, Китай.*

В статье рассматриваются годонимы китайского города Чэнду как лингвистические носители историко-культурной информации, характеризующей духовную и материальную культуру региона и страны. Осуществляется семантический ономасиологический анализ языкового материала и выявляются признаки и принципы номинации годонимов. На основе семантических и количественных параметров устанавливаются особенности отражения менталитета жителей в топонимическом ландшафте города.

Lan Ling
Ural Federal University

Godonyms of Chengdu (China) in Linguistic and Cultural Illumination

Key words: *city toponyms, godonyms, linguoculturology, semantic onomasiological analysis, Chengdu, China.*

In this article the godonyms of the Chinese city – Chengdu are considered as linguistic carriers of historical and cultural information characterizing the spiritual and material culture of the region and the country. The semantic onomasiological analysis of the linguistic material is carried out and the signs and principles of the nomination of godonyms are revealed. On the basis of semantic and quantitative parameters, the features of the reflection of the mentality of the inhabitants in the toponymic landscape of the city are established.

В последнее время анализ взаимосвязи лингвокультурологии и ономастики, в том числе в ее топонимическом секторе, становится одной из важнейших задач языковедов и культурологов. По справедливому замечанию В.А. Мукина, «язык не только связан с культурой, он растёт из неё и выражает её» [7, 43]. А топонимы, «как особый фрагмент языковой картины мира представляют собой способ языкового воплощения различных культурных кодов» [6, 388]. Подчеркивая лингвокультурологическую значимость городских топонимов (урбанонимов), А.М. Мезенко пишет: «Коды культуры, построенные на символизации действительности, окружающей человека, особенно четко проявляются в именах собственных, в частности в урбанонимах, рассматриваемых как составные элементы изменяющейся системы и отражающие культурные представления использующего их общества» [6, 388].

Топонимия китайских городов с точки зрения ее ценности для развития лингвокультурологического аспекта ономастики и для сопоставительных исследований уже привлекала внимание современных ученых. Свой вклад в ее изучение внесли Ван Бин [1], Ван Ли [2], Е Дай Фу [3], Ли Мо [4], Хоу Ю Лань [8], Хуа Линьфу [9], Ши Цзялу [10] и др. Интересный сравнительный анализ китайских и русских годонимов выполнили Ли Мо и Е.С. Рябцева, проведя описание топонимов Шанхая и Екатеринбурга по трем ономасиологическим группам: мемориальные, дескриптивные и условно-символические названия [4]. Развивая данный опыт, мы представим в статье семантический ономасиологический анализ годонимии китайского города Чэнду и сделаем попытку уточнить этнокультурную информацию, связанную с названиями улиц.

Языковой материал нашего исследования начитывает более 1600 названий, источником для его сбора послужили городские карты и справочники, данные открытого доступа в сети Интернет и личные наблюдения автора.

Чэнду – административный, экономический и культурный центр провинции Сычуань. Основан в IV веке до н.э., столицу древнего царства Шу перенесли сюда из города Хуаян. По преданию, когда в эти места пришли люди, то им было сказано: «Первый год – стать селением, второй – стать городом, третий год – стать столицей» (**一年成聚，二年成邑，三年成都**); из слов «стать столицей» (**成都**) и появилось название «Чэнду».

«Биографией» Чэнду объясняется наличие значительного числа городских топонимов, связанных с историей царства Шу. Они существуют по сей день, и, как это происходит во всем Китае, город стремится их сохранить.

Ономасиологический анализ годонимов Чэнду позволил подтвердить наличие трех основных типов названий: мемориальные названия (номинации-посвящения), дескриптивные названия (характеризующие объект с точки зрения его свойств и качеств) и условно-символические названия. Покажем более детально их состав.

I. Мемориальные названия:

1. Посвящения географическим объектам: **黄海路** (Хуанхай дорога) *Дорога Жёлтого моря;* 东海路 (Дунхай дорога) *Дорога Восточно-Китайского моря;* **大**庆路 (Дацин дорога) *Дорога Дацин* (название города); **玉林街** (Юйлинь дорога) *Дорога Юйлинь* (название города); **晋阳路** (Цзиньян дорога) *Дорога Цзинньян* (название города); 陕西街 (Шаньси улица) *Улица Шаньси* (название провинции); **蜀都大道** (Шуду проспект) *Проспект столицы царства Шу.*

2. Посвящения конкретным лицам: **黄忠街** (Хуанчжун улица) *Улица Хуан Чжуна*, Хуан Чжун – имя генерала династии Хань; **文翁路** (Вэньвэн дорога) *Дорога Вэньвэна*, Вэньвэн – известный педагог в династии Хань.

3. Посвящения официальным должностям императорского Китая: **将**军街 (Цзянцзюнь улица) *Генеральская улица /Улица генерала*; **提督街** (улица Тиду) *Улица командующего войсками провинции* – это должность в древней китайской армии.

4. Посвящения историческим событиям: 光华街 (Гуанхуа улица) *Улица освобождения Китая;* 新光华街 (Синь Гуанхуа улица) *Новая улица освобождения Китая.*

II. Собственно дескриптивные названия:

1. Указывающие на величину улицы (протяженность или ширину): **里街** (Или улица) *Улица одного километра;* **七里街** (Цили улица) *Улица семи километров;* **康庄街**(Канчжуан улица) *Улица очень широкая.*

2. Описывающие положение улицы относительно сторон света: **新南路** (Синьнань дорога) *Новая южная дорога;* **西城巷**(Сичэн переулок) *Переулок в западной части города;* **站**东**路**(Чжаньдун дорога) *Дорога на востоке от ЖД вокзала;* **站西路**(Чжаньси дорога) *Дорога на западе от ЖД вокзала*.

3. Описывающие расположение относительно географических реалий: улицы идут вдоль реки или находятся рядом с горой. **大渡河街**(Дадухэ улица) *Улица реки Даду;* **岷江街**(Миньцзян улица) *Улица реки Минь*.

4. Описывающие расположение относительно строений и сооружений. Иногда в самом названии указывается на положение улицы относительно другого объекта: **文**庙**前街** (Вэньмяо Цянь улица) *Улица за храмом Конфуция;* **文**庙**后街** (Вэньмяо Хоу улица) *Улица перед храмом Конфуция.*

5. Указывающие на городские ворота, мосты, отдельные здания, которые стоят или стояли раньше на этих улицах: **西**华门**街** (Сихуамэнь улица) *Улица западных ворот;* 东华门**街** (Дунхуамэнь улица) *Улица восточных ворот;* **染坊街**(Жаньфан улица) *Улица красильни;* 红牌楼街（Хунпайлоу улица) *Улица красного здания*. Во времена династии Мин Шуский правитель заставил людей построить здесь здание для тибетцев, которые пришли из Тибета, чтобы заниматься коммерцией и приносить дань царству. По традиции Тибета здание выкрасили в красный цвет. Теперь улица, на которой находилось это здание, называется *Улица красного здания;* **交大路** (Цзяода дорога) *Дорога Университета коммуникации*.

6. Указывающие на храмы и монастыри, расположенные на них: 小关庙街 (Сяогуаньмяо улица) *Улица Маленького монастыря в честь Гуань Юй*. На улице находится монастырь в честь Генерала Гуань Юй, известного военачальника царства Шу и одного из главных героев средневекового романа «Троецарствие»; 祠堂街 (Цытан улица） *Улица Храма предков.* На этой улице находился храм в честь Нянь Гэнъяо – китайского военачальника династии Цин, участвовавшего в присоединении Восточного Тибета (Амдо, современный Цинхай) к Китаю; 四圣祠街 (Сишэнцы улица) *Улица Храма предков четырёх совершенномудрых.* На этой улице был Храм предков четырёх совершенномудрых (учеников Конфуция: Цзэн Шэнь, Янь Хуй, Цзы Лу, Цзы Ю).

7. Указывающие на расположенные на них рынки: **肥猪市街**(Фэйчжуши улица) *Улица рынка толстой свинины;* 米市街 (улица Миши) *Улица рынка риса;* 果市巷 (аллея Гуоши) *Аллея рынка фруктов;* 鹅市巷 (аллея Эши) *Аллея рынка гусей.*

8. Описывающие занятия жителей: 锣锅**巷** (Луогуо переулок) *Сковородный переулок*. В переулке Лоугуо в древности была развито бронзовое производство, производили посуду, в том числе *лоугуо*. Луогуо – необходимая кухонная посуда в древней армии, её использовали для приготовления пищи днём, а ночью можно было «отбить лоугуо»,

чтобы передать сигналы времени. В случае чрезвычайной ситуации сигнал *лоугуо* сигнализировал об опасности. 商业街(Улица Шане) *Улица торговли / Торговая улица*. Раньше на этой улице шла оживленная торговля.

9. Указывающие на фамилии жителей, которые живут на этих улицах: 王家巷 (Ванцзя переулок) *Переулок семьи Ван.* Здесь издавна живут люди, которые носят фамилию Ван; 焦家巷(Цзяо переулок) *Переулок семьи Цзяо.* На улице живут люди, которые носят фамилию Цзяо; 包家巷 (Баоцзя переулок) *Переулок семьи Бао.* Здесь живут люди, которые носят фамилию Бао.

10. Указывающие на названия растений, произрастающих на этих улицах: 莲桂路 (Ляньгуй дорога) *Дорога лотоса и душистого османтуса;* 香木林路(Сянму дорога) *Дорога алойного дерева;* 绿杨路 (Люйян дорога) *Дорога зелённого тополя;* 桂花巷(Гуйхуа переулок) *Переулок душистого османтуса.*

III. Условно-символические названия:

1. Отражающие символы китайской культуры: 金盾路 (Цзиньдунь Дорога) *Дорога золотого щита, з*олотой щит – символ защиты; 芳草街 (Фанцао Улица) *Улица ароматных трав,* ароматные травы – символ прекрасных качеств людей; 玉洁巷(Юйцзе переулок) *Переулок чистый, как яшма;* яшма – символ чистоты.

2. Связанные с образами животных, обладающих культурной значимостью, в том числе мифологических: 金鹏街 (Цзиньпэн улица) *Улица золотой птицы Пэн*, птица Пэн – гигантская мифическая птица; 青龙街(Цинлун улица) *Улица зелёного дракона*.

3. Передающие абстрактные понятия с положительной семантикой, многие из которых способны выступать в функции благопожеланий: 仁厚街(Жэньхоу улица) *Улица великодушия;* 平安巷 (Пинань переулок) *Переулок благополучия;* 忠孝巷 (Чжунсяо переулок*) Переулок преданности и почтения;*锦兴路 (Циньсин дорога*) Дорога процветания г. Чэнду;* 福宁路 (Фунин дорога) *Дорога счастья и спокойствия;* 福康路(Фукан дорога) *Дорога счастья и здоровья*.

4. Отражающие коммунистические идеологемы: 人民路(Жэньминь дорога) *Дорога народа*; 大业路(Дае дорога) *Дорога Великого дела*. В древнем Китае понятие *Великое дело* обозначало объединение всей страны. Коммунисты заимствовали эту идеологему, и сейчас она обозначает успешную карьеру и учёбу. 红星路(Хунсин дорога) *Дорога Красной звезды,* в Китае красная звезда символизирует идеи коммунистической партии.

5. Связанные с местными легендами и преданиями: 长发街 (улица Чжанфа) *Улица длинных волос*. Говорят, что раньше на этой улице был женский монастырь, у одной монахини были длинные волосы (по традиции у них не должно быть волос). Оказалось, что она отпустила длинные волосы, чтобы стимулировать рост урожая, и говорят, что её длинные волосы также могли изгнать зло и излечить болезнь. Улица названа в честь этой длинноволосой монахини.

送仙桥路 (улица Сунсяньцяо) *Улица прощания с богами*. В городе Чэнду известна такая легенда: 3-го марта по китайскому календарю в монастыре, который находится около этого моста, проводилась ярмарка, много богов в тот день собирались в монастыре. Ночью, когда им пора было вернуться на небо, они стояли на мосту, рассыпали сокровища и прощались с людями. Благодаря этой известной истории появилось название моста – *Мост прощания с богами,* а улица стала называться *Улица прощания с богами.*

6. Связанные с прецедентыми текстами (стихами и паремиями): 春晓路 (дорога Чуньсяо) *Дорога Весенний рассвет*. Название этой дороги соответствует названию известного китайского стихотворения *Весенний рассвет: «*Весенний сон не чувствует рассвета, / Но всюду слышно щебетанье птиц…».

鸣翠路 (Минцуй улица) *Улица Щебетать в изумрудной иве*. Название улицы – строфа из известного китайского стихотворения жанра *цзюэцзюй*: *«*Две черноголовых иволги щебечут в изумрудной иве, / Вереница белых цапель взлетела в лазурное небо…».

桃蹊路 (Таоци дорога) *Дорога персиковых деревьев*. Название произошло от китайского фразеологизма, который можно перевести так: «персиковые и сливовые деревья безмолвны, однако под ними всегда образуется тропа от тянущихся к ним людей». Этот фразеологизм обозначает: если личность человека благородна и честна, без саморекламы люди будут уважать его и восхищаться им.

Представим далее, как распределяются в процентном отношении годонимы Чэнду по принципам и признакам номинации (см. табл. 1).

Таблица 1. – Реализация принципов номинации в годонимах Чэнду

№ п/п	Ономасиологические группы названий улиц Чэнду	% от общего количества годонимов
1	Мемориальные названия	12%
1.1	Посвящения географическим объектам	
1.2	Посвящения конкретным лицам	
1.3	Посвящения официальным должностям императорского Китая	
1.4	Посвящения историческим событиям	
2	Собственно дескриптивные названия:	52%
2.1	Указывающие на величину улицы (протяженность или ширину)	
2.2	Описывающие положение улицы относительно сторон света	
2.3	Описывающие расположение относительно географических реалий	
2.4	Описывающие расположение относительно строений и сооружений	
2.5	Отражающие наличие пространственно-смежных городских ворот, мостов, отдельных зданий	
2.6	Отражающие наличие расположенных рядом храмов и монастырей	
2.7	Отражающие наличие расположенных на них рынков	
2.8	Описывающие занятия жителей	
2.9	Указывающие на фамилии жителей, которые живут на этих улицах	
2.10	Указывающие на названия растений, произрастающих на этих улицах	
3	Условно-символические названия	36%
3.1	Отражающие символы китайской народной культуры	
3.2	Связанные с образами животных, обладающих культурной значимостью, в том числе мифологических	
3.3	Отражающие позитивные абстрактные понятия (в том числе те, которые способны выступать в функции благопожеланий)	
3.4	Передающие коммунистические идеологемы	
3.5	Связанные с легендами и преданиями	
3.6	Связанные с прецедентыми текстами (стихами, паремиями)	

Среди годонимов Чэнду преобладают собственно дескриптивные названия (52%) и они наиболее полно отражают основную функцию топонимов - указание на местоположение объекта и его отличительные характеристики.

Однако мы также наблюдаем значительное количество условно-символических названий (36 %). Вместе с названиями-посвящениями (12 %) они образуют чуть меньше половины в нашем материале. Такие годонимы обладают культурными коннотациями, значимыми для трансляции знаний и ценностей духовной культуры Китая и региона Сычуань. Очень важно, на наш взгляд, что эти названия могут быть связаны с глубокой историей и с социальными изменениями, с художественной культурой и с мифологией Китая, с эстетическими ценностями и с эстетикой самих китайских традиций топонимической номинации. Таким образом, информация, которую помогают сохранять годонимы, поддерживает культурную идентичность жителей территории.

Литература

1. Ван Бин Пекинские географические названия / Ван Бин, Сюй Сюшань. – Пекин: Китайская федерация литературной прессы, 2008. – 666 с.

2. Ван Ли Спорные вопросы номинации внутригородских объектов / Ван Ли // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. – 2006. – № 3. – С. 70–74.

3. Е Дай Фу The characteristics of place name of Huizhou / Е Дай Фу // Journal of Huizhou University. – 2001. – Vol. 3. – № 5. – P. 10–14.

4. Ли Мо. Годонимия Шанхая как средство создания образа города: история и современность / Ли Мо, Е. С. Коган // Научный диалог. – 2018. – №12. – С. 85–94.

5. Ли Мо. Годонимия Шанхая и Екатеринбурга: сопоставительный аспект / Ли Мо, Е. С. Рябцева // Вопросы ономастики. – 2020. – Т. 17. – № 1. – С. 136–149.

6. Мезенко, А.М. Урбанонимия как язык культуры / А.М. Мезенко // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – Т. 24 (63). – 2011 – №2. – Ч. 1. – С. 388–392.

7. Мукин, В.А. Лингвокультурологические аспекты современной этнософии / В.А. Мукин // Ашмаринские чтения: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф., Чебоксары, 9–11 октября 2014 г. / сост. и отв. ред. А.М. Иванова. – Чебоксары / Чуваш. ун-т. – С. 43–48.

8. Хоу Ю Лань Первое исследование о шаосинской топонимии / Хоу Ю Лань // Journal of Zhejianshuren univisity. – 2003. – Vol. 3. – №6. – P. 48–52.

9. Хуа Линьфу Происхождение топонимии в Китае / Хуа Линьфу. – Пекин: Народное издательство, 2010. – 444 с.

10. Ши Цзялу Сопоставительный анализ топонимов Китая и России (на примере наименования улиц): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.20 / Ши Цзялу; Российский университет дружбы народов. – М., 2021. – 22 с.

А.М. Мезенко
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: mezenka1@yandex.ru

УДК 81’373.211.1:39:316.7

Этническая составляющая мемориальной урбанонимии: особенности репрезентации, культурно-исторический потенциал

Ключевые слова: *культурно-исторический потенциал, мемориальные названия, репрезентация, урбаноним, урбанонимикон, этническая составляющая.*

В статье исследуются мемориальные названия внутригородских линейных объектов в честь представителей других народов (небелорусского); устанавливается соотношение этносов в урбанонимии Белорусского Поозерья; выявляется частотность их использования

в регионе; определяются сферы деятельности представителей других этносов, заслуживающих, с точки зрения общества, увековечивания памяти в урбанонимах. Утверждается, что «этнические» мемориальные урбанонимы, выступающие в качестве «трансляторов» ментальности, культуры и исторической памяти народов, следует рассматривать как инструмент передачи историко-культурной информации.

A.M. Mezenko
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

The ethnic component of memorial urbanonymy: features of representation, cultural and historical potential

Key words*: cultural and historical potential, memorial names, representation, urbanonym, urbanonymicon, ethnic component.*

The article examines the memorial names of intra-city linear objects given in honor of representatives of other nations (non-Belarusian); the ratio of ethnic groups in the urbanonymy of the Belarusian Lakeland is established; the frequency of their use in the region is revealed; the spheres of activity of representatives of other ethnic groups are determined, which, from the point of view of society, deserve to be immortalized in urbanonyms. It is argued that "ethnic" memorial urbanonyms, acting as "translators" of the mentality, culture and historical memory of nations, should be considered as a tool for transmitting historical and cultural information.

Архитектоника урбанонимии как совокупности названий внутригородских объектов объединяет в себе соотношение и взаимную связь различных слагаемых – исторической, культурной, эстетической, социальной, в том числе этнической и других, образующих вместе некоторое онимное единство.

Урбаноним – особое имя. В отличие от имени человека, которое дается на всю жизнь и сопровождает его в течение всей жизни, урбаноним на протяжении существования объекта может изменяться, но при этом, как любое имя, является образом и тенью души создавшего его народа. Семантическая структура урбанонима, как и имени собственного вообще, включает в себя энциклопедическое значение, частью которого является культурная, историческая и эническая информация.

Особую часть современных урбанонимиконов большинства стран мира, в том числе Беларуси, составляют мемориальные названия внутригородских линейных (улиц, переулков, проспектов и др.), территориальных (площадей, рынков, парков, скверов) и масштабных объектов, выступающих важнейшими хранителями прошлой и настоящей истории городов и лучше других помогающих определить этническую составляющую данного сектора урбанонимии определенного региона. Впервые исследование этнического разнообразия в урбанонимии было предпринято А.Н. Соловьевым на материале названий внутригородских объектов Смоленской области [1].

Цель данного исследования – выявить особенности репрезентации и культурно-исторический потенциал мемориальных названий внутригородских линейных и территориальных объектов Белорусского Поозерья, данных в честь представителей других народов.

В связи с поставленной целью анализ названий, присвоенных в честь представителей белорусского населения, не предусматривается и станет содержанием отдельной публикации, поскольку этот этнос и в исследуемом регионе, и в стране является титульным.

Объектом анализа явились урбанонимиконы всех городов (4 областного, 15 районного подчинения) и городских поселков (24) Витебщины начала XXI в., поскольку преобладающую часть территории региона занимает Витебская область.

Приступая к анализу имеющегося в нашем распоряжении материала (1116 урбанонимов), отметим, что мемориальные названия в урбанонимии – исключительно плод искусственной номинации, временем рождения которой является вторая половина XIX в. Если существовавшая ранее естественная номинация протекала без ясной целевой установки, без конкретного автора-номинатора стихийно, модели названий внутригородских объектов «шлифовались» на протяжении длительного периода, то с указанного времени начали появляться названия, присвоенные в результате единовременного акта. Они до настоящего времени характеризуются ясной целевой установкой, имеют определенных номинаторов.

В отношении исследуемой нами части мемориальных названий следует подчеркнуть, что начавшееся после 1917 г. использование имен небелорусов при номинации внутригородских линейных и территориальных объектов становится наиболее интенсивным после Великой Отечественной войны. Большое место среди названий-посвящений отводится урбанонимам, мотивированным именами военачальников, партизан, подпольщиков, разведчиков, рядовых солдат, участвовавших прежде всего в освобождении Беларуси от немецко-фашистских захватчиков.

В результате в зависимости от сферы деятельности персоналии, фамилия которой стала базой для урбанонима, все многообразие современных названий внутригородских объектов, образованных от имен представителей других этносов, распадается на ряд групп.

Первая, самая многочисленная по количеству персоналий (139–56,7%) группа, включающая 316 (28,3% от общего количества названий-посвящений) наименований, образованных от фамилий *участников Гражданской, Великой Отечественной войны, военных деятелей, предводителей крестьянских восстаний и войн.* Персоналии, входящие в данную группу, представляют и самое большое количество этносов. Сюда вошли урбанонимы, увековечивающие память о представителях армян, евреев, казахов, латышей, литвинов, литовцев, марийцев, мордвин, русских, татар, украинцев, чувашей: *ул. Багромяна, ул. Гарфункина, ул. Артыкова, ул. Фабрициуса, пер. Т. Костюшко, ул. Синкевича, ул. Валиева, ул. Жукова, ул. Чапаева, ул. Халева, просп. Черняховского, пер. Янтимирова* и др.

Названия данной группы – это своеобразный урбанонимный пантеон, культурно-историческая ценность которого заключается в увековечении памяти имен тех, кто сполна отдал свой гражданский и человеческий долг.

Вторую позицию занимает группа, в три с половиной раза уступающая первой по количеству персоналий, увековеченных в урбанонимах (их 40–16,3%). Тем не менее состоит она из 262 (23,4%) названий, образованных от фамилий *поэтов и писателей, литературных критиков, композиторов, художников, сценаристов, дикторов Гостелерадио*, что свидетельствует о заметной популярности у белорусов творчества тех поэтов, писателей, композиторов, художников, артистов, дикторов, чьи имена послужили мотивирующей базой при образовании урбанонимов. В некоторых случаях это и знак памяти о пребывании отдельных из них в том или ином городе / городском поселке. Среди них представители 6 этносов – евреев, литовцев, немцев, поляков, русских, украинцев: *ул. Левитана, ул. М. Шагала, ул. А. Мицкевича, ул. Нарбута, пер. Цветаевой, ул. Шрадера, пер. Шевченко* и др.

Из 179-ти урбанонимов, образованных от фамилий 27-ми персоналий – представителей семи этносов – евреев, немцев, поляков, русских, татар, украинцев, французов – состоит группа *ученых, космонавтов, участников экспедиций, пионеров-героев, заслуженных работников*: *ул. Берегового, ул. Карбышева, ул. Н. Коперника, пер. Марата, ул. Циолковского, ул. Шмидта* и др.

В честь представителей также семи этносов, но несколько иного набора – армян, евреев, литовцев, молдаван, немцев, поляков, русских – названы 282 внутригородских

объекта, репрезентирующие группу *государственных, политических деятелей, дипломатов: ул. Мясникова, пер. Урицкого, 1-й пер. Дзержинского, ул. Лазо, просп. Фрунзе, ул. Ф. Энгельса* и др. – трансляторов исторической и культурной памяти из поколения в поколение, основной целью при возникновении которых было стремление закрепить идеологические вехи того времени, когда они были созданы.

Лишь на одну персоналию уступает предшествующей группа внутригородских названий, образованных от имен *профессиональных революционеров, деятелей международного рабочего движения* (18), содержащая в своем составе фамилии лиц десяти этносов – армян, болгар, грузин, евреев, латышей, поляков, русских, украинцев, французов, немцев: *ул. Шаумяна, ул. Димитрова, ул. Орджоникидзе, пер. Володарского, пер. Котовского, ул. Чунчина, пер. Воровского, ул. Жореса, ул. Тельмана, ул. Р. Люксембург* и др. Основная идея подобных номинаций – желание закрепить в памяти потомков имена лучших, с точки зрения номинаторов, представителей различных движений.

Нельзя не отметить номинативную новацию последних десятилетий, имеющую отношение к этнической составляющей урбанонимии – пробу присвоения наименования внутригородскому объекту по имени главных персонажей наиболее любимых горожанами произведений. Имеются в виду появившиеся в урбанонимиконе г. Новополоцка *Онегинская ул., Ларинская ул.,* образованные от имен главных действующих лиц романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Данная номинативная практика широко распространена в городах Польши. В Беларуси до настоящего времени не применялась.

Общие количественные данные представим в виде таблицы (см.).

Таблица 1 – Частотность в Белорусском Поозерье «этнических» урбанононимов в честь отдельных персоналий

Группы по роду деятельности персоналий	Количество персоналий	Количество названий	Этническая принадлежность персоналии (и/или антропонима) / количество персоналий	Количество названий
1. Участники Гражданской, Великой Отечественной войны, военные деятели, партизаны / подпольщики, предводители крестьянских восстаний и войн. 2. Поэты и писатели, литературные критики, композиторы, художники, сценаристы, дикторов Гостелерадио. 3. Ученые, космонавты, участники экспедиций, пионеры-герои, заслуженные работники. 4. Государственные, политические деятели, дипломаты. 5. Профессиональные революционеры, деятели международного рабочего движения. 6. Герои художественных произведений.	**245**	**1116**	армянин – 5 болгарин – 1 грузин – 1 еврей – 10 казах – 1 латыш – 3 литвин – 1 литовец – 5 мариец – 1 молдаванин – 2 мордвин – 1 немец – 7 поляк – 5 русский – 169 татарин – 3 украинец – 25 француз – 2 чуваш – 3	**10** **3** **5** **57** **1** **4** **2** **5** **1** **39** **18** **37** **46** **805** **4** **67** **8**

Проведенный анализ свидетельствует, что имена представителей отдельных этносов в силу более тесных исторических контактов этих народов встречаются в каждой (русских) или почти в каждой (евреев, украинцев, поляков) из выделенных групп, других же единичны. При этом все «этнические» мемориальные урбанонимы являются своеобразными трансляторами памяти о людях, имеющих определенное отношение к территории исследуемого региона, противостоят процессу забвения, храня информацию о социальном статусе, национальности, роде деятельности тех, чьи имена увековечены в названиях линейных и территориальных объектов городов и городских поселков Белорусского Поозерья.

Ядро анализируемого урбанонимного субполя у белорусов формируют мемориативы в честь участников Великой Отечественной войны. Околоядерное пространство занимают названия-посвящения в честь государственных и политических деятелей, дипломатов, имена которых, по мнению номинаторов, достойны увековечения. Оставшиеся группы комплектуют ближнюю и дальнюю периферию исследуемого фрагмента урбанонимии.

Каждая новая историческая эпоха характеризуется своим набором названий внутригородских объектов, поскольку в разные исторические периоды жители одного и того же города по-разному относятся к конкретным именам, по-разному воспринимают одни и те же имена. При этом выбор имени объекта отличается определенной степенью традиционности и устойчивости. В урбанонимном тексте нет случайных имен. Учитывая то, что в силу своего назначения внутригородские названия служат маркерами индивидуальной значимости соотнесенного с ними объекта, урбанонимия формирует и удерживает в живой памяти опыт истории иного времени.

Литература

1. Соловьев, А.Н. Этническое разнообразие в современной генитивной урбанонимии Смоленской области / А.Н. Соловьев // XV Поливановские чтения: материалы всероссийской научной конференции (Смоленск, 29–30 октября 2021 года) / отв. ред. И.А. Королева. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2021. – С. 149–155.

С.А. Мызников
Институт славяноведения РАН, Москва
e-mail: myznikovs@rambler.ru

УДК 811.161.1'373.211.5(476)

Лексика и топонимия прибалтийско-финского происхождения в трудах Н.Я. Озерецковского

Ключевые слова: *лексика, топонимия, ойконим, прибалтийско-финский.*

В статье представлен анализ некоторых апеллятивов топонимических данных прибалтийско-финского происхождения, которые были зафиксированы в Приладожье и Обонежье Н.Я. Озерецковским. Эти данные сопоставляются с современными диалектными материалами, определяется их этимология. Отмечается специфика употребления некоторых этнонимов.

S.A. Myznikov
Institute of Slavic Studies Russian Academy of Sciences

Vocabulary and toponymy of the Baltic-Finnish origin in the works of N.Ya. Ozeretskovsky

Key words: *lexis, toponymy, oikonym, Baltic-Finnish*.

The article presents an analysis of some appellatives of toponymic data of the Baltic-Finnish origin, which were recorded in the Ladoga and Obonezhie N.Ya. Ozeretskovsky. These data are compared with modern dialect materials, their etymology is determined. The specificity of the use of some ethnonyms is noted.

Данная работа основана на сопоставлении данных книги Н.Я. Озерецковского и полевых материалов автора, которые были получены примерно в тех же местах, но спустя двести лет. Сведения Н.Я. Озерецковского датируются концом XVIII века были получены в экспедиции, которая была организована Академией наук летом 1785 года по Ладожскому и Онежскому озерам. Путешествие осуществлялось на **сойме**, небольшом двухпарусном судне, которое традиционно использовалось как средство передвижения и для рыбного промысла на Ладожском, Онежском озерах. Он написал обстоятельный отчет о своем путешествии, который был опубликован книгой в 1792 году – «Путешествие по озерам, Ладожскому и Онежскому, Надворного Советника, Императорской Академии Наук, академика» [1]. Сделанные им описания поселений, их жителей, растительного мира, ихтиофауны, и в настоящее время представляют значительный интерес. Посещая прибрежные селения, путешественник тщательно показывает жизненный уклад, способы ведения хозяйства, быт и семейные отношения местного населения – русских, финнов, карел, вепсов. Отмечается сходство их жизни: «*Все различие между русскими и* ***чухонцами*** *состоит только в вере и несколько в языке; но большая часть русских не так хорошо говорят своим языком, как чухонским; и женской пол наибольше язык сей употребляешь, так что и которые из них по-русски говорить совсем не умеют. Дворы в упомянутой деревне расставлены по-чухонски, то есть беспорядочно; но большая часть лицом обращены к губе*» [1, 56].

Н.Я. Озерецковский отмечает характерные особенности языка как русского, так и инородческого населения: «*Кроме свойственных каждой стране в языке отмен, жители как по* ***Олонке-реке****, так и по* ***Свири****, общие всем россиянам слова произносятъ отлично, а именно, не договаривают глаголов в третьем лице, как-то вместо* ***будет*** *говорят –* ***буде****, вместо* ***несет*** *–* ***несе*** и пр.» [1, 150].

В этой книге представлено довольно много лексических единиц, отражающих влияние смежных прибалтийско-финских языков.

Среди них представлены наименования рыб: - *В реку* ***Водлу*** *осенью заходят из озера налимы из коих большие весом бывают в пуд; маленькие называются там* ***кужары*** [1, 313]. Ср. **кужа'р** 'небольшой налим' Пудож. (Каршево) [2]. **Кужа'рик** 'небольшой налим' Водлозеро КАССР, 1971 [3: 16, 19]. Ср. вепс. *kužu* [4, 250].

Отмечается лексика хозяйственной деятельности:

Колоколка: - *В деревне Ручье отменно от многих других мест приготовляется лен; а вся отмена состоит только в том, что обивши с бабок головки или* ***колоколку****, как в тамошнем краю называют, кладут обитые бабки в воду* [1, 130]. Ср. вепс. *kaukol* 'головка льна или конопли с семенами' [4, 188].

Гейматы: - *Зажиточные и почётные обыватели, в разном расстоянии от города* (Сердоболь), *имеют свои земли (по-тамошнему Гейматы), с которых получают*

как хлеб, так и всякие съестные припасы [1, 92]. Ср. финн. *heimo* 'род, племя', вероятно о родовых землях.

Отмечается специфика рыболовства на Ладожском и Онежском озерах.

Рыбу обыкновенно ловят воротницами, которые здесь ***керекоды****, а на Ладожском озере воротницы и* ***кереводы*** *называются* [1, 152-153]. Ср. вепс. *kerekod* 'сеть для ловли ряпушки'.

Довольно много единиц, относящихся к микротопонимии и географической терминологии.

Кенда: - *От устья Мегры верстах в трех втекает в Онегу река Новая, за которою выдается в озеро Новый нос; от сего носа через Кенду (песчаной бор) в близком расстоянии от Онеги лежит Кедринское озеро длиною версты в две* (Озерецковский: 325). Ср. более поздние данные: **Ке'нда** 'песчаный возвышенный берег озера' Олон. [3, 13, 180]. 'Возвышенное, заросшее место на болоте' Пудож. (Авдеево), Петрозав. [3: 13, 180]. 'Мыс на реке, озере' Вытегор. (Щекино) [2]. 'Лес, бор' Хвойнин. [5: 4, 38]. 'Возвышенное невозделанное поле' Олон. [3: 13, 180]. 'Ягодное место в лесу' Вытегор. (Андома) [2]. 'Пожня' Вытегор. (Андома) [2]. **Кенда** 'урочище', 'каменистая гряда или песчаная возвышенность на берегу озера, поросшая лесом' Вытегор. Ср. фин. *kenta*, *kenttä* 'возвышенное бесплодное место', при том, что вепсские данные более всего соответствуют русским диалектным, ср. вепс. *kend, kendäk* 'берег реки, озера у самой воды или край болота' [4].

Салма: - *За Туломою в одной версте с половиною впадает в Салму река Минола, пред устьем которой лежит деревня того же имени. От сей до пролива Перямы версты с полтретьи; и здесь кончится Салма или обширная губа, между островами и матерою землею заключающаяся, которая для рыбной ловли выгодным почитается местом* [1, 104]. Ср. диалектные данные: **Са'лма** 'пролив между островами, пролив' Прионеж. (Тулгуба), Пудож. (Пяльма, Колгостров, Водлозеро), Медвежьегор. (Челмужи, Космозеро, Яндомозеро) [2] из кар. *salmi* 'пролив'.

Кара: - *Верстах в семи от устья Водлы неподалеку от берега лежать острова Кладовой и Дедовец, подавшиеся от озера к небольшому заливу Казачья Кара называемому* [1, 310]. *Деревня Княж-бор в 10 верстах от сельца Иванькова. Против сей деревни на другом берегу Свири лежит д.* ***Кара*** *или Пахомовская* [1, 145]. Ср.: **Ка'ра** 'залив в озере, заводь в реке' Подпорож. (Важины, Заозерье, Пидьма, Сидорово, Согиницы, Шеменичи, Юксовичи), Вытегор. (Бараны), Прионеж. (Педасельга, Ладва) (ПЛГО) из вепс. *kara* 'небольшой залив, бухта' [4, 179].

Орга: - *По обеим сторонам сего озера растет темной лес, в котором множество находится камня, щелья, болот и* ***орг*** *(орга) или луж чащею покрытых* [1, 216]. Ср. **О'рга** 'густой дремучий, высокий еловый лес' Медвежьегор. (Каскосельга, Усть-Яндома, Ламбасручей, Черкасы, Лонгосы, Великая Нива), Пудож. (Песчаное) [2], при карельских первоисточниках: кар. (Ухта, Паданы) *orko* 'влажная низина с растущим на ней ельником', 'ложбина, низина', 'овраг', 'дремучий, глухой еловый лес', 'расчищенный сенокос в еловом лесу', 'заливной луг' [6, 4, 59].

Лахта: - *От Коневца до Чертовой лахты считают не более шести верст.* [1: 39]. *Чертова лахта нарочито далеко от озера внутрь земли простирается; имеет возвышенные берега и такую глубину, что самые большие суда, со всем грузом, к самым берегам приставать в ней могут. При конце сей лахты лежишь Русская деревня, одним именем с лахтою называемая, которая состоит из одиннадцати дворов. Лахтяне обыкновенно сеют рожь, ячмень и овес* [1, 55–56]. Ср. ливв. *lahti*, люд., вепс. *laht*.

Луда: - *Но всего важнее в сем городе пристань, возле которой строятся галиоты и спускаются в реку. которая возле пристани глубины пм есть 8 футов; но против фабрики купца Рыборецкого, в. самом городе, приходить* ***луда****, где глубины только 5 футов; далее становится река от часу глубже до самого устья* [1, 320]. Ср. **Лу'да** 'каменистая

мель, отмель' Плес., Сегеж., Медвежьегор., Кондоп., Подпорож., Кандалакш., Кем., Онеж., Прионеж., Пудож., Терск. [2]. 'Мелкое место в реке, озере' Прионеж. (Шуя, Вороново, Кончезеро, Ялгуба), Подпорож. (Важины, Карганичи, Юксовичи), Медвежьегор. (Федотово, Космозеро), Пудож. (Пяльма), Сегеж. (Полга), Лодейноп., Плесецк. [2]. Можно сопоставить кар. *luodo*, ливв. *luodo* 'каменистая мель, подводный камень'.

Тайбола: - *В 17 верстах от выше упомянутой тони лежит на берегу чухонская деревушка* ***Тайбола*** [1, 32]. Ср. диалектные данные: **Та'йбола** 'густо поросшее лесом низменное болотистое место' Медвежьегор. (Космозеро, Великая Нива, Космозеро, Палтега) [2]. **Та'йбола** 'дремучий участок леса, а также дорога, проходящая рядом с ним' Медвежьегор. (Космозеро, Палтега) [2]. **Та'йбола** 'большой пахотный участок, сенокосное угодье' Медвежьегор. (Сенная Губа, Лонгосы) [2]. **Та'йбало** 'лес у болота' – *За тайбалом дорога*. Кондоп. (Дианови Горы) [2]. Ср. люд. *taibaleh*, ливв. *taival*, фин. *taipale, taival* в значении 'расстояние, путь между двумя местами'.

Кроме того, в тексте Н.Я. Озерецковского фиксируется значительное число ойконимов с характеристикой их населения и особенностями хозяйственной деятельности: «*Следует река* ***Ошта****, на которой лежит Оштинской погост, где также строятся галиоты, кои выходят из нее без груза; ибо в устье глубины только 42 фута. От* ***Ошты*** *до Свирского устья кроме рыбачьих избушек нет больше никаких селений*» [1, 325].

На берегу Ладожского озера имеется деревня **Мо'рье**, к настоящему времени почти заброшенная. Имеются современные варианты ее наименования: *Дере'вня Мо'рье, а солда'тская Морья', а гражданская на'ша Мо'рье, э'то солда'ты приду'мали Морья', да Морья', э'то когда'-то приду'мали Морья' да Морья', ну, а так Мо'рья* (Запись: Потёмкина Т.И., 2010 г.) [1]. В книге Н.Я. Озерецковского эта деревня упоминается несколько раз: *Когда переедешь из Шлиссельбурга мимо крепости через Неву и не в дальнем от берега расстоянии поедешь озером к реке Морье, то на пути сем во-первых встречается Кошкинский нос, за ним следует такой же мыс называемый Сосновец* [1, 38]. Она несколько раз меняла сове название, на карте 1705 года деревня появляется как **Мурияньеми,** с еще прозрачной мотивацией на прибалтийско-финской почве, ср. карел. *murre* ' место между прибрежным мелководьем и глубиной, где появляются скопления рыбы' [7, 361], карел. *n'iemi* 'мыс; полуостров' [7, 382]. Позднее упоминается как **Марисельская мыза**, затем как **мыза Оринка**.

Весьма интересно использование Н.Я. Озерецковским некоторых этнонимов, так, в книге различается употребление лексем **финн** и **чухонец**. Первая фиксируется в отношении финнов, живущих на территории Княжества Финляндского, вторая – для населяющих окрестности Санкт-Петербурга.

Город Сердоболь лежит на косогоре, вдавшемся мысом своим в упомянутую губу; строение в нем все деревянное; населен по большей части ***финнами*** [1, 74].

Деревня Микульская на реке Влоге от устья ее есть первая; за нею в шести верстах по той же реке лежит другая чухонская деревня, Волоярви называемая, от которой в 20 верстах находится село Матокса, в котором при российской церкви определенный священник очень хорошо разумеет язык чухонский. Всех деревень в графской даче сказывают двенадцать, в них мужеского полу жителей считается 976 человек, кои все чухонцы, кроме осьми дворов ижорами обитаемых [1, 47].

Литература и источники

1. Озерецковский, Н.Я. Путешествие по озерам, Ладожскому и Онежскому / Н.Я. Озерецковский. – СПб., 1792.
2. Полевые материалы автора.
3. Словарь русских народных говоров. Т. 1–52, Москва – Ленинград – Санкт-Петербург, 1965–2021.
4. Зайцева, М.И., Муллонен, М.И. Словарь вепсского языка. – Л., 1972.
5. Новгородский областной словарь; отв. ред. В.П. Строгова. – Вып. 1–12, Новгород, 1992–1995.
6. Karjalan kielen sanakirja. O. 1–6, LSFU XVI, 1–5, Helsinki. 1968–2005.
7. Федотова, В.П., Бойко, Т.П. Словарь собственно-карельских говоров Карелии. – Петрозаводск, 2009.

А.Е. Оксенчук
Витебский государственный университет им. П.М. Машерова
e-mail: oxenchak.anna@yandex.by

УДК 81’373.2:130.122

Ономастическое пространство как пространство непонимания, или всегда ли «Местное Известное»?

Ключевые слова: *урбаноним, ономастическое пространство, коммуникативная эффективность, непонимание.*

Автор статьи обращает внимание на тенденции в современной топонимике, связанные с созданием названий, которые нарушают презумпцию понимания названий места и тем самым разрушают жизнь городской среды. Автор выделяет 6 групп топонимов такого типа.

A.E. Oksenchuk
Vitebsk State University named after P.M. Masherova

Onomastic Space as the Space of Misunderstanding, or is "Local" always "Proverbial"?

Key words: *urbanonym, onomastic space, communicative effectiveness, misunderstanding.*

The author of the article attracts attention to the trends in modern toponymy, related to coining names which go against the presumption of place name understanding thus destroying the urban environment existence. The author specificates 6 groups of toponyms of this kind.

Городская среда как культура стала формироваться сравнительно недавно: только в середине 19 века застройка города начала планироваться специалистами (архитекторами) по законам экономической и эстетической целесообразности. Главенствующим принципом создания городского пространства (городской среды) до сих пор и в агломерациях, и в сравнительно небольших городах был и остаётся принцип функциональности, а на уровне языка - эффективной коммуникации. Парадигма, сверхзадача организации урбанистической среды определяются сегодня не внутри аутентичности жителей какого-то города, или государства, а во внешнем поле, во взаимодействии одного города с другим. Хотелось бы предположить в связи с этим, что такая сверхзадача должна решаться и соответствующими коммуникативными средствами, прежде всего на топонимическом уровне, на котором кодируется как аутентичное, так и глобальное.

Урбанонимы – названия мест городской среды, являющиеся маркерами местонахождения, относительно которых житель или гость города строит свою навигацию. Эти названия должны реализовывать максиму истины, по крайней мере, не вводить в заблуждение человека относительно реализации его целей, не вести его в «тёмный лес» в прямом смысле.

Анализируя урбанонимы в городе Витебске, мы можем отметить ряд закономерностей в нарушении принципа кооперации (понимания), который эта лексика как раз и должна обеспечивать.

• 1-я группа **«названия-дублёры»**: «*Аптека на Строителей», «Стоматология на Московском», «Кофе с собой», «Чистота и красота», молоко «Вкусное», парикмахерская «Стрижка», «Белмаркет», «Белкнига», «Аптека №17»* и т.п. В этой группе топонимов

название места не приобретает образного наращения, как при образовании других видов названий. Метонимический перенос и в этом случае производится: аптека названа Аптекой, стоматология – Стоматологией, а ларьки, где кофе берут с собой - Кофе с собой (название функции на название места). В результате метонимии имеет место «нулевой перенос признака» и производный ономим лишён образа и экспрессивности. Казалось бы, для понимания это хорошо (никто вместо аптеки не попадёт в баню и, беря с собой кофе, будет смело прихлёбывать именно кофе). Но, во-первых, для понимания и, особенно, запоминания это плохо: наш мозг любит образы, и чем они неожиданнее, чем сильнее эмоции - лучше запоминание. Во-вторых, тенденция выбора в качестве урбанонима слова-дублёра становится заметной. И это нарушает принцип создания «живой» городской среды, в которой большую роль играют объекты или их названия, вызывающие положительные эмоции, стимулирующие когнитивный интерес. А если магазины называть магазинами, интерес исчезнет даже к шопингу.

Другой крайностью в назывании объектов городской среды является использование слов с ярким образным основанием, с закрепленным в культуре коннотативным значением, с автоматическими ассоциациями: слово *лось* (название крупного сильного рогатого животного) ассоциируется с лесом, охотой, лесным хозяйством, с чем-то сильным и диким; слово *светофор* (регулятор дорожного движения) мотивировано образом трёх последовательных кругов-сигналов: ход есть – хода нет; *караван* ассоциируется с миром Востока, песками и жарким солнцем, а *хамелеон* имеет устойчивую отрицательную оценку при переносе признаков значения на человека – *тот, который меняет своё поведение в зависимости от обстоятельств, не искренний, фальшивый* и т.п.

Слова подобного типа хорошо использовать в топонимике в соответствии с ассоциацией именно из-за лёгкости установления связи между названием и объектом. Участник городского пространства может быстро понять, каковы функции объекта, названного таким именем. Но только если это городское пространство не Витебск.

Вторая группа названий, ложно мотивированных, объединена нами в группу «урбанонимы-обманки».

• 2-я группа **«семантические обманки»:** продовольственные магазины: «*Светофор», «Три лося», «7 пятниц», «Эдельвейс», «Караван». «Гиппо»* (от *гиппопотам*); названия салонов красоты *«Черный кот», «Мокко», «Золотая стрекоза», «Хамелеон»;* кафе – *«Garage», «Домино», «Кукуха»*; парикмахерская *«Эвридика», «Victory»*; названия продуктов: сыр – *«Рубин, «Изумруд», «Алмаз» «Жемчуг»;* творожный сырок – *«Орфей и Эвридика»*, суши-бар *«Суши вёсла»* т.п.

Такие ложно мотивированные топонимы не только нарушают презумпцию понимания, но и создают эффект нарушенного ожидания, который при многоразовом повторении создаёт условия для установки на непонимание и неприятие коммуникации. В целом «семантические обманки», как и любые другие обманки, являются одной из причин социального напряжения и психологической усталости горожан.

В третью группу «токсичных» топонимов мы отнесли иноязычные названия, которые не являются широко известными, а идентифицируются небольшой группой горожан, владеющей иностранными языками:

• 3-я группа **«иноязычные топонимы»**: «*Вейпшоп»* (от англ Vape Shop) – магазин для продажи жидкостей, пропиленгликоля, койлов, клипомайзеров, сабомных баков, боксмодов, никобустеров и т.п. Морфема *шоп* в этом названии, по крайней мере, указывает на возможность совершения покупки. В случае с *«Барбершоп»* это уже не помогает, потому что «Бербершоп-кафе» – это не магазин и не очень кафе, а место, где стригут бороды мужчинам, а не собакам, если кто-нибудь может подумать о ризеншнауцере. Магазин *«Той»* (от англ. *игрушка*), сеть парикмахерских и кафе *«Smile»* (от англ. *улыбка*),

медицинский центр *«Ти Амо»* (итал. *тебя люблю*) и подобные иноязычные названия не только не способствуют вербальной организации городского пространства, но и затрудняют идентификацию социальных объектов.

Продолжением третьей группы топонимов, затрудняющих понимание, являются прецедентные имена других культур.

• 4-я группа **«прецедентные имена другой культуры»**: это туристическая фирма *«Бефана»* (мифологическое существо итальянской культуры, с которым связана традиция награждать или наказывать детей на Рождество, преподнося им подарок или кусочек угля); сеть продовольственных магазинов *«Веста»* (по имени древнеримской богини-девственницы и весталки, жрицы которой не могли вступать ни с кем в сексуальные отношения, в случае нарушения обета они заживо замуровывались в городской стене); название сети магазинов *«Санта»* (от итал. *святой*, сокращённое имя Санта Клауса, мифологического персонажа, одаривающего всех в канун Рождества) – распространены по территории всей Беларуси. Сюда можно добавить магазин «Париж», парикмахерскую «Эвридика» и т.п.

• Еще одной группой топонимов являются названия, возникшие в результате метафорического переноса периферийного признака значения, например: название магазина *«Золушка»* активизирует не релевантный признак «*очень маленький размер ноги*», и не *«вымазанная сажей»*, и не *«ставшая принцессой»,* а периферийный признак *«убирающая в доме».* Название *«Мила»* сети магазинов хозтоваров и косметики активизирует признак *«аккуратная, любящая чистоту».* Салон красоты *«Хамелеон»,* имеет название, мотивированное признаком «*изменять окраску»,* при этом релевантные признаки не утрачиваются, а по-прежнему связываются в языковом сознании с объектом – ужасной ящерицей с выпученными глазами, – создавая своего рода «семантическое напряжение» с последующей эмоцией неодобрения.

Наконец, 6-я группа названий объектов городской среды – это немотивированные для носителя языка **аббревиатуры** типа: *«Синлаб», «Синэво», «Тагена»* и т.п.

Завершить анализ хочется названием бренда сети магазинов Green *«Местное Известное».* Этот бренд представляет натуральные продукты, первоначально производимые фермерскими хозяйствами. При этом имя производителя и место производства продукта не указываются. Таким образом, все хозяйства, объединенные признаком *местное,* в названии бренда лишаются права на индивидуальность, на запоминание потребителем, на идентификацию. В течение последних лет торговая марка присоединяет и промышленные предприятия, получившие знак «Натуральный продукт», тем самым число участников бренда увеличилось в десятки раз, а продукция представлена линейкой от молока и мяса, наборов зелени, кофе до соков «Global village». Словом, все названное – это далеко не местное. С другой стороны, объединенные под одной маркой продукты фермерских хозяйств, мелких и средних предприятий никогда не станут известны потребителю как оригинальные, имеющие свою историю, свою рецептуру и своих авторов, т.е. не будут известны, потому что уже *известные.*

Оксюморон в названии «Местное Известное» ещё и ономастическая ирония: городские названия зачастую выражают нежелание авторов быть оригинальными, разнообразными запоминающимися, названия, ими созданные, не мотивированы или ложно мотивированы. Это похоже на защиту от взаимодействия, потому что выражается нежелание понимания, кооперативной коммуникации, нежелание, чтобы потребитель узнал производителя получше, пережил радость и захотел к нему вернуться.

M. Paszko
Uniwersytet w Białymstoku
e-mail: m.paszko@tomasconsulting.com

УДК 811.162.1'373.211.5(438.15)

Названия улиц Белостока – эволюция, историческое и онимическое значение

Ключевые слова: *названия улиц Белостока, историческая перспектива, город-палимпсест, урбанонимия.*

Цель статьи – представить названия улиц Белостока, который за свою историю был под правлением разных стран. Это имело большое значение для формирующейся и меняющейся онимической системы агломерации, в которой переплелись влияния русского, немецкого, еврейского, белорусского и украинского этносов. В случае со многими названиями речь не идет об официальной номинации в виде постановлений городского совета. Однако они свидетельствуют об исторической языковой интерференции и могут считаться интересными онимическими памятниками.

M. Paszko
University of Bialystok

Street names of Białystok – evolution, historical and onimic significance

Key words: *street names of Białystok, historical perspective, city-palimpsest, urbanonymy.*

The aim of the article is to present the names of the streets of Białystok, which in its history experienced the governments of different countries. It was of great importance for the emergingand the changing onimic system of the agglomeration in which the influences of Russian, German, Jewish, Belarusian and Ukrainian ethnos intertwined. In the case of many names, we are not dealing with an official nomination in the form of city council resolutions. However, they are evidence of historical linguistic interference and can be considered interesting onimic monuments.

The aim of the article is to present the names of the streets of Białystok in general in a diachronic and synchronous approach, taking into account foreign patterns and linguistic influences. Białystok is the largest city in northeastern Poland and the capital of the Podlaskie Voivodeship. It is the tenth-largest city in Poland, second in terms of population density, and thirteenth in area. Białystok has historically attracted migrants from elsewhere in Poland and beyond, particularly from Central and Eastern Europe. Influences of Polish, German, Lithuanian, Ukrainian, Jewish and Belarusian ethnos were mixed in the city. Apart from native urbanonimy, there were also East Slavic names and hybrid formations. They influenced each other and interacted with each other over the centuries, creating a cultural and linguistic mosaic. Topographic names in Białystok have become a reflection of the history of settlement and sociopolitical situation of the city and region.

For the purposes of this article, it was necessary to analyze the system of nomenclature of Białystok streets, because mainly plateonyms are subject to legal processes, thanks to which it is possible to recreate the nomination act. Research on the urbanonymy of Białystok takes into account available historical sources as well as archival data, including topographic data. As noted by M. Dolistowska, many works on the history of the city are based on poor source material due to its dispersion and lack of access to historical documents [5, 12].

The town archive was burnt down during World War II, and many materials, mainly concerning the 19th century, found their way to the eastern border, incl. in the National Historical Archives in Grodno, as well as in Saint Petersburg, Moscow and Vilnius. At that time, almost 80% of the city was destroyed and many streets ceased to exist [4, 355]. The lack of sufficient source material influences research difficulties, which become a challenge for the linguist. For this reason, no monograph on the city of Białystok has been prepared so far.

The system of urban nomenclature has been shaped over the centuries and has influenced the linguistic creation of space, while the onimic layer is constantly expanding and transforming. The literature on the subject also uses the following terms to denote the onimic system in toponomics: city / city toponymy, plateonymy, hodonymy, urbanonymy. Proper names of objects appearing in urban space, e.g. streets, squares, parks, buildings, are subject to dynamic changes. Urbanonymy is a separate naming system, centered around the city's community and culture. Before the lexeme street appeared in the topography of the city, the Latin term *platea* functioned, and in some cities the German term *Gasse*, which meant 'entrance' or 'narrow road'.

The research conducted so far and the excerpt of the material allowed for the observation that the main urban axis of the city are streets and squares. They function in an orderly manner, set directions and the way of moving. Three basic functions of communication routes can be distinguished [2, 283]:

1. Orientation function – related to the city's topography, which was dominant at the time of establishing the cities, until the middle of the eighteenth century and disappeared with the incorporation of the surrounding suburbs, suburban settlements and villages by the founding cities.

2. Location (identification) function – distinguishing individual communication routes and indicating a specific place in the city.

3. Symbolic function – promoting binding and accepted social values in a given urban environment, commemorating characters, events, etc.

Białystok as an example of a city-palimpsest

Białystok is an urban organism made up of various social, ethnic and professional groups. Cultural communities were connected and united by the awareness of their own distinctness, as well as of the language. Nowadays, it is difficult to notice a clear ethnic differentiation. The processes of unification are characteristic of almost all contemporary Polish metropolises, and foreign elements in the onimic space constitute a cultural monument. The same is true of Białystok onimic resource. Hidden in the documents of bygone eras and in memories, names create a rewriteable space [5, 4].

Białystok is a palimpsest city, a multicultural mixture of traces, fragments of history and culture of various nations. In the nineteenth century, the definition of palimpsest narrowed. It is now referring to a manuscript in which a later handwriting was superimposed on an earlier (obliterated) handwriting. Since it was officially granted city rights, Białystok was under the rule of the following countries:

1. 1749 – 1795: Polish-Lithuanian Commonwealth, Podlaskie Voivodeship
2. 1795 – 1807: Kingdom of Prussia, Province of New East Prussia
3. 1807 – 1842: Russian Empire, Białystok Oblast
4. 1842 – 1915: Russian Empire, Grodno District
5. 1915 – 1919: German Reich, Kingdom of Prussia (war occupation)
6. 1919 – 1939: The Republic of Poland, Białystok Province
7. 1939 – 1941: USSR, Byelorussian SSR, Belastok Region (war occupation)
8. 1941 – 1944: Greater Germany Reich, Bezirk Bialystok (war occupation)
9. 1944 – 1945: USSR, Belarusian SSR, Białystok region (war occupation)
10. 1945 – 1952: The Republic of Poland, Białystok Province
11. 1952 – 1989: Polish People’s Republic, Białystok Province

12. 1989 – 1998: Poland, Białystok Province

13. since 1999: Poland, Podlaskie Voivodeship.

Such frequent changes of the language used in the city resulted in the overlapping of naming layers, blurring and restoration of old traces. The basic historical sources for researching urban nomenclature are cartographic materials, mainly maps and city plans. The oldest preserved map of Białystok is the so-called "Moscow plan", also referred to as the tsarist plan – "Plan du chateau de la ville de Bialystok" by Jan Kamsetzer from 1771 or 1774, based on the plan from 1757. It was published in 1992 after it was found in Moscow. Another cartographic source is the Białystok Plan from 1799, reconstructed by Jan Glinka based on the Plan by G. Becker, which was commissioned by the Prussian authorities. A photocopy of the original is in *Teki Glinki* (File 120 – State Archives in Białystok). The document shows that there were twenty streets at the end of the 18th century. The next plan is from 1807 or 1808 (no date) and shows the introduction of the Russian administration. Many subsequent maps and plans of Białystok served as a source of knowledge about street names and their evolution.

The chronological evolution and general creation of street names in Białystok is presented below. Due to the limitation of the size of the text, only representative examples are given, which are the subject of a larger onomastic study. Examples of street names are provided in the original wording as they appeared in the source documents.

Names of Białystok streets in the 18th century

The first street names in Białystok referred to the topography, characteristics, settlement, ethnic and professional groups, e. g. *ulica Podrzeczna, ulica Zagumienna, ulica Bojarska.* The street names marked the gates leading to the surrounding towns: *Choroska, Suraska, Wasilkowska*. The first marked roads usually led from the entrance gates to the main square. In the 18th century, it was located in Białystok leading Branicki Palace, i.e. the route leading to the building known in the city.

Street names in the years 1807–1918

In the years 1807–1915, the streets in Białystok officially bore Russian names, because the city was part of the Russian Empire. Moreover, the advertisements and subtitles could only appear in that language. On the map from 1810 there are Russian street names, incl. *Улица Нова Липа, Улица Суражская, Улица Костельная, Улица Васильковская, Улица Зеленая*. At that time, there were just over twenty streets with names and they were translations of Polish names. They had an orientation and information function.

In 1864, by a resolution of the Board of Grodno Governorate, 29 street names appearing in the city were replaced with new Russian ones, e.g. *Улица Васильковская* to *Николаевская Улица, Замковая* to *Немецкая улица, Млыновая* to *Институтская улица*, etc. As you can see, in the 19th century, the potential of street names was noticed as it could help to preserve the memory of important people and events. In the second half of the 19th century in order to commemorate Tsar Nicholas I, *Wasilkowska* (street) was changed into *ulica Mikołajewska* (commemorative, symbolic). Giving the street such a name emphasized the importance of the road, and there was indeed a clear construction movement in the main part of the city. Up to these days, Słonimska Street commemorates the fact that Białystok belonged to Słonim Governorate, i.e. the governorate of the Russian Empire, created as a result of Poland Third Partition and existing for several months in 1796.

Street names of Białystok in the years 1919–1939

On April 17, 1919, the Provisional City Committee decided to change street names from Russian to Polish, incl. *ulica Mieszczańska* changed to *ulica Elektryczna* (previously also *Kleindorf*), *ulicę Niemiecką* to *ulica Kilińskiego*, *ulica Moesowska* to *ulica Krakowska*, *ulica Nowo Niemiecka* to *ulica Legionowa*, *ulica Brzeska i ulica Puszkina* to *ulica Adama Mickiewicza*, *ulica Policyjna* to *ulica Ogrodowa*, *ulica Aleksandrowska* to *ulica Warszawska*, *ulica Flakierska* to *ulica Wesoła*. The list of squares and streets in the city of Białystok in 1919

(*Wykaz placów i ulic miasta Białegostoku z 1919 r.*) was the first official document to organize the plateonymy of Białystok in an official manner.

Street names in 1941–1944

During the occupation, attempts were made to Germanize urbanonymy of Białystok by replacing Russian and Polish onymas with German, written Gothic. Translations of Polish names and new names appeared in the space, informing about German national heroes. Below are examples of just a few representative plateonyms that had a Polish name in 1938 and the German name in 1942: *Aleja 11 listopada>Richthofen Strasse, ulica Artyleryjska>Artillerie Strasse, ulica Branickiego>Goethe Strasse, ulica Częstochowska>Leipziger Strasse, ulica Kraszewskiego>Frankfurter Strasse, ulica Kilińskiego>Deutsche Strasse, ulica Mickiewicza>Reichsmarachall Strasse, ulica Orlicz-Dreszera>Kleindorf, ulica Orzeszkowej>Gärtner Strasse, ulica Św. Rocha>Roch Strasse.*

German street names were removed after the city was liberated.

Street names after World War II. 1945–1989

In the post-war period, with the advent of communism, there were further changes in the urbanization of Białystok. This was reflected in the available resolutions of the city authorities of Białystok. A significant ideological metamorphosis covered the streets of Białystok in 1949. At that time, one of the most representative streets was changed from *ulica Lipowa* to *ulica Józefa Stalina*, *ulica Świętego Rocha* was renamed into *ulica Manifestu Lipcowego*, *ulica Branickiego* became *ulica Włodzimierza Lenina*. Renaming the streets was one of the most visible metamorphoses. The ideologization of space coincided with the reconstruction and expansion of the city. They were often accompanied by the marking out of new communication routes which completely destroyed the pre-war street network. Kwiryna Handke called the plans of the totalitarian authorities "naming baptisms", which pursued political goals, introducing many communist patrons [8, 41]. At that time, names were borrowed from city to city to make it easier to unify the system.

The effects of the political change after 1989

The decommunization of public space in Poland began in 1989 after the political transformation. Many names of streets and squares in cities were modified mainly for the sake of the patron, who was perceived negatively, the location of the route in the center, as well as the desire to restore pre-war nominations that aroused the sentiment of the local community. After the decommunization in 1989, the streets began to serve as a commemoration of the achievements of famous and distinguished figures in Poland and region. In addition, women began to apply for honoring writers and activists.

In this way, since 1990, there were, inter alia, streets and squares: *ulica dr Ireny Białówny*, *ulica Hanki Ordonówny*, *ulica Berty Szaykowskiej*, *ulica Simony Kossak*, *ulica Łucji Prus*, *ulica Anny Jagiellonki, ulica Nory Ney, ulica Praw Kobiet, ulica Wisławy Szymborskiej, ulica Agnieszki Osieckiej*, *Bulwary Ireny Sendlerowej*.

Since 1990, there is also the emergence of church saints as patrons and patrons of the streets: St. Andrzej Bobola, St. Wojciech, St. Maximilian Maria Kolbe, St. Joseph, St. John the Baptist, Saint Pio, Saint Prophet Elijah, St. Gregory Peraga, St. George, St. Luke.

The presented examples show that the street names given today often have a symbolic meaning. They are one of the simplest, but also visible in the city's onimic space, way of commemorating famous people. In addition, the repertoire of indicative and informative names in the city was exhausted, and in 2021 there were almost 1,200 plateonyms in Białystok.

Names of Białystok streets as onimic monuments

Understanding the historical and cultural processes that have taken place over the centuries in the city of Białystok is a prerequisite for the analysis of urban nomenclature, its geographical and ethnic specificity. The research difficulty is the lack of archival sources, which were largely destroyed during the war and the rest are scattered. Nevertheless, it is reasonable

to trace the names of Białystok from the earliest times, as they allow for the interpretation of urbanonyms and show the history of the city [3, 98].

The analysis of the cartographic and source materials showed that the streets do not coincide with their historical divisions and trend, which was influenced by enormous war damage, name changes and the dynamic development of the agglomeration. However, in the city's nomenclature of Białystok, the influences of various cultures are noticeable, as well as the blurring of their traces. Many names serve as unofficial act of nomination. City names are an important testimony to historical linguistic interference and can be considered interesting onimic monuments.

Literature

1. Abramowicz, Z. Changes in urbanonymy of northeastern Poland in the context of statehood transformation / Z. Abramowicz, L. Dacewicz // Acta onomastica" / LI, 2. – 2010. – P. 417–428.
2. Balowski, M. Zmiana funkcji nazw ulic i placów (od funkcji orientacyjnej do funkcji symboliczno-lokalizacyjnej) // Miasto w perspektywie onomastyki i historii / red.: I. Sarnowska-Giefing, M. Graf, Poznań, 2010. – P. 281–296.
3. Dacewicz, L. Podlasie w badaniach onomastycznych w przekroju historycznym – stan obecny, zadania i potrzeby // Studia Wschodniosłowiańskie / 2018. –Tom 18. – P. 98–108.
4. Dobroński, A. Cz. Historia Białegostoku / A. Cz. Dobroński. – 2021, Białystok. – 584 s.
5. Dolistowska, M. W poszukiwaniu tożsamości miasta. Architektura i urbanistyka Białegostoku w latach 1795–1939 / M. Dolistowska. – 2018, Białystok.
6. Duda, B. Miasto w świecie dyskursów / B. Duda. – 2018, Katowice.
7. Handke, K. Dzieje Warszawy nazwami pisane / K. Handke. – 2011, Warszawa.
8. Lech-Kirstein, D. Zwrot kulturowy w badaniach onomastycznych // Poznańskie Spotkania Językoznawcze / (30), 85–95. https://doi.org/10.14746/psj.2015.30.5.

Sources

1. Планъ Города Билостока 1810 г. // Centralne Państwowe Muzeum Historyczne w Sankt Petersburgu, 1293/168/5; kopia udostępniona ze zbiorów Narodowego Instytutu Dziedzictwa Oddział Terenowy w Białymstoku.
2. Планъ города Белостока, 1910 (no date) // zbiory Archiwum Państwowego w Białymstoku, Akta Miasta Białegostoku 1838-1944 (zesp. nr 4/64), Sygn. 137.
3. Plan der Stadt Bialystok, Königsberg 1942 r., ze zbiorów Archiwum Państwowego w Białymstoku, Akta Miasta Białegostoku 1838-1944 (zesp. nr 4/64), Sygn. 139.
4. Wykaz placów i ulic Białegostoku: według nowych i starych nazw sporządzony na mocy protokułu Komisji i zatwierdzony przez Tymczasowy Komitet Miejski w dniu 17.IV.1919 – Режим доступа: http://pbc.biaman.pl/dlibra/docmetadata?id=25704&from=&dirids=1&ver_id=&lp=2&QI=.

С.А. Попов
Воронежский государственный университет
e-mail: spo@bk.ru

УДК 81.373.21+070

О роли средств массовой коммуникации в региональных топонимических исследованиях

Ключевые слова: *ономастика, топонимика, топонимия, ойконимия, лингвокраеведение, журналистика, регионалистика.*

Статья посвящена роли средств массовой коммуникации в региональных топонимических исследованиях. Автор приходит к выводу, что районные и областные газеты и информационные интернет-порталы являются полноценным источником для научного изучения региональной топонимии – ойконимов, урбанонимов и микротопонимов.

S.A. Popov
Voronezh State University

On the role of mass communication media in regional toponymic research

Key words: *onomastics, toponymy, oikonymy, linguistic local history, journalism, regionalism.*

The article is devoted to the role of mass communication media in regional toponymic research. The author comes to the conclusion that district and regional newspapers and information Internet portals are a full-fledged source for the scientific study of regional toponymy – oikonyms, urbanonyms and microtoponyms.

Стремительное развитие информационного общества значительно усилило роль средств массовой коммуникации в жизни современного человека. В настоящее время среди ученых и практиков нет единого определения терминов «средства массовой информации» (СМИ) и «средства массовой коммуникации» (СМК). Во многих научных работах указанные термины употребляются как синонимы. Ряд авторов рассматривают СМИ и СМК как самостоятельные категории и полагают, что объем понятия СМК гораздо шире, чем объем понятия СМИ, поскольку включает в себя всю систему средств массовой информации, и у них отсутствует обязательное требование к системности и/или периодичности распространения информации.

В настоящей статье на примере Воронежской области Российской Федерации мы рассмотрим важную роль районных и областных газет и информационных интернет-порталов, которые являются полноценным источником для научного изучения региональной топонимии – ойконимов, урбанонимов и микротопонимов.

Районные СМК также играют важную роль в сохранении памяти об исчезнувших населённых пунктах, вместе с которыми ушли и их названия. Информация об этих хуторах, деревнях, посёлках, селах через страницы «районок» передается последующим поколениям воронежцев зачастую во многом благодаря энтузиазму местных краеведов, библиотекарей, школьных учителей, журналистов и даже школьников.

В первую очередь, местные «акулы пера» должны хорошо знать историю и географию родного края, а также владеть основами лингвистического краеведения своего региона – легко ориентироваться в диалектах, этимологии фамилий жителей, географических названиях.

Своеобразный пул «лингвокраеведческих журналистов» был подготовлен заведующим кафедрой славянской филологии Воронежского государственного университета, руководителем Воронежской ономастической школы, доктором филологических наук, профессором Г.Ф. Ковалёвым. Он смог заинтересовать воронежским лингвокраеведением студентов филологического факультета, которые после окончания вуза вернулись в родные края и стали журналистами местных районных газет.

Если обратиться к истории российской журналистики, то можно заметить, что нередко из работников районных или региональных газет, увлеченных местной историей, природой, диалектами, впоследствии вырастали известные писатели или журналисты. Вспомним хотя бы нашего земляка, самородка из села Орлово Новоусманского района, блестящего фенолога и журналиста Василия Михайловича Пескова, лауреата многочисленных государственных и негосударственных премий. Он ещё в 1976 году написал замечательные строки: «Человеку важно знать свои корни – отдельному человеку, семье, народу, – тогда и воздух, которым мы дышим, будет целебен и вкусен, дороже будет взрастившая нас земля и легче будет почувствовать назначение и смысл человеческой жизни» [7, 3].

В газете «Аннинские вести» (Аннинский муниципальный район) часто выходят содержательные материалы, посвящённые разным аспектам краеведения. Журналист Сергей Афанасьев регулярно публикует собственные краеведческие изыскания, пишет и о местных исследователях «старины глубокой». Например, героиня его публикации Дарья Гальцова, аспирант филологического факультета ВГУ, рассказала своим землякам, откуда взялись названия улиц села Старый Курлак [1, 5].

В газете «Звезда» (Бобровский муниципальный район) в рубрике «По страницам истории» 9 и 16 февраля 2021 года были опубликованы статьи Елены Ледневой «На каких улицах жили бобровцы до революции», в которых приведены сведения о прежних названиях современных улиц райцентра, дана их этимология, перечислены расположенные на них исторические здания. В частности, до революции 1917 года в Боброве были улицы *Большая Воронежская* (современная ул. Кирова), *Большая Московская* (ул. 22 января), *Дугиновская* (ул. Пугачёвская), *Икорецкая, Романовский бульвар, Садовая* (ул. Авдеева), *Солдатско-Ротная* (ул. Краснофлотская), *Прогульно-Дворянская* (ул. Алексеевская) и др. Автор утверждает, что «Оборонительная – единственная улица, которая не меняла своего названия. С древних времён она была пограничной» [5, 4].

Многие СМК Воронежской области регулярно публикуют интересные мемориальные материалы об исчезнувших населёенных пунктах.

Например, редакция газеты «Заря» (Таловский муниципальный район) 25 октября 2019 года публикацией «Некоролевская судьба Корольского» открыла на своих страницах рубрику «Исчезнувшие с карты», в которой журналисты будут «рассказывать о посёлках, которые когда-то существовали, в них жили и трудились люди, кипела общественная жизнь. А потом по разным причинам они исчезли с карты района. Но самое главное – еще живы люди, для которых эти посёлки – их малая родина» [6, 5]. В настоящее время в данной рубрике опубликованы материалы «Добрый баптист и Нижний Колпак: С карты района исчезли 26 посёлков» (26 ноября 2019, № 95), «В списках значится: Посёлок Макаровский ещё не списали как исчезнувший, но последние жители покинули его 20 лет назад» (3 декабря 2019, № 97), «Что Купальный передал Гнилому: С карты района исчезло название одного посёлка, а в реальности перестал существовать другой» (21 января 2020, № 4), «Мы – краснянцы: Уроженцы исчезнувшего поселка сохранили историю своей малой родины» (28 июля 2020, № 52), «Печеровка в воспоминаниях» (22 сентября 2020, № 68) и др.

Газета «Родное Придонье» (Петропавловский муниципальный район) по инициативе главного редактора Л.Н. Поповой в январе 2020 года открыла новую рубрику «Здесь был хутор», в которой начали публиковаться материалы о забытых и заброшенных хуторах и деревнях района. В дебютной статье читаем: «Почти полвека назад исчез с лица земли хутор Мандровка, который находился в 18 километрах от Петропавловки. Сегодня на его месте только памятный камень, памятник с именами мандровцев, погибших в боях за Родину в годы Великой Отечественной войны, и кладбище, более чем наполовину заросшее кленами да дикой порослью. Да и доехать до хутора непросто. Почти двадцать километров дороги петляют между полями и лесополосами» [8, 8]. В историко-краеведческом материале также раскрыта этимология топонима, приведены сведения из начальной истории хутора: «Старожилы утверждали, что название хутору дал крестьянин по фамилии Мандровский, который перебрался в это место вместе с семьей из села Журавка Богучарского района. Было это в 1865 году. В том же году в хуторе было отстроено 12 хат-лозянок, где проживало 46 мужчин и 47 женщин. Через 20 лет в Мандровке уже проживало 686 человек в 132 домах» [8, 8].

После цикла публикаций в конце 1990-х – начале 2000-х годов в газете «Калачеевские зори» (Калачеевский муниципальный район) краеведа И.А. Письменного о нескольких десятках исчезнувших хуторов в районе начали устанавливать памятные знаки на месте было расположения населённых пунктов. «Но прежде в центре города Калача

начали возводить общий памятник исчезнувшим хуторам, который открыли 18 октября 2003 года. Две мраморные стелы как две страницы раскрытой книги истории, на каждой из которых по 22 названных ушедших в небытие хуторов. Приехавшие на открытие памятника привезли землю с мест, где некогда стояли их родные хутора. Вспоминая – плакали, смотрели – радовались, что жива теперь память об их хуторе» [3].

В 2017–2018 годах к 75-летию со дня освобождения областного центра от немецко-фашистских захватчиков Региональное информационное агентство «Воронеж» успешно реализовало просветительский проект «Воронеж. Улицы победителей», в рамках которого корреспонденты портала вместе с известным воронежским историком Владимиром Размустовым рассказали о героях Великой Отечественной войны, имена которых получили улицы Воронежа, об их подвигах и людях, которые лично были знакомы с воинами-защитниками [2].

В год 75-летия Великой Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов на страницах районных и областных газет, в интернет-пространстве (на сайтах информационных агентств, в социальных сетях) в специальных рубриках («Война. Победа. Память», «К 75-летию Великой Победы», «Лица Победы», «О войне написано не всё», «Память», «Простые герои великой войны», «У подвига нет срока», «Шла война народная», «Эхо войны» и др.) массово публикуются материалы, посвященные местным героям Великой Отечественной войны 1941–1945 годов и труженикам тыла.

Многие районные газеты Воронежской области опубликовали иллюстрированные материалы о земляках-героях, в честь которых были названы улицы местных населённых пунктов. Например, из газеты Борисоглебского городского округа «Борисоглебский вестник» можно узнать о Владимире Пешкове, Викторе Талалихине, Георгии Печковском, в память которых названы две городские улицы и переулок, и их подвигах [4].

Таким образом, средства массовой коммуникации можно по праву признать полноценным источником региональным топонимических исследований. Районные и областные газеты, информационные агентства и информационные интернет-порталы играют важную роль в сохранении для будущих поколений культурно-исторической информации о крае, отразившуюся в наименованиях географических объектов и служат базой для региональных топонимических словарей, в том числе и для словаря исчезнувших названий населенных пунктов, в котором найдет отражение культурно-исторический потенциал утраченных топонимов региона. Данный лексикографический труд станет закономерным итогом многолетней деятельности историков, лингвистов, журналистов, краеведов, школьных учителей, представителей органов государственной власти и местного самоуправления, направленной на лингвокраеведческое и культурно-историческое изучение родного края.

Литература

1. Афанасьев, С. Откуда взялись названия улиц села Старый Курлак: Географию своей малой родины исследовала студентка Дарья Гальцова / С. Афанасьев // Аннинские вести. – 2020. – 22 сентября. – № 68. – С. 5.

2. Воронеж. Улицы победителей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://riavrn.ru/theme/victory_streets/. – Дата доступа: 20.02.2022.

3. Высотин, А. Земляки. Он ставил обелиски умершим хуторам: Памяти Ивана Алексеевича Письменного / А. Высотин // Воронежская неделя. – 2013. – № 22. – 29 мая. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://communa.ru/obshchestvo/zemlyaki-_on_stavil_obeliski_umershim_khutoram/. – Дата доступа: 20.02.2022.

4. Гусева, А. Прославленные и увековеченные Герои: две улицы и переулок Борисоглебска названы в честь Героев Советского Союза, чьи судьбы связаны с городом / А. Гусева // Борисоглебский вестник. – 2020. – 30 апреля. – № 17. – С. 15.

5. Леднева, Е. Как менялись названия бобровских улиц: Из Дугиновской в Пугачёвскую / Е. Леднева // Звезда. – 2021. – 16 февраля. – № 11. – С. 4.

6. Нужная, Ирина. Некоролевская судьба Корольского / И. Нужная // Заря. – 2019. – 25 октября. – № 86. – С. 5.

7. Песков, В. М. Дороги и тропы / В. М. Песков // Роман-газета. – 1976. – № 11 (801). – 112 с.

8. Попова, Лина. В Мандровке – полувековая тишина: 46 лет назад исчез с лица земли хутор с необычным названием / Л. Попова // Родное Придонье. – 2020. – 24 января. – № 3. – С. 8–9.

Р.В. Разумов
Ярославский государственный педагогический
университет им. К.Д. Ушинского
e-mail: rvrazumov@mail.ru

УДК 811.161.1’373.211.5

Процесс переименования объектов как особая социокультурная практика

Ключевые слова: *социоономастика, городское онимическое пространство, урбаноним, система урбанонимов, переименование объектов.*

Целью настоящей статьи является анализ процесса переименования объектов как особой социокультурной практики. Под переименованием автор понимает разновидность искусственной номинации, проявляющуюся в замене одного имени собственного другим под влиянием экстраономастических факторов в результате принятия специального номинативного акта органом исполнительной или законодательной власти. Вопросы переименования объектов рассмотрены на материале изменения названий в городах Российской Федерации.

R.V. Razumov
Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky

The process of renaming objects as a special socio-cultural practice

Key words: *socioonomastics, city onymic space, urbanonym, system of urbanonyms, renaming objects.*

The purpose of this article is to analyze the process of renaming objects as a special socio-cultural practice. By renaming, the author means a kind of artificial nomination manifested in the replacement of one name of his own by another under the influence of extranomastic factors as a result of the adoption of a special nominative act by the executive or legislative body. The renaming of objects was considered on the material of name changes in cities of the Russian Federation.

Одним из онимических процессов, постоянно протекающих в системе городских названий, является *переименование объектов* – разновидность искусственной номинации, проявляющаяся в сознательной смене одного имени собственного другим под влиянием экстраономастических факторов в результате принятия специального номинативного акта органом исполнительной или законодательной власти. В настоящее время вопросы смены названий получают все большее распространение в трудах географов и историков, в то время как ономатологи обращаются к этой теме все реже. Об этом свидетельствуют как данные поисковых запросов в научных электронных библиотеках, так и анализ сборников материалов конференций. Круг специальных исследований, посвященных изучению данного вопроса также немногочислен [см., например: 2; 4; 5 и др.]. Очевидно, что проблема переименования объектов имеет не только теоретический, но и широкий прикладной интерес, поскольку функционирование любой онимической системы обусловливает необходимость ее периодической нормализации и упорядочения.

Процессы наименования и переименования объектов существенно отличаются друг от друга. Некоторые их особенности обозначил в своей статье А. К. Матвеев: «Первонаименование, основываясь на топонимической системе, прежде всего обращает внимание на сам безымянный объект. Переименование, напротив, в первую очередь исходит

из данных топонимической системы. Первонаименование как факт только начинает свою историю, а переименование имеет дело с уже названным, с историческим фактом топонимической системы. Отсюда разные задачи и способы их решения, причем процедура переименования более сложна и болезненна, что и демонстрирует практика современных российских переименований» [3, 100–101]. Автор справедливо отмечает сложность и болезненность изменения привычной онимической среды, необходимость учитывать окружающий урбанонимический ландшафт, уже существующие онимы, поскольку новое название должно органично вписываться в городскую среду. К сожалению, реальная историческая практика переименования объектов демонстрирует полное игнорирование этого требования. Так, восстановленные в Ярославле в октябре 1993 г. во время визита в город президента России Б.Н. Ельцина названия *Богоявленская площадь* (в советский период истории – *площадь Подбельского*) и *Большая Федоровская улица* (*улица Емельяна Ярославского*) соседствуют на карте с мемориальными (*улица Нахимсона, улица Андропова* и др.) и идеологическими урбанонимами (*Большая Октябрьская улица, Советская улица, Комсомольская улица* и др.). Не случайно, А.К. Матвеев считал, что помимо политической, идеологической и экономической (финансовой) сторон, необходимо учитывать и «языковую (топонимическую), которая обусловливает вхождение, встраивание названия в топонимическую систему, его соответствие нормам языка и культурно-эстетическому идеалу, проще говоря, его удачность» [3, 101].

Переименования внутригородских объектов стали осуществляться еще в дореволюционный период. Первый случай насильственной смены названия улицы был отмечен в 1658 г.: царь Алексей Михайлович распорядился именовать *Чертольскую* улицу *Пречистенской*. На протяжении почти двух веков это был единственный пример, не получивший дальнейшего распространения. Массовыми переименования стали в середине XIX века, когда происходило активное присоединение к территории города сел и деревень, что привело к появлению в черте населенного пункта большого количества одинаковых названий. Эта проблема была особенно значимой для больших городов. Как отмечают А.Г. Владимирович и А.Д. Ерофеев, в Санкт-Петербурге «в середине XIX века действительно в каждом районе образовались свои *Болотная, Госпитальная, Офицерская, Церковная, Кузнечная, Грязная улицы, Глухой переулок* (последних, правда, не одновременно, а за все время существования Петербурга насчитывалось 38 штук). И стало ясно: чтобы вконец не запутаться, надо их срочно во что-то переименовывать» [1, 119]. С этого времени, вероятно, и можно вести речь о рождении нового способа развития городского пространства. В Санкт-Петербурге был зафиксирован и первый случай меморативного переименования: 20 ноября 1892 г. *Никольская улица* стала именоваться *улицей Глинки* [1, 139–141]. Следом за столицей подобные процессы стали происходить и в провинциальных городах страны. После революции 1917 г. переименования становятся массовыми, начинается эпоха нескончаемого реформирования систем названий российских городов, продолжающаяся все годы существования советской власти. В разные десятилетия XX века этот процесс протекал с различной интенсивностью: количество переименований зависело от изменчивости политической воли и активности присоединения пригородных территорий.

При изучении переименований важно понимать мотивы, которыми руководствуются власти при смене названий. В настоящее время не существует общепринятой типологии причин изменения названий. Наиболее близко к ее созданию подошел С.А. Никитин [5], однако сделанные им наблюдения касаются преимущественно ойконимов. Мы попробуем предложить собственную типологию мотивов переименования внутригородских объектов, основанную на нашем многолетнем опыте изучения урбанонимических систем. Всего было выделено два основных мотива изменения названий.

К первому типу нами отнесены **переименования, вызванные практической необходимостью**. Подобные случаи имеют объективный характер, они вызваны необходимостью трансформировать урбанонимическую систему для удобства ее использования. Переименования данного типа могут производиться **для устранения одноименности объектов.** Любая онимическая система успешно функционирует лишь в том случае, если внутри нее не существует совпадающих или частично похожих по звучанию названий. Постоянное присоединение к городской черте сел и поселков приводит к появлению в населенном пункте одинаковых названий. По данным Т.П. Соколовой, после расширения в 2012 г. территории Москвы в ней одновременно оказалось «одноименных *Лесных улиц* … более 40, *Луговых* – 25, *Полевых* – 22, *Березовых* – 16, *Вишневых* – 16 и т.д.» [7, 254]. Устранить возникшую одноименность можно лишь с помощью переименования вновь присоединенных объектов. Это логично делать в процессе включения новых территорий в городскую черту, т. к. жители сел и поселков, а также предприниматели переоформляют многочисленные документы. К переименованию объектов прибегают и **при перепланировке городского пространства с целью упорядочения существующей адресной системы.** Подобные процессы происходят при замене одноэтажной деревянной на многоэтажную застройку, а также при освоении заводских территорий, их приспособлении под жилое строительство или при разделении бывшего промышленного пространства на самостоятельные адресные объекты. Так, в начале 2000-х гг. в Рыбинске из-за проблем с присвоением адресов объектам недвижимости было принято решение о разделении единого объекта на несколько частей: в 2001 г. часть *Сельскохозяйственной улицы* получила название *улица Ошанина*, а часть *Рыбинской улицы – Бурлацкая улица*.

Ко второму типу мы отнесли **переименования, вызванные изменением восприятия урбанонимов в обществе**. Подобные процессы носят субъективный характер, так как зависят от воли местных, региональных или федеральных начальников, изменения существующего онимического вкуса. Всего нами выделено 4 причины данного типа.

Во-первых, переименование объекта может производиться в целях **устранения неблагозвучности названий или их стилистической правки**. Именно такой характер имел вышеприведенный пример появления названия *Пречистенская улица*. Другие случаи стилистической правки неблагозвучных названий мы можем найти во вступительной статье к словарю Я. З. Рачинского: «Только с середины XIX века городские власти стали время от времени переименовывать существующие улицы и по своему усмотрению давать названия новым. В частности, заменялись “неблагозвучные” названия: Вшивая горка была переименована в Швивую, а улица Варгунихина Гора, названная по кабаку “Варгуниха”, стала Воронухиной горой» [6, *X*]. Примеры стилистической правки можно найти и в урбанонимических системах провинциальных городов. Например, в Рыбинске в середине XIX в. название *Егорьевская улица* было изменено на *Георгиевская улица* (по названию Георгиевской (в народе – Егорьевской) церкви, официальное название – *храм в честь Святого великомученика Георгия*). Примером послереволюционной стилистической правки можно считать изменение во многих городах формы дореволюционных мемориативов, сменивших адъективную форму на генитивную: *Пушкинская улица* стала *улицей Пушкина*, *Гоголевская улица – улицей Гоголя* и т. д.

Во-вторых, переименования могут быть вызваны **общественно-политическими изменениями в жизни общества.** Отправной точкой для подобной трансформации урбанонимов стала революция 1917 г., запустившая маховик смены названий. Проведенное нами исследование топонимов, исчезнувших в 1918–1919 гг., показало, что наибольшее неприятие у новой власти вызывал годоним *Дворянская улица*, который был включен в списки для ликвидации в большинстве населенных пунктов. Анализ собранных нами сведений о переименованиях, произведенных в первые послереволюционные годы, показывает, что устранению с карт российских городов подвергались топонимы, образованные от антропонимов, ассоциирующихся с династией Романовых (*Александровская улица, Екатерининская улица,*

Николаевская улица, Павловская улица, Романовская улица), увековечивающие память о деятелях дореволюционной истории России (*Владимиро-Долгоруковская улица, Скобелевская улица, Столыпинская улица* и др.), местных купцах и предпринимателях (*Карякинская улица, Фроловская улица* и др.), образованные от экклезионимов (*Богоявленская улица, Всесвятская / Всехсвятская улица, Ильинская улица, Преображенская улица, Пятницкая улица, Рождественская улица, Соборная улица / площадь, Спасская улица, Троицкая улица* и др.), образованные от наименований титулов и должностей (*Губернаторская улица, Жандармская улица, Офицерская улица, Царевская улица* и др.). Переименованию подвергались не только идеологически неприемлемые названия, но и вполне нейтральные онимы, не имевшие каких-либо отрицательных коннотаций. Вероятно, новые власти стремились насытить карту города, особенно его центральную часть, новыми актуальными понятиями и именами. Наше исследование сохранности дореволюционных урбанонимов в Рыбинске и Ярославле показало, что в первом городе осталось всего 10 из 65 онимов, созданных до 1917 г. (15,38%), а во втором – 37 из 129 онимов (28,68%). В конце 1920-х гг. начинается процесс переименования уже советских урбанонимов, вызванный началом политических репрессий в нашей стране. Первыми советскими топонимами, устраненными с карт российских городов, стали названия в честь Л. Д. Троцкого. В течение 1930-х гг. исчезли и другие урбанонимы, созданные в честь лиц, подвергшихся репрессиям: *улица Каменева, улица Бухарина, улица Ежова, улица Ягоды*. Так, Ю.К. Ефремов в своей книге рассказывает о подобных случаях в Москве: «Четыре улицы Рыкова превратились в прежние Истоминские (а с 1932 года – в улицы Восьмого марта), а Бухаринская, бывшая Золоторожская, уступила место Волочаевской. Древнее название Богоявленского переулка, в 1930 году смененное на Блюхеровский, после крушения маршала не восстановили, “переулок” почему-то заменили на “проезд” и назвали его по соседней улице Куйбышевским, каким он и пробыл вплоть до апреля 1992 года» [2, 33–34]. Были переименованы и улицы, увековечивавшие зарубежных политических деятелей, чья деятельность была переосмыслена. Так с карты Рыбинска исчезли названия *улица Ф. Адлера* и *улица Жореса.* За этим событием последовали смерть Сталина и разоблачение культа личности, эпоха перестройки, завершившие эпоху массовых переименований внутригородских объектов.

В-третьих, переименования производятся **с целью увековечивания памяти о каком-либо человеке или событии.** Как мы уже отмечали выше, подобная причина изменения названий родилась в XIX в. в Санкт-Петербурге, откуда она впоследствии распространилась на всю территорию страны. В советское время любое знаковое событие могло привести к переименованию объекта. По нашим данным, после смерти Максима Горького его имя стало массово использоваться для увековечивания памяти о писателе: в 1936 г. названия в его честь были созданы в Москве, Новгороде, Орле, Оренбурге, Перми, Саратове, Симферополе, Череповце, в 1937 г. – в Екатеринбурге, в 1938 г. – в Астрахани и Махачкале. Результатом подобной практики стало формирование в обществе стереотипа о том, что лучшим способом сохранения памяти о человеке является присвоение его фамилии внутригородскому объекту. Данное убеждение сохраняется и в настоящее время: топонимические комиссии по всей стране ежегодно получают предложения о переименовании объектов в честь исторических событий или их юбилеев, а также известных людей, что-то сделавших для города и страны. Так, в 2015 г. на заседании межведомственной комиссии по наименованию объектов улично-дорожной сети Ярославля рассматривался вопрос об увековечивании памяти о Б. Е. Немцове. Текст обращения заявителя содержал лишь следующую информацию: «*В связи с трагической гибелью крупного российского политика Бориса Ефимовича Немцова прошу вас в знак признания заслуг Б. Немцова в строительстве новой России и для увековечивания его памяти в ускоренном порядке решить вопрос о переименовании одной из улиц г. Ярославля в улицу имени Бориса Немцова (или присвоении его имени вновь построенной улице)*» (архив автора).

И, наконец, последней причиной переименования объекта может быть **возвращение ему исторического названия**, существовавшего до революции. Следует отметить, что в сознании наивного горожанина процессы переименования и возвращения названий не дифференцированы, они воспринимаются как единое целое. В советский период истории страны известен всего один подобный случай: в январе 1944 г. в Ленинграде одновременно со снятием блокады были возвращены знаковые для города урбанонимов *Невский проспект, Дворцовая набережная, Исаакиевская* и *Казанская площади, Марсово поле* и др. Относительно массовым процесс возвращения исторических названий стал лишь в конце 1980-х гг., но он затронул далеко не все российские города. В большинстве населенных пунктов отмечены единичные случаи восстановления названий. Подобный подход реализован в Перми, Томске, Туле, Старой Руссе, Ярославле и т.д. В сравнительно небольшом количестве населенных пунктов произошло массовое восстановление исторических названий. Подобный подход был реализован в Москве и Санкт-Петербурге, а также в Великом Новгороде и Рыбинске.

Проведенное исследование позволило описать основные причины переименования объектов во внутригородском онимическом пространстве. Сделанные нами наблюдения носят предварительный характер. Подобные исследования необходимо продолжать, поскольку изучение типологических особенностей городских онимических систем позволит ономатологам выявлять специфику наименования и переименования объектов в отдельных населенных пунктах нашей страны.

Литература

1. Владимирович, А.Г. Откуда приходят названия. Петербургские улицы, набережные, площади от аннинских указов до постановлений губернатора Полтавченко / А.Г. Владимирович, А.Д. Ерофеев. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2014. – 319 с.

2. Ефремов, Ю.К. Московских улиц имена: Воспоминание-исследованье / Ю.К. Ефремов. – М.: Вече, Русский миръ, 1997. – 496 с.

3. Матеев, А.К. Тенденции и практики в современной урбономинации / А.К. Матеев // Вопросы ономастики. – 2009. – № 7. – С. 100–105.

4. Муравьев, В. Московские улицы: Секреты переименований / В. Муравьев. – М.: Эксмо, Алгоритм, 2006. – 336 с.

5. Никитин, С.А. Лингвистические аспекты переименований географических объектов в России: дис. … канд. филол. наук / С.А. Никитин. – М., 2003. – 220 с.

6. Рачинский, З.Я. Полный словарь названий московских улиц / З.Я. Рачинский. – М., 2011. – 695 с.

7. Соколова, Т.П. Новые «урбанонимы» Москвы / Т.П. Соколова // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы III Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 7–11 сентября 2015 г. – Екатеринбург / Урал. ун-т, 2015. – С. 252–254.

А.Н. Соловьёв
Смоленская государственная сельскохозяйственная академия
e-mail: sancongoalexnat@mail.ru

УДК 811.116.1'373.211.5

Адресная дисфункция в урбанонимии Смоленска

Ключевые слова: *урбанонимы, адресная дисфункция, нумеративные онимы, атрибутивные онимы, номинация.*

В статье впервые вводится термин и рассматриваются ситуации адресной дисфункции в урбанонимии Смоленска. Данное явление мешает успешной локализации внутригородского пространства. Чаще всего это происходит из-за отдаленного расположения одноименных улиц и переулков, объектов, названных семантически близкими онимами, большого скопления одинаковых названий в одном районе, ошибок и сбоев в расположении объектов, названных нумеративными конструкциями.

A.N. Solovyev
Smolensk State Agricultural Academy
e-mail: sancongoalexnat@mail.ru

Address disfunction in Smolensk urbanonymia

Key words: *urbanonyms, address disfunction, numerative onyms, attributive onyms, nomination.*

This article contains the first discuss of address disfunction in Smolensk urbanonymia. This phenomenon interferes with successful localization of inner-city space. Most often it is associated with a remote location of the same-name streets and lanes, some objects named semantically close onyms, large number of identical street names in one area, errors and failures in the location of objects named by numerative structures.

Наша статья посвящена одному из прагматических аспектов бытования урбанонимов, а именно – адресной дисфункции. Под данным явлением мы понимаем ситуации, в которых одно, а чаще, несколько внутригородских названий не помогают, а скорее мешают успешной локализации объекта и формированию урбанонимической картины города. Это ситуации, в которых урбаноним локализуется для гостей или жителей города в неожиданном месте, вопреки сложившимся или складывающимся ассоциациям.

Основным материалом наших наблюдений явились урбанонимы Смоленска, взятые из официального Реестра улиц [2]. В статье используется структурно-грамматическая классификация урбанонимов, предложенная А.М. Мезенко [1, 24–26]. Всего в Смоленске мы насчитали около 50 ситуаций, в которых может произойти адресная дисфункция. Отметим, что речь идет именно о количестве ситуаций, а не онимов. В большинстве случаев адресная дисфункция образуется при участии двух и более названий.

Данные ситуации мы в итоге разделили на 7 типов. Первый тип адресной дисфункции связан с самой природой официального урбанонима, состоящего из проприальной части и урбанонимного термина. Соответственно, на картах городов есть официальные онимы, различающиеся лишь урбанонимным термином (*улица* и *переулок Тургенева*, *улица* и *проезд Ударников*). Как правило, объекты, названные так, расположены рядом, и знание того, где находится более крупный объект (улица), обычно помогает установить примерное расположение малого объекта (переулка). Но есть случаи-исключения, в которых и проявляется адресная дисфункция. В Смоленске мы насчитали 11 таких случаев: например, 9 января (*улица и переулок*), *Дзержинского* (*улица и проезд*), *Победы* (*площадь и улица*), *Строителей* (*проспект и улица*). Помимо генитивных онимов, к этому типу относятся и атрибутивные онимы, иногда отличающиеся категорией рода: *Рабочая улица* / *Рабочий переулок, Шоссейная улица* / *Шоссейный переулок, Нарвская улица* / *Нарвский тупик, Южный микрорайон* / *Южная улица*. Во всех этих примерах в ситуации, формирующей адресную дисфункцию участвуют два названия, причем расстояние между объектами варьируется от полутора километров (Нарвские названия) до 18 (названия в честь строителей). Однако бывают и более сложные реализации данного типа, например, модель 2 + 1. Два объекта расположены рядом, а третий с таким же онимом – в большем или меньшем отдалении, например, *Чуриловский переулок, проезд* / *тупик*; *Приднепровская улица, переулок* / *тупик*; *Колхозная улица, переулок* / *площадь*.

Причин появления подобных ситуаций можно отметить несколько. Самая частая связана с включением в городскую черту поселков со своей сложившейся системой улиц. В 1977 году к Смоленску были присоединены Гнездово и Колодня, после чего возникло 5 пар похожих названий, а две пары были полностью одинаковыми. В Смоленске в 1980 – начале 1990-х годов существовало две *Колхозные* и две *Заречные улицы*, позднее улицы

с более удаленным от центра расположением были переименованы. В 2009 году *площадь Смирнова* была переименована в *площадь Победы*, таким образом, улица в Гнездове получила себе в тезки одну из центральных площадей города. Также отметим, что генитивные онимы даются более или менее произвольно, а в атрибутивных часто сохраняется территориальная мотивация. И *Приднепровская улица*, и *Приднепровский тупик* расположены рядом с Днепром, только в разных районах города. *Шоссейная улица* названа в честь *Витебского шоссе,* а *Шоссейный переулок* в честь Московского.

К следующему типу названий, которые могут служить примером адресной дисфункции, относятся семантически близкие онимы, обозначающие удаленные друг от друга объекты: например, *улица* и *переулок 1 Мая* / *Первомайская улица; улица Энергетиков* / *Энергетический проезд*. Идеологические названия территориально не являются мотивированными. В других же случаях такая мотивация присутствует. *Энергетический проезд* назван так по расположенному на нем вузу, на *улице Энергетиков* были построены дома для работников подстанции. *Улицы Зеленый Ручей* и *Зеленый Бор* восходят к микротопонимам в центре Смоленска и в Гнездове. *Проезд Соловьиная Роща* связан с одноименным микротопонимом, а название *Соловьиный проезд* не имеет к Соловьиной Роще никакого отношения. В городе существует Слобода-Садки, ранее место компактного проживания евреев, после присоединения Гнездова на карте Смоленска наряду с *Новой улицей Слобода-Садки* появилась *Новая улица*. Для Смоленска характерен сложный рельеф с холмами и оврагами, в урбанонимии это проявляется в наличии многочисленных названий с компонентами Верхне-, Средне- и Нижне-. Как правило, такие объекты расположены рядом, но в случае с *Майской* и *Верхне-Майской улицами* это не так. *Верхне-Майская улица* расположена выше *Первомайской*, а рядом с *Майской* находится *Ново-Майская улица*. Отметим, что возможно семантическое сближение и неоднокоренных онимов, например, *улицы Фурманова* и *Фрунзе* это улицы на Ф, в честь героев Гражданской войны.

Еще одна типовая ситуация, мешающая ориентироваться в городе, − это скопление одинаковых названий в одном месте. В Смоленске существует в общей сложности 12 Академических онимов (*Академическая улица*, *1-8 Академическая улицы*, *3 проезда*), 12 *Досуговских* **(***шоссе, проезд* и 10 пронумерованных *проездов*). Названия 7 объектов связаны с Прониным (помимо собственно поселка, это еще и *Пронинская улица* и 5 проездов), 6 – с *Серебрянкой* (поселок, два переулка и три проезда), 4 – с *Подснежниками* **(***поселок***,** *улица* и два *переулка*), 3 – с *Вязовенькой* **(***поселок*, *улица* и *переулок*). С одной стороны, это неплохо, все онимы территориально мотивированы, например, Досуговские онимы расположены рядом с дорогой, ведущей в деревню Досугово, а названия в честь Серебрянки или Подснежников сохраняют память о населенных пунктах, вошедших в городскую черту. Но с другой стороны, количество этих названий, видимо, избыточно, и житель города, попавший в такой район, вполне может заблудиться среди Досуговских или Академических объектов, причем часть объектов улиц или проездов пока лишь проектируется.

В ряде примеров выше уже фигурировали нумеративные конструкции. Остановимся на данном структурно-грамматическом типе подробнее, так как примерно треть ситуаций возможной адресной дисфункции в Смоленске связана именно с ним. Как правило, нумеративные названия располагаются поблизости друг от друга. В такой ситуации проблематичным может быть лишь количество однотипных онимов. Однако есть и другие случаи:

1. Отдаленное расположение одного из объектов. *1*, *3* и *4 Ясенная улицы***,** а также два переулка находятся рядом, и лишь 2-я Ясенная улица выпадает из этого ряда. Между ней и остальными объектами примерно три километра. Обитатели 4-й Ясенной могут не знать, где находится тезка их улицы под номером два.

2. Расположение поблизости объектов с нумеративным и семантически схожим ненумеративным названиями. Например, *Апрельская, 1-я Апрельская, 2-я Апрельская*; *Парковая, 1-я* и *2-я Парковые улицы* (атрибутивные и нумеративные конструкции); *улица, переулок* и *1-й переулок Октября* (генитивные и нумеративные конструкции). Проблема локализации здесь связана с некоторым сбоем в нумерации, фактически *Апрельская* и *Парковая улицы* тоже могли бы получить свой номер, но в официальной нумерации не учитываются.

3. Отдаленное расположение объектов с нумеративным и семантически схожим ненумеративными названиями. Например, *Дачная* / *1-я* и *2-я Дачные*; *Садовая* / *1-я* и *2-я Садовые улицы*; Загорные улица и переулок / *1-4 Загорные улицы* (атрибутивные и нумеративные констркукции). Между объектами весьма значительное расстояние, а восходят они к омонимичным микротопонимам. *Улица Красный Ручей* названа в честь левого притока Днепра, а *1-й* и *2-й Красный Ручей* – в честь правого. *Краснинские* именования (*шоссе, 2 переулка* и *2-я Краснинская*) сейчас не представляют собой единого комплекса, но так было не всегда. Ранее *улица Николаева* называлась *Большой Краснинской*, позднее ее переименовали в честь космонавта, и, таким образом, *Краснинское шоссе* (продолжение *улицы Николаева*) оказалось отделено от остальных Краснинских улиц и переулков.

4. Лакуны в нумерации. Отсутствие улицы с определенным номером также может стать причиной адресной дисфункции. Например, на современной карте Смоленска есть *2-й Выставочный переулок*, но нет 1-го, существуют *Запольный* и *3-й Запольные переулки*, но отсутствует второй. Как правило, раньше лакун не было, но объекты исчезли по разным причинам (война, снос частного сектора).

5. Сплошная нумерация для объектов разных типов. В Смоленске это реализовано для Кольцевых названий (*Кольцевая, 2-я Кольцевая улицы, 3-5 Кольцевые тупики*). Отметим, что оним *Кольцевой тупик* является оксюмороном и гостями города воспринимается как комичный казус.

6. Нестандартный порядок нумерации объектов. В Смоленске существуют *4 Северные улицы* и *10 Северных переулков*. И улицы, и переулки параллельны друг другу, но нумерация улиц идет с юга на север, а переулков в обратном порядке, таким образом, рядом с *1-й Северной улицей* расположены *8-10 Северные переулки*. Вероятно, местные жители привыкли к такому порядку, но гостям района ориентироваться в нем трудно.

Помимо нумеративных типов, стать источником адресной дисфункции могут и онимы других структурных типов, например, генитивных и атрибутивных. Примером такой ситуации, связанной с генитивными онимами, служит появление в Смоленске *улицы Альберта Иванова* (в честь почетного гражданина города) при уже существующих *улице* и *переулке Иванова*. В честь кого названы последние объекты, неясно, но особенность бытования официальных урбанонимов такова, что возможно название *улица Альберта Иванова* будут сокращать как *улица А. Иванова* и даже *улица Иванова*, что может вызвать путаницу, в сознании жителей города, старый и новый объекты будут смешиваться. Возможно администрации следовало бы назвать в честь Альберта Иванова не улицу, а проезд или другой тип объекта. Что же касается тенденции к сокращению сложных генитивных названий в Смоленске, то она существует не только в разговорной речи (что было бы вполне естественно), но и в официальных документах. Так *улица Маршала Соколовского* иногда фигурирует в списках или паспортах зарегистрированных на ней граждан как *улица М. Соколовского* или просто *Соколовского*.

Атрибутивные урбанонимы тоже могут быть расположены таким образом, что будут служить источником адресной дисфункции. Как правило, это оттопонимические названия, хотя наиболее яркий пример – это *улица Центральная*. Она находится в микрорайоне Сортировка и от настоящего центра Смоленска отстоит более чем на 5 километров. Хотя для микрорайона улица действительно является центральной. Что касается

оттопонимических названий, то среди них потенциальным источником адресной дисфункции являются отойконимические. Чаще всего они указывают или на существовавший ранее населенный пункт, вошедший в городскую черту, или на направление в сторону населенного пункта: *Витебское шоссе* связывает Смоленск с Витебском, *Краснинское* – с поселком Красный. Но есть относительно частотный тип отойконимических названий, которые мы называем административными. Это урбанонимы областного центра в честь настоящих и бывших районных центров области (*Починковская, Монастырщинская улица* и т.д.). Они не связывают областной центр с районным (по *Починковской улице* нельзя приехать из Смоленска в Починок), но в большинстве случаев имеют некую географическую привязку. *Велижская улица* расположена на севере Смоленска, *Починковская* – в южной части города. Однако при появлении ряда урбанонимов учитывался лишь административный фактор, а не географический. Например, *Сычевская улица* расположена в северо-западной части города, *Ельнинские* названия (*улица, переулок* и *1-й переулок*) – на севере города, а *Вяземские* онимы (*2 улицы* и *переулок*) расположены на западе Смоленска. В идеале при появлении подобных названий следовало бы учитывать и географический фактор.

Последний тип ситуаций, связанных с адресной дисфункцией, – наличие в городе (или появление позже) более известных реалий, чем те, что использовались для номинации объекта. В таком случае, если новая реалия и ее локация хорошо известны, старое название может ассоциироваться с новой реалией. Например, *Заводская улиц***а** названа в честь пивного завода, но более известна остановка транспорта «Заводская», расположенная на краю крупной городской промзоны, которая в 1990-е годы была конечной для ряда трамвайных маршрутов. В разных районах Смоленска находятся небольшая *Спортивная улица* и одноименная остановка автобусов. Последняя часто служит в качестве городского ориентира в объявлениях. *Ново-Смоленская улица* указывает на близость одноименной грузовой железнодорожной станции, но большинству смолян гораздо более известен урбаноним *Новый Смоленск* (название нового развивающегося жилого квартала на южной окраине города). *Улица Смены* названа в честь советской областной комсомольской газеты и никак не связана с популярным кинотеатром. Среди урбанонимов *Вокзальная, Станционная улицы* и *Привокзальная площадь* к главному железнодорожному вокзалу Смоленска имеет отношение только последний, *Вокзальная улица* расположена в Гнездове, а *Станционная* в Красном Бору.

Мы попытались выявить основные ситуации, которые мешают урбанонимам успешно локализовывать внутригородское пространство. Чаще всего это отдаленное расположение одноименных улиц и переулков, объектов, названных семантически близкими онимами, большое скопление одинаковых названий в одном районе, ошибки и сбои в расположении объектов, названных нумеративными конструкциями, а также ряд трудностей, связанных с бытованием генитивных и атрибутивных урбанонимов. Наши наблюдения основаны на смоленском материале, но подобные примеры есть, по всей видимости, и в других городах. Мы надеемся, что наше исследование может быть использовано при создании новых внутригородских объектов или переименовании старых. Знание ситуаций, вызывающих адресную дисфункцию, поможет избежать этого явления и сделать урбанонимическую систему городов более удобной.

Литература

1. Мезенко, А.М. Имя внутригородского объекта в истории / А.М. Мезенко. – Минск, 2003. – 301 с.

Источники

2. Реестр улиц Смоленска [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.smoladmin.ru/gostyam-i-zhitelyam/gradostroitelstvo/reestr-ulic-g-smolenska/. – Дата доступа: 27.01.2022.

Е.В. Цветкова
Костромской государственный университет
e-mail: elv15@list.ru

УДК 81'373.2; 81'2

Костромские топонимы, мотивированные названиями «межевых» объектов (*межа*)

Ключевые слова: *топонимия, микротопонимия, костромская топонимия, костромская микротопонимия, костромские говоры, межа, географическая терминология.*

В статье представлены материалы исследования топонимов Костромской области, мотивированных названиями «межевых» объектов. Рассматриваются топонимы, образованные от слова "межа" и его производных. Обращается внимание на семантику этих географических терминов в костромских говорах и её сохранение в топонимии. Выявляются основные особенности таких названий, в том числе и в их функционировании в живой народной речи. Даётся определённая информация для их сравнения с лексикой, апеллятивной и проприальной, говоров других территорий.

E.V. Tsvetkova
Kostroma State University

Kostroma toponyms motivated by names of “landmark” objects (межа, a landmark)

Key words: *toponymy, micro-toponymy, Kostroma toponymy, Kostroma micro-toponymy, Kostroma patois, "межа" (landmark), geographic terminology.*

Materials of studying Kostroma Region's toponyms motivated by names of "landmark" objects are presented in the article. Toponyms formed from the word "межа" (landmark) and its derivatives, are examined. Attention is paid to the semantics of these geographical terms in Kostroma patois and its preservation in toponymy. The main features of such names, including their functioning in live folkish speech, are revealed. Certain information for their comparison with lexis, appellative and proprietary, in other territories' patois is given.

Лексика, отражающая пространственные отношения, представления человека об окружающем его пространстве, обширна и разнообразна. Среди слов, называющих объекты с точки зрения характеристики их расположения в пространстве, выделяются названия, служащие обозначением раздела, границы, середины, промежутка, так называемые межевые или межные названия (связанные со словом ***между***; имеющие отношение к меже, межеванию, разделению и т. п.). Для наименования таких реалий в народной речи существует довольно большой репертуар лексем. К числу наиболее употребительных из них относится слово ***межá***, отличающееся высоким смысловым потенциалом в говорах, участвующее в образовании топонимов.

Слово ***межá***, имеющее в современном русском литературном языке значения ‘граница земельных участков, владений’, ‘нераспаханная узкая полоса между полями’ [10, 779; 4, 529], восходит к праславянскому **medja*, производному от древнего индоевропейского корня **med* (ср.: диал. ‘лесок’, укр. *межа* ‘межа, граница, предел’, блр. *мяжа* ‘межа, граница, грань’, ст.-слав. межда, medium ‘граница, переулок’, ст.-чеш. *mezě* ‘граница’, чеш. *meze, mez* ‘полевая межа; граница, предел’, н.-луж. *mjaza* ‘граница, разграничение; межа, рубеж’, польск. *miedza* ‘полевая межа; граница, окраина’, словен. *méja* ‘граница; живая ограда; кустарник, роща, подлесок’, др.-инд. *mádhyas, mádhyam* ‘середина’,

гот. *midjis* ‘расположенный посредине’ и мн. др.) [15, 45–46; 13, 591–592]; «праславянское слово восходит к и.-е. *medh̥, прилаг., производное с йотовым суф., означающее ‘средний, -яя, промежуточный, -ая’», «значение границы, межи тоже достаточно древнее», «что касается значений родственных балт. слов – др.-прусск. *median* ‘лес’, лит. *mẽdis* ‘дерево’, диал. (вост.-лит.) *mẽdžias* ‘лес’, лтш. *mežs* ‘лес, роща’, то они очевидно производны от знач. ‘межа, поросль, кустарник на меже, границе’», поэтому нет оснований считать их древними [15, 46]. В Словаре русского языка XI–XVII вв. представлены значения слова ***межá*** ‘рубеж, черта, граница’, ‘предел (о временной границе)’, ‘промежуток, расстояние, пространство между чем-л.’, ‘межа, как-либо отмеченная полоса земли, промежуток между соседними полями, угодьями, разграничивающий их’, ‘переулок, улочка’, ‘новолуние, фаза Луны, когда она находится между Солнцем и Землей и не видна с Земли, либо видна в виде узкого серпа’ [9, 64–66]. Как видим, связь географического термина ***межá*** с другими географическими терминами, близкими по семантике (***грань***, ***грани́ца***, ***ру́бе́ж*** и др.) прослеживается и в его лексикографическом портрете (см. также, например, [11, 295; 5, 314; 7, 228–229]).

В русских народных говорах слово ***межá*** и его производные имеют много значений. Так, по сведениям СРНГ, ***межá*** – ‘земельный участок’ (Иван.), ‘государственная граница’ (казаки-некрасовцы), а также ‘средняя часть барки’ (Урал.), *вкоситься в межу* – ‘вторгнуться, зайти во время косьбы в пределы соседнего участка’ (Иркут.), ***мёжи*** и ***ме́жи*** – ‘период времени между ущербом луны и новолунием’ (Пск., Вят.), ***межи́на*** – ‘граница земельных участков, межа’ (Пск., Твер., Арх.), ‘нераспаханная узкая полоса между полями’ (Арх.), ‘кол, поставленный на границе двух полей’ (Твер.), ‘тропинка между двумя полями’ (Пск., Твер.), ‘большая кочка с ягодами на болоте’ (Волог.), ‘место на огороде, заросшее травой’ (Арх.), ***межи́нка*** – уменьш.-ласк. к ***межи́на*** в значениях ‘граница земельных участков, межа’, ‘место в огороде, заросшее травой’ (Арх.), ‘узкая межа по обеим сторонам просёлочной дороги’ (Пск.), ***межи́нок***, ***межи́нка*** – ‘переулок’ (Костром.), ***ме́жник*** – ‘межа’ (Смол., Калин., Краснояр.), ***межни́к*** – ‘межа’ (Волог., Арх., Ленингр., Калин., Яросл., Влад. и мн. др.), ‘широкая межа’ (Яросл., Твер., Тул.), ‘межа на границе леса и поля’ (Перм.), ‘конец межи’ (Киров.), ‘борозда на засеянном поле’ (Ленингр., Новг., Пск.), ‘дорога в поле, через поле’ (Новг., Яросл.), ‘лес, выросший на меже’ (Перм.) и др., ***межни́на*** – ‘узкая незапаханная земля между полями и полосами’ (Калин.) и т. д. [8, 78, 87–89]. Как показывают материалы областных словарей, исследований по географической терминологии, топонимических изысканий, многочисленны не только производные непосредственно от слова ***межá***, но и другие географические термины, называющие межу (в том числе и вторичные): ***гри́ва***, ***вере́тье***, ***ути́н***, ***рёлка***, ***бро́вка***, ***про́сека***, ***кон***, ***за́полóсок***, ***закра́ина***, ***головни́к***, ***бечевни́к***, ***стежá***, ***ручéй*** и др. (см. об этом, например, [12]). Имеющиеся в русском языке разнообразные названия межи «указывают на значимость идеограммы ‘межа’ у русского земледельческого населения, свидетельствуют о развитой культуре земледелия, наличии отношений частной собственности на землю» [12, 426]. Понятие границы «находится в контексте существенных для народного сознания категорий, манифестируя в диалектном дискурсе и пространственное межевание, и пространственную близость, и приграничное пространство, создавая одновременно смысловую базу для формирования номинаций социально-культурной сферы» [3, 70]. Это высвечивается и в образованных на основе данной лексики топонимах, которые соответствуют типу пространственных отношений «находиться в пределах чего-либо, между чем-либо» [2, 149, 156], «при актуализации семы ‘между’ называют объекты как ближнего, так и дальнего дистанционных поясов, выражая семантику разграничения, отграничения» [6, 123] (см. также, например, [7, 229; 14, 130–131]).

В костромских говорах слово ***межá*** известно в значениях ‘борозда между грядками’ (*Не пройдёшь по этой меже к смородине-то* – Подольское Красн.), ‘нераспаханная полоса земли между земельными участками’ (*Межа-то между нашими картофельниками не так уж и сильно зарастает* – Калинки Судисл.), ‘борозда между земельными

наделами, полями’ (*Межой неглубокой разделили участки-то* – Бедрино Судисл.), ‘полоски земли, оставшиеся среди пахоты’ (*Разделяли-то разное зерно межой* – Зогзино Сусан.), ‘невспаханный конец поля’ (*Полю, траву-то на межу кидаю* – Калинки Судисл.) – повсеместно, ‘участок земли, разделяющий поле с лесом’ (*Поле и лес межа делит* – Луптюг Октябр.), ‘узкая дорога в лесу’ (*Иди этой межой и не сворачивай* – Малые Рымы Макар.) и т. п. Значительно количество производных от этого слова: ***ме́же́нь***, ***ме́жи́на***, ***межни́на***, ***ме́жни́к***, ***межня́к***, ***ме́жи́нка***, ***ме́жка***, ***межи́ночка***, ***межи́ца***, ***межи́чка***, ***межи́ща***, ***межничо́к*** и др. (*Поле-то тогда разделили на части, межки сделали* – Калинки Судисл.; *Межиночка-то тут небольшая совсем сделана* – Екатеринкино Кадыйск.; *Межицу меж участкам-то делали* – Филипцево Костр.). Нередко можно услышать такие названия, как ***междуполо́сица***, ***межполо́сица***, ***междупо́лье*** и др. Наибольшим объёмом значений, как показывают наши материалы, обладает слово ***ме́жни́к***, представленное с пометой *обл.* в словаре литературного языка в значении ‘незапаханная полоса земли, отделяющая одну пашню от другой; межа, межполосье’ [10, 791]: ‘межа, граница полей, поросшая травой’, ‘граница земельных участков’, ‘невспаханная полоска земли между двумя наделами’, ‘узкая полоска между двух полей’, ‘конец большого земельного участка, который обычно зарастает травой’, ‘полоса, отделяющая поля двух деревень’, ‘тропа, разделяющая поля’, ‘место в огороде, заросшее травой’, ‘земля с травой между грядок’, ‘узкая полоса земли, разделяющая два огорода, два участка земли’, ‘лужайка в огороде’, ‘невспаханная часть земли, которая тянется по длине изгороди‘, ‘лесной участок’, ‘перелесок’, ‘промежуток между растениями’ и т.п. Это в определённой степени находит отражение и в топонимии, в основном в микротопонимии, костромского края.

На основе слова ***межа́*** образованы собственно топоним река ***Межа́*** – приток реки Унжи (бассейн р. Волги; *Название реки Межи указывает на то, что здесь проходила граница между землями славян и марийцев* / *Была границей между племенами, населяющими эту местность* – Георгиевское Межев.; *Во время монголо-татарского нашествия татары якобы дошли до этой реки, но не переправились. На одном берегу оказались татары, на другом русские. Река явилась границей, межой* – Никола Межев.) и произведённые от него, связанные с ним (создающие своего рода топонимическое гнездо) наименования: ***Ве́рхняя Межа́*** и ***Ни́жняя Межа́*** – части, на которые делилась река; ***Межска́я волость*** (существовала в начале XVII века, входила в состав Кологривской осады); ***Межевско́й район*** – район Костромской области (в его пределах протекает река); название районного центра села Георгиевского ***Верхнемежское*** / ***Верхнемежевское*** (на берегу р. Межи; местным жителям это село было больше известно именно под таким названием) [1, 215] (*Верхнемежевское принадлежало Бутурлиным* – Георгиевское) или просто ***Межа́*** (как название и села, и местности; *Вся Межа за малиной в Малинник бегает* – Георгиевское). Центром Медведецкой волости (д. Медведица Мантуровского района, у границы с Межевским районом) было село ***Ни́жне-Межеско́е*** на р. Меже [1, 203].

В микротопонимии, произведённой от слова ***межа́*** и его производных, выделяются названия границ между единоличными земельными наделами (с антропонимической частью, обычно определением, в составе микротопонима – антропомикротопонимы): ***Я́шина межа́*** (*По имени Яши названа, хозяина* – Юрово Макар.), ***У Цветко́вых межа́*** (*У Цветковых межой ходила, пока не занесло* – Калинки Судисл.), ***Васи́льевых ме́жник*** (*Межа с участком Васильевых так звалась, уж это и не помнит никто, наверно* – Сусанино Сусан.), границ между земельными участками, которые принадлежат расположенным по соседству деревням: ***Межа́*** (*Межа – промежуток между полями / Межа-то – углубление в земле, что отделяло поля деревни Бедрино и деревни Репьёво. Так и звали Межа. Наше Репьёвское поле с Бедринским разделяла она* – Калинки Судисл.); земель между соседствующими селениями: ***Сме́жная*** / ***Ме́жная*** (*Смежная – пограничная земля между Рогово и Шашки* – Рогово Мантур.); границ между селениями: ***Тете́ринская межа́*** (*Тетеринская межа – граница между Векторовым и Тетеринским* – Путятино Нерехт.;

оттопонимический микротопоним), лес ***Межни́к*** (*Да Межником Носковы от Мальцевых определялись* – о деревнях Носково и Мальцево, Стариково Октябр.).

Микротопонимы отражают и вторичную семантику рассматриваемых географических терминов (межа, граница → лес, ручей, овраг и др.; особенности рельефа всегда использовались для обозначения границы, промежутка): лес ***Ме́жник*** (Стариково Октябр.), лес ***Ме́жники*** (*Межники-то – небольшой лес между деревнями Савино и Хвостиково* – Парфеньево Парф.), ручей ***Межни́к*** (*Ручей Межник разделяет две деревни, межа* – Жеребцово Октябр.), овраг ***Межни́к*** (Костр., Сусан.).

В значениях слова ***межа́*** в костромских говорах выступают и географические термины ***ути́н*** (Вохом., Кологр., Межев., Нейск., Парф., Пыщуг., Шарьин.), ***ути́на*** (Кологр., Межев., Шарьин.), ***ути́нница*** (Кологр., Межев.), ***рёлка*** (Октябр.), ***веретея́*** (Шарьин.), ***ляд, ляди́на*** (Буйск.), ***бро́вка*** (Костр., Судисл., Кадыйск.), ***борозда́*** (Кадыйск., Остров., Судисл., Костр.), ***ру́бе́ж*** (Нерехт.) и др. В определённой степени это зафиксировано и в микротопонимии, например: полоса леса между полями ***Ути́н*** (*По Утину проходит дорога* – Стариково Октябр.), овраг ***Широ́кий рубе́ж*** (*Широкий рубеж – овраг между Белавино и Макарово* – Макарово Нерехт.), тропа ***Середню́ха*** (*Тропу эту меж полями Среднюхой зовут* – Фоминское Галич.).

Некоторые микротопонимы содержат сведения о межевых знаках, например: ***Столбо́вые поля*** / ***Столбо́вые*** (*Столбовые поля расположены между деревней Мундырь и деревней Болдино. Поля помечены столбами. На каждом столбе свой номер, вот поэтому их и называют Столбовыми* / *На Столбовых-то снег раньше сходит, чем на Никитинских* – Мундырь Поназ.).

Кроме значения разделения, разграничения (с определением своего и чужого в окружающем пространстве), микротопонимы сохраняют и имеющуюся в наименованиях межи семантику объединения, общности (разделяя части пространства, межа является общей для этих частей, а также и для их собственников), на что обращается внимание и в народной речи, например: *Межник – полоса леса, которой сцеплялись одна деревня с другой. Деревни Носковы и Мальцевы* (Стариково Октябр.).

На промежуточное расположение именуемых объектов указывают также многочисленные микротопонимы, содержащие части ***меж***, ***между***: покос ***Междуре́чье*** (*Хороша нынче трава в Междуречье* – Шокша Галич.), поле ***Междуре́чье*** (*Междуречье – потому между двух рек: Каменка и Матюговка* – Починок Солиг.), место для причала лодок ***Межкусты́*** (*Между кустами оно* / *Оставили лодку в Межкустах* – Березняки Макар.) и мн. др.

Граница между угодьями может представлять собой нераспаханную полосу земли (разную по ширине и длине), на которой растёт трава, а также канаву, ров и т. п. или протоптанные на вспаханной земле (как в поле, так и в огороде) тропинки, дорожки. Между объектами (не только земельными наделами, разными по своим характеристикам) может быть определена естественная граница: элементы рельефа – лес, овраг, ручей и др. Межа представляет собой реалию, значимую в установлении границ (и особенно важно – землевладений; подчас она может быть причиной спора: *Запахал межу-то, так уж по дури иль чтоб участок свой увеличить. Теперь бранятся почём зря целым семьям* – Калинки Судисл.). Не случайно она предстаёт и как своего рода поэтический образ в устной народной традиции. В костромских селениях можно услышать, например, такие выражения: *люди жать, а они под межой лежать*; *на меже лежать – урожай не ожидать*; *на межах да на распутье нечистая сила*; *стоит как межевой столб*; *нам межи не делить*; *межа не стена, а передвинуть нельзя*; *межи да грани – ссоры да брани*; частушки: *наше поле рядом с вашим, через поле есть межа, кто мою милочку обидит, тот отведает ножа*; *задушевная товарка межи переехала: хотела дролечку отбить, да не на ту наехала*; *посреди поля утин, давай, товарка, посидим, не придёт ли ягодиночка с гармошечкой один* и др. Некоторые из них содержат и топонимы или образованные на их основе названия, например: *ходить из Межи ложкой хлебать*; *межак межака узнает издалека*; *на Межу ходила по воду, холодную пила, сердце чуяло изменушку, да я не поняла*.

Топонимия фиксирует основные особенности слова ***межá*** и его производных, отражая не только создаваемый ими образ отдельных частей пространства, связанную с ними жизнь (и особенно трудовую деятельность) народа, но и народное, в том числе и творческое, видение этого пространства, своеобразие языка, культуры народа.

Литература

1. Белоруков, Д.Ф. Деревни, села и города костромского края: материалы для истории / Д.Ф. Белоруков. – Кострома: Костромской общественный фонд культуры, Костромской региональный центр новых информационных технологий «Эврика-М», 2000. – 536 с.
2. Березович, Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек / Е.Л. Березович; под ред. А.К. Матвеева. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2009. – 328 с.
3. Большакова, Н.В. Маркирование границы в народной речи и традиционной культуре / Большакова Н.В. // Проблемы устойчивости эколого-хозяйственных и социально-культурных систем трансграничных регионов. Материалы международной научно-практической конференции 20–21 ноября 2014 года. – Псков: Изд. ПсковГУ, «ЛОГОС Плюс», 2014. – С. 67–70.
4. Большой толковый словарь русского языка; сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – В 4 т. – Т. 2. – М.: Русский язык, 1979. – 779 с.
6. Климкова, Л.А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира: монография / Л.А. Климкова; науч. ред. И.А. Ширшов; МПГУ. – Арзамас: АГПИ, 2007. – 394 с.
7. Мурзаев, Э.М. Словарь народных географических терминов / Э.М. Мурзаев. – М.: Мысль, 1984. – 653 с.
8. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, ред. Ф.П. Сороколетов. – Вып. 18. – Л.: Наука, ленинградское отделение, 1982. – 367 с.
9. Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 9. – М.: Наука, 1982. – 358 с.
10. Словарь современного русского литературного языка. – В 17 т. Т. 6. М.–Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1957. – 1450 с.
11. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук. Репр. изд.: в 2 кн. – Кн. 1. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2001. – 928 с.
12. Теуш, О.А. Наименования межи в русском языке / Теуш О.А. // Вторые Громовские чтения. Русские народные говоры: прошлое и настоящее: сб. материалов и исслед. Всерос. науч.-практ. конф., Кострома, 17–18 окт. 1014 г. / КГУ им. Н.А. Некрасова, 2015. – С. 421–429.
13. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. – В 4 т. – Т. 2 (У – Муж) / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачува. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1986. – 672 с.
14. Шклярык, В.А. Мікратапанімія Усходняга Палесся ў кантэксце развіцця рэгіянальнай лексічнай сістэмы / В.А. Шклярык; навук. рэд. І.Л. Капылоў. – 2-е выд. – Мінск: Беларуская навука, 2019. – 196 с.
15. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. – Вып. 18. – М.: Наука, 1993. – 255 с.

Список сокращений в названиях районов Костромской области

Буйск. – Буйский.
Вохом. – Вохомский.
Галич. – Галичский.
Кадыйск. – Кадыйский.
Кологр. – Кологривский.
Костр. – Костромской.
Красн. – Красносельский.
Макар. – Макарьевский.
Мантур. – Мантуровский.
Межев. – Межевской.
Нейск. – Нейский.
Нерехт. – Нерехтский.
Октябр. – Октябрьский.
Остров. – Островский.
Парфен. – Парфеньевский.
Поназ. – Поназыревский.
Пыщуг. – Пыщугский.
Солиг. – Солигаличский.
Судисл. – Судиславский.
Сусан. – Сусанинский.
Шарьин. – Шарьинский.

В.А. Шклярык
Філіял «Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа»
Цэнтра даследаванняў беларускай культуры,
мовы і літаратуры НАН Беларусі
e-mail: vsh@philology.by

УДК 811.161.3’373.21

Электронная бібліяграфія па беларускай мікратапаніміцы: перадумовы стварэння, структура і магчымасці

Ключавыя словы: *мікратапонім, бібліяграфія, выбарка, статыстыка, арэал.*

У артыкуле пералічваюцца існуючыя бібліяграфіі па беларускай анамастыцы, адзначаецца адсутнасць поўнага збору прац па тэме. Коратка апісваецца створаная электронная бібліяграфія па беларускай мікратапаніміцы, прыводзяцца крытэрыі ўключэння ў яе публікацый.

V.A. Shkliaryk
The Center for the Belarusian Culture,
Language and Literature Research
of the National Academy of Sciences of Belarus,
the branch “Yakub Kolas Institute of Linguistics”

Electronic bibliography of Belarusian microtoponymy: prerequisites of the creation, structure, and possibilities

Key words: *microtoponym, bibliography, selection, statistics, areal.*

The article lists the existing bibliographies on Belarusian onomastics, noting the lack of a complete collection of publications on the topic. The electronic bibliography on Belarusian microtoponymy is briefly described and the criteria for inclusion of publications in it are given.

Пачатак прафесійнага вывучэння назваў дробных геаграфічных аб’ектаў у Беларусі звязваецца з імем Я.М. Адамовіча. Па стане на сярэдзіну 1960-х гг., паводле меркавання даследчыка, мікратапанімія краіны была зусім не вывучана [1, 3]. Першая кандыдацкая дысертацыя, адзін з раздзелаў якой прысвечаны мікратапонімам, і першая манаграфія па тэме [2] былі падрыхтаваны менавіта Я.М. Адамовічам. У цэлым жа за амаль 60 гадоў у Беларусі было абаронена 14 кандыдацкіх (працы Я.М. Адамовіча, Т.М. Аліферчык, Т.М. Багаедавай, Н.А. Багамольнікавай, В.М. Емельяновіч, Г.А. Івановай, І.Л. Капылова, А.М. Катонавай, А.І. Копача, В.П. Лемцюговай, В. У. Міцкевіч, А.М. Прышчэпчык, Н.Р. Смаль, В.А. Шклярыка) і 1 доктарская (праца А. Ф. Рогалева) дысертацыя, у якіх мікратапонімы выступаюць асноўным, адным з асноўных або дадатковым аб’ектам даследавання, выдадзены дзясяткі манаграфій і слоўнікаў, апублікаваны сотні артыкулаў і падборак назваў дробных геаграфічных аб’ектаў. Разам з тым аўтары аглядавых публікацый па тэме абмяжоўваюцца або пералічэннем прозвішчаў даследчыкаў і буйных збораў мікратапонімаў [17, 112–113; 14, 97], або ўказаннем абароненых дысертацый [19], не даючы поўнай карціны зробленага. Адной з прычын гэтага можна лічыць адсутнасць зводнага бібліяграфічнага даведніка па беларускай анамастыцы накшталт падрыхтаванага ў Польшчы (8 тамоў, якія ахопліваюць публікацыі з XVIII ст. па 2015 г.) або ва Украіне (ахоплівае публікацыі з другой паловы XIX ст. па 2000 г.) [25]. Выдадзены ў 2015 г. у Віцебску бібліяграфічны паказальнік «Беларуская анамастыка (2000–2015 гг.)» з’яўляецца першай, але далёка не поўнай (прынамсі ў выпадку з раздзелам «Літаратура па беларускай тапаніміцы») спробай стварэння падобнага даведніка ў Беларусі, прычым усяго за 15-гадовы перыяд [18].

Бібліяграфія па беларускай анамастыцы за іншыя гады, непазбежна дублюючыся, прадстаўлена ў наступных тэматычных публікацыях:

1807–1960 гг. – «Беларуская анамастыка (Матэрыялы да бібліяграфіі)» М.Я. Грынблата [12];

1812–1965 гг. – «Бібліяграфія ўсходнеславянскай анамастыкі» М. Кандрацюка [27];

1825–1991 гг. – адпаведныя раздзелы ў чатырох выпусках бібліяграфічнага паказальніка «Беларускае мовазнаўства» [3–6];

1918–1980 гг. – тры выпускі бібліяграфічнага паказальніка «Ономастика» [20–22];

1955–1991 гг. – паказальнікі прац па беларускай анамастыцы ў 8-м выпуску выдання «Повідомлення Української ономастичної комісії» [24] і чатырох выпусках зборніка «Беларуская анамастыка» [8–11].

Калі супаставіць ахопленыя прыведзенымі публікацыямі перыяды, то атрымаецца, што бібліяграфічнага паказальніка прац па беларускай анамастыцы за 1992–1999 гг. увогуле не існуе. Асобныя публікацыі за гэты перыяд даступны ў выданні «Беларускія слоўнікі й энцыкляпэдыі» [7] і яго пашыранай электроннай версіі [26], у базе дадзеных «Беларускае мовазнаўства» (лакальны рэсурс Цэнтральнай навуковай бібліятэкі імя Якуба Коласа НАН Беларусі, ахоплівае працы з 1996 па 2010 г.), у бібліяграфічных падборках, датычных даследавання тапонімнай прасторы Брэстчыны [15, 128–134; 16, 132–136] і, натуральна, у бібліяграфічных выданнях агульнага характару.

Акрэсленая сітуацыя, як было адзначана вышэй, ускладняе ацэнку зробленага ў галіне беларускай анамастыкі ў цэлым і беларускай мікратапанімікі ў прыватнасці. Адпаведна, ні прафесійныя даследчыкі, ні іншыя зацікаўленыя асобы не валодаюць поўнай інфармацыяй пра тое, колькі мікратапонімаў уведзена ў навуковы зварот і прааналізавана, у якіх раёнах краіны і ў якой ступені такі матэрыял сабраны. Разумеючы важнасць ацэнкі назапашанага фонду назваў дробных геаграфічных аб’ектаў, калектыў выканаўцаў навукова-даследчай работы «Мікратапанімічны лінгваландшафт Беларусі» (дамова з БРФФД № Г19-078 ад 02.05.2019, навуковы кіраўнік – В. А. Шклярык, тэрмін выканання – 2019–2021 гг.) распачаў сярод іншага стварэнне электроннай бібліяграфіі па беларускай мікратапаніміцы. Пасля завяршэння НДР праца над папаўненнем гэтай базы публікацый была працягнута. Для агульнага карыстання яна выстаўлена ў інтэрнэце па адрасе https://microtop.philology.by/.

Па стане на студзень 2022 г. створаная база публікацый па тэме налічвала каля 450 пазіцый. Храналагічны дыяпазон – 1959–2021 гг. На дадзеным этапе ўлічваліся толькі тыя працы, якія апублікаваны на тэрыторыі Беларусі і ўтрымліваюць лакалізаваны матэрыял (г. зн. абавязкова ўказаны прынамсі раён(-ы)). Публікацыі, прысвечаныя разгляду тапонімаў з архіўных крыніц і помнікаў пісьменства (працы І.Л. Капылова, В.У. Міцкевіч і інш.), у базу не ўключаліся. Акрамя таго, не ўлічваліся працы па гісторыі (напрыклад, [23]) і крыніцы фальклорна-этнаграфічнага кшталту (напрыклад, [13]), якія часам таксама ўтрымліваюць мікратапонімы.

Электронны фармат бібліяграфіі па беларускай мікратапаніміцы дазволіў прадугледзець наступныя палі для ўнясення звестак: 1) агульная інфармацыя пра публікацыю (аўтар, назва і г.д.); 2) вобласць(-і), адкуль прадстаўлены матэрыял; 3) раён(-ы), адкуль прадстаўлены матэрыял; 4) тып працы (кніга, артыкул і пад.); 5) каментарый.

Такім чынам, наяўнасць у створанай базе палёў «Вобласць» і «Раён», па якіх можна ажыццяўляць выбарку публікацый, дазваляе ацаніць зробленае ў пэўных рэгіёнах і выявіць мясцовасці, дзе мікратапонімы сабраны ў недастатковай колькасці і/або не даследаваны. У перспектыве гэта, як думаецца, дапаможа актывізаваць і скаардынаваць працу па далейшым вывучэнні мікратапонімнага фонду краіны.

Літаратура

1. Адамович, Е.М. Топонимия и микротопонимия Случчины: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.М. Адамович. – Минск, 1966. – 20 с.

2. Адамовіч, Я.М. Мікратапанімічныя назвы / Я.М. Адамовіч. – Мінск: Выш. шк., 1971. – 112 с.

3. Беларускае мовазнаўства : бібліягр. паказальнік (1966–1975) / АН БССР, Фундам. б-ка; рэд. М.В. Бірыла. – Мінск: Навука і тэхніка, 1980. – 352 с.
4. Беларускае мовазнаўства : бібліягр. паказальнік (1976–1985) / АН Беларусі, Цэнтр. навук. б-ка; навук. рэд. А.І. Падлужны. – Мінск: ЦНБ АН Беларусі, 1993. – 559 с.
5. Беларускае мовазнаўства: бібліягр. паказальнік (1986–1991) / НАН Беларусі, Цэнтр. навук. б-ка; Ін-т мовазнаўства ; навук. рэд. В.П. Русак. – Мінск: Беларус. навука, 2004. – 484 с.
6. Беларускае мовазнаўства: бібліягр. указальнік (1825–1965 гг.) / АН БССР, Ін-т мовазнаўства, Фундам. б-ка ; рэд. Л.М. Шакун. – Мінск: Навука і тэхніка, 1967. – 416 с.
7. Беларускія слоўнікі й энцыкляпэдыі: бібліяграфія / Беларус. ін-т навукі й мастацтва; склад.: В. Кіпель, З. Саўка. – Нью Ёрк; Менск : БІНІМ, 2002. – XXXVIII, 568 с.
8. Бірыла, М.В. Працы па беларускай анамастыцы (1955–1975). Бібліяграфічны ўказальнік / М.В. Бірыла, В.П. Лемцюгова // Беларуская анамастыка: зб. арт. / АН БССР, Ін-т мовазнаўства; рэд. М.В. Бірыла. – Мінск, 1977. – С. 181–196.
9. Бірыла, М.В. Працы па беларускай анамастыцы. Бібліяграфічны паказальнік (1986–1991) і дапаўненні да бібліяграфіі (1979–1985) / М.В. Бірыла, В.П. Лемцюгова // Беларуская анамастыка: зб. арт. / АН Беларусі, Ін-т мовазнаўства; Рэсп. тапанімічная каміс.; рэд. В. П. Лемцюгова. – Мінск, 1992. – С. 164–172.
10. Бірыла, М.В. Працы па беларускай анамастыцы. Бібліяграфічны ўказальнік (1976–1978 гг. і дапаўненні да бібліяграфіі 1955–1975 гг.) / М.В. Бірыла, В.П. Лемцюгова // Беларуская анамастыка: зб. арт. / АН БССР, Ін-т мовазнаўства ; рэд. В.П. Лемцюгова. – Мінск, 1981. – С. 196–210.
11. Бірыла, М.В. Працы па беларускай анамастыцы. Бібліяграфічны ўказальнік (1979–1985) і дапаўненні да бібліяграфіі (1972–1978) / М.В. Бірыла, В.П. Лемцюгова // Беларуская анамастыка: зб. арт. / АН БССР, Ін-т мовазнаўства ; рэд. М.В. Бірыла, В.П. Лемцюгова. – Мінск, 1985. – С. 145–149.
12. Грынблат, М.Я. Беларуская анамастыка (Матэрыялы да бібліяграфіі) / М.Я. Грынблат // Працы Інстытута мовазнаўства АН БССР. – 1960. – Вып. VII. – С. 227–243.
13. Дучыц, Л.У. Сакральная геаграфія Беларусі / Л.У. Дучыц, І.Я. Клімковіч. – Мінск: Літаратура і Мастацтва, 2011. – 384 с.
14. Капылоў, І.Л. Мікратапанімія беларускага Паазер'я як важная крыніца гісторыка-культурнага ландшафту рэгіёна / І.Л. Капылоў // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сб. науч. статей / сост.: А.М. Мезенко [и др.] ; под науч. ред. А.М. Мезенко. – Витебск, 2018. – С. 96–99.
15. Леванцэвіч, Л.В. Лінгвістычнае краязнаўства Брэстчыны: курс лекцый / Л.В. Леванцэвіч; Брэсц. дзярж. ун-т. – Брэст: БрДУ, 2013. – 135 с.
16. Леванцэвіч, Л.В. Тапанімічная прастора Брэстчыны ў навуковых даследаваннях / Л.В. Леванцэвіч, Н.Р. Якубук // Ученые записки УО «ВГУ имени П. М. Машерова». – 2018. – Т. 25. – С. 129–136.
17. Лемцюгова, В.П. Беларуская анамастыка. Дасягненні і перспектывы / В.П. Лемцюгова // Актуальные вопросы славянской ономастики: материалы II Междунар. науч. конф. «Славянская ономастика в ареальном, этимологическом и хронологическом аспектах», Гомель, 11–12 нояб. 2004 г. / Гомел. гос. ун-т; отв. ред.: Р. М. Козлова. – Гомель, 2004. – С. 107–115.
18. Мезенка, Г.М. Беларуская анамастыка (2000–2015 гг.): бібліягр. паказальнік / Г.М. Мезенка. – Віцебск: ВДУ, 2016. – 172 с.
19. Мезенка, Г.М. Беларуская анамастыка як аб'ект дысертацыйных даследаванняў пачатку XXI стагоддзя / Г.М. Мезенка // На хвалях мовы: да 90-годдзя з дня нараджэння акадэміка М.В. Бірылы: матэрыялы Міжнар. навук. канф. (Мінск, 10–11 верас. 2013 г.) / НАН Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., Ін-т мовы і літ.; Беларус. дзярж. пед. ун-т; навук. рэд.: В.П. Русак, В.Д. Старычонак. – Мінск, 2014. – С. 192–197.
20. Ономастика. Указатель литературы, изданной в СССР в 1971–1975 гг. с приложением за 1918–1962 гг. / АН СССР, Ин-т науч. информации по обществ. наукам; сост.: Б.А. Малинская, М.Ц. Шабат, отв. ред.: Р.Р. Мдивани, Н.В. Подольская. – М., 1978. – 302 с.
21. Ономастика. Указатель литературы, изданной в СССР в 1976–1980 гг. / АН СССР, Ин-т науч. информации по обществ. наукам; сост.: Б.А. Малинская, М.Ц. Шабат, отв. ред.: Р.Р. Мдивани, Н.В. Подольская. – М., 1984. – 266 с.
22. Ономастика. Указатель литературы, изданной в СССР с 1963 по 1970 год / АН СССР, Ин-т науч. информации по обществ. наукам; сост.: Б.А. Малинская, Р.Р. Мдивани, М.Ц. Шабат, отв. ред. Н.В. Подольская. – М., 1976. – 206 с.
23. Поболь, Л.Д. Славянские древности Белоруссии (свод археологических памятников раннего этапа зарубинецкой культуры – с середины III в. до н. э. по начало II в. н. э.) / Л.Д. Поболь. – Минск: Наука и техника, 1974. – 424 с.
24. Працы па беларускай анамастыцы (1955–1968 гг.) (бібліяграфічны ўказальнік) // Повідомлення Української ономастичної комісії. – 1970. – Вип. 8. – С. 39–48.
25. Українська ономастика: бібліогр. покажчик / НАН України, Ін-т укр. мови; уклад.: С.О. Вербич, І.В. Єфименко, І.М. Желєзняк. – Київ: ТОВ «КММ», 2013. – 364 с.
26. Электронная Энцыкляпэдыя. Бібліяграфія [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://slounik.org/biblio. – Дата доступу: 31.01.2022.
27. Kondratiuk, M. Bibliografia onomastyki wschodniosłowiańskiej do roku 1965 włącznie / M. Kondratiuk. – Białystok: Wyd-wo Filii Uniw. Warszawskiego, 1997. – 295 s.

3. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АНТРОПОНИМИКИ

Н.С. Ганцовская, Г.Д. Неганова
Костромской государственный университет
e-mail: gantsovsky_n@ mail.ru, g_neganova@ksu.edu.ru

УДК 81’373.2

Антропонимы как составная часть областного словаря: методология подачи, структура, состав словника, семантизация (на материале словаря говоров Костромской низины)

Ключевые слова: *антропонимы, костромские говоры, Костромская низина, этнодиалектная зона, лексикография.*

В статье представлен антропонимикон этнодиалектной зоны Костромской низины как материал областного словаря. Анализируется функциональное соотношение структуры его составных частей с нарицательной лексикой. Делается вывод о том, что антропонимы говоров Костромской низины достаточно консервативны, разнообразны по форме, выполняемой им функции и приобретённой в речевой среде семантике.

N.S. Gantsovskaya, G.D. Neganova
Kostroma State University

Anthroponyms as an integral part of the regional dialectal dictionary: presentation methodology, structure, composition of the dictionary, semantization (based on the dialect dictionary of the Kostroma lowland)

Key words: *anthroponyms, Kostroma patois, Kostroma lowland, ethno-dialect zone, lexicography.*

The article presents the anthroponymicon of the ethno-dialect zone of the Kostroma lowland as the material of the regional dialectal dictionary. The functional correlation of the structure of its constituent parts with common nouns is analyzed. It is concluded that the anthroponyms of the patois of the Kostroma lowland are quite conservative, diverse in form, their functions and the semantics acquired in the speech environment.

В настоящее время, когда разрушаются диалектные системы и утрачиваются лексические связи крупных диалектных объединений, представляется перспективным создание локально ограниченных диалектных словарей, занимающих определённую часть этих объединений. Полагаем, что это актуально для многих территорий старого славянского заселения, в том числе и для говоров Костромской области, в пределах которой находится несколько историко-культурных зон, в свою очередь подразделяющихся на этнодиалектные зоны. Мы уже имеем опыт создания словаря такого типа, охватывающего ареал говоров междуречья Костромы и Унжи с эпицентром в виде Костромского (Чухломского) акающего острова. И это позволяет с достаточной глубиной и детальностью обзора ознакомиться с этнодиалектными особенностями края. [4]. Так, именно систематизированные лексические данные этой территории (два района с полностью акающим населением и четыре района – с частично) показали единство лексического состава говоров в пределах всей зоны и исторический приоритет оканья перед аканьем.

Теперь костромскими диалектологами поставлена задача создания словаря этнодиалектной зоны на юго-западе Костромской области при впадении реки Костромы в Волгу

и по её верхнему течению, знаменитые некрасовские места, знакомые нам по трудам начала XX в. деятелей Московской диалектологической комиссии, Костромского научного общества по изучению местного края, этнографов Н.Н. Виноградова [2; 3], В.И. Смирнова [11], С.А. Ерёмина [6], В.Я. Шишкова [12], затем уже в постсоветский период – местного краеведа Л.П. Пискунова [8; 9], студентов и преподавателей Костромского университета им. Н.А. Некрасова и др. исследователей. Это постмерянские и постугрофинские земли с давно укоренившимся здесь русским населением своеобразного жизненного уклада и с достаточно единообразными говорами, сформировавшимися в основном под влиянием ростово-суздальского колонизационного потока, но не чуждые и черт более древнего влияния языка новгородских словен. Здесь ещё во времена позднего Средневековья происходили важные для Руси события, а после Смутного времени (из Ипатьевского монастыря Михаил Романов призывался на царство) оформилась новая русская государственность и вместе с ней складывались основные черты современного русского литературного языка. Эти места называют Костромской низиной (часть её в настоящее время затоплена Костромским водохранилищем), словарь же с описанием её говоров, используя терминологию В.Я. Шишкова, мы решили назвать Словарём говоров Костромского Приволжья.

Мы полагаем, что особенностью словарей говоров относительно небольших территорий с устойчивыми этническими особенностями может быть включение в их состав лексики местного народного ономастикона. Типологически для всесторонней характеристики диалектного континуума подобного ареала это вполне допустимо, поскольку в его речевом узусе имена собственные так же географически значимы и семантически наполнены, как и имена нарицательные. Это касается и такой интернациональной по происхождению лексики, как календарные (крестильные, канонические) имена, которые в каждой местности, каждом языке или диалекте имеют свои оригинальные варианты употребления. Проприонимы, будучи по своим первоначальным свойствам только номинативными единицами, лишёнными значения и не способными обозначать понятие, в контексте речи, особенно узкодиалектной, в соседстве с кореферентной им нарицательной лексикой как бы впитывают присущие последним особенности их семантической структуры, обладают яркой модальностью, метафоричностью и другими их классификационными свойствами.

Нам уже приходилось описывать говоры Костромской низины на заданную тему и с подобными установками на материале определённых краеведческих источников [1; 5; 7]. В данной работе покажем особенности антропонимикона Костромской низины, отражённые в диалектных записях студентов и преподавателей Костромского пединститута на территории этих говоров конца прошлого столетия и начала будущего. Антропонимы извлечены из текстов «Хрестоматии говоров Костромской области» учебного комплекса Н.С. Ганцовской «Костромские говоры» и могут рассматриваться как материал областного словаря [13].

Представляем антропонимы говоров Костромской низины в определённых тематических группах с текстовой иллюстрацией, указанием района и страницы в Хрестоматии (более подробная паспортизация содержится в Хрестоматии).

Календарные имена, отчества и фамилии людей как дескрипторы имён

Костромской район. КА′ТЬКА. БА′УШКА НА′СТЯ. ВАЛЕ′РА. МАТВЕ′ИЧ. ОЛЁХА. КО′ЛЬКА. ВА′ЛЬКА. ЖЭ′НЬКА. ПЕТРО′В.

После Иванова дни начинался сенокос. Издили на лошадях и пешком ходили. Артилью издили, письни пили. Мама-то у нас писельница была…Как приедем, перва садились завтракать. Потом Катька с отцом идут косить [13, 34].

А должников-то незнамо што. Придут: «Баушка Настя, дай, я принёсу. Так и не принёсут (с. 36). *Вот топереча и боюса, и запираюса. Ешшо как-то пришол. Сунул ногу-то, а я закричала: «Валера, Валера!». А то бы опять до капли обрали* [13, 36].

Жила как – не знаю. Фсе говорили: ну уш, Матвеич, попалас тебе така женчина, штоп ты не пропал [13, 37].

Марина. Где роботала? Где полехче. Олёха у её как фронтовик <…> Валька-то мне внучка. Приедет из городу – воды принесёт… Хлеба Жэнька принесёт <…> Вот этта Петроф осумашетчел. Разделся донага: «Буду парицца чичас». Крыша падаёт! Уш чево не говорил. Сё ромно в больницу увезли [13, 39].

Буйский район. (СЯДО′Ф) АЛЯКСА′НДР. КО′ЛЯ. МИХА′ЙЛО. НЮ′РА. ЗОЮ′ХА. КОЛЮ′ХА. АВДО′ТЬЯ. КО′ЛЬКА.

Патом уехали фсе, адин Сядоф Аляксандр был. Два года сафсем адна жыла. Коле (сыну) дали квартеру, патом и жыла у Коли… С Михайлом-то фстритились, розговорились. Прежде я видывала ево, знала, в ихнюю деревню на празники ходили гулять. – Иди, Нюра, за миня. хоть с одной рукой, а проживём как-небуть. – Ладно, говорю, сватай. – Зоюха, сестреница, уш ф ту пору в Бую роботала у енвалидов тыла, брат Колюха со снохой и с деткам уехал… [13, 43].

Радился на хутаре Гарбатки. В школе в Ельгино учился. Умер отец, у матери нас пятяра асталась. Мать уехала к сястре, а старший брат ни отпустил меня: «Авдотья, оставь Кольку мне, у тябя и так пятяра» [13, 45].

Судиславский район. МАРИ′ ВА′НОМНА СМЕРНО′ВА. А′ННА АНДРЕ′МНА.

Моё име Мари Ваномна, фамилиё Смернова. От ходила к обидне в церкву, дак дошот пошол, дак наскрось промокла [13, 65].

Зовут-то миня Анной Андремной. Фчерася-то не застали меня, в городе была. Как жо, милые, помню, как и замуш выходила. Жэниха своево не знала, с другим гуляла. Накануне богу помолиласа, а потом до свадьбы не виделись [13, 66].

Сусанинский район. НАТО′ША. ТО′НЯ. ОНДРЮ′ШКА. А′ННА СЕ′ВОЛОТОВНА.

На войне убили мужа-то. Трицэть три года мне осталося, мучалас одна с деткамто… Сын Натоша ушол на шэснаццатом году на войну [13, 62].

Мужу-от Тони шэсь годоф дали. Фчерася письмо прислала. И адвокат ничево не помок. Сколько денёк-то ухлопали… Ондрюшка маленькой-то потешной был [13, 63].

В деветь годоф пошла на хлеп-соль зарабатывать в рядашной дом. Фамиль-то я забыла хозяев-то. Кажысь, Костева Анна Севолотовна, ешшо жива, а хозяин-то уже помёр. Качала я их ребёнка в люльке [13, 63].

Антропотопонимы

Судиславский район. РОМА′НЦЕВО. СЕМЁНОВСКОЕ. РОМА′НОВО.

В Раманцеве народу, дерявень была! Пятая часть не асталась… Да Князева километр с четвертью [13, 44].

Комороф пошол на Семёнофское. Там, где стрелка на Романово, увидел человека в чёрном, и капюшон надет (с. 68).

Сусанинский район. СУСАНИНО.

У жениха на дому была сварьба. Винчалися ф старообрятской цэркви в Сусанине. Венчанные ишшо эки-то клопы были. Он сирота, я сирота [13, 62].

Сакральные имена: теонимы

Костромской район. ПРЕСВЯТА′А БОГОРО′ДИЦА. ХО′СПОДИ ИИСУ′СЕ.

Паска-ту нонче ранняя. Пресвятаа Богородица! [13, 34].

Усе иконы забрали, унесли. Хосподи Иисусе, ф сумки поклали [13, 34].

Сусанинский район. БОХ.

Знаю, што Бох-то есь и боюс Бога, токо што ленива, дома-то линь молицца [13, 62].

Сакральные имена: аэртонимы

Костромской район. ИВА′НОВ ДЕНЬ. ПЕТРО′Ў ДЕНЬ.

После Иванова дни начинался сенокос [13, 34].

Петроу день у нас и Покроў. Раньче-то знали то, что празник, што пост, постилиса [13, 36].

Буйский район. РОЖЭСТВО′ ХРИСТО′ВО. БАГАРО′ДИЦА.

В Святки и Рожэство Христово проводили по сем вечерин [13, 41].

Какие празники? Троица и Пасха – главные. Багародица [13, 43].

Имена-образы: фольклоризмы

Судиславский район. МОЛОДО′Й КНЯЗЬ. КНЯГИ′НЯ. РЯ′ЖЕНЫЕ.

На свадьбе поздровляли с законным браком. Ряженые приходили. «Молодой княсь, как вашу кнегиню зовут?», – так спрашивали [13, 69].

Имена-образы: мифонимы

Судиславский район. РУСА′ЛКИ. РУСА′ЛЬЯ НЕДЕ′ЛЯ. БОЛО′ТНИК, ОГОРО′ДНИК. ПОЛУНО′ШНИЦА. НО′ШНИЦА. СВЯ′ТКА. ДОМОВО′Й. ЛЕ′ШЕЙ.

После Троицы – Русалья неделя. Русалки из воды выходили, селились на деревьях. На ветвях берёс сидели. Девушки ходили берёски завивали, задабривали русалок.

Болотник на болоте живёт. Людей в тресину заманивает.

Как же огород без огородника? Он там главной.

Как жо ночь без ношницы? До самово рассвета хозяйничает.

На Святках, на гаданьях святка поевляецца.

Если домовой душит, надо спросить, к худу или г добру.

Штобы лешей-то в лесу не водил, надо одёжу наизнанку одеть [13, 68].

Из этого небольшого, но достаточно информативного для наших целей списка имён людей (или антропоморфных их заместителей, а также агнонимов и антропотопонимов) региона Костромской низины, не только центральной части костромских говоров, но и вообще части центральных русских говоров в их противопоставлении периферийным (см. [10, 229–231]), удалось установить следующее.

Рассматриваемая нами ономастическая лексика структурно может быть представлена одной или несколькими лексемами, она вариативна по форме и модальным качествам, синтагматически зависима от кореферентной ей нарицательной лексики в ближайшем контексте, но нередко эта зависимость подтекстовая и отсылает к более далёкому и обширному говорному континууму. Именно вследствие метонимической и др. форм соотнесённости антропонимов как вида проприальной лексики с лексикой нарицательной антропонимы вступают с ними в парадигматические отношения и приобретают ту же семантику, неисконную, но укоренившуюся в данной речевой среде под стать семантике нарицательной лексики.

Так, имена *Катька, Колька, Валька, Женька, Ондрюшка* считаются нормальной формой календарных имён детей в речевом семейном узусе севернорусской деревни, возможно, и с некоторым фамильярно-одобрительном оттенком. Они продолжают использоваться в таком качестве и для подрастающей молодёжи, а затем и в речи сверстников. То же мы находим и в наших примерах. В большей степени экспрессивными можно считать формы типа *Зоюха, Колюха, Олёха, Натоша.* Нейтральные же стилистически для литературного языка имена (*бабушка*) *Настя, Поля, Нюра, Марина, Тоня, Валера* в говорах Низины можно также признать таковыми, но всё же с сопровождающим их оттенком приподнятости. Высоким стилем можно считать использование имени в полной форме: Аляксандр, Михайло, Авдотья, тем более в сочетании с такими дескрипторами имён, как отчество или фамилия: *Сядов Аляксандр, Анна Андремна, Анна Севолотовна* или тройственной формуле имени с отчеством и фамилией: *Мари Ваномна Смернова.* Использование в живой речи в качестве имени только одной фамилии (*Петров)* – редкое явление, поэтому такой факт имеет на шкале высокое/низкое отнюдь

не среднее положение. В итоге надо сказать, что названные антропонимы вписываются во все ярусы диалектной системы данного ареала, в том числе и семантический, поскольку в узкорегиональном пространстве имя как бы представляет реального, всем знакомого человека – молодого или старого, доброго или злого, глупого или умного и т.д. – и как бы служит субститутом всех его качеств.

Характерно, что в сакральных именах-аэртонимах используются только полные формы календарных имён людей, хотя и в русифицированной форме: *Иванов день, Петров день,* но имя верховного христианского божества упоминается в канонической церковнославянской форме звательного падежа – Хосподи Иисусе – и с отражением фрикативного произношения заднеязычного.

Для обозначения церковных праздников употребимы субституты личных имён – метонимические переносы в виде нарицательных имён типа *Багародица* (*Какие празники? Троица и Пасха – главные. Багародица* [13, 43]. Антропонимом можно считать лексему *Богородица* как заместитель имени *Мария.* Названия антропоморфных мифологических существ также можно считать антропонимами, хотя они и находятся на периферии деревенского антропонимикона.

Отсюда следует вывод о том, что традиционный антропонимикон говоров Костромской низины достаточно консервативен, разнообразен по форме, выполняемой им функции и приобретённой в речевой среде семантике.

Литература

1. Басова, Н.Ф. Ономастикон деревни Вёжи под Костромой: материалы для словаря (по воспоминаниям Л.П. Пискунова) / Н.Ф. Басова, Н.С. Ганцовская // Ономастика Поволжья: материалы XVIII Междунар. науч. конф. Кострома, 9–10 сент. 2020 г.: в 2 т. / науч. ред.: Н. С Ганцовская, В.И. Супрун; отв. ред. Г.Д. Неганова. – Кострома: Костромской государственный университет, 2020. – Т. 1. – С. 146–158.

2. Виноградов, Н.Н. О народном говоре Шунгенской волости Костромского уезда. Ч. 1. Фонетика. / Н.Н. Виноградов. – Спб.: Тип. Император. Акад. наук, 1904. – 100 с.

3. Виноградов, Н.Н. Народная свадьба в Костромском уезде / Н.Н. Виноградов // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. VIII. – Кострома: Тип. Риттер, 1917. – С. 71–152.

4. Ганцовская, Н.С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи / Н.С. Ганцовская. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова; М.: Книжный Клуб Книговек, 2015. – XXXI, 512 с.

5. Ганцовская, Н.С. Антропонимикон говоров Костромского Приволжья (на материале очерков В.Я. Шишкова) / Н.С. Ганцовская. // Ономастика Поволжья: материалы XVIII Междунар. науч. конф. Кострома, 9–10 сент. 2020 г.: в 2 т. / науч. ред.: Н.С. Ганцовская, В.И. Супрун; отв. ред. Г.Д. Неганова. – Кострома: Костромской государственный университет, 2020. – Т. 1. – С. 271–282.

6. Ерёмин, С.А. Характеристика народных говоров по р. Костроме / С.А. Ерёмин // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. 41. – Кострома, 127. – С. 4–15.

7. Неганова, Г.Д. Актуализация природно-географических особенностей Костромской низины в народной географической лексике: Волго-Костромская пойма / Г.Д. Неганова // Вестник Костромского государственного университета. – 2018. – Т. 24, № 4. – С. 174–177.

8. Пискунов, Л.П. Из истории моей родины. О прошлом деревни Вёжи под Костромой / Л.П. Пискунов// Костромская земля: краеведческий альманах Костромского филиала Российского фонда культуры. Вып. 4. – Кострома: Линия-график, 1999. – С. 98–176.

9. Пискунов, Л.П. О родной деревне Вёжи. Воспоминания / Л.П. Пискунов // Костромская земля: краеведческий альманах. Вып. 7 / сост. А.В. Соловьёва. – Кострома: Линия-график, 2014. – С. 157–211.

10. Русская диалектология / под ред. Р.И. Аванесова и В.Г. Орловой. – М.: Наука, 1964. – С. 229–231.

11. Смирнов, В.И. Свайные постройки Костромского края / В.И. Смирнов // Советская этнография. Сборник статей. Сб. 4. – М.: АН СССР, 1940. – С. 149–167.

12. Шишков, В.Я. Приволжский край / В. Я. Шишков // Костромская земля. Краеведческий альманах. Приложение к серии «Костромская библиотека». Вып. 6. – Кострома, 2007. – С. 498–572.

Источники

13. Ганцовская Н.С. Хрестоматия говоров Костромской области // Костромские говоры: учеб. комплекс: в 2 т. / Н.С. Ганцовская; отв. ред. Г.Д. Неганова. – Кострома: Ид-во Костром. гос. ун-та, 2018. – Т. 1. – С. 32–72.

L. Dacewicz
Uniwersytet w Białymstoku
e.mail: l.dacewicz@uwb.edu.pl

УДК 81’373.23:“1850/1899”(476.6)

Księgi metrykalne parafii grodzieńskich w II połowie XIX w. – źródło do badań historii i antroponimii mieszkańców Grodzieńszczyzny

Słowa kluczowe: *historia Grodna, parafie grodzieńskie, księgi metrykalne, notacje metrykalne, spisy alfabetyczne, antroponimia*

Przedmiotem badań są księgi metrykalne trzech rzymskokatolickich parafii grodzieńskich: Farnej, Franciszkańskiej i Bernardyńskiej z lat 1848–1918. Celem badań jest ocena ksiąg metrykalnych pod kątem ich wartości i przydatności do badań historyczno-społecznych, kulturowych i onomastycznych, a także zwrócenie uwagi na strukturę i treść notacji metrykalnych chrztów, ślubów i zgonów sporządzonych w języku rosyjskim oraz porównanie z księgami prowadzonymi w języku polskim. Księgi metrykalne stanowią znakomite źródło wiedzy na temat społeczeństwa Grodzieńszczyzny w okresie przynależności do Cesarstwa Rosyjskiego.

L. Dacewicz
University of Bialystok

Record books of the parishes of Grodno in the second half of the 19 century – a source for research on the history and anthroponymy of the inhabitants of Grodno region

Key words: *history of Grodno, Grodno parishes, record books, record notations, alphabetical lists, anthroponymy*

The subject of the research are record books of three Roman Catholic parishes in Grodno: Farna, Franciszkańska and Bernardyńska from the years 1848–1918. The aim of the research is to evaluate record books in terms of their value and usefulness for historical-social, cultural and onomastic research, as well as to pay attention to the structure and content of recordings of baptisms, weddings and deaths and alphabetical lists of people drawn up in Russian and to compare them with the books kept in Polish. Record books are an excellent source of knowledge about the society of Grodno region in the period of belonging to the Russian Empire.

Sprawa prowadzenia rejestracji metrykalnej w wymiarze powszechnym dla Kościoła katolickiego została uregulowana na Soborze Trydenckim za pontyfikatu Piusa IV. Na XXIV sesji w 1563 r. sobór trydencki w swych Ustawach uwzględnił dwa rodzaje ksiąg, a mianowicie rejestr ochrzczonych i rejestr małżeństw. Precyzyjne reguły określające każdy rodzaj ksiąg metrykalnych zostały ogłoszone przez papieża Pawła V w 1614 r. w Rytuale Rzymskim (Rituale Romanum). Zgodnie ze sformułowanymi wówczas zasadami każda parafia winna być wyposażona w pięć serii ksiąg: rejestr ochrzczonych (liber baptisatorum), rejestr małżeństw (liber matrimoniorum), rejestr bierzmowanych (liber confirmatorum), rejestr zmarłych (liber defunctorum), oraz spis parafian, czyli tzw. księgę stanu dusz (liber status animarum). Decyzje zawarte w uchwałach Soboru Trydenckiego, jak i te skodyfikowane w zapisach Rytuału Rzymskiego z 1614 r., odegrały istotną rolę w kształtowaniu się zwyczaju prowadzenia rejestracji kościelnej wiernych w poszczególnych diecezjach [5, 65-66; 7, 5-41].

Przedmiotem badań są księgi metrykalne trzech rzymskokatolickich parafii grodzieńskich: Farnej, Franciszkańskiej i Bernardyńskiej z lat 1848-1918 (księgi z lat 1848–1864 znajdują się w Archiwum Historycznym Litwy w Wilnie, z lat 1865–1918 w

Archiwum Archidiecezjalnym w Białymstoku, które jako nieliczne w Polsce, posiada kompletny zespół ksiąg metrykalnych trzech dekanatów dawnej diecezji wileńskiej: rejestry chrztów, ślubów i zgonów poczynając od 1865 roku). Wybór okresu chronologicznego wynika z postawionego celu badań, którym jest opis sposobu prowadzenia ksiąg w okresie przynależności Grodzieńszczyzny do Cesarstwa Rosyjskiego oraz porównanie z księgami prowadzonymi w języku polskim. Na podstawie księgi z roku 1848 można prześledzić prowadzenie w języku polskim i języku rosyjskim, bowiem następnie przez blisko 70 lat w języku rosyjskim (po wprowadzeniu tego języka do administracji kościelnej dekanatu grodzieńskiego od lipca 1848 roku), i ponownie w języku polskim, który do ksiąg metrykalnych parafii grodzieńskich stopniowo zaczął „powracać" po odzyskaniu niepodległości. W latach 1917–1919 w poszczególnych parafiach przejściowo używano języka łacińskiego, i już polskiego, ale były i takie parafie, gdzie metryki nadal sporządzano w języku rosyjskim. Ze względu na niewielką objętość tekstu nie wszystkie cele można było przedstawić, ale warto je opisać w kolejnym opracowaniu.

W historycznym Grodnie były liczne świątynie prawosławne i katolickie, a także unickie. [4, 18-21]. „Гарадзенскія парафіі як заходняга (рыма-каталіцкія), так и ўсходнягя, (праваслауныя, грэка-каталицкая) маюць вельмі даўні радавод. /…/ Самы старажитны дакумент рыма-каталіцкай парафии з сядзибай у Фары Витаўта паходзиць з 1494 г. „ [9, 68] /…/ „Гарадзенская парафія была адной з самых значных и багатых ў Літве. У сярэдзіне XVI ст. да парафіі належала 68 дымоў /…/. Król Zygmunt August ufundował na specjalnych prawach wikariat, przyłączył do probostwa kościół Św. Mikołaja, ufundowany przez królową Bonę szpital i kościół Św. Ducha. Parafia otrzymała majętność dawnego kościoła i klasztoru Augustynów (Św. Trójcy). „У 1789 г. да прабоства належала 168 дымоў" [9, 68–69; 4, 8-21].

„Дакладныя межы гараденских каталіцких парафіаў вядомыя з 1744 г. і пазнейших дакументаў. Памеры Фарнай парафіі паменшыліся пасля стварэння новай пры занёманским касцёле францысканцаў" [9, 73]. Nowa parafia – Zaniemeńsko-franciszkańska - objęła lewobrzeżną część Grodna (Zaniemeńskie przedmieście) i okoliczne miejscowości oraz wioski należące do miasta. Jak wynika z zachowanych źródeł, Parafia Franciszkańska została powołana już w 1698 lub rok wcześniej [9, 73].

Pojawienie się pierwszej księgi metrykalnej parafii Bernardyńskiej odnotowano w 1852 r. (Выписи Метрической Книги Гродненской Бернардинской Римско-Католической Церкви. Часть первая. О Родившихся съ 17 числа месяца Августа 1852 года [Archiwum Historyczne Litwy]. Tworzenie klasztornych zespołów bernardynów i bernardynek grodzieńskich datuje się na lata 20.-40. XVII w. Warto przy tym wspomnieć, że pod względem liczby placówek zakonnych Grodno było na jednym z pierwszych miejsc w Wielkiego Księstwa Litewskiego. W okresie nowożytnim były tu siedziby aż 12 zakonów [3, 229; 4, 19].

Przedmiotem zainteresowania w niniejszej pracy są notacje metrykalne oraz alfabetyczne spisy osób, które sporządzano na koniec każdego roku, poczynając od 1875.

Księgi metrykalne, prowadzone w języku rosyjskim, posiadały identyczną strukturę rubrykalną i te same elementy treści, które uwzględniano wcześniej w księgach spisanych po polsku.

I. Księgi metrykalne chrztów parafii grodzieńskich – notacje, spisy alfabetyczne ochrzczonych

W księdze metrykalnej chrztu (liber baptisatorum), prowadzonej w języku rosyjskim, notacja zajmowała dwie strony, bowiem zawierała więcej rubryk niż we wcześniejszych księgach prowadzonych w języku polskim. Poszczególne rubryki zawierały następujące informacje: pierwsza rubryka – nazwisko ochrzczonego dziecka (lub nazwisko rodziców w formie liczby mnogiej), druga – numer aktu metrykalnego, trzecia podwójna – płeć dziecka, czwarta podwójna – datę urodzin i datę chrztu, piąta – informację: kiedy, gdzie i kto ochrzcił dziecko, szósta – pochodzenie społeczne rodziców, imiona i nazwisko rodziców, nazwisko rodowe matki, parafia i miejsce narodzin dziecka, w siódmej – imiona i nazwiska rodziców chrzestnych (czasami dodatkowo przy chrzcie dzieci szlacheckich, sporadycznie mieszczańskich, imiona i nazwiska asystentów, którymi byli mężczyźni), czasami pochodzenie społeczne,

nieobligatoryjnie rubryka ósma (na ogół pusta) zatytułowana *Рукоприкладство свидетелей записи по желанию*, czyli podpisy świadków/rodziców chrzestnych [2, 217–234].

We wszystkich notacjach obligatoryjnie wskazywano pochodzenie społeczne rodziców dziecka (mniej konsekwentnie rodziców chrzestnych zwłaszcza pochodzenia chłopskiego), w przypadku szlachty dodatkowo nazwy wykonywanych zawodów (szczególnie stopni wojskowych), pełnionych funkcji, piastowanych godności, np. Parafia Farna 1885: *Дворянъ Статскаго Совѣтника Ивана и Софіи изъ Олдаковскихъ Каленкевичевъ законныхъ супруговъ дочь…*[karta 15]*; Наборщика Болеслава и Юзефы Мрозовскихъ Ринкевичевъ законныхъ супруговъ дочь…* [k. 7]*; Забилетнаго фельдфебеля Мартина и Антонины изъ Ласовъ Павлючиковъ законныхъ супруговъ дочь…* [k. 7]*; Подпоручика 101 пѣхотнаго Пермскаго полка Осипа и Алины-Маріи изъ Окушковъ Юхневичевъ законныхъ супруговъ дочь…* [k. 9]*; Надворнаго Совѣтника Владислава и Емиліи урожденной Бильспинъ Трояновскихъ законныхъ супруговъ дочь…* [k. 12]; *Титулярнаго Совѣтника Владислава и Валеріи изъ Эсьмонтовъ Гедройціовъ, законныхъ супруговъ сынъ…* [Bernardyńska 1885, k. 74].

Są to bardzo ważne informacje zarówno dla badaczy historyków, socjologów, jak i onomastów.

Oryginalne przykłady fragmentów notacji chrztu (zapisane w rubrykach 5, 6, 7):

Parafia Zaniemeńska-Franciszkańska 1875, k. 151v-152

Тысяча восемсотъ семдесятъ пятого года Апрѣля двадцатого дня въ Занеменскомъ Гродненскомъ Римско-Католическомъ Францишканском приходскомъ костелѣ окрещено дитя по имени Анна ксендзомъ Флорияномъ Лавничемъ ордена св. Францишка съ совершеніемъ всехъ обрядовъ таинства.

Крестьянъ Осипа и Анны съ Курчевскихъ Сенкевичевъ законныхъ супруговъ дочъ, родившаяся сего года и месяца девятнадцатого дня в деревнѣ Камионке.

Восприемніками были Осипъ Добржецкій съ Анною Добржецкою дѣвицею.

Akty metrykalne chrztów i alfabetyczne roczne wykazy ochrzczonych zawierają bogactwo nazw osobowych w postaci różnorodnych zestawień. W poszczególnych okresach stosowano różne sposoby identyfikacji rodziców i rodziców chrzestnych. Imiona ochrzczonych dzieci były podawane odpowiednio w polskiej lub rosyjskiej (cerkiewnej) wersji językowej, np. Выписи метрической книги Гродненской Фарной Римско-Католической приходской церкви. Часть первая О родившихся съ 1. числа января месяца 1876. года.

Алфавитъ: *Будкевичъ Іосифъ, Бернатовичъ Анна, Бондаровъ Брониславъ, Будлевскій Александръ, Бычьчинская Софія, Бѣлявская Анна, Бугайскій Владиславъ, Бондарова Бронислава.*

Алфавитъ къ Выписи изъ метрической книги о родившихся и крещенныхъ в Занеменско-Гродненскомъ Римско-Католическомъ Францишканскомъ приходскомъ костелѣ въ 1875 году: *Бяла Анѣля Антоновна, Буйко Константинъ Антоновичъ, Воронюковна Михалина Осиповна, Витуль Антонъ сынъ Анны, Вашкевичъ Антонъ Викентьевичъ, Витулевна Антонина Антоновна, Витуль Казимиръ Степановъ, Гринчель Павелъ Клементьевъ, Гибульска Антонина Антоновна.*

Notowano urodzenia nieślubne, np. *Незаконнороженная дочь родившаяся сего года Марта 13 д. въ деревнѣ Зарицъ сего прихода* [Farna 1885, k.10].

W księgach prowadzonych po rosyjsku polskie określenie *szlachcic* lub *szlachetnie urodzony* zastąpiono nominacją *дворянин* lub *благородный*; *mieszczanin* (we wcześniejszych polskich księgach *sławetny*) zyskał identycznie brzmiący odpowiednik *мещанин, chłop* (też *pracowity*) ma odpowiednik *крестьянин*. O skonwencjonalizowaniu tego elementu treści świadczy fakt, że występuje zarówno w księgach prowadzonych w języku polskim, jak i rosyjskim, i wówczas gdy są inne określenia wskazujące na pochodzenie, piastowany urząd czy posiadany stopień wojskowy czy nazwę zawodu itd., np. *Дворянъ Осипа и Маріи урожден. Демидовичевны Шимановскихъ..., Крестьянъ Андрея и Аполони съ Гацкевичевъ Кървяковъ законныхъ супруговъ...* [Franciszkańska 1875, k. 22]; *Дворянъ Статскаго Совѣтника Ивана и Софіи изъ Олдаковскихъ Каленкевичевъ…* [Franciszkańska 1885, k. 15]; *Дворянъ Антона-Владислава и Теофили-*

Елены урожденной Езерской Блажеевскихъ законныхъ супруговъ сынъ родившийся 1879. года Декабря 7. дня въ г. Гроднѣ тогожъ Прихода [Farna, k. 3]; *Предмѣщанъ Исидора и Петронели урожденной Быльчинскихъ Гудчинскихъ законныхъ супруговъ дочь, родившаяся сего 1880 года Января 13. дня въ деревни Грандзичахъ тогожъ Прихода* [Farna, k. 4].

Z obowiązujących wzorców wynika, że należało podawać zawód wszystkich głównych uczestników ceremonii bez względu na stan społeczny, w praktyce spełnianie tego zalecenia odnosiło się głównie do szlachty, ponieważ ważne urzędy piastowała głównie szlachta.

II. Księgi metrykalne ślubów parafii grodzieńskich – notacje, spisy alfabetyczne

W notacji metrykalnej ślubu (Liber matrimonium) zasadniczo powinny być odnotowane: imiona i nazwiska obojga nowożeńców, ich stan cywilny, społeczny lub zawodowy, a także imiona i nazwiska ojców obojga nupturientów, miejsce zamieszkania, imiona i nazwiska świadków wraz z ich tytulaturą stanową, zawodem, urzędem i miejscem zamieszkania, informacja o ogłoszonych trzech zapowiedziach [6, 100]. Księgi były tytułowane na wzór: *Выписи метрической книги Занеменско-Гродненской Францишканской Римско-Католической приходской церкви. Часть вторая О бракосочетавшихся. съ 1 числа Мьсяца Января 1880 года*; przykład notacji z księgi ślubów w zapisie rubrykalnym:

Parafia Zaniemeńska-Franciszkańska 1875 k. 22

Nr	Число вѣнчанія?	Когда? гдѣ? и по коликократномъ оглашеніи венчалъ бракъ?	Какихъ именно новобрачныхъ, какого состоянія, званія, возраста и прихода?	Кто по имении и прозваніи родители новобрачныхъ и кто поручатели или свидетели?
3	9	Тысяча восемъсотъ семъдесятъ пятого года февраля девятого дня в Занеменско-Гродненском Францишканском Римско-Католическом Приходском Костелъ ксендзъ Петръ Стецкевичъ по троекратномъ оглошеніи изъ коихъ первое 26 Января второе 2 и третье 9 февраля сего года предъ народомъ собравшимся на литургию сдѣлана.	Кресьянина Осипа Кървяка юношу 24 летъ съ крестьянкою Кристиной Зезюлевною лльвицею 33 летъ обеихъ съ деревни Каміонка тогож прихода прихожанъ по сдѣланіи предварительного строгого на письме изъяснительного исследованія о препятствияхъ къ бракосочетанію и по неоткрытіи никакихъ равно по изъявленному отъ обѣихъ лицъ взаимному согласию внесенным знаками обнаруженному.	Крестьянъ Андрея и Аполони съ Гацкевичевъ Кървяковъ законныхъ супруговъ сына съ крестьянъ Матвия и Катерины съ Сурмачовъ Зезюлевъ законныхъ супруговъ дочерью бракомъ сочеталъ и въ меце... костела торжественно побогославилъ въ присутсвіи вѣры достойныхъ свидѣтелей Осипа Кървяка Михаила Шока Викентія Шевелинского и многихъ другихъ при том находящихся.

Informacja zawarta w poszczególnych rubrykach metryk ślubu jest adekwatna do pytań, które stanowią tytuły rubryk. Biorąc pod uwagę wzorcowy formularz aktu ślubu można stwierdzić, że w przypadku świadków na ogół nie podawano informacji o wykonywanym zawodzie, piastowanym urzędzie i miejscu zamieszkania. Zwracano zaś uwagę na tytulaturę stanową zwłaszcza w przypadku warstw uprzywilejowanych, arystokracji, szlachty, bogatego miejskiego patrycjatu.

Od 1875 r. zaczęto sporządzać alfabetyczne spisy poślubionych w danym roku (znajdujące się zazwyczaj na końcu, wyjątkowo na początku wykazu notacji z danego roku). Tytuły wykazów były zróżnicowane, np.

Алфавитъ метрическимъ выписямъ о бракосочетавшихся за 1876 годъ по Фарному Римско-Католическому приходскому Костелу, *Алфавитный Списокъ лицамъ вступившимъ в бракъ въ 1875 году*; *Алфавитъ о бракосочетавшихся за 1895 годъ*.

Spisy prowadzone w poszczególnych parafiach różnią się zasobem elementów treści. Udało się ustalić kilka sposobów imiennego zapisu osób zaślubionych: nazwisko i imię mężczyzny oraz nazwisko panieńskie i imię kobiety lub w odwrotnej kolejności – imię i nazwisko panieńskie (czasami w rubrykach), np. *Варнавскій Степанъ съ Лозовской Іозефой, Левкевичъ Петръ съ Обуховскою Уршулею* [Franciszkańska 1875, k. 50]; tylko nazwisko w dopełniaczu l. mn., np. *Бубеновъ, Башкевичей, Борковскихъ, Бѣлевичей, Бугайскихъ, Бродовскихъ* [Farna 1900].

III. Księgi metrykalne zgonów parafii grodzieńskich - notacje, spisy alfabetyczne

Księgi zmarłych (libri mortuorum) zawierały z reguły trochę węższy zakres informacji niż księgi chrztów i ślubów. Powinny były uwzględniać: imię i nazwisko zmarłej osoby dorosłej, wiek oraz stan cywilny, społeczny, zawód czy urząd (w przypadku dzieci zazwyczaj podawano tylko imię i inne dane dotyczące ojca dziecka); miejsce zamieszkania zmarłego (wiek osób dorosłych odnotowywano w latach, a dzieci także w miesiącach i tygodniach), przyczynę śmierci, miejsce pochówku [por. 6, 101].

W niektórych analizowanych notacjach zgonu można stwierdzić brak nazwy parafii i brak informacji o przyjęciu świętych sakramentów. Nie zawsze podawano przynależność społeczną uczestników ceremonii. Analiza większej ilości egzemplifikacji prawdopodobnie pozwoliłaby zaobserwować inne drobne odstępstwa od przyjętego wzorca lub też zgodność z obowiązującym formularzem.

Podobnie jak w przypadku chrztów i ślubów, od 1875 r. zamieszczano w księgach wykazy alfabetyczne zmarłych w danym roku, np. *Алфавитъ къ Выписямъ метрической книги Занеменско-Гродненскаго Римско-Католическаго Францишканскаго приходскаго костела о умершихъ в 1875 году*, *Алфавитъ умершимъ Гродненскаго по Бернардинскаго римско-католическаго приходскаго Костлела за 1900 годъ.*

Roczne spisy zawierały, np.

Nazwisko i imię zmarłej osoby, np. *Бутримовичъ Войтехъ, Бѣлявская Казиміра, Воеводскій Анатолій, Дорошкевичей Петръ* [Bernardyńska 1900]; *Борейша Юзефа, Бѣньскій Феликсъ, Борковскій Владиславъ, Буйкевичъ Иванъ Карлъ, Блажукъ Бригида* [Farna 1900]. Nazwisko i imię w połączeniu z nazwą utworzoną od imienia ojca (czyli otčestwo), np. *Анисько Адамъ Карловичъ, Буйко Константинъ Антоновичъ, Іежевска Анна Осиповна* [Franciszkańska 1875, k. 514-515v].

W aktach metrykalnych chrztów, ślubów i zgonów parafii grodzieńskich znalazła odzwierciedlenie charakterystyczna dla ówczesnego społeczeństwa niższa pozycja społeczna kobiet, a mianowicie:

1) W notacjach metrykalnych chrztów, jeśli matka chrzestna była mężatką obowiązkowo podawano nazwisko, czasami też imię męża; w alfabetycznych spisach urodzonych w danym roku obok nazwiska i imienia ochrzczonego dziecka dość często podawano imię ojca lub utworzoną od tego imienia formę odojcowską (np. *Свислоцкий Александръ сынъ Фомы*,

Урбанъ Болеславъ Бенедиктовъ), imię matki bardzo rzadko. W ceremonii chrztu dzieci szlacheckich obok chrzestnych czasami uczestniczyli asystenci, którymi byli mężczyźni.

2) W alfabetycznych wykazach poślubionych w danym roku w niektórych parafiach (???? podawano tylko nazwisko i imię nowożeńca. Kobiety nie uczestniczyły też w ceremonii zaślubin jako świadkowie.

3) W notacjach metrykalnych zgonów w przypadku zmarłego dziecka należało podać informację, kto był ojcem; jednakże z analizy zapisów wynika, że czasami podawano nazwisko i imiona obojga rodziców.

Księgi metrykalne stanowią znakomite źródło wiedzy na temat społeczeństwa Grodzieńszczyzny w okresie przynależności do Cesarstwa Rosyjskiego. Ze względu na chronologię źródeł i zasób materiału księgi metrykalne są bezcenne z punktu widzenia prac historyczno-demograficznych, stratygrafii społecznej, badań socjologicznych i onomastycznych.

Literatura

1. Dacewicz, L. Księgi metrykalne dekanatu Białystok, Grodno i Sokółka z II połowy XIX w. jako źródła do historii społeczeństwa polsko-wschodniosłowiańskiego pogranicza / L. Dacewicz // Archiwalne dziedzictwo. Białostockie Studia Historyczno-Kościelne XVIII / Szot A. – Białystok, 2017. – C. 77–89.
2. Dacewicz, L. Stabilność konwencji w tekstach ksiąg metrykalnych w zaborze rosyjskim / L. Dacewicz // Konwencja i kreacja w tekstach kultury / M. Karwatowska. – Chełm, 2016. – C. 217–234.
3. Gordziejew, J. Socjotopografia Grodna w XVIII wieku / J. Gordziejew. – Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2002. – 341 c.
4. Grodno w XVIII wieku. Miasto i ludność (na tle trendów rozwojowych od średniowiecza do 1939 roku) / A. Woltanowski i J. Urwanowicz. – Białystok, 1997. – 206 c.
5. Kotecki, R. Rejestracja metrykalna wiernych w świetle potrydeckiego ustawodawstwa kościoła katolickiego / R. Kotecki // Nasza Przeszłość. – 2009. – №112. – C. 65–66.
6. Kuklo, C. Demografia Rzeczpospolitej Przedrozbiorowej / A. Rachuba i S. Górzyński. – Warszawa: DIG, 2009. – 521 c.
7. Kurpas, J. Początki ksiąg metrykalnych / J. Kurpas // Archiwa, Biblioteki i Muzea Kościelne. – 1961. – № 2. – C. 5–41.
8. Гардзееў, Ю. Магдэбургская Гародня / Ю. Гардзееў. – Гародня – Wrocław: Гарадзенская Бібліятэка, 2008. – 383 с.
9. Гародня X–XX стст. Каралеўскі горад з правінцыйным лёсом / А. Краўцэвич [і інш.]; рэд. А. Смалянчук, Гародня: Гарадзенская Бібліятэка, Wrocław: Kolegium Europy Wschodniej im. Jana Nowaka-Jeziorańskiego, 2014. – 514 с.

Źródła

1. Выписи метрической книги Гродненской Фарной Римско-Католической приходской церкви. Часть первая О родившихся съ 1. числа января месяца 1876 года (і 1848, 1880, 1885).
2. Выписи метрической книги Гродненской Занеменско-Францишканской Римско-Католической приходской церкви. Часть первая О родившихся. съ 1го числа мьсяца Января 1875 года. (і 1885).
3. Выписи метрической книги Гродненской Бернардинской Римско-Католической приходской церкви. Часть первая. О родившихся. Съ 1го числа мьсяца Января 1852 года. (і 1885).
4. Выписи метрической книги Гродненской Фарной Римско-Католической приходской церкви. Часть вторая О бракосочетавшихся. Съ 1го числа мьсяца Января 1976 года. (і 1900).
5. Выписи метрической книги Гродненской Занеменско-Францишканской Римско-Католической приходской церкви. Часть вторая О бракосочетавшихся. Съ 1го числа мьсяца Января 1875 года.
6. Выписи метрической книги Гродненской Занеменско-Францишканской Римско-Католической приходской церкви. Часть третья О умершихъ. Съ 1го числа мьсяца Января 1875 года.
7. Выписи метрической книги Гродненской Бернардинской Римско-Католической приходской церкви. Часть третья О умершихъ. Съ 1го числа мьсяца Января 1900 года.

А.А. Дерунова
Минский государственный лингвистический университет
e-mail: derunovaa@gmail.com

УДК 811.161.3’373(091)

Состав и функции антропонимов в «Рэестры путных баяр Полацкага ваяводства 1585 г.»

Ключевые слова: *антропонимы, старобелорусский язык, реестр, путные бояре, Полоцк.*

В статье анализируются состав и функции антропонимов, зафиксированных в памятнике деловой письменности старобелорусского языка «Рэестры путных баяр Полацкага ваяводства 1585 г.», устанавливается количество имен собственных, определяется их структура, способы образования, степень адаптации христианских имен на восточнославянской почве.

A.A. Derunova
Minsk State Linguistic University

The composition and functions of anthroponyms in the «Register of worthy bayars of Polatsk vaivodstva of 1585»

Key words*: anthroponyms, Old Belarusian language, register, worthy boyars, Polotsk.*

The article analyzes the composition and functions of anthroponyms, recorded in the monument of business writing of the Old Belarusian language "Register of worthy bayars of Polatsk vaivodstva" of 1585, establishes the number of proper names, determines their structure, methods of formation, the degree of adaptation of Christian names on East Slavic soil.

«Реестр путных бояр Полоцкого воеводства 1585 г.» как исторический источник был опубликован в 2009 году историком В.А. Ворониным [3]. Этот документ следует отнести к числу памятников старобелорусской деловой письменности, то есть к тому периоду языковой эволюции, когда восточнославянские языки существовали уже как самостоятельные. Реестр – это список, перечень, роспись [5, вып. 21, 133], достаточно простой документ, в котором ведется только пересчет людей, земель или недвижимости. В названии документа присутствует двусловное наименование *путные бояре.* Это название определенной социальной группы было известно еще в XIV веке и называло бояр, имеющих в своем управлении какую-либо территорию и получавших с нее доходы [5, вып. 21, 63]. Следовательно, реестр путных бояр должен был содержать перечень таких людей Полоцкого воеводства. Именно поэтому названный памятник письменности дает материал для лингвистических исследований по истории формирования белорусских имен, фамилий и прозвищ, т.к. в нем представлен поименной перечень определенной социальной группы людей на определенной территории и в определенное время.

В предисловии к изданию с исторической точки зрения уточняется понимание наименование *путные бояре.* Автор указывает, что это военные слуги, категория крестьянства, которая выполняла военные обязанности. Эта социальная группа занимала промежуточное положение в белорусском обществе во времена Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, но была достаточно многочисленной и играла в некоторых регионах (на приграничных территориях) заметную роль [3, 5–6].

В реестре в основном приводится перечень путных бояр, но упоминаются в нем и другие крестьяне, которые давно живут на этих землях или пришли в эти земли недавно. Это связано с высокой мобильностью населения в этом приграничном районе, особенно в военное время [3, 12].

Как указывает Н.В. Бирилло, белорусская антропонимическая система формировалась в период XV–XVIII вв. на основе антропонимической системы, сложившейся в процессе общей восточнославянской письменной практики. В этом отношении XVI в. (время составления исследуемого реестра) особенно интересен, т.к. это период бурного развития деловой письменности, когда в деловую письменность проникают новые формы именования лица из разговорно-бытовой сферы, часто они были региональными средствами именования [2, 5].

В реестре зафиксировано 280 имен собственных. В основном в данный список внесены мужские имена, т.к. это перечень лиц, находящихся на военной службе. Женское имя в реестре зафиксировано только одно *Оксиня Корниловна Ивановна вдова жона Маслова*. В тексте дается пояснение, на каком основании она включена в перечень: вдова жона Маслова. Одно имя зафиксирована как *Устиня Брузлиха*, однако составителями дается пометка, что можно читать как *Устиниян*.

По структуре антропонимы представляют собой двухкомпонентные единицы, построенные по определенным моделям. Всего в реестре находим 261 единицу (94%) из 278 мужских имен. В двусловных названиях на первом месте находится личное имя, а на втором – компонент, который может характеризовать человека по какому-либо признаку. Чаще всего в исследуемом материале таким признаком выступало имя отца.

Среди всех двусловных компонентов наиболее многочисленной является группа наименований (133 единицы), в которой вторым компонентом является патронимическое имя на **-ович, (-евич):** *Яков Михалковичъ, Левон Пилипович, Панфило Гридковичъ, Самсон Тарасович, Хома Григоревичъ, Васко Никипорович, Роман Агришанович, Яков Федотовичъ, Микита Иванович, Сава Андреевичъ, Захаря Игнатовичъ, Гаврило Михалковичъ* и др. Второй компонент в составе этих наименований является отчеством, а не фамилией [2, 288]. Образованы патронимы в основном от личного имени отца, но нам встретилось несколько наименований, которые образованы от имени-прозвища отца: *Левон Волкович, Тарас Гвоздович, Осташко Горелковичъ, Лукянъ Мишковичъ, Исакъ Цыгановичъ*.

Указанные патронимы употреблялись у белорусов при назывании всех социальных групп [4, 18]. В реестре находим этому подтверждение в виде приписок к имени: *Микипор Корниловичъ, старец; Самсон Тарасович, мужикъ их; … принели оселост чоловеков 3, люди прихожие, порубежцы, меновите … Овдоким Гаврилович*.

Второй по численности является группа антропонимов на **-ов (-ев)** (67): *Улас Гарасимов, Петрушка Данильев, Манко Еремеев, Игнат Оверков, Ермолъ Риковъ, Яким Трепачов, Иван Андреев, Данило Тимошков, Артемъ Данилковъ, Остапко Семеновъ, Иван Максимов* и др. К этой же группе присоединяется группа антропонимов на **-ин** (14): *Ходор Микулин, Созон Микулин, Борис Минин, Осташко Микитин, Янко Литвин, Якубко Литвин, Исакъ Сковородин, Михалко Захаринъ, Ян Литвин, Гаврило Максютин* и др., т.к. они образуют вместе с патронимами с суффиксами -ов (-ев) однотипные слова от аналогичных основ, выбор форманта в которых зависит от конечного элемента основы [4, 18]. Такие патронимы могли образовываться не только от имени отца, но и от имени-прозвища, образованного от слов из разных семантических групп: *Яков Бобров, Овсеи Дощарев, Контратъ Кохоновъ, Нестер Пастухов, Дмитръ Жолудов, Петръ Трухоновъ, Яким Трепачов*.

Третью группу составляют антропонимы, в которых второй компонент образован от имен-прозвищ (29): *Васко Весна, Семен Болох, Иван Пригара, Кузма Шолыга, Андреи*

Потапъ, Иван Болбека, Яков Летун, Иван Поповка, Микита Москал, Пилимон Решетник, Васко Лисица, Янъ Лопот, Михалко Пуга, Ермол Болдыш, Гарасим Борода, Сидор Ландикъ, Ходор Хмел и др. Прозвища, которые получали восточные славяне, разнообразны по своему составу, происхождению. Прозвище призвано было выразить ту особенность поименованного, которая оказывалась социально значимой. Так, часть прозвищ могла указывать на внешность (*Борода*), происхождение (*Москал*), особенности характера (*Лисица, Кошка, Летун*), время рождения (*Весна*), ремесло (*Решетник, Лопот, Горончар, Пуга*) т.п.

Показательно, что в реестре среди зафиксированных имен присутствует только одно имя с патронимом на -ский: *Якуб Висковскии*. Первоначально носителями таких имен были представители дворянства, которые получали свои имена по названиям княжеств и земельных наделов. Затем они широко распространились среди всех слоев населения. Такие названия могут указывать и на конкретный населенный пункт, из которого походит человек, и на общую характеристику носителей рода [4, 19]. Среди представителей путных бояр, крестьянства, носителей таких антропонимов практически не наблюдается.

Зафиксированы также и нерегулярные патронимы на -ец: *Курило Гусинец, Тимофеи Гусинец, Кондратъ Кожинец*; на -ко: *Ермолъ Деревко, Марко Малышко, Лазар Терешко*; на -енок: *Микула Шевеленок*.

Трехкомпонентные имена составляют всего лишь 6% (18 имен): *Сопрон Иванович Зябка, Олексэи Василевич Зябка, Дмитръ Гарасимович Грудина, Мартин Овсяников Михнович, Созон Алексеевичъ Красныи, Семен Павловичъ Шатер, Иван Опанасов Зеновев, Семен Андреевич Сатана, Ходор Андреевич Моско, Ониско Ивановичъ Чагадаи, Павлюк Оверков Быкович, Охромеи Матеевич Дуброва, Ониско Прокопович Сивоха, Гридко Даниьлев Голтяевъ, Семен Игнатович Козел, Иван Матфеевич Зябка, Максим Парфилович Москал, Олексеи Мартинович Житников*. В таких наименованиях на первом месте находится собственное имя, на втором – патроним, на третьем – патроним или имя-прозвище.

Большинство антропонимов, зафиксированных в реестре, кроме имени как такового, чаще всего призваны передать наименование, которое отвечает на вопрос *чей.* Это значит, что значительная часть старобелорусских, а затем и просто белорусских фамилий возникали как притяжательные прилагательные. В некоторых примерах еще отражается происхождение таких фамилий: *Ходор Микулин сын, Игнат Володин сын, Ходор Курилов* сын и др.

Попытаемся проанализировать состав зафиксированных в реестре имен собственных. Значительную часть из них составляют имена, которые можно назвать каноническими, т.е. максимально приближенными по виду к тем, которые пришли к восточным славянам вместе с введением христианства. Это *Андреи, Борис, Иван, Максим, Матфеи, Мартин, Мина, Моисей, Павел, Петръ, Семен, Степан, Тимофей, Харитон* и др.

Состав имен собственных показывает, что часть из них употреблены в вариантах, переживших звуковую и грамматическую адаптацию на восточнославянской почве. Это значит, что в именах появлялись свойственные старобелорусскому языку звуки (например, *Пилимон* вместо *Филимон*, *Ходор* вместо *Федор*, *Улас* вместо *Влас*, *Никипор* вместо *Никифор*), а также то, что возникали «местные» варианты имен (например, *Марко* вместо *Марк*, *Гаврило* вместо *Гавриил*), которые появлялись в результате более значительных изменений в структуре имени в процессе их бытования в народе. Именно поэтому в памятниках письменности встречаются вместе с официально-юридическими формами имени и их региональные и орфографические варианты, которые проникали в официальные сферу из разговорно-бытовой [1, 13–14]. В реестре выделяется группа имен, в которых произошли фонетические изменения: *Гарасим* (*Герасим* традиционно-церковная форма), *Лазар* (*Лазарь*), *Левон* (*Леон*), *Лукянъ* (*Лукиан*), *Микита* (*Никита*), *Пилимон* (*Филимон*), *Овдоким* (*Евдоким*), *Олексеи* (*Алексей*), *Пилип* (*Филип*), *Радивон* (*Радион*), *Сава* (*Савва*), *Самсон* (*Сампсон*), *Созон* (*Созонт*), *Сопрон* (*Софрон*), *Ходор* (*Феодор*), *Хлор* (*Флор*), *Хома* (*Фома*). В части имен произошли фонетико-морфемные изменения,

которые привели к изменению структуры имени: отпадение конечного -ий/ -й в именах греческого и латинского происхождения (*Прокоп* (*Прокопий*), *Тарас* (*Тарасий*), *Опанас* (*Афанасий*), *Дмитръ* (*Дмитрий*), *Антон* (*Антоний*) *Ермол* (*Ермолай*), *Артем* (*Артемий*), *Исак* (*Исакий*), *Игнат* (*Игнатий*)); отпадение -ия (*Малах* (*Малахия*) *Ананя* (*Анания*)); добавление конечного -о/-а (*Марко* (*Марк*), *Гаврило* (*Гавриил*), *Данило* (*Даниил*), *Мануило* (*Мануил*)).

Некоторые имена получили несколько изменений и стали сильно отличаться от исходных традиционных церковных вариантов: *Авлас* (*Авласий*), *Ермакъ* (*Ермолай*), *Демешко* (*Дамиан*), *Дорошко* (*Дорофей*), *Кузма* (*Косма*), *Манко* (*Мануил*), *Мелех* (*Емельян*), *Нефед* (*Мефодий*), *Овсеи* (*Евсевий*), *Олехно* (*Александр*), *Отрохим* (*Трофим*), *Охромеи* (*Ефрем*), *Панфило, Ходос* (*Феодосий*).

В реестре, несмотря на то, что это официальный документ, зафиксировано много имен в эмоционально-оценочной или уменьшительной форме: *Васко, Дашко, Иванко, Ивашко, Иванушак, Павлюк, Михалко, Манушко, Осташко, Ониско, Степанко, Тимошко, Тишко, Хролко, Федко, Фешко, Якубко, Юрка, Янко, Яшко*. Они составляют 22% от всех зафиксированных имен.

Представлены в данном памятнике старобелорусской письменности и имена из католического календаря: *Ян, Якуб, Яков*. Всего 5 % от общего количества имен.

В именнике путных бояр сохранились и имена-прозвища, которые восходят к дохристианским славянским временам: *Вакула, Каркa, Карпъ, Коско, Ложко, Курило, Орешко, Овсянко, Сахар*. Однако в общем количестве имен их процент не велик (4%).

Как видно из приведенных примеров, имен, подвергшихся изменениям, значительное количество. Если включать в этот список имена, употребленные в эмоционально-оценочной и уменьшительной форме, то их общее количество составляет 77% от всего именника. Имена, которые употребляются в своей канонической форме, составляют 22%. Можем сделать вывод, что к XVI в. христианские имена широко использовались среди славянского населения не только в своей канонической форме, но и в ассимилированной, приобретшей фонетические, орфографические, морфологические черты старобелорусского языка, тем самым став более привычными для славян.

Таким образом, зафиксированные в Реестре путных бояр антропонимы разнообразны по своему составу и виду. Среди путных бояр Полоцкого воеводства были распространены двусловные наименования лица, в которых первым компонентом выступало собственное имя, а вторым – патроним. 48%, 24% и 5% составляют патронимы с формантами -ович (-евич), -ов (-ев), -ин. 10% – патронимы, образованные от имени-прозвища. Двусловные наименования в реестре использовались для наиболее полной идентификации личности, т.к. арсенал однословных личных имен был ограничен. Другими словами, антропонимикон старобелорусского языка полоцкого региона, если судить по составу и виду его единиц, однозначно двигался по тому пути, который привел белорусов к современному именованию человека.

Литература

1. Бірыла, М.В. Беларуская антрапанімія: Уласныя імёны, імёны-мянушкі, імёны па бацьку, прозвішчы / М.В. Бірыла. – Мінск: Навука і тэхніка, 1966. – 326 с.

2. Бірыла, М.В. Беларуская антрапанімія: Прозвішчы, утвораныя ад апелятыўнай лексікі / М.В. Бірыла. – Мінск: Навука і тэхніка, 1968. – 508 с.

3. Варонін, В.А. Рэестр путных баяр Полацкага ваяводства 1585 года / В.А. Варонін. – Мінск: РІВШ, 2009. – 50 с.

4. Мезенка, Г.М. Беларуская антрапанімія: вуч. дап. / Г.М. Мезенка, Г.М. Дзеравяга, В.М. Ляшкевіч, Г.К. Семянькова. – 2009 г. – 238 с.

5. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Рос. акад. наук. Ин-т русс. яз. им. В.В. Виноградова / гл. ред. Г.А. Богатова. – М.: Наука, 1975 – 2002. – 26 вып.

О.А. Климкович
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: olga-klimkovich@mail.ru

УДК 811’373.23:930(476.5)’15’

Именования лиц в витебских документах XVI века

Ключевые слова: *деловой текст, акт, тестамент, именование, собственное имя, антропоним, структура имени, устойчивое сочетание.*

В статье рассматриваются особенности именования различных лиц в витебских духовных завещаниях конца XVI века, определяются типы именований по структуре, анализируются устойчивые сочетания многокомпонентных антропонимических конструкций именований.

V.A. Klimkovich
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

Naming of persons in Vitebsk documents of the XVI century

Key words: *business text, act, testament, naming, proper name, anthroponym, name structure, stable combination.*

The article examines the peculiarities of naming various persons in the Vitebsk wills of the end of the XVI century, defines the types of naming structure, analyzes stable combinations of multicomponent anthroponymic naming constructions.

Важным аспектом изучения языка деловых текстов эпохи средневековья является описание особенностей употребления в них собственных имен, как правило, антропонимов или топонимов. Исследование особенностей именования людей разного социального статуса в деловых текстах позволяет уточнить историю развития личных именований в языке, выявить региональную и жанровую специфику их употребления.

Изучение имен и названий в старорусских деловых памятниках эпохи средневековья осуществлялось в трудах С.Н. Смольникова [12], И.А. Кюршуновой [8], И.М. Ганжиной [1], Л.М. Городиловой [3], Е.Н. Ивановой [4], Н.В. Комлевой [6], И.А. Королевой [7], А.М. Неволиной [11] и др. Исследованию особенностей функционирования топонимов в старобелорусской деловой письменности посвящены работы И.Л. Копылова [5], О.В. Мицкевич [10], антропонимов – работы О.М. Ляшкевич [9], О.П. Голубович [2].

С.Н. Смольников называет два аспекта исторического исследования антропонимов: «1) с точки зрения языковых ресурсов, используемых для создания антропонимических номинаций (личные имена, отчества, фамилии и др.), истории их формирования и закрепления в языке и 2) с позиции описания функционирования индивидуальных именований человека в речи, их взаимодействия с языковой и речевой средой, взаимовлияния именований, их варьирования» [13, 1].

Цель представленной работы – рассмотреть особенности именований участников деловой коммуникации в витебских завещаниях XVI века. Материалом стали тексты актов, опубликованных в издании «Тастаменты шляхты і мяшчан Беларусі другой паловы XVI ст. (з актавых кніг Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі)». Тестаменты были вписаны в актовую книгу Витебского земского суда, поскольку «упісанне тастамента ў актавыя кнігі, згодна з тагачасным заканадаўствам, было абавязковым чынам, які пацвярджаў апошнюю волю чалавека і надаваў дакументу юрыдычную сілу» [ТБ, 17].

Из вписанных в актовую книгу завещаний методом сплошной выборки было извлечено 470 случаев употребления именований различных лиц. Для их анализа использовались описательный, сравнительный методы и элементы статистического метода.

Из 470 употреблений 323 случая – это употребление мужских имен и 147 случаев – это употребление женских имен.

По структуре среди мужских имен определяются такие группы, как:

1) однословные, состоящие только из имени мужчины *(Адамъ, Федоръ (№ 34), Иванъ (№ 36))* или только из фамилии *(Стаховских, Бобоедова (№ 37);*

2) двухсловные, включающие в себя имя и фамилию *(Стефан Роскии (№ 35), Филипъ Голубъ, Иванъ Гуторъ (№ 37)),* имя и отчество *[Дмитръ] [Иванович] (№ 35);*

3) трехсловные, в состав которых входит имя, отчество, фамилия *(Мартинъ Wлексеевич Совеиковски, Гурка Микитинича Совеиковского, Стефана Тимофеевича Лускины, Семену Wстафъевичу Станкевичу (№39), Иван Наркович Подвинскии (№40);*

4) четырехсловные *Данил Харкович Бирѣля Белыницкии (№ 39).*

Среди употребляемых женских имен в витебских завещаниях XVI века по структуре определяются следующие группы:

1) однословные, состоящие только из имени женщины *(Ганъна, Марына а Настасьа (№ 34)* или состоящие из одной фамилии *[кне]жною Лукомскою (№ 44);*

2) двухсловные, состоящие из указания имени и отчества *Маръ Михаиловна (№ 39),* имени и фамилии *Марыне Совѣнъце (№ 37), Дорота Линчевскаа (№ 41), ... Любку Шыбечанкѣ (№ 42);*

3) трехсловные *Ганъне Глебовьне Шапъчаньце, Настасьи Федоровои Богомолъцовои (№ 34), Полагея Тимофеевьна Селезневна (№ 37) Тотѣанѣ Ивановнѣ Кухъмистровьну (№ 36),* с обратным порядком слов *Анъдреевую Невелскои ... Зофеи (№ 38), ... Щасное Шолтоносовое Полонеи, ... Александровое Нешичиное Зофеи (№ 48);*

4) четырехсловные *дочкѣ мою Зофею Стефановьнѣ Миколаевѣю Хреновьскѣю (№ 47), Марина Заньковна Lѧнова Кгарлинская (№ 48);*

5) пятисловные и шестисловные: *Борисоваѫ Подвинскаѫ Ганна Андреевна Коптевича (ТБ, № 40), Марина Занковна Гурковна Lѧнова Воитеховича Кгарлинскаа (№ 48).*

Среди изученных имен можно найти как номинативные варианты (транскрипционные, фонематические и грамматические) одного слова-онима, так и номинативно-эквивалентные разные слова-онимы, в основе возникновения которых лежит словообразовательная модификация [12, 9]. К номинативным вариантам слова-онима следует отнести такие случаи, как *Татьѣана – Татѣана – Тотьѣане – Тотѣану (ТБ № 36), Кате[ри]не – [Кате]рына (ТБ, № 43), Александер – Александро (№ 48), Аброжеи – Амброжеи (№ 40, 41*), *Олену – Wлену (№ 48).* К номинативно-эквивалентным разным словам-онимам относятся *Маря – Марына (ТБ, № 46).*

Для витебских актов, как и для любых деловых текстов, стилистически значимым является не столько структурная характеристика используемых имен, сколько использование многокомпонентных антропонимических конструкций именований, в которых имя лица распространялось за счет использования этикетных формул, указания социального статуса, рода занятий, места проживания, которые, по замечанию Е.Н. Ивановой, «являются средством создания определенной номинации» [4, 9].

Среди лиц, названных в завещаниях, значимыми являются три группы: 1) составитель завещания; 2) адресаты завещания (как правило, это родственники, которым переходит собственность); 3) гаранты выполнения распоряжений завещателя.

Лингвистическое оформление имени составителя завещания было связано с той частью текста, где оно находилось. Когда имя завещателя упоминалось первый раз, использовалась конструкция, в которую были включены, как правило, трехсловные мужские антропонимы, стандартные устойчивые сочетания *рабъ Божыи, рабъ Божьи и Христа*

Его, грешныи человек, а также указания на социальный статус адресата и место. В одном из документов, оформленных от имени женщины, антропоним состоит из 6 слов (№ 48)*: Ѣ, рабъ Божыи Занько Шлехнович Хотимъскии, земенинъ г(о)с(по)д(а)рьскии повѣтъ Витебъского (№ 34). Ѣ, грешныи чоловекъ Щасныи Петровичъ Храновъскии, земенин г(о)с(по)д(а)рьскии воеводства Витебского (№ 41). Ѣ, Дмитръ Ивановичъ Шлизаровича, земенинъ г(о)с(по)д(а)рьскии воеводства Витебъского (№ 35). Ѣ, Марина Занковна Гурковна Ѣнова та Воитеховича Кгарлинская, земѧнка г(оспо)д(а)рьска та воеводства Витебского (№ 48).* Если имя завещателя далее упоминалось в тексте, употреблялся трехсловный или двухсловный антропоним: *Ѣ, Дмитръ Ивановичъ Шлизаровича, земенинъ г(о)с(по)д(а)рьскии воеводства Витебъского, … я, [Дмитръ] [Иванович] (№ 35).* В этом случае при указании составителя завещания могли использоваться лексемы *вышпродречоныи, верхупомененыи.* Анализ текстов, которые были созданы в этот период в других регионах Беларуси, показывает, что употребление четырехсловных, пятисловных антропонимов при именовании женщины характерно для начальных конструкций завещаний.

Лингвистическое оформление именований адресатов завещания отличается значительной вариативностью. Обычно адресатами завещаний являются родственники завещателя. Для их именований используются конструкции с однословными / двухсловными / трехсловными мужскими и женскими антропонимами, которые распространяются за счет указания степени родственных отношений *сын, дочь, дочка, жона, жонухна, малжонка, малжонок, муж, брат, братанец, братанок, братья, сестра, сестренец, дети, внучата (унучата), внук (унук), унука, матка, зять, невестка,* употребления притяжательных местоимений *мои, свои, его, её, их,* указательного местоимения *тотъ,* прилагательных *большыи, меньшыи, рожоныи,* порядковых числительных *першыи, другои*, указания возраста детей *до летъ ихъ зуполныхъ, лет дорослыхъ,* местоимений *звышъпомененые, вышеипомененымъ: брата моего рожоного пана Семена Хотимского (№ 48), та малжонка мо Марына Тюлпанка (№ 46), сыномъ моим старшимъ, летъ дорослымъ, Ѣну а Миколаю Андреевичом Сивицъким (№ 38), сыномъ моимъ вышеипомененымъ Ѣну, Миколаю, Александръ, Юрю и Григорю Андреевичомъ Сивицкимъ (№ 38).* При именовании адресатов завещаний возможно употребление существительных *пан, пани, панна,* прилагательного *милый*: *тою малжонкою моею милою п(а)ни Галеною Михаиловною, кнѧжною Лукомскою (№ 45).*

Именования лиц, которые выступают гарантами исполнения воли завещателя (опекуны, свидетели), характеризуются значительной распространенностью. Они включают в себя устойчивые сочетания *их милости, его милости, добре сведоми, паны зацные, люди зацные, приятели мои,* указания социального статуса лица, места*: а при справованю того тестаменту моег(о) были люди зацные, и того бывучи добре сведоми их м(и)л(ости) земѧне г(о)с(по)д(а)рьские воеводства Витебъского пан Шпонасъ Иванович Мазоловскии, возныи г(о)с(по)д(а)рьскии воеводства Витебского, пан Данил Харкович Бирыля Белыницкии, а пан Иван Петрович Харковъскии, их м(и)л(о)сть тые люди зацные в семъ моемъ тестаменте вышъмененые на устною и шчевистою прозбу мою учинили, печати приложили свои власные (№ 39).* В таких случаях используются двухсловные, трехсловные антропонимы, употребляется лексема *пан: их милости людеи зацных земѧнъ г(о)с(по)д(а)рьских воево[дства] Витебъского, панов и приѧтел моих, его милости пана Р[а]дивона Анъдреевича, а пана Семена Занковича Хотимских, а п[ана] Ѣна Ильинича Ужиницкого (№ 36).* Отметим также, что употребление лексем *пан, пани, панна* фиксируется в 210 проанализированных именований из 470.

Анализ именований лиц в витебских завещаниях конца XVI века выявил следующее: 1) структура антропонимов в таких именованиях может включать в себя от одного

до шести компонентов, что обусловлено той частью документа, в которой встречалось именование, и иногда полом лица; 2) витебские документы фиксируют разнообразные варианты имени одного человека *Олену – Ѡлену, Маря – Марына* и др.; 3) состав антропонимических конструкций обусловлен тем, а) к какой группе относится человек (составитель, адресаты, гаранты); б) в какой части текста содержится упоминание об этом человеке.

Литература

1. Ганжина, И.М. Тверская антропонимия XVI в. в социально-историческом и лингвистическом аспектах (на материале тверских писцовых книг): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / И.М. Ганжина; Тверской госуд. ун-т. – Тверь, 1992. – 20 с.

2. Голубович, О.П. К вопросу об особенностях именования женщин в полоцкой деловой письменности XVI в. / О.П. Голубович // Материалы конференции «Современные технологии сельскохозяйственного производства»: XIII Международная научно-практическая конференция: в двух томах / Гродненский государственный аграрный университет. – Гродно, 2010. – Т. 2: Зоотехния. Ветеринария. Технология хранения и переработки. Общественные науки. – С. 341–343.

3. Городилова, Л.М. Некалендарные личные имена в деловой письменности Приенисейской Сибири XVII в. / Л.М. Городилова // Символ науки. – 2015. – № 11–12. – С. 80–87.

4. Иванова, Е.Н. Имена собственные в монастырской деловой письменности Белозерья конца XIV–XV вв.: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.Н. Иванова; Вологодский госуд. пед. ун-т. – Вологда, 2006. – 23 с.

5. Капылоў, І.Л. Тапанімія беларускіх дзелавых помнікаў XV–XVIII стст., аўтарэф. дыс. … канд. філал. навук : 10.02.01 / І.Л. Капылоў; Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа НАН Беларусі. – Мінск, 2001. – 20 с.

6. Комлева, Н.В. Антропонимия вологодских памятников официально-деловой письменности конца XVI–XVII веков: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Н.В. Комлева; Вологодский госуд. пед. ун-т. – Вологда, 2004. – 24 с.

7. Королева, И.А. Из истории складывания русской антропонимической формулы именования Смоленском крае (по памятникам деловой письменности XVII века / И.А. Королева // Вестник Балтийского федерельного университета имени И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – 2018. – № 2. – С. 5–11.

8. Кюршунова, И.А. Личное имя как антропонимическая презентация человека в документах Карелии XV–XVII веков [Электронный ресурс] / И.А. Кюршунова. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/lichnoe-imya-kak-antroponimicheskaya-prezentatsiya-cheloveka-v-dokumentah-karelii-xv-xvii-vekov. – Дата доступа: 04.02.2022.

9. Ляшкевіч, В.М. Антрапанімная сістэма Віцебшчыны і Магілёўшчыны XVI–XVIII стст. (на матэрыяле мясцовай дзелавой пісьменнасці), аўтарэф. дыс. … канд. філал. навук 10.02.01 / В.М. Ляшкевіч; Віцеб. дзярж. ун-т імя П.М. Машэрава. – Мінск, 2004. – 20 с.

10. Міцкевіч, В.У. Тапанімія «Рѣвизіи пущь и переходовъ звѣриныхъ въ бывшемъ великомъ княжествѣ литовскомъ…»: лексіка-семантычны і структурна-граматычны аспекты, аўтарэф. дыс. … канд. філал. навук: 10.02.01 / В.У. Міцкевіч; Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа НАН Беларусі. – Мінск, 2011. – 23 с.

11. Неволина, А.М. История антропонимов в разных типах тотемской деловой письменности конца XVI–XVII вв.: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / А.М. Неволина; Вологодский госуд. пед. ун-т. – Вологда, 2011. – 22 с.

12. Смольников, С.Н. Функциональные аспекты исторической антропонимики: (на материале деловой письменности Русского Севера XVI–XVII веков): автореф. дис. … д-ра. филол. наук: 10.02.01 / С.Н. Смольников; Санкт-Петербургский гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2005. – 40 с.

Источники

ТБ – «Тастаменты шляхты і мяшчан Беларусі другой паловы XVI ст. (з актавых кніг Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі)» / склад.: А.Ф. Аляксандрава, В.У. Бабкова, І. М. Бобер; Нац. гіст. архіў Беларусі. – Мінск: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2012. – 736 с.

И.А. Королева
Смоленский государственный университет
e-mail: innakor@mail.ru

УДК 81.411.2-314

Лексикографирование фамилий Смоленского края

Ключевые слова: *лексикографирование, фамилия, Смоленский край, некрестильное имя, этимология.*

В статье рассматриваются фамилии, образованные от некрестильных имен, собранные в Смоленской области и описанные в Словарь фамилий Смоленского края. Кратко представлен также материал о лексикографировании фамилий России.

I.A. Koroleva
Smolensk State University

Lexicography of the names of Smolensk Territory

Key words: *lexicography, surname, Smolensk region, uneventful name, etymology.*

The article discusses the surnames formed from non-residential names collected in the Smolensk region and described in the dictionary names of Smolensk Territory. The material about lexicography of the names of Russia is also briefly represented.

Сегодня многими учеными ставится вопрос о составлении Сводного словаря русских фамилий и фамилий, бытующих в России. Так, в 2008 году в Институте языкознания РАН совместно с Международным институтом генеалогических исследований был издан первый выпуск словарного проекта «Фамилии России», в который включено описание 200 фамилий из программы «Российские династии» [7]. В то же время исследователи не сомневаются, что для того, чтобы детально представить складывание и функционирование системы русских фамилий в общегосударственном масштабе, составить по возможности наиболее полный и объемный Сводный словарь, необходимо всесторонне рассмотреть региональные фамильные системы, ибо, несмотря на известную общность фамилий в России, в каждой местности имеется определенные особенности и отличия: действуют различные структурные модели фамилий, встречаются именования с диалектными основами, наблюдается различная частота бытования типов фамилий и отдельных наиболее распространенных фамилий и т.д.

В некоторых областях ведется серьезная работа по изучению местных фамилий. Так, в Вологде Ю.И. Чайкиной издан Словарь вологодских фамилий [8], в Перми Е.Н. Полякова при поддержке Международного научного фонда Сороса опубликовала Словарь пермских фамилий [4]; лексикографируются рязанские, тверские, поволжские, донские, сибирские фамилии....

Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ) и Администрация Смоленской области еще в середине 2000-х гг. поддержали работу по составлению и изданию Словаря фамилий Смоленского края [2], в котором описана фамильная система Смоленщины, западного, пограничного с Республикой Беларусь региона России. Сразу же подчеркнем, что антропонимия Смоленского края представляет собой интересную и весьма своеобразную систему, во многом сформированную под влиянием сложных исторических судеб региона, который в прошлом длительное время вместе с белорусскими и украинскими территориями входил сначала в состав Великого княжества Литовского, а затем Речи Посполитой. Довольно пестрые в языковом отношении смоленские говоры, имеющие

много общих черт с белорусским языком и его говорами, серьезные миграционные процессы среди населения Смоленщины вплоть до последнего времени не могли не найти отражения в корпусе смоленских фамилий. Еще в XIX веке известный собиратель имен и прозвищ священник М.Я. Морошкин писал: «Где молчат хроники и исторические памятники, там начинает говорить одно слово; там, где безмолвствуют саги, начинают повесть собственные имена» [3, 6]. Исследование фамилий Смоленщины – своеобразная «летопись» края, его «история в словах».

Безусловно, один словарь не в состоянии (учитывая ограниченный объем) вместить все фамилии, бытующие в Смоленском крае. Естественно, одна из главных задач – разработать критерии отбора антропонимического материала для лексикографирования. Мы выделили для описания следующие группы фамилий: 1) фамилии, образованные от редких форм крестильных имен (АМЕЛЮШИН, ЗЕНОВ и т.п.); 2) фамилии, образованные от некрестильных имен (типа ЗЫБИН, КОШЕЛЕВ, ОПЕКУШИН и др.); 3) фамилии, образованные от названий профессий (БОЧАРОВ, ГЛАДИЛЬНИКОВ, ЛУЧНИКОВ и т.п.), описание основ которых позволяет представить себе картину социально-экономической жизни Смоленского края в прошлом; 4) фамилии, образованные от географических названий (ВЯЗЕМСКИЙ, ДУБРОВСКИЙ, ТВЕР(Е)ИТИНОВ и др.), ибо фамилии с оттопонимическими основами – живое свидетельство истории миграционных процессов различного рода, и по их истории можно в какой-то мере судить, откуда приезжали на жительство в Смоленский край переселенцы; 5) фамилии, образованные от этнических названий (ПОЛЯКОВ, ТУРЧИНЮК, УКРАИНЦЕВ и пр.) – по их основам можно представить себе состав населения Смоленщины в различные эпохи; 6) фамилии, образованные от названий, указывающих на социальное положение именуемого и его должность (БУРМИСТРОВ, КУПЦОВ, СОВЕТНИКОВ и др.); 7) фамилии, образованные от женских имен (АННУШКИН, ПАРАШКИН и др.), учитывая особое положение женщин в древнерусском и среднерусском обществе и редкую фиксацию подобных образований; 8) фамилии бывшего смоленского шляхетства (собранные по памятникам письменности), сохранившиеся до настоящего времени (МИРОЕВСКИЙ, ПЕНТКОВСКИЙ, СТАНКЕВИЧ и др.) – их лексикографирование особенно интересно для описания и исследования общности русских, белорусских и польских фамилий; 9) фамилии известных смоленских дворянских родов (ОЗЕРОВЫ, ПОТЕМКИНЫ и пр.), что позволяет гораздо шире показать культурно-исторический фон дореволюционной эпохи. В настоящей статье мы представляем описание фамилий второй означенной группы.

Фамилии, образованные от некрестильных имен и прозвищ

Во многих современных фамилиях зафиксированы старые славянские имена и их формы; те имена, которые существовали на Руси до принятия христианства. Часто их называют *прозвищными,* ибо они очень похожи на наши современные прозвища, система которых сохраняет традиционные способы номинации. Естественно, эти имена не могли даваться при крещении, так как не входили в святцы и не были приняты церковью. Они продолжили свое существование в быту, как говорили, «в миру», использовались долго (еще в XVII веке) для семейного общения. Наши предки зачастую активнее употребляли некрестильные имена, чем крестильные, так как эти обозначения были проще и понятнее человеку: отражали различные свойства людей, их поведение, характер, особенности речи, физические достоинства или недостатки, время и очередность появления ребенка в семье, черты, которые родители хотели видеть в новорожденном, и т.д. (**Беляй**, **Губан**, **Ждан**, **Картавка**, **Нечай**, **Озорнушка**, **Смирка**, **Суббота**, **Третьяк**, **Ушак**, **Чернобровка, Чертушка** и т.п.). Некрестильные имена ярче, чем малознакомые, непривычные церковные, выделяли носителя, позволяли его идентифицировать в бытовом общении. В системе старых имен отражались обычаи и традиции предков, верования, понятия о мире. Так, например, часто имена давались «от сглаза, от порчи», были знаками-оберегами, чтобы отводить от ребенка злые

силы: получил малыш имя **Злоба** – все плохое будет уходить с произнесением имени, а останется в его жизни только хорошее; назвали мальчика **Некрас** – вырастет красивым, **Нелюб –** любимым и т.д.

Некрестильные имена так же, как и крестильные, могли быть популярными или редкими. Так, имена **Ждан, Истома, Любим, Первуша, Третьяк** и некоторые другие широко бытовали по всем русским территориям, а такие, как **Незамай** ***«не трогай»,*** **Неумыт(ь)ка, Плюск** ***«сквернослов»*****, Харахора** ***«хвастунишка»,*** **Шевкун** ***«картавый»*** и т.д. были малоупотребительными, часто региональными.

Все некрестильные имена имели полные и уменьшительные формы, и, естественно, в настоящее время есть фамилии, образованные и от тех, и от других: ЖДАНОВ, ЖДАНКИН, ЖДАНЦОВ, ЖДАНЕЦ, ЖДАНОВИЧ, ЖДАНЯ; ПЕРВЫЙ, ПЕРВУША, ПЕРВУШИН, ПЕРВУШКИН, ПЕРВЕНЦЕВ, ПЕРВЕНЕНОК, ПЕРВУНИН и т.п. Уменьшительные некрестильные имена были очень разнообразны, и часто не всегда точно можно было определить, какому имени «принадлежит» уменьшительная форма; кроме того, многие из бытовавших некрестильных имен и их форм по звуковому комплексу могли совпадать с крестильными именами и их формами, что затрудняет мотивировку отдельных фамилий, которая может быть разной даже у однофамильцев: ЕЛКИН < 1) **Ёлка < елка** ***«дерево»***; 2) ум. форма имен типа **Елизар, Елисей**; ПАПИН < 1) **Папа < папа** (прозвищное имя); 2) греч. **Папа, Папий** ***«папа, папочка»***; СЕРКОВ < 1) **Серко (Серый)** ***«пепельный»***; 2) ум. форма имени **Сергей**; ХАРИН < 1) **Харя < харя** ***«лицо»***; 2) ум. форма греч. имени **Харитон** ***«щедрый»*** и пр.

Точную этимологию таких фамилий в индивидуальном бытовании можно определить только опираясь на факты, документы, семейные предания, поэтому мы по возможности даем разные версии.

В словаре, естественно, мы не смогли представить все фамилии, образованные от некрестильных имен и их форм, – таких фамилий на Смоленщине десятки тысяч. Отбирались для описания те, в основах которых имена, имеющие много производных, часто с региональными суффиксами, а также фамилии с диалектными основами. Диалектный характер таких именований подтверждается проверкой по ономастическим словарям XIX–XX вв., историческим словарям и антропонимическим исследованиям. Хотя, безусловно, широкие миграционные процессы в России обусловливают такое же широкое распространение фамилий по всем территориям страны и даже за ее пределами. Так, в основе фамилии ПАДЕРИН лежит прозвищное имя **Падера** с северной и сибирской диалектной основой **падера** ***«пурга, вьюга, снежная буря»*** [1, т. 111, 7], а фамилия известна и на Смоленщине, и в Москве, и, возможно, в других регионах. Или, например, фамилии ЗАЗУЛИН, ЗАЗУЛЬКИН, ЗАЗУЛЬКО, ЗОЗУЛИН образованы на основе *смоленского* диалектного **зазуля** ***«кукушка».*** Встретились нам и различные фонетические варианты, мотивированные разным произношением слова в говорах: ЗЕЗЮЛЯ (**зезюля** ***«кукушка»),*** ЗЯЗЮЛИН (**зязюля** ***«кукушка»),*** ЗУЗУЛИН (**зузуля** ***«кукушка»*** – отражена сильная лабиализалия **О**, имеющая место на Смоленщине и на Западной Брянщине) [1, т.1, 676; 6, вып. 4, 136]. Одновременно же нами засвидетельствовано бытование фамилии ЗАГОСКИН, образованной от олонецкого **загоска** ***«кукушка»*** [1, т. 1]. ЗАГОСКИНЫ известны среди пермских фамилий, но Е.Н. Полякова, исследовательница антропонимической системы края, не отметила фамилию ЗА(Е,Я)ЗЮЛИН. Укажем попутно, что в древнерусском языке были известны со значением ***«кукушка»*** совсем другие слова – **зегзица, зегозица, зогзица, зегула** [5, вып. 5, 368]. Одна старая основа в современных смоленских фамилиях нами обнаружена – ЗЕГУЛИН. Как видим, само слово ушло из языка, но осталось жить в фамилии. Безусловно, такие антропонимы наиболее ценны для изучения – ведь по их основам мы можем значительно восполнить словарный состав русского языка прошлых эпох.

Словарная статья в Словаре фамилий Смоленского края строится по следующей методике.

Приводится алфавитный ряд фамилий, имеющих, по мнению автора, общую этимологию.

Дается некрестильное имя, легшее в основу этих фамилий, в полной форме; в случае необходимости приводятся - для ясности образования отдельных фамилий ряда – формы имени, засвидетельствованные письменными источниками. Если имя восстанавливается теоретически, то при нем имеет место знак (*).

Затем описывается этимология имени, причем под цифрами даются различные возможные апеллятивы (имена нарицательные) и их значения. Первым приводится слово (если оно есть), отмеченное в исторических источниках (в основном по Словарю русского языка XI–XVII вв. или Региональному историческому словарю Смоленского края XVI–XVIII вв.), затем материал из Словаря Даля, Словаря русских народных говоров, Словаря смоленских говоров и т.д. Везде по возможности указывается территория бытования имен нарицательных, источников имен собственных.

В каждой словарной статье предлагаются все возможные интерпретации фамилии, включая мнения (по отдельным фамилиям) известных ученых-антропонимистов (В.А. Никонова, Б.О. Унбегауна, Ю.И. Чайкиной, И.М. Ганжиной и др.), разумеется, со ссылкой. Список трудов по антропонимике прилагается.

Отдельно мы выделили фамилии, образованные от тюркских личных имен, так как в XV–XVII в.в. эти имена нередко употреблялись и среди русских, поэтому от них образовывались фамилии, также достаточно распространенные по многим русским регионам, в том числе и в Смоленском крае.

Приводим примеры словарных статей на букву **-З- (сокращения сохранены).**

ЗАЛОМАЕВ, ЗАЛОМИН, ЗАЛОМОВ < **Заломай, Залом(а) <** 1) **заломай, заломчивый** ***«гордый», «запрашивающий высокую цену»***; 2) **заломайка** ***«пьянчужка»*** (костр.) (Даль); 3) **заломъ** ***«спутанные колосья в поле колдуном с целью сглазить урожай»*** (смол.) (Добровольский)

ЗАМЯТИН, ЗАМЯТНИН, ЗАМЯТНЯ < **Замятня < 1) замятня** ***«беспокойство, замешательство»*** (Срезневский); 2) ***«метель»*** (СлРЯ XI-XVII вв.)

ЗАНИН, ЗАНКОВ < **Заня, Занко <** 1) **зань** ***«привычка»*** (астрах.) (Даль) 2) стар. редк. **Усфазан** (?); 3) **Захар(ий)**; 4) **Александр**

ЗАЦЕПИН, ЗАЧЕПА, ЗАЧЕПИН < **Зацепа, Зачепа < зацепа (зачепа)** ***«задира, забияка»*** (без места) (Даль)

ЗЕЛЕПУГИН, ЗЕЛЕПУХИН < **Зелепуга <** 1) **зелепуга** ***«незрелая ягода, плод»*** (смол., пск., калуж., орл.) (СРНГ); 2) перен. **Зелепуга** ***«малолетка»*** (совр. смол. прозвище)

ЗОЛИН < ***Зола <** 1) **зола** (СлРЯ XI-XVII вв.); 2) перен. **зола** ***«вздорный, придирчивый человек»*** (курск., влад., нижегор.) (СРНГ); 3) ср.**золкий** ***«ледяной, пронизывающий»*** (смол.) (ССГ)

ЗУЕВ, ЗУЙ, ЗУЙКОВ < **Зуй, Зуйко <** 1) **зуй** ***«птица-кулик»*** (СлРЯ XI-XVII вв.); 2) перен. ***«задира, озорник»*** (без места) (Даль)

ЗЫБАЛИН, ЗЫБОЛИН, ЗЫБОЛОВ, ЗЫБОЛОВИЧ < ***Зыбал(а), Зыбол(а) < зыбала** **"долговязый"*** (твер.) (Даль)

ЗЫБИН, ЗЫБКИН < **Зыба, Зыбка < зыба, зыбка** ***«колыбель»*** (смол.) (ССГ), (сев. и вост.) (Даль)

ЗЫЗИН < ***Зыза < зыза** ***«косоглазый»*** (зап.) (Даль)

ЗЫК, ЗЫКАЛОВ, ЗЫКИН, ЗЫКОВ, ЗЫКОВИЧ, ЗЫКУНОВ, ЗЫКУШКИН < **Зык(а) <** 1) др.-русск. **зык** ***«звук, шум, гул, крик»*** (СлРЯ XI-XVII вв.); 2) **зыка** ***«рева, плакса»*** (ряз.), **зыкало, зыкун, зыкуша** ***«крикун»*** (костр., пенз. и др.) (Даль); 3) ср. **зыкать** ***«резвиться, бегать (о человеке)»*** (смол.) (ССГ)

ЗЬЯЛО < **Зьяло < зеять, зиять, зьять** ***«сиять, сверкать, блестеть»*** (смол., вят., перм., свердл., тобол.) (СРНГ, Добровольский)

ЗЮЗИН, ЗЮЗЬКИН, ЗЮЗЬКО, ЗЮЗЮКИН < **Зюзя < зюзя** 1) ***«плакса»***; 2) ***«пьяница»***; 3) ***«разиня»***; 4) ***«плохой человек»*** (без места) (Даль); 5) ср. **зюзюкать** ***«говорить; шептаться»*** (смол.) (ССГ).

Литература

1. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – М., 1956. – Т. I–IV.
2. Королева, И.А. Словарь фамилий Смоленского края / И.А. Королева. – Смоленск, 2006. – 266 с.
3. Морошкин, М.Я. Славянский именослов, или Собрание славянских личных имен в алфавитном порядке / М.Я, Морошкин. – СПб., 1867. – 325 с.
4. Полякова, Е.И. К истокам пермских фамилий: словарь / Е.Н. Полякова. – Пермь, 1997. – 276 с.
5. Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. С.Г. Бархударов. – М.: Наука, 1978. – Вып. 5. – 392 с.
6. Словарь смоленских говоров / Смоленский пед. ин-т им. Карла Маркса; под ред. А.И. Ивановой. – Смоленск, 1985. – Вып. 4. – 156 с.
7. Фамилии России / В.В. Астраханцев и др.; отв. ред. А.В. Суперанская; Росийская акад. наук, Ин-т языкознания, Междунар. ин-т генеалогических исслед. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2008. – Вып. 1. – 213 с.
8. Чайкина, Ю.И. Вологодские фамилии: Словарь / Ю.И. Чайкина; Вологод. гос. пед. ин-т. – Вологда: Русь, 1995. – 121 с

И.Я. Кураш
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: irinakurash79@mail.ru

УДК 811.161.1’373.2(476)

О некоторых аспектах исследования ономастикона старообрядцев

Ключевые слова: *региональная ономастика, Белорусское Поозерье, островные русские говоры, старообрядчество, ономастикон, синхрония, диахрония.*

В статье выявляются особенности старообрядчества как конфессиональной группы, обосновывается необходимость детального описания и лингвистической интерпретации именной системы в синхронии и диахронии, определяются возможные направления исследования в рамках полиаспектного подхода для полного изучения такого уникального явления, как именник старообрядцев, населявших Белорусское Поозерье.

I.Ya. Kurash
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

Some aspects of the Old Believers onomasticon studies

Key words: *regional onomastics, Belarusian Lake district, insular Russian dialects, Old Believers, onomasticon, synchrony, diachrony.*

The article reveals the features of the Old Believers as a confessional group, substantiates the need for a detailed description and linguistic interpretation of the nominal system in synchrony and diachrony, identifies possible research directions within the framework of multi-aspect approach for a complete study of such a unique phenomenon as the name of the Old Believers who inhabited the Belarusian Lake district.

В научной традиции начала XXI повышается интерес к изучению особенностей отдельных групп населения, характеризующихся этнической, территориальной или конфессиональной общностью. Критерий территориальной общности лежит в основе регионалистики, в рамках которой отдельные регионы изучаются с позиций географической, исторической, юридической, культурологической и лингвистической наук.

Стремительные изменения, происходящие в социуме, миграционные процессы, уменьшение числа сельских жителей, исчезновение деревень, нивелирование национальных, конфессиональных, культурных различий делают особенно актуальным изучение региональных лингвистических явлений как свидетельств истории народа, его самобытного культурного наследия. Неотъемлемой частью культуры и языка народа является система собственных имен, поэтому «разработка проблем региональной ономастики – одна из перспективных областей лингвистики: региональные описания онимии становятся приметой нашего времени» [2, 30].

Специфическим объектом исследования региональной ономастики как части региональной лингвистики является Белорусское Поозерье. Регион, достаточно разнородный в этническом отношении, граничит с Россией, Латвией и Литвой, западная его часть испытывала значительное польское влияние, поэтому при изучении ономастического пространства необходимо учитывать экстралингвистические факторы, среди которых одно из первых мест занимает конфессиональный. Связано это с тем, что в различных христианских конфессиях долгое время именно церковные традиции определяли набор имен и их вариантов и условия имянаречения. Локальные именники были строго организованными системами со своими традициями и преемственностью в развитии.

Среди населения Белорусского Поозерья и Беларуси в целом одной из наиболее интересных в этом отношении являются группы старообрядцев.

Старообрядчество как религиозное течение сформировалось в середине XVII в. Рассматривая старообрядчество в сравнении с другими ересями и церковно-реформаторскими движениями, развивающимися от стадии доктрины, учения к стадии общественного движения, исследователи отмечают важную особенность старообрядчества: на первом этапе это была «общественная оппозиция церковным нововведениям, вовсе не опиравшаяся на свою «позитивную» программу или доктрину» [3, 11]. В начальный период ещё не решались мировоззренческие вопросы, все выступления направлялись в защиту церковной традиции, против реформ. В отказе от древлеправославного обряда старообрядцы увидели подрыв священных традиций христианства, и на этом фундаменте произошло построение отношений с окружающим миром, обществом, государством, что определило дальнейшее развитие движения.

Сложившаяся внутриполитическая ситуация, отношение властей к раскольникам вынудила массы людей искать необжитые районы, скрываться или переселяться на сопредельные земли, что давало им возможность сохранить семьи, имущество, старые обряды. Особенно благоприятным было переселение на земли Речи Посполитой, так как там раскол не считали ересью, а старообрядцев не подвергали гонениям [1, 66].

С.О. Шидловский отмечает, что в Беларуси по количеству староверов Витебская губерния занимала первое место. По официальным данным, в 1837 г. в Витебской губернии проживали 22 433 старовера, в 1840 – 38 425, в 1866 г. – 49 198, в 1912 г. – 92 374 [5, 34].

Притягательность этого религиозного течения как объекта исследования объясняется уникальностью заключенного в нем материала по целому ряду проблем древней народной идеологии, христианской книжности, общинным и семейным основам русской жизни, многочисленным проблемам материальной культуры и народного искусства.

Интерес исследователей к старообрядческой культуре в различных ее проявлениях привел к появлению множества работ по истории старообрядцев (А.А. Горбацкий,

А.Е. Катунский, Т.П. Короткая), культурологии (О.А. Новикова), этнографии (С.Е. Никитина, М.М. Белякова, Л.Н. Новикова) и лингвистике (А.Ю. Карпенко, А.Ф. Манаенкова, В.А. Саникович, Н.Е. Минина).

Как указывает руководитель Центра по изучению старообрядчества ИРЯ РАН Л.Л. Касаткин, язык этой конфессиональной группы представляет особую ценность для лингвистов, так как в нем «сохраняются многие древние языковые черты, утраченные говорами России из-за активной политики государства, направленной с 1930-х гг. на искоренение диалектных особенностей в языке крестьянства» [4].

Языковые особенности, получившие отражение в говорах старообрядческих поселений, расположенных на территории Беларуси, требуют своего детального описания и лингвистической интерпретации. Отметим также, что подобные исследования позволяют выявить не только древние языковые черты, характерные для русского языка, но и выявить некоторые особенности взаимодействия русского и белорусского языков на материале островных говоров.

В работах различного рода спорадически встречаются упоминания о собственных именах старообрядческого населения, однако они используются только в целях демонстрации характерных особенностей старообрядческого говора и культуры (например, в работах А.А. Горбацкого, Э.Л. Нитобурга, Н.Е. Мининой, М.М. Беляковой, Л.Н. Новиковой, С.Е. Никитиной). В описаниях диалектных систем нередко проводятся параллели между проприальной и апеллятивной лексикой, но эти упоминания встречаются лишь в иллюстративных целях и отличаются отсутствием системности в изложении и анализе. Таким образом, нет целостного исследования, которое могло бы описать всю систему собственных имен старообрядцев, определить ее своеобразие и культурную значимость отдельных элементов этой системы, хотя потребность в подобном анализе назрела давно.

Сбор материала для всестороннего исследования возможен несколькими путями: опрос жителей населенных пунктов, где проживает большое количество старообрядцев, обследование мест захоронений (как правило, в старообрядческих поселениях отдельные кладбища). Наиболее полную информацию можно почерпнуть из метрических книг старообрядческих церквей, в которых фиксировались случаи крещения, заключения браков и смертей. В настоящее время коллекция документов единоверческих и старообрядческих церквей Беларуси в фондах Национального исторического архива Беларуси содержит 556 единиц хранения, датированных 1868–1954 гг. В их состав входят метрические книги старообрядческих церквей Вилейского, Дисненского, Свенцянского уездов Виленской губернии, с 1921 года – Браславского, Дисненского, Поставского поветов Виленского воеводства, Новоалександровского уезда Ковенской губернии, Лепельского уезда Витебской губернии.

Столь обширный материал нуждается в подробном анализе, и ограничивать его рамками структурно-семантического подхода не представляется возможным. Необходима разработка дополнительных направлений исследования, отвечающих содержанию и специфике объекта.

Одним из направлений исследования именника старообрядцев может быть сопоставление с общебелорусской именной системой, с локальными старообрядческими именниками на территории других регионов Беларуси, России, Польши. Это позволит определить лингвогеографические особенности, выделить типичные черты, определить специфику онимии каждой территории, сделать вывод о возможных интерференционных процессах.

Диахроническое изучение именной системы старообрядцев даст возможность выявить особенности ее развития, степень изменения культурных традиций и традиций имянаречения на различных хронологических срезах. Особый интерес представляет

определение современного репертуара личных имен и фамилий старообрядцев и его систематизация, что, несомненно, будет важным для понимания современного состояния именника старообрядцев, степени влияния религиозных традиций и языкового окружения.

Безусловно, исследование личных имен имеет определенное культурно-историческое значение, является одним из источников изучения этнической истории и этнографии народа, миграционных процессов.

Знакомство с самобытным и мощным пластом старообрядческой культуры, оставившей след на белорусской земле, особенно ценно сейчас, так как дает возможность приобщиться к духовным ценностям своего народа, приблизиться к пониманию традиций прошлого. До недавнего времени практика унификации национальных и конфессиональных особенностей отрицала моральную силу религиозных традиций, однако вся история старообрядчества на Беларуси служит примером того, насколько важным для раскольников было сохранить «чистоту» веры, старый русский уклад быта. Закрытость и обособленность общин, браки только между одноверцами, неприятие нового и чуждого помогли староверам сохранить самобытность культуры, не ассимилироваться с белорусским окружением. Особое отношение к религии, неукоснительное соблюдение всех церковных обрядов, в том числе и традиции именования детей в соответствии с требованиями церкви позволило на долгое время сохранить именную систему в застывшем виде. Изучение собственных имен старообрядцев, живущих на территории Витебской области, дает возможность исследовать вопросы сохранности и развития островных говоров, их особенностей, появившихся в последние десятилетия фактов взаимодействия близкородственных языков.

Все специфические явления, которые находят отражение в именной системе старообрядческого населения, рассматриваются прежде всего как проявления своеобразия и оригинального характера, в которых и заключается культурная ценность системы собственных имен старообрядцев как элемента культуры народа.

Разнообразие фактического материала, обособленность островных говоров на территории одного региона, специфика диалектных черт требуют выработки особого, полиаспектного подхода для полного исследования такого уникального явления, как именник старообрядцев, населявших Белорусское Поозерье.

Литература

1. Гарбацкі, А.А. Стараабрадніцтва на Беларусі ў канцы XVII – пачатку XX стст. / А.А. Гарбацкі. – Брэст: Выд-ва Брэсцкага дзярж. ун-та, 1999. – 202 с.

2. Мезенко, А.М. Именослов Белорусского Поозерья в кругу ономастических исследований: проблемное поле, подходы, перспективы / А.М. Мезенко // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сб. науч. статей: материалы междунар. науч. конф., Витебск, 18 февр. 2016 г. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2016. – С. 27–30.

3. Новикова, О.А. Русское старообрядчество как культурный феномен: автореф. дис. … канд. культурологии: 24.00.01 / О.А. Новикова; Моск. Гос. ун-т культуры и искусств. – М., 2002. – 23 с.

4. Центр по изучению старообрядчества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ruslang.ru/department/centr-po-izucheniyu-staroobryadchestva – Дата доступа: 10.02.2022.

5. Шидловский, С.О. Этническая история Белорусского Поозерья / С.О. Шидловский // Этнокультурные процессы Белорусского Подвинья (Витебщины) в прошлом и настоящем / А. Вл. Гурко [и др.]; науч. ред. А. Викт. Гурко. – Минск: Беларуская навука, 2017. – С. 11–49.

А.А. Лукашанец
Нацыянальная акадэмія навук Беларусі,
Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа
e-mail: alukashanets2021@gmail.com

УДК 811.161.3’373.23

Глабалізацыя і праблемы сучаснай беларускай нацыянальнай іменаслоўнай практыкі

Ключавыя словы: *іменаслоўная практыка, нацыянальны антрапанімікон, варыятыўнасць, беларуска-рускае двухмоўе, глабалізацыя, арфаграфія, транслітарацыя*

У артыкуле разглядаюцца праблемы сучаснай афіцыйнай іменаслоўнай практыкі ў Рэспубліцы Беларусь з пункту гледжання лінгвістычных (асаблівасці беларускай і рускай арфаграфіі), нацыянальна-культурных (паралелізм беларускага нацыянальнага іменаслова, нацыянальныя традыцыі найменавання асобы), сацыялінгвістычных (беларуска-рускае дзяржаўнае двухмоўе), нарматыўных (сцецыфікка нарматыўнай рэгламентацыі запісу прозвішчаў, імён і імён па бацьку ў дакументах і іх транслітарацыі), глабалізацыйных (актуалізацыя іншанацыянальнага антрапанімікону ў беларускай нацыянальнай прасторы) фактараў.

A.A. Lukashanets
The National Academy of Sciences of Belarus
Yakub Kolas Institute of Linguistics

Globalization and problems of modern Belarusian national naming practice

Key words: *nominative practice, national anthroponymicon, variability, Belarusian-Russian bilingualism, globalization, spelling, transliteration*

The problems of modern official naming practice in the Republic of Belarus are considered in the article from the point of view of linguistic (features of the Belarusian and Russian orthography), national-cultural (parallelism of the Belarusian national anthroponymicon, national traditions of naming a person), sociolinguistic (Belarusian-Russian state bilingualism), normative (specifics of the regulation of the recording of surnames, names and patronymics in documents and their transliteration), globalization (actualization of the foreign anthroponymicon in the Belarusian national space) factors.

Іменаслоўная сфера займае вельмі важную і істотную частку камунікатыўнай прасторы любога нацыянальнага соцыуму. Гэта абумоўлена перш за ўсё тым, что з самага нараджэння любы чалавек атрымлівае ўласнае імя, якое суправаджае яго на працягу ўсяго жыцця. Акрамя таго, індывідуальнае ўласнае імя звычайна ўскладняецца дадатковымі кампанентамі, якія дазваляюць атаясамліваць асобу з бацькам (у беларускай традыцыі гэта імя па бацьку), а таксама з прыналежнасцю да пэўнага роду (прозвішча). Вельмі важнай акалічнасцю, якая пацвярджае важнасць іменаслоўнай сферы камунікацыі, з’яўляецца і тое, што ў сучасных умовах асабліва важна захоўваць аднастайнасць (ідэнтычнасць) іменаслоўнай формулы ідэнтыфікацыі асобы ва ўсіх афіцыйных дакументах (пасведчанні аб нараджэнні, пашпарце, дакументах аб адукацыі, заключэнні або скасаванні шлюбу, працоўнай кніжцы і пенсійным пасведчанні, дакументах, якія датычацца маёмасных, фінансавых і інш. адносін, пасведчання аб смерці). Акрамя таго, прынятая, напрыклад, у

Беларусі трохкампанентная формула афіцыйнай ідэнтыфікацыі асобы патрабуе захавання аднастайнасці прозвішча паміж блізкімі сваякамі (бацькамі, братамі і сёстрамі і г.д.), а таксама правільнай суадноснасці паміж уласным імем бацькі і прозвішчам у дакументах дзяцей. Усё адзначанае ўказвае на скаданасць сучаснай афіцыйнай іменаслоўнай практыкі і яе важнасць для кожнага члена соцыуму. Менавіта пагэтаму афармленне запісаў прозвішча, імя і імя па бацьку асобы, як правіла, рэгламентуецца абавязковымі для выканання нарматыўнымі дакументамі.

Для сучаснага беларускага соцыуму сфера афіцыйнай іменаслоўнай практыкі з'яўляецца выключна складанай, што абумоўлена цэлым шэрагам прычын, сярод якіх у першую чаргу неабходна назваць наступныя:

a) лінгвістычныя;

b) нацыянальна-культурныя;

c) сацыялінгвістычныя;

d) глабалізацыйныя;

e) нарматыўна-прававыя.

Лінгвістычныя фактары ў першую чаргу звязаны з асаблівасцямі беларускай і рускай арфаграфіі, якія ўплываюць на ідэнтыфікацыю запісаў у дакументах. Менавіта пры афармленні дакументаў істотнымі становяцца некаторыя перыферыйныя арфаграфічныя нормы беларускай і рускай арфаграфіі. Напрыклад:

недапушчальнасць напісання вялікай літары «**Ў**» (нескладовае) пасля галосных у пачатку беларускіх прозвішчаў, уласных імён і імён па бацьку: ***У**ладзімір **У**севаладавіч **У**ласевіч* (*Учора мы наведалі свайго настаўніка **У**ладзіміра **У**севаладавіча **У**ласевіча*);

абавязковасць пастаноўкі кропак над «**ё**» пры запісе па-руску прозвішчаў, імён і імён па бацьку: *Фёдоров Пётр Селивёрстович*. В цяперашняй афіцыйнай іменаслоўнай практыцы пры ідэнтыфікацыі ў дакументах адной і той жа асобы запісаў *Фёдоров* і *Федоров, Пётр* і *Петр, Селивёрстович* і *Селиверстович* патрабуецца абавязковае лінгвістычнае заключэнне.

Вельмі важнай для беларускай іменаслоўнай практыкі з'яўляецца праблема запісу па-беларуску рускіх прозвішчаў, імён і імён па бацьку і, наадварот, запісу па-руску беларускіх прозвішчаў, імён і імён па бацьку. Згодна з міжнароднымі стандартамі перадачы ўласных назваў сродкамі іншых алфавітаў у такіх выпадках павінна прымяняцца транслітарацыя. Аднак моўная кампетэнцыя беларускага соцыуму ва ўмовах блізкароднаснага двухмоўя і выкарыстанне ў пісьмовых беларускай і рускай мовах практычна адной і той жа графічнай сістэмы робяць непрымальным такі падыход. Так, запісы бел. *Дзмітрыеў* – рус. *Дзмитрыев*, бел. *Сяргей Міхайлаў* – рус. *Сяргей Михайлав*, рус. *Чичиков* – бел. *Чічіков*, рус. *Александр Коровин* – бел. *Александр Коровін* будуць успрымацца як арфаграфічна памылковыя. Відаць, з улікам блізкароднаснага характару двухмоўя і дастаткова высокага ўзроўню руска- і беларускамоўнай кампетэнцыі грамадства найбольш аптымальным у гэтым выпадку трэба лічыць прынцып практычнай транскрыпцыі, якая ўлічвае асаблівасці нацыянальнай арфаграфіі: бел. *Дзмітрыеў* – рус. *Дмитриев*, бел. *Сяргей Міхайлаў* – рус. *Сергей Михайлов*, рус. *Чичиков* – бел. *Чычыкаў*, рус. *Александр Коровин* – бел. *Аляксандр Каровін*.

Нацыянальна-культурныя фактары, якія адлюстроўваюць асаблівасці гістарычнага фарміравання і развіцця беларускага нацыянальнага антрапанімікону, з'яўляюцца надзвычай істотнымі для сучаснай беларускай іменаслоўнай практыкі. Сярод гэтых фактараў неабходна назваць:

а) актуалізаванасць некалькіх самастойных падсістэм хрысціянскіх па паходжанні імён: візантыйска-праваслаўная (найбольш набліжаная да рускай іменаслоўнай традыцыі), рымска-каталіцкая (у значнай ступені суадносная з польскай мовай), уласна народная (найбольш нацыянальна адметная). Мужчынскія і жаночыя імёны гэтых падсістэм

ужываюцца паралельна і могуць выкарыстоўвацца ў якасці афіцыйных (пашпартных). Параўн. суадносныя пары візантыйска-праваслаўных і рымска-каталіцкіх імён: *Фёкла* і *Тэкля*, *Фама* і *Тамаш*, *Іван* і *Ян*, *Іосіф* і *Юзаф* і інш. Побач з традыцыйнымі формамі праваслаўных імён *Анна*, *Аляксандр*, *Васілій*, *Генадзій*, *Анатолій*, *Пракопій*, *Якаў*, *Іосіф* ужываюцца народныя *Ганна*, *Алесь*, *Васіль*, *Генадзь*, *Анатоль*, *Пракоп*, *Якуб*, *Язэп* і інш. [1, 5]. У дадзеным выпадку для іменаслоўнай практыкі важна іх дакладнае размежаванне і строгая суадноснасць імён па бацьку ў дакументах з рэальным асабовым іменем, ад якога яны ўтвораны: *Аляксандр* (*Аляксандравіч*, *Аляксандраўна*) – *Алесь* (*Алесевіч*, *Алесеўна*), *Іван* (*Іванавіч*, *Іванаўна*) – *Ян* (*Янавіч*, *Янаўна*), *Фама* (*Фаміч*, *Фамінічна*) – *Тамаш* (*Тамашавіч*, *Тамашаўна*), *Васілій* (*Васільевіч*, *Васільеўна*) – *Васіль* (*Васілевіч*, *Васілеўна*), *Анатолій* (*Анатольевіч*, *Анатольеўна*) – *Анатоль* (*Анатолевіч*, *Анатолеўна*) і г.д. Таксама вельмі важна захоўваць адпаведнасць і суадноснасць гэтых імён пры перадачы іх па-руску: бел. *Аляксандр* (*Аляксандравіч*, *Аляксандраўна*) – рус. *Александр* (*Александрович*, *Александровна*), бел. *Алесь* (*Алесевіч*, *Алесеўна*) – рус. *Алесь* (*Алесевич*, *Алесевна*); бел. *Фама* (*Фаміч*, *Фамінічна*) – рус. *Фома* (*Фомич*, *Фоминична*), бел. *Тамаш* (*Тамашавіч*, *Тамашаўна*) – рус. *Томаш* (*Томашевич*, *Томашевна*), бел. *Васілій* (*Васільевіч*, *Васільеўна*) – рус. *Василий* (*Васильевич*, *Васильевна*), бел. *Васіль* (*Васілевіч*, *Васілеўна*) – рус. *Василь* (*Василевич*, *Василевна*) і г.д.

b) гістарычна сфарміраваную разгалінаваную сістэму вытворных форм імён. Параўн.: *Аляксандр – Алесь*, *Аляксанка*, *Алесік*, *Алеська*, *Алясюк*, *Аляхно*, *Алік*, *Алько*, *Лесь*, *Лесік*, *Леська*, *Лясько*, *Лясюк*, *Сан*, *Санік*, *Санюк*, *Санчук*, *Санюта*, *Саша*, *Сашко*, *Сашанька*, *Сашуня*, *Сашута*, *Сашура*, *Шура*, *Шурка*, *Шурык*, *Аля*, *Лёкса* [4, 23]; *Марыя – Марыйка*, *Марыша*, *Маруня*, *Муля*, *Маруся*, *Муся*, *Марута*, *Маруха*, *Маруша*, *Маня*, *Манюня*, *Манюся*, *Манюра*, *Манюта*, *Манюха*, *Машура*, *Мура*, *Машута*, *Мар'юха*, *Мар'юша*, *Марыля*, *Марыся*, *Мар'я* [4, 138]. У дадзеным выпадку недапушчальным з'яўляецца змешванне вытворных варыянтаў з іх пашпартным адпаведнікам пры афармленні дакументаў, якія належаць адной асобе, што асабліва ўласціва для рэдкіх асабовых імён, якія маюць абмежаванае тэрытарыяльнае распаўсюджанне, напрыклад, жан. *Генавефа* (*Генаэфа*, *Генуэфа*, *Гунэта*, *Гунэфа*, *Геня*) – рус. *Геновефа* (*Геноефа*, *Генуефа*, *Гунета*, *Гунефа*, *Геня*). Варта адзначыць, што распаўсюджанае на тэрыторыі Беларусі імя *Генавефа*, адсутнічае, як правіла, у сучасных слоўніках рускіх асабовых імён;

c) наяўнасць гістарычна сфарміраваных пар беларуска-рускіх адпаведнікаў асабовых імён: бел. *Мікалай* – рус. *Николай*, бел. *Мікіта* – рус. *Никита*, бел. *Рыгор* – рус. *Григорий*, бел. *Ганна* – рус. *Анна*, бел. *Настасся* – рус. *Анастасия* і інш. У сучаснай іменаслоўнай практыцы пры афармленні, напрыклад, пашпартаў гэтая суадноснасць імён, як правіла, захоўваецца, аднак пасля могуць узнікаць праблемы з ідэнтыфікацыяй гэтых запісаў. Відаць, зыходзячы з прынцыпаў транслітарацыі (практычнай транскрыпцыі), найбольш мэтазгодна дапускаць паралельнае функцыянаванне суадносных пар такіх імён з улікам напрамку транслітарацыі, што знаходзіць адлюстраванне ў апошніх слоўніках беларускіх асабовых уласных імён (гл., напрыклад [1]): бел. *Рыгор* (*Рыгоравіч*, *Рыгораўна*) → рус. *Ригор* (*Ригорович*, *Ригоровна*), рус. *Григорий* (*Григорьевич*, *Григорьевна*) → бел. *Грыгорый* (*Грыгор'евіч*, *Грыгор'еўна*).

Сацыялінгвістычныя фактары. Сітуацыя дзяржаўнага беларуска-рускага двухмоўя прадугледжвае афармленне важнейшых дакументаў, што сведчаць асобу (пасведчанне аб нараджэнні, пашпарт, дакументы аб адукацыі і інш), на абедзвюх дзяржаўных мовах. Гэтая акалічнасць таксама накладвае свой адбітак на афіцыйную іменаслоўную практыку. Па-першае, неабходна строга сачыць за выбарам неабходнага іншамоўнага адпаведніка імені (прыклады гл. вышэй). Па-другое, асаблівасці беларускага правапісу патрабуюць асаблівай увагі да перадачы па-беларуску рускіх прозвішчаў, паколькі часта іх беларускае напісанне залежыць ад месца націску: рус. *Болоше́нко* – бел. *Балашэ́нка*,

рус. *Болóшенко* – бел. *Балóшанка*, рус. *Борисенок* (Борисёнок) – бел. *Барысёнак*, рус. *Борисенóк* – бел. *Барысянóк*; рус. *Ермóлинская* – бел. *Ярмóлінская*, рус. *Ермолúнская* – бел. *Ермалíнская* і г.д.

Таксама трэба адзначыць, што менавіта беларускія вытворныя (размоўныя) варыянты асабовых імён часта знаходзяць сваё адлюстраванне і ў рускамоўных запісах (гл. вышэй прыклад *Геновефа*).

Глабалізацыйныя фактары, абумоўленыя інтэнсіўным пашырэннем міжнародных кантактаў, міграцыйнымі працэсамі і інш., у дачыненні да сучаснай беларускай нацыянальнай іменаслоўнай практыкі звязаны ў першую чаргу з істотным пашырэннем у краіне іншанацыянальнага антапанімікону, што патрабуе пошуку новых падыходаў, у тым ліку і нарматыўна-прававога плану, пры вырашэнні канкрэтных пытанняў, звязаных з афармленнем дакументаў іншаземных грамадзян і захаваннем іх нацыянальных іменаслоўных традыцый.

Праілюструем гэта на канкрэтных прыкладах са зваротаў грамадзян, аддзелаў ЗАГС Рэспублікі Беларусь у Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа па пытаццях напісання ў дакументах імён і прозвішчаў у адпаведнасці з нацыянальнымі традыцыямі.

Прыклад першы. Згодна з літоўскай нацыянальнай іменаслоўнай традыцыяй формы аднаго і таго ж прозвішча адрозніваюцца ў залежнасці ад полу асобы і характару сваяцкіх адносін. Напрыклад, прозвішча *Бейшыс* (рус. *Бейшис*) носяць асобы мужчынскага полу сям'і (муж, бацька, сын). Ад мужчынскага прозвішча *Бейшыс* / *Бейшис* утвараюцца прозвішчы асоб жаночага полу бел. *Бейшэне* / рус. *Бейшене* (прозвішча асобы жаночага полу – жонкі носьбіта прозвішча *Бейшыс*) і бел. *Бейшытэ* / рус. *Бейшите* (прозвішча асобы жаночага полу – дачкі носьбіта прозвішча *Бейшыс*).

Аднак згодна з Кодэксам аб сям'і і шлюбе Рэспублікі Беларусь (артыкулы 21, 69) [3] дзіцяці можа прысвойвацца толькі прозвішча бацькі або маці, г. зн. у прыведзенай вышэй сітуацыі толькі прозвішча бацькі *Бейшыс* або маці *Бейшэне*, і фармальна органы ЗАГС не могуць запісаць у пасведчанні аб нараджэнні прозвішча *Бейшытэ*. Аднак гэта супярэчыць нацыянальнай традыцыі, паколькі маленькая дзяўчынка ў такім выпадку будзе насіць або мужчынскае прозвішча, або прозвішча замужняй жанчыны. З заканадаўчага пункту гледжання гэтая праблема (часта псіхалагічна вельмі важная для носьбіта канкрэтнага прозвішча) магла б быць лёгка вырашана адной кароткай фразай у Кодэксе аб сям'і і шлюбе (... з улікам нацыянальнай іменаслоўнай традыцыяі...). Тым больш, што *Бейшыс*, *Бейшэне* і *Бейшытэ* рэальна з'яўляюцца формамі аднаго і таго ж прозвішча.

Прыклад другі. У адпаведнасці з нацыянальнай іменаслоўнай традыцыяй Афганістана у дакументе, што сведчыць асобу, ідэнтыфікацыйны запіс ажыццяўляецца наступным чынам: *Рамін Васім* (імя асобы) *Гулам Алі* (імя бацькі) *Хайдар Алі* (імя дзеда). Такі запіс у дакументе адпавядае трохкампанентнай формуле ідэнтыфікацыі асобы ў беларускай (рускай) іменаслоўнай традыцыі: *Рамін Васім* (асабовае імя) *Гулам Алі* (імя па бацьку) *Хайдар Алі* (прозвішча). Пры атрыманні гэтым грамадзянінам Афганістана віду на жыхарства ў Рэспубліцы Беларусь запіс у дакументе атрымаў наступны выгляд: *Гулам Алі* / *Гулам Али* (прозвішча) *Рамін Васім* / *Рамин Васим* (імя). Народжаныя ў Афганістане дзеці атрымалі іменаслоўную формулу *Мехран Элхам* (імя) *Рамін Васім* (імя бацькі) *Гулам Алі* (імя дзеда), а народжаныя ў Беларусі (у адпаведнасці з беларускай іменаслоўнай традыцыяй і нарматыўнымі патрабаваннямі) – *Гулам Алі* / *Гулам Али* (прозвішча) *Камран Бахрам* / *Камран Бахрам* (імя) *Рамінавіч* / *Раминович* (імя па бацьку). У выніку ўзнікла неабходнасць унясення змен у запісах дзяцей, народжаных у Афганістане: *Мехран Элхам* (імя) *Рамін Васім* (імя бацькі) *Гулам Алі* (імя дзеда) → *Гулам Алі* / *Гулам Али* (прозвішча) *Мехран Элхам* / *Мехран Элхам* (асабовае імя) *Рамінавіч* / *Раминович* (імя па бацьку).

Прыклад трэці. Праблема напісання па-беларуску іншамоўных мужчынскіх імён з канцавым этымалагічным ненаціскным «**о**» (*Alessandro, Alberto, Leonardo, Lorenzo, Roberto, Silvo*), якія па-беларуску павінны перадавацца як *Алясандра*, *Альберта*, *Леанарда*, *Ларэнца*, *Раберта*, *Сільва* (параўн. рус. *Алессандро*, *Альберто*, *Леонардо*, *Лоренцо*, *Роберто*, *Сильво*).

Аднак у такім выпадку яны будуць атаясамлівацца з адпаведнымі жаночымі імёнамі *Аляксандра* (*Alessandra*), *Альберта* (*Alberta*), *Леанарда* (*Leonarda*), Ларэнца (*Lorenzo*), *Раберта* (*Roberta*), *Сільва* (*Silva*), што можа ствараць пэўны маральна-псіхалагічны дыскамфорт для іх носьбітаў.

Прыведеныя прыклады з'яўляюцца добрай ілюстрацыяй істотнага ўскладнення сферы афіцыйнай іменаслоўнай практыкі, што патрабуе як лінгвістычнага, так і нарматыўна-прававога ўрэгулявання.

Нарматыўна-прававыя фактары іменаслоўнай практыкі, такім чынам, звязаны з рэгламентацыяй і ўніфікацыяй ужывання асабовых уласных імён, імён па бацьку і прозвішчаў у афіцыйным пісьмовым маўленні, а таксама ўдасканаленнем нарматыўнай базы. Найбольш актуальнымі задачамі ў гэтым кірунку бачацца:

a) удасканаленне прававой базы ў напрамку пашырэння правоў грамадзян на захаванне нацыянальных традыцый у іменаслоўнай сферы;

b) уніфікацыя сістэм транслітарацыі (на сённяшні дзень яны істотна адрозніваюцца) беларуска- і рускамоўных уласных імён сродкамі лацінскага алфавіта;

c) дэталізацыя правапісу і словазмянення ўласных імён іншамоўнага паходжання ў беларускай мове.

Таксама захоўвае сваю актуальнасць праблема двухмоўнай (у першую чаргу беларускамоўнай) кампетэнцыі работнікаў ЗАГС, натарыяльных кантор і інш. у адпаведнасці з прынцыпамі дзяржаўнага двухмоўя і палажэннямі Закона "Аб мовах у Рэспубліцы Беларусь" (гл. артыкул 4) [2].

Літаратура

1. Завальнюк, У.М. Слоўнік асабовых уласных імён / У.М. Завальнюк, В.К. Раманцэвіч; пад агул. рэд. А.А. Лукашанца. – Мінск: Народная асвета, 2017. – 286 с.

2. Закон Рэспублікі Беларусь ад 26 студзеня 1990 года № 3094-XI "Аб мовах у Рэспубліцы Беларусь" (у рэдакцыі 10.05.2007 № 225-З).

3. Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб шлюбе і сям'і (09.07.1999 № 278-З; у рэд. 18.12.2019 № 277-З).

4. Усціновіч, А.К. Слоўнік асабовых уласных імён / А.К. Усціновіч ; навук. рэд. А.А. Лукашанец. – Мінск: Літаратура і Мастацтва, 2011. – 240 с.

О.А. Лукина
Могилевский институт МВД Республики Беларусь
e-mail: ydacha-ola@mail.ru

УДК 811.161.1'373.21(043)

Структура и семантика агионимов в составе православных экклезионимов Могилевщины

Ключевые слова: *имя собственное, агионим, агиоидентификатор, экклезионим, святость, святой.*

В статье рассматриваются разные подходы к пониманию термина «агионим». Выявляются имена святых в составе православных экклезионимов Могилевской области, их структура и функционирование; делается попытка упорядочить ономастическое религиозное пространство Могилевщины. Описывается структура агионимов, выделяются двухчленные и трехчленные модели. Определяется семантическое наполнение агионимов, выявляются наиболее популярные имена святых в составе наименований культовых сооружений рассматриваемого региона. Акцентируется внимание на агиониме «святитель Николай Чудотворец» как на имени святом, занимающем особое место в сознании православного христианина.

O.A. Lukina
Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus

Structure and semantics of agionyms in the orthodox ecclesionyms of Mogilev region

Key words*: proper name, agionym, agioidentifier, ecclesionym, holiness, saint.*

The article discusses different approaches to understanding the term "agionym". The names of saints in the orthodox ecclesionyms of the Mogilev region, their structure and functioning are revealed; an attempt is made to streamline the onomastic religious space of the Mogilev region. The structure of agionyms is described, two-term and three-term models are distinguished. The semantic content of agionyms is determined, the most popular names of saints are identified as part of the names of religious buildings in the region under consideration. Attention is focused on the agionym "St. Nicholas the Wonderworker" as a holy name that occupies a special place in the consciousness of an Orthodox Christian.

Названия культовых объектов во имя святых представляют собой наиболее значимую часть современной православной экклезионимии Могилевщины (54 единицы). В сознании верующих святые всегда выступали помощниками в житейских делах: исцеляли от болезней, спасали от смерти, пожаров, нечистой силы и т.п. Называя храм во имя святого, верующие выражали уважение своим заступникам, почитали и прославляли их.

В данной статье мы рассмотрим основные агионимы, входящие в состав современной православной экклезионимии Могилевской области (Республика Беларусь), выявим специфику их структуры и семантики. Названия культовых сооружений взяты с сайтов http://mogeparhia.by/xramy-eparxii/mogilevskoe-gorodskoe-blagochinie/ и https://krynica.-info/church/bobrujskaya-eparxiya/.

Агионимы активно изучались сначала религиоведами (С.Ф. Алмазов, П.Я. Питерский, В.Н. Рябиков и др.), теологами (С.В. Булгаков, А.П. Голубцов, С.И. Дамаскин и др.), этнографами (Г.А. Булашев, В.К. Соколова, О. Воропай и др.), и только в последнее время к ним присоединились языковеды (С.Я. Ермоленко, Т.А. Харитонова, И.В. Бугаева и др.). Комплексное изучение отмеченных единиц существенно обогатило научные представления о материальной и духовной культуре русского, белорусского и украинского народов. Выступая реализаторами языкового кода, данные ономастические единицы требуют углубленного лингвистического осмысления.

В ономастической науке представлены два основных подхода к термину *анионим*. Исследователь православной религиозной лексики И.В. Бугаева под агионимом предлагает понимать «словосочетание, служащее для именования лиц или объектов, на которых почивает благодать Божия через чин прославления или освящения» [1; 2]. Следовательно, согласно И.В. Бугаевой, «экклезионимы – это вид агионимов, номинирующих храмы» [1; 2].

«Имя собственное, называющее храмы, можно отнести к агионимам, – продолжает исследователь, – так как престолы храмов освящаются в честь того или иного святого, праздника или иконы» [1; 2]. В состав агионимов, кроме названий церквей и монастырей, И.В. Бугаева включает наименования церковных праздников, названия икон, агиотопонимы. Все вместе данные разряды агионимов составляют ономастическое пространство, объединенное значением святости. Данная точка зрения имеет своих последователей среди лингвистов и ученых-ономатологов (Л.И. Дука, А.С. Лаврентьева и др.).

Традиционным является понимание агионима как имени святого, закрепленное в «Словаре русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской. Таким образом,

агионим относится к разряду антропонимов. Экклезионим же представляет собой «собственное имя места совершения обряда, места поклонения любой религии; в том числе название церкви, часовни, креста, монастыря» [10], то есть является топонимом.

«В качестве святых почитаются те, чья причастность к Богу была явлена церкви как достоверный факт» [5]. Учение о почитании святых было принято в 787 году на VII Никейском Вселенском соборе, в котором существуют строгие правила канонизации святых.

Агионимы представляют собой апеллятивно-антропонимический комплекс, служащий для обозначения прославленных христианских святых. К ним относились первоначально апостолы, ветхозаветные пророки и патриархи, затем мученики, пострадавшие за Христа. Многокомпонентный состав агионима включает в себя как обязательные, так и факультативные элементы, и является составной единицей, чаще всего двукомпонентной, чем и отличается от чисто антропонимов (*Илья* / *пророк Илья*; *Николай* / *святитель Николай*; *Сергей* / *преподобный Сергий Радонежский*).

Агионимы могут образовывать синонимические ряды, начиная с официальных наименований, зафиксированных в Минеях и святцах, и заканчивая обиходно-просторечными: *святитель Николай Чудотворец, архиепископ Мир Ликийский – чудотворец Николай Мирликийский – святитель Николай – Николай Угодник* и др.

По своей структуре агионим даже в разговорной речи представляет собой составную единицу, как минимум двухкомпонентную (*пророк Илья, апостол Павел*), что является существенным отличием от антропонима.

В первые века христианства основной моделью агионима была двучленная модель, состоящая из чина святости и имени, например, *апостол Петр, великомученица Екатерина*. Однако из-за ограниченности реестра имен часто встречались повторения, поэтому стала возможной трехчленная структура (иногда встречаются четырехкомпонентные и более модели агионимов, когда усиливается дифференцирующее значение), где привлекаются дополнительные именования для дифференциации: номинаторы, дескрипторы, локализаторы, агномены (прозвища), когномены (фамилии), титулы: *святитель Николай Чудотворец, преподобный Геннадий Могилевский, преподобный Сергий Радонежский*.

Итак, более 90 % экклезионимов в честь святых, кроме агионима, включают еще указание на ранг святого – агиоидентификатор. Это добавленные к личным дополнительные имена святых, под которыми они и «зафиксированы» в истории и памяти людей.

В ходе анализа агиоидентификаторов выявлено несколько мотивирующих признаков, основанных на определенной информации:

1) характеристика сакральной деятельности святого (добродетели, прославившие святого; образ жизни святого; обязательства, принятые святыми; пережитые испытания, особо тяжкие муки):

– великомученик и целитель Пантелеймон (*храм святого великомученика и целителя Пантелеимона* (д. Кадино Могилевский р-н)),

– апостолы Петр и Павел (*храм апостолов Петра и Павла* (д. Махово Могилевский р-н)), апостол Андрей Первозванный (*храм апостола Андрея Первозванного* (д. Комсеничи Круглянский р-н)),

– блаженная Матрона Московская (*храм в честь блаженной Матроны Московско*й (д. Присно Могилевский р-н)),

– архистратиг Михаил (*храм архистратига Михаила* (г. Климовичи)),

– равноапостольная Марина Магдалина (*храм равноапостольной Марины Магдалины* (г. Костюковичи)),

– святитель Николай Чудотворец (*храм святителя Николая Чудотворца* (д. Тростино Хотимский р-н)),

– преподобный Максим Исповедник (*храм преподобного Максима Исповедника* (д. Ходосы Мстиславский р-н)),

– пророк Илья (*храм пророка Ильи* (д. Славное Мстиславский р-н)),

– великомученик Георгий Победоносец (*храм великомученика Георгия Победоносца* (д. Высокое Шкловский р-н)),

– великомученица Екатерина (*храм великомученицы Екатерины* (д. Горбовичи Чаусский р-н));

2) социометрическая характеристика святого (возраст, профессия, географическая соотнесенность):

– преподобный Геннадий Могилевский (*храм преподобного Геннадия Могилевского* (д. Волковичи Чаусский р-н)),

– святой Дмитрий Ростовский (*храм святого Дмитрия Ростовского* (д. Выдренка Краснопольский р-н)),

– преподобный Сергий Радонежский (*храм преподобного Сергия Радонежского* (пос. Туголица Бобруйский р-н));

3) ступени церковной иерархии (церковный чин, титул):

– равноапостольный князь Владимир (*храм в честь равноапостольного князя Владимира* (д. Межисетки Могилевский р-н)).

Как видно из примеров, агионим может иметь несколько агиоидентификаторов и, следовательно, относиться к разным группам.

Значение агионима представляет собой полевую структуру, отражающую различные признаки отображаемого объекта и связанные с ним ассоциации у носителя языка. Семантикой агионима в разное время занимались Б.А. Успенский [12], В.И. Супрун [11], И.В. Бугаева [2], Л.И. Дука [3], К.В. Литвинцева [8], А.А. Камалова [6].

Каждый агионим, входящий в проприальную часть экклезионимов, помимо денотативного значения (связь с конкретным святым), имеет сигнификативное (смысл слова) и коннотативное (связанное с апеллятивным «шлейфом») значения.

Анализ языкового материала показывает, что наибольшей популярностью при назывании православных культовых сооружений Могилевщины, как и всей Беларуси [9], пользуется имя святителя Николая Чудотворца (11 религиозных объектов), а также апостолов Петра и Павла (6), великомученика Георгия Победоносца (3), архангела Михаила (3), великомученика и целителя Пантелеймона (3).

Святой Николай почитался на Руси как национальный святой, покровитель всех русских, а также крестьян. «Образ Николая-чудотворца издавна установился не как одного из многих святых, но как тип святого, как представителя человеческой святости» [13, 405].

Этимология антропонима *Николай* – победитель народов, святитель – это торжественное наименование высших лиц в церковной иерархии, чудотворец – эпитет ряда святых, особо прославившихся даром чудотворения, заступников, к которым прибегают в надежде на чудотворное исцеление [4].

Во имя святителя Николая Чудотворца на территории Могилевской области названы храмы (9), кафедральный собор, женский монастырь:

Свято-Никольский кафедральный собор (г. Бобруйск),

Свято-Никольский женский монастырь (г. Могилев),

храм святителя Николая Чудотворца (д. Благовичи Чаусский р-н),

Свято-Никольский храм (д. Свислочь Осиповичский р-н) и др.

Как и во всем православном мире, так и в рассматриваемом регионе большой популярностью пользуются апостолы Петр и Павел. В Могилевской области названия 6 храмов включают данный агионим:

храм апостолов Петра и Павла (д. Лесная Славгородский р-н),

Свято-Петро-Павловский храм (д. Лапичи Осиповичский р-н) и др.

Значительное место в православной экклезионимии занимают названия в честь Георгия Победоносца. Первоначально считался покровителем земледелия; в средневековой Европе стал считаться святым – покровителем военного дела.

Агионим *великомученик Георгий Победоносец* входит в состав наименований 3 храмов Могилевщины:

Свято-Георгиевский храм (г. Бобруйск),

храм великомученика Георгия Победоносца (д Коровчино Дрибинский р-н),

храм великомученика Георгия Победоносца (д. Высокое Шкловский р-н).

Важное место в экклезионимии Могилевской области, мотивированной агионимами, занимают названия во имя архангела Михаила:

Свято-Михайловский храм (д. Кремок Осиповичский р-н),

Свято-Михайловский храм (аг. Езеры Чериковский р-н),

храм архистратига Михаила (г. Климовичи).

Архангел Михаил – архистратиг, военачальник ангельских небесных сил.

Во имя великомученика и святителя Пантелеймона также названы 3 церкви Могилевской области:

храм святого великомученика и святителя Пантелеимона (д. Кадино Могилевский р-н),

Свято-Пантелеимоновский храм (пос. Глуша Бобруйский р-н),

Свято-Пантелеимоновский храм (д. Дараганово Осиповичский р-н).

По 2 экклезионима мотивированы агионимами *Борис и Глеб* и *Косма и Дамиан*, остальные представлены единичными моделями.

Агионимы, лежащие в основе экклезионимов, отражают особенности мировоззрения народа. По тому, как часто встречаются повторяющиеся названия, можно определить, какие святые были популярны в Беларуси. Круг религиозных предпочтений прихожан менялся на протяжении времени, так как в христианской религиозной традиции за святыми «закреплена» определенная сфера человеческой деятельности, в которой они помогают обратившемуся к нему человеку.

Например, экклезионим *храм Святых Царственных мучеников и (всех) Новомучеников и Исповедников XX века* – название религиозного объекта, построенного недавно. Сначала церковь была задумана как храм-памятник всем мученикам и воинам, погибшим в XX веке. В наименовании храма отражено почитание могилевчанами императора Николая II и его семьи. Николай II провел в Могилеве практически полтора года, так как в городе находилась царская Ставка.

Таким образом, названия в честь святых занимают особое место в православной экклезионимии Могилевской области. Значительной популярностью пользуется святитель Николай Чудотворец, который является покровителем земледелия, что вызывает особое почитание у верующих белорусов.

Литература

1. Бугаева, И.В. Агионимы в ономастическом пространстве русского языка / И.В. Бугаева // Известия на Научен център «Св. Дасий Доростолски». – Силистра: [б.и.], 2006. – Кн. 1. – С. 78–87.

2. Бугаева, И.В. Агионимы в православной среде: структурно-семантический анализ / И.В. Бугаева. – М.: ФГОУ ВПО РГАУ – МСХА им. К.А. Тимирязева, 2007. – 138 с.

3. Дука, Л.И. Агионимы в пространстве лингвокультуры / Л.И. Дука // Вестник Запорожского национального университета. Филологические науки. – 2011. – № 2. – С. 169–172.

4. Живов, В.М. Святость // Краткий словарь агиографических терминов / В.М. Живов. – М.: Гнозис, 1994. – 112 с.

5. Иванова, Т.А. Лексические особенности жизнеописаний ново прославленных святых русской православной церкви : автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. «Русский язык» / Т.А. Иванова. – М., 2004. – 20 с.

6. Камалова, А.А. Способы презентации святых в текстах Миней / А.А. Камалова // Минеи: образец гимнографической литературы и средство формирования православных. – Ольштын: [б. и.], 2013. – С. 142–155.

7. Кузьмина, М.И. Семантика агионима Николай (на материале русских паремий и православных молитв) / М.И. Кузьмина // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание. – 2017. – Т. 16. – № 2 – С. 116–126.

8. Литвинцева, К.В. Номинация, титулование и обращение в религиозном дискурсе / К.В. Литвинцева // Логический анализ языка: адресация дискурса. – М.: Индрик, 2012. – С. 165–176.

9. Лукина, О.А. Агионим – экклезионим: проблемы взаимодействия (на материале названий культовых сооружений Беларуси) / О.А. Лукина // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А, Гуманитарные науки. – 2015.– № 10. – С. 100–104.
10. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 187 с.
11. Супрун, В.И. Христианизация русского именника / В.И. Супрун // Христианство. – М.: [б. и.], 1996. – С. 53–58.
12. Успенский, Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского) / Б.А. Успенский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 248 с.
13. Флоренский, П. Моленные иконы Преподобного Сергия / П. Флоренский // Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1996. – Т. 2. – С. 383–409.

М. Мордань
Университет в Белостоке
e-mail: m.mordan@uwb.edu.pl

УДК 81’373.232.2

Функционирование отчеств на Подляшье в послеуниатский период (на примере бельского Свято-Михайловского прихода)

Ключевые слова: *антропонимия, патроним, отчество, метрические записи, Подляшье.*

Предметом исследования в настоящей статье являются отчества, почерпнутые из метрических записей послеуниатского периода (1843–1847) в г. Бельск на Подляшье. Рассматриваются формы имен, являющиеся словообразовательными базами патронимов. Приводятся примеры антропонимических формул, содержащих именования по отцу, указывается вариативность в употреблении отчеств и их словообразовательные особенности.

M. Mordan
University of Bialystok

Functioning of patronyms (otchestva) in Podlasie in the post-Union of Brest period (based on the Parish of St. Michael in Bielsk)

Key words: *anthroponymy, patronym, otchestvo, parish registers, Podlasie.*

The study concerns patronyms (otchestva) excerpted from the parish registers of the post-Union of Brest period (1843–1847) in Bielsk, in the Podlasie region. Forms of first names that serve as word-formation bases of patronyms are discussed. Examples of anthroponymic structures, containing otchestva, are given. The variability in the use of patronyms and their word-formation peculiarities are shown.

Изучение образования и функционирования именований по отцу стоит внимания, поскольку эта категория онимов разработана в гораздо меньшей степени, чем другие группы антропонимов (личные имена, фамилии, прозвища). В польской ономастической литературе, например, вопрос собственно отчеств не вызывает особого научного интереса, что объясняется, скорее всего, отсутствием этого элемента в польской системе именования.

Настоящее исследование посвящено анализу патронимов, почерпнутых из приходских метрик бельского Свято-Михайловского храма, охватывающих 1843–1847 годы. В конце 30-х – начале 40-х гг. XIX века после 250-летнего существования на территории Подляшья Брестской унии, бельские приходы восточного обряда воссоединились с Православной церковью [1, 38–39, 83, 133, 162, 181]. Несмотря на точные даты подписания

соответствующих документов церковным начальством, ликвидация униатских обрядов и церковно-общественных традиций была длительным процессом, а последствия унии были ощутимы еще годы спустя.

В приходской канцелярии сохранились метрические книги послеуниатского периода, причем самые ранние записи датируются 1843 годом. Ономастический материал был извлечен из части *О родившихся*. В рассматриваемый пятилетний период проведено 260 крещений. Анализу подвергаются персональные данные биологических родителей ребенка.

В метриках, где имеются сведения об обоих родителях (249 случаев), насчитывается 13 разных моделей записей их личных данных. Наиболее популярной была схема: ***имя отца + отчество отца + фамилия (отца) + имя матери + отчество матери + дочь + фамилия отца матери*** (152 случая, напр. *Омелянъ Гавриловъ Бѣлокозовичь и (...) Анна Давыдовна дочь Мацкѣвича, Иванъ Максимовъ Яконюкъ и (...) Агапїя Ѳеодоровна дочь Половяника, Василь Яковлевъ Фѣрсъ и (...) Марїя Даниловна дочь Пугачевича*). Распространенным был также образец: ***имя отца + отчество отца + фамилия (отца) + имя матери + отчество матери*** (66 случаев, напр. *Павелъ Максимовъ Вроблевскій и (...) Параскѣва Ѳомовна, Демянъ Хилимоновъ Осѣнникъ и (...) Доминика Николаевна, Димитрїй Овсеніевъ Корицкій и (...) Анна Павловна*). Реже употреблялись сочетания типа: ***имя отца + отчество отца + сынъ + фамилия (отца) + имя матери + отчество матери + дочь + фамилия отца матери*** (12 случаев, напр. *Миронъ Максимовъ Сынъ Шашко и (...) Марїя Ивановна дочь Конаховича, Мартинъ Францовъ Сынъ Симусѣвичь и (...) Розалїя Іосиповна дочь Добриневскаго*) и: ***имя отца + отчество отца + сынъ + фамилия (отца) + имя матери + отчество матери*** (5 случаев, напр. *Григорїй Алексеевъ Сынъ Хмелевскій и (...) Аквилина Николаевна, Осипъ Мартиновъ Сынъ Печинскій и (...) Аполонїя Мартиновна*). Остальные модели засвидетельствованы единичными примерами.

В 3 метриках данные вероятного отца указаны «косвенно»: *Варвара Іосиповна (...) жена (...) Захарїя Иванова Адамюка, Вдова Ивана Антонова Короваїя Людвика Петровна, Вдова по Андреїю Мисїюку жена Татьяна Григоріевна* (в последнем примере мужское отчество отсутствует). В свою очередь в 11 свидетельствах о рождении / крещении имеются только данные матери младенца. Они также представляют собой разные модели, хотя преобладает тип: ***имя матери + отчество матери + дочь + фамилия отца матери*** (6 случаев, напр. *Улианна Сидоровна дочь Гуринюка, Александра Парфеновна дочь Печинскаго, Анна Яковлевна дочь Корнакѣвича*). Следует заметить, что в этом небольшом наборе встречаются случаи употребления отчества отца женщины (*Михаила Воицѣхова дочь Чернявскаго Евдокїя, Александра дѣвица дочь Парфѣна Мартинова Печинскаго*), что, вместе с именем крещенного ребенка, дает возможность частичного воспроизведения родословной, охватывающей 4 поколения.

Немногочисленные формулы именования не содержат в своем составе отчества отца или матери ребенка. Патроним отсутствует в 4 мужских персональных данных и в 2 женских (не считая вышеперечисленных случаев и еще 2 ситуаций, где имя отца матери крещенного младенца появляется в чистом виде: *Доминика Ѳомы Середы дочь, Евфросїна Льва Горды дочь*), напр. *Андрей Мисюкъ и (...) Татяна Григоріевна дочь Мойсика, Григорій Клосовскій и (...) Устына Ивановна дочь Минкѣвича, Васили Кириловъ Минкѣвичъ и (...) Анастасїя*. В таких случаях данные отца / матери ребенка содержат имя и фамилию или одно имя. Одновременно они лишены дополнительных замечаний в виде определений *внѣбрачный (-ая), незаконнорожденный (-ая),* нередко употребляемых в метрических записях других приходов на Подляшье в конце XIX – начале XX века.

В рассматриваемом наборе антропонимов мужские патронимы появляются исключительно в форме полуотчеств на *-овъ, -евъ* (*Венедиктовъ, Максимовъ, Григоріевъ, Игнатїевъ*), полностью отсутствуют т. н. полные формы на *-овичъ, -евичъ*. Это явление

свойственно антропонимии православных жителей Подляшья в XIX веке и, с одной стороны, является последствием введения законов, регламентирующих в Русском царстве, а затем в Российской империи (т. е. в XVI–XVIII вв.) использование полных и кратких форм отчеств [2, 48]. С другой стороны, основой для неприменения полных форм именований по отцу могло быть стремление избежать сходства с популярными на этой территории фамилиями на *-ович(ъ), -евич(ъ).* Второй фактор исключить нельзя, но, на наш взгляд, он считается менее вероятным, потому что многие фамилии этого типа образовывались также и от апеллятивов (напр. *Бабулевичъ, Бѣлокозовичъ, Гладкѣвичъ, Крутелевичъ*), а базой отыменных фамилий чаще всего служили квалитативные формы личных имен (*Вашкѣвичъ, Калишевичъ, Конаховичъ, Макацѣвичъ, Себесѣвичъ* и др.). Фамилии, в основу которых легли полные формы имен (церковные, литературные, разговорные) – редки (напр. *Карповичъ, Корниловичъ, Панфиловичъ*). В области женских отчеств наблюдается противоположная ситуация – повсеместно используются полные патронимические формы (*Михаиловна, Ѳеодоровна, Андреевна, Захарїевна*). При этом изредка наблюдаются полуотчества на *-ова, -ева* (*Иванова, Семенова, Сильвестрова, Яковлева*). Краткие варианты засвидетельствованы в 8 метриках, составляя 3% всех записей, содержащих синтетические формы женских именований по отцу. Причины употребления в нескольких случаях отчеств в ином виде неизвестны, а отсутствие дополнительной информации в тексте метрической записи не способствует выдвижению каких-либо гипотез. Отдельный интерес возбуждает вопрос применения почти во всех приходских свидетельствах полных форм мужских патронимов с одновременным использованием женских полуотчеств. На первый взгляд можно предположить, что писец, составлявший запись, не чувствовал разницу в размежевании полных и кратких форм женских именований по отцу, так как в отличие от мужских онимов, разница состоит лишь в наличии или отсутствии суффиксального элемента *-н-* (*Иванова – Ивановна, Яконова – Яконовна*). В то же время не исключено, что полные варианты использовались для того, чтобы можно было однозначно воспринять этот тип антропонимов как отчество, поскольку в местном неофициальном антропонимиконе на польско-восточнославянском пограничье формы на *-ова* употреблялись как в качестве отчеств, так и андронимов [3, 182].

Около половины набора составляют отчества, образованные от церковных форм личных имен, напр. *Александровъ* 1 (число обозначает количество употреблений данной формы), *Василїевъ* 8 / *Василіевна* 3, *Венедиктовъ* 2 / *Венедиктовна* 2, *Григорїевъ* 10 / *Григорїевна* 18, *Димитрїевъ* 1 / *Димитрїевна* 1, *Кассиановна* 1, *Їосифовна* 1, *Лаврентїевъ* 2, *Михаиловъ* 2 / *Михаиловна* 3, *Никифоровъ* 1 / *Никифоровна* 1, *Сильвестровъ* 1 / *Сильвестрова* 1 / *Сильвестровна* 1, *Стефановъ* 1 / *Стефановна* 4, *Трофимовъ* 1 / *Трофимовна* 1, *Ѳеодоровъ* 5 / *Ѳеодоровна* 13 и т.д.

Наряду с процитированными выше формами сравнительно широко распространены патронимические наименования, созданные на базе других вариантов личных имен. Встречаются отчества от литературных форм имен (первично разговорных, но со временем ставших официальными светскими): *Алексеовъ* 1 / *Алексеевъ* 5 / *Алексеевна* 6, *Антоновъ* 8 / *Антоновна* 4, *Денисовъ* 1, *Ивановъ* 38 / *Иванова* 1 / *Ивановна* 27, *Осиповна* 7, *Парфѣновъ* 1 / *Парфеновна* 1, *Семеновъ* 4 / *Семенова* 1 / *Семеновна* 5, *Степановъ* 11 / *Степановна* 9, *Яковлевъ* 5 / *Яковлева* 1 / *Яковлевна* 6 и др.

Продуктивны отчества, построенные на основе народно-разговорных (в т. ч. сокращенных) вариантов имен, напр. *Артемовъ* 2 / *Гартемовъ* 1, *Ваврентїевъ* 1 / *Ваврентїевна* 3, *Давыдовъ* 2 / *Давыдовна* 3 (возм. под влиянием укр. языка), *Зѣновъ* 2 (< *Зен(а)* < церк. *Зиновий* [4, 143], *Зинон* или *Зина* (мужск.) [5, 174; 6, 72]), *Костентїевна* 1, *Овсеніевъ* 1 / *Овсенїевъ* 1 (< *Овсен(и/ий)* < церк. *Евсевий* или *Евсе(в)он* [4, 88; 6, 71]), *Олексеовъ* 1 / *Олексеовна* 1 / *Олексеевна* 1, *Омелановъ* 1, *Сельвестровна* 2, *Сидоровна* 1, *Тымофеовна* 1 (возм. под влиянием польск. языка), *Хведоровъ* 1 / *Хведоровна* 1, *Хилимоновъ* 2, *Якимовъ* 3 / *Якимовна* 4, *Яконовъ* 3 / *Яконова* 1 / *Яконовна* 2 (< *Якон* < церк. *Иакинф*

или *Иаков* [4, 95; 7, 78]), также *Демяновъ* 5 / *Демяновна* 2 (< *Демян*, ср. литерат. *Демьян* [5, 135]), *Лукяновъ* 5 / *Лукяновна* 3 (< *Лукян*, ср. литерат. *Лукьян* [5, 225]).

Материал доказывает наличие именований по отцу, образованных от неофициальных (народных) форм других имен, в случае которых проблематично однозначно определить мотивирующее имя, хотя все парадигматические варианты имеют общую основу, ср. *Гавриловъ* 4 / *Гавриловна* 2 (< *Гаврил(ø/а/о)*), *Даниловъ* 2 / *Даниловна* 4 (< *Данил(ø/а/о)*), *Кириловъ* 4 (< *Кирил(ø/а/о)*), *Корниловъ* 1 (< *Корнил(ø/а/о)*). Патроним *Михайловъ* 11 / *Михайловна* 4 произошел от народной формы *Михайло* (или *Михайла*), с течением времени вытеснившей, в качестве этимона, церковный вариант [8, 203].

Небольшую группу составляют отчества от католических крестных имен (*Воицѣховъ* 2 / *Войцѣховъ* 1, *Казимѣревна* 1 / *Казимѣровна* 1, *Францовъ* 2 / *Францовна* 2 / *Францевна* 1, *Станиславовъ* 5 / *Станиславовна* 5) и от имен, появившихся в вариантах типичных для польского языка и/или Западной церкви (*Геронимовна* 1 (< *Hieronim*, ср. правосл. *Иероним*), *Гиляріевъ* 1 / *Гиларевна* 3 / *Гиляревна* 1 (< *Hilary*, ср. правосл. *Иларион*), *Лукашевъ* 2 (< *Łukasz*, ср. правосл. *Лука*)). Носителями этих отчеств были лица римско-католического вероисповедания (что отмечено в записях) или православной конфессии (по всей видимости в этом случае католиками были отцы, чьи имена отражены в основах отчеств).

В словообразовательном аспекте существенные отклонения от языковых норм при образовании отчеств не замечаются. Стоит, однако, упомянуть некоторые отступления: 1) в отчествах от имен на *-ей* в нескольких случаях фигурировал, вопреки правилам, суффикс *-овъ / -овна* (вместо ожидаемого *-евъ / -ев(н)а*): *Алексеовъ* 1 / *Олексеовъ* 1 / *Олексеовна* 1, *Андреовъ* 6 / *Андреовна* 2, *Тимофеовна* 1 / *Тымофеовна* 1 (ср. *Алексеевъ, Андреевъ, Тимофеевна* и т.д.); 2) к именам с основой на *ц* добавлялся суффикс с элементом *-е-*, но ономастический материал подтверждает существование чередующейся формы *Францовъ* 2 / *Францовна* 2 (ср. *Францевъ / Францевна*); 3) окказионально появилась форма отчества *Яковововъ* 1 (ср. *Яковлевъ*). Также отметим наличие патронимов *Ильевъ* 4 / *Ильевна* 2 (< *Илья*, ср. церк. *Илия*), *Ѳомовъ* 5 / *Ѳомовна* 5, хотя от имен на *-а* в антропонимии Подляшья имелись и полуотчества с суффиксом *-ин-* типа *Ильинъ* / *Ильина*, *Ѳоминъ* / *Ѳомина*.

Исследуя содержимое метрических книг независимо от временного периода и территории, каждый раз обращает на себя внимание факт употребления разных вариантов онимов в записях, оформленных одним и тем же писарем. В метриках Свято-Михайловского прихода обнаруживается фонетическая вариативность (*Алексеевна* 6 – *Олексеевна* 1, *Артемовъ* 2 – *Гартемовъ* 1, *Войцѣховъ* 1 – *Воицѣховъ* 2, *Гиларевна* 3 – *Гиляревна* 1, *Іосиповна* 2 – *Їосифовна* 1 – *Осиповна* 7, *Лаврентіевъ* 2 – *Ваврентіевъ* 1, *Михайловъ* 11 / *Михайловна* 4 – *Михаиловъ* 2 / *Михаиловна* 3, *Сильвестровна* 1 – *Сельвестровна* 2, *Стефановъ* 1 / *Стефановна* 4 – *Степановъ* 11 / *Степановна* 9, *Тимофеовна* 1 – *Тымофеовна* 1, *Ѳеодоровъ* 5 / *Ѳеодоровна* 13 – *Хведоровъ* 1 / *Хведоровна* 1), морфологическая (*Іосипова* 1 – *Іосиповна* 2, *Сильвестрова* 1 – *Сильвестровна* 1) и фонетико-морфологическая (*Алексеевъ* 5 – *Алексеовъ* 1, *Андреевъ* 6 / *Андреевна* 2 – *Андреовъ* 6 / *Андреовна* 2, *Матфеевъ* 3 – *Матфеовъ* 3, *Олексеевна* 1 – *Олексеовна* 1, *Тимофеевна* 1 – *Тимофеовна* 1, *Францевна* 1 – *Францовна* 2), а также графическая (*Григоріевъ* 10 – *Григориевъ* 1, *Григоріевна* 18 – *Григоріевна* 1, *Овсеніевъ* 1 – *Овсенїевъ* 1, *Парфѣновъ* 1 – *Парфеновна* 1).

Особенно рельефно вариабельность прослеживается в личных данных одних и тех же носителей, например: *Николай* ***Войцѣховъ*** *Сынъ Жуковскій и (...) Анатасія Ивановна дочь Куницкаго* (1844) – *Николай* ***Воицѣховъ*** *Жуковскій и (...) Анастасія Ивановна дочь Куницкаго* (1847), *Иванъ* ***Матфеовъ*** *Сынъ Шуецкій и (...) Марія Стефановна дочь Священника Бѣлявскаго* (1843) – *Иванъ* ***Матфеевъ*** *Шуецкій и (...) Марія Стефановна дочь Настоятеля (...) Бѣлявскаго* (1845), *Матфей* ***Стефановъ*** *Бабулевичь и (...) Анастасія Михаиловна дочь Шарка* (1845) – *Матфей* ***Степановъ*** *Бабулевичь и (...) Анастасія Михаиловна дочь Шарка* (1847), *Миронъ* ***Андреовъ*** *Веремѣюкъ и (...) Агафія Алексеевна* (1843) – *Миронъ* ***Андреевъ*** *Веремѣюкъ и (...) Агафія Алексеевна дочь Лашевича* (1846), *Яконъ* ***Михайловъ*** *Савицкій и (...)*

Розалія Ѳомовна дочь Печинскаго (1844) – *Яконъ* ***Михаиловъ*** *Савицки и (...) Розалія Ѳомовна дочь Печиньскаго* (1846), *Николай Станиславовъ Жуковскій и (...) Луція* ***Яконовна*** *дочь Макацевича* (1844) – *Николай Станиславовъ Жуковски и (...) Луція* ***Яковлевна*** (1847), *Иванъ Ѳеодоровъ Фѣрсъ и (...) Марія* ***Андреовна*** *дочь Адамюка* (1844) – *Иванъ Ѳеодоровъ Фѣрсъ и (...) Марія* ***Андреевна*** (1846), *Иванъ Ѳомовъ Себесѣвичь и (...) Улана* ***Олексеовна*** *дочь Крутелевича* (1844) – *Иванъ Ѳомовъ Себесѣвичь и (...) Юлианна* ***Алексеевна*** *дочь Крутелевича* (1846), *Мартинъ Францовъ Сынъ Симусѣвичь и (...) Розалія* ***Іосиповна*** *дочь Добриневскаго* (1844) – *Мартинъ Францовъ Симусѣвичь и (...) Розалія* ***Їосифовна*** *дочь Добриневскаго* (1846), *Осипъ Михайловъ Гаврилюкъ и (...) Катерина* ***Сельвестровна*** *дочь Галушевскаго* (1845) – *Осипъ Михайловъ Гаврилюкъ и (...) Катерина* ***Сильвестровна*** *дочь Галушевскаго* (1847), *Максимъ* ***Михайловъ*** *Хомански и (...) Евдокія* ***Сильвестрова*** (1843) – *Максимъ* ***Михаиловъ*** *Хоманскій и (...) Евдокія* ***Сельвестровна*** *дочь Олесюка* (1845) и т.д.

К сожалению, анализируемый документ не лишен неточностей в области регистрации личных данных, что в отдельных случаях усложняет раскрытие ономастических явлений. Иногда описки связаны с помещением в мертические книги других (не соответствующих положению вещей) личных имен, фамилий, а также, например, названий местностей. Эта ситуация касается и отчеств, ср. *Михаилъ Романовъ Калишевичь и (...) Марія* ***Семеновна*** *дочь Гаврилюка* (1844) – *Михаилъ Романовъ Калишевичь и (...) Марія* ***Симоновна*** *дочь Гаврилюка* (1847). Данная пара примеров иллюстрирует употребление двух разных, хотя схожих по форме и этимологии, имен (ср. *Семен(ъ)* < церк. *Симеон(ъ)* и церк. *Симон(ъ)*).

Обсуждая вопрос дублетности онимических единиц, надо заметить отсутствие в отчествах от имен на *-ий (-ия)* фонетико-словообразовательного варьирования на стыке корня и суффикса. В бельском материале появляются исключительно словоформы с *и*, напр. *Василїевъ* / *Василіевна*, *Григорїевъ* / *Григорїевна*, *Димитрїевъ* / *Димитрїевна*, *Захаріевъ* / *Захаріевна*, *Игнатїевъ* / *Игнатїевна*, *Лаврентїевъ* / *Лаврентїевъ* / *Лаврентїевна* и т.д. Варианты с *ь* (типа *Васильевъ*, *Григорьевъ*, *Игнатьевъ*) здесь не встречаются.

Представленные наблюдения над ономастическим материалом показывают, что отчества составляют неотъемлемую часть антропонимических формул, идентифицирующих православных жителей Бельска на Подляшье в 40-е гг. XIX века. Вместе с изменением языка записи (метрики униатского периода оформлялись на польском языке, иногда с вкраплениями латыни) и возвращением прихода на лоно Православия, патронимы немедленно вошли и закрепились в системе именования местного населения восточной конфессии. Как показал анализ, рассмотренные именования по отцу образовались как от церковных, так и других (литературных, народных, разговорных) вариантов личных имен, хотя следует заметить, что патронимы от имен этой второй группы появляются также в более поздний период в метриках других приходов. Следовательно, ожидаемые предположения о сильном влиянии Брестской унии на формы отчеств в непосредственно примыкающий к ней промежуток времени не нашли удовлетворительного обоснования в исходном материале, а наличие патронимов от нецерковных имен и их форм могло быть вызвано также другими факторами (например, влиянием разговорной речи, смешанными православно-католическими браками, степенью знания писцом точных канонических вариантов и др.). Однако, для лучшего изучения намеченного в заглавии статьи вопроса требуются, несомненно, дальнейшие исследования.

Литература

1. Sosna, G. Dzieje Cerkwi w Bielsku Podlaskim / G. Sosna, D. Fionik. – Białystok: BTH, 1995. – 193 s.

2. Рогалев, А.Ф. Историческая антропонимия Гомеля и окрестностей / А.Ф. Рогалев. – Гомель: Барк, 2009. – 152 с.

3. Саевіч, М. Формы назваў жонак у нараўскіх беларускіх гаворках Беласточчыны ў мінулым і сёння / М. Саевіч // Беларусіка = Albaruthenica. – 2016. – №37. – С. 174–184.

4. Tichoniuk, B. Imiona i ich formy na pograniczu polsko-białoruskim od XVI wieku do roku 1839 / B. Tichoniuk. – Zielona Góra: WSP TK, 2000. – 206 s.

5. Тихонов, А.Н. Словарь русских личных имен / А.Н. Тихонов, Л.З. Бояринова, А.Г. Рыжкова. – Москва: Школа-Пресс, 1995. – 733 с.
6. Spis imion prawosławnych w brzmieniu polskim i staro-cerkiewno-słowiańskim. – Warszawa: Warszawska Metropolia Prawosławna, 2011. – 110 s.
7. Бірыла, М.В. Беларуская антрапанімія. Уласныя імёны, імёны-мянушкі, імёны па бацьку, прозвішчы / М.В. Бірыла. – Мінск: Навука і тэхніка, 1966. – 326 с.
8. Суслова, А.В. О русских именах / А.В. Суслова, А.В. Суперанская. – Ленинград: Лениздат, 1978. – 210 с.

А.Р. Попова
Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
e-mail: Studioaa2001@yandex.ru

УДК 81’373.231

Неофициальные антропонимы с мотивационной основой ‘объекты вещного мира, артефакты’, характеризующие человека по внешнему виду, в орловских говорах

Ключевые слова: *ономастика, неофициальный антропоним, прозвище, семантика, мотивационная основа, орловские говоры.*

Статья посвящена исследованию мотивационных основ неофициальных антропонимов Орловщины: какие предметы вещного мира и по каким параметрам соотносятся с особенностями внешности человека в целом либо с характерными признаками отдельных частей человеческого тела. Определяются визуальные, ассоциативные, ситуативные параметры сопоставления «артефакт / человек», отражённые в прозвищных именованиях. Описываются метафорические и метонимические переносы значения, сопровождающие онимизацию имён нарицательных, а также некоторые словообразовательные и морфологические особенности неофициальных антропонимов.

A.R. Popova
Orel State University named after I.S. Turgenev

Unofficial anthroponyms with a motivational basis ‘objects of the material world, artifacts’ characterizing a person by appearance in the Orel dialects

Key words*: onomastics, unofficial anthroponym, sobriquet, semantics, motivational basis, Orel dialects.*

The article is devoted to the research of the motivational foundations of unofficial anthroponyms of the Orel region: what objects of the material world and by what parameters correlate with the features of a person's appearance as a whole or with characteristic features of individual parts of the human body. The visual, associative, situational parameters of the comparison «artifact/person» reflected in the sobriquets are revealed. Metaphorical and metonymic transfers of meaning accompanying the onymization of common nouns, and also some word-formation and morphological features of unofficial anthroponyms are described.

Значительную группу в ономастиконе народных говоров составляют лично-индивидуальные прозвища, называющие человека в неофициальном бытовом общении по какой-либо внешней особенности. Многие из них, являясь результатом онимизации нарицательных существительных, представляют собой одно из средств языкового выражения общего функционально-семантического поля компаративности, т.к. содержат сравнение, сопоставление: человек – и объект вещного мира, с которым именуемое лицо обнаруживает сходство по какому-либо параметру. При образовании прозвища реализуется

четырёхкомпонентная структура сравнения [1, 3]: компаратом выступает нарекаемое лицо, компарантом – артефакт, основанием для сравнения – соотносительный признак, компоратором, или средством выражения сравнения, – сам антропоним с его семантическими и (или) грамматическими, словообразовательными особенностями.

Отметим, что в качестве критерия сопоставления носителями языка чаще всего выбирается признак визуальный, явный – примечательные особенности внешности в целом или каких-либо частей тела, не соответствующих принятым в социуме представлениям о «стандарте». Либо же базой для создания прозвища становится признак ассоциативный / ситуативный, но, в любом случае, при образовании неофициального антропонима осуществляется соотнесение, сопоставление, в результате чего происходит онимизация апеллятива. Именно мотивационный признак ‘артефакт, обнаруживающий сходство с внешностью человека’ нередко лежит в основе прозвищ, которые возможно группировать и по данному ономасиологическому параметру. Известно, что «наряду с объединением слов в семантические поля на основе их денотативной общности возможна (и необходима) группировка слов на основе общности их мотивационной модели (мотивационного признака)» [4, 116].

Материалом исследования стали лично-индивидуальные прозвища человека по его внешнему облику, бытующие на Орловщине, собранные обучающимися и преподавателями Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.

1. В прозвищных именованиях отражается восприятие внешности человека в целом: самые общие характеристики, касающиеся телосложения и комплекции, – того, что наиболее заметно и в первую очередь обращает на себя внимание. Так, немало единиц, внутренняя форма которых маркирует недостаток веса / избыточную полноту, причём нередко добавляется и второй критерий – рост человека как отклонение от некоей нормы: слишком высокий или слишком низкий.

Человек, отличающийся чрезмерной худобой, образно сопоставляется с объектом, сделанным из дерева и имеющим длинную, вытянутую форму, – ср. ряд онимов, образованных на базе нарицательных существительных, имеющих сходные денотаты: *Веха* (ж.) «высокая, худая, с длинными руками», *Жердь* (ж.) «худощавая, тощая, высокого роста», *Прут* (м.) «очень худой и высокого роста», *Спичка* (ж.) «страдает болезненной худобой» (здесь и далее в кавычках приводятся пояснения информантов, буквами м. либо ж. обозначен пол носителя прозвища). Онимизируются и наименования объектов, изготовленных из другого материала, имеющих подобную же форму: *Шланг* (ж.) «очень худая и высокая ростом», *Шпала* (ж.) «худощавая и высокая (рост 2,1 метра)», *Ремень* (м.) «высокий и худой», *Лапша* (м.) «худой и высокого роста» и т.п. Как можно заметить, информанты указывают не только на чрезмерную худобу, но и на высокий рост носителей прозвищ: видимо, именно при таком росте недостаток веса наиболее заметен.

Чрезмерно худому человеку даются прозвища и с иной образной основой – мотивационным признаком ‘плоский’; подобные единицы маркируют несоответствие общепринятому представлению о фигуре женщины: *Фанера* (ж.) «очень худая женщина, телосложение таково, что фигура кажется почти плоской (почти нет груди, и она маленького размера)», *Любовчи́нка* (ж.) «очень худая, сухощавая девушка». Если значение апеллятива *фанера* общеизвестно, то диалектное существительное *любовчи́нка* нуждается в пояснении: в орловских говорах функционируют однокоренные лексемы *любови́на, любовчи́на, любовчи́нка* в значениях «прослойка мяса в соленом свином сале» и «о худенькой, невзрачной девушке, женщине» [2, вып. 6, 87–88]. Как видим, внутренняя форма антропонима *Любовчинка* прозрачна, о чём свидетельствуют вторичные значения указанных диалектных существительных.

Прозвища, данные излишне полным людям, также нередко отображают сразу два вышеуказанных параметра внешности «комплекция + рост», причём рост малый, ниже

нормы (в отличие от прозвищных именований людей излишне худых, отличающихся высоким ростом). Компарантами выступают предметы объёмные, имеющие округлую форму, ср. *Глобус* (ж.) «очень полная, но небольшая ростом (1,5 метра)», *Шарик* (м.), *Поплавок* (м.) «маленький и толстый мужчина» и т.п. Причиной создания прозвища может послужить типичная речевая ситуация, впрочем, основанная на внешней особенности именуемого: *Горшочек* (м.) «в детстве родители сравнивали по телосложению с горшочком за полноту, говорили: «*Колюшка, ты у нас как горшочек*». Интересно, что прозвище может совмещать в своей внутренней форме не два, а три признака, при этом принимаются во внимание не только форма и размер, но и цвет предмета-компаранта: ср. *Чугунка* (ж.) «женщина как небольшой приземистый чугунок, к тому же закопчённый (женщина темнокожа)». В орловских говорах распространено слово *чугу́нка* в значении «небольшой чугун», которое, по-видимому, и послужило основой для создания прозвища.

Прозвище способно воссоздать не только статический, но и динамический портрет человека – указать на особенности походки как следствие телосложения, комплекции: *Кубышка* (ж.) «полная настолько, что ходит, переваливаясь с ноги на ногу, словно катится» (как известно, отличительным признаком сосуда, названного существительным *кубышка,* являются широкие бока). В целом, обращает на себя внимание типичность, распространённость переноса значения «посуда округлой, приземистой формы → полный невысокий человек».

Выделяется ещё один актуальный тип семантического переноса: «выпечное изделие округлой формы → полный невысокий человек», ср. *Пончик* (м.) «мальчик толстый, похож на пирожок» и *Пончик* (м.) «маленького роста, полный мужчина», *Жа́мочка* (ж.) «женщина толстенькая, маленького роста», ср. *жа́мка – обл.* «Круглый пряник, обычно мятный» [3], *Калачик* (м.) «человек невысокого роста, очень полный, руки и ноги “колесом”», онимизация может сопровождаться суффиксацией: *батон → Батон-их-а* (ж.) «девочка ростом большая и плотная, похожа с виду на батон», *колобок → Колобч-их-а* (ж.) «очень полная и маленькая ростом женщина».

Сходство внешности обладателя прозвища и сопоставляемого объекта весьма относительно: в большей мере оно представлено при семантическом переносе «предмет округлой формы → человек», в меньшей мере – при семантическом переносе «предмет в форме куба либо прямоугольной четырехугольной призмы → человек». Сравнение опосредованно, ассоциативно, оно подчёркивает неправильность, нестандартность фигуры, отсутствие талии; полнота человека передаётся через гиперболизированный параметр: *Матрас* (м.) «толстый мужчина», *Тумбочка* (ж.) «толстенькая девочка», *Коробка* (ж.) «толстенькая, маленького роста женщина».

Критерий роста, не соответствующего условному эталону, отображается посредством сравнения с предметом, размеры которого действительно очень малы, например, *Копейка* (ж.), *Пупсик* (ж.), *Кнопка* (ж.), *Шкалик* (м.), ср. *шкалик* – название бутылочки, стакана объёмом 0,25 литра; либо предмет мал относительно человеческого роста – ср. *Кукла* (ж.) – кукла есть уменьшенная «модель» человека.

Наконец, прозвища фиксируют общеэстетическое восприятие человека как красивого или некрасивого через сопоставление с атрефактом. Ср., например, образование онима *Матрёшкин* (м.) «красивый парень, похож на куклу матрёшку». В данном случае актуально не непосредственное сходство с объектом (кукла матрёшка не является, как известно, эталоном мужской красоты, в данном случае речь идёт о молодом человеке двадцати трёх лет). Важно, что типично русская деревянная игрушка матрёшка в сознании носителей языка и культуры воспринимается позитивно, как безусловно красивая. Образование антропонима сопровождается суффиксацией (*-ин-*), поскольку род апеллятива *матрёшка* не соответствует полу нарекаемого.

Прозвище *Шкварка* (м.), содержащее общее восприятие человека как некрасивого, также базируется не на прямом сходстве объектов, а на отдалённой ассоциации: ср. *шкварки* (ед. *шкварка*) «поджарившиеся твердые кусочки сала, получившиеся после его вытапливания» [3]; орловским говорам также известно слово *шкварки* в значениях «остатки выжаренного сала», «сильно пережарившиеся кусочки чего-либо». Данный объект, не обладающий чёткой, определенной формой, в целом воспринимается как «некрасивый», не вызывающий положительного эстетического впечатления, отсюда и создание подобного прозвища.

2. Во многих случаях прозвища указывают на отдельную часть тела человека, чем-либо примечательную. Чаще всего визуальным эталоном сравнения становится форма предмета. Ср. прозвища, маркирующие особенности головы и лица, – *Котелок* (м.) «с большой, круглой головой», *Коржик* (м.) «имеет круглое лицо», форму носа – *Крючок* (м.) «имеет очень длинный нос, похожий на крюк», особенности волос – *Куделя* (ж.) «непричёсанная голова», выдающиеся размеры рук – *Грабля* (ж.) «имеет совсем не женскую руку, чтобы покрыть площадь её ладони, большой и широкой, необходимо положить две чужих», дефект позвоночника, форму спины, – *Кочерга* (ж.) «высокого роста, горбатая» и т.п. Как можно заметить, онимизация сопровождается сложным переносом значения: так, прозвища метафоричны (в их основе явно лежит сравнение «предмет – часть тела человека»), и в то же время человек обозначен по его характерной части, что соответствует метонимическому переносу значения.

Интересно образование прозвищного именования человека посредством мотивационного признака ‘необходимость человеку определенного предмета’: пояснение неофициального антропонима *Костыль* (м.) «ходит, прихрамывая, т.к. одна нога короче другой» не содержит указания на то, использует ли костыль именуемый (что было бы логично), важна необходимость этого предмета при подобном дефекте ног.

Номинация может быть осуществлена опосредованно, не через очевидное сопоставление «предмет – человек», а путём сложного, многоступенчатого ассоциативного семантического переноса, связанного с определенной ситуацией: «предмет – возможный результат действий с таким предметом – результат сходных действий применительно к внешности человека (причёске) – сам человек»: *Газонокосилка* (м.) «прозвище дали в связи с неудачной стрижкой, будто ему по голове газонокосилкой проехались, т.е. неровная, клоками». Ситуативно и создание прозвища *Пила* (м.) «отбывал тюремное наказание в Сибири, где работал на лесоповале, в результате ссоры с другим заключенным остался без одной руки (отпилили)». Прозвище *Пила* как бы компрессирует широкий контекст, биографический эпизод, рассказанный информантом в толковании данного антропонима, – и передаёт целую ситуацию единственной лексемой. При этом онимизируется имя существительное, однокоренное глаголу *отпилить,* не содержащееся в пояснении (онимизация именно субстантива вполне логична, поскольку прозвищем обозначен человек, лицо).

3. Среди неофициальных антропонимов выделяется группа единиц, называющих человека, постоянно носящего какой-либо аксессуар, который начинает восприниматься как яркая деталь, как нечто неотделимое от внешнего облика. Использование такого аксессуара может являться физической необходимостью или следствием вкусов, привычек. В подобных случаях онимизация сопровождается метонимическим переносом: обозначение данного предмета как бы замещает обозначение человека, ср. *Линза* (ж.) «очень плохое зрение, носит очки с крупными линзами», *Сумка* (ж.) «всегда ходит с сумкой», *Трубочка* (м.) «всегда ходит с трубочкой, курит».

Как можно заметить, одна и та же внешняя особенность человека маркирована в прозвищах и соотнесена с различными объектами: например, полнота человека передана через сопоставления с посудными изделиями (ёмкостями округлой формы), выпечными изделиями, предметами мебели.

Неофициальные антропонимы часто фиксируют целостное восприятие человека по самым характерным и заметным признакам – комплекция и рост. В этих случаях прозвище, как правило, метафорично, и в его основе лежит семантический перенос, сопоставление «предмет → человек» (*Глобус, Шланг*). Во многих случаях прозвищное именование экспрессивно и внешний признак носителя прозвища явно гиперболизирован. Мотивационной основой прозвища нередко становится выделяющаяся какими-либо особенностями часть тела человека; соответственно, при этом метафорический перенос происходит следующим образом «предмет → часть тела именуемого человека» (*Крючок, Куделя*). Как можно заметить, даже аксессуар может восприниматься как деталь внешности, в этом случае оним метонимичен, в основе образования прозвища не сходство человека с неживым объектом, а ассоциация «часть (аксессуар) → целое (человек)» (*Линза, Сумка*). Помимо онимизации апеллятива, сопровождающейся тропеическим (метафорическим и метонимическим переносом значения), в ряде случаев наблюдается образование онима в связи с определенной ситуацией, связанной с человеком, когда апеллятив выступает как маркер, сжатое, компрессированное до одного слова представление этой ситуации (*Пила, Газонокосилка*).

Явной семантико-морфологической особенностью приведенных онимов становится отсутствие чёткого соответствия пола обозначаемого лица и рода антропонима – во многих случаях эти параметры не совпадают: ср. *Шланг, Пупсик, Глобус* и др. – женские прозвища*, Трубочка, Пила* и др. – мужские. Следовательно, гораздо значимее оказывается визуальное либо (реже) ситуативное сопоставление нарекаемого лица с неживым объектом, нежели родовая принадлежность соответствующего существительного-апеллятива. Однако в других случаях говорящим необходимо актуализировать, подчеркнуть родовую принадлежность антропонима, соотнести его с полом именуемого, тогда онимизация сопровождается словообразовательными явлениями (суффиксацией): *Батониха* (ж.), *Колобчиха* (ж.)*, Матрёшкин* (м.).

Вещный мир, окружающий человека, детально освоен и осознан, поэтому в качестве прозвищ употребляются онимизированные номинанты таких предметов, которые часто используются в повседневном быту деревенского жителя. Мотивационной основой прозвищных именований становятся, как правило, яркие визуальные признаки артефактов: форма, объём, размер, реже – цвет, а также комбинации указанных критериев, рождающие полипризнаковые неофициальные антропонимы.

Литература

1. Конюшкевич, М.И. На шкале сходств и различий: категория сравнения в русском и белорусском языках / М.И. Конюшкевич. – Гродно: ГрГУ, 2018. – 435 с.

2. Словарь орловских говоров / под ред. Т.В. Бахваловой. – Вып. 1–4. – Ярославль, 1989–1991. – Вып. 5–17. – Орел, 1992–2016.

3. Словарь русского языка: в 4-х тт. [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. – Режим доступа: http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/25/ma472019.htm?cmd=0&istext=1. – Дата доступа: 05.01.2022.

4. Толстая, С.М. Мотивационные семантические модели и картина мира / С.М. Толстая // Русский язык в научном освещении. – 2002. – № 1 (3). – С.112–127.

Г.К. Семянькова
Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава
e-mail: galina.semenkova@mail.ru

УДК 811.161.3’373.232.1(476.5)

Першасныя прозвішчы жыхароў Віцебшчыны: структурны і семантычны аспекты

Ключавыя словы: *прозвішча, першаснае прозвішча, другаснае прозвішча, субстантыўнае прозвішча, ад’ектыўнае прозвішча, уласнае асабовае імя, мянушка, вытворнае імя, невытворнае імя, трансанімізацыя.*

У артыкуле даследуюцца прозвішчы жыхароў Віцебшчыны, утвораныя шляхам трансанімізацыі ад апелятываў, уласных асабовых імён, прыметнікаў; аналізуюцца асаблівасці іх структуры і семантыкі; вызначаецца кампанентны склад, найбольш прадуктыўныя тыпы.

H.K. Semiankova
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

Primary surnames of the Vitebsk region residents: structural and semantic aspects

Key words: *surname, primary surname, secondary surname, substantive surname, adjectival surname, personal name, nickname, derived name, non-derived name, transonymization.*

The article examines the surnames of the Vitebsk region residents, formed by transonymization from appellatives, personal names, adjectives; the features of their structure and semantics are analyzed; the component composition and the most productive types are defined.

Калі зыходзіць з таго, што структура прозвішча – гэта суадносіны яго частак, то сучасныя прозвішчы – структурна статычныя ўтварэнні. Іх марфалагічную структуру складаюць прозвішчная аснова і прозвішчны фармант. Даследчыкі сыходзяцца ў думцы, што фінальныя элементы сучасных прозвішчаў – *-аў, -скі, -овіч,-ец, -енка, -ёнак, -еня* і інш. – нельга назваць суфіксамі, бо ў этымалагічным плане гэта не ў поўнай меры суфіксы. Аднак гэта і не канчаткі, бо гістарычна яны выконвалі словаўтваральную функцыю. Для называння такіх элементаў выкарыстоўваецца тэрмін “прозвішчныя (прозвішчаўтваральныя) фарманты”, які аб’ядноўвае ў сваім значэнні паняцце суфікса і канчатка і падкрэслівае статычнасць гэтай часткі прозвішча на сучасным этапе.

У структурным плане ўсе сучасныя прозвішчы дзеляцца на ***першасныя*** і ***другасныя*.** Такі падзел прапанаваны акадэмікам М.В. Бірылам у працы “Беларускія антрапанімічныя назвы ў іх адносінах да антрапанімічных назваў іншых славянскіх моў (рускай, украінскай, польскай)” [1, 13]. Да ***першасных*** належаць прозвішчы, утвораныя шляхам трансанімізацыі ад імён і мянушак апелятыўнага характару без далучэння прозвішчаўтваральных фармантаў: *Філат* < Філат < канан. Филарет; *Дзікун* < мянушка *Дзікун* < апелятыў *дзікун*. ***Другасныя*** – прозвішчы, утвораныя ад імён або іх форм, мянушак ці тапонімаў шляхам далучэння прозвішчаўтваральных фармантаў: *Васюковіч* < Васюк + -овіч; *Ульскі* < Ул-а + -скі, *Маісеенка* < Маісей + -енка.

У антрапанімнай прасторы Віцебшчыны першасныя прозвішчы займаюць значнае месца: на іх долю прыходзіцца амаль 30% ад агульнай колькасці прозвішчаў. Параўнанне гэтай лічбы з дадзенымі М.В. Бірылы выяўляе той факт, што частотнасць першасных прозвішчаў на Віцебшчыне на тры з лішнім працэнты перавышае сярэдні паказчык

па Беларусі [1, 14]. Гэта яшчэ раз пацвярджае думку, выказаную Г.М. Мезенкай, што асноўным кірункам фарміравання сямейнага іменавання ў паўночна-ўсходняй частцы Беларусі было замацаванне мянушак у якасці прозвішча [4, 76].

Як вядома, першасныя прозвішчы пераважаюць у чэхаў і славакаў, вельмі распаўсюджаны ў палякаў [5, с. 268], з усход ніх жа славян – ва ўкраінцаў (па дадзеных Ю.К. Радзько, такія антрапонімы складаюць каля 40% ад усіх украінскіх прозвішчаў [6, 101], на Байкоўшчыне ж – амаль 53% [3, 329]). У рускай іменаслоўнай сістэме першасныя прозвішчы сустракаюцца рэдка, таму даследчыкі А.В. Супяранская, і А.У. Суслава называюць іх “нестандартнымі” [7, 71].

На Віцебшчыне асноўная большасць першасных прозвішчаў (амаль 80%) – адназоўнікавыя ўтварэнні (*Варонька, Селязень, Стома, Шкумат*). І толькі 20 % складаюць адыменныя (*Курыла, Міхаль, Панкрат, Ярома*) і адпрыметнікавыя (*Босы, Гладкі, Голенькі, Скаромны*) адзінкі.

Сярод першасных выдзяляюцца прозвішчы ***субстантыўнага*** і ***ад’ектыўнага*** характару. Да ***субстантыўных*** адносяцца тыя, што супадаюць з назоўнікамі-апелятывамі (*Жук, Карман, Птушка, Халуй*) або ўласнымі асабовымі імёнамі ці іх формамі (*Валодзька, Гардзей, Ісай, Кандрат, Максім, Пашута, Пятрага, Юхно*).

Першасныя прозвішчы, суадносныя з поўнымі прыметнікамі, складаюць групу антрапонімаў ***ад’ектыўнага*** характару: *Баравы, Бязродны, Любы, Плоскі, Шчаслівы*. Іх удзельная вага ў агульнай структуры першасных прозвішчаў нязначная – менш за 5%.

Граматычная прыкмета ***ад’ектыўных*** прозвішчаў – наяўнасць у іх родавай карэляцыі: форма роду прозвішча залежыць ад полу носьбіта, напрыклад, Пётр *Белы* і Алена *Белая*, Алег *Жандарскі* і Марыя *Жандарская.* Такія антрапонімы скланяюцца, як адпаведныя ім прыметнікі.

Падчас аналізу структуры першасных прозвішчаў выяўлена наступнае: нязначная колькасць апелятываў-назоўнікаў, ад якіх паходзяць прозвішчы, – невытворныя адзінкі тыпу *жыжа, качан, квач, колас, крук, піла, пята* > прозвішчы *Жыжа, Качан, Квач, Колас, Крук, Піла, Пята.* Пераважная ж большасць іх – вытворныя дэрываты тыпу *глушко, кавалёк, кідзель, прыходзька, пузатка, сляпуха, пляскач, тарапыня, ціхоня* > прозвішчы *Глушко, Кавалёк, Кідзель, Прыходзька, Пузатка, Сляпуха, Пляскач, Тарапыня, Ціхоня.* Паводле падлікаў, прапорцыя невытворных і вытворных адзінак складае 1 : 13.

У першасных прозвішчах, якія паходзяць ад вытворных назоўнікаў, фіксуюцца наступныя фінальныя элементы: *-ка/-ко*: *Зявалка, Налівашка, Падвалочка, Пляшко, Разумейка; -ак (-як): Кругляк, Пазняк, Рудак; -ель: Гудзель, Кідзель, Дрыгель; -ла: Дудзела, Трубіла, Жыгала; -ан (-ян): Буян, Латан, Стукан; -нік: Алейнік, Міснік, Рашэтнік; -ач: Дзяргач, Жыгач, Ламач; -уха (-юха): Насуха, Паўтаруха, Слабуха.*

Параўнанне прыведенага вышэй матэрыялу з дадзенымі П.У. Сцяцко пра словаўтваральныя тыпы назоўнікаў у дыялектнай мове [9], а таксама звесткамі з граматык дазваляе сцвярджаць наступнае: часцей за ўсё мянушкі і нецаркоўныя імёны – пазней яны трансанімізаваліся ў прозвішчы – утвараліся на ўзор тых словаўтваральных тыпаў, якія вылучаюцца прадуктыўнасцю ў дыялектнай мове, у літаратурнай жа з’яўляюцца непрадуктыўнымі, малапрадуктыўнымі ці нерэгулярнымі. Часам дамінуе вузка рэгіянальны словаўтваральны тып (гл. тып на *-ель*).

Значнай частцы прозвішчаў уласцівы рэдкія фіналі, што фіксуюцца ў адзінкавых антрапонімах: *-ень (Рагацень), -оня (Ціхоня), -уня (Шабуня), -ура (Шамшура), -яга (Рабацяга), -юга (Шаўлюга), -оба (Худоба), -ец/-эц (Малец, Курэц), -ыш (Чарныш), -ля (Моўля), -ыня (Тарапыня).* Некаторыя антрапонімы ўтрымліваюць фіналі, якія не адзначаны даследчыкамі ў навуковай літаратуры: *-оха (Сівоха), -ань (Галавань), -ута (Паршута).* Магчыма, названыя тыпы з’яўляюцца рэгіянальнымі і бытуюць толькі на даследаванай тэрыторыі.

Частка прозвішчаў можа быць суаднесена з дзеясловамі: *Заруба* (зарубіць), *Засека* (засекчы), *Недасек, Недасека* (не дасекчы), *Падрэз* (падрэзаць), *Падскок* (падскокваць), *Перагуд* (перагусці), *Прышчэп* (прышчапіць).

Паколькі дэрывацыя пры дапамозе прэфікса не характэрна для прозвішчаў, то хутчэй за ўсё прыведзеныя антрапонімы – вынік трансанімізацыі аманімічных мянушак або нецаркоўных імён, якія ўтварыліся нульсуфіксальным спосабам ад адпаведных дзеясловаў: *Недасек(а)* < мяну шка або нецаркоўнае імя *Недасек(а)* ’той, каго не *дасеклі* (на вайне, у баі)’, *Падрэз* < мяну шка або нецаркоўнае імя *Падрэз* ’той, каго *падрэзалі*’, *Прышчэп(а)* < мяну шка або нецаркоўнае імя *Прышчэп(а)* ’які *прышчапіўся (далучыўся)*’.

На Віцебшчыне нязначнымі па колькасці з’яўляюцца прозвішчы, суадносныя са складанымі словамі (0,22 % ад усіх прозвішчаў жыхароў рэгіёна, або 0,76 % – ад першасных). Такія адзінкі паходзяць ад аманімічных мянушак, утвораных ад наступных спалучэнняў: а) прыметнік + назоўнік: *Беладзед, Белавус, Белагалоўка, Беланошка, Даўгапол, Крывалап, Крыванос, Крыварука, Старавойт, Чарнавок(а), Чарнавус, Шалахвост;* б) назоўнік + дзеяслоў: *Бабавоз, Бабаед, Жарнасек;* в) займеннік + дзеяслоў: *Самалёт;* г) прыслоўе + дзеяслоў: *Скараход.*

Уласныя асабовыя імёны без спецыяльнага афармлення сустракаюцца даволі часта ў якасці прозвішчаў жыхароў Віцебшчыны: на долю ўтвораных такім шляхам адзінак прыходзіцца амаль 16% ад усіх першасных прозвішчаў, або крыху менш за 5 % ад агульнай колькасці выяўленых антрапонімаў. Пры гэтым выкарыстоўваюцца як хрэсныя славянскія, так і запазычаныя неславянскія (яўрэйскія, арабскія, латышскія) імёны ў літаратурнай і дыялектнай формах, а таксама ўсечаныя формы імён і імёны з суфіксамі суб’ектыўнай ацэнкі. А.В. Супяранская адзначае, што паходжанне такіх прозвішчаў рознае. Яны могуць належаць да той пары, калі ў карыстанні былі два імені – нецаркоўнае і царкоўнае. Магчыма і адваротная дэрывацыя з прозвішчаў (*Іваноў* > Іван). Акрамя гэтага, зыходныя імёны ў якасці прозвішчаў даваліся асобам, якія паступалі ў семінарыі [7, 70].

Большасць імён, пакладзеных у аснову прозвішчаў, з’яўляецца вытворнымі (адносіны вытворных да невытворных выглядаюць як 5:1). Сярод невытворных пераважаюць літаратурныя формы: параўн. прозвішчы *Вавіла, Гардзей, Дзямід, Зыгмунт, Кандрат, Максім* і адпаведныя ўласныя асабовыя імёны. Зрэдку сустракаюцца ўтварэнні ад дыялектных форм імён: *Ходас, Хрол.*

На думку М.В. Бірылы, імя Фларэнцій належыць да ліку тых кадыфікаваных імён, “якія ў перыяд засваення беларускай мовай..., а таксама ў XVI–XVIII стст. не ўжываліся зусім ці былі малаўжывальнымі, а таму па марфалагічнай структуры не адаптаваліся, захавалі кананічную форму на *-ий*” [2, 138–139]. Зафіксаванае ў Верхнядзвінскім раёне прозвішча *Фларэнц* даказвае адваротнае: імя Фларэнцій адаптавалася на ўсходнеславянскай глебе, бо страціла канцавы *-ий*. Аднак гэты прыклад адзінкавы: на Віцебшчыне больш не адзначана прозвішчаў ад названага антрапоніма. Відаць, імя было малаўжывальным і на даследаванай тэрыторыі таксама.

Сярод прозвішчаў, што ўзніклі шляхам трансанімізацыі з вытворных імён, вылучаецца некалькі структурных груп: 1) адзінкі, у аснове якіх імёны з усечанай асновай: *Міх* < Міх < Міхаіл, *Том* < Том < Tomasz; 2) прозвішчы, што супадаюць з вытворнымі імёнамі першага дэрывацыйнага рада: *Карпуць* < Карпуць < Карп, *Лукша* < Лукша < Лука ці Лук’ян, *Мірош* < Мірош < Мірон, *Пятрага* < Пятрага < Пётр, *Фалько* < Фалько < Фалалей; 3) антрапонімы, у аснове якіх імёны другога дэрывацыйнага рада, утвораныя ад імён першага дэрывацыйнага рада: *Івашура* < Івашура < Іваш < Іван, *Кіраёк* < Кіраёк < Кірэй < Кір або Кірыл, *Пашута* < Пашута < Паша < Павел; 4) прозвішчы, што паходзяць ад вытворных імён трэцяга дэрывацыйнага рада: *Сянчура* < Сянчура < Сенька < Сеня < Сямён.

Колькасныя падлікі выявілі месца кожнага з пералічаных тыпаў у агульнай структуры першасных адыменных прозвішчаў: асноўная большасць прозвішчаў паходзіць

ад вытворных імён першага дэрывацыйнага рада (больш за 70 %); даволі высокі працэнт адзінак, якія супадаюць з поўнай літаратурнай формай імён (крыху больш за 20%); нязначнае месца займаюць антрапонімы, утвораныя ад імён другога і трэцяга дэрывацыйных радоў (адпаведна менш за 5% і менш за 1%), а таксама аманімічныя з усечанымі імёнамі (больш за 1%).

Дэталёвы аналіз адыменных прозвішчаў дазваляе выявіць самыя папулярныя ў перыяд прозвішчаўтварэння формы імён і фарманты ў іх. Так, надзвычай высокай прадуктыўнасцю вылучаецца суфікс *-к-*: амаль 40% першасных адыменных прозвішчаў паходзіць ад імён на *-ка*/*-ко*, сярод іх прозвішчы *Амялюшка* (< Амялюшка < Емельян), *Аношка* (< Аношка < Анания), *Аўдошка* (< Аўдошка < Евдоким), *Бартошка* (< Бартошка < Bartłomiej), *Міцько* (< Міцько < Димитрий), *Пашко* (< Пашко < Павел). На высокую частотнасць названага суфікса звяртаў увагу М.В. Бірыла, які пісаў, што ў помніках XVI–XVIII стст. з суфіксам *-к-* засведчаны 72 формы ад 50 імён. Разам зафіксавана ў помніках і рэканструявана па сучасных беларускіх прозвішчах 195 форм на *-ко*/*-ка* ад 143 уласных асабовых імён [2, 175].

Прычына такой папулярнасці названага суфікса бачыцца, па-першае, у яго характары: суфікс надае імёнам эмацыянальна-экспрэсіўнае адценне і дазваляе выказаць адносіны гаворачага да той асобы, да якой звяртаюцца ці якая з'яўляецца прадметам гутаркі; па-другое, у даволі шырокіх спалучальных магчымасцях, бо суфікс можа далучацца як да поўнай іменнай асновы (Дзямідка < Дзямід, Панцялейка < Панцялей), так і да ўсечанай, што і адбываецца ў пераважнай большасці зафіксаваных прыкладаў (*Люцько* < Люцько < Łucjan, *Тамко* < Тамко < Tomasz), а таксама да вытворных імён, якія ўжо маюць суфіксы (*Кірушка* < Кірушка < Кіруша < Кірыл).

Структура першасных субстантыўных прозвішчаў паказвае, што на Віцебшчыне падчас прозвішчаўтварэння дастаткова прадуктыўнымі ў асабовых імёнах былі наступныя фіналі (хоць і ў меншай ступені, чым *-ка*/*-ко*): *-уш*//*-юш, -уша: Генюш, Мацюш; Лукуша; -уль: Вайцюль, Максуль, Стануль; -ш, -ша: Гермаш, Канаш, Ярмош; Лукша; -ага, -уга*//*-юга, -ыга*: *Юрага, Пятрага; Семянюга; Сямыга; -ель*: *Вашкель, Грыгель, Юргель; -ута*: *Лагута, Мішута, Пашута, Якута; -ура*: *Івашура, Савура, Сянчура, Фядура; -уць*: *Карпуць, Петруць, Савуць, Януць; -на*//*-но*: *Алёхна, Міхна, Міхно, Юхно.*

Наступныя фарманты сустракаюцца ў прозвішчах надзвычай рэдка: *-ун*//*-юн* (*Місюн, Сяргун*), *-ень* (*Касцень*), *-ан* (*Грышан*), *-нь* (*Грынь*), *-ас* (*Янас*), *-ус* (*Янус*), *-сь* (*Габрысь, Сцесь,*), *-ека* (*Карпека*), *-ок*//*-ёк*//*-эк* (*Кананок, Кіраёк, Борэк*), *-еза* (*Карпеза*), *-ышча* (*Пятрышча*), *-ц* (*Грыц*), *-аш*//*-ош* (*Бартош, Мілаш*), *-ей* (*Багдзей, Кузей*), *-ух*//*-юх* (*Антух, Арцюх*), *-ех*//*-ёх* (В*асех, Васёх*).

Аналіз прыметнікаў, ад якіх шляхам трансанімізацыі ўтварыліся першасныя ад'ектыўныя прозвішчы, выявіў колькасную перавагу вытворных адзінак тыпу *бязродны, бяспечны, думны, надабны, падлобны, умецкі, харошанькі, шчаслівы* (>прозвішчы *Бязродны, Бяспечны, Думны, Надабны, Падлобны, Умецкі, Харошанькі, Шчаслівы)* над невытворнымі тыпу *белы, бодры, ласкі, святы, сівы, скоры, чорны, ясны* (> прозвішчы *Белы, Бодры, Ласкі, Святы, Сівы, Скоры, Чорны, Ясны)* амаль у два з паловай разы.

Такім чынам, першасным прозвішчым належыць значнае месца на тэрыторыі Віцебшчыны: амаль кожнае трэцяе прозвішча з'яўляецца першасным. Асноўную большасць першасных прозвішчаў складаюць утварэнні ад назоўнікаў-апелятываў (амаль 80%), у шэсць разоў менш адзінак, што паходзяць ад уласных асабовых імён (крыху больш за 15%), менш за ўсё прозвішчаў ад'ектыўнага характару (амаль 5 %).

Пераважная большасць прозвішчаў, аманімічных з назоўнікамі-апелятывамі, мае ў сваім складзе фіналі, прадуктыўныя ў жывой народнай мове, што не з'яўляецца выпадковым: працэс фарміравання прозвішчаў падпарадкоўваўся правілам, уласцівым

дыялектнай мове. Сучасныя прозвішчы жыхароў Віцебшчыны ілюструюць вынікі дзеяння гэтых правілаў.

Для прозвішчаў, утвораных ад уласных асабовых імён і іх форм, характэрна перавага адзінак, што супадаюць з вытворнымі імёнамі першага дэрывацыйнага рада. Значна менш антрапонімаў, якія суадносяцца з поўнай гутарковай або з усечанай формай імён, а таксама з вытворнымі імёнамі другога і трэцяга дэрывацыйнага радоў.

Ад'ектыўныя прозвішчы намнога часцей (амаль у два з паловай разы) супадаюць з вытворнымі, чым з невытворнымі прыметнікамі.

Сказанае вышэй дае падставы сцвярджаць, што першасныя прозвішчы займаюць значнае месца ў антрапанімнай прасторы Віцебшчыны і з'яўляюцца разнастайнымі ў структурным і семантычным планах.

Літаратура

1. Бірыла, М.В. Беларускія антрапанімічныя назвы ў іх адносінах да антрапанімічных назваў іншых славянскіх моў (рускай, украінскай, польскай) / М.В. Бірыла. – Мінск: Выд-ва Акадэміі навук БССР, 1963. – 58 с.
2. Бірыла, М.В. Беларуская антрапанімія: Структура ўласных мужчынскіх імён / М.В. Бірыла. – Мінск: Навука і тэхніка, 1982. – 320 с.
3. Бучко, Г. Найпоширеніші структурні моделі прізвищ Бойківщини / Г. Бучко // Badania dialektów i onomastyki na pograniczu polsko-wschodniosłowiańskim. – Białystok, 1995. – С. 327–336.
4. Мезенка, Г. Віцебскія прозвішчныя тыпы XVII–XIX стст. у славянскім кантэксце / Г. Мезенка // Беларуская мова: шляхі развіцця, кантакты, перспектывы: матэрыялы III Міжнар. кангрэса беларусістаў, Мінск, 21–25 мая, 4–7 снеж. 2001 г. – Мінск: Беларускі кнігазбор, 2001. – С. 73–84.
5. Никонов, В.А. Типология славянской антропонимии / В.А. Никонов // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: материалы IX Международного съезда славистов. – М., 1983. – С. 257–270.
6. Редько, Ю.К. Сучасні украіньскі прізвища / Ю.К. Редько. – Київ: Наук. думка, 1966. – 215 с.
7. Суперанская, А.В. "Нестандартные" русские фамилии / А.В. Суперанская, А.В. Суслова // Ономастика и норма. – М.: Наука, 1976. – С. 59–71.
8. Сцяцко, П.У. Беларускае народнае словаўтварэнне. Афіксальныя назоўнікі / П.У. Сцяцко. – Мінск: Навука і тэхніка, 1977. – 320 с.
9. Сцяцко, П.У. Народная словатворчасць / П.У. Сцяцко // Беларуская мова і літаратура ў школе, 1989. – №2. – С. 22–24.

Н.Р. Тачыла
Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І.П. Шамякіна
e-mail: natakazak1980@mail.ru

УДК 811.161.1'373

Анамастычная прастора Жыткаўшчыны (на матэрыяле гістарычна-дакументальнай кнігі-хронікі "Памяць")

Ключавыя словы: *анамастычныя адзінкі, антрапонім, этнонім, мікратапонім, прэсонім, гелонім, функцыянаванне, адэтнанімічныя ўтварэнні.*

У артыкуле разглядаюцца анамастычныя адзінкі: антрапонімы, мікратапонімы і інш., якія маюць у сваёй аснове этнонім (ад грэч. ethnos – племя, народ, опута – імя), якія функцыянуюць у анамастычнай прасторы Жыткаўшчыны. Адэтнанімічныя ўтварэнні класіфікуюцца ў групы па іх семантычных прыкметах і па ступені іх распаўсюджвання на тэрыторыі пэўных населеных пунктаў.

N.R. Tachyla
I.P. Shamyakin State Pedagogical University of Mazyr

Onomastic space of the Zhitkovichi region (based on the material of the historical and documentary chronicle book "Memory")

Key words: *onomastic units, anthroponym, ethnonym, microtoponym, presonym, gelonym, functioning, ethnonymic formations.*

The article deals with onomastic units: anthroponyms, microtoponyms, etc., which are based on an ethnonym (from greek. etnos – tribe, people, onyma – name), functioning in the onomastic space of the Zhitkovichi region. Ethnonymic formations are classified into groups according to their semantic features and the degree of their distribution on the territory of certain localities.

Землі сучаснай Беларусі ў розныя гістарычныя часы ўваходзілі ў склад Вялікага Княства Літоўскага, Рэчы Паспалітай, Расійскай імперыі, буржуазнай Польшчы, Савецкага Саюза.

На працягу многіх стагоддзяў побач з беларусамі пражывалі рускія, палякі, яўрэі, літоўцы, украінцы, татары, латышы, немцы, чэхі, цыганы. Гэта, безумоўна, не магло не адбіцца на складзе лексікі беларускай мовы, у тым ліку і на складзе антрапонімаў і мікратапонімаў.

Анамастычныя адзінкі прыцягваюць заўжды ўвагу навукоўцаў і з'яўляюцца аб'ектам даследавання многіх прац.

Значны ўклад у распрацоўку анамастыкі ў цэлым і антрапаніміі ў прыватнасці ўнёс акадэмік М.В. Бірыла. Вынікі яго працы ў гэтым напрамку прадстаўлены ў шматлікіх публікацыях, у тым ліку некалькіх манаграфіях. Вучоны глыбока прааналізаваў этымалогію імён, утваральныя асновы і структуру сучасных беларускіх прозвішчаў, што ўзніклі на базе апелятыўнай лексікі і на аснове ўласных імён літоўскага і цюркскага паходжання; структуру мужчынскіх хрысціянскіх імён XVI–XVIII стст., імён, рэканструяваных па сучасных беларускіх прозвішчах. У яго працах паказаны асаблівасці адаптацыі кананічных імён у беларускай мове, дэталёва апісана словаўтваральная структура поўных афіцыйных, размоўных, эмацыянальна-ацэначных імён [2].

Даследаванні апошніх гадоў па антрапаніміі, яе прадметнай зоне, праблематыцы, метадалогіі звязаны з імем Г.М. Мезенка. У манаграфіі "Віцебшчына ва ўласных імёнах: мінулае і сучаснасць" Г.М. Мезенка, В.М Ляшкевіч, Г.К. Семяньковай упершыню даследуецца сучасны стан і гістарычнае фарміраванне розных формул іменавання жыхароў Віцебшчыны XVI–XXI стст. [14, с. 2].

Вялікі ўклад у развіццё анамастыкі Палесся, у тым ліку і анамастычных адзінак – антрапонімаў, унёс Мазырскі прафесар В.В. Шур. У сваіх працах "З гісторыі ўласных імёнаў" (1993), "Беларускія ўласныя імёны" (1998), "Анамастычная лексіка ў мове беларускай мастацкай літаратуры" (2003), "Онім у мастацкім тэксце" (2006) навукоўца апісвае гісторыю беларускіх імён і прозвішчаў, падкрэслівае ўзаемадзеянне беларускіх і замежных прозвішчаў.

Ю.А. Гурская разгледзела прозвішчы адэтнанімічнага паходжання ў пісьмовых помніках Вялікага Княства Літоўскага, усталявала сувязі адэтнанімічных прозвішчаў з тапонімамі, вылучыла найбольш старажытныя этнонімы (*Русь, Літва, Гуды*) [5, 160].

У.А. Лякін зафіксаваў антрапонімы, што выяўлены ў мясцовых гаворках Усходняга Палесся, зрабіў іх аналіз, паказаў частотнасць і распаўсюджанасць гэтых анамастычных адзінак на даследуемай тэрыторыі [12].

Апошнім часам вялікая ўвага стала надавацца рэгіянальнаму матэрыялу. У прыватнасці, В.І. Рагаўцовым і С.Я. Кечык выдадзены “Анамастычны слоўнік Магілёўшчыны”, што ўключае і мянушкі [17].

Прафесар А.Ф. Рогалеў правёў гісторыяграфічны аналіз імён кіраўнікоў Гомеля, гомельскіх баяр і сялян. У сваіх навуковых працах аўтар раскрывае спецыфіку найменняў жыхароў Гомеля і гомельскіх вёсак у XVI–XVIII стст., разглядае станаўленне сучаснага прозвішчнага фонда ў рэгіёне, змяшчае спіс найбольш частотных мужчынскіх і жаночых уласных імён, падае іх этымалагічныя значэнні [19].

Варта адзначыць і серыю беларускіх кніг-хронік “Памяць”, якія змяшчаюць быгаты фактычны матэрыял, і даюць магчымасць зрабіць выбарку антрапонімаў і другіх анамастычных адзінак для далейшага даследавання.

Мэтай артыкула з’яўляецца выяўленне, фіксацыя і семантычна-этымалагічнае апісанне анамастычных адзінак (антрапонімаў, мікратапонімаў, прэсонімаў і інш.) з асновай-этнонімам, што бытуюць на тэрыторыі Жыткавіцкага раёна Гомельскай вобласці (на матэрыяле гістарычна-дакументальнай кнігі-хронікі “Памяць”).

Выбар рэгіёна абумоўлены тым, что Жыткаўшчына – самабытны, гістарычна багаты Палескі край, на тэрыторыі якога знаходзіцца адзін з найстаражытных гарадоў Беларусі – Тураў, у XII–XIII ст. – сталіца Тураўскага княства [15, 18]. На тэрыторыі Тураўшчыны, міжрэччы Прыпяць – Сцвіга, выяўлена вялікая колькасць гістарычных помнікаў, якія аставілі пасля сябе старажытныя людзі, што, безумоўна, спрыяла ўтварэнню шматлікіх мікратапанімічных і антрапанімічных назваў. Таксама на працягу стагоддзяў на Палескім краі адбываліся значныя гістарычныя падзеі (у лютым 1918 – акупацыя нямецкімі захопнікамі [15, 185], акупацыя белапалякамі да 1920 г., [15, 193], з 15 ліпеня 1920 г. – сацыялістычныя пераўтварэнні [15, 210], 1941–1945 гг. Вялікая Айчынная вайна. Усе гэтыя падзеі не прайшлі бясследна і аказалі ўплыў на станаўленне сучаснага прозвішчнага фонда ў рэгіёне.

Так, напрыклад, у гаворках жыхароў Жыткаўшчыны выяўлены некаторыя мікратапонімы з асновай-этнонімам. У дадатаку да “Менскага епархіяльнага ведамства” за 1879 г. фіксуецца два адэтнанімічных мікратапоніма (*мікратапонімы* – уласныя назвы мелкіх геаграфічных аб’ектаў) *Турын Рог, Казакоўка* – дзве мясцовасці на паўднёва-захадняй частцы Турава. Згодна запісам тут татары ў 1521 г. і казакі ў 1648 г. мелі свае ваенныя станы [15, 148].

У анамастыконе Жыткавіцкага раёна зафіксаваны ўласныя назвы, што маюць у сваім складзе лексемы “*жыд/яўрэй*” – (яўрэ́і, ці жыды́, ці габрэ́і – этнічная супольнасць, якая пражывае дысперсна ў многіх краінах свету, складаецца з субэтнічных груп, мае адзіную этнічную свядомасць і аб'яднана гістарычнай тоеснасцю са старажытнымі іўдзеямі). І.А. Гапоненка падкрэслівае варыянтнасць і паралелізм ужывання дадзенага этноніма, які мае дзве этнічныя формы: *яўрэй* (на рускі ўзор) і *жыд* (на польскі ўзор) [3, 239]. У вёсцы Дзякавічы бытуе легенда, што рэчка Глініца ўтварылася ад ракі *Жыткаўка*, раней *Жыдаўка*, назва якой узыходзіць ад назвы возера *Жыд,* або *Жыцкае возера, Князь-возера* (XVI – XVII ст.). *Лімнонім* (*лімнонімы* – уласныя назвы азёр) *Жыд* мае ў сваім складзе этнонім *жыд*. Жыхары сцвярджалі, что раней у возеры вадзілася шмат чырванапёрай, кашэрнай рыбы, якую ўжывалі ў ежу яўрэі, таму, відавочна, і возера называлася *Жыд* [15, 700]. У наваколлі вёскі Вятчынская Рудня зафіксавана яшчэ адна адэтнанімічная назва болота, гелонім (*гелонімы* – уласныя назвы балот, забалочаных участкаў) *Зажыддзе* – балота што размешчана за возерам *Жыд*, асновай зўяўляецца этнонім *жыд* [15, 246; 703]. Гістарычныя падзеі адлюстроўваюцца і ў загалоўках кніг, газет, часопісаў. “*Бальшавікі Палесся*” – назва кнігі, у якой апісваецца жыцце ў Вільчы [15, 182]; назвы газет (*прэсонімы* – навы перыядычных выданняў) “*Палеская праўда*” – падпольная газета 1944 г. [15, 387]; *“Новае Палессе”* – раённая газета (1962 г. Жыткавіцкі р.) [15, 267].

Адзначаны назвы калгасаў (*эргонімы* – уласныя назвы прамысловых аб'ектаў): *"Новае Палессе"* (х. Парасля; х. Хвойка); *"Палескі партызан"* (в. Буда); *"Палескі гігант"* (в. Доўгая Дуброва) [15, 261]; *"Бальшавік Палесся"* (в. Поўчын) [15, 263]; *"Чырвонае Палессе"* (Ляхавіцкі с/с) [15, 273]; *"Палесдрук"* выдавецтва [15, 250]; "*Чырвонае Палессе"* рыбгас (Жыткавіцкі р. 1944 г.) [15, 635]; *"Чырвонапалескі"* – рыбгас (г. Тураў 1992 г.) [15, 639]. У аснове гэтых найменняў ляжыць этнонім-тапонім *Палессе*, паводле В.А. Жукевіча, Палессе – абагульненая назва, што ўжываецца для абазначэння паўдневай часткі БССР [7, 300]. Некаторыя эргонімы маюць у сваім складзе аснову-тапонім Беларусь: *"Беларускі Камунар"* (в. Ляхавічы) [15, 261]; *"Ленінская Беларусь"* (в. Буйкавічы) [15, 261]; *"Савецкая Беларусь"* (в. Пагост; в. Азяраны) [15, 263]; *"Камунар Беларусі"* (Ляхавіцкі с/с) [15, 642]; *"Беларусь"* (Тураўскі р.) [15, 234].

Антрапонімы, што зафіксаваны метадам суцэльнай выбаркі з кнігі-хронікі "Памяць" Жыткавіцкага раёна, падзелены на лакальныя групы, у залежнасці ад асновы-этноніма, да якога яны ўзыходзяць. Паводле А.Ф. Рогалева, разглядаючы адзінкі такога тыпу, патрэбна ўлічваць усе фактары з'яўлення той, ці іншай назвы, так як некаторыя з іх могуць быць псеўда-адэтнанімічнымі. Так як з цягам часу з'яўляюцца новыя назвы, то яны могуць страціць першаснае значэнне. Таму, апісваючы паходжанне зафіксаваных антрапонімаў, мы будзем улічваць розныя крыніцы іх утварэння:

– *Герман А.А*. (в. Сукачы), *Герман М., Герман С*. (в. Ленін), *Герман А.Ф*. 1921 г., *Герман Г.І.* 1893 г*., Герман Р.А.* 1933 г. (в. Перапроў), *Герман К.І*. 1923 г. (в. Юркевічы), *Герман М.Р.* 1906 г. (в. Пагост) [15, 459; 461; 486; 532; 547]. Прозвішча *Герман* узыходзіць да нямецкага мужчынскага імя Герман (Hermann), якім часта называлі нямецкіх яўрэяў, імя якога было Гірш (Хірш). Хутчэй за ўсё, продка носьбіта гэтага прозвішча клікалі Герман. Першыя габрэйскія прозвішчы ў Германіі з'явіліся ў вялікіх габрэйскіх грамадах у канцы сярэдніх стагоддзяў. У тыя часы прозвішчы давалі вельмі нешматлікім габрэям, у асноўным, знаўцам Торы або вельмі багатым і вядомым людзям. Герман – імя, прынятае праваслаўнай і каталіцкай царквой, польск. Herman [2, 52];

– *Казак А.І.* 1899 г., *Казак М.Р.* 1887 г. (в. Хачэнь) [15, 311]; *Казак Ігнат* 1934 г. (г. Тураў) [15, 280]; *Казак А.М.* 1916 г., *Казак Е.М.* 1924 г., *Казак І.М.* 1918 г, *Казак К.К*. 1918 г., *Казак К.М*. 1925 г., *Казак Ц.І*. 1904 г. (в. Бярэжцы) [15, 611]; *Казак Г.А.* 1929 г., *Казак М*. 1880 г., *Казак Н.А*. 1924 г. (в. Перапроў) [15, 487]; *Казакоў У.А., Казачэнка М.І.* (в. Ельск) [15, 522]. У гісторыі ўсходнеславянскіх народаў вядомы запарожскія, данскія, кубанскія, уральскія, сібірскія і іншыя казакі (ТСБМ, ІІ, 574). Казакі – спачатку былі вольнымі людзьмі з ліку ўцекачоў на ўскраіны Рускай дзяржавы прыгонных сялян. З XVIII ст. да 1917 г. казацтва – ваеннае саслоўе, абавязанае несці ваенную службу ў Расійскай імперыі. Верагодна ад сярэднеазіяцкага казмак, бадзяцца, блукаць, як гайдук, гайдамакі, ад гайда; вайсковы абывацель, воін, які належыць да асаблівага саслоўя казакоў, лёгкага коннага войска, якая абавязана служыць па выкліку на сваіх конях, у сваёй вопратцы і ўзбраенні [6];

– *Кітаеў В.Я*. Загінуў у ваенныя гады на тэрыторыі Турава [15, 529]. Існуе некалькі тлумачэнняў паходжання прозвішча *Кітай* і яго варыянтаў. Яно бярэ свой пачатак, як лічаць некаторыя даследчыкі, ад метафарызаваных уласных імёнаў ці мянушак *Кітай* (Кітаец) [9, 199]. Паводле У.І. Даля, ʻкітайкаʼ – "простая папяровая тканіна, зыходна мутна жоўтая, і вывезеная з Кітая". У слоўніку М.М. Тупікава адзначаны прозвішчы і імёны *Василій Китай* (1475 г.), *Китай Яковлевъ* (1550 г.), *Китаец* (1555 г.), *Китайко Епимаховъ* (1557 г.) і інш. [20, 180]. М.В. Бірыла выяўляе наступныя прозвішчы: *Кітай, Кітайко, Кітаец* і дае ім тлумачэнне ʻкітаїʼ устар. бел. – "тонкае баваўнянае палатно" [2, 204];

– *Латышкевіч І.* [15, 167] – антрапонім, які ўзнік ад этнонімаў *латыш, латгал*. Паводле В.А. Жучкевіча, Латгалія / Латгале (латыш. Latgale; латг. Latgola) – гэта назва гістарычнай вобласці Усходняй Латвіі. Нашы продкі ў XI–XVIII стст. называлі "латыгаль" жыхароў Латгаліі або перасяленцаў з гэтай часткі Латвіі [7, 196];

– *Літвінка Макей* 1917 г. (г. Тураў) [15, 206]; *Літвіновіч А.І.* 1899 г. (Жыткавіцкі с.) [15, 301]; *Літвіновіч І.Р.* 1917 г. (в. Юркевічы) [15, 504]; *Літвіновіч Л.Ф., Літвіновіч Н.* (в. Сукачы) [15, 457]; *Літвін Ф.Г.* 1909 г., *Літвін У.Ф.* 1920 г. (в. Кольна) [15, 606]; *Літвін І.П.* 1908 г., *Літвін І.П.* 1909 г. (г. Жыткавічы) [15, 577]; *Літвіненка Ц.А.* [15, 529]; *Літвінка І.С.* 1925 г., *Літвінка І.Я.* 1922 г. (в. Пагост) [15, 548]. Паводле гісторыка-этнаграфічных звестак, у даўніну этнонімам *літвін/ліцвін* называлі не жыхароў сённяшняй Літвы, а насельніцтва шматнацыянальнай дзяржавы Вялікага Княства Літоўскага, якое існавала з сярэдзіны XIII ст. па 1795 год на тэрыторыі сучасных Беларусі і Літвы, а таксама часткова Украіны, заходніх абласцей Расіі, Латвіі, Польшчы і Эстоніі;

– *Ляховец Самойл* 1896 г. (в. Дуброва) [15, 172]; *Ляшкевіч Платон* [15, 258]; *Ляшкевіч М.І.* [15, 313]; *Ляшкевіч С.Я.* 1917 г. (в. Беразіна) [15, 469]; *Ляшкевіч А.І.* 1908 г. (в. Яміца) [15, 610]; *Лахвіч К.В.* 1894 г., *Лахвіч Н.В.* 1882 г., *Лахвіч А.* 1908 г., *Лахвіч Я.* 1922 г., *Лахвіч Ф.П.* 1862 г., *Лахвіч Ф.* 1940 г., *Лахвіч П.І.* 1915 г., *Лахвіч У.* 1936 г., *Лахвіч С.* 1933 г. (в. Грабаў) [15, 485]; *Лахвіч А.Р.* 1910 г. (в. Беразінкі) [15, 597], *Лахвіч* (17 адз.), в. Грабаў [15, 598]. Як сцвярджаюць даследчыкі, этнонім *лях* ужываўся ўсходнімі славянамі ў двух значэннях "*паляк*" і "*каталік*". Этнаантрапонім *Лях* і ўтвораныя ад яго прозвішчы *Ляховіч, Ляшко, Ляшкевіч* і інш. атрымалі на тэрыторыі Беларусі значнае распаўсюджванне і засведчаны ўжо ў помніках XVI ст. сярод шляхты [4, 186–187];

– *Мазурчык Р.Ф.* (г. Брагін) [15, 522]. Мазурамі называлі выхадцаў з Мазоўшы (Мазурыі) – паўночна-ўсходняй часткі Польшчы [1, 136]. Паводле Ю.А. Гурскай, этнонім *мазур* – "мазаўшанін, чалавек, што паходзіць з паўночнай Мазоўшы", у значэнні прозвішча вядомы ўжо з 1425 г. Антрапонімы *Мазур, Мазурко, Мазуровіч* адзначаны сярод шляхты ў пачатку XVI ст. на суседняй з Гродзеншчынай тэрыторыі – Падляшшы: *Войтко Мазур, Станіслаў Мазуровіч*, і на тэрыторыі Жамойці: *Павел Мазурко* (1528 г.) [5, 187].

– *Маскаль* (5 чал.) в. Ленін [15, 463]; *Маскалец А.С.* 1903 г., *Маскалец М.Ф.* 1925 г., *Маскалец С.Ц.* 1914 г., *Маскалец Ф.А.* 1926 г. (в. Хачэнь) [15, 613]; *Маскаленка Д.К.* (г. Калінкавічы) [15, 522]; *Маскаленка І.К.* (в. Рычоў) [15, 527]; *Маскальчук Ф.Д.* 1919 г. (в. Вятчын) [15, 574]. Стылістычна маркіраваным з'яўляецца і этнонім *маскаль → рускі.* У Вялікім Княстве Літоўскім маскалямі называлі жыхароў Маскоўскай дзяржавы незалежна ад іх этнічнай прыналежнасці [7, 242]. У слоўніку У.І. Даля лексема *маскаль* мае значэнне "масквіч, рускі; салдат, вайсковец" [6]. У сучаснай украінскай і беларускай мовах гэты этнонім набыў экспрэсіўную афарбоўку і мае жартаўлівае, часцей негатыўнае адценне [8, 45];

– *Нямчэня* (32 адз.) растраляны ў 1941 г. (в. Ленін) [15, 447]; *Нямчэня* (4 адз.) растраляны ў 1941 г. (в. Новыя Мілевічы) [15, 484]: *Нямчэня В.Ф.* 1923 г. (в. Ленін) [15, 581], *Нямчэня В.М.* 1922 г. (в. Нова-Ленін) [15, 583]. Этымалогія некаторых прозвішчаў, што маюць аснову *немец* і вядомы ў беларускай антрапаніміі, як сцвярджае І.А. Гапоненка, можа мець рознае тлумачэнне: можа ўзыходзіць і да апелятыва *нямы* [3, 27]. У слоўніку М.М. Шанскага, *немец* – "невыразна, незразумела гаворачы чалавек на чужой, незразумелай мове" [23, 289]. На думку І.А. Каралёвай могуць таксама ўзыходзіць да этноніма *немец* [9, 201];

– *Татарчук В.І.* 1886 г. (в. Грэбень) [15, 309]; *Татарчук Р.С.* 1902 г., *Татарчук А.С.* 1906 г. (г. Жыткавічы) [15, 579]; *Татарчук С.І.* 1915 г., *Татарчук П.І.* 1920 г., *Татарчук У.В.* 1922 г. (в. Найда), *Татарчук Д.Д.* 1924 г., *Татарчук С.І.* 1915 г., *Татарчук У.В.* 1922 г.

(в. Млынок) [15, 607]. Б. Унбегаўн лічыць, што прозвішчы тыпу "*Татаринов, Татаринцев, Татаркин"* утвораны ад этноніма *тата́рын* і адносіць іх да антрапонімаў, што ўтвораны ад этнічных назваў [21, 108];

– *Турскі Ц.П.* 1904 г. (в. Азяраны) [15, 523]. Антрапонімы з асновай *тур* могуць быць утвораны рознымі шляхамі, ад этноніма *турак,* продкі якога маглі быць сапраўды этнічнымі туркамі, а некаторыя маглі метафарычна замацоўвацца за людзьмі, якія збеглі з турэцкага палону. І.А. Гапоненка падобныя адзінкі кваліфікуе як псеўдаэтнонімы [3, 28]. Пэўная частка такіх прозвішчаў, на думку В.П. Лемцюговай, у выніку своеасаблівай метафарызацыі, можа быць утворана ад агульных назоўнікаў турак, турчак са значэннем: "той, хто турчыць, упадабляецца турку, турчыку – упартаму, бесталковаму чалавеку" [11, 74]. А.Ф. Рогалеў лічыць, што частка прозвішчаў тыпу *Тур, Турок, Тураў, Туркоў* магла ўтварыцца ад імя далёкага продка, які меў язычніцкае імя Тур; вараг Тур – першы кананізаваны пакутнік на Русі; Тур – імя язычніцкага бога-грамавержца; тур – буйная дзікая жывёла. Вобраз тура мог знайсці адлюстраванне ў імені чалавека як сімвал сілы, магутнасці і ўлады [18, 127];

– *Чэркас* (94 адзінкі) [15, 300; 440; 441; 443; 444; 533; 569; 570; 572; 572; 574; 588; 737; 751; 755]. Старабеларускія пісьмовыя помнікі фіксуюць антрапонім *Черкас* з XVI ст. (*Васко Черкас* – 1528 г.). Ёсць сучасныя беларускія прозвішчы *Чаркас, Чаркасаў, Чэркас.* Чаркасамі называлі правабярэжных украінцаў, што жылі на правым беразе Дняпра [2, 447]. І.А. Каралёва таксама адзначае прозвішчы *Черкасс, Черкассов* на тэрыторыі суседняй з намі Смаленшчыны. На думку даследчыцы, яны ўзыходзяць ад этноніма "*Черкасы* – так называлі XV – XVII ст. казакаў Падняпроўя, што жылі ў раёне горада Черкассы" [9, 205].

– *Чэх М.С.* (Чарнігаўская вобл.) [15, 524]. В.А. Жучкевіч засведчыў назвы-этнонімы з асновай *чэх* у розных рэгіёнах Беларусі: айк. – *Чэхі* (Астр., Хойн.); *Чэ'хаўцы / Чэхаўцы'* (Іўеў., Лід.); *Чахаўшчы'на / Чахо'ўшчына* (Валож., Гродз.) [7, 403]. У Нараўлянскім раёне адзначаны айконім – пасёлак *Чэхі*, хутар *Чэхі* (зараз не існуе); *Чэхава Лучка* – луг (Ялоўшчына Гродз.) [10, 324]. Чэхі – асноўнае насельніцтва Чэхіі, заходнеславянскі народ, чэхамі называлі славян, якія пражывалі на тэрыторыі Багеміі, Маравіі і Сілезіі з VI ст.;

– *Швед К.Я.* 1899 г., *Швед М.Я.* 1912 г. (х. Доўгае) [15, 305]; *Швед Д.П.* 1909 г., *Швед Р.М.* 1925 г., *Швед К.А.* 1926 г., *Швед П.А*. 1913 г., *Швед Ф.А*. 1913 г., *Швед Ф.П*. 1914 г., *Швед А.М.* 1898 г., *Швед Т.М.* 1928 г., *Швед Д.С.* 1937 г., *Швед Т.М.* 1923 г. (в. Перапроў) [15, 487]; *Швед З.В.* 1917 г., *Швед І.М.* 1918 г., *Швед М.П.* 1902 г., *Швед С.М.* 1922 г. (в. Буразь) [15, 565], *Швед Е.І*. (в. Поўчын) [15, 438]; *Швед А.А*. 1905 г., *Швед А.А*. 1912 г. (в. Хачэнь) [15, 613]. У слоўніку В.А. Жучкевіча айконім *Шве'ды / Швяды'* (Віл., Глуб., Слуц.) [7, 408]. На думку даследчыка, некаторыя гэтыя назвы другаснага паходжання і ўтвораны ад прозвішча-этноніма *Швед*.

Такім чынам, выяўлена ўсяго 184 антрапоніма з асновай-этнонімам. Сярод іх 94 адзінкі з асновай *чэркас*, 19 – *швед*, 16 – *лях (ляш/лах)*, 14 – *казак*, 12 – *маскаль*, 12 – *літвін*, 9 – *татарчук*, 8 – *герман*, 4 – *нямчэня*, адзінкавыя фіксацыі – *мазур, турскі, чэх, латыш, кітай*. Адзначана 2 мікратапоніма з асновай *турак*, *казак*; 1 гелонім, 1 лімнонім з асновай-этнонімам *жыд*; 3 прэсоніма і 8 эргонімаў з асновай *палессе*; 6 эргонімаў з асновай-тапонімам Беларусь.

Літаратура

1. Аліферчык, Т.М. Тапанімія Заходняга Палесся ў этналінгвістычным аспекце: дыс. … канд. філал. навук: 10.02.01 / Т.М. Аліферчык. – Мінск, 2010. – 175 с.

2. Бірыла, М.В. Беларуская антрапанімія. Прозвішчы, утвораныя ад апелятыўнай лексікі / М.В. Бірыла. – Мінск: Навука і тэхніка, 1969. – 504 с.

3. Гапоненка, І.А. Лексіка беларуская літаратурнай мовы XIX – пачатку XX ст.: асаблівасці станаўлення і развіцця / І.А. Гапоненка. – Мінск: БДУ, 2012. – 307 с.

4. Гурская, Ю.А. Древние фамилии современного белорусского ареала на славянском и балтийском фоне: монография / Ю.А. Гурская. – Минск: Изд-во Белорус. гос. пед. ун-та, 2007. – 360 с.

5. Гурская, Ю.А. Фамилии отэтнонимического происхождения на территории Великого Княжества Литовского / Ю.А. Гурская // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – № 3. – 2010. – С. 160–165.

6. Даль, В.И. Толковый стоварь живого великорусского языка. [Электронны рэсурс] / В.И. Даль: в 4 т. / авт.-сост. В.И. Даль. – 2-е изд. – СПб.: Типография М. О. Вольфа, 1880–1882. – Рэжым доступу: http://slovardalja.net. – Дата доступу: 02.11.17 г.

7. Жучкевич, В.А. Топонимика Белоруссии / В.А. Жучкевич. – Минск: Наука и техника, 1968. – 184 с.

8. Коваль, В.И. Москаль, кацап, хохол и бульбаш: экспрессивные этнонимы в восточнославянских языках / В.И. Коваль. Язык и социум: материалы IX Междунар. науч. конф., 3–4 декабря 2010 г., Минск: В 3 ч. Ч. 1 / редкол.: Л.Ф. Гербик (отв. ред.) – Минск: БГУ, 2011. – С.44–47.

9. Королева, И.А. Словарь фамилий Смоленского края / И. А. Королева. – Смоленск: СПГУ, 2006. – 368 с.

10. Ламака, В.М. Анамастычны слоўнік Гродзеншчыны: у 2 ч. / В.М. Ламака [і інш.]; пад рэд. П.У. Сцяцко. – Гродна : Выд-ва Гродзен. дзярж. ун-та, 2005. – 2 ч.

11. Лемцюгова, В.П. Тапонімы распавядаюць: навукова-папулярныя эцюды / В.П. Лемцюгова. – Мінск: Литература и Искусство, 2008. – 416 с.

12. Лякин, В.А. Калиновый край в именах и названиях: историко-топонимический очерк / В.А. Лякин. – Минск: Колорград, 2016. – 136 с.

13. Мезенко, А.М. Белорусское Поозерье: культура – ономастика – социум: монография / А.М. Мезенко, Т.Ю. Васильева, Ю.М. Галковская, М.Л. Дорофеенко; под науч. ред. А. М. Мезенко. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2017. – 180 с.

14. Мезенка, Г.М. Віцебшчына ва ўласных імёнах і сучаснасць: Манаграфія / Г.М. Мезенка, В.М. Ляшкевіч, Г.К. Семянькова. – Віцебск: Выдавецтва УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”, 2006. – 238 с.

15. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Жыткавіцкага р-на / рэд.-укл. В.Ф. Феранц; маст. Э.Э. Жакевіч. – Мінск: Ураджай, 1994. – 767 с.

16. Подольская, Н В. Словарь русской ономастической терминологии: науч. изд. / Н.В. Подольская. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 192 с.

17. Рагаўцоў, В.І. Анамастычны слоўнік Магілёўшчыны / В.І. Рагаўцоў, С.Я. Кечык. – Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2000. – 168 с.

18. Рогалев, А.Ф. Этнотопонимия Беларуси (на фоне этнической истории) / А.Ф. Рогалев. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 1993. – 168 с.

19. Рогалев, А.Ф. От Гомеюка до Гомеля. Городская старина в фактах, именах, лицах: научно-популярное издание / А.Ф. Рогалев. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Гомель: Барк, 2006. – 220 с.

20. Тупиков, Н.М. Словарь Древнерусских личных собственных имён / Н.М. Тупиков С.-Петербург, типография И.Н. Скороходова, 1903. – 862 с.

21. Унбегаун, Б.-О. Русские фамилии: перевод с анг. / Б.-О. Унбегаун. – М.: «Прогрэсс», 1989. – 448 с.

22. Филипсон, А. Черкесы, казаки и адыхе / А. Филипсон // Русский вестник. – СПб., 1863. – Т. 48. – С. 11–12.

23. Шанский, Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская. – Пособие для учителя. изд. 2-е. – М., “Просвещение”, 1971. – 542 с.

4. ЛИТЕРАТУРНАЯ ОНОМАСТИКА

В.Ю. Бароўка
Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава
e-mail: dvkessibar@mail.ru

УДК 811.161.3:821.161.3-1

Прэцэдэнтныя імёны дзеячаў літаратуры ў паэзіі Максіма Танка: семантыка-функцыянальны план

Ключавыя словы: *прэцэдэнтнае імя, паэзія, аўтарская інтэнцыя, функцыя прэцэдэнтнага імені, аксіясфера пісьменніка.*

У артыкуле праз спалучэнне прыёмаў фенаменалагічнага і дэскрыптыўнага метадаў вызначаецца роля прэцэдэнтных імёнаў у вершах Максіма Танка ў выяўленні эстэтычна-аксіялагічных інтэнцый аўтара. Сцвярджаецца, што прэцэдэнтныя імёны ў паэзіі М. Танка сведчаць пра шырокую эрудыцыю пісьменніка, акцэнтуюць усведамленне ім значнасці сусветнага і нацыянальнага літаратурнага вопыту, выяўляюць яго эстэтычныя імператывы. Падкрэсліваецца, што цэнтрам мастацкай аксіясферы паэта быў творчы пошук, які ўключаў адкрыццё новага погляду на свет і чалавека, а таксама ўсведамленне грамадскай значнасці пісьменніцкай працы, маральнай адказнасці аўтара.

V.Yu. Barouka
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

Precedent names of writers in the poems of M. Tank: semantic-functional plan

Key words*: precedent names, poetry, poem, authors intentions, semantic-functional plan, axiosphere of writers.*

In the article, by combining the techniques of phenomenological and descriptive methods, the role of precedent names of writers in Maxim Tank's poems in revealing the author's aesthetic and axiological intentions is characterized. It is argued that the precedent names of writers in the poetry of M. Tank testify to the udi, accentuate his understanding of the significance of world and national literary experience, and reveal his aesthetic imperatives. It is emphasized that the center of the poet's artistic axiosphere was a creative search, which included the discovery of a new view of the world and man, and an understanding of the social significance of writing, the moral responsibility of the author.

Максім Танк – паэт, што ўвайшоў у гісторыю беларускай літаратуры як смелы эксперыментатар. Яго творы змяшчалі жывы водгук на бягучыя падзеі, асэнсаванне экзістэнцыйных, эстэтычных праблем. Паэзію М. Танка нельга назваць літаратурацэнтрычнай, аднак яго вершы насычаны прэцэдэнтнымі імёнамі пісьменнікаў і літаратурных герояў. Максім Танк згадваў пра Гамера, Гарацыя, Сафокла, Авідзія, Дантэ, Амара Хаяма, П'ера Рансара, Праспера Мерыме, Гі дэ Мапасана, Поля Фора, Марселя Пруста, Вільяма Шэкспіра, Джорджа Гордана Байрана, Майна Рыда, Гарсія Лорку, Франца Кафку, Эрыха Марыю Рэмарка, Яніса Райніса, Івана Катлярэўскага, Тараса Шаўчэнку, Міколу Нагнібеду, Адама Міцкевіча, Цыпрыяна Норвіда, Уладзіслава Бранеўскага, Леапольда Стафа, Віткацы, Бойжаленскага, Шандара Пецёфі, Абая Кунанбаева, Кайсына Куліева, Расула Гамзатава, Пабла

Неруду, Шата Руставелі, Эдуардаса Межэлайціса, Уолта Уітмена, Тэадора Драйзера, Вашынгтона Ірвінга, Эрнеста Хемінгуэя, Джона Стэйнбека, Рабіндраната Тагора, Цюй Юаня, Шолама Алейхема, Аляксандра Пушкіна, Міхаіла Лермантава, Мікалая Някрасава, Максіма Горкага, Сяргея Ясеніна, Уладзіміра Маякоўскага, Міхаіла Святлова, Яўгенія Еўтушэнку, Міколу Гусоўскага, Францыска Скарыну, Паўлюка Багрыма, Францішка Багушэвіча, Максіма Багдановіча, Максіма Гарэцкага, Янку Купалу, Якуба Коласа, Змітрака Бядулю, Міхася Лынькова, Янку Брыля, Уладзіміра Караткевіча, Наталлю Арсеневу, Пімена Панчанку, Андрэя Макаёнка. Бясспрэчна, феномен прэцэдэнтнасці далёка неадназначны, паколькі прэцэдэнтнае імя для адной літаратуры або для шэрагу літаратур можа губляць рысу прэцэдэнтнасці для другой літаратуры ці для шэрагу другіх літаратур. Для прыкладу, Авідзій – прэцэдэнтнае імя галоўным чынам для еўрапейцаў, Цюй Юань – для кітайцаў. На прылічэнне пісьменніцкіх імёнаў да прэцэдэнтных уплываюць гістарычны час, традыцыя, літаратурная мода. Уладзіслаў Бранеўскі як паэт-змагар, паэт-рэвалюцыянер – прэцэдэнтнае, напрыклад, імя ў славянскай паэзіі першай паловы XX стагоддзя, зараз у беларускім, расійскім, чэшскім, украінскім літаратурных кантэкстах яно вядомае найперш спецыялістам, Поль Фор у французскім і ўвогуле заходнееўрапейскім кантэксце – асоба, якая не мае патрэбы ў прадстаўленні, ва ўсходнеславянскім жа літаратурным кантэксце больш прызнаныя Поль Верлен, Марыс Метэрлінк як паэты-рэфарматары таго ж перыяду. Пімен Панчанка, Андрэй Макаёнак – прэцэдэнтыя імёны ў беларускім літаратурным кантэксце, але такімі не з'яўляюцца па-за яго межамі на пачатку XXI стагоддзя.

Па частотнасці выкарыстання на першым месцы ў вершах Максіма Танка стаіць прэцэдэнтнае літаратурнае імя *Янка Купала*. Псеўданім Івана Дамінікавіча Луцэвіча згадваецца 17 разоў у розных варыянтах: *Купала* (на пачатку творчага шляху М. Танка), *Я. Купала*, а галоўным чынам – *Янка Купала*. Думаецца, прычына частага ўпамінання пра Янку Купалу пераважна ў назве і ў самім тэксце вершаў тлумачыцца блізкасцю эстэтычных устаноўак аўтараў. Максім Танк заўважаў у вершы "Ля помніка Янку Купалу": "Яго сцежка-дарога перавалаў не знала, / А нястомна ўздымалася ўгору і ўгору" [1, 26]. Пастаянны мастацкі пошук стаў фундаментам творчасці абодвух аўтараў. Яшчэ на пачатку паэтычнага шляху Танк пазначыў у "Лістках календара": "Паэзія павінна адкрываць нешта новае. Інакш яна перастае быць паэзіяй" [2, 271]. У асобе Янкі Купалы М. Танк бачыў паэта, што ніколі не спыняўся ў сваім руху. Дарэчы, па частотнасці выкарыстання сярод прэцэдэнтных імёнаў літаратурных герояў на першым месцы знаходзіцца падарожнік *Адысей*. Прэцэдэнтнае імя *Якуб Колас* згадваецца 10 разоў, 8 разоў згадваецца *Гамер*, 7 – *Адам Міцкевіч*, 6 – *Дантэ* і *Аляксандр Пушкін*, 5 – *Максім Багдановіч*, 4 – *Вільям Шэкспір*, *Тарас Шаўчэнка*, *Гарсія Лорка*, *Уладзімір Маякоўскі*, 3 разы – *Авідзій*, *Францыск Скарына*, *Францішак Багушэвіч*. Многія прэцэдэнтныя імёны літаратараў сустракаюцца ўсяго адзін раз (*Сафокл*, *Гарацый*, *П'ер Рансар*, *Цыпрыян Норвід*, *Уладзіслаў Бранеўскі*, *Шандар Пётэфі*, *Эдуардам Межэлайціс*, *Мікола Гусоўскі*, *Мікола Нагнібеда*, *Леапольд Стаф*, *Франц Кафка*, *Марсель Пруст*, *Майн Рыд*, *Тэадор Драйзер*, *Вашынгтон Ірвінг*, *Джон Стэйнбек* і некаторыя іншыя). Увагу М. Танка, калі меркаваць па прэцэдэнтных імёнах, у першую чаргу выклікалі аўтары складанага лёсу (Авідзій, Шандар Пётэфі, Тарас Шаўчэнка, Цыпрыян Норвід, Уладзіслаў Бранеўскі, Гарсія Лорка) і прыхільнікі нестандартных прыёмаў мастацкага адлюстравання, паэты-рэфарматары, адкрывальнікі новых шляхоў у літаратуры (Дантэ, Поль Фор, Уолт Уітмен, Віткацы). З нацыянальнага літаратурнага пантэона Максім Танк вылучаў Купалу і Коласа, ён захапляўся высокамастацкай, змястоўнай паэзіяй Максіма Багдановіча, аднак творчасць Янкі Купалы, відаць, больш адпавядала яго бачанню свету і ролі паэта.

Прэцэдэнтныя імёны літаратараў выкарыстоўваліся ў назвах вершаў, прымеркаваных да юбілею ці смерці пэўнага аўтара, але ў большасці выпадкаў у вершах-разважаннях пра

жыццё ці творчасць. Часта Максім Танк ужываў прэцэдэнтнае імя для падмацавання канцэптуальнага ўзроўню твора. Так, у вершы “Я рад, што лёс нам стрэцца выпаў!” паэт у тэксце верша выкарыстаў цытату з П’ера Рансара (“скажу, як гаварыў Рансар [3, 139]”: “Я першы буду на тым свеце / І там займу для вас абшар” [3, 139]. Лірычны герой патрыятычнага па змесце твора не смуткуе, што хутка далучыцца да большасці, ён спадзяецца быць пахаваным у родных мясцінах і заняць месца для нашчадкаў, каб родны край быў назаўсёды з імі. Дарэчы, верш стаў прарочым у біяграфіі Максіма Танка, пахаванага ў родных мясцінах, згодна з яго воляй. Эпіграф з твора Гарсія Лоркі “Я думаю, што была віна!” [3, 42] успрымаецца свайго роду схемай асэнсавання гісторыі кахання, хуткабежнасці жыцця, горычы разлукі закаханых. Прэцэдэнтнае імя магло выкарыстоўвацца для ўзмацнення ўласных меркаванняў пра пэўную з’яву ці асобу, пра атрыманыя ўражанні, як у вершы “На карыдзе”: “Я згодзен з Ірвінгам, / Што ўся Іспанія – зачараваны край” [1, 248]. Нярэдка, прэцэдэнтнае імя са сферы літаратуры ўжывалася для рэпрэзентацыі радзімы канкрэтнага пісьменніка. У вершы “Калі едзеце ў Гранаду” Максім Танк папярэджваў: “З ёю можаце, як Лорка, / Не расстацца” [1, 241]. Прэцэдэнтнае літаратурнае імя магло ўказваць на крыніцу стылізацыі, як у “Перайманні Амару Хайяму”, дзе ўжываецца стылізацыя пад рубаі ўсходняга паэта: “Спытаў бог грэшніка: – Чаму шмат піў віна? / – А ў гэтым, кажа, не мая віна. / Сам знаеш, з гліны ты мяне зляпіў, / І каб мне не рассыпацца, я піў” [1, 92].

У пераважнай большасці прэцэдэнтныя імёны літаратараў выкарыстоўваюцца М. Танкам для маніфестацыі творчых інтэнцый, эстэтычных уяўленняў, мастацкай аксіясферы, каштоўнасных прыярытэтаў. Згадванне прэцэдэнтнага пісьменніцкага імя часам суправаджаецца кароткай характарыстыкай творчай асобы. Для прыкладу, у “Камароўскай хроніцы” Максім Гарэцкі названы “святой памяці / Летапісцам” [5, 97]. Амерыканскага паэта Уолта Уітмена, разбуральніка старых вершаваных клішэ, аўтара выдатных верлібраў Максім Танк атэставаў “вершарубам” [4, 278], які збег “на той свет” ад старых канонаў. Тарас Шаўчэнка (“Песня Кабзара”,1964), у разуменні М. Танка, – гэта найперш змагар у жыцці і ў літаратурнай творчасці. Янку Купалу ў аднайменным вершы 1947 года Танк называе “чарадзем, баянам” [6, 139], а ў “Памяці Янкі Купалы” – “каролём паэтаў”, што сваёй заўчаснай смерцю “Надоўга наш / Асіраціў палетак” [5, 39]. Якуб Колас (“Якубу Коласу”, 1952), паводле характарыстыкі паэта, “Пясняр, чыёй песні даверыў па праву / Народ неўміручыя думы і славу” [6, 325]. Дасціпна характарызуюцца ўражанні ад твораў празаікаў-мадэрністаў у “Сне фараона”, дзе лірычны герой скардзіцца: “Зноўку выдалася ноч бяссоннай. / Можа, ад трызненняў Кафкі, Пруста” [5, 309].

Прэцэдэнтныя імёны літаратараў пераканаўча характарызуюць мастацкую аксіясферу Максіма Танка ў яе дынаміцы. Доўгі час у цэнтры яго мастацкай аксіясферы знаходзіліся значныя грамадскія ідэалы, народалюбства як паказчыкі вартасці пісьменніка. У напісаным да юбілею вершы-прысвячэнні “І.П. Катлярэўскаму” Танк адзначаў добрае веданне аўтарам украінскай паэмы-пародыі на вергіліеўскую “Энеіду” народнага жыцця, дэмакратызм і гуманізм: “Ты знаў нялёгкі лёс народа. / І прыгнятальнікаў яго, / І ліхадзеяў назаўсёды / Паслаў у пекла, у агонь” [3, 174]. Паэт – гэта сейбіт, змагар, пясняр, араты” [4, 150–151]. Тарас Шаўчэнка, што “ўсім сваім сэрцам свабоду любіў, / Сцяганосцам яе / І прадвеснікам быў” [3, 9] – паэт-прарок свайго народа, сімвал барацьбы за волю, як і венгр Шандар Пецёфі (“Петэфі”), што змагаўся супраць нацыянальнай і сацыяльнай няволі. Паэты, якія спасціглі і выявілі асновы нацыянальнага жыцця, – волаты духу (“Акамянелыя волаты”), што бароняць свой край, у Беларусі гэта “Багушэвіч, Янка, Якуб” [5, 86]. М. Танку на працягу жыцця быў блізкі рамантычны ідэал паэта з адзнакай максімалізму. Герой яго верша “Ц. Норвід” – выгнанец і геній ў адной асобе, нязломны духам, здольны прадказваць блізкую і далёкую будучыню чалавецтву. У вершы “Роздум перад пералётам” Максім Танк закрануў тэму магчымасці

наведвання іншых планет і нагадаў прыклад з гісторыі літаратуры: “А мо і мне, / Каб здзейсніць сваю мару / Як Мерымэ, / Перш кнігу напісаць / Пра песню зор, / А потым паляцець / І зорны спеў паслухаць” [1, 239].

Новыя ідэі і майстэрства, паводле М. Танка, забяспечваюць паэту бессмяротнасць. Класік казахскай літаратуры Абай Кунанбаеў (“На радзіме Абая”) увайшоў у лік несмяротных, бо мастацкімі творамі даказаў, як “зямлю сваю шчыра любіў” [4, 10]. Вялікі выказанай у творах любоўю да роднай зямлі Сяргей Ясенін (“Сяргей Ясенін”). Эпіграфам да верша “Цень помніка ў люстры возера Дынху” М. Танк абраў словы: “Легенда гаворыць, што паэт Цюй Юань, які ўтапіўся ў рацэ Міно, жыве ў падводным царстве” [4, 167], а ў змесце верша падкрэслівае, што памяць пра таленавітую асобу не знікае ніколі, нават прырода пастаянна напамінае пра класіка кітайскай паэзіі: “Ты ў крутыя віравыя тоні глянь, / Толькі ветру не будзі ды трыснягу, / І пабачыш: як жывы там Цюй Юань!..” [4, 167]. На новы лад М. Танк паўтарае думку, выказаную ў адным з санетаў Шэкспіра, што выдатныя творы забяспечваюць месца паэту ў вечнасці: “Адначасна з’яўляюцца на свет / І чалавек, і яго смерць. / І толькі нямногім – / Гамеру, Дантэ, Шэкспіру, / Пушкіну… / Перажыць удалося / Сваю неадлучную сяброўку” [5, 192]. У верлібры “Мне здаецца” паэт заклікае майстэрству і патрыятызму “вучыцца / Ў Пушкіна, Міцкевіча, / Шаўчэнкі і Багушэвіча, / У многіх іншых…” [3, 18]. Сапраўдная паэзія збліжае народы, людзей розных эпох, у трактоўцы М. Танка, яго лірычны герой прызнаецца ў сваёй любові да творчасці Пушкіна (“Пушкін”): “Навек падружыўся я з песняй тваёй” [6, 190], прасякнутай жыццялюбствам і патрыятызмам. Узор служэння творчасці для беларускага паэта – “пясняр Іліяды” (верш “Гамер”), які захоўваў памяць пра былое, апантана працаваў у імя аб’ектыўнасці і будучыні. Максім Танк не прымаў імітацыі творчасці і творчага працэсу. Прэцэдэнтныя імёны ўжываліся ім і ў гумарыстычных і сатырычных вершах, эпіграмах. Напрыклад, у гумарыстычным па танальнасці верлібры “Вучань класікаў” высмейваліся аматары знешняга капіравання выбітных аўтараў: “У Гамера ён вучыўся быць сляпым, / У Байрана – кульгаць, / У Поля Фора – донжуаніць, / У Хемінгуэя – піць віскі. / І дзівіцца, чаму яго / Не лічаць класікам” [3, 190–191].

Згадванне прэцэдэнтных пісьменніцкіх імёнаў у назвах твораў, прысвячэннях, эпіграфах, непасрэдна ў тэксце вершаў не зводзілася да дэманстрацыі пісьменнікам яго ўласнага шырокага чытацкага кругагляду, хаця пераканаўча сведчыла на яго карысць. На пачатку творчай дзейнасці паэт звяртаўся галоўным чынам да імёнаў аўтараў, эстэтычныя ўстаноўкі якіх падзяляў (Я. Купала, Я. Колас, М. Горкі, У. Маякоўскі, М. Някрасаў), і да апанентаў (Н. Арсеннева), у сталы перыяд творчасці – да прэцэдэнтных імёнаў аўтараў, якіх лічыў выдатнымі майстрамі мастацкага слова. Прэцэдэнтныя імёны літаратараў выконвалі шэраг важных ідэйна-эстэтычных функцый: пазначалі схему развіцця пісьменніцкай думкі, выяўлялі аксіялагічна-эстэтычныя прыярытэты, характарызавалі мастацкую аксіясферу, дзе ў цэнтры знаходзіўся мастацкі пошук, пад якім мелася на ўвазе адкрыццё новых тэм, вобразаў, прыёмаў вершатворчасці.

Літаратура

1. Танк, М. Збор твораў: у 13 т. – Т.5: вершы (1972-1982) / Максім Танк. – Мн.: Беларус. навука, 2008. – 448 с.
2. Танк, М. Збор твораў: у 13 т. – Т.9: “Лісткі календара”, дзённікі . – Мн.: Беларус. навука, 2009. – 592 с.
3. Танк, М. Збор твораў: у 13 т. – Т.4: вершы (1964-1972) / Максім Танк. – Мн.: Беларус. навука, 2007. – 384 с.
4. Танк, М. Збор твораў: у 13 т. – Т.3: вершы (1954-1964) / Максім Танк. – Мн.: Беларус. навука, 2007. – 447 с.
5. Танк, М. Збор твораў: у 13 т. – Т.6: вершы (1983-1995) / Максім Танк. – Мн.: Беларус. навука, 2012. – 454 с.
6. Танк, М. Збор твораў: у 13 т. – Т.2: вершы (1939-1954) / Максім Танк. – Мн.: Беларус. навука, 2006. – 566 с.

Г.В. Бачинська
Тернопільський національний педагогічний університет імені В. Гнатюка
e-mail: g.bachynska@gmal.com
Т.П. Вільчинська
Тернопільський національний педагогічний університет імені В. Гнатюка
e-mail: tetyana_v@ukr.nett
О.С. Вербовецька
Тернопільський національний педагогічний університет імені В. Гнатюка
e-mail: Oksana_Werbowetska@ukr.net
Н.О. Свистун
Тернопільський національний педагогічний університет імені В. Гнатюка
e-mail: nina-s77@ukr.net

УДК 811.112.2’36

Заголовок як ономастичний знак особливого типу (на матеріалі творів Л. Костенко)

Ключові слова: *заголовок, онім, односкладові речення, словосполучення, лексема.*

Стаття присвячена структурній характеристиці заголовків у поетичних творах Ліни Костенко. За структурою в лінгвістичній науці прийнято виділяти заголовки-слова, заголовки-словосполучення та заголовки-пропозиції. Ліна Костенко найчастіше використовує серед заголовків-слів монолексемні іменники, серед заголовків-словосполучень чисельною є група заголовків, що відповідає синтаксичним словосполученням. Широко представлені в заголовках односкладні речення, зокрема конкретні особисті пропозиції.

G. Bachynska
Ternopil Volodymyr Hnatiuk National Pedagogical University
T. Vilchynska
Ternopil Volodymyr Hnatiuk National Pedagogical University
O. Verbovetska
Ternopil Volodymyr Hnatiuk National Pedagogical University
N. Svustyn
Ternopil Volodymyr Hnatiuk National Pedagogical University

Title as an onomastic sign of a special type (based on the works of L. Kostenko)

Key words: *title, onim, one-member sentence, phrase, token.*

The article is devoted to the structural characterization of titles in Lina Kostenko's poetic works. By structure in linguistic science it is customary to distinguish headings, words, headings, phrases, and headings, sentences. Lina Kostenko uses monolex nouns among word titles most often, among the word headings the most numerous is the group of headings corresponding to syntactic phrases. One-member sentences, including definitions, are widely represented in headings.

Особливе місце в номінативній системі мови посідає заголовок. «Він є своєрідним знаком твору, з якого розпочинається ознайомлення з текстом. Має свій поетичний зміст і свій генезис – поетичну етимологію» [2, 39].

Заголовок активізує сприйняття читачем тексту і наголошує на тому, що буде викладено дані. Він постає особливим різновидом власної назви в художньому тексті.

Заголовок – це стисле і влучне вираження головної ідеї твору, а також невід’ємний компонент тексту, який надає йому певної завершеності.

На думку В.Е. Шевченко, «заголовок – це цілісна змістовно-графічна система, яка впливає на розуміння словесного твору, створюючи попереднє уявлення про його зміст» [5, 388].

Проблеми дослідження заголовка займають особливе місце в колі інтересів мовознавців. Значних здобутків з цього питання досягли лінгвісти минулих років: Л.А. Булаховський, І.К. Білодід, М.Т. Рильський, а також мовознавці сучасного періоду: Л.О. Пустовіт, Л.І. Мацюк, А.П. Коваль, Н.М. Коваль, Н.М. Сологуб, Н.Д. Бабич, Н.В. Слухай, А.К. Мойсієнко та ін.

Упродовж останніх десятиліть активно досліджується заголовок з позиції літературознавства і лінгвістики тесту (О.Ю. Богданова, В.Д. Бондалєтова, Т.В. Васильєва, А.П. Загнітка. Функції заголовка проаналізовано у працях С.В. Лайна, Н.О. Кожиної, М.П. Харченка, синтаксичну структуру досліджували А.С. Попов, В.М. Ронгинський, Л.П. Юлдашева; стилістика заголовків була об'єктом дослідження М.Н. Кожина, Н.А. Веселова; Т.Ф. Карімова предметом дослідження обрала прийменниково-іменні заголовки у французькій мові, зупинившись на аналізі їх семантико- синтаксичних особливостей; І.О. Юделевич вивчає заголовок у зв'язку із жанром твору в аспекті специфіки письменницького ідіолекту; Р.В. Дєтскіна опирається на комунікативний статус заголовка. Порівняльно- контрактивний аналіз російських та грузинських заголовків у діахронічному аспекті здійснив Д.З. Гоцирідзе, порівняльний аналіз заголовків у науковій та художній прозі став предметом дослідження Л.Б. Бойко.

Незважаючи на існування певного лінгвістичного інтересу до заголовків, малодослідженими є питання структури заголовків поетичних творів Ліни Костенко.

Мета нашої статті – проаналізувати структуру заголовків, представлених у поетичних творах Ліни Костенко.

За структурою виділяють заголовки-слова, заголовки-словосполучення, заголовки-речення До монолексемних заголовків варто зараховувати всі сполуки, у складі яких наявна лише одна лексема, що належить до самостійних частин мови з домінантною номінативною функцією. Заголовки з експлікованою номінативною функцією, що містять два й більше повнозначних слова, кваліфікуємо як формальне словосполучення. Заголовки, у яких експліцитно виражена предикативна функція, уналежнюємо до формальних речень.

Сучасний український заголовок представлений повним спектром наявних структурних моделей. Будь-яка мовна одиниця, використана у заголовку, стає номінативною. Найяскравіше номінативні характеристики виражені в іменниках.

У поезії Л. Костенко найпродуктивнішою моделлю є монолексемні іменникові утворення в називному відмінку: *«Листопад», «Свят-Вечір», «Ліс», «Папороть», «Сувид», «Екзотика», «Хуртовина», «Даці»* та ін. Авторка найчастіше заголовки такого типу вживає в однині, однак нами зафіксовано і форма множини: *«Дощі», «Храми», «Хуртовини», «Музики»* та ін. Морфеми, що вказують на форму множини іменників, виступають *«*знаком морфологічного коду, розшифрування якого іноді залежить від тієї системи кодових знаків, в оточенні яких такі утворення з'являються*»* [1, 162]. У таких заголовках форми однини і множини іменників не виражають граматичне значення кількісного зіставлення *«*один- багато*»,* а стають виразниками різноманітних семантико-стилістичних відтінків.

В українській лінгвістичній науці можливе співвіднесення таких заголовків зі словами чи називними реченнями [4]. Ми надаємо перевагу думці про кореляцію досліджуваних заголовків зі словами.

Серед досліджуваного матеріалу зафіксовано лексичні словосполучення. Вони є синтаксично нерозкладними цілісними назвами, які формою відповідають словосполу-

ченню, а за змістом – слову: «*Труханів острів», «Графиня Розумовська», «Наомі Уемура», «Дон Піппо Лірозі», «Хутір Вишневий»*. Здебільшого такі заголовки є лише носіями інформації, тому їхня продуктивність є незначною.

Численнішою є група заголовків, що відповідає синтаксичним словосполученням. У літературному доробку Л. Костенко домінують підрядні словосполучення: *«Осінній день», «Шалені темпи», «Смертельний падеграс», «Рожеві сосни», «Біла симфонія»*, «*Зимовий етюд», «Українське альфреско», «Львівські голуби»*. Помітну роль у заголовку відіграє зворотний порядок слів: «*Осінь дикунська», «Осінь жагуча», «Осінь убога».* Актуалізація інверсивними засобами виявляється у винесенні комунікативно вагомої частини на початок чи кінець заголовка. Інверсія належить до прийомів актуального членування заголовка і забезпечує виконання ним насамперед рекламно-експресивної функції.

Заголовки-словосполучення, із значенням посесивності: *«Концерт Ліста», «Тінь Марії», «Тінь Сізіфа», «Запрошення Шевченка», «Скрипка Страдіварі».* У заголовках-словосполученнях переважає номінативність над предикативністю.

У творчості Ліни Костенко зафіксовано модель заголовків, що відповідають простому непоширеному реченню: *«Умирають майстри», «Одклекотіли гуси й лебеді», «Сніги метуть», «Ліс був живий», «Ми хочем тиші, хочем храмів», «Сміюся я».*

Дієслова здебільшого формують мінімальні, але достатні в граматичному й синтаксичному сенсі конструкції. У заголовках Л.Костенко поширювачами можуть бути обставинні елементи: *«Гроза проходила десь поруч», «Ластівки тікають із Європи», «Я виросла у Київській Венеції», «Ми прилетіли вранці у Європу», «Кобзар співав в пустелі Косаралу», «У запічку гномик плямкає», «Не половіють в полі колоски»,* й об'єктні елементи: *«Заворожили ворони світанок», «Поезія загубила камертон», «Погасли кострища стоянок»* та ін. На думку Т.В. Жолтоногової, заголовки-двоскладні речення можуть втрачати статус речення і ставати функціональними еквівалентами слова, набувати імпліцитного значення предметності [1, 179].

Найпоширеніше у досліджуваному матеріалі представлені односкладні речення. Функцію граматично панівного компонента дієслівна лексема виконує в різноманітних односкладних реченнях. Серед заголовків- односкладних речень найчисельніша група означено-особових та неозначено-особових конструкцій. Для означено-особових речень часто характерна спонукальна модальність. Синтаксичні конструкції з дієсловами наказового способу виражають значення вміння, запитання й одночасно номінативне значення: *«Спини мене, отямся і отям», «Шукайте цензора в собі», «О, не взискуй гіркого меду слави», «Пишіть листи і надсилайте вчасно»,* а також заперечні варіанти: *«Не говори печальними очима».* Дієслова наказового способу надають заголовкам емоційності. У заголовках, виражених означено-особовими односкладними реченнями, «відсутній суб'кт дії легко відновити, адже дієслово-присудок зберігає індекс, що вказує на виконавця» [1, 185]. Так, заголовок поезії Л. Костенко *«Не говори печальними очима»* представлений односкладним означено-особовим поширеним реченням. Відсутність особи зміщує акцент значущості на дію. У творі особовий займенник *ти* згадується лише два рази, проте у фокус уваги потрапляє заперечна частка *не* та повторювальні сполучники *чи…чи*: *«Чи ти мій сон, чи ти моя уява, чи просто чорна магія чола…»* [3, 276]. Заперечення з'являється лише у заголовку і слугує ключем до розуміння всього твору.

У частині означено-особових речень об'єкт представлений кличною формою іменника: *«Обступи мене ліс», «Чоловіче мій, запрягай коня», «Одкам'янійте, статуї античні», «Заворожи мені, волхве…».* Наведені приклади свідчать про інтонаційну особливість заголовків-речень із спонукальною модальністю. Заклик, спонукання до дії – все це знаходить виразну і експресивну форму в інтонуваннях окличного типу. Такі окличні речення органічно зростаються з текстом, який є емоційно спрямованим.

У неозначено-особових реченнях навмисно не акцентовано на виконавців: *«Перегнали конку експресом», «Марнували літечко, марнували», «Покремсали життя моє на частки».* Неозначено-особові реченнях у творчості Ліни Костенко трапляються значно менше, ніж означено-особові. Проте, вони є важливими для творчої манери письменниці, оскільки іноді виступають структурним центром висловлювання, несуть велике смислове навантаження.

Функціонують у заголовках безособові речення. Специфіка безособових речень полягає в тому, що дія або стан мислиться в них як незалежні від діяча або носія стану. У таких реченнях виражається настрій, стан людини й фізичне відчуття, незалежно від її волі. Це дає авторові наблизити читача до внутрішніх переживань героїв: *«Не треба класти руку на плече», «Не треба заздрити Шекспіру»* та ін.

Помітну групу становлять заголовки, виражені складними реченнями. Такі конструкції найточніше передають сюжет твору. Вони представляють не тільки тему твору, але і його ідею. Заголовки, що відповідають складносурядним реченням, представлені поодиноко: *«Ще назва є, а річки вже немає», «І я не я, і ти мені не ти», «Лиш храм збудуй, а люди в нього прийдуть»*, однак продуктивно представлені складнопідрядні речення: *«Ми любимо тих, що знали нас молодими», «Не знаю, чи побачу вас, чи ні», «Десь, кажуть, є гора, де не співають птиці»*. Ліна Костенко часто редукує головний компонент до ключового слова чи до словосполучення, що стає відправним пунктом для побудови підрядної частини: *«Те, що принижує, – пронизує», «Ті, що народжують раз на століття», «Страшні слова, коли вони мовчать».*

Широко представлені заголовки, виражені підрядними частинами: *«Коли у тузі вічної розлуки», «Якщо не можна вітер змалювати», «Коли ганяли голку патефони», «Коли замовкли менуети».*

Згортання складнопідрядного речення до рівня підрядної частини відповідає тенденції до економії мовної енергії, лінгвальних засобів, натомість такі заголовки інформативно незавершені й потребують доповнення, яке можливе після прочитання поезії.

Ліна Костенко для актуалізації фрагментів назви використовує так званий називний відмінок уявлення, тобто іменник у називному відмінку, вжитий ізольовано, але тематично пов'язаний із наступним фрагментом: *«Гроза. Химерні привиди антен», «Весна. А вітер – наче восени», «Брейгель. Шлях на Голгофу»*. Іноді перша частина може бути поширеною: *«Природа мудра. Все створено мовчки»*. Перша частина називає особу, чи предмет подальшої розповіді. Такий прийом слугує також засобом експресивності. Заголовок складається з двох речень, проте одночасне функціонування їх в одній структурі забезпечує його цілісність.

Заголовок є одним із найважливіших компонентів тексту. Аналіз матеріалу засвідчив, що заголовки характеризуються комунікативною насиченістю та інформативним навантаженням.

Отже, на основі сучасної класифікації синтаксичних одиниць української мови ми виділили заголовки-словоформи, заголовки-словосполучення, заголовки-речення, що відрізняються за метою висловлювання (розповідні, питальні, спонукальні) та за своєю структурою: прості (односкладні: означено-особові, неозначено-особові, безособові; двоскладні: поширені та непоширені), складні (складносурядні, складнопідрядні). Різні типи найменувань представлені нерівномірно. Деякі структурні типи широко репрезентовано, інші є малопоширеними.

Заголовки у творчості Л. Костенко відзначаються лаконічністю, оригінальністю, структурною завершеністю.

Література

1. Жовтоногова, Т.В. Заголовок як компонент структури українського поетичного тексту: дис. … канд. філ. наук: 10.02.01 / Т. В. Жовтоногова. – Кіровоград, 2004. – 216 с.
2. Карпенко, Ю.О. Літературна ономастика: зб. ст. / Ю О. Карпенко. – Одеса, 2008. – 328 с.
3. Костенко, Л.В. Вибране / Л.В. Костенко. – К.: Дніпро, 1989. – 559 с.
4. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пашковский. – М., 1956. – 579 с.
5. Шевченко, В.Е. Заголовки як спосіб впливу на суспільну свідомість / В.Е. Шевченко // Наук. Записки Луган. у-ту: зб. наук. праць. Сер. «Філол. науки». – Луганськ, 2004. – Вип.5. – Т. 1. – С. 388–397.

С.Ф. Бут-Гусаім
Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна
e-mail: svfbg@tut.by

УДК 808.26-541.2

Анамастычная прастора гістарычнай прозы Вольгі Іпатавай

Ключавыя словы: *паэтонім, антрапонім, паганскае імя, хрысціянскае імя, тапонім, касмонім, міфонім.*

У артыкуле разглядаюцца ўжытыя ў гістарычнай аповесці "За морем Хвалынским" і апавяданнях Вольгі Іпатавай паэтонімы, якія з'яўляюцца носьбітамі каштоўнай інфармацыі аб матэрыяльнай і духоўнай культуры славянскіх і цюркскіх народнасцей у XI стагоддзі. Антрапонімы (уласныя асабістыя імёны, мянушкі) разгледжаны як значныя інфарматыўныя адзінкі, у семантычную структуру якіх уключаюцца прагматычны складнік, стылістычныя, эмацыйныя, ацэначныя, экспрэсіўныя, сацыяльныя адценні значэння, асацыяцыі і іншая інфармацыя экстралінгвістычнага характару. Разгледжана культурна-гістарычная інфармацыя перыферыйных онімаў.

S.F. But-Gusaim
Brest State A.S. Pushkin University

Onomastic Space of the Historical Prose by Olga Ipatova

Key words: *poetonym (poetic name), anthroponym, pagan name, Christian name, placename, cosmonym, mythonym.*

The article views poetonyms, which are used in the historical novel by Olga Ipatova "Across the Khvalynsky sea" and in the stories by the same writer, and contain valuable information about material and spiritual culture of Slavic and Turkic peoples living in the XI century. Anthroponyms (personal proper names, nicknames) are analyzed as meaningful informative units, the semantic structure of which includes the pragmatic component, as well as stylistic, emotional, evaluative, expressive, social shades of meaning, associations and other types of information of extralinguistic character. The author of the article also considers cultural and historical information of peripheral onyms.

Адметным асэнсаваннем тэмы пошуку чалавекам Кахання, Шчасця, Сэнсу жыцця ў бязмежным Сусвеце можна лічыць творы Вольгі Іпатавай – аповесць "За морам Хвалынскім" і апавяданне "Мара". Гэта аповед пра суровае XI стагоддзе, калі ў Полацкім княстве валадарылі Брачыслаў а потым яго сын Усяслаў Чарадзей. Даследчыца творчасці Вольгі Іпатавай Лідзія Савік слушна адзначае: "Гістарычная проза пішацца Вольгай Іпатавай не дзеля белетрызаванага занатоўвання фактаў і звестак, узятых з дакументальных, архіўных крыніц той або іншай эпохі, а дзеля спасціжэння далёкіх стагоддзяў у іх ісцінна

чалавечых праяўленнях, дзеля набліжэння да асобы чалавека ў варунках часу" [6, 10]. Важным складнікам паэтыкі твораў, які дапамагае перадаць дух мінуўшчыны і стварыць запамінальныя вобразы герояў, з'яўляюцца імёны ўласныя.

Мэта прадстаўленай працы – сістэматызацыя структуры анамастычнай прасторы гістарычнай прозы Вольгі Іпатавай з улікам традыцый іменаслову XI стагоддзя. Актуальнасць даследавання абумоўлена асаблівай увагай сучаснага мовазнаўства да мастацкага тэксту ў цэлым і да функцыянавання паэтонімаў у мастацкіх творах, да вывучэння ролі імёнаў уласных у стварэнні мастацкіх вобразаў, а таксама недастатковай (пераважна – фрагментарнай) вывучанасцю анамастыкону гістарычнай прозы Вольгі Іпатавай. Паэтонімікон прааналізаваных твораў адпавядае перыяду барацьбы спрадвечна славянскіх імёнаў з каляндарнымі (кананічнымі).

Галоўнае месца ў анамастычнай прасторы твораў В. Іпатавай займаюць ***антрапонімы***. У ліку персанажаў найперш рэальныя гістарычныя асобы. ***Онімы-сучаснікі*** – найменні гістарычных дзеячаў, жыццё якіх прыпадае на час разгортвання падзей твораў: князі ***Брачыслаў, Усяслаў,*** шах ***Шамс-ал-Мульк,*** княгіня ***Марфа,*** князёўна ***Гардзіслава***.

У разважаннях герояў аповесці "За морам Хвалынскім" Алексы, Нармурада, Ашавазды пра мінулае свету ўжыты ***онімы-рэтраспекцыі***: князёў ***Рагвалода***, ***Уладзіміра***, князёўны Рагнеды, княгіні Вольгі, рэлігійных дзеячаў (прарокаў ***Аль – Ісы (Ісуса Хрыста***) і ***Мухамеда***, святых ***Сімяона-столпніка, Настассі Блажэннай,*** летапісца ***Нестара***, мудрацоў ***Ібн-Сіны***, ***Заратуштры,*** заснавальніка дынастыі Вялікіх Маголаў ***Захірыддзіна Мухамеда Бабур***а, воіна-імператара ***Аляксандра Македонскага*** (***Іскандэра Двухрогага***), паэтаў і пісьменнікаў далёкага мінулага (***Рудакі, Мані***, ***Рабіі***).

Што да імёнаў персанажаў, створаных фантазіяй пісьменніцы, то яны адлюстроўваюць мадэлі іменавання, якія існавалі ў тагачасным свеце. У Полацкім княстве суіснавалі язычніцкі і хрысціянскі іменаслоў. Прадстаўнікі вышэйшых саслоўяў насілі двухасноўныя імёны-кампазіты: ваяводы ***Крыварог*** і ***Ірвідуб***. Імёны прадстаўнікоў ніжэйшых саслоўяў утвараны на базе агульных назоўнікаў: назваў раслін (***Бяроза, Маліна, Каліна***, ***Вярба***, ***Рэдзька***), жывёл і іх частак (***Мядзведзь***, ***Заяц***, ***Векша (вавёрка), Лось, Воўчае Вока***), з'яў прыроды (***Ручаіна, Заранка***), імёнаў-характарыстык абставінаў нараджэння дзіцяці, часу з'яўлення яго на свет (***Таміла***, ***Ліпец (Ліпень)***), абстрактных паняццяў (***Любава, Радасць***), частак цела чалавека (***Лоб Вязавы***), ахоўныя (апатрапеічныя) імёны (***Нялюба, Няжыла***).

Хрысціянскія імёны персанажаў – онімы іншамоўнага паходжання, запазычаныя з **грэчаскай**: ***Алекса*** (ад грэч. ***Аляксандр*** '*абаронца людзей'* [3, 13]); ***Кузьма*** (грэч. '*упрыгожанне'* [3, 34]), ***Мікіта*** (грэч. '*пераможца'* [3, 34]); ***Марфа*** (грэч. '*гаспадыня, пані, настаўніца'* [3, 64]); ***Настасся*** (грэч. '*уваскрэсенне, перасялене'* [3, 65]); ***Васілька*** (грэч. ***Васіль*** '*царскі'* [3, 20]), ***Ксенія*** (грэч. '*чужаземка, гасцінная'* [3, 53]), **старажытнаяўрэйскай** моў: ***Сімяон*** (ст.-яўр. '*якога пачулі'* [3, 44]). Уваходзячы ў анамастыкон славянскіх моў, іншамоўныя онімы ўтваралі шматлікія гутарковыя формы, якія з'яўляюцца носьбітамі канатацый размоўнасці, ацэначнасці, эмацыянальнасці. Падобныя формы адлюстроўваюць узрост, характар асабістых адносінаў герояў гістарычнай прозы В. Іпатавай. Гэтыя формы ў кантэксце мастацкіх твораў – выразнікі канатацыі сацыяльнасці. Іх носьбіты – прадстаўнікі ніжэйшых саслоўяў, напр.: "*Замежныя сярэбраныя манеты – іх называлі дырхемамі –* ***Куземка*** *бачыў неаднойчы, яны ішлі на рынку нароўні са сваімі, імі купцы расплочваліся за розныя паслугі мясцовых*" [5, 335]; "*Не дапамагла замова – забілі дзядзьку* ***Алексу****, як раней недзе на вайне згінуў і* ***Куземкаў*** *бацька*" [5, 336].

Складнік антрапанімікону аповесці – **мянушкі**. Так, у народным асяроддзі ўжывальныя ***андронімы*** – найменні жонкі, утвораныя ад імені мужа. Так, маці адной з галоўных гераінь аповесці "За морам Хвалынскім" Бярозы мае празванне ***Катуніха***. Герой апавядання "Мара" атрымаў мянушку ***Хвалын*** за тое, што марыў пераплыць праз ***Хвалынскае мора***, каб адкрыць таямніцу жалеза для непераможнай зброі.

Прадстаўнікі мусульманскага свету – носьбіты імёнаў, запазычаных з цюркскай, персідскай і іншых моў: ***Абдурахманбек, Ніяза, Аміна, Юсуф, Аль-Джасас, Абу-ль-Хасан*** і інш. Славянскія хлопцы і дзяўчаты, трапляючы на Усход, мяняюць свае імёны на мусульманскія. Прыгажуня Бяроза, стаўшы жонкай куца Абдурахманбека, становіцца ***Бадзіёй*** (арабскае імя са значэннем "*цудоўная, вытанчаная*" [2]). Сэнсава насычаным найменнем, асацыятыўна звязаным з іменем значнай для чалавецтва асобы, з'яўляецца імя, дадзенае галоўнаму герою аповесці "За морам Хвалынскім". Палачанін ***Алекса***, які трапіў на Усход, атрымлівае імя ***Аль-Іса*** ў гонар ***Ісуса Хрыста***, якога мусульмане лічаць адным з прарокаў Алаха. Падставай наймення з'яўляецца спачатку знешняе падабенства славяніна да прарока: "*На твары* ***Алексы*** *быў выразны адбітак пакуты і адрачонасці і нечым нагадваў ён прарока* ***Ісу****, якога стары бачыў на старадаўняй фрэсцы ў разбураным храме"* [5, 44]. Далейшае развіццё сюжэта ўзмацняе сэнсавую напоўненасць насычанага станоўчай ацэначнай канатацыяй імені, носьбіт якога – чалавек, адораны Богам моцнай жыццёвай энергіяй, якую аддае хворым, слабым, пакрыўджаным Лёсам людзям. ***Аль-Іса*** падпарадкоўвае сваё жыццё высакароднай мэце – "*несці Словам у свет чысціню і сумленне"* [5, 44]. Ён лечыць людзей і піша Кнігу, у якой рупліва збірае духоўныя набыткі чалавецтва.

Анімізм светаўспрымання людзей XI стагоддзя – язычнікаў, хрысціян, мусульман – перадаецца праз насычэнне моўнай тканіны твораў ***міфонімамі*** – назвамі багоў і духаў. Прамень сонца, крык птушкі, радасныя і трагічныя падзеі ў жыцці з'яўляюцца праявамі звышнатуральных сіл, якімі насычаны навакольны свет і якія прыносяць чалавеку дабро або няшчасце, напрыклад: *"Добра, калі ёсць каму чакаць дома, і кідаць дровы ў цяпельца, і карміць добрага дзеда* ***Дамавіка****, які за гэта будзе зберагаць скаціну ад гневу* ***Воласа****, скотняга бога, а дом – ад* ***Агневіка****, а багацце – ад* ***цмока***" [5, 12]; "*Так, ён гаварыў, што на яго ўпаў цень казачнай птушкі* ***Хумай****, а, як усім вядома, той, на каго ўпаў яе цень, робіцца царом*"[5, 70].

Асноўная ідэя, якую па-мастацку сцвярджае ў сваёй творчасці Вольга Іпатава – сутнасная еднасць сусветных культур. Ёсць агульнае, паводле перакананняў персанажаў твораў пісьменніцы, паміж язычніцтвам, ісламам і хрысціянскай культурай: *"А я так думаю, што ўсе людзі пайшлі ад* ***Кабіла*** *і* ***Хабіла****, ці* ***Каіна*** *і* ***Авеля****, па-хрысціянску. Розніца толькі ў тым, што жывуць яны ў розных мясцінах, ад таго і звычаі сталі розныя" [5, 70]; "****Джырджыс*** *– гэта* ***Георгій-Перамаганосец****. І яшчэ слаўны бек моліцца, каб прыйшлі на дапамогу мудры* ***Георгій і Джыбрыл****, ці, як кажуць арабы,* ***Рух-ал-Кудс****, бо яны вельмі часта дапамагаюць яму"* [5, 60]; *"Калі ў першай славянскай хаце, непадалёку ад стэпаў, падалі яму пасля мыцця вышываны ручнік, на якім убачыў* ***Мокаш****, або* ***Жытную Бабу****,* ***Маці*** *ўсяго жывога – доўга стаяў, трымаючы ручнік, гледзячы на яго, аж пакуль гаспадар не аклікнуў, не пазваў вячэраць. І зноў успомніў гімны* ***Анахіце*** *– таксама* ***Маці*** *ўсяго жывога, і падзівіўся таму, што розныя на зямлі людзі, але ўсе яны родныя, блізкія ў самым галоўным – жыцці і смерці"* [3, 227].

Жыццё старажытнага чалавека праходзіла ў межах пэўнага каляндарнага цыкла. Пэўны дзень года ці нават цэлыя перыяды звязваліся ў свядомасці людзей з магічнай тайнай, з шэрагам патрабаванняў, невыкананне якіх ва ўяўленні вернікаў, магло прынесці чалавеку няшчасце. ***Геартонімы*** (назвы свят), якія сустракаюцца на старонках гістарычнай прозы, уключаюць як хрысціянскія (***Іванаў дзень (Раство Іаана Прадцечы), Сёмуха, Іванаў дзень, Вялікдзень***), так і святы зараастрыйцаў (***свята Мітры***). Складнікі анамастыкону гістарычнай прозы – назвы хрысціянскіх (***Сафійская царква, царква Касьмы і Даміяна, Дзесяцінная царква, царква Барыса і Глеба, Сялецкі манастыр***і), мусульманскіх (***Джуна-мячэць, Маўзалей Ісмаіла Самаі***), зараастрыйскіх храмаў (***храм Азаргушаспа)***, язычніцкіх культавых збудаванняў (***Перуновае капішча***).

Адлюстраванню светапогляду хрысціян, мусульман, будыстаў спрыяюць "фонавыя" онімы, якія называюць іконы і кнігі: ***ікона Божай маці, ікона Міколы-***

цудатворцы, ***Біблія***, ***Псалмы Давіда,*** "***Канон***" Ібн-Сіны, а таксама яго трактаты "***Запрашэнне да падарожжа", "Птушкі", "Аб лёсе***", зборнік усходняй мудрасці "***Каліла і Дзімна***", будыйскі помнік "***Джутшы***".

Сродкам адлюстравання хранатопу твора з'яўляюцца геаграфічныя найменні. Частка з іх захавалася ў сучаснай мове: ***Кіеў***, ***Смаленск***, ***Пскоў***, ***Дзвіна***, ***Палата, Мека, Бухара,*** крэпасць ***Арка***. Часам у аўтарскіх каментарах тлумачыцца паходжанне тапонімаў: "*Горад* ***Баку*** *– ад персідскага «****Баркубэ****» – удар ветру*" [5, 70]. У ліку ўстарэлых геаграфічных назваў вылучаюцца **археонімы** – старажытныя найменні існуючых у сучасным грамадстве рэалій. Пісьменніца выкарыстоўвае як **уласналексічныя** (***Чын – Кітай, Чач – Ташкент, Понцкае (Рускае) мора – Чорнае мора, Хвалынскае мора – Каспійскае мора, Цар-горад – Самбул***), так і **лексіка-фанетычныя археонімы** (***Друцеск – Друцк, Полацак – Полацк, Дона – Данія, Віцьбеск – Віцебск, Джургень – Ургенч, Смарканва – Самарканд***). **Гістарыёнімы** – найменні рэалій, якія зніклі з геаграфічнай і палітычнай карты (***Навагрудскае княства, Кіеўскае княства, Галіцка-Валынскае княства, Кхран (Візантыя), Румскі султанат***). Асаблівасцю тапанімікону гістарычнай аповесці з'яўляецца тое, што паэтонімы дэтэрмінаваны міфалагічнымі уяўленнямі пра дваістасць усяго існага. Для абазначэння прасторы "таго" свету выкарыстоўваюцца онімы ***Бархут, Чынват***, ***Аль-Сірат, Джанна***. Значэнне гэтых тапонімаў ракрываецца праз уключэнне ў мастацкі кантэкст культурна-гістарычнага матэрыялу: "*Згодна з іранскімі паданнямі, справы людзей пасля іх смерці абмяркоўваюцца ля моста* ***Чынвад***" [5, 148]; **"*Бархут*** *– калодзеж, звязаны з пеклам і заселены душамі памерлых*" [5, 30]; "*Не чапай майго сына, не чапай! Ён ужо стаіць на мосце* ***Аль-сірат*** *і чакае Страшнага Суда*!" [5, 50]; "*Чым хутчэй зарасце магіла травой, тым раней нябожчык дасягне іхняга раю –* ***Джанна***" [5, 340].

Цэнтральнае месца ў тапаніміконе прааналізаваных твораў займае тапонім ***Хвалынскае мора***, у якім заключаны глыбокі семантычны падтэкст. Заўважым, што ў апавяданні "Мара" тапонім ужыты ў кантэксце замовы, якая павінна была зберагчы воіна, што накіроўваўся на чужыну: "***Мора Хвалынскае****? Пракаветным нечым, таемным як абдало Куземку, і наплылі на яго словы замовы, якую дзед Векша чытаў маладому дзядзьку Алексу, калі той адпраўляўся ў войска. Дзед і тады быў стары, ссохлы, як трэска, сівы, рукі ў яго калаціліся, і ён чытаў над Алексам:«Пад* ***морам над Хвалынскім*** *стаіць медны дом, а ў тым медным доме закаваны змей вогненны, а пад змеем ляжыць сяміпудовы ключ ад збруі багатырскай... У той збруі не возьме цябе, малайца, ні страла, ні рагаціна, ні сякера, ні нож...*»" [5, 336]. У мастацкім кантэксце прыгадваюцца міфатапонімы востраў ***Буян*** і ***Алатыр-камень***: "*Хлопчык думаў пра таямнічае* ***мора Хвалынскае****, дзе ляжыць* ***востраў Буян****, а на тым востраве ёсць белы-белы, як дзедава барада,* ***Латыр-камень****... А на тым белым камені стаіць церам, дзе хаваецца чараўнічая зброя, якую не бярэ ні страла, ні сякера*" [5, 336]. Востраў ***Буян*** з'яўляецца сімвалічным цэнтрам, сусветнай воссю, якая яднае неба, зямлю і падземны свет. Розныя інтэрпрэтацыі адпавядаюць уяўленням аб востраве Буяне як аб краіне мёртвых і сімвале цэнтра стварэння свету [4, 93]. "***Алатыр-камень*** – у сярэднявечных легендах і фальклоры святы камень, «усім камяням Айцец», пуп зямлі, які надзелены гаючымі ўласцівасцямі" [1]. У аповесці В. Іпатавай тапонім ***Хвалынскае мора*** ўжываецца ў адным кантэксце з міфагідронімам ***Сінь-акіян***. Трапляючы ў далёкую Азію, Алекса разважае: "*Няўжо тут край зямлі? Няўжо за гэтымі хаткамі і ёсць тая чорная бездань або* ***сінь-Акіян,*** *пра які расказваюць бывалыя людзі? Чуў не раз Алекса, што зямля пад нагамі — гэта спіна велізарнай кітрыбы. Бывае, што стогне і варочаецца той кіт, і тады ляцяць з яго ў бездань ці ў* ***сінь-Акіян*** *цэлыя гарады і паселішчы. Тут, на самым краёчку зямлі, чутно ўжо было аднойчы, як здрыгануўся кіт*" [5, 135]. У народнай свядомасці словы ***акіян*** і ***мора*** азначаюць бездань ці прорву, неабдымнасць, стыхію, першародныя воды, з якіх утварыліся зямля і

космас [4, 92]. У кантэксце духоўных пошукаў ***Алексы***, які дзеля выратавання каханай пераплыў мора, і ***Кузёмкі***, які накіроўваецца на Усход, каб навучыцца рабіць зброю, гідронім ***Хвалынскае мора*** з фармальна рэальнага тапоніма ператвараецца ў **міфагідронім**, знаходзячыся ў адной сістэме каардынат з ***морам-акіянам***, у якім чалавек шукае сваё прызначэнне: "*Чалавек – трэска на вяршыні хвалі, і хваля круціць гэтую трэску так, як захоча. Алекса ўспомніў велізарныя, злавесныя, з шалёнымі белым і кончыкамі ўверсе валы* ***Хвалынскага мора****. Іх карабель стагнаў, трашчаў так, што валасы на галаве ўздымаліся і стаялі тырчма, заходзілася сэрца... але ж яны, трэскі, неяк выжылі. Ці самі яны, іх уменне, уратавала,ці мора злітавалася над імі дзеля таго, каб ён згубіўся ў другім, агромністым, чужым свеце, што таксама падобны да мора!*" [5, 137]; "*Імкліва панесла вада Куземку ўдаль, у невядомы, але такі прывабны свет, адкуль ён павінен вярнуцца пасталелым, разгадаўшы многія кавальскія сакрэты, асабліва ж – таямніцу жалеза. Ён верыў у гэта, калі шаптаў дзедаву замову, якая рыхтавалася стаць для яго явай: «Ты, воран мудры, ляці да* ***мора Хвалынскага****, заклюй змея вогненнага, дастань ключ той сяміпудовы...»"* [5, 340]. Шматслойнасць лексіка-семантычнай структуры тапоніма ***Хвалынскае мора*** дае падставы для інтэрпрэтацыі яго як **міфатапоніма**, які выконвае культурна-міфалагічную і культурна-гістарычную функцыі.

Шырока прадстаўлены ў тапаніміконе гістарычнай прозы В. Іпатавай **касмонімы**. Мусульманін, гледзячы на неба, бачыць зеленаватую ***Чагір*** – прыгажуню ***Зухру***, ператвораную ў зорку і ўзятую на небасхіл, каб ахоўваць прыгажосць і музыку. Зорка¸ пад якой нараджаецца чалавек, прадвызначае яго лёс: "*Чорная зорка* ***Дзенеб*** *над яе галавой,– сказаў нарэшце.– Можа, і праўда не варта табе прыглядаць гэтую дзяўчынку? Я знайду табе іншую, дапамагу сабраць грошы*" [5, 141]; "*Гэта была зорка* ***Утарыд****, пад якою нараджаліся гандляры і злодзеі. А побач журботна ззяла* ***Зухра****, альбо* ***Чагір****, якая, мабыць, ніколі не будзе свяціць для яго*" [5, 145]. Для кітайца Лі-сына небасхіл – гэта царства феі ***Ван-му***, дзе раз у тры тысячы гадоў цвіце персік, што дае чалавеку бяссмерце. Неба – ***Блажэнная краіна Яшмавых Званоў***, дзе знаходзяцца ***Сем ззяючых шарыкаў бяссмерця***, дзе схавана ***Залатая Ісціна***. Славяне вераць, што на ясным небе валадарыць ***дзед Бялун***: "***Дзед Бялун*** *– у славян стары смаркаты дзед, які, варта выцерці яму нос, рассыпаецца срэбрам. Апроч таго, увасабляе яснае неба і праганяе хмары*" [5, 28].

Такім чынам, хранатоп твораў В. Іпатавай як зліццё прасторавых і часавых прыкмет у мастацкім цэлым фарміруецца пры непасрэдным удзеле літаратурнай анамастыкі.

Літаратура

1. Алатырь-камень [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Алатырь-камень. – Дата доступа: 26.01.2022.
2. «Бадия» – значение имени, происхождение имени, знак зодиака, камни-талисманы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://r https://aznaetelivy.ru/names/znachenie-imeni/badija. – Дата доступа: 26.01.2022.
3. Барыс, С. Як у нас клічуць?: Беларускія імёны / С. Барыс. – Мн.: Медысонт, 2010. – 124 с.
4. Горбачёва, О.Н. Ономастическое пространство русских народных и авторских сказок : дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / О.Г. Горбачёва. – М., 2008. – 148 л.
5. Іпатава, В. За морам Хвалынскім: аповесці і апавяданні / В. Іпатава. – Мінск: Маст. літ., 1989. – 351 с.
6. Савік, Л. Беларус! Твая дачка я… / Л. Савік // Іпатава, В. Прадыслава: аповесць / В. Іпатава. – Мн., 2003. – С. 3–11.

В.М. Воробьёв
Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина
e-mail: tver_volok@mail.ru

УДК 811.161.1’373.23:821.161.1-31

Понырёв и Бездомный: антропонимическая загадка Михаила Булгакова

Ключевые слова: *антропонимика, Булгаков, Понырёв, Бездомный, семантическая антитеза, лингвистический, культурный и географический контекст.*

В статье анализируется содержательное соотношение фамилии и псевдонима одного из главных героев романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» – Понырёв и Бездомный. Автор обосновывает неслучайное противопоставление фамилии, образованной от конкретного ойконима, и псевдонима, имеющего прямо противоположный смысл – человек без определённого места жительства. Эта антиномия усиливается привлечением историко-географической аргументации: посёлок Поныри, от которого образована фамилия, расположен на водоразделе Волги, Днепра и Дона, втором по значимости в историко-культурном отношении во всей Восточной Европе.

V.M. Vorobyov
Russian State University named after A.N. Kosygin

Poniryov and Bezdomniy: the anthroponymic puzzle from Mikhail Bulgakov

Key words*: anthroponymy, Bulgakov, Poniryov, Bezdomniy, semantic antithesis, linguistic, cultural and geographic context.*

The article is devoted to the analysis of the semantic correlation between the surname and the nickname of the one the primary heroes of the novel «Master and Margarita» by M.A. Bulgakov – Poniryov and Bezdomniy. The author substantiates non-random opposition of the surname, created from the concrete oikonim, and the nickname, that contains the opposite meaning – the man without the concrete place of habitation. This antinomy is stronger by the involvement of the historic and geographic argumentation: the settlement of Ponyri, of which the surname was formed, is situated upon the watershed of Volga, Dnepr and Don – the second by its historic and cultural significance in the Eastern Europe.

Ряд приёмов М.А. Булгакова, применённых им в «Роковых яйцах», «Собачьем сердце», «Адаме и Еве», «Мастере и Маргарите», глубокий исследователь творчества писателя профессор С.В. Никольский назвал «поэтикой зашифрованных мотивов», расположенных «в невидимой части ассоциативного спектра».

Это касается и структуры образов его героев, и персональных аллюзий и соотнесений, и скрытого смысла сюжетных ситуаций, сцен, картин, а также антропонимов, ойконимов и урбанонимов. Это огромный и многослойный мир зашифрованных смыслов и аллюзий, который только начинает прорисовываться благодаря открытиям П.В. Палиевского [7], М.О. Чудаковой [8], Б.С. Мягкова [5], Е.А. Яблокова [9; 10] С.В. Никольского [6].

Новое поколение булгаковедов также осваивает его ономастическое пространство, примером чему служит статья тюменского исследователя Е.П. Багировой [1]. По её мнению, три плана повествования – реальный московский, исторический библейский и ирреальный демонический – образуют единую антропонимическую систему. Действительно, в московских главах буквально каждое личное именование вписывается в логику театра абсурда, разрушая русскую антропонимическую традицию через иноязычные

компоненты или сочетание обыденного имени со странной фамилией. Этот эффект усиливается и фонетической составляющей. М.А. Булгаков добивается данным приёмом сильного сатирического результата, когда совокупность имён собственных становится гротескным, но реальным отражением действительности.

Правда, трудно согласиться с Е.П. Багировой, что фамилия Понырёв может быть отнесена к группе номинаций, в которой антропонимы произведены от апеллятивов с «затемнённой семантикой», и якобы стоит в том же ряду, что Могарыч, Варенуха и Шпичкин. Этимологическая ссылка, которую она даёт на словарь В.И. Даля, соотносится с термином «бездомный» [4, I, 61], а не «поныр», который определяется у Даля как «подземный проток, уход потока в глубь земли» [4, III, 289].

Известно, что Булгаков в процессе работы над рукописью романа искал наиболее адекватные и контрастные варианты фамилии и псевдонима своего, вероятно, главного героя романа. Встаёт вопрос: а что для автора в данном случае было важней − фамилия или псевдоним? От какого из компонентов ономастической пары Понырёв − Бездомный мог он двигаться мыслью к предполагаемому антониму?

Базовым для Булгакова в этой дихотомии был псевдоним. Он идеально вписывался в страдальческую парадигму значений ранних советских литературных обличий, уходящих корнями ещё в дореволюционную эпоху (Горький, Скиталец).

Г.Г. Красухин подметил в «Моих литературных святцах»: «Горький, Бедный, Голодный – такие псевдонимы брали, чтобы подчеркнуть, что ты находишься на стороне тех, кто испытывает нужду, бедность, нищету. И при этом совершенно было неважно, что горечи жизни Горький не выносил, наоборот – тянулся к жизненной сладости и потому умер в подаренном ему особняке Рябушинского. Неважно было, что Бедный бедности не знал, жил сперва с большевистскими вождями в Кремле, а потом в отдельном доме на Бульварном кольце. Важна была маска, которую как бы отрабатывали писатели под своими псевдонимами» [11].

С.В. Никольский пишет: «…исследователи обоснованно находят в образе Ивана Бездомного черты, сближающие его с Демьяном Бедным, известным своими грубыми богоборческими стихами» [6, 153]. Вспомним настоящие фамилии пролетарских и крестьянских писателей: Горький – Алексей Пешков, Бедный – Ефим Придворов, Приблудный – Яков Овчаренко, Голодный – Михаил Эпштейн. Фамилии хотя и не частотные, даже запоминающиеся, но без какой-либо заметной семантической или экспрессивной окраски. А в избранных этими писателями для себя псевдонимах их смысл подаётся влобовую, исключая какие-либо иные трактовки и принуждая читателя к одобрению и сочувствию, давя на него социальной принадлежностью. Как говаривал Чичиков, «полюби нас чёрненькими, а беленькими нас всякий полюбит».

Мой школьный учитель Нина Васильевна Верхоланцева (1908–1978), чей муж, командир 25-й Чапаевской дивизии Михаил Зюка, был расстрелян в период «большого террора», однажды процитировала кого-то в нашем разговоре о писателях 30-х годов: «Горький, Бедный, Голодный… Голодный, а морда – во! Был там один морячок, назвался Весёлым – так и того шлёпнули». Об источнике цитаты я тогда, полвека назад, не спросил, а теперь на просторах Интернета тоже не смог обнаружить.

Эпитеты Горький, Бедный, Голодный и подобные им хотя и вызывают жалость, но характеризуют либо эмоцию, либо преодолимое, небезнадёжное состояние. А вот Бездомный – это гораздо сильней. Не случайно Булгаков искал и нашёл псевдоним Ивана Николаевича именно в сематическом гнезде «дом, жильё, приют». Могу сказать по данным этнографической литературы, что самым страшным наказанием у всех первобытных народов был не смертный приговор, не мучительная казнь, а изгнание из рода, поскольку у человека не оставалось места на земле: лишившись защиты своего рода, он не мог быть принят ни в какой другой и погибал.

«Дом человека – его земная обитель, убежище от превратностей погоды, от зверей, от любых врагов; это место, где живёт его семья; это кров, под которым он готовит пищу, ест, отдыхает, спит; здесь он хранит свой скарб и припасы; здесь горит огонь его домашнего очага. Трудно перечислить все функции жилища, ещё труднее разделить их на важные и второстепенные» [3, 61].

В ранних рукописных редакциях «Мастера и Маргариты» есть попытки найти наиболее адекватное выражение абсолютной неприкаянности своего героя и зафиксировать его: Беспризорный, Бесприютный, Покинутый, Безродный. Булгаков останавливается на псевдониме Бездомный как на наиболее ёмком, отражающем всеобщность, универсальность и самого понятия, и состояния и статуса человека.

Исследователи творчества Булгакова без труда выяснили, что в псевдониме Бездомный спародирован поэт Александр Безыменский, у которого это была родовая фамилия. Но Булгаков не ограничился пародийным приёмом, задевающим этого «бородатого комсомольца», как его назвал Владимир Маяковский.

Вторая часть антропонимической пары – фамилия Понырёв. Она образована от названия посёлка городского типа Поныри и одноимённой железнодорожной станции в нынешней Курской области, близ границы с Орловской областью. Станционный посёлок сложился к 1868 г. при строительстве железной дороги Москва − Курск − Киев, а в 1902 г. сюда было переведено волостное правление, и Поныри стали самостоятельной административной единицей.

М.А. Булгаков, уроженец Киева и впоследствии московский житель, многократно проезжал по этой железной дороге через станцию Поныри, это название и сам населённый пункт стали частью его жизненного тревелога. Он наверняка слышал рассказы попутчиков о проезде через Поныри императрицы Екатерины II, закрепившемся в названии Екатерининский большак. Он видел привокзальную часовню, возведённую к открытию железнодорожной линии Москва – Курск, где на торжественном молебне присутствовал император Александр II. Да и в самом топониме Поныри (понурый? нора? нырять?) было что-то загадочное по сравнению с названиями соседних станций Золотухино и Глазуновка.

Чем же не устроили Булгакова избранные им первоначально варианты фамилии Ивана Николаевича – Попов и Тёшкин? В первом случае, вероятно, слишком нарочито высвечивалось несоответствие фамилии Попов с мировоззрением поэта, его поведением и высказываниями в полилоге на Патриарших, то есть «антикрещение». Во втором случае фамилия Тёшкин, образованная, вероятно, от какого-то апеллятива или от мужского личного календарного имени *Терентий* > *Тёша*, оформленного уменьшительно-пренебрежительным суффиксом *-шк-* и патронимическим суффиксом *-ин*, подчёркивала заурядность её носителя, выходца из простолюдинов.

Другое дело – фамилия Понырёв. В сознании автора «Мастера и Маргариты» помимо ассоциации с весьма загадочным названием хорошо знакомой Булгакову железнодорожной станции вполне мог сложиться и другой семантический слой. Поныри, о которых мало кто из читателей слышал, являют собой в данном контексте своеобразный символ коренной, глубинной, потаённой России.

Думается, ойконим Поныри в тексте романа по воле его автора не только имеет лингвистический смысл, но и несёт иносказательную семантическую нагрузку: нырять, погружаться, уходить с поверхности в глубину, прятаться, таиться. Основа *-ныр-/-нер-* довольно часто встречается в гидронимии: река Неретва в Динарских Альпах, озеро Нерето в Тверской области; озеро Неро в Ярославской области и др. Выше уже отмечалось, что «поныр» определяется у Даля как «подземный проток, уход потока в глубь земли» [4, III, 289].

До чего же безбожная советская власть должна была довести человека, чтобы он сменил глубокую по содержанию и звукописи фамилию Понырёв на бродяжный псевдоним Бездомный! В результате перед нами человек – перекати-поле, соцреалист без корней, без культурной традиции, без духовности.

С.В. Никольский полагает, что фамилию Понырёв «можно связывать с символом воды и крещения, а по мнению Филипс-Юзвигг, и с Иваном Купалой: само “имя Иван и настоящая фамилия Понырёв синонимы Ивану Купале – народному наименованию Иоанна Крестителя”» [6, 155].

Принимая во внимание эту интересную гипотезу, попробую рассмотреть ещё один аспект, на который я когда-то обратил внимание, осмысливая фамилию Понырёв.

В цитируемой выше монографии «Над страницами антиутопий К. Чапека и М. Булгакова (поэтика скрытых мотивов)» С.В. Никольский пишет: «Приношу благодарность доктору исторических наук /надо: доктору культурологии. – В.В. / В.М. Воробьёву, обратившему наше внимание на то, что в «аксиологической» географии городок Поныри значим как центр водораздела в средней полосе России, где берут исток несколько крупных рек» [6, 160].

Наш разговор с Сергеем Васильевичем на эту тему состоялся в 2007 г. Двумя годами ранее я защитил докторскую диссертацию по культурологии, в которой в частности рассмотрел историко-культурную значимость водораздела Волги, Дона и Днепра на Среднерусской возвышенности, в районе Понырей. Данный водораздельный гидроузел (исток р. Неручь, лп р. Зуша, пп р. Ока, пп р. Волга // исток пп р. Сосна, пп р. Дон // исток пп р. Тускарь, пп р. Сейм, лп р. Десна, лп р. Днепр) связывает воедино системами трёх великих рек бассейны Каспийского, Азовского и Чёрного морей.

«Это самый значимый в аспекте этнокультурных взаимодействий район на южном склоне Европы, поскольку замыкает огромные пространства Русской равнины, а через лежащий в нескольких сотнях километров к северу Великий водораздел он реализует связи и с Северной Европой» [2, 97].

Мягкие ландшафты Среднерусской возвышенности в лесостепном Окско-Донском междуречье, плодородные почвы Черноземья и густая речная сеть способствовали хорошей проницаемости полосы водораздела в этих местностях. Культурные контакты не были ограничены ландшафтными препятствиями, но в первобытности отсутствие озёр, больших рек, обширных лесов снижало мотивацию к оседлости. С освоением пашенного земледелия в раннем средневековье пространство Окско-Донского междуречья стало осваиваться более интенсивно, а в эпоху Московского государства и в имперский период этот процесс успешно завершился.

С.В. Никольский живо откликнулся на мои размышления об историко-культурной значимости этого компактного пространства, внутри которого и на ближней периферии встречались и взаимодействовали с глубокой древности вплоть до эпохи государственности включительно этносы самого разного происхождения. Они внесли неоценимый вклад в судьбу этого региона.

Не буду утверждать, что М.А. Булгаков был глубоко знаком с историко-географическим содержанием этой водораздельной территории, но наверняка он ощущал интуицией гениального писателя, подкреплённой личными впечатлениями от поездок и общения с людьми, что в этом пространстве, откуда реки текут в три моря, заключена какая-то загадка, что в нём есть особая сила и энергетика, которая передалась и его обитателям.

Возвращаясь к дихотомии Понырёв – Бездомный, скажу, что не ставлю задачу проследить обратную трансформацию Бездомного в профессора Института истории и философии Ивана Николаевича Понырёва и возвращение им истинного имени: это сделал сам Булгаков в своём романе и его глубокие комментаторы и исследователи.

Так, С.В. Никольский тонко проанализировал образ «оступившегося, сбившегося с пути и заплутавшего Ивана. Открытость натуры, непосредственность эмоциональных реакций и другие привлекательные черты предстают в сочетаниях, часто комических,

с недостаточной образованностью, несдержанностью, опрометчивостью, и, может быть, самое главное, – с бесхитростной, простодушной доверчивостью к чужому слову и к слову вообще, к словесным внушениям» [6, 151].

П.В. Палиевский убедительно показал, что Бездомный «единственный по-настоящему развивается в этой книге… История романа развёртывается в сущности для него, потому что он один сумел извлечь из неё для себя что-то новое, чему-то научиться; факт, не видимый сразу, но едва ли не самый значительный» [7, 56].

Трудно не согласиться с выдающимся филологом С. В. Никольским, чей 100-летний юбилей отмечается 27 февраля 2022 г., писавшим: «Роман «Мастер и Маргарита» – не только повествование о трагических превратностях исторического бытия и судьбы человека, сага о постижении истины и этического идеала (линия Мастера), не только сказание о всепоглощающей самоотверженной любви (линия Маргариты), но в некотором смысле и притча об Иване, т.е. о судьбе заплутавшей России» [6, 155].

Литература

1. Багирова, Е.П. Поэтическая ономастика М.А. Булгакова (на материале антропонимии романа «Мастер и Маргарита») / Е.П. Багирова // Современная филология: материалы междунар. заоч. науч. конф., Уфа, апрель 2011 г. / Под общ. ред. Г.Д. Ахметовой. – Уфа: Лето, 2011. – С. 71–73.

2. Воробьёв, В.М. Культурно-этнические контакты на континентальных водоразделах / В.М. Воробьёв. – Тверь: Славянский мир, 2004. – 342 с.

3. Воробьёв, В.М. Тверская топонимия: учеб. пособие по курсу «Регионоведение» / В.М. Воробьёв. – Тверь: Седьмая буква. 2009. – 308 с.

4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – М.: Русский язык, 1978. – Т. I; 1982. – Т. III.

5. Мягков, Б.С. Булгаков на Патриарших / Б.С. Мягков. – М.: Алгоритм, 2008. – 352 с.

6. Никольский, С.В. Над страницами антиутопий К. Чапека и М. Булгакова (поэтика скрытых мотивов) / С.В. Никольский. – М.: Инс-т славяноведения РАН, 2009. − 2-е изд., испр. и доп. − 192 с.

7. Палиевский, П.В. Шолохов и Булгаков / П.В. Палиевский. – М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 1993. – 141 с.

8. Чудакова, М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова / М.О. Чудакова. – 2-е изд., доп. − М.: Книга, 1988. − 671 с.

9. Яблоков, Е.А. Мотивы прозы Михаила Булгакова / Е.А. Яблоков. – М.: РГГУ, 1997. – 200 с.

10. Яблоков, Е.А. Художественный мир Михаила Булгакова / Е.А. Яблоков. – М.: Языки славян. культуры, 2001. – 419 с.

11. Электренный ресур. – https://bookshake.net/b/moi-literaturnye-svyatcy-kvartal-4-gennadiy-grigorevich-krasuhin.

А.Н. Деревяго
Государственное учреждение дополнительного образования взрослых
«Витебский областной институт развития образования»
e-mail: annderevyago@gmail.com

УДК 81.055

Лингвистические особенности отражения культурных событий в региональном публицистическом тексте

Ключевые слова: *языковая личность, региональный публицистический текст, континуум, культурное событие, ономастическая единица.*

Статья посвящена вопросу отражения культурных событий в региональном публицистическом тексте в лингвистическом аспекте. Автор устанавливает инструментарий языковых средств, что составляют особенность текстов региональной публицистики, освещающих культурные события, определяет характерные особенности подбора и употребления ономастических единиц для создания внутритекстового фактуально-событийного континуума.

A.N. Derevyago
State Institution of Supplemental Education for Adults
«Vitebsk Regional Institute of Educational Development»

Linguistic features of the reflection of cultural events in the regional journalistic text

Key words: *linguistic personality, regional publicistic text, continuum, cultural event, onym.*

The article is devoted to the question of cultural events reflection in the regional publicistic text in the linguistic aspect. The author defines a toolkit of linguistic means that make up the peculiarity of the texts of regional publicistic text covering cultural events, determines the characteristic features of the selection and use of onyms to create an intratextual factual-event continuum

Языковая личность, помещенная новой антропоцентрической парадигмой в центр системы создания, преобразования и трансляции информации об окружающем мире в виде связных текстов, определяет отправную точку и вектор исследовательских поисков в проблемном поле существования национальной картины мира и ее основных компонентов. Человек как активный субъект, формирующий национальную картину мира, всегда связан с определенным национально маркированным социумом, который, имея разный опыт созидающей деятельности, по-своему расставляет акценты в конструктивной системе концептуальной картины мира, превращая ее в аутентичный вариант национального представления об одном и том же объективном мире. Антропоцентрическая парадигма языкознания привела к развороту лингвистической проблематики в сторону человека и его места в культуре, так как в центре культуры и культурной традиции стоит языковая личность во всем ее многообразии. Определения понятия культуры до сих пор демонстрируют обширный объем внутренней формы, и многочисленные семантические инварианты объединяет общий смысловой компонент, связанный с признанием социально-исторического характера культуры. Феномен культуры исследуется в рамках разных научных дисциплин и направлений, и всегда в динамическом аспекте, который во многом определяет сущность двух ключевых форм современной культуры – культурного процесса и культурного события. Тогда «культурные процессы, помимо изменения во времени состояния культурных систем и объектов, могут быть рассмотрены и как типовые конструкты (модели) взаимодействия между людьми и социальными группами» [5], а культурные события становятся частными случаями реализации культурных процессов.

Основным элементом содержательной стороны публицистического текста выступает факт; спецификой выстраивания фактологической системы публицистический текст обязан и автору текста, и жанровому своеобразию публицистики. Убедительность событийной и актуальность фактологической модели публицистического текста обеспечивает ему скорость и качество воздействия на аудиторию. У автора этого типа текста достаточно широк инструментарий для выражения собственной интенции – активного воздействия на читательское восприятие мира и событий в нем, – и это обусловлено тем, что «основная специфическая черта публицистического текста – его синкретизм, то есть использование одновременно в их нерасчлененном единстве как научных, рационально-понятийных, так и художественных, эмоционально-образных средств» [4].

Публицистический текст охватывает широкое пространство социальной жизнедеятельности, существует в общественно-политических, культурных, спортивных вариантах, в силу чего имеет множество жанрово-стилевых разновидностей, объединенных смысловым интенциональным вектором «проблематика актуального момента», который

дополняется статусными характеристиками образности, фактологической точности, яркости изложения и остротой воплощения образа автора: основное назначение публицистики «сообщая факты, формировать общественное мнение, активно воздействовать на разум и чувства человека» [1].

Текст публицистического типа оперирует множеством языковых средств формирования внутритекстового смыслового пространства. Цель нашего исследования – выявление тех языковых средств, что составляют особенность текстов региональной публицистики, освещающих культурные события.

Регионалистика как направление и методологическая тенденция достаточно актуальна для проблемного поля современной науки: она дает возможность проследить специфику смыслового и событийного континуума отдельного региона, установить связи контекстной когниции, которые могут существенно отличаться от соответствующих позиций, свойственных центральным территориальным образованиям. Ведущим источником материала исследования нами избран публицистический текст, представленный в газете «Витьбичи» в 2020 г. – начале 2022 г. [3].

Все события и факты, представленные в авторских текстах газеты «Витьбичи» на разных уровнях смысловой текстовой организации, соотносятся преимущественно с фактуально-событийным континуумом Витебска и Витебской области. Причем преобладают информационные материалы, связанные с одним фактом или событием. Критически низкая частотность аналитических материалов, базирующихся на совокупности фактов, является показателем того, что, по всей вероятности, целевая аудитория публицистического текста рассматривается авторами как лишенная потребности в аналитизме и сопоставлении фактов и событий не только актуального, синхронического информационного пространства «здесь и сейчас», но и перспективного и проспективного этно- и поликультурного плана.

Тематически культурные события соотносятся с двумя магистральными содержательными векторами.

Во-первых, они связаны контекстом народной культуры, воплощенной в традиционных элементах обрядового праздничного хронотопа. Вследствие чего представлены материалы, посвященные традиционным народным праздникам – Рождеству, Масленице, Дожинкам, Радунице, Пасхе, Купалью – и специфике их символического контента.

Во-вторых, события представляют культурный процесс современного города Витебска с опорой на его историческую и этническую аутентичность, так что в контекст газетной полосы интегрированы событийные конструкты об открытии выставок, экспозициях музеев, презентациях авторских произведений и т.д.

Информационный контекст этнической культуры, например, представляет статья «**Под звездой Рождества**» Жанр информационной статьи, посвященной празднованию в Витебске праздника православного Рождества, определяет выбор автором языковых средств, соответствующих интенции сообщения объективной информации о культурном событии.

Заголовок, представляющий тип заголовочных номинаций с прямым смысловым планом, актуализирует в сознании читателя знаковые обстоятельства библейской легенды о рождении Иисуса Христа и является перифразом космониму *Вифлеемская звезда*, прагматические блоки семантики которого содержат энциклопедическую информацию о загадочном небесном явлении, которое, согласно Евангелию от Матфея, волхвы назвали «звездой»; увидев эту «звезду» на востоке и решив, что родился «царь Иудейский», они пришли в Иерусалим, чтобы поклониться ему.

Лексическая единица *Рождество* выступает в составе двучленной частной ономастической подсистемы с этническим геортонимом *Віцебскія Каляды*. Единица *Каляды* выступает этнически маркированным лексическим дублетом именования *Рождество*.

Автор текста акцентирует внимание целевой аудитории на локализации праздника, используя для этого разные лексические средства – адъектоним *Витебские* в составе этнического геортонима, именование культурно-исторического комплекса *Золотое кольцо города Витебска «Двина»*, агоронимом *площадь Победы*. Ономастический инструментарий названного текста дополняют названия клубов исторической реконструкции *Нагльфар, Хальвиль*, *Паўночная вежа*, мифоантропоним *Дед Мороз.*

Семантика, актуализирующая смысловой блок «традиционный народный праздник», реализована посредством смысловых блоков апеллятивных единиц-конкретизаторов – гулянье и шествие с уточнением ведущих сем «веселое рождественское народное» (гулянье), «с мифологическими и сказочными персонажами» шествие. Этническую смысловую маркированность демонстрирует лексемы *колядовщики* и *колядная звезда*, которые даются в графическом оформлении русского языка. Автор текста не использует специальную лексику сферы-источника «Культура», и большинство слов можно охарактеризовать как общеупотребительные. Ведущий интонационный рисунок анализируемого текста невосклицательный. Предложения по структуре преимущественно простые, осложненные рядами однородных членов, и сложноподчиненные.

Культурные события, что представляют культурный процесс современного города Витебска и составляют его аутентичность, представлены на газетной полосе, обусловлены авторской фактологической интенцией как целенаправленным описанием фактов и установлением связей между ними. Так, статья **«Жить в радости»** посвящена выставке юных художников, приуроченной к новогодним и рождественским праздникам. Тема праздничного времени тесно увязывается с подтемами детства, сказочности, веры в чудеса, творчества посредством включения в описательный контекст соответствующих лексем. Ведущий тематический блок радости и чудесности происходящего подчеркивается и на грамматическом уровне – использованием средств экспрессивного синтаксиса. Экспрессия выражается через молчание как оборот речи, когда автор сознательно недосказывает мысль, предоставляя право слушателю (читателю) догадаться, какие слова не произнесены: *«В той золотой поре, когда беззаветно веришь в чудеса, а фантазии просто позволяют покружиться с волшебником в красной шубе, когда … радует диковинный морозный узор на окне, через которое смотришь на большой мир…», «Мысленно прикоснитесь к нему теплой варежкой, иней оттает, и … о чудо! Вы в сказке…».* Первый, фактологический план текста формируется при активном использовании специальной лексики: *экспозиция, экспонаты, живопись, бумагопластика, бисероплетение, джутовая филигрань*. Второй, авторский, эмоциональный, проецирующий семантический план детства и чудес, обусловливает появление метафор, например, *серпантин образов*. Автор формирует метафору со сферой-источником «театр»: серпантин – это длинная цветная бумажная лента, которую бросают в танцующих на балах, маскарадах. Сфера-мишень получает категорирующие признаки «длительность», «игра», «радость».

Аутентичность Витебска обеспечивается проецированием многих фактов и явлений материальной и духовной культуры, в кругу которых ведущее положение занимают те, что в области своего ближнего и дальнего значения реализуют базовое свойство прецедентности. Смысловое информационное поле с именем поля *Витебск* в своем ядре аккумулирует как минимум два образа – **художественная школа** и **фестиваль**.

Витебская художественная школа, связанная с деятельностью Казимира Малевича и Марка Шагала, всемирно прецедентных персон, еще с начала XX в. стала основой для социокультурного брендирования в транслируемом культурном дискурсе и образа самой школы, и Витебска как локуса, сосредоточившего в себе в определенное время новационное начало. Культурное событие, отраженное в региональном публицистическом тексте и связанное с этим прецедентным образом, – это проведение международной научной конференции. Высокий информационный статус объекта – посвящения конференции

обусловил такую лингвистическую особенность текста, как высокая концентрация прецедентных именований разных типов, смысловые векторы которых сходятся в семантике центральной номинативной единицы. Образ Витебской художественной школы представлен на уровне заголовка «Витебская художественная школа. Эхо XX века». Выступая центром внутритекстовой ономастической системы, оним фокусирует внимание читателя на прагматической семантике, которая, в свою очередь, формируется информационными смысловыми блоками энциклопедического характера антропонимов *Эль Лисицкий, Марк Шагал, Казимир Малевич, топонимов Париж, Центр Жоржа Помпиду, Третьяковская галерея, Музей Ван Аббе, Витебский краеведческий музей, Витебское народное художественное училище, Центр современного искусства, Государственный русский музей, Музей истории Витебского народного художественного училища, Артцентр Марка Шагала*. Апеллятивный пласт поддерживает общую смысловую сторону текста, наполняя его тематическими группами лексики, прямо связанной с изобразительным искусством: *выставочные площади, художественная история, этнографическая и культурная уникальность, историко-культурное и художественное наследие.* Лексема *эхо* в составе заголовочной номинации рассматриваемого текста концентрирует смысловой блок реверсивного движения, возвратности истории в основном культурном контексте: эхо является отражением звуков от предметов, отзвуком. Отзвук креативной революционной и новационной деятельности художников Витебской школы слышится в культурном пространстве Витебска до сих пор. Насыщенность текста разнообразными апеллятивными и ономастическими единицами, актуализирующими основную мысль автора текста о постоянстве культурных констант, определяет и разнообразие синтаксического строя текста, представленного всеми структурными конструктами.

Образ фестиваля в региональном публицистическом тексте последовательно продуцируют два культурных события – **Славянский базар в Витебске** и **Международный музыкальный фестиваль имени И.И. Соллертинского**. Они последовательно представляют музыкальное искусство. Текст под заголовком «Альма-матер звезд» посвящен освещению культурного события – празднованию 100-летия Витебского государственного музыкального колледжа имени И.И. Соллертинского. Статья принадлежит тому же автору, что и текст о витебской художественной школе, и это обстоятельство подтверждается использованием того же способа актуализации информации о культурном событии – насыщением текста большим числом ономастических и апеллятивных единиц, которые призваны детализировать и провести верификацию культурного контекста. Статья выполнена в информационном жанре, так что и лексический, и грамматический уровень ее предельно объективны, эмоционально нейтральны и полностью лишены компонентов авторского личностного отношения.

Таким образом, отражение культурных событий в региональном публицистическом тексте имеет ряд особенностей. Во-первых, актуализация культурных событий из общего культурного процесса прямо связана только целевой установкой автора текста на отражение исключительно актуального фактуально-событийного континуума Витебска и Витебской области. Во-вторых, культурный континуум существует в функциональном контексте ознаменования годовщин существования тех или иных культурных объектов. В-третьих, тематически культурные события соотносятся с двумя магистральными содержательными векторами – контекстом народной культуры, воплощенной в традиционных элементах обрядового праздничного хронотопа, и контекстом культурного процесса современного города Витебска с опорой на его историческую и этническую аутентичность. Интенция автора по созданию наиболее полного и информационно насыщенного текста реализуется на языковом уровне в отборе большого числа прецедентных именований и образов, а также актуальных мотивов и идей регионального контекста. На грамматическом уровне исследованный текст демонстрирует разнообразие средств и структур. Стоит отметить и тот факт, что именно отражение культурный событий осуществляется с использованием не только лексических средств русского языка,

но и белорусского, что весьма ценно в связи с реализацией процесса формирования языковой личностью национальной картины мира на национальном языке.

Литература

1. Абдукаримова, А.А. Публицистический стиль, его основные признаки и функции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rusnauka.com/ 8_NIT_2008/Tethis/Philologia/27536.doc.htm. – Дата доступа: 08.01.2022.
2. Будаев, Э.В. Становление когнитивной теории метафоры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-kognitivnoy-teorii-metafory. – Дата доступа: 11.01.2022.
3. Официальный сайт газеты «Витьбичи» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vitbichi.by/about – Дата доступа: 08.01.2022.
4. Прохоров, Е.П. Исследуя журналистику [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.livelib.ru/ book/ 1000102438-issleduya-zhurnalistiku-e-p-prohorov. htm. – Дата доступа: 18.12.2021.
5. Тазетдинова, Р.Р. Культурное событие как частный случай театральности культурного / Р.Р. Тазетдинова // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сб. ст. по материалам VIII Междунар. науч.-практ. конф., Новосибирск, 31 января 2012 г. – Новосибирск: СибАК, 2012. – С. 34–39.

Г.Ф. Ковалев
Воронежский государственный университет
e-mail: kovaiev@phil.vsu.ru

УДК 811.161.1’373

Особенности зоонимов в творчестве русских писателей

Ключевые слова: *зооним, литературная ономастика, автобиографизм, русские писатели и поэты.*

Статья посвящена пояснению термина «зооним» который даже некоторыми лингвистами употребляется неправильно, то есть вместо имен собственных типа: Жучка, Буян, Зорька. Под этим термином они исследуют обычные нарицательные слова типа: собака, лошадь, корова и т.п. Основной материал посвящен употреблению зоонимов в различных жанрах творчества русских писателей.

G.F. Kovalev
Voronezh State University

Features of zoonyms in the works of Russian writers

Key words: *zoonym, literary onomastics, autobiography, Russian writers and poets.*

The article is devoted to the explanation of the term "zoonym", which is even used incorrectly by some linguists, that is, instead of proper names like: Bug, Buyan, Zorka. Under this term they study common common words like: dog, horse, cow, etc. The main material is devoted to the use of zoonyms in various genres of creativity of Russian writers.

Среди уровней и типов ономастических исследований, пожалуй, самый содержательный и полный практически до универсальности – уровень исследования ономастического наследия мастеров слова, писателей и поэтов. Именно оно и является материалом исследований в литературной ономастике. Поскольку литература отражает жизнь человека и общества во всем многообразии, литературная ономастика изучает все без исключения уровни и типы ономастических единиц, зафиксированных в языке творчества писателей.

Поэтому литературная ономастика самая полная и универсальная по сравнению с исследованиями отдельных, хотя и громадных по материалу, таких ономастических пластов, как антропонимия и топонимия.

Одним из многих направлений исследований в литературной ономастике, правда, не основным, являются зоонимы. Термину «зооним» очень не повезло в науке: если в ономастике это понятно – *кличка* животного, как правило, приручённого человеком, то в обычных исследованиях этот термин используют вместо понятия «название животного», то есть употребляют обычное нарицательное название, отнюдь не имя собственное, типа: *кот, лошадь, свинья, медведь, ворона* и т.д. Чаще всего этот термин несправедливо употребляют в исследованиях по метафорике и анализе паремийных сравнений. Правильнее было бы употреблять в таких исследованиях термины *зооморфизм* или *зоосемизм.* Мне пришлось применить в статье о насекомых в русской литературе термин *энтомосемизм* [4, 234–237]. Я бы даже предложил термины *зоофор* и *фитофор* (вместо обычно употребляемого термина *фитоним* в отношении к обычным названиям цветов типа: *рододендрон, фиалка, астра, василёк* и т.д.).

Определённую ценность в обыденном быту представляют клички домашних животных (зоонимия): лошадей, собак, кошек, коров, свиней и т.д. Такими кличками называют животных, но они же красноречиво иллюстрируют менталитет местных жителей. Клички могут рассказать о наиболее характерных породах для региона породах домашних животных (например, клички с цветовой гаммой и др.). Так, в с.Верхняя Хава баранов чаще всего называют Борьками (ср. характерное подзывное междометие барь-барь! кстати, та же традиция и во многих других селах, например, в с.Большой Мартын Панинского р-на), большинство коров – Мартами, а свиней – Машками. Наиболее популярные клички лошадей в с.Семёновка В.-Хавского р-на отражают не только повадки лошадей (Водолаз, Ястреб, Буян), их масти (Серёга – серая, Малинка – красно-коричневая, Туман – светлая), но и говорят о их владельцах: Афганец – владелец воевал в Афганистане, Казбек – владелец бывал на Кавказе.

Следует различать среди зоонимов индивидуальные имена, данные владельцами, и имена, дающиеся по необходимости в племенной работе по выводке пород. Здесь, как правило, очень тщательно относятся к выбору кличек, чтобы в них были даже элементы кличек родителей, особенно это касается породистых лошадей, например, в Хреновском конезаводе (Воронежская обл.).

У многих писателей в их произведениях можно встретить любимых животных, но очень редко они имеют клички, данные хозяевами таких животных. Вот, например, у А.С. Пушкина:

Вот бегает дворовый мальчик,
В салазки жучку посадив,
Себя в коня преобразив;
(II, гл. пятая)

Слово *жучка*, действительно, похоже на зооним, но это лишь обычное слово, обозначавшее небольшую, черную собачку. Вот если бы было: собачка Жучка, – это был бы уже зооним. Или еще в том же «Евгении Онегине»:

В гостиной встреча новых лиц,
Лай мосек, чмоканье девиц.

И опять: *моськи* – маленькие собачки, но не зооним. А вот у И.А. Крылова это же слово уже обозначает не просто собаку, а действующего персонажа:

«Ай, Моська! знать она сильна,
Что лает на Слона!»

Сивка – у А.В. Кольцова в «Песне пахаря» этот зооним дан в значении нарицательного имени. У крестьян лошади оставались, как правило, безымянными, а клички лошадям давались чаще всего по масти:

Пашенку мы рано
С *сивкою* распашем

Хотя А.В. Кольцов написал слово *сивка* с маленькой буквы, но и переводчики и, например, Велимир Хлебников воспринимали это слово как имя собственное. Так, в стихотворении «Ну, тащися, Сивка» Велимир Хлебников писал:

Ну, тащися, *Сивка,* по этому пути

Шара земного, – *Сивка Кольцова*, кляча Толстого…

Болгарский поэт Пенчо Славейков так перевел «Песню пахаря»:

Хайде, хайде, Сивчо,

Бразди да изрием

У И.А. Крылова, я полагаю, Моська – условный зооним, поскольку, через посредство речи человека, выполняет и роль антропонима. Близка к ним роль и таких зоонимов, как «Холстомер» (конь) и «Каштанка» (собака).

Зооним этого типа становится даже заглавием: У Л.Н. Толстого – «Холстомер», у А.П. Чехова – «Каштанка». Более того, рассказ в этих произведениях ведется … от самих этих животных. И ничего непонятного здесь нет, ведь по М.Ю. Лермонтову: «и звезда с звездою говорит».

Директор музея-заповедника "Спасское-Лутовиново" Е. Левина, рассказала, как родилась у Л.Н.Толстого творческая идея "Холстомера": "А однажды, гуляя с Тургеневым по окрестностям, Лев Николаевич увидел старого изможденного коня и тут же стал рассказывать спутнику, что чувствует несчастное животное. Иван Сергеевич спросил: "Когда-нибудь вы были лошадью?" Из этого эпизода родился рассказ "Холстомер" [7, 5].

В работе А. Осинского восстановлена история появления главного зоонима романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина»:

«Как-то, Толстой (нужно заметить, что Лев Николаевич очень любил степных лошадей, на прогулки ездил на них, считая, что «изъезду им нет») устроил в своем самарском имении скачку на дистанцию свыше 25 верст. В виде призов Лев Николаевич роздал скакавшим татарам и киргизам халаты. А мерина, который выиграл эту скачку, привез с собою в Ясную Поляну. И мы решили померять силы чистокровной лошади или даже полукровной с победителем – киргизским мерином»

И вот, устроили скачку. Дистанция 12 верст, скачка между гнедым мерином Л.Н. Толстого и взятой из тройки, только что отбежавшей 18 верст, полукровной пристяжной.

И что же? Конечно, степняк не мог идти тем пейсом, тем размахом как полукровный, и на восьмой версте стал, к большому огорчению Толстого. Но этим все-таки Лев Николаевич не убедился, он приписывал неудачу неопытному своему ездоку: «Как это, 25 верст проскакала и выиграла, обскакав двадцать хороших лошадей, а тут на восьмой версте стала?».

Через несколько дней Лев Николаевич приехал в завод Оболенского и привез с собою того же самого мерина. «Хочу еще раз померяться с Вами – на Вашем кругу», – сказал он и предложил скачку на 8 верст. Д.Д. Оболенский взял из табуна Эсмеральду, известную в скаковых кругах кобылу, и велел выехать на ней конюшенному мальчику. На мерине Толстого скакал его испытанный, опытный наездник, но... Эсмеральда «простым, так называемым охотничьим галопом» пошла по кругу, быстро отделилась от соперника и не дала ему подойти даже близко.

Лев Николаевич, – заканчивает автор, – воочию убедился в своей неправоте и больше не стал спорить. Он тут же купил у Д.Д. Оболенского темно-гнедую кобылу Фру-Фру; имя ее впоследствии было дано лошади Вронского, на которой тот скакал и упал в романе «Анна Каренина». Так уверовал в силу и резвость чистокровной верховой лошади Л.Н. Толстой, да и не только он один [8].

Сын Льва Николаевича, Илья Львович тоже вспоминал о купленной у князя Д.Д. Оболенского верховой лошади, названной по имени героини французской комедии "Фру-фру": "Кучер Филипп Родивонович уже седлает. <…> Сереже – маленький, горячий киргизенок "Шарик", для папа´ – огромная английская кобыла "Фру-фру"[9, 44].

И немного об истории слова «фру-фру». Название "Фру-фру" идет в России от 1869 г., когда была поставлена комедия французских авторов А.Мельяка и Л.Галеви "Фру-фру" (прозвище героини комедии). В 1871 г. пьеса была издана (Фру-фру. Комедия в 5 действиях А.Мельяка и Л.Галеви. СПб., 1871). Так что, «Первоначально "Frou-Frou" обозначало шелест и шуршание многослойной нижней юбки. Потом так стали именовать именовать костюм для канкана. И, наконец, это многообещающее выражение взяли на вооружение любительницы абсолютной женственности» (Домовой, 2002, 7 июля).

Б.Эйхенбаум писал о роли этого имени, выявив параллелизм трагической судьбы героини французской комедии и героини романа Л.Н.Толстого: "Назвав лошадь Вронского Фру-фру, Толстой <…> усилил и усугубил сюжетную символику сцены: Фру-фру превратилась в своего рода сюжетное иносказание, намекающее на будущую судьбу Анны" [13, 190].

В определенной степени можно говорить об автобиографизме чеховских зоонимов. Большой страстью А.П. Чехова были животные. Правда, не всякие. Особенно он всегда выделял собак. Даже обычная дворовая собака для него была чрезвычайно дорога. Вот что он сообщал своей сестре Марии Павловне из Ялты: "Та собака, о которой я писал тебе, огородницкой породы, окончательно поселилась под маслиной. Решили не гнать ее, пусть живет. А кошек будем стрелять [10, т.8, 310].

Его писательская наблюдательность постоянно распространялась не только на людей, но и на... собак. Вот образчик такого образного внимания из письма родственникам (25 сентября 1897 г.): "Поклон собаке с кривой лапой и со севрюжьей мордой" [10, т.7, 58]. Из Ниццы он писал А.И. Суворинной (10 ноября 1897 г.): "А культура прет здесь из каждого магазинного окошка, из каждого лукошка; от каждой собаки пахнет цивилизацией" [Там же, 98]. Оттуда же: "Собаки в намордниках, разных пород. На днях я видел такса с длинной шерстью; это продолговатая гадина, похожая на мохнатую гусеницу" [Там же, 66]. Чем же не угодили Чехову очень симпатичные и, главное, более пригодные для нашего климата шерстистые таксы? А просто он привык к своим, гладкошерстным.

Получив двух щенков таксы, подаренных в 1893 г. Н.А. Лейкиным, А.П. Чехов дал им "медицинские имена", правда, сильно очеловечив собачьи клички – Бром Исаич и Хина Марковна: "У меня новость: два такса – Бром и Хина, безобразной наружности собаки. Лапы кривые, тела длинные, но ум необыкновенный" [10, т.5, 217]. Если не знать, что это собаки, то можно было бы подумать...: "У Исаича и Марковны роман в разгаре" [10, т.7, 7].

Такая же медицинская номинация была им неукоснительно распространена и на их потомство. В письме М.Н.Ремезову от 30 января 1894 г. Чехов сообщал: "Имя псу – Катарр. Происходит от матери таксы и от двух отцов: такса и очень злого дворянина" [10, т.5, 266]. И еще один щенок был назван по-докторски: "Хина родила сучку Селитру" (Письма, т.6, с.68). Но первый же щенок, названный не по-докторски оказался неудачным: "Хина ощенилась, привела на свет рыженького щенка, которого мы за его солидность прозвали Майором. На днях этот Майор издох" [10, т.6, 308]. И далее писатель ведет наблюдения за своими любимцами: "У Брома и Хины роман кончился. Брому совестно" (Письма, т.7, с.10). Судя по кличке, видимо, и такса, бывшая у брата Антона Павловича – Михаила, была подарена писателем: "Современный денди (или данди) похож на Мишиного такса Иода" [10, т.7, 164].

Несмотря на то, что собак в доме уже хватало, Чехов писал Н.А. Лейкину: "Дорогой Николай Александрович, около 15-го июля я буду в Петербурге и тогда на обратном пути постараюсь взять щенков; возьму их с удовольствием и с великой благодарностью, какой бы масти они ни были – белые или пестрые" [10, т.7, 21]. Речь шла о подаренных опять Н.А. Лейкиным щенках лайки.

А.П.Чехова интересовали и клички собак, не зря в своей записной книжке он отметил: "У дьяконовского сына собака называлась Синтаксис" [11, 11]. "Синтаксис" – это не только грамматический термин, но в переводе с греческого означает 'порядок'. Не зря ведь Антон Павлович учился в Таганроге именно в греческой гимназии.

В письме М.П. Чехову от 14-16 марта 1888 г. великий автор отметил: "За обедом разговор о мигрени, причем детишки не отрывают от меня глаз и ждут, что я скажу что-нибудь необыкновенно умное. А по их мнению, я гениален, так как написал повесть о Каштанке. У Сувориных одна собака называется Федором Тимофеевичем, другая Теткой, третья Иваном Иванычем" [10, т.2, 213].

Автобиографичен для А.П. Чехова и зооним *Каштанка*. Будучи в Ялте, почти как будто по поводу Каштанки Чехов замечает в письме своей сестре: "От Воронцова ходит маленькая собачка, похожая на лисицу" [10, т.7, 7]. И о приблудном псе в своем имении в Ялте Чехов писал сестре (28 янв. 1900 г.): "Каштан ожирел и по целым дням лежит на стружках" (Письма, т.9, с.32), а О.Л. Книппер, будущей жене, тоже о нем: "Собаке Каштанке лошадь разбила ногу, занимаюсь теперь медицинской практикой" Письма, т.10, с.12). И вновь о нем же писатель спрашивает из Ниццы (17 янв. 1901 г.): ""Как поживает наш калека-журавль? А умный Каштанка? [10, т.9, 185]. И опять из Ялты (27 ноября 1901 г.): "Собаки постоянно радуются, особенно Каштанка" (Письма, т.10, с.125).

Возможно, не придуманным является главный персонаж рассказа А.П. Чехова "Белолобый". Название щенка Белолобый, давшее название рассказу А.П. Чехова, – не случайно. Такой щенок был у Чеховых в Мелихове. Об этом замечает Павел Егорович, отец А.П. Чехова (16 февраля 1896 г.): "Белолобого пса отдали Семенковичу" (Мелиховский летописец. М., 1995, с.133). Сам же А.П. Чехов полагал, что рассказ "Белолобый" был написан после 1890 г. (Письма, т.10, с.145).

А какой породы была собака в чеховской "Даме с собачкой"? В записных книжках сохранилась запись: "Дама с мопсом" [11, 40]. Однако, скорее всего, собачка была шпицем или шарлоткой.

Весьма автобиографичны зоонимы у Н.В. Гоголя. Он специально выписывал клички собак:

Стреляй,	Саргуш,
Обругай,	Ахид,
Скосырь,	Северга,
Терзай,	Скосырка,
Азарной,	Касатка,
Наян,	Наградка,
Буран,	Ведьма,
Нахор,	Крамфа,
Черкай,	Юла (во время травли охотник
Мазур,	зовет Юлинькой)

Приехав на конный завод Глебова, Н.В. Гоголь не столько наслаждался красотой кобыл и жеребцов, сколько с жадностью записывал их, как он пишет, не клички, а *названия*:

"Кобыла Канарейка выжеребилась от жеребца Васьки апреля 26 дня и принесла кобылку гнедую, во лбу малая звездка, на левой задней ноге по щетку бело, других отметин нет, да ожеребен еще жеребчик от жеребца Васьки гнедого и кобылы Умильной, с проточиной во весь лоб. На задней ноге повыше щетки бело. Грива налево.

Название кобыл:	*Название жеребцов*:
Прелестная	Васька
Лисичка	Диктатор
Роза	Ворон
Наянка	Соколенок
Смирная	Фиц-Патрик
Злая	Красненький
Тупоносая	Мужичок
Умильная	Рулет

Галка
Лебедка
Постоянная
Львица
Красавица
Игрушка
Фигурка
Молодка
Мурашка (от бел<ых> пятен в ноздрях и лбу)
Краснощечка
Птичка
Струя
Арабка
Цыганка
Суета
Любезная [2, 423].

Свирепый
Бриллиант
Потешный
Цыган
Атласный
Юпитер"

Мимо его интереса не проходили даже имена в родословных породистых жеребцов:

Голохвастовские жеребцы

Серый от вороного жеребца, завода г. Савельева. Мать серая, Мастерица, от Богатыря.

Красавец серый, от серого Барса купл<енного> у г.Шишкина, мать гнедая, Находка от Весельчака.

Кремень гнедой от вор<оного> Похвального, у Шишкина, мать гнедая, Пригожая, от гнед<ого> рысис<того> Бычка, бабка гнедая, Наследница, завод гр. Орлова, от Любезного 3-го.

Соболь темногнедой от вороного Похвального, мать гнедая, Разбойница, от Потешного.

Зайчик серый, от серого Милого, сына Похвального, мать вороная, приданная от Мужика.

Гранит серый от вороного Могучего, сына Рог<овского> Полк<ана>, мать серая, Светлана, от вороного Похвального, бабка серая, Летунья, от Летуна – гр. Орлова.

Мастер вороной от вор<оного> Могучего, сына Роговского Полкана, мать вор<оная>, Досужая, от вор<оного> Похвального, бабка гнедая, Догоняиха, от гр.Орл<ова> Чесм<енского>, от Догоняя [2, 419].

Нет нужды говорить, что в произведениях Н.В. Гоголя мы обязательно встречаем среди ономастических единиц разных типов и зоонимы.

Как и у А.В. Кольцова в стихах, у И.С.Никитина всего лишь единственное имя коня – Карий. Кличка дана по масти. Это конь, на котором возили сено Василий Белозерский и батрак Федул: «Карий решительно отказывался везти».

Барбос – кличка непородистых дворовых собак. Собственное имя здесь в значении нарицательного. У Никитина почти не встречаются названия собак и лошадей. Возможно, это объясняется тем, что у крестьян собаки и лошади оставались практически безымянными, несмотря на то, что играли большую роль в крестьянском быту. Никитин использует зооним *Барбос* не как кличку конкретного животного, а как замену слову *пёс* или *кобель*.

Детей забыл, жену извёл;
Барбос с ним жил, барбос ушёл…
(Гнездо ласточки).

Барбос их издали узнал…
(Поездка на хутор).

И беглые заметки-размышления о зоонимах наших отечественных мастеров слова:

Л.К. Чуковская вспоминала об А.А. Ахматовой: "Читала мне новый кусок из воспоминаний о Мандельштаме. Царское Село, двадцатые годы. ("Всех коз почему-то звали Тамарами")" [12, 211].

О.В. Ивинская о Б.Л. Пастернаке: "Нелюбимым котам Б.Л. давал имена нелюбимых людей. Так, в период разлада с директором управления авторских прав "Гришкой Хесиным" стал серый несуразный кот, не раз оскандаливший нас перед гостями своей неопрятностью.

Впрочем, глядя на любимую свою собаку, Б.Л. как-то сказал мне, что Тобик – вылитый портрет актера МХАТа Ершова... Не знаю, не помню Ершова" [5, 58].

В. Инбер придумывала имя щенку, но встречается с трудностями: "Мелочи: появляется щенок, названный Вторником: он найден во вторник. (А ведь где-то есть уже Вторник: припоминаю, что есть. Узнать.) <...> Вспоминаю про Вторника: он есть у Новикова-Прибоя в Цусиме. Мешает ли это мне? Или назвать щенка по-другому. Найти возможность сказать, что много-много лет спустя я обнаружила Вторника в такой-то книге: сделать "переброску" в будущее. Обдумать" [6, 250–251].

В. Войнович посвятил микрооду именам волов: "У всех волов есть только два имени: Цоб и Цобэ. Если опять же сравнить с лошадьми, то тех называют обычно как-нибудь ласково и по-разному: Буран, Тюльпан, Сильвия, Сагайдак, Пулька, Крылатка, Весенняя – вот имена из нашей колхозной конюшни, которые я запомнил.

Так вот, у волов никаких таких имен не бывает. У них только или Цоб, или Цобэ, третьего не дано. И к этому пора добавить, что Цоб и Цобэ – это не только имена, а и как бы исполняемые ими функции. И положение, которое они всегда занимают. А именно: Цоб в упряжке всегда стоит справа, а Цобэ, наоборот, слева. Всегда тот справа, а этот слева, как в английском парламенте. В таком порядке все свое дело знают" [1, 12].

Вен. Ерофеев придумывал зоонимы в большевистско-пропагандистском стиле: "и две коровы: одну назвали Догма, другую – Доктрина" [3, 295]; "две кошечки во дворе, их зовут Алгебра и Гармония" [3, 394].

Зоонимы в произведениях наглядно показывают пристрастия писателей к определенным животным, помогают показать истинные чувства человека в природе, выявить гуманность самого писательского творчества в отношении «Братьев наших меньших».

Литература

1. Войнович, В. Цоб-Цобэ / В. Войнович // Лит. газ. – 1991. – № 22.
2. Гоголь, Н.В. Собр. соч.: в 9 т. / Н. В. Гоголь. – М., 1994. – Т.8.
3. Ерофеев, В.В. Оставьте мою душу в покое: почти все / В.В. Ерофеев. – М., 1997.
4. Заки, С., Ковалёв, Г.Ф. Энтомосемизмы (названия насекомых) в художественных текстах русской литературы / С. Заки, Г. Ф. Ковалёв // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – Краснодар, 2015. – №7.
5. Ивинская, О.В. Годы с Борисом Пастернаком / О.В. Ивинскя. – М., 1992.
6. Инбер, В.М. Страницы дней перебирая... / В.М. Инбер. – М., 1977.
7. Левина, Е. Дворянские гнезда китча не выносят / Е. Левина // Культура. – 2017, 27.
8. Осинский, А. Фру-Фру и степняки / А. Осинский // Коневодство и конный спорт. – № 6. – 1984.
9. Толстой, И.Л. Мои воспоминания / И.Л. Толстой. – М., 1969.
10. Чехов, А.П. Полное собр. соч. и писем. Письма / А.П. Чехов. – М., 1974–1983. – Т. 1–12.
11. Чехов, А.П. Собр. соч.: в 12 т. / А.П. Чехов. – М., 1956. – Т.10, 2.
12. Чуковская, Л.К. Записки об Анне Ахматовой / Л.К. Чуковская. – СПб. – Харьков, 1996. – Т. 2.
13. Эйхенбаум, Б. Лев Толстой. Семидесятые годы / Б. Эйхенбаум. – Л., 1974.

М.Ф. Кунтыш
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: Kuntyshmarusya@mail.ru

УДК 81'373.2:821.161.1

Ономастическое пространство поэмы-эссе Т.И. Красновой-Гусаченко «Когда болит душа…»

Ключевые слова: *оним, антропоним, топоним, ономастическое пространство, художественный текст, литературная ономастика.*

В статье рассматриваются употребленные в автобиографическом произведении Т.И. Красновой-Гусаченко онимы, участвующие в смысловой организации текста. Антропонимы, теонимы, топонимы показаны как семантически и функционально взаимодействующие языковые единицы, информативно значимые в плане воссоздания автобиографической конкретики. Реальные имена собственные и вовлеченные в процесс онимизации слова исследуются также с точки зрения приращения смысла в конкретном контексте, роли в формировании идеи художественного произведения.

M.F. Kuntysh
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

Onomastic space of the poem-essay by T.I. Krasnova-Gusachenko "When the soul hurts ..."

Key words: *onym, anthroponym, toponym, onomastic space, artistic text, literary onomastics.*

The article deals with the onyms used in the autobiographical work T.I. Krasnova-Gusachenko, who participate in the semantic organization of the text. Anthroponyms, theonyms, toponyms are shown both semantically and functionally interacting language units. They carry informative value in terms of recreation autobiographical details. Real proper names, as well as those involved in the process onymizations of the word are also studied from the point of view of the increment of meaning in a particular context, role in the formation of the idea of a work of art.

Литературная ономастика как направление ономастических исследований, посвященных анализу имен собственных в составе художественного текста, является актуальной областью научного знания, поскольку художественный текст создает по законам искусства неповторимое ономастическое пространство. Извлечение художественной информации из самого текста, из его лексического состава (в частности, имен собственных) способствует более глубокому пониманию произведения. Еще В.В. Виноградов писал, что языковед «должен найти и увидеть замысел посредством тщательного анализа самой словесной ткани литературного произведения» [1, 90].

Поэма-эссе в 2 частях Тамары Ивановны Красновой-Гусаченко «Когда болит душа…» [3, 141–187] – это поэтический рассказ о посещении героиней своей родины, где не была она более 40 лет, произведение полностью автобиографическое. Эта небольшая поэма вместила в себя переживания автора-героини о судьбах людей и стран, попытку осмысления предназначения человека и его ценности.

Топонимы и антропонимы в автобиографических произведениях, естественно, играют важную роль, главная особенность этих обозначений в такого рода художественном тексте в том, что, попадая в эстетически организованную систему, они остаются именами реальных людей и реальных географических объектов.

Цель данного исследования – представить ономастическое пространство автобиографического произведения. Актуальность работы обусловлена особым интересом современного языкознания к функционированию языковых единиц в художественном тексте.

Главное место в ономастическом пространстве рассматриваемого произведения занимают антропонимы. Героями поэмы являются реальные люди – семья и близкие автора, жители родной деревни. Прежде всего, это, конечно, героиня-автор, для ее обозначения употребляются антропонимы ***Томочка*** (4 раза), ***Тома*** (2 раза), ***Тамара Ивановна***. Неоднократное уменьшительно-ласкательное обозначение значимо в тексте. Оно появляется впервые в реплике от лица природы родной деревни, а потом в репликах жителей тех мест. Это имя наделяет особым смыслом и сама героиня, поскольку оно ассоциируется только с родиной: «*Я здесь Томочка! Только здесь… А там, везде и всегда – Тамара Ивановна…*» [3, 157]. Так значимость такого сокращенного и ласкового обозначения усиливается словами автора.

Представим антропонимикон семьи героини. Сын обозначен в тексте антропонимами ***Колюшка, Николай, «Есенин»*** (последняя номинация с комментарием: на поэта «*похож был своими голубыми глазами и льняными кудряшками*» [3, 142]), муж ***Владимир***, мать ***Александра Даниловна*** / ***Даниловна*** (3 раза), отец ***Иван Антонович*** / ***Иван*** (13 раз), дед ***Антон*** (3 раза), дед ***Данила*** / ***Федорович*** (4 раза), бабушка ***Вера*** (8 раз), бабушка ***Алена***, брат мужа ***Юра,*** двоюродная сестра ***Зоя***, муж двоюродной сестры ***Павел,*** муж сестры ***Валерий*** (2 раза), ***пра-Матрена***. Необходимо отметить, что наиболее значимая для героини личность – дед Антон. «Большое влияние на формирование мировоззрения будущей поэтессы оказал дедушка, Антон Никанорович Рудаков. Именно он открывал загадочный мир, читая страницы Библии, которая стала ей с детства первой встречей со Словом» [2, 61].

Жители родной деревни представляются через антропонимы ***Маня*** (8 раз), ***Демьян*** (4 раза), ***Николай Николаевич*** (2 раза), ***Егор Телегин*** / ***Егор*** (3 раза), ***Аленка, Ванюшка*** / ***Ваня Телегин*** (4 раза), ***Архип*** (7 раз), ***Василь***. Кстати, по частоте употребления среди антропонимов этой группы на первом месте находится ***Маня***, что не случайно: Маня была няней героини.

Итак, большая часть состава антропонимикона поэмы – уменьшительные имена, имена и отчества, что связано с традиционным для родных людей и для жителей деревни именованием. Только 2 раза встретились фамилии и 1 раз прозвище.

В художественном контексте появляются прецедентные имена писателей и поэтов. Антропонимы ***Крылов Иван Андреевич, Пушкин, Толстой, Достоевский / Достоевский Федор Михайлович, Чехов, Тютчев, Тургенев, Бунин, Есенин*** появляются в связи с темой исчезновения «*казалось, вовек непобедимой державы*», пророчеством, предостережением («*Ах, как же прозорлива великая русская литература!*» [2, 166]). Антропоним ***А. Ахматова*** (с эпитетом *любимая*) появляется с важными в контексте произведения строчками этого поэта: «*Мы ложимся в нее и становимся ею, потому и зовем эту землю своею*…». Роль прецедентных имен состоит в авторитетном подкреплении мнения героини о ценности родной земли.

Хочется подчеркнуть особую значимость в поэме теонимов ***Бог*** (14 раз), ***Господи***, ***Боже мой***. Заметим, что теоним становится как бы метафорическим топонимом («в страну, которая называется ***«Бог»***, вел за ручку маленькую героиню именно дед Антон [3, 148]). Важным онимом-библионимом в произведении является название книги – ***Библия***. Библия получает номинации в авторских онимах (онимизированных апеллятивах) ***Учебник, Учитель, Путеводитель, Спаситель,*** актуализируя в сознании читателя систему общечеловеческих аксиологических ориентиров. Назовем еще экклезионимы

Свенский монастырь (3 раза), ***Киево-Печерская Лавра***, которые семантически тесно связаны с названными теонимами и библионимами.

Средством обозначения топонимического пространства поэмы-эссе являются реально существующие названия географических объектов. В произведении употребляются 3 основные группы топонимов. Во-первых, топонимы – обозначения географических объектов России: ***Россия, Череповец*** (3 раза), ***Брянск*** (3 раза), ***Санкт-Петербург*** / ***Петербург***, ***Луньки*** (2 раза) – поселок (родина матери автора), ***Локоть***, ***Щепятино*** (6 раз). Во-вторых, топонимы – обозначения географических объектов Беларуси: ***Беларусь*** / ***Белоруссия*** (8 раз), ***Витебщина***, ***Витебск*** (3 раза), ***Гомель***, ***Минск, Брест, Чернобыльская зона***. В-третьих, топонимы – обозначения географических объектов Украины: ***Украина*** (3 раза), ***Киев*** (4 раза), ***Одесса***, ***Ялта***, ***Бердянск***, ***Керчь***, ***Азовское море*** (в настоящее время некоторые из перечисленных географических объектов – территория России).

В большинстве случаев топонимы используются для обозначения места. Например, родственники живут в России, Украине и Беларуси. Но функции топонимов в тексте этим не исчерпывается, они играют важную роль в формировании идеи произведения.

Центральный топоним поэмы – ***Щепятино***, деревня Брасовского района Брянской области, где родилась Тамара Ивановна Краснова-Гусаченко. Упоминаются и другие разного рода топонимы Брянщины: ***Брянские земли***, ***Турищево***, ***Суслово***, речка ***Свень,*** гора ***Бугор***, горка ***Соколовская,*** некронимы ***Сусловское кладбище***, ***Турищевское кладбище***. Онимическое значение приобретает в условиях контекста данного произведения словосочетание ***Моя Земля***.

Глубокий смысл приобретает замена во второй части поэмы-эссе реального топонима ***Щепятино*** псевдотопонимом ***Деревня*** (6 раз (налицо процесс онимизации, или контекстуальной деаппелятивации). Данная онимическая единица становится символом исчезнувшей конкретной деревни Щепятино, исчезнувших деревень в целом, а далее символом – исчезнувшей страны: «*Да что Деревни… Страны не стало»* [3, 166]. Отметим, что целенаправленно, осознанно выбраны автором не существующие реальные имена собственные деревни и страны, а ставшие контекстуальными онимами имена нарицательные.

Таким способом усиливается смысловая наполненность топонимов, связанных с тремя государствами – Россией, Беларусью, Украиной. Апофеозом звучит формула из 4 онимов «***Русь Белая + Русь Малая + Русь Большая = Русь Великая!***», написанная мелом детской рукой на стене гаражей. «*Сколько боли и нежной любви, надежды и веры в этих бесхитростных, выведенных наспех, неровно и нервно – буквах!*» [3, 169]. – комментирует автор. Эта формула из онимов используется для усиления собственных размышлений героини (и здесь не случайно все: Украина, ребенок, мел (надпись долго не сохранится), спонтанность, периферийное пространство). Кстати, онимы ***Родина, Отечество*** в поэме-эссе не имеют привязки к одной определенной стране, и это как нельзя лучше подтверждает строчка «*Три Родины во мне живут*» из стихотворения Т.И. Красновой-Гусаченко «Три Родины». Итак, топонимикон поэмы составляют названия разнообразных географических объектов в рамках авторского пространства, обозначенного «Три Родины», что важно для понимания идеи поэмы.

К прецедентным именам, отсылающим к истории страны, относятся ***Великая Отечественная война*** / ***Отечественная война*** (3 раза), ***орден Великой Отечественной первой степени, Берлин***, «***Победа***» (2 раза), ***Петр Первый***. Последний антропоним кажется, на первый взгляд, случайным в художественном пространстве поэмы. Оказывается, Петр Первый проезжал через Брянские земли, останавливался в Свенском монастыре и посадил дуб, к которому пришла героиня.

Имена собственные как обозначения произведений искусства представлены следующими онимами: марш «***Прощание славянки***», стихотворение «***Данилина земля***», книга «***И … слезы первые любви***», поэма-эссе «***Когда болит душа***…». Как ни странно, эти онимы вносят свой вклад в формирование идеи произведения. Это еще раз наводит на мысль, что ничего случайного не может быть в художественном тексте,

а Поэт наделен интуицией и особым восприятием жизни. Ключевые слова в названиях: славянка (3 славянские страны), земля (с указанием принадлежности!), слезы, любовь, душа, болит (о небезразличии человека). Эти онимы активно семантически взаимодействуют с онимом ***Родина***.

На страницах поэмы-эссе встречаются геортонимы (названия отрезков праздничного времени): ***Спас***, ***Яблоневый спас*** (2 раза), ***Рождество*** / ***Рождество Христово*** (4 раза), ***Колядки***, ***Новый год***, ***Святки***, ***Чистый Четверг***. Жизнь деревенского человека проходит в рамках календарного цикла. А значит, эта группа онимов отсылает нас к уже рассмотренным группам и не может не демонстрировать взаимосвязь и взаимопроникновение разных групп онимов в лексической структуре художественного текста.

Семантическое и функциональное взаимодействие разных групп онимов формирует лексическую структуру художественного текста, создает оригинальную смысловую организацию произведения.

Таким образом, ономастическое пространство поэмы-эссе Тамары Ивановны Красновой-Гусаченко «Когда болит душа…» формируется разными группами имен собственных – антропонимами, теонимами, топонимами, геортонимами и т.п. Упоминание антропонимов – имен близких людей и топонимов – названий важных для героини реальных географических объектов не сводится только к констатации места и окружения героини (хотя эта конкретизация важна для автобиографического произведения). Некоторые топонимы и антропонимы приобретают в поэме особый смысл, символическое наполнение, позволяя автору донести читателю идею ценности конкретного человека в становлении ребенка как личности, ценности родины как места с особым отношением именно к тебе. Для поэтонимов (имен собственных и онимизированных апеллятивов) поэмы-эссе определяющими являются смысловая организация художественного текста, идейно-эстетические функции.

Литература

1. Виноградов, В.В. О языке художественной литературы / В.В. Виноградов. – М.: Художеств. литра, 1959. – 623 с.

2. Дзвіна. Віцебшчына літаратурная, 2009: альманах / рэд.-уклад.: Т.І. Краснова-Гусачэнка [і інш.]. – Віцебск: Віцеб. абл. друк., 2009. – 464 с.

3. Краснова-Гусаченко, Т.И. Сложнее жизни / Т.И. Краснова-Гусаченко – Мн.: Технопринт, 2005. – 192 с.

Е.Ю. Муратова
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: mouratova@ tut.by

УДК 821. 161. 1’37

Фрагменты русской истории сквозь призму прецедентных имен в поэтических текстах

Ключевые слова: *поэтический текст, прецедентное имя, история, анализ.*

В статье исследуется роль прецедентных имен в поэтических текстах в раскрытии фрагментов русской истории. Анализируется конкретные прецедентные имена первого митрополита славянского происхождения Иларион в Киевский Руси; боярыни Морозовой и протопопа Аввакума – духовных лидеров старообрядцев эпохи раскола русской православной церкви, вызванного реформами патриарха Никона; Степана Разина, возглавившего в 1670 году народное восстание, которое было подавлено царскими войсками, а казацкий атаман казнен. При этом в статье доказывается, что в поэтических текстах через историческую конкретность прецедентных имен могут быть отражены современные автору политические и культурные события.

E.Y. Muratova
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

Fragments of Russian history through the prism precedent names in poetic texts

Key words: *poetic text, precedent name, history, analysis.*

The article examines the role of precedent names in poetic texts in revealing fragments of Russian history. The article analyzes the specific precedent names of the first Metropolitan of Slavic origin Hilarion in Kievan Rus; Boyar Morozova and Archpriest Avvakum – spiritual leaders of the Old Believers of the era of the split of the Russian Orthodox Church caused by the reforms of Patriarch Nikon; Stepan Razin, who led a popular uprising in 1670, which was suppressed by tsarist troops, and the Cossack ataman was executed. At the same time, the article proves that in poetic texts, through the historical concreteness of precedent names, political and cultural events contemporary to the author can be reflected.

Важное значение в истории и литературе имеет персоносфера культуры и языка, т.е. сфера реальных или вымышленных личностей, через образы которых мы осмысливаем мир. Особую роль в ней играют прецедентные имена. К числу прецедентных феноменов, по определению Ю.Н. Караулова, относятся такие тексты, имена, ситуации, которые, во-первых, хорошо известны всем представителям национально-культурного сообщества («имеющие сверхличностный характер»), во-вторых, актуальные в познавательном и эмоциональном плане, в-третьих, обращение к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества [1]. Прецедентные феномены могут быть вербальными (разнообразные тексты), невербальными (произведения живописи, архитектуры, скульптуры) и вербализуемыми (прецедентные ситуации).

В. Красных определяет прецедентное имя как «индивидуальное имя, связанное с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным (например, Печорин, Теркин), или с прецедентной ситуацией (например, Иван Сусанин); это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату, а к набору дифференциальных признаков данного ПИ; может состоять из одного (например, Ломоносов) или более элементов (например, Куликово поле, «Летучий голландец»), обозначая при этом одно понятие» [2, 52–53].

Сквозь призму прецедентных имен можно рассмотреть очень многое: особенности разных эпох, национальные обычаи и традиции, значимые исторические события и под. В данной статье мы хотим при помощи прецедентных имен исследовать некоторые фрагменты русской истории и показать их историческую и художественную роль в поэтических текстах.

Долгое время литература и история были неотделимы друг от друга. Это доказывают древнерусские памятники, например «Повесть временных лет», написанная монахом Нестором на рубеже XI–XII веков, – главный источник наших знаний о древней Руси, который является памятником и литературы, и истории. Или «Слово о полку Игоревом» – это художественное, светское произведение XII века, но в нем описывается реальный военный поход реального новгород - северского князя Игоря Святославовича. В XVIII веке история как самостоятельная наука отделилась от литературы, однако связь между ними осталась. Она проявилась и проявляется в художественных произведениях на исторические темы, в них органически переплетаются как исторические события, так и чувства, мысли, образ жизни наших предшественников.

Особое место в этом ряду занимает поэзия. Ярким примером тому является творчество А.С. Пушкина. Достаточно вспомнить его «Песнь о вещем Олеге», «Бориса Годунова», «Полтаву», «Медного всадника» и т.д.

Собственные имена в поэтическом тексте, а тем более имена прецедентные, – это сложные семантические знаки, которые способны репрезентировать идеи, ситуации, характер, поведенческие установки, исторические события и проч. Часто за прецедентным именем стоит целая историческая эпоха: Петр 1, Наполеон, Ленин, Гитлер, Сталин и т.д.

Таким прецедентным именем является первый митрополит славянского происхождения Иларион в Киевский Руси (1051–1054 или 1055) времён киевского князя Ярослава Мудрого, духовный писатель, автор «Слова о законе и благодати», «муж благ и книжен…». Решение Илариона согласиться стать митрополитом было сложным:

Безвестность или слава – что большее?
Что выбирать – ярмо иль ореол?
Он ореол ярмом надел на шею,
митрополит – пиит Илларион (Е. Евтушенко)

Назначение его митрополитом было знаковым. Князь Ярослав стремился к церковной независимости от Византии, – и в этом Иларион был его единомышленником. Вопреки установленному порядку, митрополит был поставлен не в Константинопольской патриархии, а на соборе русских епископов, что де-факто являлось проявлением «вежливого неповиновения» Руси по отношению к Византии.

И еще одна эпоха истории России раскрывается перед нами через два прецедентных имени: боярыня Морозова и протопоп Аввакум.

Из Москвы уезжает боярыня,
Напоследок двуперстьем грозит.
За крамольные речи наказана
Ссылкой в дальний монашеский скит.
Но не сломлена духом раскольница, –
Сердце вольное гневом кипит.
И бежит за ней русская вольница
Проводить исчезающий быт. (А. Карп)

Я свет звезды, как соль, возьму в щепоть
И осеню себя стихом трехперстым.
Мои труды благослови, Господь!
Через плечо соль брошу на восход.
(Двуперстье же, как держат папироску,
боярыня Морозова взовьет!) (А. Вознесенский)

Одновременно строки А. Вознесенского – это и ассоциативное обращение к картине Василия Сурикова «Боярыня Морозова». На его картине на простых санях, застеленных соломой, полулежит Феодосия Морозова с поднятой вверх рукой с двумя перстами – символом старой веры. Помимо яркого образа неистовой боярыни, важную роль играют люди, окружающие сани: кто-то жалеет боярыню и плачет, а кто-то смеется. Сани с боярыней как будто «раскалывают» толпу на сторонников и противников церковной реформы, аллегорически показывая трагедию противостояния русского народа.

И стихи, и картина Сурикова отсылают нас к трагической странице русской истории середины XVII века – эпохе раскола русской православной церкви, вызванного реформами патриарха Никона, в которых была разумность и необходимость (исправление церковных книг, изменение некоторых церковных обрядов по греческому образцу). «Однако жесткие, часто непродуманные меры, которыми насаждались новые книги и обряды, вызывали у части духовенства и паствы бурное отторжение» [3, 238]. В результате эта реформа Никона трагически разделили русский народ на два непримиримых религиозных мира: на тех православных, кто принял церковные реформы, и тех, кто продолжал придерживаться дореформенных церковных обрядов (старообрядцев).

Боярыня Морозова принадлежала к высшей аристократии того времени, была одной из самых богатых женщин в стране, и при этом была фанатично религиозной личностью, истязала себя постоянными постами и молитвами. Ее имение стало оплотом староверов, а религиозный лидер русского старообрядчества протопоп Аввакум – ее духовным отцом. За ярость в отстаивании старообрядческой веры Аввакума называли «неистовым»:

Переходила истовость в неистовость
горящего пророка во плоти,
и книгу Аввакума перелистывать,
как будто в сруб пылающий войти. (Е. Евтушенко)

Е. Евтушенко в своем стихотворении «Аввакум Петров» проводит параллель между Аввакумом в XVII веке и Солженицыным в XX веке, опровергая поговорку «Нет пророков в своем отечестве» – пророки есть во все времена:

…Как угольки от сруба Аввакума,
погасли Солженицина глаза.

Как ему было больно, как израненно
оперся о трибуну он, когда
позевывали думские избранники,
не чувствуя ни боли, ни стыда.

Здесь втайне все хотят быть президентами.
Здесь в коридорах власти – гололедь.
Не диссидентами –
пересидентами
здесь надо быть,
чтоб всех пересидеть.
….
А мы ведь все из пламени, из племени,
кому в огне и горе - не беда.
Всем больно перед смертью только временно,
и лишь пророкам больно навсегда. (Е. Евтушенко)

Еще одна страница нашей истории – Степан Разин:
Царь и Бог! Простите малым –
Слабым – глупым – грешным – шалым,
В страшную воронку втянутым,
Обольщенным и обманутым.

Царь и Бог! Жестокой казнию
Не казните Стеньку Разина!

Царь! Господь тебе отплатит!
С нас сиротских воплей – хватит!
Хватит, хватит с нас покойников!
Царский Сын, -- прости Разбойнику!
В отчий дом – дороги разные.
Пощадите Стеньку Разина!
…
да за удаль несуразную –
Развяжите Стеньку Разина!
…
Царь и Бог! Для ради празднику –
Отпустите Стеньку Разина! (М. Цветаева)

Казацкий атаман Степан Разин в 1667–1669 гг. собрал войско, в котором были и казаки, и беглые крепостные – все те, кто был недоволен своим положением. А в 1670 он начал свой поход против бояр и воевод, хотя при этом Степан Разин заявлял, что не собирается свергать царя Алексея Михайловича. Идя по деревням и селам, Разин открыто призывал народ к восстанию и освобождению от крепостной зависимости. Атаман со своим войском захватил Самару, Царицын, Астрахань и Саратов, однако под Симбирском его войско было разбито, сам Степан был ранен, предан своими соратниками и отдан на царский суд. В июне 1671 г. на Болотной площади в Москве при огромном стечении народа Степана Разина сначала подвергли пыткам, а затем отсекли голову.

Через все стихотворение красной нитью проходит призыв к прощению: простите, не казните, пощадите, развяжите, отпустите, и все лексемы с восклицательными знаками. Характерно, что это стихотворение написано М. Цветаевой через год после революции 1917 г., в годы страшного красного террора, и что очень знаменательно: оно подписано не «1918 г.», а – «Москва, 1-ая годовщина Октября». В образе Стеньки Разина, как нам видится, показан поэтом весь русский народ, вся взметенная Россия. Поэт и эпитеты находит соответствующие: …Простите малым – / Слабым – глупым – грешным – шалым, / В страшную воронку втянутым, / Обольщенным и обманутым. Это ее призыв к прекращению страшной гражданской войны, страшной бойни русского народа: С нас сиротских воплей – хватит! / Хватит, хватит с нас покойников! В другом стихотворении о разделении нации на красных и белых М. Цветаева писала:

Белый был – красным стал:
Кровь обагрила.
Красным был – белый стал:
Смерть побелила.

Краски смерти, у которой все одного цвета. За помощью в этом страшном противостоянии поэт обращается к Царю и Богу. Как думается, это обращение к действующей победившей власти (Царь) найти силы и проявить государственную волю прекратить репрессии, произвол, грабежи и обращение к высшим силам (Бог) помочь несчастной, истерзанной стране обрести мир.

Таким образом, прецедентные имена – это сложные семантические знаки, способные кратко и емко репрезентировать исторические события, а также идеи, ситуации, характеры и под. При этом в поэтических текстах через историческую конкретность прецедентных имен могут быть отражены современные автору политические и культурные события.

Литература

1. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: УРСС, 2002. – 261 с.
2. Красных, В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация) / В.В. Красных. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 350 с.
3. Религии мира: история, культура, вероучение / Под. ред. А.О. Чубарьяна и Г.М. Бонгард-Левина. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 400 с.

Источники

1. Вознесенский, А. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1: Стихотворения. Поэмы: Мне четырнадцать лет. Рифмы прозы / Вступ. Ст. Л. Озерова; худож. Вл. Медведев. – М.: Худ. лит-ра, 1983. – 463 с.
2. Евтушенко, Е. Стихи XXI века / Е. Евтушенко. – М.: Эксмо, 2007. – 352 с.
3. Цветаева, М.И. Собрание сочинений: в 7 т. – М.: Эллис Лак, 1994–1995. – Т.1. – 330 с.

И.М. Петрачкова
Гомельский государственный медицинский университет
e-mail: innamihail@mail.ru

УДК 811.161.1'373.2:821.161.1-21Гремина

Синергетический потенциал имени собственного в ностальгических драмах Е.А. Греминой

Ключевые слова: *поэтоним, синергетический потенциал, драма, художественный контекст, взаимодействие, проприальная единица, имя собственное.*

В рамках прагматического подхода к исследованию литературных имен в статье рассматриваются синергетические возможности поэтонимов в текстовом корпусе таких ностальгических пьес современного русского драматурга Е.А. Греминой, как «Глаза дня», «Дело корнета О-ва», «Сахалинская жена», написанных в конце XX века. Определяются основные критерии возникновения синергетичности у проприальных единиц внутри текста. На основе качественных и количественных параметров выявляются примеры разных классов поэтонимов, демонстрирующие совместное действие имени и контекста с целью передачи авторской концепции и раскрытия глубинных, непосредственно не наблюдаемых смыслов номинаций, представляющих собой совокупность внутритекстовых отношений и процессов.

I.M. Petrachkova
Gomel State Medical University

Synergetic potential of a proper name in the nostalgic dramas by Helena Anatolyevna Gremina

Key words*: poetonym, synergetic potential, drama, artistic context, interaction, proprietary unit, proper name.*

Within the framework of a pragmatic approach to the study of literary names, the article discusses the synergistic possibilities of poetonyms in the text corpus of such nostalgic plays by the modern Russian playwright H.A. Gremina, as "Eyes of the Day", "The Case of the Cornet O-va", "The Sakhalin Wife", written at the end of the 20th century. The main criteria for the emergence of synergy among proprietary units within the text are determined. On the basis of qualitative and quantitative parameters, examples of different classes of poetonyms are identified, demonstrating the joint action of the name and context in order to convey the author's concept and reveal the deep, not directly observable meanings of nominations, which are a combination of intratextual relations and processes.

Синергетическая теория сегодня является одним из новых взглядов на мир, события и процессы в нем. Определяя перспективные направления в развитии литературной ономастики, профессор В.М. Калинкин одним из таких новаторских курсов видит как раз в разработке теории синергетического потенциала у литературного имени собственного (далее ИС) [1, 21; 28]. Достаточно отчетливое использование синергетического подхода применительно к лингвистике, а также анализу языка поэтических произведений продемонстрировано в работах белорусских ученых В.А. Масловой [2], Е.Ю. Муратовой [3, 4]. ИС – это одна из составляющих единиц литературного языка. В этой связи, на наш взгляд, основные постулаты в отношении терминологии, базовых понятий синергетики таких, как *фракталь, бифуркация, аттрактор* и др., а также условий ее проявления

(*наличие творящего и воспринимающего сознания, интертекстуальных связей литературного ИС* и пр.), обозначенные в статьях белорусского ученого Е.Ю. Муратовой [3, 4], могут быть применены и по отношению к ИС драматургических текстов. Проприальным единицам здесь принадлежит огромная роль, поскольку именно поэтонимы являются ценнейшим сжатым языковым компонентом в системе средств художественной выразительности, способным многоаспектно аккумулировать ту информацию, философию, которую писатель предполагает донести до читателя / зрителя, выразив таким образом свою индивидуально-авторскую концепцию. Актуальность работы определяется изучением нового материала – ономастических единиц современной русской драматургии, а также отсутствием работ по литературной ономастике, где бы исследовались синергетические ресурсы ИС в художественной литературе.

Предметом изыскания в статье являются такие пьесы конца XX века Е. Греминой, как «Глаза дня», «Дело корнета О-ва», «Сахалинская жена». *Объектом* изучения стали те проприальные единицы, у которых в литературном контексте вышеназванных драм отчетливо проявляются синергетические возможности. *Цель* работы – выявить в ХТ пьес ключевые поэтонимы, обладающие синергетическим потенциалом. Данная цель требует решения следующих задач: 1) определить критерии имен, обладающих синергетическим ресурсом, 3) выявить ключевые поэтонимы с синергетическим потенциалом в текстовом корпусе упомянутых пьес Е. Греминой.

Дескриптивный (приемы наблюдения, интерпретации, обобщения) и сравнительно-сопоставительный подходы к изучению всех выявленных ИС (в трех пьесах их более 164 единиц) позволяют обнаружить в творчестве отдельно взятого автора номинации, обладающие синергетическим ресурсом, а также установить основные теоретические критерии, определяющие синергетику ИС в текстовом корпусе. Материалы статьи отражают результаты применения этимологического, лингвокультурологического аспектов анализа, а также метода количественных подсчетов.

Синергетическое ИС – это ИС множественного кодирования, содержащее глубинные, непосредственно не наблюдаемые смыслы и представляющее собой совокупность внутритекстовых нелинейных отношений и процессов. Синергетичность / несинергетичность ИС определяется количеством (частотностью употребления в ХК) и качеством (способностью быть обусловленным ХК и предопределять этот ХК). Следовательно, применительно к поэтонимам, под синергетикой ИС, на наш взгляд, можно понимать такое совместное действие, или взаимодействие существования номинации в текстовом корпусе произведения, когда не только ХК определяет семантическую ауру проприальной единицы, но и само имя программирует развитие всего действия драмы, оним задает тон сюжету произведения, т.е. перед читателем / зрителем предстает «непрерывное сотрудничество» ИС и ХК. Таким образом, поэтоним обладает синергетическим потенциалом в том случае, если он несет в себе интегративное (объединительное, комплексное) согласованное воздействие на читателя / зрителя и выступает в качестве самостоятельного способа передачи лингвокультурологического и эстетического содержания. Важной специфической чертой ономапоэтического пространства всех пьес Е. Греминой является использование автором ключевых (концептуально значимых) синергетически функциональных поэтонимов, которые не только определены ХК, но и сами содействуют развитию действия, предопределяют его и задают ход сюжета ностальгических драм. Синергетическими являются только те ономапоэтические средства, которые содержат глубинные скрытые смыслы и могут быть раскрыты благодаря объединительному, комплексному, согласованному взаимодействию ИС и ХК (ИС не только обусловлено ХК, но и само ИС влияет на ХК).

Наблюдения над языковым материалом показывают, что синергетическими возможностями могут обладать поэтонимы разных классов: не только антропонимы, но и

топонимы, идеонимы и проч. Это зависит от количественных и качественных показателей номинаций, согласованности в совместной работе поэтонима и ХТ. Среди множества номинаций, по нашему мнению, лишь немногие обладают синергетическими возможностями. Приведем примеры некоторых из них: антропоэтоним ***Мата Харри*** – «Глаза дня», прозвище ***Ванька-ключник***, хоронимы ***Сахалин*** (встречается в репликах героев 32 раза)**,** ***Россия*** (употребляется свыше 28 раз на 30 странницах пьесы) **–** «Сахалинская жена», *идеоним-ремейк* ***«Дело корнета О-ва»,*** сочетания апеллятива с именем ***корнет О-в, актриса В-ская*** – «Дело корнета О-ва». Данные номинации обладают огромным ономастическим импульсом (синергетикой, или синергетичностью). В каждом из этих поэтонимов уже заключен определенный сюжет, событие, характер и пр., которые непременно реализуются в прежней (уже знакомой) ипостаси и получают свое продолжение в новой драме. Особенно в большей степени это касается имен известных персон, чей богатый лингвокультурологический и семантический потенциал позволяет писателю не только убедить в реальности происходящих на сцене событий, воссоздать правду жизни, но и зачастую развенчать канонизированные имиджи исторических личностей, домыслить и преобразовать тот или иной исторический факт, отразить свое видение произошедших в прошлом событий, донести до читателя / зрителя личностную индивидуально-авторскую концепцию в отношении изображаемых лиц. Интересен в этом плане образ героини по имени ***Мата Хари***. Выбор поэтонима уже предопределяет сюжет и развитие действия в пьесе. Драматург берет за основу биографию ***Маты Хари*** – *Гертруды Целле* (ее замужество, тяжелая жизнь в Сингапуре, потеря ребенка, развод, переезд во Францию, жизнь в Париже и пр.) и развенчивает легенду о ней как танцовщице восточного стиля и «*самой знаменитой в мире шпионке*» [5, 325], подчеркивая в ремарках и репликах действующих лиц, что телодвижения ***Маты Хари*** и танцем было сложно назвать: «*Это не танец в полном смысле слова. Скорее чередование пластических поз*» [5, 337]. «*ГЕРТРУДА. Я танцовщица. РАУЛЬ. Не смешите меня! Я видел ваши танцы. Публика в Париже невежественна и легко возбудима. А вы сумели этим воспользоваться, вот весь ваш талант*» [5, 338] и под. К тому же ***Мата Хари*** с легкостью делится секретной информацией с малознакомой ей девушкой Ханной Виттиг, что весьма непрофессионально для разведчицы ее уровня. Е. Гремина трижды в ХК акцентирует внимание на этимологию имени героини, которая вынесена в заголовок пьесы и косвенным образом отражает мировоззрение женщины: «*ГЕРТРУДА. Мое имя* ***Мата Хари****. По-малайски это означает* ***«глаза дня****», иначе* ***солнце. Солнце****, которое всходит и заходит и будет и впредь восходить и заходить…*» [5, 337]. Семантическая аура происхождения поэтонима полностью обусловлена ХК. О своем занятии куртизанки героиня размышляет так: *«…Ты спрашиваешь, как я стала* ***Матой Хари. Мата Хари*** *по-малайски –* ***“глаза дня”, солнце****. Каждый вечер* ***Солнце*** *умирает, чтобы утром родиться заново.* ***Солнце*** *никого не любит, ни о ком не жалеет*» [5, 335]. Она оправдывает свое ремесло: *«…Ты спрашиваешь, что такое измена. Что такое изменить мужу, Родине, Богу. Что такое предательство. Как объяснить тебе это. Когда само* ***Солнце*** *изменяет нам каждый день, уходя от нас в темноту. Когда красота каждый день предает нас вместе с зеркалом. Когда наши близкие изменяют нам вместе со смертью, бросая нас одних. <…> Слова тоже изменяют, и мы не помним сегодня, в чем клялись вчера. Моя дорогая, я* ***Мата Хари, Глаза дня***» [5, 340]. Эти философские, скорее языческие, взгляды, основанные на жизненном опыте ***Маты Хари***, ее непростой женской судьбе, благодаря замыслу автора, всячески убеждают читателя / зрителя, что в действительности самым важным для Гертруды Целле был поиск любви и счастья. Именно этого ***Мата Хари*** так и не обрела в реальной жизни, несмотря на свою яркость, неординарность, кажущийся успех, поклонение, богатство, которые, по видению драматурга, были вторичны для героини. С другой стороны, для многих имя ***Маты Хари*** все же четко ассоциируется с образом «*самой знаменитой шпионки в мире*» [5, 325], которая добывала

определенную информацию и, вероятно, даже была двойным агентом. Разведывательная деятельность как раз предполагает способность все видеть, замечать, за всем следить, наблюдать, т.е. многоплановая семантическая аура этимологии поэтонима драмы вот так своеобразно еще раз указывает на род занятия женщины, агентурную работу ***Маты Хари***, у которой всюду есть «глаза», чтобы шпионить, следить за происходящим. Она, словно ***Солнце***, которое все видит, все освещает, делает скрытое, тайное, явным, от которого ничто не укроется, не останется незамеченным. Аллюзивный оним ***Мата Хари*** обладает достаточно высокой синергетичностью, поскольку здесь красноречиво подчеркивается как обусловленность имени ХК, так и обратное влияние: узуальное ИС уже заранее предполагает развитие сюжетного действия в драме, цепь определенных событий из подлинной биографии знаменитой танцовщицы, преобразованных творческим сознанием художника слова.

Заголовок-ремейк драмы «***Дело корнета О-ва***», написанной в 1992 году, сам по себе уже не лишен синергетического потенциала, поскольку созвучен с названием классического произведения И. Бунина «***Дело корнета О-ва***» и, несомненно, предопределяет развитие действия драмы. Современный русский драматург довольно свободно обходится с бунинским текстом повести «***Дело корнета Елагина***». Заимствуя у И. Бунина сюжетную ситуацию (убийство провинциальной актрисы ее любовником, гусарским корнетом, при попытке двойного самоубийства), Е. Гремина домысливает ее и идет дальше: главным обвиняемым выступает в драме не несчастный убийца-корнет, а «представитель закона» – придуманный автором пристав следственных дел Кастелли, который, как выясняется, был мужем актрисы и стал главной причиной ее самоубийства. Сам заголовок драмы, идеоним «***Дело корнета О-ва***» – главное ИС – прямо адресует к бунинскому тексту и формирует догадку у читателя / зрителя относительно сюжета и темы драмы, влияет на построение ХК. Антропоэтонимы в «***Деле корнета О-ва***» у Е. Греминой весьма узнаваемы: само личное имя ***Александр*** *О-в* (корнет С-го гусарского полка) / ***Александр*** */ Алекс / Сашура* (у Бунина – *Сашка* / ***Александр*** *Михайлович Елагин*), сочетание аппелятива и фамилии (***корнет*** *О-в* и ***корнет*** *Елагин*), структурная модель фамилии актрисы провинциального театра – Анна ***В-ская*** тождественна типу фамилии героини детектива И. Бунина (Мария ***Сосновская)***. У обоих авторов – модели фамилий польского происхождения (на -ская), присвоенные главным героиням, обыгрываются в ХК пьесы и повести. Так, актриса Анна ***В-ская*** неоднократно упоминает о Варшаве (польской столице) [5, 192], о том, что она католичка [5, 201], прочие детали явно указывают на национальность героини: «*Я же актриса, я полька, и вот я открыто живу с русским офицером! Как мне теперь показаться в Варшаве?*» [5, 203]. Судьбы бунинской героини и героини Е. Гремининой похожи. Анна заявляет: «*Ты знаешь, из какого ада удалось мне вырваться, что я пережила. <…> Я была сирота, маменька бросила нас, папеньку должны были судить – за растрату казенных денег, <…> но папенька застрелился…*» [5, 203]. В тексте И. Бунина находим знакомые мотивы: «*Сосновская была чистокровная полька. <…> Отец ее был незначительный чиновник, покончивший жизнь самоубийством, когда ей было всего три года. Мать долго вдовела, потом опять вышла замуж, и опять за мелкого чиновника, и опять скоро стала вдовой…*» [7, 12–13]. Такие переосмысленные, преобразованные автором ИС «персонажей-симулякров», которые сохраняют в себе «копию» оригинала, характеризуют героев, задают развитие действия и при этом содействуют организации нового ХК, несомненно, обнаруживают в себе черты синергетичности.

Прозвище одного из главных действующих лиц «колониальной драмы в двух частях» «Сахалинская жена» ссыльнокаторжного *Ивана* – ***Ванька-ключник*** перекликается с именем фольклорного разбойника ***Ваньки-ключника*** из одноименной старинной русской народной песни, мотив которой отчетливо слышится в ХК драмы. Номинация употребляется в пьесы более 6 раз. Сюжет песни фактически дважды повторяется в судьбе самого героя и звучит в драме ностальгически-печальным рефреном. *Иван* оказался на

Сахалине за то, что «*семь человек пожег*» [5, 296]. Сам *Иван* возражает: «*Каких семь? Одного сжег. Старого князя. Так тот сам меня убить хотел*» [5, 288]. Марина же добавляет: «*А ты его с женой разлучил*» [5, 288]. ХК несколько раз пронизывают слова русской народной песни о ***Ваньке-ключнике***: «***Ванька-Ключник**, Злой разлучник, Разлучил князя с женой…*» [5, 296]. На Сахалине, история заново повторяется: Иван вновь прелюбодействует, на этот раз с сахалинской женой своего названого брата Степана Андреича. Очевидно демонстративное проявление совместного действия совокупной семантики поэтонима ***Ваньки-ключника*** и минимального ХК. Такая перекличка ИС и наслоение текстов оказывает сильнейшее эмоциональное воздействие на читателя / зрителя, вызывает в его сознании определенные ассоциативные ряды, содействуя созданию при восприятии драмы иного, особенного мира [см. об этом, а также хоронимах ***Сахалин, Россия***: 6, 194–196].

Таким образом, в ностальгических драмах Е. Гремина использует ИС разных классов как средства художественной выразительности и выражения авторской концепции, которые обладают сильным ономастическим импульсом (синергетикой). Данные номинации, на наш взгляд, активно взаимодействуют с ХК, осуществляя непрерывное сотрудничество, суть которого в совместной работе ИС и ХК: семантическая аура номинаций детерминирована ХК драм, но вместе с тем и сами поэтонимы способны программировать развитие действия в пьесах, задавать тон сюжетам литературных произведений.

Литература

1. Калинкин, В.М. Литературная ономастика, или Поэтика онима / В.М. Калинкин. – Донецк: ДНУ; 2002. – 41 с.

2. Маслова, В.А. Синергетика и лингвистика / В.А. Маслова // Учен. зап. Таврического ун-та им. В.В. Вернадского. – 2007. – Т. 20 (59). – № 1. – С. 85–91.

3. Муратова, Е.Ю. Лингвосинергетика поэтического текста / Е.Ю. Муратова. – Москва: Инфра-М. – 2012. – 218 с.

4. Муратова, Е.Ю. Синергетический анализ поэтического текста / Е.Ю. Муратова // Веснік БДУ. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2010. – № 2. – С. 26–29.

5. Гремина, Е.А. Угаров, М.Ю. Пьесы и тексты: в 2-х т. / Е.А. Гремина, М.Ю. Угаров. – Т. 1. – Москва: «НЛО», 2019. – 438 с.

6. Петрачкова, И.М. «Фоновые» поэтонимы в драме Елены Греминой «Сахалинская жена»: парадигматический, полевый и прагматический аспекты / И.М. Петрачкова // Мова і культура. (Науковий журнал). – К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2021. – Вип. 23. – Т. I (203). – С.192–199.

7. Бунин, И.А. Дело корнета Елагина. Текст произведения / И.А. Бунин // Собрание сочинений: в 6 т. – Т. 4. – М. Художественная литература, 1988 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https: // ilibrary.ru/. – Дата доступа: 20.01.2022.

Т.А. Сироткина
Сургутский государственный педагогический университет
e-mail: sirotkina71@mail.ru

УДК 811.161.1

Ономастикон текстов мемуарных эссе (на примере книги Л. Ивониной «Мысль, живущая сама по себе»)

Ключевые слова: *ономастикон, мемуарные эссе, Людмила Ивонина, сетевая литература, ономастические единицы.*

В статье на материале мемуарных эссе Людмилы Ивониной рассматриваются функции онимов в данных текстах, определяется их роль в репрезентации культурного пространства региона, страны, мира.

T.A. Sirotkina
Surgut State Pedagogical University

Onomasticon of memoir essay texts (on the example of L. Ivonina's book «A thought that lives by itself»)

Key words*: onomasticon, memoir essays, Lyudmila Ivonina, network literature, onomastic units.*

In the article, based on the memoir essays of Lyudmila Ivonina, the functions of onyms in these texts are considered, their role in the representation of the cultural space of a region, country, and the world is determined.

Тексты мемуарных эссе, вошедшие в книгу «Мысль, живущая сама по себе» ее автор, музыкант Людмила Ивонина, относит к сетевой литературе – большинство из них появились изначально как посты в социальных сетях, и лишь затем, по просьбам подписчиков, были изданы отдельно. В настоящей статье рассмотрим основные составляющие ономастикона данных текстов.

Одной из особенностей ономастикона рассматриваемых мемуарных эссе является то, что в нем ярко репрезентируется культурное пространство региона, в котором живет и работает автор (Екатеринбург – Пермь). Ономастическими единицами, образующими его, являются имена:

– дирижёров, с которыми непосредственно работала автор текстов: «И вдруг дирижёр застывает наверху, Вадим Мюнстер, смотрит на балерину» [1, 195].

– местных актеров и режиссеров: «Чтец нашелся первоклассный, им согласился стать совершенно замечательный человек – *Андрей Гарсиа*, настоящий испанец по матери. Актер и режиссёр» [1, 175];

– звукорежиссеров: «На Пермском радио был великий звукорежиссер *Владимир Дмитриевич Рудин*» [1, 183];

– оперных певцов: «Итак, была у нас в театре великая певица – *Эльвира Михайловна Шубина*» [1, 100].

Достоверность бытовых деталей и сюжетов историй из жизни определяется существованием их внутри уральского ономастического пространства, единицами которого являются:

– названия гостиниц, в которых приходилось жить автору текстов: «Первая кроватка для дочери была составлена из двух кресел в гостинице *«Прикамье»* [1, 247];

– названия кафе, ресторанов. магазинов: «После занятий я снова шла к 6 часам в театр, там открывалась столовая, которая, кажется, была от ресторана *«Большой Урал»* и кормили там очень вкусно» [1, 140]; «Вернулась с пакетом из «Семьи» [1, 39];

– названия популярных телепередач: «А я сижу и думаю: тут и шоу *«Уральские пельмени»* смотреть не надо. Просто по сторонам смотри, и будет тебе весело» [1, 81].

Макротопоним Урал также представлен в тексте, он связан с репрезентацией не только культурных, но и природных (погодных) концептов: «У нас на *Урале* гололёд бывает беспрецедентный» [1, 99].

В текстах воспоминаний много антропонимов, представляющих российское музыкальное пространство. К ним относятся имена и фамилии:

– дирижёров: «Однажды приехал к нам *Владимир Семёнович Богорад* – дирижёр, но фаготист» [1, 108]; «На одном из фестивалей нами должен был дирижировать *Геннадий Николаевич Рождественский*» [1, 172]; «Но когда приезжал *Фуат Шакирович*

Мансуров, дирижёр, который всё и всех помнит, он всегда спрашивал «Где Дановская?», намекая на их, видимо, общее в прошлом пространство» [1, 101];

– композиторов: «Как-то после премьеры спектакля *Андрея Петрова* мы с подругой пристали к Колобову с просьбой подписать программку» [1, 83]. В ряде случаев имя героя заметки сокращено до инициала: «И я решила непосредственно ознакомить папу со своей работой и повела его на спектакль «Сотворение мира» *А. Петрова*» [1, 141; «Бахфонтан («Бахчисарайский фонтан») – это балет академика *Б. Асафьева*, который, на самом деле, был очень плодовитым композитором, но известен более как автор длиннейших, но очень глубоко научных работ» [1, 168];

– музыкантов: «Встреча с *Берлинским*, так мероприятие и называлось – творческая встреча, мне запомнилась в основном самой атмосферой, несколькими отдельными выражениями В.А. и абсолютным пониманием сути квартетного искусства, изложенным в какие-то сорок с небольшим минут» [1, 198]; «Я ужасно волновалась, потому что играть в унисон с самим *Третьяковым* было ответственно» [1, 104].

Ключевым можно назвать для исследуемых текстов антропоним Чайковский, который повторяется в воспоминаниях о разных периодах жизни, но чаще всего – тех эпизодах, которые связаны со службой в театре имени известного композитора: «Вела я както спектакль «Иоланта», на гастролях, а спектакль этот, как и многое у *Чайковского*, достаточно сложен для оркестра» [1, 143].

Названия российских городов, в которых в разное время проходили гастроли автора, позволяют Людмиле Ивониной передать собственную оценку данных мест, те ассоциации, которые связаны в сознании автора: «Короче, «забили» мы на удобства и так и дотянули до конца гастролей в прекрасном городе *Хабаровске*» [1, 156]; «Так, будучи на гастролях в *Сочи*, я покупала на почте деревянный ящик для посылок, насыпала туда орехов (фундук, например), укладывала туда 2 бутылки вина, заколачивала крышку гвоздиками на почте и отсылала домой» [1, 305].

Наряду с этим, воспоминания о гастролях в разных городах и странах позволяют автору погрузить читателя в мировое культурное пространство, ключевыми словами для описания которого служат:

– названия стран и континентов: «Как-то на гастролях в *Америке*, когда всё время хочется спать, а нужно играть спектакль, я ужасно мучилась и боролась со сном» [1, 106]; «Несколько раз довелось встречать Новый год в Голландии, и мои сообщения домой были посвящены развенчанию мифа о том, что в *Голландии* отмечают только Рождество» [1, 87];

– названия зарубежных городов: «Перед этим прошли чудесные гастроли в *Амстердаме,* где мы скупили всё, что попалось на рождественских распродажах (всё по два и три евро), кое-как упаковались и долетели до Москвы» [1, 89];

– имена всемирно известных зарубежных композиторов: «Спектакль закончился. Как всегда у *Верди* – хроматической гаммой, которую невозможно сыграть» [1, 98]; «Правда, после того, как Риккардо Мути научил полицейского за три минуты дирижировать «Неоконченную симфонию» *Шуберта,* я затрудняюсь говорить на подобные темы, но папе тогда я думала, как объяснить» [1, 142];

– названия произведений, написанных этими композиторами: «Когда мы с ней играли «Сурка», то она считала восьмые в аккомпанементе, и как-то всё прошло благополучно» [1, 149];

– имена знаменитых дирижёров и музыкантов: «У меня был цикл концертов, который я назвала так же, как свою любимую пластинку *Гидона Кремера*: «Романтические миниатюры» [1, 201].

Важным моментом является функционирование в рассматриваемых текстах имен, олицетворяющих эпоху. Автор как представитель данной эпохи не может не говорить об:

– известных режиссерах определенного времени: «Тогда была эпоха французского кино: *Бельмондо, Рекель Уэлч, Мирей Дарк, Жаклин Биссет*…» [1, 134];

– культовых фильмах эпохи: «Вот знаете, что я думаю? Признаться, я об этом думаю давно. Потому что я почти ровестница романа «Солярис» [1, 282].

Еще одной ключевой деталью текстов анализируемых мемуарных эссе являются онимы, принадлежащие к базовым составляющим языковой картины мира русского человека, обучавшегося в советской или российской школе и с детства хорошо знакомого с:

– русской классикой: «А если вы мне сейчас начнете заливать уши про деменцию, то я скажу вам, что сегодня с утра мама читала мне *«Бородино».* Наизусть» [1, 36]; «Как сказал *Грибоедов,* счастливые часов не наблюдают. Но непонятно мне это» [1, 25]; «Давненько не брал я в руки шашек», – подумала я голосом *Чичикова*» [1, 73];

– великими российскими актерами и их ролями: «Дело в том, что я абсолютно разделяю позицию мамы одного киногероя, озвученную голосом *Валентина Гафта*: «Счастье – это когда Игорь дома» [1, 124];

– героями известных советских фильмов и мультфильмов: «А мне, когда я молодая еще была, один дирижёр рассказал, что концертмейстер должен знать правила *Чапаева* (тактика на картошке, называется): «Где должен быть командир?» [1, 197]; «Теперь, когда я начинаю новую жизнь по почтальону *Печкину* (Игорю Ивановичу, между прочим), то есть «на пенсию перехожу», я понимаю, как это было важно – любить свою работу» [1, 180].

Таким образом, онимы являются одними из ключевых слов текстов мемуарных эссе. На примере эссе Людмилы Ивониной мы можем рассматривать языковую картину мира автора-музыканта, в которой отражаются представления о глобальном и локальном, роли конкретных личностей в региональной, российской и мировой культуре, о том времени и той среде, в которой существует представитель данного профессионального сообщества.

Литература

1. Ивонина, Л.Ф. Мысль, живущая сама по себе. Записки, эссе, рассказы / Л.Ф. Ивонина. – Екатеринбург: Альфа Принт, 2021. – 554 с.

Т.П. Слесарева
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail slestp@yandex.ru

УДК 821.161.3.09:811.161.3’373

Ономастическое пространство романа Владимира Короткевича «Христос приземлился в Городне»: семантический аспект

Ключевые слова: *литературная ономастика, онимы, ономастическое пространство, антропонимы, топонимы, гидронимы, экклезионимы, семантика.*

В статье рассматриваются в семантическом аспекте употребленные Владимиром Короткевичем в романе «Христос приземлился в Городне» имена собственные, которые являются неотъемлемым элементом идейно-тематического содержания художественного текста.

T.P. Slesareva
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

Onomastic space of the novel Vladimir Korotkevich «Christ landed in Gorodnya»: semantic aspect

Key words: *literary onomastics, onyms, onomastic space, anthroponyms, toponyms, hydronyms, ecclesionyms, semantics.*

The article examines in the semantic aspect the proper names used by Vladimir Korotkevich in the novel "Christ landed in Gorodnya", which are an integral element of the ideological and thematic content of the literary text.

Для решения художественно-изобразительных и стилистических задач в художественных текстах авторами используются различные поэтонимы, особенности функционирования которых изучает литературная ономастика. Отсюда и все возрастающий интерес к проблемам ономастики, проявлением которого характеризуется современная лингвистика [7].

Э.Б. Магазаник задавался вопросом: «Какую «заметную» роль в художественном произведении могут играть имена собственные, если они значений не имеют?!» [6, 7]. Однако любой писатель тщательно продумывает онимы, которые он может включить в произведение, поскольку имена собственные значимы при создании художественно-образной модели произведения.

Сложный комплексный характер объекта ономастических исследований обуславливает введение в терминологический аппарат ономастики понятия «ономастическое пространство» [5, 66], под которым А.В. Суперанская понимает «сумму имен собственных, которые употребляются в языке данного народа для именования реальных, гипотетических и фантастических объектов» [8, 7].

Ономастическое пространство художественного текста является самостоятельной подсистемой художественного произведения, взаимосвязанной с остальными его элементами и позволяющей создать неисчерпаемые в своей глубине художественные смыслы, характеризующие пространственно-временной пласт произведения, систему художественных образов и идейно-тематическое содержание произведения в целом.

В настоящее время изучение ономастического пространства ведется на материале разных национальных литератур [1; 2; 12]. Материалом для нашего исследования послужили онимы, употребленные белорусским писателем, поэтом, драматургом, публицистом, классиком белорусской литературы, нашим земляком Владимиром Семёновичем Короткевичем в романе «Христос приземлился в Городне», изданном в 1972 году и повествующем о недоучившемся школяре Юрасе Братчике, который вынужден был присоединиться к труппе лицедеев и которого жители Городни принимают за Христа. Действие романа разворачивается на территории средневековой Беларуси XVI в. [4].

Путем сплошной выборки из анализируемого текста нами было выписано 133 онима, среди которых встретились *антропонимы* (58 употребления, или 43,6%), *топонимы* (40 употреблений, или 30%), *астронимы* (8 употреблений, или 6%), *гидронимы* (7 употреблений, или 5,2%), *геортонимы* / названия отрезков праздничного времени (6 словоупотреблений, или 4,5%), *хрононимы* / название исторического события (4 словоупотребления, или 3%), *экклезионимы* / имя места совершения обряда, места поклонения любой религии, в том числе название собора, церкви, костела, *библионимы* / названия письменного произведения (по 3 употребления, или 2,2%) и по 1 употреблению (0,7%) таких разрядов онимов, как *дримоним* /собственное имя любого лесного участка, леса, бора, рощи (*Софиёвские леса*), *теоним* / собственное имя божества (*Христос*), *мифозооним* / именование животного (*Цмок*) и *название иконы* «*Чудотворная*».

Ядро ономастического пространства традиционно занимают антропонимы и топонимы, так как они несут на себе отпечаток времени и места своего возникновения [8, 26]. Как свидетельствуют цифры, в анализируемом произведении самыми употребляемыми из поэтонимов явились именно эти разряды онимов.

Чтобы оттенить идейную направленность произведения, писателю нужны значащие имена, среди которых выделяются имена с наивысшей степенью семантической активности (они не нуждаются в дополнительных комментариях) и имена с меньшей степенью семантической активности. Поэтому Владимир Короткевич в своем романе стремился использовать имена людей, существующих реально в изображаемом временном отрезке в том или ином социуме. Так средствами создания атмосферы прошлого в тексте выступают такие антропонимы, как *Давид* – царь Израильско-Иудейского государства к.XI в. – ок.950 до н.э., *Дамас* – Папа Римский 366–384, *Сабиниан* – Папа Римский в 604–606 гг., который, «как известно, под угрозой анафемы запретил простым учить грамоту» [4, с. 236], *Лев IV* – Папа Римский в 842–855 гг., *Богорис* – болгарский царь с 852 г., *Папа Николай I* – Папа Римский 858–867 гг., при котором произошел разрыв с Восточной церковью, *Формоз I* – Папа Римский 891-896 гг., *Бонифаций VI* – Папа Римский в 896 г., правление которого продолжалось 14 дней, *Роман I* – Папа Римский с августа по декабрь 897 г., *Стефан VII* – Папа Римский в 928–931 гг., *Стефан VIII* – Папа Римский в 939–942 гг., *Бенедикт VIII* – Папа Римский 1012–1024 гг., *Ян XXII* – Папа Римский 1316–1334 гг., *Александр VI* – Папа Римский 1492–1503 гг., *Юлий Второй* – Папа Римский в 1503–1513 гг.

Встретились также имена ученых (*Петр Достопочтенный* – христианский ученый, писатель и церковный деятель; *Вергилий Шотландский* – ученый; *Джордано Бруно, Колумб,*), писателей и музыкантов (*Прокопий Византийский; Рабле; Катулл; Генри Лонгфелло* – американский поэт-романтик; *Шпренгер и Институрис, Михаил Огинский, Скорина*), философов (*Платон, Ницше, Аристотель, Аристарх Афинский, Софокл*), руководителей восстаний (*Томас Мюнцер* – вождь крестьянско-плебейский масс в Реформации и Крестьянской войне 1524–26 гг. в Германии; *Машека* – легендарный белорусский разбойник).

Наряду с именами давно живших людей в тексте романа функционируют и имена вымышленных персонажей. Это и *Флориан Босяцкий*, который придумал интригу с разыгрыванием бродячими комедиантами ролей Христа и его апостолами, и *Раввуни* – изгнанный из местечка еврей, который играл роль Иуды и вел записи о происходящих в романе событиях, и возлюбленная *Юрася Братчика Анея,* и обедневший шляхтич *Богдан Роскаш*, которому досталась роль Фомы, и сотник *Корнила.*

Близки к антропонимам по своему значению теонимы. В тексте романа встретилось имя Сына Божьего, воплотившегося ради Спасения людей, – *Христос:* «После этого пошел Христос со своими апостолами в сторону Любчи» [4, 227]. Имя Иисуса Христа является своеобразным кратким символом христианской веры и несет в себе глубочайший смысл, означая помощь Бога, или Спаситель. А в романе образ Христа – Юрася Братчика, связывает в единое целое все сюжетно-композиционные линии, именно вокруг него разворачивается основное действие, к нему тянется народ, изголодавшийся по вере. Постепенно игра перестает быть игрой, а Братчик берет на себя ответственность за верящих ему людей.

Своеобразную «контурную карту» произведения читателю помогают создать топонимы. Топонимный сектор романа «Христос приземлился в Городне» представлен в основном хоронимами, астионимами и комонимами, называющими географические объекты Беларуси (*Беларусь, Полотчина, Полесье, Городня, Менск, Мстиславль, Мядель, Кричев, Орша, Мир, Слоним, Несвиж, Слуцк, Красовица, Хитричи, Березина, Вонячье*), России (*Москва*, *Псков)*, Европы (*Бремен, Стокгольм, Рига, Саламанка* – город в Испании, известный старым университетом, *Польша, Краков, Рим, Италия, Франция, Швейцария, Ватикан*) и Востока (*Индия, Иерусалим).* Они весьма подробно описывают художественное пространство текста, фактически детализируя место каждого события, формируя

сюжетную линию и образуя четкую реалистичную топонимическую картину, заметной особенностью которой являются многочисленные названия городов и деревень, большинство из которых существует и на сегодняшний день (*Мядель* – райцентр Минской области, *Вселюб* – сейчас деревня в Новогрудском районе Гродненской области, *Любчи* – сейчас городской поселок Новогрудского района Гродненской области).

Тематический разряд гидронимов представлен лимнонимами (*Сеннинские озёра, Лепельское озеро* – один из живописных водоемов на севере Республики Беларусь. По одной из версий, название походит от латышского «leepa» или «lehpa», что в переводе означает кувшинка. Согласно другому варианту, этимология названия происходит от латышского «lepa» – ольха) и потамонимами (*Днепр, Свислочь, Неман, Щара* – река в Брестской и Гродненской областях Белоруссии, левый приток Немана, *Городничанка* – река, впадающая в Неман в пределах Гродно).

Будучи периферийными единицами ономастического поля, астронимы в основном не имеют высокой частотности. Однако в романе В. Короткевича они занимают по частоте употребления третье место. Вместе с автором мы видим, как «сиял золотом красавец *Арктур (*самая яркая звезда в созвездии Волопаса), рассыпались возле него *волосы Вероники* (созвездие северного полушария)» [4, 125], как «сияла на севере, совсем низко от небосвода, многоцветная *Капелла* (самая яркая звезда в созвездии Возничего, шестая по яркости звезда на небосклоне и третья по яркости на небе Северного полушария), и бежали к ней мимо *Альтаира* (самая яркая звезда в созвездии Орла и двенадцатая по яркости звезда на небе) и *Денеба* (самая яркая звезда в созвездии Лебедя и двадцатая по яркости звезда в ночном небе) туманные вихри *Пути Предков*» [4, 25], как «северо-западнее сияли над самой землей *Близнецы* – брат золотой и брат белый. Либо вон как тесно сбились вокруг *Невесты*, вокруг белой *Невесты* ее женихи (Ве́га – самая яркая звезда в созвездии Лиры, пятая по яркости звезда ночного неба и вторая – в Северном полушарии, третья по яркости звезда» [4, 126].

Пятое место по частоте употребления в ономастическом пространстве романа занимают геортонимы. Владимир Короткевич упоминает славянский праздник Ивана Купалы («И он словно вспомнил хату под яблонями…Стариков на траве…Тихую речку, где водились сомы. Самого себя, который пускал на *Купалье* венки» [4, 361], христианский праздник Пасху («…и скоро в комнате стало светло, будто в церкви на *Пасху*» [4, 204], и еврейскую пасху – *Песах,* а также *Пост Эстер* (в иудаизме день траура) и праздник *Пурим* – один из самых веселых еврейских праздников, который сопровождается традиционными карнавалами и шумными застольями.

Четыре словоупотребления приходится на долю хрононимов, среди которых встретилась *Сицилийская вечерня* (восстание на острове Сицилия 1282 г.), *Тирольская утреня* (резня евреев в Тироле), *Варфоломеевская ночь* (массовая резня гугенотов католиками в Париже 24 августа 1572 г.) и битва, когда в 1249 г. было разбито войско татар под командованием хана Койдана («Помни *Крутогорье*!» [4, 349].

Особую группу ономастического пространства составляют экклезионимы, которых в тексте романа нами зафиксировано 3 единицы – *Кёльнский собор*, *церковь Святой Анны и Коложа* («А вон возвышается *Святая Анна.* А там, далеко влево, сияет, как радуга, *Коложа*, во имя Бориса и Глеба» [4, 51]).

Ряд библионимов представлен такими наименованиями, как *Библия, Евангелие* (книга Нового Завета) и «*Молот ведьм*» (легендарная книга европейских инквизиторов средних веков, знаменитый трактат по демонологии и методах уничтожения колдунов).

Среди единичных словоупотреблений в ономастическом пространстве романа зафиксированы дримоним *Софиёвские леса* и название иконы «*Чудотворная*».

В последнее время в особый класс выделяются мифонимы (имена собственные, функционирующие в мифах). В анализируемом тексте нам встретился мифозооним *Цмок* – дракон в белорусской и польской мифологии.

Таким образом, в создаваемом писателем микромире моделируемая система поэтонимов обязательно соответствует содержанию произведения, авторской концепции, замыслу, жанру, художественному методу, времени написания, в пределах которого наблюдается специфика ономастикона, отмечаются особенности в именовании лиц и номинации объектов и предметов [1, с.75].

Литература

1. Горбаневский, М.В. Ономастика в художественной литературе / М.В. Горбаневский. – М.: Ун-т дружбы народов, 1988. – 88 с.
2. Деревяго, А.Н. Ономастическое пространство поэзии XX века: семантика онима, функциональный потенциал : автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.02 / А.Н. Деревяго; Ин-т языкознан им. Якуба Коласа НАН Беларуси. – Минск, 2005. – 23 с.
3. Калинкин, В.М. Поэтика онима / В.М. Калинкин. – Донецк: Издательство Донецкого гос. ун-та, 1999. – 408 с.
4. Короткевич, В.С. Христос приземлился в Городне: (Евангелие от Иуды): роман / В. Короткевич; пер. с белорус. и коммент. Петра Жолнеровича. – Мн.: Літаратура і мастацтва, 2011. – 544 с.
5. Левина, Э.М. Ономастическое пространство в художественной речи: учеб. пособие / Э.М. Левина. – Белгород: БелГУ, 2003. – 88 с.
6. Магазаник, Э.Б. Ономастика, или «Говорящие имена» в литературе / Э.Б. Магазаник. – Ташкент: Фан, 1978. – 148 с.
7. Рогалев, А.Ф. Имя и образ: Художественная функция имен собственных в литературных произведениях и сказках / А.Ф. Рогалев. – Гомель: Барк, 2007. – 224 с.
8. Суперанская, А.В. Историческая ономастика: сб. ст. / ред. А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1977. – 308 с.
9. Суперанская, А.В. Структура имени собственного /А.В.Суперанская. – М.: Наука,1969. – 220 с.
10. Ташицкий, В. Место ономастики среди других гуманитарных наук // Вопросы языкознания. – М., 1961. – № 2. – С. 3–11.
11. Фонякова, О.И. Имя собственное в художественном тексте / О.И. Фонякова. – Л.: ЛГУ, 1990. – 103 с.
12. Шур, В.В. Онім у мастацкім тэксце: манаграфія / В.В. Шур. – Мн.: Беларускі кнігазбор, 2006. – 216 с.

В.Р. Слівец
Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І.П. Шамякіна
e-mail: kovsharolga@tut.by

УДК 811.161.3’373.2: 821.161.3

Мікратапонімы ў анамастыконе мастацка-біяграфічнай прозы Віктара Карамазава

Ключавыя словы: *тапанімікон, мікратапонімы, фітонімы, мастацка-біяграфічная проза, кантэкст, нацыянальна-культурная спецыфіка.*

У артыкуле аналізуюцца асаблівасці функцыянавання мікратапонімаў у анамастычнай прасторы мастацка-біяграфічнай прозы. Адзначаецца, што ў аснову тапанімікона твораў пазначанага літаратурнага кірунку пакладзены назвы рэальных геаграфічных аб’ектаў, а мікратапанімічныя намінацыі садзейнічаюць дэталёваму адлюстраванню лакалізацыі месца дзеяння і ў той жа час спрыяюць стварэнню яго гісторыка-культурнага фону. Адмысловая ўвага надаецца ідэйна-мастацкай функцыі мікратапонімаў у разгляданых літаратурных творах.

V.R. Slivets
Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin

Microtoponyms in the onomastic space of Victor Karamazov's artistic-biographical prose

Key words: *toponymicon, microtoponyms, phytonyms, artistic-biographical prose, context, national and cultural specificity.*

The article analyzes the peculiarities of microtoponyms usage in the onomastic space of artistic-biographical prose. It is noted that the toponymicon of the works of the designated literary movement is based on the names of real geographical objects, and microtoponymic nominations contribute to a detailed reflection of the localization of the scene and at the same time contribute to the creation of its historical and cultural background. Particular attention is paid to the conceptual and artistic function of microtoponyms in the considered literary works.

Прастора і час мастацкага тэксту – формы быцця эстэтычнай рэальнасці, своеасаблівыя інструменты яе мадэлявання. Натуральна, што ў гэтай створанай аўтарскім уяўленнем рэчаіснаці важнае месца належыць тапонімам, бо, акрамя традыцыйнай функцыі геаграфічнай намінацыі, у літаратурным творы яны адыгрываюць асобую стылістычную ролю. Між тым, у параўнанні з літаратурнай антрапанімікай, тапонімы ў мастацкім тэксце на сённяшні час застаюцца недастаткова вывучанымі. У айчыннай літаратурнай анамастыцы на сучасным этапе вядомы асобныя працы, прысвечаныя даследаванню некаторых аспектаў функцыянавання тапанімічнай лексікі ў творчасці Янкі Купалы (В.І. Ляшчынская), Якуба Коласа (Л.П. Кузьміч, Д.Д. Паўлавец, В.В. Шур), Уладзіміра Караткевіча (А.С. Васілеўская, Г.М. Дзеравяга, М.Г. Сітнікава, Т.П. Слесарава, В.В. Шур), Івана Навуменкі, Івана Мележа, Івана Шамякіна, Фёдара Янкоўскага (В.В. Шур) і інш. Аднак вывучэнне геаграфічных намінацый у літаратуры, безумоўна, выклікае цікаваць. Асабліва гэта датычыцца празаічных твораў, дзе, як правіла, тапанімічная лексіка сістэмна арганізавана, прадстаўлена ў дастаткова вялікім аб’ёме і адрозніваецца сваім функцыянальным прызначэннем. Так, В.І. Фанякова падкрэслівала, што “тапонім ўносіць у аповед канкрэтнасць і дынамізм, выразнасць і дакладнасць у абмалёўцы сюжэтных ліній і прасторавых уяўленняў герояў. Адны тапонімы ствараюць рэальны фон для развіцця сюжэту і кампазіцыі, лакалізуюць месца дзеяння, адлюстраванага ў творы, і разам з іншымі сродкамі стылю садзейнічаюць рэалізацыі ўсіх узроўняў кампазіцыі твора. Іншыя – аднаразова ўжытыя ў аўтарскай або простай мове – таксама выконваюць яркія стылістычныя функцыі ў стварэнні маўленчай характарыстыкі персанажаў або адлюстраванні ўнутранага свету герояў” [7, 89].

У аснову тапанімічнай прасторы твораў мастацка-біяграфічнай літаратуры, якая стала аб’ектам нашага вывучэння, пакладзены назвы рэальных геаграфічных аб’ектаў, што абумоўлена іх жанрава-тэматычнай спецыфікай: увядзенне ў мастацкі тэкст герояў з рэальнымі прататыпамі, патрабуе і адпаведнай прасторава-часавай арганізацыі твора. Іх асноўная функцыя ў літаратурным творы – выступаць канкрэтызатарамі і паказчыкамі пэўнай мясцовасці. Як правіла, яны акрэсліваюць месца дзеяння, “фарміруюць прастору тэксту, свайго роду контурную карту, на якую накладваецца развіццё сюжэту” [4, 14].

Дэталёваму паказу, дакладнай прасторава-часавай лакалізацыі дзеяння, «падмацаванню» яго сапраўднасці і паглыбленню гісторыка-культурнага фону садзейнічае ўвядзенне ў тапанімікон твораў дробных геаграфічных найменняў – *мікратапонімаў*.

Як справядліва адзначана даследчыкамі, «беларускія мікратапанімічныя назвы – гэта частка лексікі беларускай мовы. У іх маюцца каштоўныя звесткі пра мінулае

і сучаснае жыццё насельніцтва. У назвах урочышчаў адлюстраваліся праца людзей, эканоміка, прыродна-геаграфічныя ўмовы краю. Мікратапонімы – важная крыніца вывучэння гісторыі, геаграфіі, этнаграфіі, мовы, археалогіі» [1, 5]. У дадзеным аспекце намі быў прааналізаваны тапанімікон мастацка-біяграфічнай прозы Віктар Карамазава, які плённа працуе ў абазначаным літаратурным напрамку.

Так, у тэкст аповесці-біяграфіі «Брама», прысвечанай апісанню лёсу Гаўрылы Вашчанкі, В. Карамазаў уключае назвы мікратапанімічных аб'ектаў з ваколіц вёскі *Чыкалавічы*, дзе нарадзіўся мастак. Гэта ўрочышча ***Высокае / Высокі лес***, ***Гарадзішча***, ***Раўкі*** – невялікія лясныя масівы, выган ***Дамаха***, лагчына ***Татарскі Брод***: *Ён вачыма ловіць унізе рэчку* ***Брагінку****, выган* ***Дамаху***, ***Раўкі*** *– лясок,* ***Татарскі Брод*** *– лагчыну, дубы, якія з зямлі падобныя да воблакаў ў небе, на выгане – карову Машку, чырвоных коней – шэпча: «Садзіся, Пальма», бо ў* ***Раўках*** *грыбы, дадому іх трэба прынесці ў кашульцы*; *Ляжаў пад дубам, не спаў, думаў, бачыў перад вачыма вёску, людзей вясковых, сябе на раллі з сяўнёй, сябе на пашы, бачыў* ***Высокі лес***, ***Раўкі***, ***Дамаху***, ***Татарскі Брод****, нібыта там хадзіў, блукаў, шукаў*. У дадзеных назвах адлюстраваны прыродна-ландшафтныя асаблівасці мясцовасці, характар рэльефу (параўн.: *Высокі лес ← лес*, *Раўкі ← роў)* і нават гістарычнае мінулае краю. Можна меркаваць, што ўрочышча *Гарадзішча* размешчана на месцы старажытнага пасялення: *Гарадзішча ← гарадзішча.* Назву лагчыны *Татарскі Брод* пісьменнік тлумачыць пры дапамозе народнай этымалогіі ў спалучэнні з гістарычнымі фактамі: *То бачыў палатно, а то – жывы абшар за вёскай: рэчку, ляскі – Высокае, Раўкі, Дамаху, Гарадзішча, за імі – Татарскі Брод,* ***дзе яшчэ продкі продкаў то ад татараў хаваліся, то войска супраць іх збіралі***.

У кантэксце твора гэтыя мікратапонімы выступаюць дакладнымі прасторавымі арыенцірамі і выконваюць важную ідэйна-мастацкую функцыю: аўтар такім чынам засяроджвае ўвагу на праблеме захавання гістарычнай і культурнай памяці, этнічнай самабытнасці, якія сканцэнтраваны ў такіх адметных рэгіянальных назвах невялікіх геаграфічных аб'ектаў, што стала вельмі актуальным на сучасным этапе развіцця нашага грамадства. Так, старажытныя гарадзішчы перыяду ранняга жалезнага веку (1-е тыс. да н. э.), размешчаныя ва ўрочышчы *Высокае* (у 5 км на ўсход ад *Чыкалавіч*) і каля вёскі *Калыбань*, паводле Пастановы Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь ад 14 мая 2007 г. № 578, унесены ў пералік матэрыяльных аб'ектаў, якім нададзены статус гісторыка-культурных каштоўнасцей.

У эсэ "Проста ўспомніў я цябе…", якое стала своеасаблівай данінай памяці земляку В. Карамазава – Аляксею Пысіну, аўтар ўзгадвае назву ўрочышча ***Каханы Роў***, размешчанага паблізу роднай вёскі паэта *Высокі Барок*, што на Магілёўшчыне. Гэты мікратапонім, засведчаны ў творах А. Пысіна, а таксама добра вядомы самому В. Карамазаву, у аўтарскай свядомасці, узбагачаны асабістымі ўспамінамі, перажываннямі, набывае дадатковую канатацыю, выклікаючы цэлы спектр пачуццяў: *Па Сажы Пысін ведаў кожную вёску, кожнага бусла і мужыка, кожны дуб і куст, кожны вір і паром. Тыя, што ведаў і я. Ён напісаў пра чэрыкаўскі Каханы Роў. Калі я прачытаў верш маме, яе вочы заблішчэлі ад слёз. Яна ўспомніла свае басаногія сцежкі ў тым Рове і па Зароўі, дзе дзяўчынкаю прыпасвала карову, свае першыя чаравічкі, пашытыя бацькам, у якіх яна, калі за лесам схавалася сонейка, збегла ў зацішак Каханага Рова на сваё першае спатканне з хлопцам*. Дарэчы, мікратапонім *Каханы Роў* засведчаны ў «Слоўніку мікратапонімаў Магілёўшчыны» з паметаю «месца каля ракі. Раней тут збіралася моладзь» [5, 98].

Нельга не адзначыць, што ў тапанімічнай прасторы прааналізаваных намі літаратурных тэкстаў асобае месца належыць *фітонімам* – уласным імёнам раслін, дрэў. Фактычна, засведчаны адзінкавыя ўжыванні падобных онімаў (*Вашчылаў дуб*, *Васілёў дуб*, *грушка*

Ананя), аднак нельга не адзначыць ідэйна-мастацкае значэнне іх выкарыстання, адметную ролю ў стварэнні і паглыбленні гісторыка-культурнага кантэксту мастацкіх твораў.

Па словах А. Супяранскай, «уласныя індывідуальныя назвы асобных раслін у нашай сучаснай рэчаіснасці сустракаюцца даволі рэдка. Часцей назвы дрэў уваходзяць у склад мікратапонімаў: *Пад вязам*, *Ля крывой вярбы*, *Пад дубамі*» [6, 189]. Падобныя фітонімы, як і найменні мікратапанімічных аб'ектаў, што выражаюцца прыназоўнікавымі канструкцыямі тыпу *Ля броду*, *На выгане ў куточку*, выконваюць ролю назваўарыенціраў і добра вядомы ў межах аднаго паселішча, таму іх таксама варта аднесці да мікратапонімаў.

Іменаванне і паважлівыя адносіны да асобных дрэў маюць старажытныя карані і ўзыходзіць да эпохі анімізму. Паводле беларускіх народных павер'яў, у дрэвах часта пасялялася чалавечая душа. Вялікай пашанай карысталіся дуб, хвоя, ліпа і груша [2, 151]. Таму ў розных мясцовасцях Беларусі і сёння захаваліся культавыя дрэвы. Існавалі нават цэлыя свяшчэнныя гаі, якія захоўваліся ў недакранальнасці і пасля прыняцця хрысціянства.

У навеле «Ван Гог» пра крычаўскага мастака Антона Вырву В. Карамазаў піша пра *Вашчылаў дуб*: ***Дуб Васіля Вашчылы*** *яшчэ ў маленстве, калі хадзіў у школу, спыняў на паўдарозе <…>. Стаяў, захоплены, глядзеў <…> на дуб магутны, ад бабулі ведаючы, што гэта* ***Вашчылаў дуб****, гадоў яму не меней як паўтысячы, што тут, пад дубам і вакол яго, збіраў Вашчыла мужыкоў з сякерамі ды косамі*. Адзначым, што ў дадзеным кантэксце фітонім *Вашчылаў дуб* выступае не ў якасці адзнакі рэгіянальнасці, а як сімвал, сведка гераічнага мінулага нашых продкаў, бо антрапонім, які ўваходзіць у склад гэтага наймення скіроўвае да антыфеадальнага паўстання 1743 – 1744 гг. у Крычаве, узначаленага войтам Васілём Вашчылам.

У іншых фітонімах *Васілёў дуб* (узгадваецца ў аповесці "Антон" пра беларускага мастака Антона Бархаткова)*, грушка Ананя* (апавяданне "Пад крыжам божым, або Развітанне з Ліменню") увекавечаны імёны звычайных сялян, мясцовых жыхароў, напамінам аб якіх засталіся гэтыя дрэвы: *Называлі* [дуб. – *В. С.*] ***Васілёвым***. *Каля яго стаяла хата, у ёй жыў мой, па маме, дзед Васіль. А потым, як дзеда не стала, дуб пастухі спалілі*; – ***Грушку Ананя*** *пазнаеш? – Ну помню яго грушку, смак на губе застаўся*. Сімвалічна, што абодва дрэвы мастакамі былі адлюстраваны на карцінах – у эцюдзе А. Вырвы (*На возеры грушку адзін я бачу, а тут цяпер яе ўбачыць кожны, хто ў хату адчыніць дзверы. Тады і Ананя яшчэ хто ўспомніць*) і на мастацкім палатне А. Бархаткова «Поўдзень на сенакосе». Такім чынам, дадзеныя фітонімы выступаюць у якасці сімвалаў повязі часоў, пакаленняў, адбітка лакальнай гісторыі краю.

Неабходна адзначыць, што для многіх чытачоў падобныя мікратапонімы могуць уяўляцца як выдуманыя, нерэальныя, бо іх дэнататы не ўспрымаюцца так канкрэтна, як дэнататы макратапонімаў ці астыёнімаў, якія ў большасці выпадкаў (напрыклад, *Еўропа*, *Палессе*, *Масква*, *Пецярбург* і інш.) нясуць багатую экстралінгвістычную інфармацыю. Такія мікратапонімы не столькі выконваюць функцыю дакументальнага адлюстравання рэчаіснасці, колькі становяцца «самабытным сродкам выразнасці» [3, 91].

У аповесці «Крыж на зямлі і поўня ў небе» аб "жыцці жывапісца і паляўнічага Бялыніцкага-Бірулі" аўтар таксама дапаўняе анамастыкон твора назвамі мікратапанімічных аб'ектаў, якія суадносяцца з геаграфічнай прасторай *Расіі*, з былымі *Цвярской* і *Тульскай губернямі*, у прыватнасці, дзе адбываецца значная частка дзеяння твора. Як вядома, В. Бялыніцкім-Бірулем была пабудавана дача ***«Чайка»*** на беразе возера ***Удомля***. Прыродна-ландшафтныя асаблівасці навакольля ўдакладняюцца аўтрам за кошт увядзення ў мастацкі тэкст і апісання мясцовых мікратапонімаў: *Здавалася, тут музыка жыла ва ўсім – у водары яблыневага саду, што пад самымі вокнамі ўжо наліваўся сокамі квецені, у водары сасновага бору, які стаяў адразу за садам і называўся* ***Красаўкаў****, у парку і возеры, у цішыні і спакоі, якая атульвала ўсё жывое*.

З мэтаю стварэння і паглыблення мясцовага каларыту аўтарам падаецца народная этымалогія назвы вострава ***Аржанік***: *Стаяў дом на беразе, а насупраць, на возеры, быў востраў, які дзед Аракчэевых прайграў некалі ў карты генералу Зільману з Беластока. Калі Зільман адпускаў на волю сваіх сялян, то адпусціў і каваля Грыгорыя Іванова разам з востравам. Каваль жыў на процілеглым беразе, якое называлася Кузёмкіным, там стаялі яго дом і кузня, а* ***на востраве сеяў жыта****, за што востраў назвалі* ***Аржанікам*** (параўн.: рус. *рожь → Оржаник*).

Пэўны час, шукаючы новыя вобразы і ідэі для сваіх жывапісных палоцен, В. Бялыніцкі-Біруля правёў у сядзібе *Ясная Паляна*, назва якой з'яўляецца прэцэдэнтнай і вядома ў сувязі з імем Льва Мікалаевіча Талстога. Узнаўляючы асяроддзе жыцця класіка рускай літаратуры і перадаючы самабытнасць гэтага краю, В. Карамазаў арганічна ўводзіць у тэкст аповесці назвы дробных прыродных аб'ектаў, якія ў кантэксце лёсу і творчасці Льва Талстога набываюць асаблівую канатацыйную насычанасць, мастацкую выразнасць: ***Гарэлая Паляна*** – урочышча паблізу сядзібы Ясная Паляна; ***Кудзеяраў калодзеж*** – старадаўні калодзеж паблізу сядзібы, з якім звязана мноства паданняў (*Яны прыйшлі да* ***Кудзеярава калодзежа****, і Леў Мікалаевіч расказаў пра тое месца, дзе некалі быў абрабаваны купец, які ехаў у Тулу*); ***Заказ*** (Стары Заказ) – лясны масіў, дзе знаходзіцца магіла Л. Талстога і, паводле сямейнай легенды, захавана *зялёная палачка*, якая ўтрымлівае сакрэт агульнага шчасця.

Трэба адзначыць, што прасторава-часавую арганізацыю аповесці «Крыж на зямлі і поўня ў небе», яе гісторыка-культурны фон значна дапаўняюць назвы дваранскіх маёнткаў і сядзіб, дзе нярэдка збіралася творчае асяроддзе інтэлігенцыі, ператвараючы іх у мясцовыя культурныя цэнтры. Акрамя ўжо названай дачы В. Бялыніцкага-Бірулі ***«Чайка»***, гэта ***Горка*** – маёнтак Турчанінавых, ***Кастравіцкае*** – маёнтак мастака А. Венецыянава, ***Пажынкі*** – маёнтак мастака І. Галкіна ў Цвярской вобласці Расіі. Гэтыя назвы валодаюць значнай экстралінгвістычнай інфармацыяй і культурнымі канатацыямі. Напрыклад, *Горка* непасрэдным чынам звязана з біяграфіямі і творчасцю мастакоў І. Левітана, В. Бялыніцкага-Бірулі, А. Маравава, М. Багданава-Бельскага, С. Жукоўскага, пісьменніка А. Чэхава.

Такім чынам, увядзенне назваў мікратапанімічных аб'ектаў ў анамастычную прастору мастацкіх тэкстаў дазваляе разглядаць іх не толькі ў якасці сродкаў рэалізацыі прасторва-часавай мадэлі рэчаіснасці, але і адлюстравання нацыянальна-культурнай спецыфікі твораў, што ў сваю чаргу падкрэсліваецца іх жанрава-тэматычнай накіраванасцю. Акрамя гэтага мастацкае асэнсаванне падобных тапанімічных адзінак, канатацыйна насычаных і ўзбагачаных эмацыйнымі прырашчэннямі, што апасродкаваны ўласнымі аўтарскімі перажываннямі, адпавядае ідэйна-мастацкай задуме твораў і фарміруе агульны гісторыка-культурны фон дзеяння.

Літаратура

1. Адамовіч, Я.М. Мікратапанімічныя назвы / Я.М. Адамовіч; пад рэд. Ф.Янкоўскага. – Мн.: Выш. шк., 1971. – 112 с.
2. Беларуская міфалогія: энцыкл. слоўн. / С. Санько [і інш.] ; склад. І. Клімовіч; рэдкал.: С. Санько (навук. рэд.) [і інш.]. – 2-е выд., дап. – Мн.: Беларусь, 2006. – 599 с.
3. Мерзлякова, А.В. Классификация топонимов и их роль в романах Б. Вербера и Ф. Бегбедера / А.В. Мерзлякова // Вестн. Нижегор. гос. лингв. ун-та им. Н.А. Добролюбова. – 2013. – Вып. 22. – С. 89–98.
4. Рогалев, А.Ф. Имя и образ: художественная функция имён собственных в литературных произведениях и сказках / А.Ф. Рогалев. – Гомель: Барк, 2007. – 223 с.
5. Слоўнік мікратапонімаў Магілёўшчыны / М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, УА «Магілёўс. дзярж. ун-т імя А. А. Куляшова» ; склад.: С.В. Клімуць [і інш.]. – Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2004. – 208 с.
6. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская; отв. ред. А.А. Реформатский. – Изд. 3-е, испр. – М.: URSS: Либроком, 2009. – 366 с.
7. Фонякова, О.И. Имя собственное в художественном тексте: учеб. пособие / О.И. Фонякова; Ленингр. гос. ун-т. – Л.: ЛГУ, 1990. – 104 с.

Крыніцы

1. Карамазаў, В. Антон: аповесць-эсэ ў стылі рэтра / В. Карамазаў. – Мінск: Про Хрысто, 2006. – 67 с.
2. Карамазаў, В. Брама: аповесць / В. Карамазаў. – Мінск: Кнігазбор, 2006. – 135 с.
3. Карамазаў, В. Выбраныя творы / В. Карамазаў ; прадм. А. Бараноўскага. – Мінск: Кнігазбор, 2013. – 577 с. – (Беларускі кнігазбор. Сер. 1, Мастацкая літаратура).
4. Карамазаў, В. Крыж на зямлі і поўня ў небе: эскізы, эцюды і споведзь Духу, альбо Аповесць-эсэ жыцця жывапісца і паляўнічага Бялыніцкага-Бірулі / В. Карамазаў. – Мінск: Юнацтва, 1991. – 204 с.
5. Карамазаў, В. Пад крыжам : кн. прозы / В. Карамазаў. – Мінск: Кнігазбор, 2017. – 143 с. – (Бібліятэка Саюза беларускіх пісьменнікаў «Кнігарня пісьменніка»; вып. 100).

Н.Д. Стрельникова
Санкт-Петербургский государственный
электротехнический университет «ЛЭТИ» имени В.И. Ульянова
e-mail: tashastrel@mail.ru

УДК 81:821.161.1

Модели обращения к именам собственным в современной русской прозе

Ключевые слова: *литературная ономастика, семантика имени, антропонимы, интертекстуальность, современная русская литература.*

В статье рассмотрены варианты обращения с именами собственными в русской прозе XXI века.

N.D. Strelnikova
Saint -Petersburg Electrotechnical University “LETI”

Models of referring to proper names in modern Russian prose

Key words: *literary onomastics, name semantics, anthroponyms, intertextuality, modern Russian literature.*

The article considers options for dealing with proper names in Russian prose of the 21st century.

Выбор имени героя, номинация персонажей художественного произведения редко бывает случайной и всегда интересна для исследователя с точки зрения семантики. Так называемые «говорящие фамилии» в русской классической литературе, начиная с Фонвизина, были значимы всегда. Рассмотрим на нескольких примерах модели использования антропонимов в произведениях современных русских прозаиков – Е. Водолазкина, З. Прилепина, Р. Сенчина, С. Кузнецова, Д. Быкова, С. Щепотьева.

Особая роль принадлежит семантике собственных имен в романе Е. Водолазкина «Авиатор» (2016). Имена всех главных героев – это Иннокентий, Анастасия, Зарецкий – семантически нагружены. «Отчасти эти “говорящие имена” являются важной составляющей “петербургского текста”, в котором значимым становится буквально все [4, 267]. О том, как конкретно семантика имен проявляется в романе, подробно рассказывается в указанной выше статье. «Авиатор» [9] не единственное произведение Е. Водолазкина, в котором имя собственное обозначает больше, чем просто имя.

Так, например, в двухактной пьесе «Сестра четырех» (2020), написанной во время пандемии и о пандемии, в центре повествования – четыре пациента инфекционной больницы имени Альбера Камю, что естественно отсылает к философскому роману-притче «Чума» (1947), являющемуся одним из претекстов и заставляющему вспомнить Великую

эпидемию Чумы в XX веке, сравнить и извлечь уроки. Среди героев пьесы – Фунги, Писатель, Депутат, Доктор, Психиатр, Полицейский, Медицинская сестра – только один, Фунги, имеет имя, впрочем, более чем странное. В конце пьесы оказывается, что у Сестры, она и есть *Сестра четырёх* пациентов клиники, тоже есть имя, но она является самым непредсказуемым героем, несколько раз на протяжении небольшой двухактной пьесы меняющейся и предстающей в разных обличиях. В центре пьесы – четыре пациента одной палаты, конкретные типажи конкретного социума в конкретное время. «А ведь правда: вроде бы попали сюда по чистой случайности, иначе говоря, непреднамеренно. Вместе с тем, представляем, как говорится, разные сферы общества: медицину, культуру, власть …, – делится своими наблюдениями Депутат и запинается, как обозначить социальное положение Фунги. – И пищевую промышленность, блин!» [10, 46] – подсказывает развозчик пиццы. Символически четыре пациента палаты представляют российское (хотя в эпоху глобализации совершенно не важно) общество эпохи пандемии: интеллигенция (Писатель), современное чиновничество, представляющее власть (Депутат), представитель народа (Фунги) и герой нашего времени, ибо главной фигурой во время эпидемий является, несомненно, врач, т.е. Доктор. Все персонажи названы абстрактно и только один имеет имя. Герой объясняет, почему его так странно зовут: «с детства ее любил, у меня и кликуха была – Фунги» [10, 15]. Многие имена и фамилии героев в романах Водолазкина несут символическую семантическую нагрузку [4]. «Фунги – это сорт пиццы <…> с грибами» [10, 14]. Тридцатипятилетний герой действительно занимается доставкой пиццы, но имя значит больше. *Fungi* на латыни и есть грибы как царство живой природы. Грибы обладают признаками растений и животных, до сих пор мало изучены и являются одними из самых таинственных организмов на земле [2]. Конечно, Фунги, как четвёртый, а вернее, первый представитель определённой социальной группы, позволим себе предположить, олицетворяет собой народ, огромную стихийную народную массу, непредсказуемую и сложно классифицируемую. Именно этому герою принадлежит ведущая партия в разговорах и поворотных сюжетах пьесы.

Другой принцип обращения с именами собственными демонстрирует Захар Прилепин. Главного героя романа «Обитель» [12] (2014) зовут Артем Горяинов. Эта фамилия кажется знакомой, потому что созвучна с фамилией Горянчиков. Александр Петрович Горянчиков является главным героем «Записок из Мёртвого дома» Ф.М. Достоевского. От лица этого героя написан очерк о русской каторге, с которого начинается жанр «лагерной прозы». Достоевский стал первым русским писателем, прошедшим через ад острога и написавшим об этом опыте в очерковой прозе «Записки из Мёртвого дома» (1860–1962). Именно Достоевский открыл русскому читателю неведомую доселе страницу русской жизни, создав интереснейший человеческий документ – свидетельство очевидца. Совпадение, конечно, не случайно и логично. Правда, Горянчиков и Горяинов совсем не похожи. Скорее, герой Прилепина – сильный, но неуравновешенный, сотканный из противоречий, молодой человек лет 27, из Москвы, студент, бунтарь и индивидуалист, напоминает героя Ф.М. Достоевского из романа «Преступление и наказание». На протяжении романа Артем совершает разные, иногда взаимоисключающие друг друга поступки, рефлексирует. Артём и ничтожен, и благороден одновременно, и нежен, и жесток.

Фамилия героя выбрана удачно, так как допускает двойное толкование. С одной стороны, она ассоциируется и связывается со словами *горе, горевать, горючий, горький*, с другой, – *горячий, горящий*. Герой разрываем внутренними противоречиями, что символически выражено в звучании фамилии. И снова что-то напоминает. Итак, студент, 27 лет от роду из Москвы убил топором кухарку и прачку, за что был осуждён. Из этой газетной заметки, наравне с другими составляющими, вырос роман «Преступление

и наказание», главным героем которого является недоучившийся студент Родион Раскольников. Артём Горяинов, изначально совсем не похожий на Горянчикова, но имеющий черты сходства с Раскольниковым, к финалу романа начинает приближаться к типологическому типу Горянчикова, начинает сливаться с другими лагерниками, становится не выразительным, молчаливым, обыкновенным. Он, больше, чем Горянчиков, сломлен, духовно и физически. Так, в герое романа «Обитель» объединяются черты таких разных героев Ф. М. Достоевского, как Горянчиков и Раскольников.

Часто антропоним выносится автором в заглавие. В романе, написанном раньше и вызвавшем бурную дискуссию, антропоним – символ вынесен в заглавие. Это трагический роман Р. Сенчина «Елтышевы» (2009) о деградации семьи. Жуткая хроника распадения и уничтожения семьи, уехавшей в российскую деревню, описана Сенчиным лаконично и детально одновременно. Елтышевы проходят все стадии отчаяния от раздражения и озлобленности, через осознание собственного бессилия и апатию, спасаясь от тоски разведённым спиртом, до полного равнодушия и бесчувствия и, в конечном итоге, гибели. Одичание героев происходит постепенно и незаметно. Род Елтышевых за какие-то три с небольшим года вымрет на корню, последний из рода, сын Артёма, Родя, будет носить другую фамилию.

Старший сын, Артём, внешне крепкий и здоровый, но инфантильный, вялый, безвольный, мысленно называет себя «недоделанным». Его отец, Николай Михайлович, как пишет автор, «не имел особенных увлечений, жил как-то все по обязанности, а не для души» [13, 18], мать, Валентина, вырвавшись в юности из деревни, стала библиотекарем в районной библиотеке, но выбрала профессию «не из интереса к библиотечному делу: казалось, что там будет лучше» [13, 25], и замуж вышла не по любви, а потому что так надежнее. Всю семью Елтышевых стоит назвать «недоделанными», о чём «кричит» фамилия [6]. В словаре В.И. Даля «ЕЛТЫ’Ш – м. *прм. сиб*. чурбан, отрубок; соловарные кругляки. ***Елтышныя, елтышевыя*** дрова, кругляковыч, неколотыя» [1, 518]. Символически в фамилии отражена судьба.

«Учитель Дымов» [11] называется роман Сергея Кузнецова (2017), но так и хочется сказать *Доктор Дымов*, так как эта фамилия принадлежит герою чеховского рассказа «Попрыгунья», в котором Осип Иванович Дымов – талантливый врач. Его жена, Ольга Ивановна, Оленька не называет своего мужа иначе, чем Дымов. Судьба героев Кузнецова не столь трагична, как в рассказе Чехова, но аллюзии с этим рассказом возникают не только из-за фамилии *Дымов.* Жену главного героя, Владимира Дымова тоже зовут Ольга, Оленька ее также обожает муж и она также очень далека от науки, которой тот увлечен, она красива и притягательна, небезразлична к красивым вещам и нарядам. Имя главного героя романа Кузнецова – Владимир, впрочем, и Валерий – его сын, и Андрей – его внук, все они – Дымовы и Учителя, Учитель с большой буквы, в прямом и великом значении этого слова. Каждого из Дымовых можно назвать подвижником, тружеником, апологетом выбранной профессии, и именно в этом смысле все они являются в символическом смысле достойными продолжателями и преемниками образа Дымова, запечатленного Чеховым в рассказе «Попрыгунья».

Прием языковой игры, основанный на изменении известных фамилий, реконструкции через разрушение слоговой структуры или через аллюзии, используется Д. Быковым в романе «Орфография» [8], написанном в 2003 г. В этой книге А.В. Луначарский остроумно и причудливо трансформируется в Чарнолуского в результате рокировки слогов и корней, изменившей звукослоговую структуру антропонима. С. Есенин превращается в Несеина, а В. Маяковский путем замены корня из слов той же тематической группы – в Корабельникова. Е.А. Красина подробно пишет о «текстонимах, реализующих стилеобразующую функцию художественного текста» [3, 236] в романе Д. Быкова, и приходит к выводу о том,

что персонажи романа, будь то исторические и вымышленные, «все они являются текстонимами, средствами создания языковой игры, аллюзий, создающими образность романа, а потому – своеобразными эстетическими знаками» [3, 239].

Подобным образом апеллирует к именам русских классиков петербургский писатель С. Щепотьев. Конечно, и автор, и его роман-эпопея «Преданья русского семейства» [14] не столь известны, как Д. Быков и его произведения, хотя и написан роман раньше (2000 г.). Шепотьев описывает сцену поминок Н. Станкевича, на которые являются известные русские писатели, с помощью приема языковой игры, как и Быков. Весь роман С.И. Щепотьева полон многочисленными реминисценциями и литературными аллюзиями [5], но в указанном эпизоде собственные имена литературных деятелей второй половины XIX века подвергаются следующей реконструкции. Фамилию Кармагенев получает И.С. Тургенев, Н.А. Некрасов превращается в Прикрасова, Ф.М. Достоевский – в Достославского, Гоголь становится Голь-Трояновским, А. Кольцов – Удальцовым, Белишевский получился в результате слияния фамилий двух известных критиков – Белинского и Чернышевского, Ап. Григорьев в романе – это Бельведерский, Ямщиков-Кудрин – Салтыков-Щедрин, а А.Н. Островский становится Архипелаговым [7, 597–598].

Таким образом, подытоживая изложенное выше, резюмируем. Принцип так называемых «говорящих фамилий», традиция, идущая от классицизма, наследуемая реализмом, сохраняется и в современной русской литературе, однако реализуется этот принцип разными авторами по-разному. В рамках данной статьи мы вынуждены были выбрать лишь несколько книг из ряда многих и остановились на шести произведениях современной русской прозы, в которых семантика антропонимов проявляется наиболее интересно.

Литература

1. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – М.: Рус. яз., 1998. Т.1. – 699 с.
2. Дьяков, Ю. Грибы: самая загадочная группа существ на земле [Электронный ресурс]. – Режим доступ: https://www.svoboda.org/a/442417.html. – Дата доступа: 20.01.2021.
3. Красина, Е.А. Личные имена в романе Д. Быкова «Орфография»: персонажи и прототипы / Е.А. Красина // Региональная Ономастика: проблемы и перспективы исследования: сб. науч. ст. / под науч. ред. А.М. Мезенко. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. – С. 236–239.
4. Стрельникова, Н.Д. Семантика антропонимов в романе Е. Водолазкина «Авиатор» / Н.Д. Стрельникова // Региональная Ономастика: проблемы и перспективы исследования: сб. науч. ст. / под науч. ред. А.М. Мезенко. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. – С. 266–271.
5. Стрельникова, Н.Д. Роман С.И. Щепотьева «Преданья русского семейства». Жанр, композиция, интертекстуальность / Н.Д. Стрельникова // Аксиологический диапазон художественной литературы: сб. ст. / Под науч. ред. В.Ю. Боровко, О.В. Лапатинской. – Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2017. – С. 243–246.
6. Стрельникова, Н.Д. Чеховские мотивы в романе Р. Сенчина «Елтышевы» / Н.Д. Стрельникова // Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе: сб. науч. тр. по материалам VI Междунар. науч.-метод. конф., 26-27 октября 2017 г. – СПб.: Горный ун-т. 2017. – С. 220–224.
7. Лимба, Т. Комментарий к третьей книге «Преданий русского семейства» / Т. Лимба // Щепотьев, С.И. Преданья русского семейства / Сергей Щепотьев. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2016. – С. 597–598.

Источники

8. Быков, Д.Л. Орфография. Опера в трех действиях / Д.Л. Быков. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. – 682 с.
9. Водолазкин, Е.Г. Авиатор / Е.Г. Водолазкин. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016. – 410 с.
10. Водолазкин, Е.Г. Сестра четырёх: пьесы / Е.Г. Водолазкин. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. – 318 с.
11. Кузнецов, С.Ю. Учитель Дымов / С.Ю. Кузнецов. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. – 413 с.
12. Прилепин, З. Обитель / З. Прилепин. –М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – 746 с.
13. Сенчин, Р.В. Елтышевы / Р.В. Сенчин. – М.: Эксмо, 2013. – 320 с.
14. Щепотьев, С.И. Преданья русского семейства / С.И. Щепотьев. – СПб: Изд-во Политехн. ун-та, 2016. – 600 с.

О.В. Шеверинова
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: olsheverinova@yandex.ru

УДК 811.112.2’373.23-115

Прозвища в художественном ономастиконе произведений Г. Бёлля

Ключевые слова: *художественный антропоним, однокомпонентные прозвища, поликомпонентные прозвища, семантические группы, социопрагматическая информативность.*

В статье представлены отдельные значимые результаты собственного диссертационного исследования, которые не были опубликованы ранее. Целью данной статьи является выявление структурных особенностей, специфики семантической наполняемости и социопрагматической информативности исследуемых прозвищных единиц, функционирующих в художественных произведениях Г. Бёлля. Установлено, что высокая степень реализации социопрагматической составляющей прозвищ проявляется в однокомпонентных именованиях. В художественных текстах автора фиксируются прозвища, мотивированные названием профессии или рода деятельности, отражающие внешние качества человека, особенности поведения и привычки человека, особенности речи и социальное положение.

O.V. Sheverinova
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

Nicknaming practice in H. Böll’s creative work

Key words: *literary anthroponym, multicomponent-nicknames, one-component nicknames, semantic groups, social- and pragmatic information in nicknames.*

The article discusses the findings of the PhD thesis not published yet. The given article deals with the description of the structural, semantic, and social-pragmatic peculiarities of the nicknaming practice in H. Böll’s creative work. It is concluded that one-component nicknames develop the tendencies for representing more social-pragmatic information than multicomponent ones. The nickname practice is based on the following features: the character’s position or occupation, personal skills, behavior, speech, habits, social status as well.

К прозвищам мы относим неофициальные антропонимные единицы, возникновение которых мотивировано индивидуализирующими качествами и характеристиками человека, связано со спонтанными речевыми процессами и определенными коммуникативными ситуациями, относящимися к неофициальному межличностному общению, и которые, как следствие, выполняют характеризующую, эмоционально-экспрессивную и оценочную функции. При этом прозвища, являющиеся составной частью художественного ономастического пространства, особенно ярко демонстрируют национально-культурное своеобразие неофициальных межличностных отношений, существующих между представителями того или иного лингвокультурного сообщества. Обращение к изучению таких единиц наряду с антропонимами, образующими официальную именословную систему, позволяет смоделировать социальное и национально-культурное пространство художественной реальности, которое может быть тождественно или даже шире объективной реальности, что и предопределяет актуальность предпринятого исследования.

Целью данной статьи является выявление структурных особенностей, специфики семантической наполняемости и социопрагматической информативности исследуемых прозвищных единиц, функционирующих в художественных произведениях Г. Бёлля.

Объектом исследования выступают контекстные единицы, представленные антропонимическим разрядом «прозвище». Фактический материал составили прозвища, выделенные методом сплошной выборки из художественных произведений автора, в частности: «Wo warst du, Adam?», «Billard um halb zehn», «Haus ohne Hüter», «Ansichten eines Clowns».

Анализ структурной организации корпуса прозвищ, функционирующих в анализируемых произведениях Г. Бёлля позволяет классифицировать их в творчестве автора на:

1) однокомпонентные – *Heilige, Kotzer, Schußfeld, Wackes*; *Großfürstin, Doppelwitwe*;

2) поликомпонентные – *der Herr mit dem Paprikakäse, Schußfeld-Otto, Lamm Gottes, Nachschlag-Karl, Neues-Leben-Karl*; *ausgebüchste Nonne.*

Состав однокомпонентных единиц представлен отапеллятивными прозвищами, которые в свою очередь в рамках контекстного функционирования репрезентируют высокую степень оценки и эмоционального отношения к именуемому.

Так, например, мотивом возникновения прозвища учителя физкультуры в романе Г. Бёлля «Billard um halb zehn» *Wackes*, в основе которого лежит апеллятив Wackes ‘олух, болван’, послужили ассоциативные связи, возникающие у учеников между звуковой формой его фамилии – *Wakiera* (Вакира), именем нарицательным Wackes и следующими привычками, негативно воспринимаемыми его подопечными: *<…> er sah melancholisch aus, war dicklich, stand im Ruf, Knaben platonisch zu lieben, mochte gern Sahnekuchen und träumerisch süße Filme <…> seine Lieblinge Jüngelchen, die anderen Bengels nannte* [3, 44] / *<…> он выглядел меланхолично, был толстым, говорили, что он питает платоническую любовь к мальчикам, обожал пирожные со взбитыми сливками и слащаво сентиментальные фильмы <…> называл своих любимцев «мальчишечками», а остальных – «сорванцами».* Таким образом, рассматриваемое прозвище, возникшее на основе апеллятива с ярко выраженной экспрессивной маркированностью, сохраняет в полном объеме соответствующие характеризующую и оценочную семы, что наделяет такую номинативную единицу максимальной эмоционально-экспрессивной окрашенностью.

Корпус поликомпонентных прозвищ сформирован онимизированными словосочетаниями. По своей социопрагматической информативности они схожи с односоставными отапеллятивными прозвищами, но отличаются менее яркой экспрессией в силу того, что данные номинативные единицы демонстрируют не один выделительный признак именуемого по особой маркированности, а указывают на несколько характеризующих черт.

Например, прозвище *der Herr mit dem Paprikakäse*, принадлежащее главному герою романа «Billard um halb zehn» Роберту Фемелю, заключает в себе категориальный признак der Herr ‘человек, мужчина’ и характеризующую сему Paprikakäse ‘сыр с паприкой, перченый сыр’, к которой добавляется оценочная сема, выражающая эмоциональное отношение к объекту именования. Данное отношение возникает из-за необычности привычек во вкусовых пристрастиях его обладателя:

– *Guten Morgen,* ***der Herr.*** *Frühstück?*

– *Ja, bitte, – sagte ich. <…> Ein Kännchen Kaffee, aber mit drei Tassen Kaffee, bitte, Toast, zwei Scheiben Schwarzbrot, Butter, Orangenmarmelade, ein gekochtes Ei und* ***Paprikakäse.***

– ***Paprikakäse?***

– *Ja,* ***Rahmkäse mit Paprika*** *angemacht.*

– *Sehr wohl.*

– ***Paprikakäse?*** *– fragte der Koch hinterm Schalter.*

– *Ja, sagte der Kellner,* ***Rahmkäse mit Paprika.***

– *Frag den Herrn, wieviel Paprika er im Käse haben will.*

*<…> nach zwei Tagen schon war ich «****Der Herr mit dem Paprikakäse****»* [3, 86].

– *Доброе утро, господин. Завтрак?*

– Да, пожалуйста, – сказал я (Роберт Фемель – примеч. О.Ш.) <…>. *–Небольшой кофейник, но на три чашки кофе, пожалуйста, тост, два ломтика черного хлеба, масло, апельсиновый джем, вареное яйцо и* ***сыр с паприкой.***

– ***Сыр с паприкой?***

– Да, ***сливочный сыр, приправленный красным перцем.***

– Слушаюсь.

– ***Сыр с перцем?*** *– переспросил в окошке повар.*

– Да, – сказал официант, – сливочный сыр с паприкой.

– Спроси господина, сколько он хочет перца в сыре.

*<…> уже два дня спустя я был «****господином с перченым сыром****».*

Следует отметить также, что личное имя, входящее в состав поликомпонентного прозвища (например, *Schußfeld-**Otto**, Nachschlag-**Karl*** и др.) в художественном ономастиконе произведений Г. Бёлля, представлено его официальной формой и обладает незначительной социопрагматической информативностью, а характеризующая и оценочная семы концентрируются во втором компоненте, являющемся онимизированным апеллятивом.

При анализе семантики прозвищных именований нами учитывались контекст и авторский комментарий, содержащий информацию об обстоятельствах возникновения и употребления прозвищ. В силу этого на основе семантических доминант (см. подробнее Т.Г. Чайко, В.А. Флоровской [2]) прозвища, функционирующие в произведениях Г. Бёлля, были классифицированы нами на следующие семантические группы:

1. Прозвища, мотивированные названием профессии или рода деятельности: *Heilige* ← Heilige ‘святой’ (так называли прихожане священника Святого Аббатства в романе «Wo warst du, Adam?»: *Der Pfarrer wurde im Volk der «Heilige» genannt, es war ein milder, etwas törichter Mann, der gelegentlich sehr streng aussehen konnte: weißhaarig schon und alt, und von Musik verstand er nichts* [5, 51] / *Приходского священника в народе прозвали «святым», это был кроткий, глуповатый человек, который при случае мог напустить на себя строгий вид: уже седой и старый, и ничего не понимающий в музыке.*

2. Прозвища, отражающие внешние качества человека: *Lamm Gottes* ‘Агнец Божий’ (Агнец Божий представляет собой символическое именование Иисуса Христа в Новом Завете [1]). В романе «Billard um halb zehn» данное прозвище получил еще в школьные времена юноша-швейцар по имени Гуго за свою необычную внешность, которую одна из постоянных клиенток отеля описывает следующим образом: *Ist er noch da, das Jüngelchen mit dem Ministrantengesicht, der schmale und so blasse, rotblonde, der immer so ernsthaft dreinblickt?* [3, 25] / *Он все еще здесь, мальчонка с лицом церковного служащего, такой худенький и бледный, рыжеватенький, у которого еще всегда такой серьезный вид?* Характеристика внешности героя порождает определенный комплекс ассоциаций с каноническим образом Иисуса Христа, запечатленным в иконографии раннего периода (худощавый юноша с длинными каштановыми волосами и серьезным не по возрасту взглядом [1]). При этом функционирование данного именования сопровождается негативной экспрессией, т.к. «инициаторами» возникновения данного прозвища выступали одноклассники мальчика, которые приняли так называемое «причастие буйвола». Они являлись сторонниками жестокости, насилия и бесконтрольной власти, объединенные мнимой целью борьбы за справедливость: *<…> und sie schlugen mich wieder, riefen mich Lamm Gottes, und meine Mutter betete ihre endlose, schreckliche Litanei: Wozu?* [3, 69] / *<…> и они опять били меня, называя «Агнцем божьим», а моя мать все повторяла свою бесконечную и ужасную литанию: «Зачем?».*

3. Прозвища, отражающие особенности поведения и привычки человека: *Kotzer* ← kotzen ‘тошнить’ (прозвище *Kotzer* было дано мальчику из-за того, что его постоянно тошнило от обилия жирной пищи, которую ему заказывала бабушка, любившая вкусно и сытно покушать и считавшая, что ее внука дома плохо кормят: *Unermüdlich aber schleppte ihn die Großmutter mit, und längst schon kannte ihn der Geschäftsführer, kannten ihn Büffetmädchen und Kellner, und er hatte ganz genau gehört, was sie flüsterten:*

«Die Großfürstin mit dem Kotzer» [4, 130] / *Но бабушка упорно таскала его с собой, и давным-давно его уже знал и хозяин, и буфетчица, и официанты, и однажды он четко услышал, как они перешептываются: «Великая княгиня со своим блевуном»*); *der Herr mit dem Paprikakäse* ‘господин с перченым сыром’ (см. выше); *Nachschlag-Karl* ← Nachschlag ‘добавка, дополнительный паек’ (герой по имени Карл был служащим, которому на работе в обед выдавали суп, часть которого в термосе он приносил домой. Его специфический запах распространялся на всю комнату, где жил Карл вместе со своей семьей. Его пасынок ненавидел этот запах, а еще больше – самого отчима, поэтому и прозвал его *Nachschlag-Karl* ‘добавка-Карл’: *Der Geruch, der zu Karl gehörte, war der Geruch von Suppen, die den städtischen Angestellten zu günstigen Bedingungen verabreicht wurden: Die Suppen wie sie auch im einzelnen genannt werden mochten, ob sie fett oder süß waren, alle Suppen rochen nach Thermophor und nach Viel. Karl brachte täglich in einem alten Heereskochgeschirr die Hälfte seiner Portion mit, manchmal mehr, wenn er an der Reihe gewesen war, den Nachschlag zu bekommen; <…> er war, der «Nachschlag»-Karl, der Karl, des sein Wappengeruch der Geruch der Suppe für städtische Angestellte war…* [4, 17; 75] / *Запахом Карла был запах супов, которые отпускались городским служащим на льготных условиях; супы, как бы они ни назывались, жирные они были или сладкие, от всех супов пахло термосом и изобилием. Карл ежедневно приносил в старой солдатской посуде половину своей порции, иногда и больше, когда подходила его очередь получать дополнительную порцию <…> он был «Карл–дополнительный паек», тот Карл, от которого пахло супом из столовой для городских служащих...*); *Wackes* ‘олух, болван’ (см. выше).

4. Прозвища, отражающие особенности речи (возникли от слов или выражений, часто употребляемых обладателем прозвища): *Neues-Leben-Karl* ← *neues Leben* ‘новая жизнь’: *Heinrich nannte ihn in seiner Erinnerung nur »Neues-Leben-Karl«, denn dieses Wort sprach Karl täglich mehrmals aus* [4, 16] / *В своих воспоминаниях Генрих называл его «Карл–новая жизнь», потому что эти слова Карл повторял двадцать раз на дню*; *Schußfeld*; *Schußfed-Otto* ← *Schußfeld* ‘сектор обстрела’: *Und am Schluß des Krieges war ich einem General unterstellt, der hatte nur ein Wort im Kopf: Schußfeld* [3, 71] / *А в конце войны я служил под началом генерала, который знал только единственное слово: сектор обстрела.*

5. Прозвища, отражающие социальное положение человека: *ausgebüchste Nonne* ‘сбежавшая монашка’ (героиня, которая часть своей жизни провела в монашеской общине;); *Doppelwitwe* ‘женщина, ставшая два раза вдовой’; *Großfürstin* ‘Великая Княжна’.

Первые два прозвища именуют одну и ту же героиню романа «Haus ohne Hüter»: *Zuerst war sie Nonne gewesen, aber dann hatte sie geheiratet, der Mann war gestorben, und sie hatte noch einmal geheiratet, und wenn die Großmutter Streit mit ihr hatte, sagte sie, «du ausgebüchste Nonne» und «du Doppelwitwe»* [4, 137] / *Сперва она была монашкой, потом вышла замуж, муж умер, и она опять вышла замуж, и когда бабушка ругалась с ней, она называла ее «сбежавшая монашка» и «дважды вдова».* Следует отметить, что в прозвище *ausgebüchste Nonne* наличие определения *ausgebüchste* ‘сбежавшая’ наделяет его определенной негативной оценкой.

Мотивом возникновения прозвища *Großfürstin* послужила манера его обладательницы «сорить деньгами», что предопределяет также отрицательную коннотацию данного прозвища: *Viel von dem geheimnisvollen Etwas, das Geld hieß, wurde bezahlt* [4, 130] / *За все это расплачивалась* (она – прим. О.Ш.) *большими дозами таинственного вещества, называемого деньги.*

Таким образом, высокая степень выразительно-образной составляющей в семантике прозвищ проявляется в однокомпонентных именованиях. Меньшим эмоциональным потенциалом обладают в произведениях Г. Бёлля поликомпонентные прозвища с элементом «личное имя» в официальной форме, которой не свойствен характеризующий и оценочный фон. При этом функционирующие в творчестве Г. Бёлля прозвища, высту-

пают своеобразным результатом восприятия другими действующими лицами индивидуальных отличительных особенностей персонажей и «сигнализируют» об их оценке и эмоциональном отношении окружающих к их носителям, что позволяет смоделировать в художественном тексте необходимый экспрессивный фон в соответствии с идейно-концептуальным авторским замыслом.

Литература

1. Агнец Божий / Православная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravenc.ru/text/63318.html. – Дата доступа: 22.01.2022.
2. Вальтер, Х. Большой словарь русских прозвищ / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – М.: Олма Медиа Групп, 2007. – 704 с.

Источники

3. Böll, H. Billard um halb zehn / H. Böll. – 4. Aufl. – Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1996. – 305 S.
4. Böll, H. Haus ohne Hüter / H. Böll. – München: Deutsch. Taschenbuch Verl. GmbH & Co. KG, 1981. – 266 S.
5. Böll, H. Wo warst du, Adam? / H. Böll. – Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1989. – 232 S.

Л.И. Шевцова
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: lish.vit@gmail.com

УДК 81’42:821.161.1-3

Заглавие как интертекстуальный код произведений Л. Улицкой

Ключевые слова: *интертекстуальный код, заглавия-цитаты, заглавия-аллюзии, претекст.*

В статье заглавие рассматривается как важный элемент художественной структуры произведений Л. Улицкой, являющийся интертекстуальным кодом, то есть отсылающим к текстам, уже существовавшим в литературе, претекстам. Выделяются заглавия-цитаты и заглавия-аллюзии. Показывается, как отсылка заглавий к претекстам помогает выявить смыслы, имеющиеся в произведении.

L.I. Shevtsova
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

The title as an intertextual code in the works of L. Ulitskaya

Key words: *intertextual code, titles -citations citation, titles-allusions, pretext.*

The article considers the title as an important element of the artistic structure of L. Ulitskaya's works, which is an intertextual code, that is, referring to texts that already existed in literature, pretexts. Titles-citations and titles-allusions are distinguished. It is shown how the reference of titles to pretexts helps to reveal the meanings of the work.

Заглавие является важным элементом художественной структуры произведения, относящееся к так называемому «рамочному тексту». Заглавие полностью принадлежит высказыванию автора, создателю произведения, в отличие от самого текста художественной литературы, в котором автор делегирует высказывания различного рода повествователям (в нарративных текстах), лирическим субъектам или персонажам драмы.

Современный уровень полноценного прочтения произведений художественной литературы предполагает, что читатель, реципиент, готов к дешифровке присутствующих

в нем интертекстуальных кодов, которые могут быть в разной степени интегрированы в ткань художественного полотна. Читатель, включенный в такой текст, ставит своей задачей реализовать собственный культурный потенциал и привести в движение, заставить «заговорить» те коды, те элементы интертекста, которые выступают в роли конструктивного текстообразующего фактора.

Известно, что заглавие произведения художественной литературы является сильной позицией текста. Некоторые произведения Л. Улицкой явно отсылают к претекстам, настраивают читателя на внутритекстовый дискурс, провоцируют на выявление (реконструкцию) заключенных в нем кодов. Таких названий в творчестве писательницы достаточно для того, чтобы отметить их как авторский способ обозначить интертекстуальные намерения.

Так, мы обнаружили:

– *заглавия-цитаты* (рассказы «Пиковая дама», «Старший сын», главы из романа «Зеленый шатер» – «Дети подземелья», «Демоны глухонемые»);

– *заглавия-аллюзи* (роман «Медея и ее дети», рассказы «Большая дама с маленькой собачкой», «Женщины русских селений», «Они жили долго…», «…И умерли в один день…», «Москва – Подрезково. 1992», «Лялин дом», пьеса «Русское варенье»).

Природа мультикультурализма предполагает наличие разных «текстов», вступающих в диалог друг с другом. Этот диалог может осуществлятся на разных условиях. Это может быть условие *договоренности и, следовательно, цитации, тиражирования смысла*. Это может быть *внутренняя конфликтность, а значит, разрушение, изменение смысловой амбивалентности*. Улицкая использует обе дискурсивные модели, однако чаще всего в ее произведениях присутствует вторая модель.

Эффект обманутого читательского ожидания можно обнаружить в рассказах «Женщины русских селений», «Они жили долго…», «…И умерли в один день…», «Лялин дом», «Большая дама с маленькой собачкой», «Москва – Подрезково. 1992». В этих произведениях данный интертекстуальный прием автору, скорее всего, необходим для создания художественной модели постсоветской действительности. Отсылая читателя к известным текстам Н. Некрасова («Мороз Красный Нос»), истории о святых Петре и Февронии Муромских, С. Маршака («Кошкин дом»), А. Чехова («Дама с собачкой»), В. Ерофеева («Москва – Петушки»), писательница заставляет его анализировать характеры и ситуации людей, живущих в современной России или волею судьбы оказавшихся за ее пределами.

Так, три современные женщины «русских селений» (рассказ «Женщины русских селений») собираются в Нью-Йорке у одной из подруг, которая осела в этом городе. Несмотря на то, что встреча происходит в одном из мегаполисов Америки, эта встреча являет собой модель кухонных посиделок, сложившуюся в Советском Союзе 1960-х – 1970-х годов, с наспех накрытым столом (важна не форма, а содержание), с задушевными разговорами, выпивкой, когда «встречались на <…> кухне, выкуривали по пачке «Явы», исповедали друг другу привычно все мысли и дела, грехи вольные и невольные…» [2, 175].

Некрасовский портрет «женщин русских селений» хорошо известен, это «тип величавой славянки», крестьянки, красавицы, «миру на диво». Казалось бы, Улицкая создает совершенно противоположный тип женщины XX века: она городская жительница многонационального СССР (одна из подруг рассказа русская, другая еврейка, третья армянка с азербайджанской фамилией), с драматическим семейным прошлым, у нее мужили любовник-пьяница, но очень родной, несмотря на то, что брошенный или уже «почивший в бозе». Она демонстрирует новые качества, порожденные процессами феминизации нового века, – женскую дружбу, которая являет «такое счастье взаимопонимания, какое знакомо лишь музыкантам в хорошей джазовой сессии» [2, 175], телесную раскрепощенность и душевную отзывчивость. Однако к этой женщине по-прежнему

приложимы некрасовские «идет она той же дорогой, какой весь народ наш идет» (эмигрантская неустроенность, перестроечный хаос), «и голод и холод выносит», «лежит на ней дельности строгой и внутренней силы печать». Собственно, последнее подтверждается финалом рассказа. Одна из подруг, врач, немедленно мобилизуется, несмотря на количество выпитого, обнаружив у другой злокачественную опухоль: организует диагностику у лучшего онколога.

Рассказы с парцеллированными названиями – «Они жили долго…», «…И умерли в один день…» – повествуют о двух семейных парах: бесфамильных Николае Афанасьевиче и Вере Александровне и Перловских Романе Борисовиче и Алле Аркадьевне. На первый взгляд, в рассказах смоделирована идиллическая жизнь обеих пар, для чего Улицкая использует одинаковые сюжетные схемы: интеллигентные, гармоничные отношения при жизни, двое детей, смерть без мучений в один день, причем ни один из супругов не знает о смерти другого. Однако идиллика от начала и до конца задана только во втором рассказе, особенно ею пронизана сцена похорон: «Супруги лежали рядом, в одинаковых гробах, и голова Романа Борисовича была как будто немного повернута в сторону жены… Дочь была с мужем и сын с женой, и при каждой паре – по мальчику с девочкой, и разноцветных астр было множество…» [3, 179]. Сцена же похорон супругов из первого рассказа явно контрастирует: «Хоронили их в один день, на новом далеком кладбище, в первые декабрьские морозы. Могилу вырыли мелко, но никто не мог надоумить сестер, что надо приплатить могильщикам… Только они две и были на похоронах. Анастасия накануне позвонила к отцу в институт, но как-то неудачно. Из тех, кто знал Николая Афанасьевича, никого не нашлось. Его забыли. С соседями родители давно уже не знались. Родня, как известно, вымерла…» [3, 171]. Что означает данная антитеза? Ответ кроется в подробностях повествования о жизни персонажей первого рассказа, заметим, что второй рассказ их лишен, поэтому почти в три раза короче: идиллическая схема и так очевидна и не требует детализации. Если о происхождении Перловских не сказано, а о профессии сказано вскользь (бухгалтеры), то происхождение супругов из первого рассказа обусловливает их характеры, образ жизни. Вера Александровна была княжеского рода, тщательно скрывавшая свое происхождение даже от дочерей, не работавшая поэтому ни одного дня, так как смертельно боялась разоблачения. Николай Афанасьевич, вузовский преподаватель, родом «был из крестьян Тамбовской губернии, отец погиб в империалистическую войну. Такова была анкетная правда, защитившая семью от гонений» [3, 163]. Эгоизм матери, лишившей дочерей личной жизни, заставившей обслуживать их старость, беспринципность и полная зависимость отца от воли и мнения жены – вот картина «семейного счастья».

В рассказе «Лялин дом» переиначена дидактическая идея детской сказки Маршака, хорошо известная тому, кто рос в советское время, и конечно, главной героине рассказа Ольге Александровне, по-домашнему Ляле, преподавательнице французской литературы в институте, жене заведующего кафедрой, профессора этого же института. Как известно, маршаковская Кошка, побывав в шкуре котят, преодолевает в себе бессердечие и мещанство. Счастливый дом – это дом, который строится радостно всеми и для всех. Лялин дом, «профессорский дом», на первый взгляд, всегда оживлен и полон, он как будто бы для всех, «два больших чайника не снимали с плиты» [4, 137]. Однако при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что члены семьи (у супругов сын и дочь) отдалены друг от друга. У матери нет близких, доверительных отношений с дочерью, она ее раздражает своей непрезентабельной внешностью, апатичным видом. Муж-профессор по большей части уединен в своем кабинете, изредка выбирается на кухню послушать разговоры гостей. Центральной фигурой семьи является Ляля, у которой «была тонкая теория брака, по которой выходило, что супружеские измены брак только укрепляют, рождают в супругах чувство вины…» [4, 135]. Куда же уходят корни такой философии? Оказывается в шестидесятые годы. В уста дочери

Ляли, «умной девочки», вложены следующие рассуждения: «В этом кругу, интеллигентском, университетском, потребность в свободе сильнее всего реализовывалась в распутстве… они все были в свои незабвенные шестидесятые либо диссидентами, либо распутниками… Либо и то и другое…» [4, 136]. Крах «Лялиного дома» происходит стремительно: «безумная», ненасытная страсть к однокласснику сына, череда любовных свиданий, тайком придя на одно из которых Ляля обнаруживает, что ее место занято дочерью, повреждение рассудка в прямом смысле, инвалидность. Вот такой «Кошкин дом» наоборот.

Рассказы «Пиковая дама» и «Старший сын» реализуют диалогическое условие договоренности с претекстами, может быть, поэтому используются заглавия-цитаты. Однако если своеобразный сюжетно-тематический унисон с пьесой Вампилова удался, с Пушкиным все обстоит не так просто. В качестве интертекстуального кода в рассказе Л. Улицкой «Пиковая дама» выступают название произведения и прямая, эксплицитная отсылка одного из персонажей рассказа, Марека («А матушка твоя – настоящая Пиковая Дама. Пушкин с нее писал»; «Это чудовище, гений эгоизма, Пиковая Дама, всех уничтожила, всех похоронила…»), к образу пушкинской графини из известной одноименной повести. Данные элементы интертекста сразу провоцируют на поиск сходства между двумя персонажами – Анной Федотовной и Мур. Однако при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что сходство это обманчиво.

Пиковая дама в повести Пушкина – это явно не женский тип и даже не персонаж. Это, во-первых, фигура карт, во-вторых, знак, символ. Она возникает в повести два раза. В эпиграфе к повести и в эпизоде карточной игры. Больное воображение Германна вместо картинки с дамой пик рисует усмехающуюся старую графиню. Образ графини Томской у Пушкина связан с нравственным императивом. Германн не выполняет условия высших сил, которые призрак графини транслирует герою, они были продиктованы ей свыше, она послана. Старая графиня как персонаж олицетворяет екатерининскую эпоху, а по сути, эпоху Просвещения с ее гуманистическими идеями. Внешняя сторона жизни графини, на первый взгляд, говорит об обратном: уродливая в своей старости женщина, выполняющая бессмысленные светские обряды, своенравная, бессердечная по отношению к Лизавете Ивановне. Однако в повести имеется лаконичный психологический портрет графини, которая «конечно, не имела злой души; но была своенравна, как женщина, избалованная светом, скупа и погружена в холодный эгоизм, как и все старые люди, отлюбившие в свой век и чуждые настоящему» [5, 328]. Своенравие графини Пушкин объясняет ее социальным положением, а скупость и эгоизм – возрастом. Но самое главное то, что она «не имела злой души». Она может сжалиться над человеком (Чаплицким), принять участие в судьбе бедной родственницы (Лизаветы вановны), она сохраняет человеческие отношения со своими внуками. Графиня воспитана на старых нравоучительно-добродетельных романах и не любит нынешних, заказывая прислать внуку такие, «где бы герой не давил ни отца, ни матери и где бы не было утопленных тел». Она, безусловно, была бы среди гостей фамусовского музыкального вечера из знаменитой комедии Грибоедова, как человек с незапятнанной светской репутацией. Известно, что Пушкин и сам не отрицал, что прототипами графини Томской могли быть реальные княгини Голицына или Загряжская.

У Улицкой в рассказе изображен определенный тип женщины многоликого XX века. И если сравнивать старую графиню и Мур, главную героиню рассказа Улицкой, то это совершенно разные женские типы, формирование которых обусловлено разными культурно-историческими эпохами, соответственно XVIII и XX веков. Героиня рассказа Улицкой – это женщина наполеоновского типа с дьявольской сущностью. Собственно, она продукт своего века, начало которого было пропитано эстетикой модерна с его культом индивидуализма, мистицизмом, презрением к нормам морали. Модернистская эстетика породила не только Прекрасную Даму, но и чувственную, ненасытную, подверженную гибельным страстям женскую натуру. Не имея ни образования, ни профессии,

нигде никогда не проработав ни дня, Мур, как паук, высасывает из всех своих жертв жизненные соки (жертвы, правда, большой симпатии не вызывают, уже только потому, что безропотно позволяют пользоваться собой). Цинизм Мур сопряжен с крайней степенью ее развращенности: «вечный гон, течка, течка…», речь героини изобилует ненормативной лексикой. У Улицкой характер Мур, как и у Пушкина, социально обусловлен. Он вписан в различные культурно-исторические эпохи. Она паразитирует на артистической, писательской, научной среде различных эпох: «декадентских поэтов и неуправляемых героев», «лицемеров в аскетической оболочке и с самыми нуворишскими страстями в душе»… Сталинская эпоха стала испытанием на живучесть в том числе и таким натурам, они только закалились и еще более изощрились в своих притязаниях. «Настоящий советский классик, гений лицемерия <…> показывая коллекцию фарфора, свежекупленного Борисова-Мусатова или эскиз Врубеля, обаятельно разводил руками и говорил: «Это все Муркины причуды» [2, 277–278].

Итак, можно определенно сказать, что переиначивание, «выворачивание наизнанку» сюжетов, попытки продолжить сюжеты, темы и характеры известных произведений литературы на материале современной действительности, используя для этого такой интертекстуальный прием, как заглавия-цитаты и заглавия-аллюзии, которые отсылают читателя к претекстам, становятся значимыми элементами поэтики современной писательницы Людмилы Улицкой, что характерно для литературы постмодернизма, когда «демонстративно, даже с какой-то нарочитостью, на первый план вынесен полилог культурных языков» [1, 11]. При таком взаимодействии «отражаются» элементы интертекста, которые и выступают в роли конструктивного текстообразующего фактора.

Литература

1. Липовецкий, М. Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики): монография / М. Липовецкий. – Екатеринбург: Урал. гос. пед ун-т, 1997. – 317 с.

Источники

2. Улицкая, Л. Сквозная линия: Повесть. Рассказы / Л. Улицкая. – М.: Эксмо, 2008. – 320 с.
3. Улицкая, Л. Люди нашего царя / Л. Улицкая. – М.: Эксмо, 2005. – 368 с.
4. Улицкая, Л. Бедные родственники: Рассказы / Л. Улицкая. – М.: Эксмо-Пресс, 2002. – 224 с.
5. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Том шестой. Художественная проза / А.С. Пушкин. – М.: Наука, 1964. – 840 с.

5. ОНОМАСТИЧЕСКАЯ ПЕРИФЕРИЯ

Л.М. Вардомацкий
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: Lvardomackij@gmail.com

УДК 811.161.3’373.2-115

Названия некоторых цветочных и травянистых растений в белорусском языке на диалектном и общеславянском фоне

Ключевые слова: *антропоцентризм, ономастика, номинации, номинативная лексика, номинативное поле, народные названия, фитонимы, ассоциации, растительный мир, лексикография.*

В статье на примере некоторых белорусских названий цветов и трав, рассматриваемых на белорусском диалектном фоне с привлечением материала других славянских языков и в контексте общеславянских фитонимических исследований, делается попытка определить некоторые принципы, методы и возможности описания ботанической номинативной лексики. Предполагается, что такое сопоставительное исследование с привлечением исторического материала позволит установить механизмы возникновения фитонимов, отражение в них мировоззренческих особенностей носителей языка.

L.M. Vardomatsky
Vitebsk State University named after P.M. Masherova

Names of some flower and herbaceous plants in the Belarusian language on a dialectal and common Slavic background

Key words: *anthropocentrism, onomastics, nominations, nominative vocabulary, nominative field, folk names, phytonyms, associations, flora, lexicography.*

In the article, on the example of some Belarusian names of flowers and herbs, considered against the Belarusian dialectal background with the involvement of material from other Slavic languages and in the context of common Slavic phytonymic studies, an attempt is made to determine some principles, methods and possibilities for describing the botanical nominative vocabulary. It is assumed that such a comparative study with the involvement of historical material will make it possible to establish the mechanisms for the emergence of phytonyms, reflecting in them the worldview features of native speakers.

Как известно, любые изменения, происходящие как внутри языкового единства, так и в процессе межъязыковых контактов, активно отражаются в лексическом составе языка. Именно поэтому язык является ценнейшим источником изучения истории народов и их взаимодействия в различных областях общественной жизни с другими народами [1, 87]. Понятно, что не любая лексика и не любые тематические группы слов любого языка несут в себе исторически когнитивную информацию. Надежным и объективным свидетелем различных процессов, протекавших в истории формировании, русского, белорусского и других славянских языков (и объясняющим эти процессы!), по справедливому утверждению Иоанны Кампер-Варейко, известной исследовательницы истории польской ботанической лексики, является номинативная лексика «живой природы». По ее мнению, «bardzo dobrym przykładem (językowego) odbica owej obiektywniej rzeczywistości jest właśnie nazewnictwo przyrodnicze. Zjawisko to uwidacznia się w wielu tworzonych na gruncie polskim

fitonimach, które często są rezultatem prostych skojarzeń, odniesień do elementów otoczającego świata – koloru, miejsca występowania, podobieństwa, a także przeznaczenia, działania i właściwości leczniczych roślin…» – ‘очень хорошим примером отражения в языке объективной реальности являются названия объектов природы. Это явление хорошо просматривается во многих польских фитонимах, образованных или в результате простых ассоциаций, отсылок к элементам окружающего мира – цвету, месту возникновения и произрастания, а также предназначению, воздействию и целебным свойствам растений’. (*Здесь и далее по тексту перевод с польского наш – Л.В.*) [2, 7]. Это утверждение В. Будишевской в полной мере справедливо по отношению к любому славянскому языку (как и к другим языкам). Согласно этому мнению, именно номинативная лексика растительного мира дает возможность получить наиболее полную информацию об особенностях мировоззрения и мировосприятия носителей языка в эпоху формирования такой лексики. А исторические изменения в составе и структуре «растительных номинаций», как и их территориальных особенностей, дают соответственно возможность говорить об изменениях отношений «человек – природа», об углублении и расширении знаний человека о природе и возможностей использования ее элементов в хозяйственной деятельности.

В западнославянском языкознании исследования данной проблемы имеют уже длительную историю и значительные теоретические и лексикографические разработки. Так, широко известны работы по этой проблематике, кроме уже названной И. Кампер-Варейко, публикации Й. Ростафинского, В. Будишевской, L. Bednarczuk и др. Белорусское языкознание, несмотря на значительный вклад в мировую ономастику, в разработке проблем сравнительно-исторических исследований белорусской фитонимии на общеславянском лингвистическом фоне, еще не получила должного воплощения.

Цель работы – определить некоторые принципы, методы и возможности описания белорусской ботанической номинативной лексики на диалектном и общеславянском языковом фоне и в контексте общеславянских фитонимических исследований.

В подходе к этой проблеме мы исходим из того, что общие принципы и методы описания ботанической лексики, предлагаемые И. Кампер-Варейко, применимы к изучению соответствующей лексики любого языка, поскольку, как утверждает исследовательница, «механизмы их возникновения в разных языках подобны, на разных этапах развития языков являются общими и хорошо демонстрируют антропоцентрическое видение мира» [2, 7].

Антропоцентрический подход к проблеме в данном случае видится в том, что, при анализе структуры номинативного поля каждого фитонима, в качестве его ядра определяется собственно человек, с его пониманием особенностей содержания и отношений каждого понятия-названия, а совокупность всех вариантов наименований – его периферия. С теоретической точки зрения в соотношении «ядро – периферия» ядро, как правило, относительно константное понятие, периферия – способна к изменениям, подвижна и определяется совершенно разнообразными опытными и ассоциативными связями. Вся жизнь человека практически проходила в мире растений, которые являлись и пищей, и лекарством, и оберегом, и просто строительным материалом. И именно увиденные, подсмотренные, выявленные в результате многовекового опыта содержательные внешние или внутренние особенности растения ложились в основу его номинации. У разных людей или народов на первый план могли выступать разные внешние качества или полезные свойства многих растений, а постоянно углубляющиеся знания о возможностях их использования в жизни людей как раз и приводили к появлению новых вариантов названий. Именно в этом причина того, что многие растения представлены большим количеством названий как в разных родственных языках, так и внутри каждого из славянских языков. На это обращала внимание еще Е. Ожешко, которая много страниц своей работы «Ludze I kwiaty nad Niemnem» (‘Люди и цветы над Неманом’) посвятила белорусским народным названиям различных растений. Описывая, в частности, встречу с одним из крестьянских

парней, во время которой она интересовалась местными названиями растений, она записала: «Это был трудно открываемый, но настоящий мешок знаний о местной флоре» [3, 690].

В качестве примеров номинативного разнообразия названий растений фрагментарно рассмотрим некоторые из официальных белорусских названий цветов и трав в сопоставлении с так называемыми народными белорусскими названиями и их соответствиями в других славянских языках. В качестве заглавного слова приводится официальное белорусское название, зафиксированное в «Определителе растений Белоруссии» [3].

Асака. (Carex vesicaria). Народн. назв. *турэцкі перац.* В рус. *осока*, болг. *острица,* польск. *turzyca pęcherzowata* (букв. '*осока мочевого пузыря*', что, вероятно, связано с лечебными свойствами растения).

Бабок (Menyanthes trifoliate). Народн. назв. *бобак*. В русск. *вахта* (*трифоль*), польск. *bobrek trójlistny*.

Верабейнік. (Lithospermum arvense). Народн. назв. *палявая ніца, свёкла* (русск. *свёкла* к данному виду отношения не имеет). В русск. *воробейник*, в польск. *nawrót polny*.

Вясёлка (Iris sibirika). Народн. назв. *заячы аер, касач*. В русск. *ирис, радуга сибирская*, польск. *kosacjec sybirski*.

Ветрагонка **(**Anemone sylwestris). В русск. *ветреница*, польск. z*awilec lesny* ('завилец лесной'), болг. *съсънка* ('букв. кошмар').

Гладун (Herniaria glabra . Народн. назв. *сабачае мыла*. Такое название растения возникло, вероятно из-за того, что при растирании его листьев выделяется пена, похожая на мыло. В русск. *грыжник* (в названии зафиксировано лечебное свойство растения), польск. *połoniczek gładki*.

Дзераза (Stellaria graminea). Народн. назв. *дзярозка, зоркаўка*. В русск. *плаун* (в говорах *звездчатка*), польск. *widłak, gwiazdownica*. (Э. Ожешко считает, что два последних польских названия обозначают похожие, но разные растения).

Канюшына **(**Trifolium alpestre). Народн. назв. *конікі, грымотнік.* («*Koniki* – одно из наиболее употребляемых крестьянами растений при болях в желудке и в груди», – замечает Э. Ожешко). В русск. *клевер*, польск. *koniczyna lesna*.

Касач (Iris pseudacorus). Расположение его листьев похоже на косы. Однако до настоящего времени практически на всей территории Беларуси и сегодня распространено название *аер*. Такое название – *ajer* – могло закрепиться в связи с тем, что в корневище этого растения много эфирных масел, которые и сегодня используются в фармакологии и парфюмерии. В русск. *ирис* (закрепилась латинская форма), но в говорах, как отмечается и в словаре В. Даля, чаще встречается другое название – *татарник*. В польск. *kosacjec żółty*, потому что цветет желтыми цветами.

Крапінец (Polygala vulgaris). Народн. назв. *сардэчнік* (Судя по названию, это растение применялось при сердечных заболеваниях), *лісіны хвост, лісахвост.* Русск. Народн. *Лягушка, лисохвост, истод. В польск. krzyżownica pospolita*. В болг. *обикновена лисича*.

Крынічнік (Veronica chamaedris). Народн. назв. *вераніка, жывотапарушэнец* (букв 'порушитель живота'), сабачая мята. В русск. *вероника*, в болг. *вероника*, в польск. *przetacznik łąkowy*.

Купена **(**Polygonatum anceps). Народн. назв. *зайцава вушка*. В русск. *купена*, польск. *kokoryczka własciwa* ('хохлатка'), болг. *Соломон печат* (Соломонова печать).

Маруна (Galium boreale). Народн. назв. *белая камела, кашка* – '*клевер*', *павіліца*, русск. *подмаренник*, польск. *przytulja północna*. В современных народных говорах широко известна.

Панікніца (Geum rivale). Народн. назв. *сончыкі, лялечны кулон*). В русск. г*равилат, кукольный кулон*, в польск. *kuklik zwisly*.

Першацвет, прымула (Primula officinalis). Народн. назв. *ключыкі, грамкі*. В русск. *первоцвет лекарственный*, в болг. *примула*, в польск. *Pierwiosnka (kluczyki).*

Расходнік (Sedum acre). Народн. назв. *рыцытнік*. Обратим внимание, что если официальное название несет в себе внешне понятную мотивирующую основу, то народное название с точки зрения современного русского или белорусского языков такой отсылки не имеет. Хоть, как правило, именно народные названия имеют мотивированную основу. В русск. *очиток едкий*, болг. *тлъстига*, совр. польск. *rozchodnik.*

Свірэпіца, чаще известная как *рэпа звычайная* (Raphanus raphanisticum). Народн. назв. *свірэпка*. В совр. русск. *репа обыкновенная* (*сурепица),* в болг. *обикновена ряпа,* в польск. *rzepica pospolita*.

Сон **(**Pulsatilla pratensis). Народн. назв. *заячы сон*. В русск. *прострел*, польск. *sasanka zwisła.*

Сонцацвет (Helianthemun vulgare). Народн. назв. *жывотнік*. В русск. *солнцецвет*. Сравним также с латинским Helianthem – ‘подсолнух’. Э. Ожешко считает, что польским эквивалентом этого названия является *posłonek pospolity,* что соответствует белор. *ежа звычайная*, русск. *обычная еда*, болг. *общо хранене.* Это же и в английском – *common meal*. Однако в современном польском языке есть и слово *żywotnik*, что соответствует русскому *туя.*

Сушаніца **(**Gnafalium divicum). Народн. назв. *зайчыкі*. В русск. *сушеница*, польск. *szarota, kochanki dwudomowe* (букв. ‘любовники двудомные’).

Урочнік (Carlina vulgaris). В русск. *колючник* (вероятно, по форме колючих по краям листьев, которые имеют зубчатую форму), польск. *dziewięcsil pospolity*.

Шабельнік (Comarum palustre). Народн. назв. *парушэнік, мацічнік* (букв. ‘*расслабитель утробный’*), *валасы лугавыя, сямігарэлка*. В русск. *сабельник болотный*, болг. *блатна сабя*, польск. *siedmipalecznik blotny* (букв. ‘семилишайник болотный’).

Ястрабок (Hieracium). *конскі малачай*. В русск. *ястребинка*, сербск. *јастреб*, польск. *jastrzębiec*.

Ятрышнік **(**Orchis latifolia). Народн. назв. уразнік, *загартушка*. В русск. *ятрышник широколистный*, польск. *storczyk szerokolistny*. По легенде, растение обладает сильной таинственной силой, способной *уразіць* (поразить) человека, его корень выглядит необычно и похож на пять согнутых пальцев человеческой ладони.

К сожалению, до настоящего времени в белорусской лексикографии пока еще отсутствуют достаточно полные словари названий различных классов растений, которые бы включали в себя официальные названия на общем фоне всего разнообразия народных названий. А между тем такая работа помогла бы сделать еще один шаг в направлении более глубокого понимания как межъязыковых, так и ассоциативных связей, формирующих лингвистическую картину мира народа.

Литература

1. Вардомацкий, Л.М. Славянские названия растений в определении этногенеза славян (ель, сосна) / Л.М. Вардомацкий // Наука – образованию, производству, экономике: материалы XXIV(71) Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 6 февраля 2020 г. – Витебск, 2020. – С. 87–89.

2. Kamper-Warejko, J. Słownictwo botaniczne w polskim tłumaczeniu «Ksąg o gospodarstwie» (1571) Piotra Krescencjusza na tle epoki / J. Kamper-Warejko. – Toruń, 2016. – 375 c.

3. Orzeszkowa, E. Ludze I kwiaty nad Niemnem / E. Orzeszkowa // Wisla, 1888. – T.II. zeszyt 4. – S. 675–703.

4. Определитель растений Белоруссии / под общ. ред. Б.К. Шишкина, М.П. Томина, М.Н. Гончарика. – Минск, 1967. – 872 с.

Е.Н. Варникова
Вологодский филиал РАНХиГС при Президенте Российской Федерации
e-mail: e-varnikova@yandex.ru

УДК 811.161.1’37

Словообразовательная модификация в русской зоонимии

Ключевые слова: *русский язык, словообразовательная модификация, зоонимы, деминутивы, эмотивная и экспрессивная функции зоонимов.*

В статье рассматриваются образование и функционирование экспрессивно-оценочных модификатов в русской зоонимии. Наиболее активно словообразовательные модификаты образуются от имен «комнатных» животных – кошек и декоративных собак. Употребление таких производных в эмотивной и экспрессивной функциях всегда обусловлено коммуникативной целью высказывания. Изучение этих функций зоонимов позволяет более полно охарактеризовать процесс общения человека с животным.

E.N. Varnikova
Vologda Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation

Word-building modification in Russian zoonymy

Key words: *Russian language, word-building modification, zoonymy, diminutives, emotive and expressive functions of zoonyms*.

The article deals with the formation and functioning of expressive and evaluative modifiers in Russian zoonymy. Word-building modifications are most actively formed from the names of "indoor" animals, such as cats and laps dogs. The use of such derivatives in emotive and expressive functions is always determined by the communicative aim of the utterance. The study of these functions of zoonyms allows us to characterize the process of communication between a person and an animal in a more comprehensive way.

Данная статья посвящена рассмотрению образования и функционирования экспрессивно-оценочных модификатов в русской зоонимии. В работе используются материалы авторской картотеки.

Как отмечают А.В. Суперанская и Н.Г. Рядченко, в процессе функционирования зоонимы, как и антропонимы, образуют «упрощенные, трансформированные клички», которые употребляются наряду с официальными, паспортными именами [6, 163–164; 4, 84]. Н.Г. Рядченко приводит такие примеры: конь *Гиацинт* на тренировке становится *Гешей, Капитал – Капой, Ракета – Раей*, кошку *Нефертити* зовут по-домашнему *Тишкой*, овчарку, в паспорте которой значится имя всемирно известного художника – *Винсент Ван Гог*, хозяева называют ласково – *Винсуля* [4, 84]. Образование «неофициальных» кличек происходит в целях экономии языковых средств, поскольку основной функцией зоонимов в речи является вокативная. Использование модификатов связано с эмотивной и экспрессивной функциями кличек животных.

Модифицируются зоонимы всех видов, независимо от того, в частном или общественном владении находятся животные. Чаще всего в качестве модификатов используются сокращенные формы личных имен (гипокористики [3, 69]), созвучных зоонимам или совпадающих с ними инициально: корову по кличке *Алабама* зовут *Алкой*, коров с официальными именами *Альвеола* и *Альтея* зовут *Альками*, корову *Веранда – Веркой, Инверсия – Инкой, Июльская – Юлькой* и др. Модификаты могут образовываться

и на базе усеченных основ официальных зоонимов с помощью экспрессивно-оценочных суффиксов: лошадь *Крапинку* неофициально называют *Крапкой, Лигатуру – Лигаткой, Репутацию – Путашкой, Рупию – Рупкой, Тропиканку – Тропкой*, быка *Абрикоса – Абриком, Господина – Пудиком* и т.д. При этом в зоонимии, как и в антропонимии, «может усекаться любая часть производящего слова – начало, середина, конец – в любом объеме» [5, 9]. Реже отмечаются случаи обратного словообразования: кошку *Белку* называют *Белой, Пушинку – Пушиной*, корову *Зорьку – Зорей*, лошадь *Таганку – Таганой.*

Ранее мы уже отмечали, что «в речи употребляется не одна звательная форма зоонима: корову *Зорьку* в зависимости от ситуации могут назвать *Зоря, Зоренька, Зорюня, Зорюша, Зорюшка, Зорюха* и т.д.; кошку *Лиску – Лиса, Лисонька, Лисуля, Лисулька, Лисуня, Лисунька* и т.д.; собаку *Тузика – Тузя, Тузька, Тузяха, Тузяшка, Тузило, Тузилко* и т.п.» [1, 57]. Количество зоонимических модификатов зависит от объективных и субъективных факторов. Среди объективных факторов выделяются собственно лингвистические и экстралингвистические. Одним из факторов первого типа являются структурные и деривационные возможности слова, от которого образована кличка. Так, фелинонимы *Граф, Кунак, Шрек*, кинонимы *Байрон, Гриф, Кайзер* обычно не образуют дериватов, возможные производные *Графуля, Грифик, Грифуля, Куначок* используются нерегулярно. К объективным лингвистическим факторам относится также степень употребительности производящего слова. Например, клички, образованные от иноязычных по употреблению антропонимов или прецедентных имен, имеют ограниченное число производных: фелинонимы *Леонардо – Лео* и *Леонардик, Луи – Луиша, Нерон – Нероша, Сара – Сарка, Сарочка*, кинонимы *Мелания – Мелка, Ремуальд – Реми, Стивен – Стив, Ульрих – Уля* и др. Объективным экстралингвистическим фактором может быть тип содержания животных: разумеется, клички животных, находящихся в частном владении, например, коров, имеют более богатый набор производных в сравнении с кличками крупного рогатого скота на общественных фермах. В кинонимии продуктивность модификатов зависит от породных характеристик животных: у кличек собак декоративных пород производных больше, нежели у кличек охотничьих и служебных собак. В последнем случае, по-видимому, накладывает свой отпечаток не только специфика содержания, дрессуры и использования служебных собак, но и своеобразие многих их кличек, не располагающих к образованию деминутивов: *Акула, Бандит, Демон, Дукалис, Казбек, Колчак, Линкольн, Пурга, Черчилль, Штурм* и др. (эти и другие примеры кличек служебных собак приводят в своей статье С.А. Залужанская, О.С. Попцова, Т.В. Шеремета [2, 232–237]). Субъективными факторами являются уровень эмоциональности отношений человека и животного и степень эмоциональности самого номинатора.

Наиболее активно производные клички образуются от антропозоонимов. Такие имена, как известно, употребляются в разных зоонимических видах, но самое большое количество их отмечается в кличках «комнатных» животных – кошек и декоративных собак (болонок, пуделей, мопсов, шпицев, чихуахуа, той-терьеров и др.), живущих непосредственно с человеком. Зоонимы, образованные на основе русских и иноязычных по употреблению личных имен, в этих видах могут составлять более 70 %.

В качестве кличек кошек преимущественно употребляются гипокористики русских имен: *Алиса, Аська, Вася, Васька, Васютка, Гаврик, Гаврюша, Даша, Дашка, Дуся, Жора, Зина, Зинка, Катя, Ксюша, Кузя, Лиза, Люся, Макс, Маня, Манька, Манюша, Маняня, Маргоша, Марик, Мариша, Маришка, Маркуша, Маруся, Марыся, Матрёша, Маша, Машка, Мила, Митя, Митяй, Мотя, Мотька, Настя, Паша, Сеня, Сёма, Сёмка, Сима, Соня, Стёпа, Стеша, Тараска, Тася, Тёма, Терёша, Тима, Тимон, Тимоша, Тиша, Тишка, Тося, Филя, Фрося, Шурик, Яшка* и мн. др. Полные формы антропонимов также могут служить основой «официальных» фелинонимов (записанных в паспорте животного, называемых при регистрации в ветеринарной клинике и пр.): *Аглая, Аксинья, Антонина,*

Анфиса, *Арсений*, *Артур*, *Афанасий*, *Василий*, *Василиса*, *Вениамин*, *Влас*, *Герасим*, *Глафира*, *Елизар*, *Елисей*, *Епифан*, *Ефим*, *Захар*, *Злата*, *Игорь*, *Иннокентий*, *Ипполит*, *Карина*, *Лаврентий*, *Мария*, *Мартын*, *Марфа*, *Матвей*, *Митрофан*, *Михаил*, *Нина*, *Панкрат*, *Пантелеймон*, *Прохор*, *Пульхерия*, *Руслан*, *Роберт*, *Серафим*, *Серафима*, *Сергей*, *Сидор*, *София*, *Степан*, *Степанида*, *Тихон*, *Ульяна*, *Фаина*, *Филимон*, *Филипп*, *Харитон* и др. Но в речи наряду с этими формами употребляются и их гипокористики: *Аглая – Глаша*, *Глашенька*, *Глашка*; *Аксинья – Ксюша*, *Ксюшенька*, *Ксюшечка*, *Ксюшка*, *Ксюха* и т.д. Клички кошек, образованные от иноязычных по употреблению имен, немногочисленны: *Адель*, *Бетти*, *Вальтер*, *Ева*, *Земфира*, *Леонардо*, *Луи*, *Оскар*, *Сара.* Производные образуются от них так же, как и от кличек, созданных на базе русских антропонимов: *Адель – Аделька*, *Деля*, *Делька*, *Делечка*, *Делюша*; *Бетти – Беттюша*; *Вальтер – Валя*, *Валюша*, *Валька*; *Ева – Евочка*; *Луи – Луиша*; *Оскар – Ося, Оська*; *Феликс – Феля*, *Фелюша* и т.д. По этим же моделям модификаты производятся от зоонимов неименного происхождения: *Белка – Белочка*, *Бела*, *Белуша*, *Белушка*, *Белуня*, *Белунька*, *Белунюшка* и др.; *Бентли – Беня*, *Бенечка*; *Мурзик – Мурзичек*, *Мурзя*, *Мурзенька, Мурзяха, Мурзяшка*; *Пушинка – Пуша*, *Пушенька*, *Пушина*, *Пушиночка*, *Пушка*; *Рыська – Рыся*, *Рысенька*, *Рысюша*, *Рысюшка* и др.

Среди кличек декоративных собак преобладают антропозоонимы, созданные на основе иноязычных имен: *Абигейл*, *Адель*, *Алан*, *Али*, *Альфред*, *Арчи*, *Арчибальд*, *Аскольд*, *Ашот*, *Барбара*, *Барри*, *Бенедикт*, *Билл*, *Боб*, *Брунгильда*, *Витас*, *Габи*, *Гарри*, *Генрих*, *Грета*, *Дарси*, *Дени*, *Джоли*, *Дюк*, *Жан-Поль*, *Жерар*, *Жозефина*, *Зара*, *Зигфрид*, *Изольда*, *Карл*, *Кевин*, *Кетти*, *Корнелия*, *Круз*, *Леон*, *Лора*, *Луи*, *Мадлен*, *Мартин*, *Матильда*, *Мери*, *Молли*, *Ненси*, *Оскар*, *Отар*, *Пабло*, *Патрик*, *Питер*, *Рамона*, *Ричард*, *Риччи*, *Роналдо*, *Сабина*, *Симона*, *Скарлетт*, *Сусси*, *Сьюзи*, *Тедди*, *Тереза*, *Уальд*, *Уильям*, *Фанни*, *Флер*, *Френсис*, *Ханна*, *Чарли*, *Честер*, *Шарлотта*, *Эва*, *Элвис*, *Элли*, *Эрнест*, *Эстер*, *Эшли*, *Юджин*, *Якоб* и др. Преобладание иноязычных антропозоонимов в кличках «комнатных» собак связано с иностранным происхождением этих пород. Образование модификатов таких кинонимов происходит по антропонимическим моделям, при этом используются русские эмоционально-оценочные суффиксы: *Абигейл – Бига*, *Бигуша*, *Бигушка*; *Адель – Аделя*, *Аделька, Аделюшка*; *Алан – Аланчик*; *Али – Алиша*; *Альфред – Фредди, Фреддик*, *Фред*, *Фредя*, *Фредюша*, *Фредюшка*, *Фредька; Арчибальд – Арчи*, *Арчик* и т.д. Русские по употреблению личные имена значительно реже используются в зоонимической функции: *Аглая, Аля, Аня, Аркадий, Афоня*, *Борис*, *Валера*, *Вера*, *Влас*, *Евлампия*, *Епифаний*, *Ерофей*, *Ефрем*, *Женя*, *Игнат*, *Илья*, *Клим*, *Лёля*, *Мирослава*, *Мишка*, *Нина*, *Нюша*, *Оксана*, *Пафнутий*, *Проша*, *Рита*, *Снежана*, *Таша*, *Тима*, *Тимоша*, *Федора*, *Филипп* и др. Модификаты подобных зоонимов образуются так же, как и уменьшительно-ласкательные варианты производящих имен, давно освоенных русским языком. Однако в зоонимии могут образовываться новые производные некоторых имен, не отмеченные в антропонимии, например, *Роша*, *Рошуля*, *Рошка*, *Рошечка* – производные от «официального» имени *Ерофей* [5, 170].

Употребление зоонимических производных в эмотивной и экспрессивной функциях всегда обусловлено коммуникативной целью высказывания. Среди дериватов, как видно из рассматриваемых примеров, преобладают деминутивы. Пейоративы отмечаются значительно реже. Кроме того, их отрицательная оценка в зоонимии является ослабленной: в производных *Мурзяшка*, *Тузяшка* и под. оттенок уничижительности сочетается с оттенками уменьшительности и ласкательности. Как пишет Н.Г. Рядченко, «своеобразие зоонимов как особого класса собственных имен заключается и в том, что, в отличие от антропонимов, клички типа *Васька*, *Машка*, *Димка* являются нейтральной формой имени, а не уничижительным его вариантом» [4, 82]. Справедливость этого утверждения доказывает, в частности, тот факт, что при сборе зоонимов в процессе

опроса или анкетирования, как было показано выше на конкретных примерах, респонденты называют такие имена в качестве официальных. Однако при употреблении зоонимов и их производных в речи все-таки наблюдается разграничение эмоционально-экспрессивных оттенков значений: фелинонимы *Дуся* (нейтрально) – *Дусенька* (ласково) – *Дуська* (при строгом обращении), *Жужа* (нейтрально) – *Жуженька* (ласково) – *Жужище* (строго), *Соня* (нейтрально) – *Сонюша, Сонюня, Сонечка* (ласково) – *Сонька* (строго), *Ульяна – Уля* (нейтрально) – *Улечка* (ласково) – *Улька* (строго), *Феликс – Феля* (нейтрально) – *Фелюша* (ласково) – *Фелька* («при воспитательных моментах») и т.д. Иногда для строгого обращения к животному используется официальный вариант личного имени, от которого образован антропозооним: кинонимы *Ося* (нейтрально) – *Осенька* (ласково) – *Оскар* («когда вредничает»), *Рич, Чард* (нейтрально) – *Чардик* (в ситуации ласки и похвалы) – *Ричард* («для призвания к порядку»), *Тиша – Тишка* (нейтрально и ласково) – *Тихон* (строго), *Тоня – Тоша – Тошка* (нейтрально и ласково) – *Антонина* (строго) и др.

Эмотивная и экспрессивная функции зоонимов в речи особенно ярко проявляются в случаях языковой игры: при создании окказинальных кличек, при паронимическом сближении их с нарицательными и собственными именами, при образовании номинаций по антропонимическим моделям и пр.: фелинонимы *Филипп Ностальжи Бьюти* (паспортное имя кота) – *Филя – Филька – Филечка – Филёк – Филюшка – Филипуська – Филипусина – Филипусища – Филипух – Филёныш* (в любой ситуации) – *Филища* (порицание, восхищение); *Тучка* (официальное имя кота) – *Тучкарёв – Тучкарь – Тучкарик* («когда гладим его или разговариваем с ним»); кинонимы *Стеффилд Челси Сильвер Гёл* (паспортное имя собаки – не используется) – *Тори* (домашняя кличка) – *Торичка – Торюшка – Тоська* (похвала) – *Торька – Торела – Торелка – Тори Хичкоковна* (по кличке отца *Хичкок*) – *Тори Цверизовна* (отец из питомника *Цвериз*) («выговор»); *Стеффилд Черешенка* (*Чери*) (паспортное имя собаки) – *Чери* (домашняя кличка) – *Черюша – Черюшка – Черёныш – Черешенка* (похвала) – *Черька – Червячок* («выговор») и др. Однако этот материал требует особого рассмотрения.

Итак. Словообразовательная модификация зоонимов, как правило, имеет экспрессивно-оценочный характер. Наиболее активно словообразовательные модификаты образуются от имен «комнатных» животных – кошек и декоративных собак. Образование зоонимических модификатов во многом сходно с созданием производных антропонимов: используются одни и те же словообразовательные средства, отмечаются одни и те же морфонологические явления. В речи зоонимические дериваты выполняют эмотивную и экспрессивную функции. Эти функции проявляются также в случаях языковой игры.

Литература

1. Варникова, Е.Н. Зоонимы: место в ономастическом пространстве / Е.Н. Варникова // Вопросы ономастики. – 2011. – № 1 (10). – С. 51–62.

2. Залужанская, С.А. Закономерности присвоения кличек служебным собакам / С.А. Залужанская, О.С. Попцова, Т.В. Шеремета // Ономастика Поволжья : материалы XIX Международной научной конференции, посвященной 220-летию со дня рождения лексикографа, собирателя фольклора и русского писателя В.И. Даля. Оренбург, 11–12 ноября 2021 г.; науч. ред. Е.Н. Бекасова, В.И. Супрун; сост. П.А. Якимов. Оренбургский государственный педагогический университет. – Оренбург: Издательство «Оренбургская книга», 2021. – С. 232–238.

3. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 192 с.

4. Рядченко, Н.Г. Зоонимика. Зоонимия русская / Н.Г. Рядченко // Русская ономастика и ономастика России. Словарь / под ред. О.Н. Трубачева. – М.: Школа-Пресс, 1994. – С. 77–84.

5. Тихонов, А.Н. Словарь русских личных имен / А.Н. Тихонов, Л.З. Бояринова, А.Г. Рыжкова. – М.: Школа-Пресс, 1995. – 736 с.

6. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 366 с.

М.В. Василькова
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: MOV.Vitebsk@rambler.ru

УДК 811.161.1’37:172.15:070

Семантический объем концепта «родина» (на материале публицистики)

Ключевые слова: *лингвокультурология, концепт, лингвокультурема, ассоциации, коннотация.*

В статье осуществляется лингвокультурологический анализ концептуального содержания лексемы «родина» на материале публицистики конца XX – начала XXI века. Определяются основные признаки и характеристики данного концепта, на основе которых устанавливается структура и языковое содержание концепта. Выявляются специфические особенности восприятия концепта «родина» носителями русского языка.

M.V. Vasilkova
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

The semantic volume of the concept “motherland” (based on journalism)

Key words: *linguoculturology, concept, linguocultureme, associations, connotation.*

The article provides a linguoculturological analysis of the conceptual content of the lexeme “motherland” on the material of journalism of the late XX – early XXI century. The main features and characteristics of this concept are determined, on the basis of which the structure and linguistic content of the concept are established. Specific features of the perception of the concept "motherland" by native speakers of the Russian language are revealed.

При лингвокультурологическом анализе концептуального содержания лексемы «родина» необходимо исходить из того, что она является социально обусловленным термином культуры. Носитель языка, использующий ее, как субъект определенного пространственно-временного микро – и макросоциума, является одновременно и носителем определенной культуры.

Понятие «родина» имеет в себе двоякие признаки. Во-первых, это указание на место, персональное пространство: «*Я безумно люблю Беларусь – это моя родина, а потому мне дороги и язык, и традиции, и характер белорусов»*. Во-вторых, с понятием «родина» ассоциируется нечто общее, неперсональное пространство, принадлежность всему народу, живущему на данной территории. Концепт данного слова в этом значении ориентирован на государственность, власть, народ, национальное единство: «*Петербург – столица нашей Родины!» – с таким гордым заголовком выходили местные газеты»*.

Еще в 1996 году подобное восприятие этого концепта было отмечено А. Вежбицкой. Автор указывала на персональные и неперсональные смыслы при толковании этого слова. Причем основное было то, что «моя» родина – это не нечто абстрагированное, исключенное из жизни, а часть «большой родины», ее основа [1, 356].

Персональность восприятия места выражается посредством ассоциаций с семьей, родными, родственными отношениями (мать, отец, брат, сестра, бабушка, дедушка и т.п.): «*Мария Святополк-Мирская живет в Англии довольно отчужденно от своих родственников, поэтому возможности посетить родину обрадовалась бесконечно, а деньги на поездку собирала целый год!»*. А также соотносится с природным окружением (лес, речка, луг, море и т.п.): «*В ближайших планах – пригласить белорусских художников на российскую выставку пейзажа «Образ Родины». Белорусы проявляют особенную любовь к жанру пейзажа. Любовь к природе, земле – отличительная черта в их творчестве»*.

Родина в языковом сознании русских ассоциируется с отцовским домом: «*И еще. Было так: Пью предпоследнюю стопку, гляжу в окно – прощаясь с Родиной, жму Гришке (это – рыбка) плавник и отдаю ей последний кусочек колбаски*». «*Его [Антонио Гауди] убеждения были простыми и крепкими убеждениями мастерового: зодчий полагал, что каждый человек должен жить у себя на родине, а каждая семья – иметь свой дом*». Эти ассоциации лежат в основе восприятия данного толкования родины как своего места, «своего» уголка в окружении «своих» родных и близких людей. Это не обязательно место рождения, но такое личное пространство, которое связано с субъектом кровно-родственными узами, а поэтому все вызывает у субъекта эмоционально положительное отношение, как к родному. Это находит свое отражение в сочетаниях с прилагательным «родной»: *родная земля, родные поля, родной язык* и т.п.

Данное толкование родины на основе кровно-родственных отношений позволяет обратиться к лингвокультурологическому описанию. Лингвокультурема «мать» – это не только женщина по отношению к рожденным ею детям, но и земля-кормилица. В русском языке эта лингвокультурема во вторичных значениях ассоциируется с понятием Родина: «*Ему очень хотелось доказать Родине, что он ее верный сын*».

Родина и мать – понятия неделимые. Ассоциативная связь с материнской лаской и опекой подтверждается и тем, что родина предстает в виде одушевленного лица, которое дышит, чувствует и ощущает: «*Группа террористов беспрепятственно проводит «сборы» в оживленном микрорайоне, до зубов вооруженные головорезы спокойно приезжают в самое сердце Родины...*». «*Но пришло время, и я вернулся на Родину. Родина приняла – подобрала, подогрела, пристроила к работе, а остальное, сказала, приложится*».

У лексемы «родина» в синонимичном ряду есть синоним «колыбель». Так вот именно в этом значении, при ассоциации с матерью, материнской опекой и любовью, этот синоним актуализируется.

Итак, родина – это пространство, чья значимость для субъекта определяется как персональное, единственно родное, где человек родился, познал внешний и внутренний и языковой мир, осознал себя частью этого мира, занял определенную нишу в нем. Это место, которое останется для каждого человека неотъемлемой частью его жизни, это чувство пронесет он всю жизнь. И если это связь прервана по любой причине, то человек ощущает определенный дискомфорт, тоску по чему-то утраченному: «*Великая и обожаемая родина! Привет тебе из далекого и чуждого края. Ты прекрасна, и все наши мысли направлены к тебе. Несмотря на несовершенство нашей внутренней жизни, но даже и при всей своей отсталости, наша родина краше и лучше всех. Во всяком случае, пребывание за границей было, видимо, шагом, предпринятым намеренно, причем оторвавшись от родины, воспринималась издателями как "участь"*». Концепт «родина» в данном значении формирует личностное отношение к тому месту, где человек впервые осознал мир как «свое» пространство, где получил возможность для саморазвития.

Все эти характеристики сформулировали эмоционально-духовное восприятие данной территории. Это – «мое», это родилось со мной, это близко и дорого моему сердцу. И если что-то случиться, человек сделает все возможное, чтобы уберечь и защитить пространство, «свою» родину. И неважно, гражданином какой страны фактически является человек.

Родина питает и дает силы, поддерживает и помогает в трудные минуты, формирует человека как индивидуальность: ««*Я ненавижу подражание, я ненавижу избитые приемы ... Можно быть как угодно долго за границей, но надо непременно время от времени возвращаться на Родину», – говорил о себе Сергей Прокофьев*». Человек, теряя родину, лишается той основы, тех корней, которые поддерживают его, дают ему силы: «*Стоило художнику Богданову-Бельскому уехать из России, как он больше ничего не смог создать. Стоило Жуковскому покинуть родину, как он больше ничего не написал*».

Если где-то на чужбине, вдали от родины, встретится «близкий» по родным местам человек, то он тоже воспринимается как «свой» родной, олицетворяется с родным местом: «*Все-таки чертовски приятно за тысячи километров от Родины встретить земляка,*

да еще и близкого знакомого». Русский народ претерпел много изменений во взглядах на «малую родину». Это было обусловлено событиями, произошедшими как в жизни отдельного субъекта, так и в жизни целой страны. Но, несмотря ни на что, человек остался верен тому месту, которое дало ему путевку в жизнь: «*Казалось, любовь к Родине, скорбь в тяжких ее годинах, вера в ее лучшее будущее рвались из зала, туда, на столичные улицы и площади, и далее, на просторы полей, в прозрачное весеннее поднебесье»*.

Человек считает родиной не обязательно то место, область, где он родился. Покинув свое место рождения, человек может обрести вторую родину, где он найдет спокойствие, уют, обретет уверенность: «*Помню, как меня украли из родного города... и вместе с родителями, детьми, внуками и прекрасной НФ-библиотекой поселили в далеком Волгограде, который стал на долгие-долгие годы моей второй Родиной...»*.

Хотя в последнее время в прессе наблюдается следующая коннотация, приращение смысла концепта «родина»: человек испытывает горечь, боль за то, что родина в современных условиях не является уже каркасом, защищающим его от внешних факторов, что человек забывает свою родину, когда в дело вмешиваются большие деньги: «*Поэтому «система» (как бы она не называлась: «социализм», «капитализм», «демократия», «Родина», «наука», «бизнес») со всеми своими армиями, разведками и надсмоторщиками, – все это «...мелочи, которые, самое большое, могут меня убить». Но не обмануть. Не подчинить себе. Я действительно сожалею о том, что происходит с моей любимой родиной, и, к сожалению, мы видим произрастание ненависти даже там, где этого до сих пор как бы не было»*.

В основе другого толкования термина «родина» лежит понимание родины как соотнесенность с общим пространством, принадлежащим всему народу, живущему на данной территории, государственное, национальное единство: «*Родина, которую они защищали, была и остается единой и сильной державой»*. Родина в этом значении – это страна с населяющим ее народом, который воспринимает ее как «свое» пространство. Субъектом родины является народ, нация, люди, живущие на территории страны: «*Надо работать не только на благо себя и своих родственников, но и на благо своего народа, своей Родины»*.

Если концепт родины «моей» не указывает на гражданское отношение субъекта, то в концепте «нашей» родины вершинными признаками являются патриотизм, признание гражданства. Это отчетливо видно на примере стереотипных сочетаний: *отдать Родине долг*, *верность Родине, защитник Родины, погиб, защищая Родину. Есть такая профессия Родину защищать* и т.п. Данный концепт формируется на основе опыта народа, вклад в который внес каждый человек, но это осознается как нечто общепринятое.

В публицистике можно встретить множество примеров, когда человек как представитель народа ассоциирует с этим словом чувства, противоположные гордости за родину и уверенности в ней. Родина может предать, не пытаться разобраться, отступить от человека. Эти ассоциации имеют связь с историческими событиями, потрясшими мир: «*Ему очень хотелось доказать Родине, что он ее верный сын. Родина же этого пока не осознавала ... Родина убила его отца, он не знал где, в каком лагере его мать ... Родина дала маху»*.

Родина в данном толковании может выступать в качестве живого организма (человек, олицетворяющий власть). Родина может приказывать, давать задание, следить за выполнением и оценивать заслуги: «*Как свидетельствуют архивные документы, родина высоко оценила заслуги ее бойцов»*.

Таким образом, концептуальный анализ лексемы «родина» показал, что в родине «вершинными» признаками являются, во-первых, персональное пространство, физический и психический микромир отдельного субъекта; во-вторых, это пространство неперсональное, принадлежащее всему народу, который объединен общим языком, культурой, территорией.

Литература

1. Вежбицка, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицка. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.

Л.А. Годуйко, Д.С. Мартэн
Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
e-mail: god_lusi@ mail.ru, darisynya@mail.ru

УДК 811.161.1’23’373.23

Фильмонимы-предложения (на примере названий произведений, снятых на национальной студии «Беларусьфильм»)

Ключевые слова: *способ номинации, тип языковой единицы, имя собственное кинопроизведения, фильмоним-предложение.*

В статье анализируются имена собственные (их проприальные группы) кинопроизведений, представляющие собой предложения. Установлены основные мотивирующие основы (их продуктивность), которые используются при создании фильмонимов. Определена специфика (структурная, семантическая, функциональная) предложений (простых, сложных, сочетаний предикативных единиц), которые востребованы при номинации фильмов.

L.A. Goduyko, D.S. Marten
Brest State A.S. Pushkin University

Filmonyms-sentences (on the example of titles of works, filmed at the national studio «Belarusfilm»)

Key words: *method of nomination, type of language unit, proper name of a film work, filmonym-sentence.*

In the article proper names (their proprietary groups) of film works in the form of sentences are analyzed. The main motivating foundations (their productivity), used in the creation of filmonyms, have been established. The specifics (structural, semantic, functional) of sentences (simple, complex, combinations of predicative units) needed in the nomination of films have been determined.

В современном информационном пространстве, в структуре свободного времени человека XXI в. заметное место занимает кинематограф. Не требующий от потребителя значительных затрат времени, усилий, фильм становится носителем социальной информации, включает зрителя в диалог мировоззрений, взглядов, мнений, информирует, пропагандирует, связывает различные социальные институты, интегрирует народы и культуры [4], воспитывает, развлекает, и вполне закономерно, что число аудиовизуальных произведений разных жанров, стилей продолжает стремительно расти. Интерес к фильму (кинодискурсу, кинотексту) проявляют специалисты из разных отраслей знания, в т.ч. ономатологи, в сферу интересов которых входят имена собственные кинопроизведений, или **фильмонимы**.

Данный термин ввела в научный оборот российский исследователь Е.В. Кныш, которая, в частности, отмечает: «…фильмоним – высказывание, репрезентирующее ситуацию, смоделированную фильмом, ее вербально закодированный образ. Следовательно, посредством фильмонима конртапункт фильма обретает слитное звучание, переведение с языка кино на обыденный язык, который представляет собой “интерпретант всех других семиотических систем – как лингвистических, так и нелингвистических” (Э. Бенвенист)» [3, 7]. В целом широта семантики фильмонимов, их деривационное много-

образие, высокий лингвокультурологический, психо-, социо-, прагмалингвистический потенциал, массовость, активная пополняемость данного разряда онимов объясняют интерес к нему лингвистов.

Объектом нашего исследования стали русскоязычные названия художественных (*х/ф*) и документальных (*д/ф*) фильмов, выпущенных национальной киностудией "Беларусьфильм"» (304 онима) [1; 2; 5; 6]. Зафиксированные фильмонимы отличаются разнообразием структурных типов (по количеству значимых элементов в их составе кинономинации делятся на одно- и многословные, причем вторые явно доминируют), мотивирующих языковых единиц (последний параметр позволяет выделить фильмонимы-слова, фильмонимы – устойчивые выражения, фильмонимы-словосочетания и фильмонимы-предложения).

В данной статье речь пойдет о последней группе кинономинаций. Отметим, что в кругу фильмонимов-предложений не рассматриваем имена собственные, мотивированные существительными, другими языковыми единицами в позиции номинатива (*х/ф* ***«Нестерка»***; *х/ф* ***«Кадет»***; *х/ф* ***«Не игра»*** **–** история программиста, который показал шефу перспективную разработку, а та, несмотря на реалистичность военной техники, не произвела никакого впечатления; проблема заключалась в сюжете *игры*: ее разработчик ничего не знает о танках, и, чтобы, восполнить это пробел, Алексей решает идти в армию; *х/ф* ***«Прикованный»*** – драма об «афганце» Павле, который никак не может найти себе место в мирской жизни и словно *«прикован»* к прошлому; *х/ф* ***«Любимая*** и др.): с определенной долей условности мы отнесли их к фильмонимам-словам, хотя подобные имена собственные можно квалифицировать и как созданные на базе односоставных номинативных предложений. Также обращает на себя внимание двойственное положение, неоднозначность статуса номинации *х/ф* ***«Охота жить»***: ее можно рассматривать и как фильмоним-словосочетание (с несогласованным определением), и как фильмоним – безличное предложение.

В целом фильмонимы-предложения оказались достаточно востребованы номинаторами кинопроизведений (анализируемые имена собственные составляют в нашей выборке около трети) и представлены как **простыми**, так и сложными **предикативными единицами**. Первые демонстрируют гетерегенность функциональных и структурно-семантических типов предложений.

Во-первых, это разные по цели высказывания синтаксические конструкции: 1) повествовательные: *х/ф* ***«Двое на острове слез»*** **–** история девушки Оли, которая влюбляется в туриста Севу и, позабыв про своего парня-солдата, поддается чувствам; но приезжий бросает девушку, а Леонид прощает измену; *х/ф* ***«Часы остановились в полночь»*** и др.; 2) побудительные*: х/ф* ***«Не забудьте выключить телевизор»*** – рассказ о мальчике, которого мама на время командировки оставляет няне; именно ей ребенок раскрывает тайну, что его родной отец – ведущий одной из телепрограмм, и няня решает восстановить семью; *х/ф* ***«Прикажи себе»*** **–** повествование о лейтенанте Сергее Вишнякове, который призван проходить воинскую службу в райвоенкомате; хотя ему тяжело найти подход и к своим коллегам, и к призывникам, герой *приказывает себе* не сдаваться; *х/ф* ***«Спеши строить дом»*** и др.

Во-вторых, среди фильмонимов, наряду с невосклицательными конструкциями (они продуктивны), отмечено и предложение восклицательное: *х/ф* ***«Внимание! В городе волшебник!»*** – история о *волшебнике*, который превращает плохих людей в кукол, а за хорошие поступки они снова становятся людьми.

В-третьих, по количеству составов главных членов названия кинопроизведений представляют собой простые предложения:

1. Двусоставные: *х/ф* ***«Посеяли девушки лен»*** **–** история Надежды, которая за вознаграждение хочет увеличить урожай *льна*; *х/ф* ***«Я помню»*** – кинопроизведение представляет собой воспоминания героя о своей родине и о коснувшейся ее чернобыльской катастрофе; *х/ф* ***«Сергеев ищет Сергеева»*** и др.

2. Односоставные предложения, актуализирующие действие/состояние героя/героев кинопроизведения (нередко название становится призывом к действию, нравственным ориентиром и для зрителя): а) определенно-личные: *х/ф* ***«Гарантирую жизнь»*** – воспоминания близких людей погибшего во время *испытаний* катапультных систем и парашютов Дмитрия Радкевича, прекрасного, уверенного в себе человека; *х/ф* ***«Иду искать»*** – повествование о судьбе ученого Андрея Гусарова, который проходит сложный путь в науке в непростое время (30-е годы – время ограничений и поражений, годы войны; 50-е – начало освоения космоса, первый запуск искусственного спутника Земли); *х/ф* ***«Примите телеграмму в долг»*** **–** рассказ о молодом парне, который решил создать реактивный летательный аппарат и обратился за поддержкой к академику Александрову; Саша посылает в Москву срочную *телеграмму в долг*, а для запуска своего производства начинает зарабатывать деньги; *х/ф* ***«Встретимся»***; *х/ф* ***«Не покидай»***; *х/ф* ***«Давай поженимся»*** и др.; б) безличные: *х/ф* ***«Любовью надо дорожить»*** – мелодрама о девушке-ткачихе, которую обвиняют в нечестном поступке и от которой отворачивается возлюбленный; когда же ситуация проясняется и молодой человек хочет вернуться, Катя не прощает обиду, потому что он не *дорожил их любовью*; *х/ф* ***«Счастье надо беречь»***; в) инфинитивные (со значением необходимости действия): *х/ф* ***«Быть человеком»*** – произведение учит ценить надежных людей, их поддержку: главный герой из-за своего сложного, капризного характера чуть не потерял себя, но благодаря друзьям остался *человеком*; *х/ф* ***«Убить лицедея»*** **–** история бывшего актера театра по прозвищу *Лицедей*, оказавшегося пешкой в чужой игре, где на кону огромные деньги, а ставка – жизнь.

В-четвертых, в качестве фильмонимов номинаторы активно выбирают простые неполные предложения: *х/ф* ***«На спине у черного кота»*** – рассказ о двух стариках, которые попадают в различные авантюры и этим же забавляют всех жителей деревни (*черный кот* символизирует неудачи); *х/ф* ***«Под небом голубым»*** – история двух молодых людей, которые борются с наркозависимостью: от них отрекаются родные и близкие, жизнь превращается в «чернуху», а выхода просто нет; *х/ф* ***«Без улик»***; *х/ф* ***«Идущие за горизонт»***; *х/ф* ***«Вам – задание»***; *х/ф* ***«Еще о войне»*** и др.

Следует уточнить, что ряд фильмонимов формирует переходную зону от предложений (с второстепенным членом из состава отсутствующего сказуемого и объектными и/или обстоятельственными отношениями) к словосочетаниям (с несогласованными зависимыми компонентами и атрибутивными отношениями): *х/ф* ***«Деревья на асфальте»*** – история пенсионерки Анны Тимофеевны, которая по просьбе сына, обеспокоенного ее здоровьем, переезжает в город из родной деревни; для героини *деревья на асфальте* символизируют городскую жизнь и тоску по родине; *х/ф* ***«Жизнь после жизни»*** – повествование о «небесной комиссии», которая проводит тщательный отбор тех, чьи чувства искренни; в поле ее зрения попадают супруги Нечаевы, которые переживают тяжелый период семейной *жизни*; *х/ф* ***«Контракт со смертью»*** – рассказ о группе политиков, под видом фонда милосердия создавших место для трансплантации человеческих органов; *х/ф* ***«Птицы без гнезд»*** – знакомство с судьбой белорусской поэтессы Ларисы Гениюш, прошедшей через эмиграцию, сталинские лагеря и оставшейся верной себе и своей Родине; *х/ф* ***«Шаги по земле»***; *х/ф* ***«Птицы на снегу»***; *х/ф* ***«Письма к живым»***; *х/ф* ***«Эскиз на мониторе»*** и др.

Удачны в качестве кинономинаций неполные предложения (иногда их называют «осколочными»), представленные изолированным обстоятельством и актуализирующие место, время событий в фильме: *х/ф* ***«Сорок минут до рассвета»*** **–** кинопроизведение объединяет истории людей разных профессий, которые раскрывают суть понятий «сча-

стье», «подвиг», «героизм»; *х/ф* ***«Под ступеньками»*** – история Якова Дерябина, который вернулся из мест заключения и не может найти ни работу, ни жилье; никто не хочет помочь несчастному – и он спит в подъезде жилого дома *под лестницей*; *х/ф* ***«На перепутье»*** и нек. др.

В-пятых, основная масса фильмонимов – простые неосложненные предложения; в качестве осложняющего выявлено только обращение: *х/ф* ***«Поговорим, брат»***; *х/ф* ***«Не плачь, Аленка»***.

В кругу исследуемых кинономинаций отмечены **сложные предложения**:

1) сложноподчиненные: *х/ф* ***«Приключение в городе, которого нет»*** – рассказ о *приключении* Славы Курочкина, во время чтения книги попавшего в сказочный мир и встретившего там всех литературных героев детских книг; *д/ф* ***«Человек, который брал интервью*** (оба фильмонима содержат придаточные определительные, которые помогают развернуто назвать, охарактеризовать место событий / героя кинопроизведения). Представляет интерес неполное предложение (с опущенной главной частью), которое в качестве фильмонима актуализирует идею кинопроизведения: *х/ф* ***«Пока мы живы»***;

2) сложносочиненные предложения с отношениями: а) соединительными (подобные конструкции ставят в заглавную позицию кинотекста его основных героев): *х/ф* ***«Чаклун и Румба»*** – киноповесть о фронтовой судьбе солдата-сапера Федора *Чаклуна* и его собаке Румбе; *х/ф* ***«Три женщины и мужчина»***; б) пояснительными: *х/ф* ***«Чудо-остров, или Полесские Робинзоны»*** – повествование о приключениях современных школьников, которые отправляются на поиски острова из повести Янки Мавра *«Полесские робинзоны»*.

Фильмонимы могут объединять в своем составе **несколько предложений**, которые находятся в уточняющих отношениях: *х/ф* ***«Белые росы. Возвращение»*** – история Андрея Ходоса, который, пожив в городе, решил *вернуться* жить в деревню (конструкции включают именительный темы, который отсылает к уже известному зрителю кинопроизведению и тем самым привлекает внимание, вызывает особый интерес к предмету речи, усиливает звучание имени собственного); *х/ф* ***«Снайпер. Оружие возмездия»*** – рассказ о старшем лейтенанте Яшине, отличном *снайпере,* который отважно борется с немцами и даже вызывает на дуэль немецкого капитана Карла Кляйста; *д/ф* ***«Места памяти. Ивье»***.

Таким образом, имена собственные кинопроизведений демонстрируют вариативность своего плана выражения, обращение к многообразию предикативных конструкций в современном русском языке, к их высокому коммуникативному, стилистическому, изобразительно-выразительному потенциалу, что позволяет вербализовать интенции номинаторов.

Мотивация фильмонима простыми односоставными (личными, безличными, инфинитивными) предложениями актуализирует действие, состояние, придает имени собственному динамизм, нередко и императивность, сокращая дистанцию со зрителем. Использование в качестве кинономинаций неполных синтаксических конструкций, особенно простых предложений, также выводит на передний план самое важное (в коммуникативном плане) в заголовке кинотекста (место, время событий и т.д.), содействуют интерпретации авторского замысла. Обращение к сложным предложениям позволяет сделать фильмоним содержательно более насыщенным, т.к. он развернуто характеризует предмет/объект повествования либо устанавливает между событиями/ситуациями отношения соединительно-перечислительные, пояснительные, уточняющие. Имена собственные кинотекстов нередко отличаются установкой на диалогичность, разговорность (побудительный характер предложений; восклицательная интонация; активность простых, небольших по объему предложений, стремление к компактности сложных предикативных единиц; эллипсис одного или нескольких членов предложения; обращения), что делает их запоминающимися, включает в коммуникацию и адресата фильмонима.

Литература

1. Кинопоиск [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kinopoisk.ru/. – Дата доступа: 13.09.2021.

2. Кино-Театр.РУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kino-teatr.ru/. – Дата доступа: 30.12.2021.

3. Кныш, Е.В. Лингвистический анализ наименований кинофильмов в русском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.В. Кныш; Одесский гос. пед. институт. – Одесса, 1992. – 19 с.

4. Михайлова, Я.Д. Социальные функции кинематографа / Я.Д. Михайлова // Молодой ученый: международный научный журнал. – 2018. – № 16 (202). – С. 272–274.

5. Республиканское унитарное предприятие «Национальная киностудия “Беларусьфильм”» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www. belarusfilm.by. – Дата доступа: 13.09.2021.

6. Фильмы киностудии «Беларусьфильм» [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ ruwiki/1638568#.D0.A1.D1.81.D1.8B.D0.BB.D0.BA.D0.B8. – Дата доступа: 10.09.2021.

Ю.В. Дулова
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: jul_dulova@mail.ru

УДК 81’37:75:76

Названия произведений живописи и графики: средства прагматизации

Ключевые слова: *артионим, информема, прагмема, прагматизация, номинатор, реципиент, Белорусское Поозерье.*

В статье рассматриваются принципы прагматизма. Выявляются и характеризуются основные средства прагматизации названий произведений живописи и графики. Установлено, что достижению прагматической цели служат прагматически маркированные лексические, словообразовательные и синтаксические средства: эмоционально-оценочная лексика, заимствования, использование слов в переносном значении, конструкций с диалоговой семантикой, устойчивых словосочетаний и прецедентных высказываний.

Yu.U. Dulava
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

Names of paintings and drawings: means of pragmatization

Key words: *artionym, informem, pragmem, pragmatization, nominator, recipient, Belarusian Lake District.*

The article deals with the principles of pragmatism. The main means of pragmatization of the names of paintings and drawings are identified and characterized. It has been established that pragmatically marked lexical, word-forming and syntactic means serve to achieve the pragmatic goal: emotional-evaluative vocabulary, borrowings, use of words in a figurative sense, constructions with dialogue semantics, set phrases and case statements.

Произведение изобразительного искусства представляет собой определенное сообщение, которое автор намеревается донести до реципиента. Находясь в определенных коммуникативных обстоятельствах, номинатор руководствуется определенными прагматическими принципами, выбор которых определяется совокупностью прагматических мотивов, потребностей и установок [1].

Цель исследования – охарактеризовать основные средства прагматизации названий произведений живописи и графики.

Фактическим материалом исследования послужила авторская картотека, полученная методом сплошной выборки из источников по изобразительному искусству белорусских художников конца XIX – начала XXI века (листов поступления основного фонда коллекций живописи и графики учреждения культуры «Витебский областной краеведческий музей», материалов интернет-ресурса «Художники Витебщины», изданных каталогов картин).

Анализ имеющегося в нашем распоряжении материала позволил выделить артионимы-информемы и артионимы-прагмемы. Несмотря на то, что граница между ними подвижна, наблюдаются некоторые функциональные различия.

К артионимам-информемам относятся все единицы, доминирующей функцией которых является информирующая и в основу образования которых положен принцип информативности. Это названия произведений живописи и графики, которые передают изображенное на полотне языковыми средствами, не заключая в себе имплицитной информации: В.Н. Белявский *«Медсестра»*, Т.Д. Березовская *«Апельсин»*, И.Т. Бобоедов *«Сосна»*, И.Ю. Боровский *«Натюрморт с гладиолусами и бутылкой шампанского»*, В.И. Витко *«Ивы над озером»*, П.Б. Гривусевич *«Коровы в саду»*, Ф.Ф. Гумен *«Баренцево море. Шторм»*, А.В. Доманов *«Домик на реке Витьба»*, А.В. Шилко *«Дерево в поле»*. Приведенные примеры подчеркивают эмоциональную нейтральность информем, свидетельствуют о низком уровне прагматизма. Онимизации подвергаются как отдельные слова, так и словосочетания и предложения.

Прагмемы – те прагматические названия, при создании которых доминирующим принципом явился принцип аттрактивности, реализующийся через специальные стилистически или эмоционально окрашенные языковые единицы разных языковых уровней. Принцип аттрактивности, в отличие от принципа информативностии, предполагает определенную эмоциональность, оценочность языкового знака, его образность. К частным проявлениям принципа аттрактивности следует отнести такие, как принцип аффективности, языковой игры, экономии и эстетичности.

Средствами реализации принципа аффективности выступают прагматически маркированные лексические, словообразовательные и синтаксические средства:

- эмоционально-оценочная лексика преимущественно с положительным семным набором: Л.С. Антимонов *«Грезы», «Мираж», «Пробуждение», «Одинокий странник»*, Ю.А. Баранов *«Наслаждение»*, В.Н. Белявский *«Воспоминания», «Огонь на себя», «Раны земли»*, Т.Д. Березовская *«Ангел-хранитель», «Праздник дождя», «Сны о чем-то большем…»*, И.Н. Будич *«Ожидание», «Стремление»*, В.Н. Вольнов *«Символ успеха»*;
- заимствования из иных языков: А.И. Досужев *«Good morning, Vincent!»*, Г.С. Васильева *«Bonjour R. Geiger»*, *«EX ORIENT LUX»* (Парафраза евангельского повествования о рождении Иисуса (Евангелие от Матфея, 2.1), А.Э. Духовников *«A-a-a-Le»*, А.С. Изоитко *«Memory».* Как правило, отсутствует смешение нескольких языков, а сами иноязычные названия имеют положительную эмоциональную окраску*;*
- слова в переносном значении: В.Н. Вольнов *«Штрих трагедии»*, Ф.Ф. Гумен *«Цветы Чернобыля», «Язвы империализма»*, А.С. Изоитко *«Солнце стекает на руки», «Юноша, превращающийся в лебедя»,* А.Ф. Карпан *«Белобрысое лето»*;
- словочетания и предложения с диалоговой семантикой, использование которых обусловлено их функцией установления контакста адресанта и адресата:
  - названия-утверждения: Ю.А. Баранов *«На исходном рубеже»*, И. Болтович *«Проснулся»*, В.И. Витко *«Когда океан закроет землю», «После одной ошибки», «Слышу мир»,* И.Ю. Боровский *«Школьным садам цвести!»,* В.Н. Вольнов *«Придем. Поклонимся», «Хотелось бы всех наказать»*, С.М. Гершов *«Приехала наниматься»,* Ф.Ф. Гумен *«Лишь бы что» (Нечто),* В.П. Дуров *«Когда не перестанем удивляться…»,* А.Э. Духовников *«Они не любили дождь»,* А.П. Журавлев *«Путешествую с осенью»*, И.М. Зельдин *«Хорошо утром в лесу»*, А.Ф. Карпан *«Все в прошлом», «Даниэлла отшумела»*, Г.П. Киселев

«Мы пойдем другим путем», «Ой, и стали в круг», А.Ф. Ковалев *«Вот она, Германия!»*, А.В. Литвин *«Нет пути», «Р-р, которую я не выговариваю»*, Л.С. Ран *«Идут!»;*

- названия-вопросы: Ю.А. Баранов *«Кто следующий»,* А.Б. Заборов *«Где сын?»*, *«Откуда и куда?»,* О.В. Крошкин *«Что дальше?»,* И.М. Столяров *«Чья возьмет»*;
- названия-обращения (в том числе приветствия, рекомендации, призывы и т.д.): И.Ю. Боровский *«Учись!», «Хулиган с дороги прочь!»,* Г.С. Васильева *«Здравствуйте, господин Малевич!»,* Ф.Ф. Гумен *«С праздником»,* А.Э. Духовников *«…постарайтесь не попасть под дождь…», «Вы думаете, легко быть императором Франции при таком маленьком росте…», «Постарайтесь вернуться»,* А.Ф. Ковалев *«Здравствуй, Витебск!»*, Г.Ф. Кликушин *«Эх, ты доля, доля бедняка»,* А.С. Корженевский *«Люди, помните!»,* В.З. Краевский *«Алло, привет!», «Привет!», «Собачка, хочешь пирожок?»*, О.И. Ладисов *«Оберни книгу!», «Посади цветок в Эдеме!»*, А.В. Литвин *«Убей во мне Горгону, Медузу сохрани»,* Свиридова *«Давай улетим»*, А.В. Шаппо *«Ты можешь позабыть мою любовь»;*

- устойчивые словосочетания: Т.Д. Березовская *«Зеркало души»,* М.Ф. Глушко *«Ни шагу назад»* (Приказ № 227, подписанный Сталиным), П.Б. Гривусевич *«Скорбь матери»*, Ф.Ф. Гумен *«В начале начал…», «Горы зовут», «Сладкие обещания»*, В.П. Дуров *«Крик души»*, А.С. Изоитко *«Птица счастья», «Счастье есть»*, А.Ф. Карпан *«Какие наши годы…», «Старость – не радость»*, И.М. Столяров *«Звонить во все колокола»;*
- прецедентные высказывания, в частности апелляция номинаторов к произведениям литературы и музыки. Так, в основу артионима Н.Н. Дундина *«Человек, который смеется»* был положен библионим исторического романа Виктора Гюго XIX века; А.А. Соловьев *«Коварство и любовь»* – отсылка к мещанской драме Ф. Шиллера; А.Ф. Ковалев *«Враги сожгли родную хату…»* – отсылка к известной советской песне о Великой Отечественной войне, автором слов которой является М. Исаковский; В.З. Краевский *«Кабы не было зимы…»* – отсылка к новогодней песне, автором слов которой является Ю. Энтин; В.И. Кухарев *«Прощание славянки»* – марш, написанный в 1912 году штаб-трубачом 7-го запасного кавалерийского полка, стоявшего в Тамбове, Василием Агапкиным под впечатлением от событий Первой Балканской войны (1912–1913), национальный марш, символ проводов на войну, на военную службу или в дальнее путешествие; В.З. Краевский *«Однажды в студеную»* – отсылка к поэме Н.А. Некрасова «Мужичок с ноготок»; А.И. Мемус *«Свеча горела на столе»* – отсылка к стихотворению Б. Пастернака «Зимняя ночь» из поэтического цикла, завершающего роман «Доктор Живаго»; А.Н. Слепов *«Рукописи не горят»* – цитата из романа «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова (гл. 24 «Извлечение мастера»).

Положительную коннотацию имеют названия-прагмемы духовного характера, в основу которых положены устойчивые словосочетания: В.И. Витко *«Сойти с креста»*, С.А. Тихонов *«Нести свой крест»,* а также мотивированные молитвенными текстами: Г.П. Киселев *«Спаси и сохрани», «Отче наш»*.

В исследованном материале отсутствуют названия-окказионализмы, что связано со спецификой искусствоведческого дискурса. Номинаторам, как правило, не требуется шокировать или удивлять реципиента, достаточно лишь создать условия для возникновения необходимого настроения для восприятия произведения искусства. Можно предположить, что названия-окказионализмы свойственны перфомансам, однако они не являются предметом рассмотрения в данной работе.

Принцип экономии языковых средств не характерен для названий произведений изобразительного искусства, что опять же объясняется особенностью именуемого объекта. Если в рекламе, в названиях телепередач, словесных товарных знаках использование акронимов, аббревиатур представляется актуальным и целесообразным, в отношении названий картин подобные названия будут недостаточными, ограниченно ориентирующими

или даже дезориентирующими реципиента, а это может оказать негативное влияние на выстраивание коммуникации между автором и адресатом.

Выбор средств прагматизации названий картин практически не зависит от жанра произведения. Произведения живописи и графики не предназначены для «развлечения», поэтому при создании данных номинаций в искусствоведческом дискурсе не наблюдается обращений к языковой игре на основе словосложения и аббревиации. Использование чисел, математических знаков, символов минимально, потому что нет задачи сделать название рекламно привлекательным: В.И. Витко *«Год 41-й»*, Ф.Ф. Гумен *«С Новым Годом! 2006»*, В.К. Дежиц *«Восстановление моста через Витьбу в г. Витебске»*, В.П. Дуров *«45 лет Победы»*, Капчиков *«Июль – 20:42, прогулка с Капитаном»*, А.Ф. Карпан *«Гримасы XXI века»*, Г.П. Киселев *«40 лет освобождения БССР от немецко-фашистских захватчиков»* и др. Использование чисел связано напрямую со временем создания произведения, поводом к созданию или же временем изображенного на полотне, т.е. выполняет в большей степени информирующую функцию, чем аттрактивную.

При создании названий произведений живописи и графики отдается предпочтение лексико-семантическому способу с прямым указанием на изображение на полотне, что способствует созданию благоприятных условий для восприятия информации. Здесь в полной мере реализуется прагматический принцип информативности.

Таким образом, для артионимии Белорусского Поозерья типичными являются названия-информемы, что объясняется функциональными особенностями исследуемого разряда периферийных онимов. Информирующая функция, направленная на сообщение адресату сведений об изображенном на полотне, является приоритетной. Несмотря на ее преобладание, достижению прагматической цели служат прагматически маркированные лексические, словообразовательные и синтаксические средства: эмоционально-оценочная лексика, заимствования, использование слов в переносном значении, конструкций с диалоговой семантикой, устойчивых словосочетаний и прецедентных высказываний.

Литература

1. Горшунов, Ю.В. Прагматика аббревиатуры / Ю.В. Горшунов. – М.: Прометей, 1999. – 219 с.

Н.А. Красовская
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
e-mail:nelli.krasovskaya@yandex.ru

УДК 81’373.232

Авторские подписи в региональной прессе довоенного периода как факт стилистики и антропонимики

Ключевые слова: *газета, антропоним, военный период, регион, пресса, авторская подпись.*

Статья посвящена проблеме авторских подписей в газетах военного периода. По наблюдениям автора, структура подписей в заметках не имеет единообразного характера. Антропонимы представлены в виде фамилии, фамилии и сокращения имени до одной буквы, в некоторых случаях в авторской подписи может присутствовать указание на профессию или занимаемую должность. Непоследовательность в использовании антропонимов, нечеткость структуры авторских подписей свидетельствуют о целом ряде особенностей, в том числе идеологических, в региональных газетах довоенного периода.

N.A. Krasovskaya
Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy

Author's signatures in the regional press of the pre-war period as a fact of stylistics and anthroponymy

Key words: *newspaper, anthroponym, war period, region, press, author's signature.*

The article is devoted to the problem of author's signatures in newspapers of the war period. According to the author's observations, the structure of signatures in the notes is not uniform. Anthroponyms are presented in the form of a surname, surname and abbreviation of the name to one letter; in some cases, the author's signature may contain an indication of the profession or position held. The inconsistency in the use of anthroponyms, the vagueness of the structure of author's signatures testify to a number of features, including ideological ones, in the regional newspapers of the pre-war period.

Язык региональной прессы не может не привлекать внимание исследователей. На наш взгляд, обращение к материалам региональных газет восьмидесятилетней давности дает возможность наблюдать целый ряд явлений, связанных с изменением языковой системы, с расширением стилистических возможностей русского языка, с формированием новых жанров и др. Язык газет отражает и большие социальные потрясения, происходившие в нашей стране в то время. О важной роли газет в военный период исследователи писали неоднократно, при этом подчеркивая злободневность и актуальность содержательной стороны газетных публикаций. Безусловно, газета была призвана объединить население страны против немецко-фашистских завоевателей, поднять боевой дух армии, мирных жителей. Надо сказать, что актуальность и злободневность газетных публикаций во многом достигалась благодаря языковым особенностям, которые и реализовывали патриотические смыслы, настроения пишущих. Неоднократно отмечался ряд языковых особенностей, которые характеризовали газетные публикации военного времени. Так, например, А.Д. Шмелев говорит о том, что само слово *военный* приобрело особый смысл только после Великой Отечественной войны: «…Довольно скоро, еще в военные годы, само слово «война» стало обозначать в массовом сознании именно «нынешнюю войну с Германией… Появились и новые слова. Например, слово «власовец», которое стало активно использоваться в последующем. В советское время и о Пастернаке, и о Солженицыне говорили «литературный власовец». А само слово, понятно, появилось после того, как генерал Власов был взят в плен и организовал так называемую РОА – «Русскую освободительную армию», которая воевала против Красной армии.

Многие сокращения, наоборот, постепенно почти перестали употребляться, например, РККА (рабоче-крестьянская красная армия). Само сочетание «красная армия» еще употреблялось, но довольно скоро (в 1946) она была переименована в «советскую армию», и тогда сокращение как-то само собою забылось. Даже в произведениях о войне часто пишут о «советской армии»» [6].

Мы обращаемся к анализу региональных газетных материалов, так как они еще не становились предметом пристального лингвистического рассмотрения. Однако, по нашему мнению, их исследование может прояснить целый ряд вопросов, связанных с тем, насколько в языке региональных газет наблюдаются те же особенности, что и в языке центральной прессы, как представлены региональные и диалектные черты в газетах определенных районов и населенных пунктов, можно ли наблюдать в региональных газетах общие тенденции изменения лексического состава языка в военные годы (См., например, об этом [3]). Помимо этих вопросов, нас заинтересовала и структура газеты, ее тематические рубрики, лозунги и эпиграфы, наименования статей, а также авторские подписи.

Для большинства из нас структура авторской подписи в газетных материалах соответствует нашему представлению о структуре имени, то есть в основном мы ожидаем трехчленную структуру, в которой представлена фамилия, имя и отчество. Однако структура имени может меняться в зависимости от историко-культурных процессов, социальных причин, собственно языковых изменений. Так, в кандидатской диссертации В.В. Анисимовой говорится: «Антропонимы вбирают в себя все исторические, социальные, культурные факторы и отражают узус своего времени, традиции употребления личных имен в разных слоях общества. Именно поэтому они очень чутко реагируют на все происходящие изменения» [1, 7]. Вполне можно ожидать, что имя и отчество в газете сокращены до одной буквы. В ряде случаев современные подписи имеют двучленную структуру, то есть состоят только из фамилии и имени. В некоторых случаях к имени добавляется еще и указание на занимаемую должность или тот или иной социальный статус, который важен для понимания смысла опубликованного материала или для формирования правильного отношения читателя к нему. «Подавляющее большинство газетных материалов публикуется с авторской подписью, которую обычно помещают в конце статьи или заметки под последней строкой текста. Авторская подпись состоит из первого инициала автора и его фамилии (полностью). Иногда сюда добавляются должность, звание, страна, город и т.д., и в этом случае подпись разбивается на несколько строк: в первую строку входят инициал и фамилия, а под ними, на второй строке, ставят должность/звание», – отмечает Николай Дубина в «Основах оформления газеты» [4]. Однако в современных средствах массовой информации имеются жанры, которые публикуются без авторской подписи, в этом случае они могут выражать мнение редакции. Например, такое может наблюдаться при публикации редакторских колонок. «Редакционные колонки без подписи, выражающие мнение всей редакции, – действительно трудный жанр…», – пишет Тимченко И.С. [5, 23].

Нами был проведен анализ материалов газет довоенного периода. Подчеркнем, что в качестве объекта рассмотрения мы выбрали газету одного из районов Тульской области – «Белёвскую правду» [2]. Само название издания довольно показательно: с одной стороны, оно включает в себя относительное прилагательное, образованное от топонима Белёв, а с другой стороны – слово *правда*, которое отражает общую тенденцию к использованию этой лексемы как одной из важнейших идеологем советского времени. Указанная газета выходила в свет в довоенный период довольно часто, точной последовательности номеров в течение недели не было, но, по нашим наблюдениям, номера газеты выходили 4-5 раз в неделю. В первые военные месяцы и в постоккупационный период в течение недели выходило примерно три номера, а в месяцы оккупации газета не издавалась. Указанное периодическое издание заинтересовало нас тем, что отражало жизнь одного из интереснейших в историческом плане районов Тульской области.

Итак, анализ авторских подписей к материалам довоенных публикаций приводит к следующим наблюдениям. Самыми распространенными разновидностями авторских подписей были подписи, которые состояли только из одной фамилии или из фамилии и первой буквы имени. Так, среди проанализированных нами 10 заметок в номере газеты от 8 мая 1941 года (№ 72) были отмечены следующие разновидности оформления авторских подписей: 1) только фамилия – встречается 3 раза (*Есин, Цыбаров, Владимиров*); 2) первая буква имени и фамилия – встречается 3 раза (*П. Ершов, А. Сериков, М. Корнеев*); 3) фамилия и указание на должность или профессию – встречается 2 раза (*Машков, секретарь РК ВЛКСМ; Аносов, председатель сельсовета*); 4) профессия, первая буква имени и фамилия – встречается 1 раз (*Агроном М. Федосеев*); 5) Одна подпись с первыми буквами имени и отчества – встречается 1 раз (*Р.Г. Березовский*).

Обращает на себя внимание тип авторских подписей с указанием на должность или профессию. Мы обратились к содержанию заметок, чтобы понять, насколько важны

были эти данные в структуре авторских подписей. Заметка, которая подписана *«Аносов, председатель сельсовета»*, называется *«Учесть ошибки первых дней сева»*, в ней говорится о начале сева в колхозе «Первое мая», а именно о том, что работу можно начинать раньше, а заканчивать позже, о том, что кони до сих пор «ниже средней упитанности». Можно, таким образом, говорить о том, что указание на занимаемую должность (*председатель сельсовета*) важно для понимания содержания заметки, для формирования читательского отношения к предлагаемому материалу. Заметка, авторская подпись к которой выглядит как *«Машков, секретарь РК ВЛКСМ»*, имеет заголовок *«Выходите на беговые дорожки»* и призывает комсомольцев к более активному участию к спортивных соревнованиях. Так как автор статьи делает анализ участия комсомольцев в спортивной жизни района, то неудивительно, что авторская подпись содержит указание на его должность. Заметка, которая называется *«Огурцы на семена»*, подписана *«Агроном М. Федосеев»*. В данном случае указание на профессию, по нашему мнению, необходимо, так как именно оно позволяет читателям быть абсолютно уверенными в профессиональной точности и верности содержания заметки. На первый взгляд, может показаться, что обозначение должности в авторской подписи – это отличительная черта заметок, содержание которых так или иначе связано с работой человека в этой должности, но отметим, что другие заметки, которые по содержанию приближаются к проанализированным, могли быть подписаны только фамилией или первой буквой имени и фамилии. Например, обратимся к заметке *«За четыре месяца после отчетно-выборного собрания»*, в которой говорится о деятельности профорганизации при горкоммунхозе. Казалось бы, публикация с таким содержанием должна предполагать указание в авторской подписи должности человека, которой ее писал, однако данная заметка подписана только фамилией – *«Владимиров»*. Остановимся на заметке с названием *«За новый подъем партийной работы»*. В ней говорится об отчетно-выборных конференциях в первичных партийных организациях. Наверное, имело бы смысл включать в авторскую подпись указание на занимаемую должность человека, ее написавшего, однако она подписана только *«А. Сериков»*.

Среди прочих материалов рассматриваемого номера наше внимание привлекла заметка с названием *«Сев подходит к концу»*, которая сообщает о весенне-полевых работах в колхозе «Кондратово». По содержанию она близка заметке *«Учесть ошибки первых дней сева»*, следовательно, было бы уместным указание на должность или профессию человека, писавшего её, но авторская подпись состоит только из фамилии – *«Цыбаров»*.

Можно обратиться к заметке с названием *«Овод и борьба с ним»*, которая посвящена средствам борьбы с оводом, можно предположить, что такого типа заметка могла бы быть подписана человеком, имеющим определенное образование или соответствующую профессию, но подпись содержит только указание на фамилию и первую букву имени, никакой информации о профессии авторская подпись к рассматриваемой заметке не содержит.

Проведенные наблюдения позволяют говорить о том, что единообразия в структуре авторских подписей даже к заметкам с одинаковым содержанием не наблюдается.

Обратимся к некоторым особенностям авторских подписей и антропонимов, присутствующих в них, которые можно наблюдать в иных довоенных номерах рассматриваемой газеты и которые не повторяют структуру тех подписей и типов антропонимов, о которых мы уже сказали выше. Так, в следующем за рассмотренным номере (№ 73) от 9 мая 1941 года, помимо указанных разновидностей авторских подписей, мы наблюдаем следующие: 1) две фамилии и только к одной из них добавляется указание на имя в виде сокращения до одной буквы (*Н. Тимошин, Борисова*); 2) нарицательное существительное, которое указывает на социальный статус автора (*Колхозник*).

В целом отметим, что в номере от 9 мая 1941 года из 19 рассмотренных заметок, имеющих авторские подписи, 6 имеют подписи только в виде фамилий (*Егоров, Куприянов, Попков, Амосов, Александров, Борисова*), 4 раза встречаются подписи, которые

имеют указание на фамилию и первую буквы имени, и 4 раза авторские подписи включают в себя первую букву имени, фамилию и указание на занимаемую должность или профессию (*М. Овчинников, секретарь сельсовета; Д. Панков, Райсовет Осоавиахима* – тут поясним, что мы сохраняем то написание, которое встретилось в газете, а также предполагаем, что пишущий занимает какую-то должность в указанной организации, хотя точно должность не указана; *В. Васин, старший зоотехник Райзо; И. Базукин, госинспектор*). Другие заметки в указанном номере имеют иную структуру, о которой мы уже писали.

В других довоенных номерах газеты «Белёвская правда» (в частности мы анализировали номера за май 1941 года) нам встретились такие довольно редкие авторские подписи, как *«Служащий»* (в номере 81 от 23 мая 1941 года). Заметка называется *«Использовали «по назначению»»*, в ней содержится критика деятельности исполкома городского Совета депутатов трудящихся. Можно догадаться, что заметки критического содержания имеют подписи, которые не содержат антропонимов и напоминают анонимные материалы. Критическим содержанием отличается и заметка *«Не обращают внимания на сигналы газеты»* (в номере 78 от 18 мая 1941), которая подписана апеллятивом *«Комсомолец»*.

В этом же номере встречается еще одна разновидность авторской подписи, которая связана со структурой антропонима. Так, заметка *«Как мы боролись за первенство на севе»* подписана следующим образом: *«Мария Васильевна Жарова, звеньевая колхоза «Пролетарский труд»»*. В данном случае мы наблюдаем трехчастную структуру антропорнима, который входит в состав авторской подписи, при этом имя и отчество указаны полностью.

Таким образом, анализ ряда довоенных номеров региональной газеты «Белёвская правда» на предмет рассмотрения авторских подписей позволяет сделать определенные наблюдения и выводы.

Во-первых, можно говорить о том, что в 40-е годы XX века, а именно в предвоенное время, стилевые черты публицистики находились еще в процессе становления, в том числе и в формальной части композиционных и структурных элементов.

Во-вторых, на наш взгляд, структура авторской подписи свидетельствует о некоторых идеологических наслоениях. Так, наличие во многих случаях в авторской подписи только фамилии, без какого бы то ни было указания на имя, может говорить о недостаточной ценности личности человека, о том, что человек рассматривался только лишь как единица, как винтик, которые были нужны для решения глобальных задач строительства социализма и коммунизма, для достижения новых свершений.

В-третьих, последовательности в использовании авторских подписей даже в приведенном виде не наблюдается, то есть привязка к содержательной части заметок не всегда является закономерной.

В-четвертых, встречающиеся авторские подписи в виде апеллятивов имеют, по нашему мнению, некоторую схожесть с анонимными сообщениями, особенно если учесть, что они зачастую завершают материалы критического характера.

В-пятых, приведенные наблюдения позволяют говорить о том, что использование антропонимов в публицистическом стиле 40-х годов XX века еще не является однозначным и последовательным, допускает множество вариантов, в том числе тех, где антропонимы имеют не трехчастную, а более сокращенную структуру.

Литература

1. Анисимова, В.В. Развитие русской антропонимики в современном русском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / В.В. Анисимова; ГИРЯ им. А.С. Пушкина. – М., 2004. – 22 с.

2. Белёвская правда. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://data.tularlic.ru/newspaper/Belevskaya_pravda/1941/. – Дата доступа: 10.01.2022.

3. Красовская, Н.А. Газетные заголовки в региональной прессе военного периода / Н.А. Красовская // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2021. – № 2 (41). – С. 114–128.

4. Николай Дубина. Об основах оформления газеты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://compuart.ru/article/15340. – Дата доступа: 11.01.2022.
5. Тимченко, И.С. Авторская колонка в современных СМИ: учеб.-метод. пособие / И.С. Тимченко. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2011. – 172 с.
6. Шмелев, А.Д. О том, как война изменила русский язык [Электронный ресурс] / А.Д. Шмелев. – Режим доступа: https://www.pravmir.ru/aleksey-shmelev-o-tom-kak-voyna-izmenila-russkiy-yazyik/. – Дата доступа: 12.01.2022.

А.О. Маковский
Минский государственный лингвистический университет
e-mail: mao-iroc@yandex.ru

УДК 811.1/.2

Онимы как деривационная база номинаций романо-германской этимологии в русском литературном языке

Ключевые слова: *оним, апеллятив, антропоним, топоним, прагматоним, эргоним, номинация, романо-германская этимология, вторичная номинация*

Статья посвящена проблеме исследования онимических единиц в составе романо-германских номинаций, заимствованных русским языком. С целью установления особенностей развития романо-германской онимической и отонимической лексики и особенностей включения такой лексики в состав русского языка проводится анализ основных способов апеллятивно-онимических трансфрмаций и сопровждающих их деривационных трансформаций.

A.O. Makovsky
Minsk State Linguistic University

Onyms as a derivational base for the nominations of Romano-Germanic etymology in the Russian literary language

Key words: *onym, appellative, anthroponym, toponym, pragmatonym, ergonym, nomination, Romano-Germanic etymology, secondary nomination.*

The article is devoted to the problem of the study of onymic units of the Romano-Germanic nominations borrowed by the Russian language. The analysis of the main methods of appellative-onymic transformations and the accompanying derivational transformations is made to define the features of the development of the Romano-Germanic onyms and onymic derivatives as well as the features of the inclusion of such vocabulary in the Russian language.

Лексическая система русского языка – многоуровневая динамическая структура, которая включает единицы различных классов и групп. Они, входя в единое концептуальное пространство языка, содержат «знания о свойствах и признаках «серийных предметов» и «знания об индивидуализирующих признаках (выделительных, указательных)» [1, 38]. На основе данного различия по типу референта всю лексику можно разделить на апеллятивную (имена нарицательные) и онимическую (имена собственные). Каждому национально-культурному сообществу присущ свой набор имён собственных – ономастическое пространство. «Оно определяется моделью мира, существующей в представлении этого народа в настоящее время, но в ней всегда сохраняются элементы прежних эпох. У людей, принадлежащих к разным культурам, эпохам, территориям, ономастическое пространство имеет совершенно различное заполнение. При этом ономастизируются различные классы предметов» [6, 9]. По мнению Н.А. Гарбовской, «отонимические

образования также входят в ономастическое пространство и предопределены его составляющими». [3, 9]. Таким образом, структура ономастического пространства русского языка пополняется за счёт внутриязыковых деривационных механизмов и процессов заимствования иноязычных номинаций. Анализ данных процессов и механизмов является важным для понимания особенностей развития ономастического пространства определённого общества, а в месте с этим и процессов изменения его модели мира.

Русский язык активно взаимодействует с языками других европейских народов, включая языки романской и германской групп. Благодаря этому его лексическая система пополняется значительным количеством апеллятивов и онимов английской, немецкой и итальянской этимологии. Данные единицы подвергаются деривационным процессам как в родных языках до процесса заимствования, так и после включения в состав лексики русского языка. В ходе таких процессов лексические единицы могут происходить различные переходы между апеллятивными и онимическими номинациями: 1) пополнение онимической лексики за счёт апеллятивной называют *онимизацией*; 2) развитие нового онима на основе уже существующего – *трансонимизация*; 3) образование апеллятива на основе онима – *деонимизация (апеллятивация)*. Эти переходы сопровождаются морфологическими и семантическими деривационными изменениями.

Таким образом, отонимные номинации представляют значительный интерес, так как их количество определяет деривационный потенциал онимов. Анализ романо-германских онимов в составе лексики русского литературного языка призван определить степень включения романо-германского ономастического пространства в культурное пространство русского общества. Попытаемся осуществить выделение наиболее продуктивных типов романо-германских онимов, в составе лексики русского языка, а также основных способов их образования.

Из «Словаря иностранных слов современного русского языка» Т.В. Егоровой, а также «Беларуска-рускага тлумачальнага слоўніка новых слоў і новых значэнняў слоў» В.И. Уласевич и Н.М. Дагулевич было отобрано 4417 романо-германских номинаций, из которых выделено 119 онимных и отонимных номинаций, что составляет 2,7% от общего количества романо-германских номинаций. Значительное преобладание апеллятивной лексики над онимической объясняется тем, что мышлению человека свойственен обобщающий и классифицирующий характер. Такая особенность развилась в связи с необходимостью объединять подобные предметы и явления на основе их сходств, что упрощает построение логических связей между подобными предметами и явлениями для более эффективного познания мира. При этом один и тот же референт может иметь одновременно апеллятивную и онимическую номинацию, либо только апеллятивную. Однако, не существует референтов, именуемых лишь онимическими номинациями.

Большую часть выделенного корпуса составляют отонимические номинации (109). Собственно онимы (10) представлены в основном прагматонимами – названиями продуктов практической деятельности человека, сортов, марок, товарных знаков (англ.: *айпад, айфон, бигмак, браунинг*, *герболайф, памперсы*, *википедия, викисловарь*; нем.: *маузер*) и эргонимом – названием организации – (англ.: *Гринпис*). Количественный анализ отонимических номинаций показал, что большая их часть (44 единицы) образована от английских онимов, 36 единиц – от немецких и 18 – от итальянских. В большинстве отонимических единиц источник их образования совпадает с источником происхождения производящего онима: из 44 английских единиц 43 образованы в английском, 1 – в русском. Из 36 немецких – 31 в немецком, 1 – в английском, 2 – во французком, 2 в русском. Из 18 итальянских 14 образовалось в итальянском, 2 – в немецком, 1 – в английском, 1 – в русском. Также выделено 11 отонимических номинаций, образованных в рамках романо-германских языковых сообществ от онимов других культур.

Онимические номинации образованы либо от апеллятивов путём их онимизации – таких большинство (8 единиц): *википедия* (от гавайск. wiki «быстро» + энциклопедия) , *памперсы* (от англ. pamper «баловать, нежить»), либо путём трансонимизации других онимов (3 единицы): *маузер* (от мени нем. конструкторов братьев Маузер)*, браунинг*

(от имени амер. конструктора Browning, *бигмак* (от англ. Big – большой + mac – сокращение от бренда Макдональдс). Все отонимические номинации (119 единиц) образованы путём апеллятивации онимов. Большинство отонимических номинаций включают в себя отантропонимические (67 единиц) и оттопонимические (40 единиц). Данные апеллятивно-онимические и трансонимические трансформации проходят посредством деривационных процессов, среди которых выделены следующие типы: суффиксация (35%); словосложение (13%); усечение основы (2%); семантическая деривация (47%). В ономасиологическом аспекте процесс семантической деривации представляет собой вторичную номинацию, в основе которой «лежит сопоставление двух предметов, явлений действительности или двух признаков предметов на основе существующих между ними отношений. Основными способами переосмысления являются метонимия и метафора, которые предполагают номинацию нового предмета на основе второстепенных, несущественных признаков другого предмета, при этом происходит своеобразное смещение или перенос значения» [4, 77]. Так, например, английская апелляционная номинация *бикини* (название купальника) представляет собой деонимизированый топоним Бикини (название атолла в Тихом океане, где проводились испытания ядерного оружия). Здесь основой метафорического переноса служит сенсационно-скандальный характер обоих феноменов. Подобным образом может происходить и метонимическая вторичная номинация (оним *Ват* может деонимизироваться, переходя из антропонима (фамилия изобретателя) в обозначение единицы электрической мощности).

Для **английских** отонимических номинаций характерны следующие деривационные способы.

1. Семантическая деривация – 26 единиц, которая подразделяется в зависимости от основы переноса на:

a. Метафорическую (*бикини*) – 1 единица.

b. Метонимическую (25 единицы), которую можно разделить также на несколько подтипов:

- предмет – место: *аляска* (куртка)*, бадминтон, бристоль, джерси, йоркшир, карраген, регби, шайра, шевиот, шропшир, ньюфаундленд, плимутрок* (все данные апелллятивы обозначают оттопонимические номинации) – 13;
- предмет – изобретатель /производитель: *баббит, бел, ватт, ватман, грей, джоуль, макинтош, непер, реглан, френч, шрапнель* (11);
- предмет – объект действия: *бойкот* – по имени англичанина Boycott, к которому впервые была применена эта мера борьбы (1).

2. Суффиксация – 15 единиц: (*гайморит, дальтонизм, мерсеризация, паркинсонизм, раффлезия, тейлоризм, дунит, кимберлит, клейдесдаль, стронцианит, стронций, дарвинизм, робинзонада, винчестерный, гринписовец*). При этом номинации «винчестерный» и «гринписовец» заимствуются в составе одного словообразовательного гнезда с производящими номинациями «винчестер» и «Гринпис».

3. Усечение основы – 1 единица: фарада – англ. farad имени физика М. Фарадея Faraday).

4. Словосложение – 1 единица: *эрдельтерьер* (от названия местности Airedale в Йоркшире + англ. terrier терьер), *википедия, викисловарь* (от гавайск. wiki «быстро»).

5. Комбинированный – универбация + суффиксация – 1 единица: *берданка* (преобразование словосочетания *Berdan rifle* в единое слово с добавлением суффикса).

Немецкие отонимические номинации характеризуются следующими деривационными способами.

1. Семантическая деривация представлена только метонимическим типом переноса и включает следующие подтипы (17 единиц):

- предмет – изобретатель /производитель: *бедекер, вебер, гаусс, герц, глоксиния, дизель, доберман-пинчер, дрезина, иммельман, лямблия, омметр, рентген, сименс, цеппелин, вебер, эйнштейн* (15);

- предмет – место: *липарит, пинцгау* (2);
- инструмент – предмет: *шарманка* (по названию нем. песенки «Scharmante Katharine» – «Прелестная Катерина», часто исполнявшейся этим инструментом) – 1.

2. Суффиксация: *вейсманизм, гегельянство, махизм, цинния, ротвейлер, вейсманизм, эйнштейний, готика, иудаизм, гамбургер* (9).

3. Словосложение – 7 (*рентгенограмма, рентгенография, рентгенология, рентгенометр, рентгеноскопия, рентгенотерапия, рентгенотехника*).

4. Комбинированный (2) –

- суффиксация + префиксация (*неофрейдизм*);
- семантическая деривация + универбация + суффиксация: *шарманка* (Метонимический перенос сопровождается сжатием словосочетания *Scharmante Katharine* в слово *шарманка,* с добавлением суффикса *-ка* в инструментальном значении (предмет для осуществления действия).

5. Усечение основы: *страз* (от имени нем. ювелира Й. Страссера) (1).

Итальянские отонимические номинации образуются следующими деривационными способами.

1. Суффиксация (8 единиц): *гальванизация, макиавеллизм, фермий, фермион, болонка, липарит, тарантелла, тарантул.*

2. Семантическая деривация представлена только метонимическим типом переноса (3 единицы) и включает следующие подтипы:

- предмет – место: *болонья* (капроновая ткань), *сиена* (светло-коричневый цвет);
- предмет – изобретатель: *бодони* (по имени ит. резчика пуансонов Бодони).

3. Усечение основы (1): *ломбард* (от названия области Ломбардия (Lombardia).

4. Словосложение (6): *электрон-вольт* (англ. electron + ит. volta, от имени итальянского физика А. Вольты), *гальванокаустика, гальванометр, гальванопластика, гальваноскоп, гальванотаксис* (от имени ит. ученого Л. Гальвани).

Деривационные способы отонимических романо-германских номинации, образованных от онимов других культур следующие:

1. Семантическая деривация (5 единиц):

a. Метонимический перенос (5):

- предмет – изобретатель / производитель: *лямблия* (из нем. Lamblie – по имени чеш. врача В. Ламбла);
- предмет – место: *швиц* (из нем. Schwyz – по названию кантона Швиц (Schwyz) в Швейцарии)*, юра́* (из нем. Jura – по названию горной системы Юра в Швейцарии и Франции)*, карст* (из нем. Karst от названия участка известнякового плато Kras в Югославии).

b. Метафорический перенос: *циклоп* (из нем. Zyklop, франц. cyclope от греч. kyklops круглоглазый).

2. Суффиксация (6 единиц): *гуситы* (из нем. Hussit от чеш. hussit – по Яна Гуса), *пекинес* (из нем. Pekinese, англ. pekinese по названию г. Пекина)*, сионизм* (из франц. sionisme, нем. Sionismus – по названию горы Сион (Sion, Zion) близ Иерусалима)*, стоицизм* (франц. stoïcisme, нем. Stoizismus (греч. – от названия портика Стоя (Stoa) в Афинах, где учил философ Зенон), *рудбекия* (из англ. rudbeckia по имени швед. ботаника О. Рудбека (Rudbeck)*, иудаизм* (из нем. Judaismus от лат. Judaeus иудей, еврей).

На основе полученных данных можно сделать следующие выводы. 1. В процессе деривации романо-германских онимов наблюдается тенденция к их апеллятивации. 2. Среди всех типов романо-германских онимов, наибольший деривационный потенциал имеют антропонимы, что свидетельствует об их деривационной продуктивности, а соответственно и их значимости как в культуре данных романо-германских языков, так и в культуре русского народа. 3. Большая часть романо-германских отонимических номинаций имеют английскую этимологию, что в целом отражает тенденцию более активного заимствования русским языком английских номинаций. 4. Наиболее частотными деривационными способами

романо-германских отонимических номинаций являются семантическая деривация (47%) и суффиксация (35%). Преобладание семантической деривации может объясняться универсальной культурной тенденцией к метонимическому переносу, который обосновывается принципом лингвистической экономии. Вторичная номинация особенно характерна для германских онимов. Среди английских чаще всего наблюдается перенос топонима на феномен, наблюдаемый в данной локации. Для немецких более характерен перенос имени исследователя на исследуемый предмет. Среди итальянских отонимических номинаций более частотными являются суффиксация (44%) и словосложение (33%), что, учитывая тот факт, что в основном, язык-источник образования отонима и язык-источник производящего онима совпадают, может быть следствием синтетического характера итальянского языка.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Спорные проблемы семантики. Монография / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.

2. Беларуска-рускі тлумачальны слоўнік новых слоў і новых значэнняў слоў / В.І. Уласевіч, Н.М. Даўгулевіч. – Мінск: Аверсэв, 2013. – 253 с.

3. Гарбовская, Н.Б. Онимные и отонимные новообразования в современных масс-медийных текстах: автореф. дис... канд. фил. наук / Н.Б. Гарбовская. – Майкоп, 2006. – 22 с.

4. Криворот, В.В. О типологии лингвистических номинаций / В.В. Криворот // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире. – Минск: Белорусский государственный университет, 2018. – С. 75–82.

5. Словарь иностранных слов современного русского языка / Т.В. Егорова. – Москва, 2014. – 800 с.

6. Суперанская, А.В. Теория и методика ономастических исследований / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1986. – 254 с.

В.Б. Пераход
Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна
e-mail: rexo61@mail.ru

УДК 811.161.1’373.2:811.161.3’373.2

Гемеранімія Беларусі: структура, семантыка, намінатыўная і камунікатыўная спецыфіка (на матэрыяле СМІ Брэсцкай, Гродзенскай і Гомельскай абласцей)

Ключавыя словы: *гемеранімія, структурныя асаблівасці, матывацыйная зона, штучная намінацыя, намінатыўная спецыфіка, камунікатыўныя стратэгіі і тактыкі*

У артыкуле прадстаўлена комплексная характарыстыка гемеронімнай падсістэмы перыферыйнага анамастыкона Беларусі. Гемеронімы разгледжаны ў структурным, анамасіялагічным, намінатыўным, камунікатыўным аспектах. Устаноўлены асаблівасці будовы гемеронімаў, суадноснасць штучных намінацый з рознымі сферамі жыцця соцыума, вызначаны стратэгіі і тактыкі намінацыі.

V.B. Perakhod
Brest State University named after A.S. Pushkin

Hemeronymy of Belarus: structure, semantics, nominative and communicative specifics (based on the media of Brest, Grodno and Gomel regions)

Key words: *hemeronymy, structural features, motivational zone, artificial nomination, nominative specificity, communicative strategies and tactics*

The article presents a comprehensive description of the hemeronymic subsystem of the peripheral onomastycon of Belarus. Hemeronyms are considered in structural, onomassiological, nominative and communicative aspects. The features of the structure of hemeronyms,

the correlation of artificial nominations with various spheres of social life are established, the strategies and tactics of nomination are determined.

Гемеронімная падсістэма – найбольш значны сегмент ідэонімнага складу анамастычнай перыферыі. Ідэонімы («намінацыі аб'ектаў інтэлектуальнай, ідэалагічнай і мастацкай сфер дзейнасці чалавека») сярод уласных імёнаў ўтвараюць адносна аўтаномную прастору і схільныя да больш глыбокага, у параўнанні з іншымі онімамі, уплыву экстралінгвістычных фактараў. Да гемеронімаў адносяць не толькі намінацыі друкаваных СМІ, але і пры шырокім падыходзе (І.В. Крукава [1] і інш.) намінацыі электронных, сеткавых СМІ, назвы тэле- і радыёпраграм. Гемеронімы ўяўляюць сабой канстанты, з дапамогай якіх усталёўваецца і падтрымліваецца камунікацыя адрасанта з атрымальнікам інфармацыі.

Асноўныя мэта артыкула – шматаспектная характарыстыка гемеранімііі Беларусі. З гэтай мэтай разгледжаны структурны, анамасіялагічны, намінатыўны, камунікатыўны аспекты функцыянавання гемеронімнай падсістэмы.

Корпус гемеронімнага складніка перыферыйнага анамастыкона Беларусі аб'ядноўвае больш за 1460 найменняў. Крыніцай анімічнага матэрыялу паслужылі звесткі аб друкаваных, электронных, сеткавых СМІ, іншых медыянамінацыях, размешчаныя на сайтах Міністэрства інфармацыі Рэспублікі Беларусь, абласных і раённых выканаўчых камітэтаў, афіцыйных сайтах друкаваных, электронных, сеткавых СМІ, у «Дзяржаўным рэестры выдаўцоў, вытворцаў і распаўсюджвальнікаў друкаваных выданняў", "Рэестры распаўсюджвальнікаў прадукцыі тэлевізійных і (ці) радыёвяшчальных сродкаў масавай інфармацыі", у "Пераліку сеткавых выданняў, зарэгістраваных ў Дзяржрэестры СМІ на 20.01.2021", праграмах тэле- і радыёперадач тэлеканалаў і радыёстанцый, у іншых інтэрнет-рэсурсах.

У структурным плане прапрыяльная частка даследаваных гемеронімаў суадносіцца са штучнымі намінацыямі іншых відаў перыферыйных онімаў і падпарадкоўваецца граматычным законам беларускай і рускай моў. Аналіз будовы прапрыяльнай часткі гемеронімаў Беларусі выявіў структурную разнастайнасць уласных імёнаў [2]. Гемеронімы пры ўсёй сэнсавай ёмістасці імкнуцца да кампрэсіі маўленчых намаганняў, гэта тлумачыцца актыўнасцю адна- і двухслоўных уласных імёнаў. Дамінуюць **аднаслоўныя назвы** (*газеты "Зара", "Перамога", "Дняпровец"; тэлеканалы (ТК) "Інтэкс", "Варяг", "Нірэя"; тэлерадыёперадачы "Край", "Постаці", "Па-мужскі"*), у тым ліку **намінацыі-кампазіты** ў іх структурных разнавіднасцях (*праграмы "Телеприемная", "Радиотерапия", "Агроград", "СпортЭфир"; ТК "Буг ТВ", "Гарант ТВ", "Гомель плюс"; радыё "Лидер ФМ"*) і **двухкампанентныя** гемеронімы, якія рэалізуюць шэраг структурных схем, з іх найбольш прадуктыўныя Adj+N_1 (*газеты "Наш край", "Янаўскі край", "Драгічынскі веснік"* і інш.; *тэле- і радыёперадачы "Главная тема", "Музыкальное утро", "Интересный факт", "Детский час"*), N_1+N_2 (*газеты "Навіны Бераставіччыны", "Жыццё Палесся", "Царство сканвордов", "Вести БелГУТа"; тэлепраграма "Окна города"*). Распаўсюджаны мадэлі гемеронімаў з **кампанентамі-нумератывамі** (*"Три свечи" (літаратурнае кафэ) (тэлерадыёкампанія (ТРК) "Гродно"), "500 песен" (радыё «Лидер ФМ»), «7 дней» (ТРК «Брест»), «Неделя за 60 секунд» (ТК «Интекс»)*). Асобную структурную групу медыянамінацый утвараюць **склонавыя формы слоў** (*партал "vGomele.by"; праграмы "На стороне закона", "В теме", "Між іншым", "В центре внимания" (ТРК "Гомель")*) і **прэдыкатыўныя адзінкі розных тыпаў** (*"Пинск – молодежная столица Беларуси 2020" (ТК "Пинск"), "Спорт как жизнь" ("Лидское телерадиообъединение"), "Будни – это легко" (радыё "Брест"), "ГАИ информирует" (радыё "Лидер ФМ")*). Адметны структурны тып – састаўныя **найменні з падзагалоўкамі** ў якасці назваў тэле-і радыёперадач (*«7 дней. Прибужье», "Iwie. Małe Jerusalem/Ивье. Малый Иерусалим", "Инсульт. Скрытая опасность?!", "Честная игра (программа о спорте)", "Мировое время (об удивительных событиях!)"; "Гомель. Сильные новости" – інтэрнэт-газета*). Адзначаны зварот намінатараў да **ўстойлівых спалучэнняў слоў, парэмій, этыкетных формул**, арыгінальных і трансфармаваных **прэцэдэнтных выказванняў** (*газета "Из рук в руки", тэлепраграмы "Без комментариев", "День за днем», "От сердца к сердцу" (ТРК "Брест");*

“Еще не вечер” (радыё «Барановичи FM»); газета “Своими глазами” (Гомель), “Газета от А до Я” (Гродно); “От первого лица” (“Гомельское городское радио”), «Вопрос на засыпку» (ТК “Гродно плюс”), “Сказано – сделано!” (ТРК “Гомель”); “Будем здоровы” (ТРК “Брест”), “Добро пожаловать”, “Добрый вечер, Гомель!” (ТРК “Гомель”)).

Гемеронімная прастора Беларусі **ў анамасіялагічным аспекце** прадстаўлена 8 матывацыйнымі зонамі: лакатыўнай, тэмпаральнай, медыйнай, мэтавай, метарэферэнтнай, тэматычнай, сімвалічнай і комплекснай. Унутры кожнай зоны вылучаецца цэлы набор матывацыйных прыкмет. Вызначаныя матывацыйныя зоны ў значнай ступені абумоўлены тыпам СМІ, формай перыядычнага распаўсюджвання, кантэнтам.

Лакатыўная зона прадстаўлена медыянамінацыямі, у якіх адлюстравана месцазнаходжанне/рэгістрацыя медыяоргана, таму значная частка намінацый характарызуецца рэгіянальнасцю. Моўнымі рэпрэзентантамі з’яўляюцца назоўнікі-лакатывы агульнай семантыкі, астыёнімы і вытворныя ад іх (*газеты “Наш **край**”, “Навіны **Камянеччыны**”, “**Брестский** курьер”; “**Гродзенская** праўда”, “**Берастaвіцкая** газета”, “Маяк **Палесся**”, «Голас **Веткаўшчыны**»; часопісы: “**Гродно**”, “Деловой **Гомель**”; электронныя СМІ: ТК “**Пинск**”, ТК “**Буг ТВ**”, ТРК “**Гродно** Плюс”», городская телепрограмма “**Гомель** ТВ”, телеканал “**Речица** ТВ”.*

Тэмпаральная матывацыйная зона вербалізуецца ў штучных намінацыях праз шырокае кола лексікі са значэннем часу. У найменнях актуалізуецца часовая сутнасць быцця, дынаміка часу, што істотна для СМІ (*газета “**Вечерний** Брест”; тэлеперадачы “Главное **за неделю**”, “**Утренний** экспрессо” (ТРК “Брест”), “Бодрое **утро**!”, “Лучший **день**”, “**Сезон** удачи” (ТРК “Гродно”), “Дневной розыгрыш” (радыё “Лидер ФМ”), “Наши **радиобудни**” (“Гомельское городское радио”); “**Вековой** рубеж”, “**Хроника** победы” (ТРК “Гомель”*) і інш.

Медыйная матывацыйная зона аб’ектывуецца з дапамогай слоў з інфарматыўнай семантыкай: *навіны, веснік, новости, курьер, правда, газета, голос, события, репортаж,* запазычаных элементаў *инфо-, информ, пресс, media, news, радио*, аббрэвіатур *ТВ, TV, FM, ФМ* (*газеты “Гродзенская **праўда**”, “Берастaвіцкая **газета**”, “Интекс-**пресс**”, “Калінкавіцкія **навіны**”, “Чачэрскі **веснік**”; сайт “**media**-polesye.by”, “lida**news**.by”, парталы “Кобрин-**информ**”, “Гомель. Сильные **новости**”*).

Гемеронімы, якія фарміруюць мэтавую матывацыйную зону, змяшчаюць указанне на мэтавую аўдыторыю – рэальных і патэнцыяльных спажыўцоў інфармацыі, напрыклад, мэтавая група “дзеці” (*“Детское время” (ТРК “Брест”), “Детский час” (“Гомель ТВ”), “Для маленькой компании” (“Лидское телерадиообъединение”), “Для самых маленьких” (ТК «Буг ТВ»*); “аўтааматары” (*“Autonews” (радыё “Брест”), “Авторазборка” (ТК “Гродно плюс”), “Автострада” (радыё «Лидер ФМ»), “Автодром” (“Гомельское городское радио”)*), “прадстаўнікі пэўнай прафесіі” (*газеты “Вестник автопарка”, “Текстильщик” (Барановичи), “Нефтяник Полесья”, “Сельмашевец”, “Голос литейщика” (Гомель), “Гродненский химик”*).

Метарэферэнтныя назвы падкрэсліваюць важнасць узаемаадносін паміж намінатарам і адрасатам медыяпрадукцыі, ствараюць імітацыю дыялагічнасці (*газета “**Своими** глазами” (Гомель); “**Наши** песни” (радыё “Барановичи FM”), “**Мой** вопрос” (“Лидское телерадиообъединение”), “Самая **моя** Гомельщина” (ТРК “Гомель”), “В эфире – **МЫ**!” (ТРК “Брест”), тэлемарафон “День **телезрителя**” (ТРК “Брест”), “**Виновнику** торжества” (ТК “Варяг”)*) і інш.

Тэматычная (зместавая) зона медыянамінацый прадстаўлена цэлым шэрагам матывацыйных прыкмет, суадносных з рознымі сферамі грамадскага жыцця*: навіны, культура, здароўе, спорт, рэлігія, надвор’е, музыка, бізнес, кулінарыя* і інш. Гэта адна з найбольш значных матывацыйных зон штучных намінацый СМІ (*“Берасцейская скарбніца” (ТРК “Брест”),* http://www.trkbrest.by/tv/archive/narysy/*“День в музее” (ТРК “Гродно плюс”), “Творчество души” (“Гомель ТВ”), тэлемарафон “Дзякуй, доктар!” (ТРК “Брест”), тэлепрограмы “36,6”, “СпортЭфир” (ТРК “Пинск”), “Спорт life”, “PRO-спорт” (ТРК “Брест”), “Другие страны” (“Гомель ТВ”), “Лёгкае падарожжа” (радыё “Гомель FM”)* і інш.).

Лексічны склад сімвалічнай зоны намінацый СМІ дэманструе шэраг сімвалічных назваў, у аснове сваёй метафарычных *(газеты "Заря", "Шанс", "Шаг", "Перамога", "Перспектива", "Полымя", "Праца", "Альянс", "Авангард", "Светлы шлях", "Новае жыццё"* і інш.). Большасць сімвалічных намінацый – рэфлексы назваў-саветызмаў.

Матывацыйныя прыкметы могуць перасякацца, камбінавацца, утвараючы комплексную матывацыйную зону: напрыклад, камбінацыя лакатыўнай і медыйнай зон (*газеты "Ашмянскі веснік", "Воранаўская газета", "Лунінецкія навіны"*); лакатыўнай і метарэферэнтнай (*тэлепраграмы "Вот моя деревня", "Наши в городе"*); мэтавай і тэмпаральнай (*праграмы "Детский час", "Сказки на ночь"*) і інш.

У камунікатыўным аспекце гемеранімія Беларусі адгукаецца на змяненні ў соцыуме і дэманструе сістэму стратэгій і тактык намінацыі. Анімічны матэрыял дазволіў вылучыць наступныя стратэгіі і рэалізуючыя іх тактыкі:

а) стратэгія інфармавання (камунікатыўныя тактыкі: указанне на сферу дзейнасці і лакацыю адрасанта (*"Бераставіцкая **газета**", "Гомельская **праўда**", "Калінкавіцкія **навіны**"*), апеляванне да часовых параметраў (*"Наши **радиобудни**" ("Гомельское городское радио"), радыё «**Ранак**» (Светлагорск)*); абазначэнне тэматыкі медыя, напрыклад, *"кулінарыя"*: *"Вкусное утро" (ТК "Варяг"), «Смак папараці» (ТК "Интекс"), "Сладкий пирог" (ТК "Речица ТВ"), "Звездная кухня" (ТК "Нюанс"), "Нормальный борщ" (радыё "Нелли-инфо")* і інш.);

б) стратэгія самапрэзентацыі (камунікатыўныя тактыкі: апеляцыя да аўтарытэту *("Гость студии" (ТРК "Брест"), "Постаці", "Портреты" (ТРК "Гомель"), "Ветеран труда", "Человек дела" ("Гомель ТВ"), "Люди" (радыё "Ранак"), "Званый гость" ("Лидское телерадиообъединение"*); фарміраванне станоўчай ацэнкі, указанне на выгаду для адрасата *(праграмы "Просто **вкусно**", «**Бонус**-трек», «С **пользой** для дел»; газета "Пенсия **Плюс**"*);

в) стратэгія вызначэння мэтавай аўдыторыі (тактыкі: прамая і ўскосная дэскрыпцыі адрасата: *"школьнікі"*: *часопіс "Класс"* (Брэст), *праграма "Школьные заметки" (ТК «Гродно плюс»)*; *"моладзь": газета "Молодёжный город" (Гродно); "сям'я"*: *"Максимально женатые" ("Гомельское городское радио")*; *"пенсіянеры": газета "Гомельский пенсионер"*; тактыкі кааперацыі і інтымізацыі: *"От первого лица" ("Гомельское городское радио"), "Частный интерес" (ТК "Мозырь"), "Моя Пинщина" (ТК "Варяг"), "Я и ты" (ТК "Интекс"), часопіс "Эколог и я" (Гомель)*;

г) стратэгія эмацыйна-пачуццёвага ўздзеяння (тактыкі: узбуджэнне эмацыйнага водгуку, апеляцыя да эмацыйна-пачуццёвых або ментальных станаў (*"От сердца к сердцу", "Честь и доблесть" (ТРК "Брест"), "Здоровый интерес" ("Гомельское городское радио"), "Ностальгия" (радыё "Ранак")*); гульнёвая тактыка (*"Немного о многом"* (антытэза), *"Бездомное счастье"* (аксюмарон), *"Удачная дача"* (каламбур), *"ИгроMANIA", "MyZZаряд"* (графічная дэрывацыя); зварот да ўяўлення, фантазіі адрасата, якая рэалізуецца праз выкарыстанне ўмоўных, метафарычных вобразаў (*газеты "Шанс", "Шаг", "Крючок", "Крыніца"; праграмы "Глобус", "Пульс", "Этажи", "Живая вода"*); тактыка кампліменту (*"Красивые в профессии", "Хорошие новости" ("Лида ФМ"), "Дзякуй, доктар!" (ТРК "Брест"), "Знак качества" (ТРК "Гомель"*), выкарыстанне прэцэдэнтных тэкстаў: *"Сам себе повар" (радыёстанцыя "Гомель+"), "Сделано в СССР" («Правда радио"), "Свадебный переполох" (радыё "Лидер ФМ"*) і інш.). Адзначана адначасовае выкарыстанне ў штучнай намінацыі некалькіх стратэгій і тактык для дасягнення атрактыўнага эфекту. Уся разнастайнасць назваў арыентавана на кааператыўную, гарманічную камунікацыю.

У дэрывацыйным аспекце вызначаецца мноства спосабаў ўтварэння гемеронімаў. Большасць гемеронімаў ўяўляюць сабой другасныя намінацыі, створаныя на аснове разнавіднасцяў лексіка-семантычнага спосабу (анімізацыя, трансанімізацыя, запазычанне); лексіка-сінтаксічнага спосабу (у функцыі намінацыі выступае словазлучэнне ці сказ). Гемеронімы ўтвараюцца з дапамогай узуальных (афіксацыя, складанне розных тыпаў) і аказіянальных спосабў лексічнай дэрывацыі, напрыклад, капіталізацыя (*"постФАКТум", "PROмам"*); галафразіс (зняцце прабелаў) (*"СпортЭфир", "СпортНавін"*),

графадэрывацыя (*“MyZZаряд”*), нумералізацыя (газета ГГМУ *“36,6”*), крэалізацыя *“Спорт life”, “Гомель Live”* і інш). Выбар стратэгіі, тактыкі, спосабу намінацыі абумоўлены шэрагам фактараў: спецыфікай названага СМІ, матывамі, намерамі, моўным густам намінатара; інтарэсамі, патрэбамі, каштоўнасцямі карыстальніка медыяпрадукцыі.

Такім чынам, гемеронімы Беларусі развіваюцца ў рэчышчы структурных асаблівасцей і намінатыўных тэндэнцый, уласцівых сусветнай гемеранміі. Гемеронімы характарызуюцца экстралінгвістычнасцю, выконваюць шэраг сацыяльных функцый, цесна звязаны з масавай камунікацыяй, грамадскай свядомасцю, з сацыяльным і духоўным жыццём грамадства.

Вынікі атрыманы ў рамках рэалізацыі НДР “Перыферыйны анамастыкон Беларусі: лінгвістычны і экстралінгвістычны аспекты” (№ дзяржрэгістрацыі 20211415) ДПНД “Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы” на 2021-2025 гг. пры фінансавай падтрымцы Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь.

Літаратура

1. Крюкова, И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности / И.В. Крюкова. – Волгоград: Перемена, 2004. – 288 с.

2. Переход, О.Б. Гемероніямия в ономастическом пространстве Беларуси: структурная специфика / О.Б. Переход // Весн. Брэсц. ун-та. Сер.3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – № 2. – 2021. – С. 77–86.

Т.И. Синкевич
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: sintat@inbox.ru

УДК 83’373’2:821.161.1

Марк Шагал и Витебск: социолингвистический аспект

Ключевые слова: *историко-культурное наследие, авангардное искусство, языковые особенности, аллюзия, национальные черты, знаки.*

В статье рассматривается творческое наследие М. Шагала на фоне социального и культурного пласта развития общества в XIX–XX вв. Нами отмечено стремление авторов рассмотреть волнующие всех в то время вопросы и проблемы окружающей действительности с разных позиций, что способствовало в дальнейшем появлению многоплановости в искусстве, языке и литературе.

T.I. Sinkevich
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

Marc Chagall and Vitebsk: sociolinguistic aspect

Key words: *historical and cultural heritage, avant-garde art, linguistic features, allusion, national traits, signs.*

The article examines the creative legacy of M. Chagall against the background of the social and cultural layer of the development of society in the XIX–XX centuries. We noted the desire of the authors to consider the issues and problems of the surrounding reality that were of concern to everyone at that time from different positions, which further contributed to the emergence of diversity in art, language and literature.

В XIX–XX вв. Витебск стал центром культурного развития губернии, по праву превратившись в художественно-литературную столицу белорусского региона. В сложных противоречивых условиях формируется новая художественная культура, в которой все же преобладают национальные черты народов, населявших ее в то время. Анализ творческого наследия

наших великих земляков (Т. Доленга-Мостовича, Н. Хомского, М. Шагала, К. Малевича и др.) позволяет нам говорить о том, что каждый из них представляет собой индивидуальность, темы и образы их произведений не похожи друг на друга, но это важный историко-культурный источник, показывающий реалии жизни того времени. Все они имеют свои индивидуальные черты, но их объединяет стремление рассмотреть волнующие всех в то время вопросы и проблемы окружающей действительности с разных позиций, что и способствует в дальнейшем появлению многоплановости в искусстве, языке и литературе.

Как нельзя лучше об этом сказано в стихотворении Г. Айги «Казимир Малевич», где с помощью сложного переплетения интертекстуально-интермедиальных аллюзий словами и линиями, образованными знаками тире, нарисована общая картина авангардного искусства XX в.:

город – страница – железо – поляна – квадрат:
– прост как огонь под золой утешающий Витебск,
– под знаком намека был отдан и взят Велимир,
– а Эль он как линия, он вдалеке для прощанья,
– это как будто концовка для Библии: срез-
– завершение – Хармс.

Тут и знаменитый Черный квадрат К. Малевича, и Витебск, почти всегда присутствующий в картинах М. Шагала, и «намеки слов» В. Хлебникова и его Слово об Эль, где поэт пытается описать буквы на языке тригонометрии: Эль – путь точки с высоты, / Оставленный широкой / Плоскостью; в контексте стихотворения Эль может быть понято одновременно и как аллюзия к части псевдонима художника-графика Л.М. Лисицкого (Эль Лисицкого). Концовкой же этой эпохи становится Д. Хармс, абсурдистское творчество которого уподоблено «концу света», предсказанному Библией. Таким можно себе представить Витебск в начале XX в., сложный, яркий, со своей аурой, не похожий ни на один другой город.

Марк Шагал (Мойша Сегал) родился в 1887 г. в Витебске на Покровской улице в обычной еврейской семье, «укорененной» в местечковый быт, живущей в границах оседлости, которые были определены еще Екатериной II для компактного проживания евреев. В 1907 г. приехал в Петербург, брал уроки у Л. Бакста. В 1910 г. уехал в Париж изучать современное искусство, был знаком с П. Пикассо, А. Модильяни, Ф. Леже и др., там и сформировался его неподражаемый особый стиль. С 1914 г. по 1922 г. жил в России, а в 1922 г. навсегда уехал в Париж. Во время Второй мировой войны уехал в США, после окончания войны вернулся в Париж, но больше никогда не был в Витебске, хотя родной город всегда жил в его сердце.

Представление о том, каким был старый Витебск в начале XX в. (см. выше и стихи А. Айги), Витебск детства и юности М. Шагала, можно получить, прочитав автобиографическую повесть С.Я. Маршака «В начале жизни»:

«Почти полгода после отъезда нашего из Воронежа прожили мы у дедушки и бабушки в городе Витебске… Я был слишком мал, чтобы по-настоящему заметить разницу между Воронежем… и этим еще незнакомым городом… Но все-таки с первых же дней я почувствовал, что все здесь какое-то другое, особенное: больше старых домов, много узких, кривых, горбатых улиц и совсем тесных переулков. Кое-где высятся старинные башни и церкви. В каждом закоулке ютятся жалкие лавчонки и убогие, полутемные мастерские жестянщиков. Лудильщиков, портных, сапожников, шорников. И всюду слышится торопливая и в то же время певучая еврейская речь, которой на воронежских улицах мы почти никогда не слыхали [1, 27].

В то время в городе над Двиной (по данным переписи населения Российской империи, а данные собирали по религиозному и сословному составу населения, язык не всегда учитывался) насчитывалось 65,9 тыс. жителей, а по национальному признаку распределение населения было таковым: 50,8% – евреи, русские – 28,9%, белорусы – 12,2%, поляки – 5%, латыши, литовцы, немцы, украинцы – по 0,1% и др. национальности – 0,2%. По переписи 1926 г. в Витебске уже было почти 99 тыс. человек, а еврейское население

составляло почти 53% [3, 231]. Неудивительно, что город и горожане (часто родные и близкие художника) навсегда запечатлены на его полотнах. Например, на картине «Скрипач» (1912–1913 гг.) изображен скрипач, танцующий на крыше. Это дядя М. Шагала, он забрался туда, чтобы спокойно попить киселя, уйти от суеты, поразмышлять. А размышлять было о чем, ведь скрипач был рядом в самые важные моменты жизни человека: он присутствовал при рождении и смерти.

Еврейские традиции имели огромное значение для художника, он очень трепетно относился к семье, близким, родным местам. Образы влюбленного художника и его музы-возлюбленной в подвенечном платье парят над Витебском, Парижем; а возле них козы со скрипками, ангелы, цветы, зарисовки Витебска и пейзажи Парижа – все это отсылает нас к мистическому прочтению Песни Песней. В соответствии с еврейскими традициями и прочтением Песни Песней, Жених (царь Соломон) – символ Мужского начала в Боге, а невеста воплощает собой Женское начало. Эти два начала были разлучены (одни считают, что это произошло в день грехопадения, другие – после падения Иерусалимского Храма и изгнания евреев со Святой земли), об этом знал М. Шагал, а потому увековечил в божественном единении свой образ и образ Беллы, как образ физической и духовной близости, дающей начало новой жизни.

Марк Шагал в своей книге «Моя жизнь» писал: «Я всегда помню о Витебске и очень люблю его: у меня нет ни одной картины, на которой Вы не увидите фрагменты моей Покровской улицы. Это, может быть, и недостаток, но отнюдь не с моей точки зрения [2, 656]. Собственно и сами названия картин мастера говорят о его любви к родному городу, семье: «Вид из окна в Витебске» (1908), «Рождение ребенка (1911), «Витебский проповедник» (1914), «Улица» (1914), «Над городом» (1914-1918), «Купание ребенка» (1916), «Прогулка» (1917–1918), «Часы с синим крылом» (1949) и др. В Париже, в Нью-Йорке, в Сен-Поль де Ванс родная земля, отчий дом цвели на его холстах. Эйфелева башня у него стоит на курьих ножках, подобно видениям его родной земли, как в сказках бабушки Бешевы. Париж он называл своим вторым Витебском. Р.Рождественский, побывав у него в Париже, напишет об этом так: «…он тянется к Витебску, словно растение…»; « …тот Витебск его – пропыленный и жаркий – приколот к земле каланчою пожарной»; «…там свадьбы и смерти, моленья и ярмарки»; «…там зреют особенно крупные яблоки, и сонный извозчик по площади катит», мир мастера базируется не только на его таланте художника, но и на бедности, нищите, эмиграции, оторванности от родных и дорогих сердцу мест и людей, на боли, грусти и одиночестве. В одном из своих писем мастер писал: «…когда я здесь в Париже живу и работаю одинокий», а слово Paris, написанное по-французски так выбивается из всего того, о чем будет сказано в письме по-русски [3].

В своих стихах чуть позже М. Шагал напишет:

Я – из Витебска, где сквозь тлен
Старый Пэн берет меня в плен,
хоть холодных ветров торжество
над забытой могилой его [2, 21].

В стихотворении чувствуется скорбь, одиночество и боль, адресованная не только учителю, но и самому себе. И. Пэн дал М. Шагалу путевку в жизнь, и он будет помнить об этом всегда, несмотря на разногласия и недопонимание.

Многие детали его стихотворений перекликаются с фрагментами его картин: «Во мне грустят кривые улочки, надгробья серые – на склоне, где лежат в горе благочестивые евреи» речь идет о Старосеменовском кладбище, что на Юрьевой горке, там покоится прах его учителя – И. Пэна).

Художник часто вспоминал своего учителя, детство. В стихотворении «Ангел над крышами» он пишет: «Ты помнишь меня, мой город, мальчишку, ветром надутый ворот… Река их памяти испей-ка и вспомни вновь юнца, того, что на твоих сидел скамейках и ждал призванья своего» [2, 81].

В его творчестве есть трогательная поэтичность, наивность и ностальгия по тихой провинциальной жизни родного города, в картинах и стихах переплелись библейские легенды, фольклорные образы, персонажи цирка, люди и предметы. В конечном итоге все это и есть человеческая жизнь…

Когда-то А. Вознесенский написал стихотворение «Васильки Шагала», где есть такие строки: «Их витражей голубые зазубрины – с чисто готической тягою вверх. Поле любимо, но небо возлюблено. Небом единым жив человек» и дальше: « В небе коровы парят и ундины. Зонтик раскройте, идя на проспект. Родины разны, но небо едино. Небом единым жив человек». Став признанным мастером, получив награды, объехав полмира, он всегда возвращался (мысленно!) в свой город, на кривую улочку, до боли знакомую, на самую мягкую и лучшую в мире мамину постель, возвращался к родной земле своих предков.

Своеобразным манифестом любви к Витебску стало его обращение «К моему городу Витебску», опубликованное 15 февраля 1944г. в Нью-Йорке в газете «Единство»: «Давно уже, мой любимый город, я тебя не видел, не слышал, не разговаривал с твоими облаками и не опирался на твои заборы. Как грустный странник – я только нес все годы твое дыхание на моих картинах. И так с тобой беседовал и, как во сне, тебя видел… … Лучшее, что я могу пожелать себе – чтобы ты сказал, что я был и остался верен тебе. А иначе бы я не был художником!» [2, 654].

О творчестве М. Шагала написаны сотни книг и научных исследований, но мир, выраженный в его картинах, остается загадкой. Прыгающие козы, скрипачи на крыше, церкви и синагоги Витебска, летящие над городом возлюбленные и т.п. – все это не просто необычно, но и несколько странно, но это его видение реального мира. Его картины полны алогичности иррационализма, но вместе с тем и любви к родному городу и его обитателям, любви, которую он пронес через всю свою жизнь.

Картины, письма, стихи – везде мы чувствуем присутствие художника, вместе с ним любим и ненавидим, веселимся и печалимся, но везде и во всем его особый почерк, его жизнь и судьба.

Литература

1. Маршак, С.Я. В начале жизни (Страницы воспоминаний). Собр. соч. в 8 т. Т.6. / С.Я. Маршак. – М.: Художественная литература, 1971. – 365 с.

2. Шагал, М. Моя жизнь / М. Шагал. – М., 1994. – 658 с.

3. Витебск: Энциклопедический справочник / гл. редактор И.П. Шамякин. – Минск: БелСЭ им. П. Бровки, 1988. – 408 с.

4. Ракитин, В.И. Марк Шагал. 1887–1985 / В.И. Ракитин. – М.: Искусство XXI век. – 472 с.

6. ОНОМАСТИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Е.С. Дедова
Витебский государственный университет имени П.М Машерова
e-mail: honey.dedova@bk.ru

УДК 81'373.237:615.838(476)

Лингвострановедческая специфика названий санаториев Беларуси

Ключевые слова: *лингвострановедческая информация, название санатория, национально-культурный, оним, эргоним.*

Статья посвящена исследованию лингвострановедческой специфики названий санаториев, размещенных на территории Беларуси. Предметом исследования выступает лингвострановедческая информация, представленная в семантике эргонимов данного типа. Определена роль имени собственного в репрезентации природно-ландшафтных особенностей нашей страны, ее исторического прошлого, национальной самобытности и духовной культуры белорусского народа.

E.S. Dedova
Vitebsk State University named after P.M.Masherov

Key words: *linguistic and cultural information, name of the sanatorium, national-cultural, onym, ergonym.*

The article is devoted to the study of linguistic and cultural specifics of the names of sanatoriums located on the territory of Belarus. The subject of the study is linguistic and cultural information presented in the semantics of ergonyms of this type. The role of the proper name in the representation of the natural and landscape features of our country, its historical past, national identity and spiritual culture of the Belarusian people is determined.

В последнее десятилетие в отечественном языкознании активизировался лингвострановедческий подход к изучению лексических единиц как литературного, так и диалектного уровней, как апеллятивов, так и имен собственных. Исследование национально маркированных слов в лингвострановедческом аспекте предполагает выявление особенностей их семантики, информативного содержания, смысловых оттенков и коннотаций на уровне, максимально приближенном к восприятию носителями определенного языка и культуры.

Среди ономастической лексики интересную с точки зрения лингвострановедения группу наименований представляют эргонимы, которые относятся к периферийной зоне ономастического пространства Беларуси и репрезентируют значимые для белорусской этнокультуры образы и символы. По определению Н.В. Подольской, эргоним – это «собственное имя делового объединения людей, организации, в том числе союза, организации, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [1,166].

Внутри группы наименований организаций и учреждений различного функционального профиля особое место принадлежит названиям учреждений санаторно-курортного типа, представляющим собой достаточно богатый и репрезентативный для ономастических и лингвострановедческих исследований материал.

Анализ данной группы онимов показал, что наименования санаториев очень часто отражают особенности географии того или региона Беларуси, так как создаются эти

названия «в привязке» к конкретной территории, имеющей свои природные, исторические и культурные традиции. Хочется отметить, что именно благодаря продуманным, красивым, благозвучным именам, которые в большинстве своем отражают региональную принадлежность объекта для отдыха и санаторно-курортного лечения, особенности белорусской природы или местности, где он расположен, устанавливается первый контакт с будущим клиентом, возникает интерес со стороны потенциальных отдыхающих.

Самую большую группу среди исследованных номинаций представляют эргонимы, в основе которых лежат собственные имена. Среди них обращают на себя внимание названия, образованные на основе гидронимов. Так, эргоним *«Буг»* по своему происхождению связан с названием реки Западный Буг, протекающей по территории Беларуси, Украины и Польши. Заметим, что здравница находится в Брестской области и расположена в живописном месте на берегу реки Мухавец – правого притока Западного Буга. В основе номинации санатория *«Ясельда»*, который расположен в центре Белорусского Полесья, лежит название реки Ясельда, протекающей в Брестской области (гидроним имеет балтское происхождение). Имя самой длинной на территории Беларуси реки Березина (бел. *Бярэзіна*), легло в основу названия санатория *«Березина»* (г. Борисов Минской области). Наименование санатория *«Свислочь»* (Могилевская область), расположенного в трехстах метрах от реки Свислочь (гидроним, скорее всего, имеет балтское происхождение), мотивируется, соответственно, именем этой водной артерии Беларуси, на берегах которой расположен город Минск. Название же реки Ислочь, протекающей преимущественно по лесистой территории Минской и Гродненской областей, легло в основу названия санатория *«Ислочь»*, находящегося в тридцати километрах от Минска.

С названием самого крупного озера Беларуси Нарочь связано происхождение таких названий санаториев на территории Минской области, как *Нарочь, Нарочанка, Нарочанский берег*. Богатство наименований белорусских здравниц с компонентом-гидронимом *Нарочь* неслучайное, ведь Нарочь называют жемчужиной белорусского озерного края. Это одно из самых красивых озер в Европе. Известно, что в эпоху средневековья оно территориально относилось к Великому Княжеству Литовскому, а позже входило во владения польских королей и Российской империи. Во времена Первой мировой войны на нарочанских берегах произошло крупное сражение между русскими и немецкими войсками. Сегодня рядом с озером Нарочь находится достаточно известный в республике санаторий *«Белая Русь»*, название которого, как видим, отражает имя нашей страны – *Беларусь*.

Название санатория *«Свитязь»* содержит информацию о его географическом месторасположении – на берегу озера Свитязь в Гродненской области, которое имеет, пожалуй, одно из самых загадочных относительного своего происхождения имен. По количеству связанных с ним легенд, художественных и фольклорных произведений озеро Свитязь давно относится к самым известным достопримечательностям Беларуси. Заслуживает внимания легенда об утонувшем городе, о том, что посреди озера на дне стоит церковь и в тихий день слышен звон ее колоколов. Сторожилы знают немало легенд о том, что в водах озера водятся водяные нимфы (русалки).

Расположение в живописном регионе Белорусского Поозерья на берегу озера Плисса (в Глубокском районе Витебской области) послужило причиной возникновения соответствующего названия санаторно-курортного комплекса *«Плисса»*.

Основной мотивировочный признак «местонахождение» лежит в основе большинства названий, образованных на основе лексических единиц с локативной семантикой. Особенности месторасположения и природно-ландшафтного характера Беларуси отражают имена таких известных в республике и за ее пределами здравниц, как *«Криница»* (санаторий в Минской области), *«Озёрный», «Поречье»* (санатории в Гродненской области»), *«Приозерный»* (санаторий в Гомельской области), *«Приднепровский»* (санаторий в Гомельской области на берегу реки Днепр) *«Приморский»* (санаторий в

десяти километрах от Минска на берегу Минского моря – Заславского водохранилища) и др.

Название оздоровительного центра *«Силичи»*, расположенного в красивейшем лесном массиве, уникальном месте Беларуси, где можно наблюдать перепады рельефа местности в тридцать метров, напрямую связано с наименованием республиканского горнолыжного спортивного комплекса «Силичи».

Известно, что Беларусь нередко называют лесной страной. И это неслучайно, ведь леса занимают около сорока процентов ее территории, а на каждого жителя республики приходится почти один гектар покрытых лесом земель. Это обстоятельство как нельзя лучше объясняет наличие в ономастическом пространстве республики большого количества наименованиий пансионатов и лечебно-оздоровительных центров, в основу которых положены существительные *лес, бор, дуброва, береза, сосна, ель.* Например: *«Лесные озера», «Лесное»* (Витебская область), *«Лесная поляна»* (Гродненская область), *«Дубровенка»* (Могилевская область), *«Березка»* (Минская область), *«Сосновый бор»* (Витебская область), *«Зеленый бор»* (Минская область), *«Сосны»* (Гомельская и Могилевская области), *«Подъельники»* (Минская область) и др. Понятно, что одной из причин возникновения приведенных эргонимов послужило местонахождение объектов санаторно-курортного лечения – все они размещены в экологически чистой лесистой местности, в том числе и в той, где преобладают те или иные породы деревьев.

Название санатория *«Белая вежа»* (бел. *вежа* – рус. *башня*) связано с именем всемирно известного биосферного заповедника – Национального парка «Беловежская пуща», являющегося сегодня одним из крупнейших лесных массивов Европы. Следует напомнить, что впервые это заповедный лес упоминается в Ипатьевской летописи «Повести временных лет» начала XII века. А в наше время песня “Беловежская пуща”, совместно написанная композитором А.Пахмутовой и поэтом Н.Добронравовым в 1975 году после посещения ими заповедника, стала своеобразным неофициальным гимном не только самого парка, но и всей Беларуси. Кроме того, следует отметить, что в историческом центре небольшого города Каменец Брестской области, в семи километрах от которого и расположена здравница *«Белая вежа»*, находится уникальный памятник архитектуры и оборонительное сооружение XIII века Каменецкая башня (Каменецкая вежа), которую с 1957 года называют еще и Белой вежей.

Двухкомпонентное название детского санатория *«Налибокская пуща»* (Минская область) мотивировано однойменным самым крупным лесным массивом на территории Республики Беларусь. Налибокская пуща – историческая и культурная часть нашей страны, одно из самых красивых и популярных мест отдыха как белорусов, так и иностранных туристов. На территории Налибокских лесов можно посетить такие достопримечательности, как зубровольер, охотничье угодье, усадьбу Тышкевичей, Лавришевский монастырь.

Достаточно большую группу представляют собой названия белорусских санаториев, образованные от топонимов – наименований городов и поселков. В их числе название детского санатория *«Случь»*, расположенного недалеко от города Слуцка (Минская область), *«Ружанский»* (от названия древнего городского поселка Ружаны Брестской области, где находится известный памятник архитектуры Беларуси XVIII-XIX веков, собственность и резиденция князей Сапег, а сегодня Государственное учреждение культуры «Ружанский дворцовый комплекс рода Сапег»).

Определенную лингвострановедческую информацию несет в себе также название санатория *«Нафтан»*, расположенного в лесу на берегу реки Западная Двина. Этот оним напрямую связан с наименованием завода «Нафтан» – ведущего нефтеперерабатывающего предприятия Беларуси (г. Новополоцк Витебской области).

В составе относительно небольшой части выявленной группы эргонимов встречается антропонимический компонент. В основе некоторых номинаций лежат достаточно распространенные среди белорусов женские имена, иногда в белорусскоязычном орфографическом оформлении. Например: *«Алеся»*, «*Надзея*». Засвидетельствованы единичные случаи функционирования названий санаториев Беларуси, в основе которых лежат этнонимы (*«Белорусочка*»).

Отдельные исследованные наименования семантизируют также некоторые элементы культурного ландшафта Беларуси. Так, специфический национально-культурный колорит несет в себе название санатория *«Василек»*, расположенного в Гомельской области в семи километрах от границы с Украиной. Василек (бел. *васілёк, валошка*) – это неофициальный национальный символ белорусов. Кроме того, василек символизирует нашу традиционную народную культуру и духовность. Внешне этот полевой цветок, растущий во ржи, такой же неброский и скромный, как и сами белорусы. Заметим, что его образ широко отражен в произведениях белорусской художественной литературы. Изображение василька можно увидеть на логотипе Международного фестиваля искусств «Славянский базар в Витебске», который ежегодно проходит в Беларуси. На протяжении более двадцати лет василек используется как символ нашей страны на ливрее самолетов, принадлежащих авиакомпании «Belavia».

Определенную «белорусскоязычную ауру» и национально-культурный колорит несут в себе отапеллятивные названия санаториев *«Ветразь»* (бел. *ветразь* – рус. *парус*), *«Пралеска»* (бел. *пралеска* – рус. *подснежник*), *«Світанок»* (бел. *світанак* – рус. *рассвет*), *«Чаборок»* (бел. *чабор* – рус. *чебрец*) и др.

Таким образом, большая часть исследованных нами собственных имен (онимов), которые номинируют те или иные учреждения санаторно-курортного типа, расположенные на территории Беларуси, обладает своей региональной спецификой и своеобразной для белорусского края информативностью. Названия санаториев в большинстве своем реально соотносятся с географическим пространством нашей страны, эксплицитно или имплицитно представляют Беларусь и занимают особое место в системе языковой картины мира нашего народа. В семантике проанализированных эргонимов нашли воплощение национальные особенности жизни белорусов как лингвокультурного сообщества, их культурно-этнографические традиции, а также природные и социально-бытовые условия проживания.

Национально-культурный компонент значения исследованной группы онимов характеризуется особой краеведческой репрезентативностью и разнообразием культурно-исторических ассоциаций. Анализ эргонимов данного типа свидетельствует о наличии в их значении «положительных ассоциаций», связанных с красотой живописной белорусской природы, богатством водных объектов, культурно-историческими достопримечательностями, специфическими национально-культурными символами и реалиями, которые несут в себе ту или иную страноведческую информацию о Республике Беларусь и репрезентируют региональную идентичность ее жителей

Результаты, полученные в процессе исследования названий объектов отдыха и санаторно-курортного лечения, расположенных на территории Республики Беларусь, могут быть использованы лингвистами при изучении регионального ономастикона отдельных областей нашей страны и разработке теоретических и практических вопросов эргонимии, учителями при организации ономастического краеведения с учащимися школ в процессе изучении родного края, а также специалистами, работающими в сфере туристической индустрии.

Литература

1. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – М.: Наука, 1988. – 192 с.

С.В. Мартынкевіч
Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава
e-mail: svetlana_mrt@mail.ru

УДК 81'373.3:371.671

Анамастычная прастора сучасных вучэбных дапаможнікаў

Ключавыя словы: *моўная адукацыя, навучальны дапаможнік, анамастыка, анамастычная прастора, дыдактычны патэнцыял.*

У артыкуле даследуюцца асаблівасці анамастычнай прасторы сучасных навучальных дапаможнікаў па беларускай мове для ўстаноў агульнай сярэдняй адукацыі, раскрываюцца метадычныя аспекты анамастычнага матэрыялу, распрацоўваецца сістэма заданняў на аснове зместу дыдактычных тэкстаў з уключэннем онімаў.

S.V. Martynkevich
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

Onomastic space of modern textbooks

Key words: *language education, textbook, onomastics, onomastic space, didactic potential.*

The article examines the features of the onomastic space of modern teaching aids in the Belarusian language for institutions of general secondary education, reveals the methodological aspects of onomastic material, develops a system of tasks based on the content of didactic texts with the inclusion of onyms.

Анамастычны матэрыял як значная частка лексікі сучаснай мовы шырока ўключаецца ў змест моўнай адукацыі. Анамастычныя адзінкі з'яўляюцца ўнікальнымі носьбітамі культуразнаўчай інфармацыі і маюць багаты вучэбна-выхаваўчы патэнцыял. Яны – дадатковыя крыніцы ведаў пра духоўныя каштоўнасці і звычаі народа. Мэта артыкула – разгледзець змест анаматычнай прасторы сучасных вучэбных дапаможнікаў па беларускай мове для ўстаноў агульнай сярэдняй адукацыі, раскрыць дыдактычныя магчымасці выкарыстання анамастычнага матэрыялу ў працэсе навучання беларускай мове.

Анамастычная прастора сучасных вучэбных дапаможнікаў уключае гістарычны, геаграфічны, культуралагічны, сацыялагічны і літаратуразнаўчы кампаненты, якія прэзентуюцца антрапонімамі, міфонімамі, тапонімамі, гідронімамі, заонімамі, паэтонімамі. Звесткі пра найбольш вядомыя факты сучаснага грамадскага жыцця падаюцца і ў іншых анамастычных адзінках – назвах гандлёвых марак прадукцыі, рэкламных назвах.

Першапачаткова звесткі з анамастыкі ўключаюцца ў тэарэтычную частку спецыяльных параграфаў, што змяшчаюць ілюстрацыйны матэрыял – асобныя онімы. Такія тэмы, як "Агульныя і ўласныя назоўнікі. Правапіс уласных назваў", "Скланенне назоўнікаў, якія абазначаюць імёны, прозвішчы і назвы населеных пунктаў", "Рознаскланяльныя назоўнікі", "Нескланяльныя назоўнікі", "Утварэнне, скланенне і правапіс прыналежных прыметнікаў", а таксама тэмы, якія ўключаюць звесткі з агульнага мовазнаўства. Напрыклад, да тэмы "Нескланяльныя назоўнікі" прыводзяцца натупныя моўныя ілюстрацыі:

- *уласныя назоўнікі, якія заканчваюцца на галосны гук:* ***Гётэ***, ***Чылі****;*
- *прозвішчы на зычны, калі яны абазначаюць асоб жаночага полу: Кацярыне* ***Русак****, Ірыне* ***Кураш****;*
- *прозвішчы на* ***-о*** *(пад націскам) і на* ***-ых****: Івана* ***Крайко****, Святланы* ***Сядых****;*
- *складанаскарочаныя словы: паступіла ў* ***ВНУ****, студэнт* ***БДЭУ*** [2, 113].

Анамастычны змест практычнай часткі вучэбных дапаможнікаў рэпрэзентуецца дыдактычнымі тэкстамі, якія ўключаюць назвы пэўных персаналій, гістарычных, прыродных і геаграфічных аб'ектаў, уласных найменняў прадметаў матэрыяльнай культуры і падаюць інфармацыю пра іх адметнасці, значэнне, месца знаходжання і інш. Уласныя імёны могуць валодаць канататыўнай семантыкай, з'яўляюцца прэцэдэнтнымі і ў такім выпадку маюць асобую дыдактычную каштоўнасць.

Перш за ўсё варта адзначыць шэраг вучэбных тэкстаў, змест якіх сфакусаваны на ўласнай назве Беларусь. Матэрыял такіх практыкаванняў мае вялікі вучэбна-выхаваўчы патэнцыял, бо носіць міжпрадметны характар. На аснове зместу тэкстаў пра Беларусь асэнсоўваюцца, запамінаюцца звесткі з гісторыі, геаграфіі, літаратуры. Напрыклад, практыкаванні, распрацаваныя на аснове вершаў "Беларус" В. Жуковіча і "Твая Беларусь" Ю. Свіркі, падаюць інфармацыю пра асаблівасці характару беларусаў, іх ладу жыцця: "*Белы ручнік, белы абрус, сам я няцёмны душою./ Хто ў гэтым свеце я? Я – беларус! Будзьце заёмы са мною.*"; геаграфічнае размяшчэнне "*Мяжуе з Польшчай, / Украінай, / Расіяй, Латвіяй, Літвой…"* [2, 92–93]. Увядзенне анамастычных адзінак у маўленчы кантэкст прадугледжвае далейшую працу над краіназнаўчым матэрыялам, актуалізацыю ўжо набытых ведаў і самае галоўнае – рэалізуе задачу выхавання грамадзяніна, "які любіць Беларусь, паважае народ, яго культуру, традыцыі, гісторыю…" [1, 36].

Найбольш значымым матэрыялам з'яўляюцца асабовыя імёны – нацыянальна-культурныя феномены. Анамастычная прастора вучэбных дапаможнікаў уключае тэксты, прысвечаныя асобным дзеячам беларускай культуры. Напрыклад, пры вывучэнні тэмы "Сказ як сінтаксічная адзінка" арганізацыя дыдактычнага матэрыялу сфакусавана вокол персаналіі Францыска Скарыны і знакавага факта ў гісторыі Беларусі – выдання першай друкаванай кнігі [2, 78]. Змест практыкаванняў знаёміць вучняў з асобнымі падзеямі з жыцця славутага земляка, звесткамі пра яго бацьку, этапамі дзейнасці асветніка. Матэрыял тэкстаў дапаўняецца малюнкамі. Метадычны апарат арганізацыі працы пры вывучэнні тэмы распрацаваны такім чынам, што замацоўваюцца сінтаксічныя веды і ўменні (сказ як асноўны сродак перадачы думкі, інтанаванне, падзел тэксту на сказы, афармленне на пісьме, адрозненне сказа ад словазлучэння і слова), а разам з гэтым фарміруюцца лінгвакраіназнаўчыя веды і ўменні (запамінанне інфармацыі пра Францыска Скарыну, выбар і запамінанне фактаў, складанне вуснага выказвання "Беларускі першадрукар").

Звесткі з анамастыкі падаюцца праз уключэнне інфармацыі пра ўласныя імёны ў асобныя параграфы, на аснове якіх распрацавана як сістэма засваення лінгвістычных правіл, так і заданні на практычнае прымяненне ў маўленні. Тэксты практыкаванняў вучэбных дапаможнікаў змяшчаюць інфармацыю пра беларускія гарады, рэкі Друйка, Піна, Палата, Дняпро, Заходняя Дзвіна, Нёман, Прыпяць; азёры Нарач, Свіцязь, Асвейскае, Браслаўскія, Чорнае; замкі Беларусі і славутыя мясціны – Нясвіжскі замак, музей-сядзіба Рэпіна і інш. Анамастычны матэрыял у поўнай меры дазваляе рэалізаваць прынцып ад тэорыі да практыкі ў дзеянні праз выкарыстанне ўласных імёнаў у якасці маўленчых стымулаў і далейшае стварэнне выказванняў. Напрыклад, пры вывучэнні адной з найбольш складаных граматычных тэм "Скланенне назоўнікаў, якія абазначаюць імёны, прозвішчы і назвы населеных пунктаў на -оў, -ёў, -еў, -аў, -ын, -ін" марфалагічная норма засвойваецца ў час практычнай дзейнасці праз сістэму практыкаванняў, пабудаваных на аснове анамастычнага матэрыялу. Скланенне асобных прозвішчаў і назваў гарадоў дае матэрыял для назірання і вывадаў. Замацаванне правіла адбываецца пры адказе на пытанні краязнаўчай віктарыны "Гарады Беларусі": *1) Пад якім горадам да пачатку 1990-х гг. размяшчаўся гарнізон марской авіяцыі Балтыйскага флоту?* (Быхаў). *2) На гербе якога горада знаходзіцца чырвоная лісіца і рука, якая трымае меч? (Мсціслаў). 3) Сімвалам якога горада з'яўляецца вежа з гадзіннікам? (Шчучын). 4) У якім горадзе*

*знаходзіцца помнік князю Барысу? (*Барысаў). *5) У якім беларускім горадзе знаходзіцца помнік агурку? (Шклоў). Вучні запісваюць сказы, падкрэсліваюць назвы гарадоў, праводзяць з імі граматычныя трансфармацыі, што дазваляе зафіксаваць увагу на норме маўлення* [3, 106–107]. Назвы беларускіх гарадоў з'яўляюцца апорнымі словамі ў прэзентацыі інфармацыі пра адметныя факты з гісторыі іх узнікнення. Напрыклад, засваенне культуралагічных звестак міжпрадметнага характару адбываецца пры выкананні наступнага практыкавання [3, 139].

280. Прачытайце інфармацыю пра старажытныя гарады Беларусі.

Параўнайце беларускія гарады, выкарыстоўваючы выразы: *найстаражытнейшы ..., самы старажытны ..., маладзейшы за ..., старэйшы, чым ..., больш старажытны за ..., менш старажытны, чым ... .*

Які беларускі горад з'яўляецца самым старажытным? Пісьмова адкажыце на пытанне, ужываючы простую форму найвышэйшай ступені параўнання.

Складзіце «Кнігу геаграфічных рэкордаў Беларусі»: запішыце некалькі сказаў пра «самых-самых».

Найстаражытнейшыя гарады Беларусі

1	Полацк	862 г.
2	Віцебск	974 г.
3	Тураў	980 г.
4	Заслаўе	985 г.
5	Гарадзішча	1005 г.
6	Брэст	1019 г.
7	Гародня	1044 г.
8	Браслаў	1065 г.
9	Мінск	1067 г.
10	Орша	1067 г.
11	Лагойск	1078 г.
12	Ішкіль	1097 г.
13	Давыд-Гарадок	1100 г.
14	Барысаў	1102 г.
15	Слуцк	1116 г.

Апісанне адметных з'яў нацыянальна-культурнага жыцця дапаўняюцца канкрэтнымі звесткамі пра мясцовасць, заняткак жыхароў, адметныя вырабы (напрыклад, куфар з вёскі Агова Іванаўскага раёна, фартухі вёскі Бездзеж Драгічынскага раёна, майстры-шапавалы і валёнкі з Дрыбіна і інш.). Звесткі пра вядомыя брэнды "Спартак", "Камунарка" выклікаюць самыя прыемныя асацыяцыі ў кожнага беларуса, бо назвы кандытарскіх фабрык вядомыя ўсім з дзяцінства. Таму тым больш цікавай для вучняў будзе інфармацыя пра месца знаходжання фабрык, іх значэнне для сучасных эканамічных працэсаў краіны. Заданні да тэксту дапамогуць запомніць уласныя назвы, актуалізаваць матэрыял, які мае краіназнаўчы змест і будзе каштоўным ў камунікатыўным плане. Граматычная інтэрпрэтацыя лексічных адзінак накіравана на фарміраванне трывалых моўных уменняў, у той час як прыём сінтаксічнай трансфармацыі накіраваны на фарміраванне ўменняў будаваць сказы і разам з гэтым замацоўваць правіла. *Дадатковай інфармацыяй у кантэксце працы можа ўводзіцца пры знаёмстве вучняў з тэрмінамі антрапонім – уласнае імя чалавека, айконім – назва населенага пункта, што садзейнічае развіццю моўнай кампетэнцыі і лігвістычнага мыслення вучняў.*

Далейшая сістэма працы ўключае практыкаванні на пераклад і параўнанне рускіх і беларускіх онімаў. Уменні пераключаць маўленчыя механізмы ў час выказвання з адной мовы на другую (з рускай на беларускую і наадварот) з'яўляюцца асабліва запатрабаванымі ў сучаснай моўнай сітуацыі блізкароднаснага білігвізму. Вучням прапануецца тэкст на рускай мове: *"В историю русской культуры оказались включенными судьбы многих в разной мере замечательных людей.С белорусскими землями они связаны географией рождения или родословной. Это Иван Фёдоров (первопечатник), Симеон Полоцкий, Булгарин, Михаил Глинка, Писарев, Достоевский, Пржевальский, Ковальская, Стравинский, Шостакович, Щерба. (По Н. Мечковской)".* Запіс прозвішчаў па-беларуску, пастаноўка іх у формы меснага і творнага склонаў, тлумачэнне правапісу канчаткаў – заданні, якія пацвярджаюць практычную неабходнасць авалодання граматычным правілам. Да таго ж,

уласныя назоўнікі з'яўляюцца камунікатыўнымі стымуламі для выканання маўленчага задання: *"Пра каго з пералічаных знакамітых людзей вы ведаеце? Выкарыстоўваючы інтэрнэт-крыніцы, даведайцеся і сцісла раскажыце, чым славутыя гэтыя людзі"* [3, 106]. Такім чынам, вучні знаёмяцца з асобнымі падзеямі з жыцця славутых землякаў розных часоў – ад кампазітара Станіслава Манюшкі да касманаўта Алега Навіцкага, звесткамі пра іх дзейнасць, ролю ў развіцці краіны.

Веды лінгвакультуралагічнага характару засвойваюць вучні ў час працы з тэкстамі, змест якіх уключае міфонімы: бог зімы Зюзя, бог сонца Ярыла, Лесавік, Арыядна, Персей і інш.

Варта адзначыць, што асобныя практыкаванні поўнасцю прысвечаныя анамастычнай тэматыцы: *"Кожнае дзіця мае права на імя" – так запісана ў артыкуле № 20 закона "Аб правах дзіцяці". Права выбару імені нованароджанаму маюць бацькі. Як запаветны дар, імя набывае кожны чалавек. Ён як бы злучаецца з ім, яно становіцца яго спадарожнікам. Цяжка нават уявіць, што ў Пушкіна было б іншае імя . Гэта можна сказаць і пра імёны нашых класікаў – Янкі Купалы, Максіма Багдановіча, Уладзіміра Караткевіча. Іван, Янка, Ян азначае міласць Божую. Чалавек з такім іменем, кажуць, павінен мець вялікую ўнутраную сілу, незлабівы характар, грунтоўныя веды. Максім у лацінскай мове – найвялікшы. А Уладзімір у старажытных славян быў не інакш, як валадар міру. Я патлумачыў толькі некаторыя імёны. А кожнае з іх расшыфроўваецца па-свойму. Вось і давайце ўгледзімся, як у люстэрка, у свае імёны, убачым у іх сваю гісторыю (Паводле У. Ліпскага)".* Заданне, якое падаецца да практыкавання, паглыбляе цікавасць да анамастыкі як навукі: *"Распытайце бацькоў, чаму вам далі такое імя. Адшукайце інфармацыю пра сваё імя: з якой мовы паходзіць, што абазначае, як уплывае на характар чалавека. Падрыхтуйце вуснае паведамленне на тэму "Маё імя – мая гісторыя" і выступіце перад класам"* [3, 111]. Такім чынам, спецыяльныя практыкаванні спрыяюць развіццю цікавасці да свайго радаводу, набыццю ўласнага біяграфічнага вопыту і разам з тым фарміраванню маўленча-камунікатыўных уменняў вучняў.

Рубрыка "Скарбы мовы" ўведзена ў структуру сучаснага вучэбнага дапаможніка з мэтай прэзентацыі звестак пра гісторыю, побыт, характар і духоўнае жыццё беларускага народа. Практыкаванні згаданай рубрыкі распрацаваны на аснове прыказак, прымавак, загадак, фразеалагізмаў. Асаблівую дыдактычную каштоўнасць маюць ўстойлівыя адзінкі з нацыянальна-культурным кампанентам значэння, што рэпрэзентуецца праз уласныя імёны. Праца з такім матэрыялам дазваляе прадэманстраваць вучням, што "анамастыкон – гэта шыфр культурна-нацыянальнага вопыту і традыцый народа. Ён мае адносіны да матэрыяльнай, сацыяльнай і духоўнай культуры пэўнага моўнага калектыву" [4, 151].

Анамастычны матэрыял уключаецца ў даведачную частку ўсіх дыдактычных тэкстаў. Тэксты розных стыляў і жанраў суправаджаюць прозвішча і ініцыялы аўтара, да якіх мэтазгодна падаваць каментарыі пра яго жыццё і дзейнасць.

Такім чынам, анамастычная прастора сучасных вучэбных дапаможнікаў памагае вырашэнню шэрагу лінгвадыдактычных задач у працэсе навучання беларускай мове. Пазнавальны патэнцыял онімаў, выкарыстаных у якасці ілюстрацыйнага матэрыялу да правілаў, спрыяе трываламу практыка-арыентаванаму засваенню тэарэтычных ведаў з улікам цесных сувязей з рознымі вучэбнымі прадметамі. Выхаваўчыя аспекты разгляду анамастычных адзінак даюць магчымасць для фарміравання лінгвакраіназнаўчых ведаў і ўменняў, запамінання краіназнаўчай інфармацыі, неабходнай для ўсебаковага развіцця асобы.

Літаратура

1. Адукацыйны стандарт базавай адукацыі [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: https://adu.by/images/2019/01/obr standarty-ob-sred-obrazovaniya.pdf. – Дата доступу: 30.01.2022.

2. Беларуская мова: вучэб. дапам. для 5-га кл. устаноў агул. сярэд. адукацыі з беларус. і рус. мовамі навучання: у 2 ч. / Г.А. Валочка, В.У. Зелянко, С.В. Мартынкевіч і інш. – Мінск: Нац. ін-т адукацыі, 2019.

3. Беларуская мова: вучэб. дапам. для 6-га кл. устаноў агул. сярэд. адукацыі з беларус. і рус. мовамі навучання / Г.А. Валочка, В.У. Зелянко, С.В. Мартынкевіч і інш. – Мінск: Нац. ін-т адукацыі, 2020.

4. Белорусское Поозерье: культура – ономастика – социум: монография / А.М. Мезенко, Ю.М. Галковская, М.Л. Дорофеенко; под науч. ред. А.М. Мезенко. – Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова, 2017. – 180 с. // https://rep.vsu.by/bitstream /123456789/12714/1.Мезенко.pdf. – Дата доступа: 06.02.2022.

5. Птахина, Е.Ю. Имена собственные в школьной практике / Е.Ю. Птахина // Молодой ученый. – 2017. – № 23 (157). – С. 251–254. – Режим доступа: https://moluch.ru/archive/157/44363. – Дата доступа: 30.01.2022.

К.М. Матусевіч
Мозырскі дзяржаўны педагагічны
ўніверсітэт імя І.П. Шамякіна
e-mail: Katarina.kovalchuk@gmail.com

УДК 81.161.3'373.2:339.138:659.1

Брэндынг – мэтанакіраванае ўжыванне анамастыконаў

Ключавыя словы: *спадчына, гарадскі анамастыкон, полікодавы феномен, шыльда, камунікатыўнае асяроддзе.*

Розныя гарады маюць шмат патокаў камунікацыі, і у розных выпадках менавіта анамастыконы з'яўляюцца сродкам камунікацыі. Такім чынам гарадскі анамастыкон – гэта своеасаблівае камунікатыўнае поле. Кожная шыльда на розных установах мае мэту данесці звесткі да кліентаў, наведвальнікаў. Чым лепш прадумана назва, тым больш інтарэс. Гарадскі анамастыкон – гэта своеасаблівы полікодавы феномен, які аналізуецца з пункту гледжання культурнага коду.

K.M. Matusevich
Mozirskiy State Pedagogical University
named after I.P. Shamyakin

Branding is the aimed using of onomasticons

Key words: *heritage, city onomasticon, polycode phenomenon, signboard, communication environment.*

All cities have a lot of ways of communication and very often onomasticons are means of communication. So a city onomasticon is a communication field. Each signboard of buildings has information for visitors. The better the name was thought the more interest is. A city onomasticon is a polycode phenomenon, which is analyzed as a cultural code.

Апошні час тапаніміка разглядаецца з пункту гледжання чалавека, які і фарму моўныя адзінкі. Такім чынам складана вызначыць асаблівасці гэтага працэсу, таму што кожны чалавек мае свае асаблівасці і светапогляд. Мы разглядаем успрыманне вобразу аб'екту суб'ектам пад час яго вывучэння [1].

Анамастыконы вывучаюцца і выкарыстоўваюцца не толькі для навукі, але і з практычнай кропкі бачання – брэндыраванне рэгіёну і гораду. Уласныя імёны нясуць у сябе не толькі інфармацыйную частку, але і эмацыяльную. Дзякуючы ім мінулае жыве ў сучасным. Гісторыка-культурная спадчына мясцовасці перадаецца таксама і з дапамогаю мовы, але з сацыяльна арыентаванай мэтай.

Людзі, якія нарадзіліся і доўгі час жывуць на той самай тэрыторыі валодаюць моцнамі пачуццямі да той ці іншай тэрыторыі. Менавіта яны больш разумеюць значэнне і неабходнасць выкарыстоўваць уласныя імёны ў назвах. Але чым больш мае сэнс месца,

тым больш шанец найці ўласную назву ў шматлікіх назвах, больш часта выкарыстоўваецца менавіта гэты анамастыкон.

Назвы жылых комплексаў у гарадах – прыклад узаемадзеяння культуры, ландшафта. Менавіта мэтанакіраванае выкарыстанне анамастыконаў як брэнда дазваляе зрабіць вынік, што будзе далучана большая аўдыторыя. Урбанімічны падыход выкарыстання анамастыконаў як гарадского культурнага коду прадугледжвае супастаўленне сучаснаму запыту гарадскога асяроддзя.

Семантыка гарадскога асяроддзя ў наш час вывучаецца рознымі навукамі, філасофіяй, архітэктурай, дызайнам, семіотыкай, культуралогіяй. У класічнай анамастыке яны разглядаюцца як моўны матэрыял, які падцвярджае гістарычную знакавасць сацыяльнага жыцця і культуры насельніцтва. З кропкі гледжання соцыялінгвістыкі погляд на ўласныя імёны прыводзіць да раскрыцця іх ролі ў сацыяльным асяроддзі, разумення лакальнай ідэнтычнасці. Такім чынам уласныя імёны становяцца сродкам уздеяння на разуменне асяродзя [2].

Ю. Лотман разглядаў горад як семіатычны механізм, кацёл тэкстаў і кодаў, які належыць розным мовам і розным узроўням. Менавіта прынцыповы семіатычны паліглатызм гораду робіць яго полем розных і ў іншых умовах немагчымых калізій. Выконвая сутыкоўку розных нацыянальных, сацыльных, стылевых кодаў і тэкстаў, горад становіцца цэнтрам розных новых патокаў інфармацыі. Такім чынам, анамастыкон не так даўна стаў прадметам лінгвістычнай увагі, вывучаецца з розных бакоў – гістарычнага, нарматыўнага, крэатыўнага.

Субстанцыйнымі кодамі гарадскога анамастыкона з’яўляцца вербальная, наглядная форма, лексіка . Полікодавая сутнасць сучаснага гарадскога анамастыкона паказвае накіраванасць горада на сучаснае і мінулае. Існуюць умовы крэатыўнай, моўнай і культурнай гульні, каб зрабіць гарадское жыццё больш прывабным. Урбаністычая рэальнасць сучаснага этапу цывілізацыі дапамагае вывучаць мову города як інфармацыйнае асяродзе. Сучасныя імёны і гарадскія анамастыконы прымаюць розныя структурныя формы. Складанасць самога гораду ў наш час прыводзіць к таму, што яго вывучаюць розныя навукі, у тым ліку і лінгвістыка.

Пачатак XXI стагоддзя адрозніваецца актыўным інтарэсам вычоных к вувычэнню асаблівасцей моўнай карціна свету сучаснага жыхара гораду. Адной з частак гэтай карціны з’яўляецца свет афіцыйных і неафіцыйных уласных імён. Асноўным для вывучэння гарадскога анамастычнага тэрміну з'яўляецца паняцце урбанонім, які ўпершыню Н.В. Падольская пачала выкарыстоўваць. Існуе нават зараз і ідэя такого тэрміну і яго ўжывання, як мянтальная карта. Моўнае жыццё чалавека, які жыве ў горадзе зараз увесь час спалучаецца з горадам. Прыклады – шыльды на магазінах. Такім чынам горад размаўляе з жыхарамі.

Гарадское камунікатыўнае асяроддзе прадстаўлена вуснай і друкаванай формай. Увогуле гэта з’ява пачала вывучакцца 20 год назад, навукоўцамі Е.Л, Беразовіч, М.В. Галамідавай, Т.В. Шмялёвай. З таго часу ўсё больш і больш расце інтарэс, таму што гарадскі анамастыкон разглядаецца як культурна-камунікатыўнае асяроддзе. Моўнае існаванне сучаснага горада адрозніваецца хуткім узростам пісьмовага тэксту у гарадскім асяродзі. Неафіцыйная урбанімія ўсё больш вывучаецца вучонымі.

Людзі, якія жылі раней, пакінулі след у памяці таго месца і яго жыхароў, дзе нарадзіліся, жылі, працавалі. Звесткі аб усім гэтым чалавек набывае ў тым асяроддзі ў якім жыве. Неабходна навучыцца знаходзіць тое, што напаўняе наш светапогляд, а калі мы кажам пра вучняў, і будучыні, зрабіць гэта мэтанакіраванай дзейнасцю. У сучасны час на першае месца становіцца матэрыяльнае, але гісторыя нам пацвярджае, што ў бясконцым жыве толькі духоўнае, а яно складаецца з нацыянальна-культурных асаблівасцяў.

Аб гэтым казаў і айцец М.Я. Мірошкін: “Дзе маўчаць гістарычныя памятнікі, там пачынае дзейнічаць слова, калі і сагі маўчаць, тады гавораць імёны”.

Яны як станцыя, ад якой адпраўляецца цягнік разумення мясцовасці. Гарадскія анамастыконы захоўваюць індывідуальнасць, фармуюць псіхалагічную сувязь з месцам. Яны трансфармуюць гісторыка-культурную спадчыну у сучаснасць, дапамаюць прадэманстраваць гістарычную глыбіню. Такім чынам з’яюляюцца і гарадскія міфы, мастацкія творы набываюць новае жыццё, а ўсё гэта – дыскурс [3].

Школа, дом, сям’я, вуліца – гэта Радзіма для кожнага. Праблематыка ж ужывання анамастыконаў у навучальным асяроддзі ў тым, што на жаль настаўніку вельмі складана знайсці час, каб даць веды акрамя імя на занятках. У гэтым вападку неабходна набываць энцыклапедычныя веды. Прыкладам можа быць выданне Віцебшчыны аб усёй спадчы не вобласці. Зараз застаецца атуальным праца над накіраваным фармаваннем гарадскіх анамастыконаў.

Некаторыя імёны культурнай спадчыны краіны знаёмыя. Але часам пра знакамітыя постаці не ў поўнай меры ведаюць беларусы.У жыцці шмат чаго адбываецца выпадкова, а можа і не зусім. Невыпадкова калі калісьці напісанае кімсьці можа змяніць гісторыю. Таму будзем уважлівымі ў сваіх думках, асабіста калі яны ўжо маюць форму слоў. Слова натхняе, дапамагае марыць. Творчасць Максіма Багдановіча прыклад гэтаму. Зоркі натхнілі паэта на напісанне вершаў, а лётчыка-касманаўта Алега Навіцкага дасягнуць небасхіла. Выпадкова ці не, а Радзіма маці Максіма Багдановіча, ад якой і перадаўся талент сыну, і Алега Навіцкага горад Чэрвень (Ігумен). Мабыць зямля гэта нараджае талент, які натхняе людзей здзяйсняць свае мары, нават самыя неверагодныя!

Так вельмі часта выкарыстоўваюць гарадскі анамастыкон – назву вуліцы Максіма Багдановіча, не толькі ў тых гарадах, дзе жыў класік беларускай літаратуры, але і ў іншых, тым самым мы разумеем, на колькі вялікую роль значыць паэт.

Максім Багдановіч – зорка беларускай літаратуры, нашай культуры! Яго творчасць цікава як малым дзецям, так і дарослым. Неабходна спынніца на хвілінку і прачытаць верш, можа тады і жыццё наша пабяжыць сугучна яго любові да жыцця і радзімы!

Выйшаў з хаты. Ціха спіць надворак.

Наплывае радасць, з ёю сум.

Не злічыць у небе ясных зорак,

Не злічыць у сэрцы светлых дум*….(1915-1916)*

Заняткі па духоўнаму выхаванню могуць зараз толькі дадавацца методыкай, а база і постаці ў нас ёсць. Засталося іх знайсці побач, нават на суседняй вуліцы!

На жаль не ўсе вобласці прадстаўлены нават у сетцы інтарнэта так якасна, як спадчына Віцебскай вобласці. А што казаць тады пра тое, што звесткі калі-нікалі дойдуць да навучэнцаў. На Гомельшчыне цэлы шэраг гістарычных постацяў, якія могуць стаць анамастыконамі.

Так напрыклад яшчэ год 20 таму не казалі на занятках у школе г. Светлагорска пра першага пасла Расійскай імперыі ў Японіі. Іосіф Гашкевіч нарадзіўся ў Якімавай Слабадзе (цяпер Светлагорскі раён Гомельскай вобласці). Нават сучасныя маладыя японцы ведаюць яго імя. Менавіта ён пабудаваў першы праваслаўны храм у Японіі. Я жыла ў Светлагорску да 17 год і не ведала аб гэтым. Зараз у Японіі больш за 30 000 праваслаўных. Можа і тыя тэхналагічныя дасягненні, якія мае Японія, існуюць дзякуючы тым хрысціянам, якія з'явіліся там яшчэ пры Мікалаі Японскім у храме, пабудаваным Іосіфам Гашкевічам.

Яшчэ адной знакамітай, але невядомай для навучэнцаў постаццю з'яўляецца Некрашэвіч (заснавальнік НАН Беларусі). Нарадзіўся С. М. Некрашэвіч у вёсцы Данілаўка былога Бабруйскага павета (цяпер Светлагорскі раён Гомельскай вобласці) у шляхецкай сям'і. Пачатковую адукацыю ён атрымаў у «дырэктара» - так называлі тады

хатніх настаўнікаў. У 1908 годзе скончыў настаўніцкую семінарыю ў Панявежысе – невялікім літоўскім гарадку. Пасля гэтага два гады працаваў настаўнікам пачатковай школы ў Цельшынскім павеце Ковенскай губерні (Літва), а з 1911 па 1913 гады – у школе «Таварыства цвярозасці» у Вільні, адначасова вучыўся завочна ў Віленскім настаўніцкім інстытуце, пасля заканчэння якога некаторы час настаўнічаў у мястэчку Дагеза Дзісненскага павета Віцебскай губерні.

З 1914 года С. М. Некрашэвіч – на франтах Першай сусветнай вайны. Дэмабілізаваўся ў 1918 годзе і пэўны час жыў у Адэсе. Дзякуючы намаганням С.М. Некрашэвіча к пачатку 1918 навучальнага года было адкрыта 30 пачатковых беларускіх школ і беларуская змешаная гімназія ў складзе першых чатырох класаў. Сам Сцяпан Міхайлавіч у гэты час вучыўся ў Адэскім вышэйшым міжнародным інстытуце, але паспеў закончыць толькі два яго курсы да пераезду ў Мінск у 1920 годзе.

У асобе С.М. Некрашэвіча Беларусь мела выдатнага арганізатара нацыянальнай навукі і адукацыі. І ў гэтым напрамку свае здольнасці ён праявіў у дастатковай ступені. Яму ўдалося сабраць у Інбелкульце найбольш здольных і перспектыўных супрацоўнікаў па розных галінах гуманітарных навук.

Усе дарогі вядуць да магіл і помнікаў часу Вялікай Айчыннай вайны. Недахоп сведак аб маштабе вызваленчай аперацыі сярод моладзі пачатку 2000 не дазволілі ў поўнай меры адзначыць знакавасць мясцовасці сусветнай вайны, што і не паўспрыяла станоўча ў поўнай меры на светапогляд, на дадала той моцы духу, які дапамагае ў складаны час (месца мемарыяльнага комплексу “Багратыён”, месца трагедыі вёскі Ала, дзе знішчана было ў 12 раз больш ахвяр, чым у Хатыні).

Неабходна помніць і трагедыю вёскі Ала, якая была знішчана падчас вайны з жыхарамі (амаль 2 тысячы чалавек, з іх 950 дзяцей). І. Катляроў лічыць, што пра трагедыю вёскі мала хто ведае, таму што няма мэмарыяльнага комплексу. Калі мы едзем у Хатынь, Трасцянец, Алу, мы не дапаможам ахвярам вайны, але ж гэта трэба нам, каб мы разумелі, наколькі неабходна берагчы тое сучаснае, якое мы маем зараз. І што мы не маем праў жыць ня варта тым хто аслабаняў зямлю нашу ад ворага.

З існуючых намастыконаў, урбонімаў Светлагорска – вуліца Азалава і вуліца Мірашнічэнкі.

Пры вызваленні Светлагорскага раёну вызначыліся Героі Савецкага Саюза: гвардыі радавы Клычніяз Азалаў (н. 10.03.1921 у сяле імя Мухадава, Туркменістан; вызначыўся пры фарсіраванні Дняпра каля Лоева, у баі за чыгуначную станцыю Шацілкі цяжка паранены; памёр ад ран 27.12.1943, пахаваны ў Светлагорску, дзе яго імем названа вуліца.

170-й стралковай дывізіі палкоўніка А. М. Пузырэўскага з 48-й арміі і была пастаўлена задача выбіць нямецка-фашысцкіх захопнікаў з вёскі Печышчы, магутнага апорнага пункта нямецкай абароны на гэтым участку. Немцы, захапіўшы населены пункт, ў ходзе контрудару з боку Парыч, пабудавалі моцныя ўмацаванні ў гэтай вёсцы. Ў тры рады цягнулі дротавыя агароджы, за якім былі выкапаны акопы ў поўны профіль і пабудаваны некалькі дзотаў, умацавалі абарону артылерыйская і мінамётныя батарэі, усе подступы да вёскі былі замініраваны. Рэчка Жардзянка,якая працякала паміж вёскі Печышчы і Стракавічы, з'яўлялася нейтральнай зонай. Ў вёсцы Стракавічы займаў абарону 717-ы стралковы полк дывізіі, перад якім была пастаўлена задача ноччу 31 снежня 1943 года нанесці ўдар па гарнізону гэтага пункта абароны немцаў. Камандзірам палка была пастаўлена задача камандзіру ўзвода разведчыкаў лейтэнанту П. А. Мірашнічэнку разведаць размяшчэнне ўмацаванняў і агнявых сродкаў праціўніка, знайсці больш небяспечнае месца для фарсіравання рэчкі, каб непрыкметна падабрацца да абароны ворага. Разведчыкі выканалі задачу. Але, каб забяспечыць паспяховае наступленне, неабходна было абяскшкодзіць 2 дзоты праціўніка, якія вялі бесперапынны агонь. Лейтэнант

П.А. Мірашнічэнка атрымаў загад камандзіра палка ўзводам разведчыкаў атакаваць і знішчыць гэтыя агнявыя кропкі ворага. Дзоты былі размешчаны з паўночна-шсходняй часткі вёскі: адзін у хляве, а другі – пад жылым домам. Подступы да гэтых дзотаў лейтэнант Мірашнічэнка разведаў з разведчыкамі перад наступленнем. Немцы пастаянна асвятлялі подступы да вёскі ракетамі і акрамя гэтага палілі хаты, полымя якіх асвятляла ўсё вакол.

П.А. Мірашнічэнка раздзяліў узвод на дзве групы, адну ўзначаліў сам, а другую сяржант Аляксеяў П.Я. Зліваючыся з зямлёй, разведчыкі папаўзлі да дзотаў. Група, якую вёў Мірашнічэнка, падбіралася да дзота, да якога заставалася метраў пятнаццаць і падрыхтавалася да кідка, але была выяўлена ворагам. На разведчыкаў сыпануў вогненны смерч кулямётаў, якія прыціснулі да зямлі разведчыкаў і ланцугі наступаючых стралкоў палка. Адзін за другім выбывалі байцы са строю. Быў лёгка паранены П.А. Мірашнічэнка. Марудзіць было нельга. Патрэбна прымаць рашэнне, інакш сарвецца наступленне. Мірашнічэнка першы кінуў гранату і тут жа быў паранены ў правае плячо. Пераадольваючы боль, паспрабаваў падняцца, але не змог, сілы пакінулі яго. Тады ён выцягнуў левай рукой з-за пояса супрацьтанкавую гранату, зубамі вырваў засцерагальную чэку, праз сілу дапоўз да хлява, прыпадняўся і сунуў гранату ў амбразуру дзота і грудзьмі наваліўся на ствол кулямёта. Выбух страсануў паветра. Пад абломкамі хлява былі пахаваны кулямёт і фашысты. Цела лейтэнанта было прашыта кулямі ворага. Другі дзот быў знішчаны сяржантам Аляксеявым П, Я., які паўтарыў подзвіг свайго камандзіра, быў цяжка паранены. Знішчэнне гэтых агнявых кропак ворага з'явілася сігналам да агульнага наступлення палка.

Светлагорская зямля мае дачыненне да такіх знакамітых людзей, якія нарадзіліся ці жылі ў пасёлку Парычы, як В.І. Раговіч, беларускаго харавога дырыжора, фальклярыста. Мы бачым усплыў малой радзімы на станаўленне і развіццё таланта В.І. Раговіча.

Біяграфічныя звесткі шмат якіх знакамітых асоб звязаны з гэтым месцам. Невялічкі куток беларускага Палесся, дзе магутна нясе свае воды Бярэзіна. Гісторыя Парыч пачынаецца з 1568 году. У краіне шмат такіх месцаў, дзе прыгожая прырода і унікальная гісторыя, але гэта ведаюць не ўсе. Горад Светлагорск жа сам па сабе на жаль мае дрэнную рэпутацыю. Але ж менавіта веды духоўных сродкаў існавання дапамагаюць жыць у сучаснасці.

Выхадцы з Парыч, что ў Светлагорскім раёне - гэта знакамітыя паэты, вучоныя, дзеячы культуры і мастацтва. Але асаблівае месца у гэтым шэрагу займае Ўладзімір Іосіфавіч Раговіч, музыкант, дырыжор, збіральных народных песян, патрыёт сваёй малой радзімы, свайго Палескаго краю. Ён сабраў больш за тры тысячы беларускіх спеваў.

Гарэлік Сімон Зелікавіч нарадзіўся у 1885 годзе у Парычах. Палучыў адукацыю Сарбоне, зкончыў медыцынскі факультэт у Жэневе. З 1921 па 1939 года працаваў урачом у Маскве. У 1939 годзе Масква была выратавана ад эпідэміі чумы, і зрабіў гэта ўрач Гарэлік, які паставіў дыягназ і выратаваз хворага.

Рагінскі Сімон Залмановіч нарадзіўся 12(25) сакавіка 1900 года ў Парычах, у сям'і лесапрамыслоўца, у якога было 10 дзяцей. Савецкі вучоны фізікі і хіміі, член-карэспандэнт АН СССР. В 1922 зкончыў Днепрапетроўскі ўніверсітэт. 1943-1953 кіраваў кафедрай Маскоўского інстытута хімічнага машынабудавання. Кіраваў лабараторыяй, якая працавала над тэмай "падзел радыяктыўных прадуктаў у атамным рэактары".

Аладава Алена Васільевна нарадзілася 22 мая 1907 г. у горадзе Пружаны Гродненскай губерні. У 1915 годзе з бацькамі едзе ў Парычы. З 1944 па 1957 года дырэктар Дзяржаўнай карціннай галерэі БССР. З 1957 года па 1977 года дырэктар Дзяржаўнага мастацкага музея БССР.

Левін Генрых радзіўся 19 студзеня 1915 года ў Парычах. Бацька быў часавым майстрам, адзіным у гэтым рэгіёне. Прафесар Левін стаў прызнаным спецыялістам па гісторыі Англіі. Пад кіраўніцтвам Г. Р. Левіна былі абаронены шмат кандыдацкіх і доктарскіх дэсыртацый.

Яго вучні працуюць у школах і ўніверсітэтах былога Савецкага саюза і іншых дзяржаў. Г.Р. Левін памёр 4 кастрычніка 2003 г. у горадзе Нагарія, Ізраіль, дзе і пахаваны.

Глускіна Гіта нарадзілася 6.7.1922 года ў сям'і рабіна Парыч Менахема-Мендла Глускіна (1878–1936), семітолаг, гебраіст. У 1934 году сям'я пераехала ў Ленінград, так як бацька Г.Глускінай быў накіраваны галоўным рабінам Ленінграда. У 1943 пайшла на фронт, была ў войсках сувязи. Пасля вайны працягвала вучобу, дзе пазнаёмілася з Львом Вільскерам, за якога выйшла замуж. У 1949 годзе закончыла Ўсходні факультэт Ленінградскаго ўніверсітэта. У 1960 годзе выступала на Міжнародным кангрэсе усходнезнаўцаў у Маскве.

Трізна Леанід Міхайлавіч нарадзіўся 30 чэрвеня 1937 года ў Парычах. Член саюза пісьменнікаў і саюза журналістаў Расіі. У пачатку вайны немцы растралялі бацьку, разам з маці і малодшай сястрой быў выгнаны ў Германію. Пасля перамогі, у жніўні 1945 г. вярнуўся дадому. Першыя вершы надрукаваны ў 1982 годзе. Напісаў гімн былых непаўналетніх вязняў нацызму. Памёр 21 лістапада 2006 года.

Лісоўская – Саратыкян Галіна Іванаўна нарадзілася у Парычах 22 кастрычніка 1938 года. На берагах Бярэзіны фармавалася цяга да прыгожага, літаратурны талент. Першы верш напісаны ў 8 год, другое ў 11. Праз усё жыццё Галіна Іванаўна ў творчасці мы бачым любоў да Беразіны, Беларусі.

Палякова Ларыса Міхайлаўна нарадзілася 3 жніўня 1952 года ў горадзе Новалукомле, прыехалі з бацькамі ў Парычы ў 1961 годзе. Працавала ў выдавецтве «Вышэйшая школа» мастацкім рэдактарам. Памерла в 1981 году.

Усё новае – гэта тое, што раней было, але забыліся аб ім. Сучасныя тэхналогіі – аб іх мы чуем зараз шмат дзе. Неяк на сустрэчы з дырэктарам турыстычнага агенцтва Светлагорску пачула пра інавацыйны праект у адной з школ. (на жаль тады не было праваслаўнага прадмету. Сёння тое інавацыйнае, што кальсці было як мае быць. Людзям неабходна ездзіць у іншыя краіны, каб бачылі, наколькі добра мы жывём, як чыста і прыгожа ў нас. Нам ёсць чым ганарыцца. Тыя турысты, якія да нас прыязджаюць, - патэнцыяльныя бізнес партнёры. Але вельмі важна, каб людзі, якія працуюць з турыстамі, казалі пра нашу краіну з павагай і любоўю. Што датычыцца іншых краін, прапаную арганізаваць семінары, канферэнцыі для мясцовых улад розных краін. Балгарыя - вельмі цікавая краіна, ёсць вельмі шмат мясцін для наведвання, але вельмі шмат смецця. Нават каля шпіталю.

У моладзі шмат энергіі. Дзякуючы шматлікім праграмам моладзь удзельнічае ў жыцці краіны, але ж існуюць пытанні, над якімі неабходна працаваць усім нам разам. Зразумець, хто мы такія, хто такі беларускі народ праз прызму фальклору. Неабходна навучыцца рабіць аналіз інфармацыі, каб мець арыенцір у будучыні. Калі мы глядзім на хвалі, бачым, як роўна кроплі аб'яднаюцца ў адным напрамку, так і людзі аднаго народа павінны існаваць ў любові да сваёй краіны.

Кожны чалавек жыве ў часе і ў месцы – ў сацыяльным асяродзі, жыве ў свеце слоў. Тое што ставіць перад сабой дзяржава, калі мы кажам пра выхаванне і патрыятызм, павінна быць мэтанакіравана да кожнага чалавека – але гэта павінны рабіць спецыялісты, якія працуюць не толькі па букве закону, але і па сумленасці, з любоўю да кожнага, Радзімы, з павагай да гісторый і дарослых, надзеяй на будучыню, дзяцей і бясконцасць.

Літаратура

1. Копач, О.И. Сознание, познание и топонимная номинация / О.И. Копач // Межкультурная коммуникация: теория и практика: материалы международной научной конференции. Минск, 18–19 октября 2007 г. / МГЛУ; редкол.: Е. Г. Задворная (отв. ред.). – Минск. – С. 70–72.

2. Paula Sjöblom. Toponyms and place heritage as sources of place brand value / Sjöblom Paula // Journal of Product & Brand Management. 2015. – Vol. 24 No. 3. – P. 263–275.

3. Иссерс, О.С. Коммуникативные исследования / О.С. Иссерс. – 2019. – Т. 6 – № 1.

О.В. Никифорова
Арзамасский филиал ННГУ
e-mail: snegaovnik@rambler.ru

УДК 81.373.2

Эмпоронимы в ономастическом пространстве города Арзамаса как дидактический материал

Ключевые слова: *ономастическое пространство города, урбаноним, эмпороним, прецедентный феномен, лингвокультурологическая компетенция.*

В статье отмечается, что эмпоронимы, будучи важным элементом урбанонимии, представляют интерес для лингвистов не только в качестве языковой единицы, но и как выражение культуры, национальной специфики языковой картины мира, истории родного города, традиций и обычаев русского народа. Раскрывается лингвокультурный потенциал эмпоронимов, созданных на базе прецедентных феноменов. Обосновывается целесообразность при обучении иностраннных студентов русскому языку введения в лексический материал эргонимов, в частности эмпоронимов, позволяющих передать лингвокультуроведческую информацию о языковом своеобразии портрета города Арзамаса Нижегородской области. Знакомство с наименованиями магазинов имеет практическую ценность, поскольку они содержат ценную информацию как об истории русского языка, местности, так и современных реалиях, в которых обучаются студенты-иностранцы, служат средством выявления отражённой в них специфики языковой картины мира русского народа. Подчёркивается, что преподавание русского языка иностранным студентам-филологам ставит целью не только развитие языковых и речевых навыков, но и формирование лингвокультурологической компетенции.

O.V. Nikiforova
Arzamas Branch of UNN

Emporonyms in the onomastic space of the city of Arzamas as didactic material

Key words: *city onomastic space, urbanonym, emporonym, precedent phenomenon, linguoculturological competence.*

The article notes that emporonyms, being an important element of urbanonymy, are of interest to linguists not only as a linguistic unit, but also as an expression of culture, national specificity of the linguistic picture of the world, the history of the native city, traditions and customs of the Russian people. The linguocultural potential of emporonyms created on the basis of precedent phenomena is revealed. The expediency of introducing ergonyms into the lexical material, in particular emporonyms, when teaching foreign students the Russian language, is substantiated, which makes it possible to convey linguistic and cultural information about the linguistic originality of the portrait of the city of Arzamas in the Nizhny Novgorod region. Acquaintance with the names of stores is of practical value, since they contain valuable information both about the history of the Russian language, the area, and the modern realities in which foreign students study, serve as a means of identifying the specifics of the linguistic picture of the world of the Russian people reflected in them. It is emphasized that teaching the Russian language to foreign philology students aims not only to develop language and speech skills, but also to form linguistic and cultural competence.

Исследование ономастического пространства города Арзамаса Нижегородской области демонстрирует, что время, когда коммерческие предприятия именовались преимущественно отсубъектно, уже прошло. Конечно, можно ещё встретить на вывесках магазинов однословные номинации, характеризующие учреждение по виду продаваемого товара, типа «Продукты» или «Джинсы», однако всё чаще имядатели показывают изменение их отношения к тому, что именовать и как именовать, и выбирают названия немотивированные. Поэтому комплексное описание современного ономастического пространства города Арзамаса может помочь в формировании научно обоснованной языковой политики в городской среде, «в гармонизации городского … пространства» [9, 188], в выявлении постоянно расширяющейся зоны экологически вредных черт, в наблюдении над соблюдением норм культуры речи в окружающем человека коммуникативном пространстве [См., например, 5, 121].

Одним из актуальных направлений в изучении ономастического пространства современного города является эргонимия (от греч.‘торговля’ + оним). Термина эргоним, закреплённый Н.В. Подольской, обозначает наименования делового объединения людей. Под «деловым объединением людей» исследователь подразумевает любые союзы, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружки [8, 151]. В отдельную подгруппу эргонимов выделяются эмпоронимы – названия торговых учреждений, предприятий сфер обслуживания. Т.В. Шмелева вводит понятие «эмпороним» для обозначения названий магазинов, сюда же относятся названия парикмахерских, баров, кафе, бильярдных клубов, благотворительных организаций и др. [11, 9]. Безусловно, изучение эргонимов является важной составляющей изучения родного края, так как данный пласт лексики отражает языковую ситуацию социально-экономического пространства современного города, способствует формированию представлений об истории края, о культурно-исторических традициях и установках носителей русского языка.

Преподаватели кафедры русского языка и литературы Арзамасского филиала ННГУ, в котором с 2019 года на историко-филологическом факультете по профилю «Русский язык и литература» обучаются студенты из Узбекистана и Туркменистана, одним из способов расширения лексического запаса иностранцев и погружения их в естественную языковую и культурную среду считают не только чтение художественных произведений, содержащих слова, пришедшие из нижегородских говоров [6], но и знакомство с эмпоронимами города Арзамаса, являющимися элементом городской лингвокультуры, частью языкового пространства провинциального города. комплексный подход позволяет максимально охватить уровни, по которым происходит адаптация иностранного учащегося во время обучения на неродном языке в не родной для него среде. Учитывая, что эмпоронимы – один из многочисленных и динамичных типов урбанонимов, которые постоянно изменяются, пополняются, и наблюдения за ними дают не только информацию о городском ономастиконе и стимулируют интерес к изучению региональной специфики городского пространства, но и демонстрируют возможности взаимодействия языковой личности иностранного студента с этим пространством. Использование культурного потенциала арзамасской эмпоронимии в формировании коммуникативной и межкультурной компетенции иностранцев признаётся важной, поскольку с первого дня пребывания в городе студенты встречаются с номинациями торговых объектов.

В плане содержания эмпоронима выделяется лексическое значение номинации: денотативный, коннотативный и ассоциативный компоненты, то есть культурологическое содержание названия, а также его мотивационные признаки. На всех уровнях эмпоронимов находит отражение принцип экономии, который проявляется в виде «свёртывания» некоего образа в наименовании и «развёртывании» его при восприятии номинации. Поскольку использование эмпоронимов в городе направлено на привлечение большого потока потребителей, то они

призваны активизировать некий концепт в языковом сознании воспринимающих. В эмпоронимах содержатся элементы, главной задачей которых является явное или неявное указание на связи с иными текстами, или же присутствует отсылка к неким культурным реалиям.

Существуют две базовые категории, основывающиеся на отсылках к другим текстам: интертекстуальность и прецедентность, которые Н.А. Кузьмина предлагает разграничивать. Интертекстуальность она соотносит «с эстетической ценностью, культурной значимостью, вневременностью». Как считает исследователь, особенность прецедентности заключается именно в том, что она может быть актуальна только сейчас, в данный момент, но совершенно может быть не понятой людьми спустя какое-то количество времени; и существование прецедентных феноменов ограничено во времени, в то время как «интертекстуальные знаки проверены временем и традицией», поскольку они способны существовать в течение длительного периода жизни нескольких поколений «в виде некоего культурного кода». По утверждению лингвиста, «Интертекстуальность – это транслируемый код культуры как системы традиционных для человечества ценностей материального и духовного характер» [4]. Термин «прецедентный текст» введён Ю.Н. Карауловым, под которым учёный понимает текст, являющийся значимым для индивида в познавательном и эмоциональном плане, известный предшественникам, обращение к которому возобновляется и в современном мире [3, 216]. Интертекстуальность шире прецедентности и не способна передаваться одним словом. Можно сказать, что их отношения иерархичны. Кроме того, существуют культурные смыслы, их изучением на примере фольклора занималась Е.А. Каминская и трактовала это понятие как «содержание человеческого бытия, постигнутое и реализованное через культуру как особое взаимоотношение человека и мира» [2, 46]. Придерживаясь точки зрения Н.А. Кузьминой, мы разграничиваем категории интертекстуальность и прецедентность, используя в исследовании названий магазинов термин прецедентность.

Для привлечения внимания целевой аудитории номинаторы зачастую используют различного рода культурные реалии, которые в какой-то степени относятся и к прецедентности, и отсылают к ранее известным литературным текстам. Так, например, в названии магазина одежды для полных людей «Богатырь» заложена информация, акцентирующая внимание на характеристике самого богатыря. Богатырь – ‘герой русских былин, совершающий воинские подвиги’; ‘человек очень большой силы, стойкости, отваги’ [7, 53]. В словаре В.И. Даля следующее толкование ‘человек рослый, дородный, дюжий и видный; необычайный силач; смелый и удачливый, храбрый и счастливый воин, витязь’ [1, 168]. Таким образом, название «Богатырь» одновременно может являться и отсылкой к литературному тексту, и культурной реалией.

Имядатели магазина женских платьев, костюмов дали ему название традиционного праздника, который проводится в государствах и странах Испании и Латинской Америки – «Фиеста». Праздник сопровождается народными гуляниями и парадами, превращающимися в карнавал.

Название магазина модной одежды для подростков и детей «Гаврош» отсылает к одному из героев знаменитого романа В. Гюго «Отверженные». Это имя ассоциируется у людей, знакомых с произведением, с доброжелательным, смелым и сообразительным мальчуганом.

Детский магазин «Антошка» назван именем персонажа из известного короткометражного советского мультфильма о рыжем и солнечном мальчике «Антошка», снятого по детской песенке В. Шаинского и Ю. Энтина.

В городе Арзамасе отмечены и мифологические архетипы, лежащие в наименованиях магазинов. Так, именем древнегреческого могучего титана назван комиссионный магазин аксессуаров и запчастей для бытовой техники «Атлант». Миф основывается на том, что Атлант, отличаясь огромной силой и выносливостью, держит на плечах небесный свод. Возможно, именно на основе этой характеристики дали название магазину, товары которого будут надёжны и будут служить очень долго.

Именем древнегреческой нимфы названа сеть салонов штор, карнизов, магазинов мебели «Калипсо». В переводе с древнегреческого языка Καλυψώ означает ‘та, что скрывает’. Согласно мифу, Калипсо была прекрасной ткачихой, живущей на острове Онигии среди дивной природы, и утаивала от других в течение нескольких лет Одиссея, которого впоследствии против своей воли ей пришлось отпустить.

Название магазина продажи газового оборудования «Антей» отсылает к греческому великану Антею (от древнегреч. Ἀνταίος – обращённый против), который имел необыкновенную силу от соприкосновения с землёй (матерью Геей) и был царём Ливии.

Магазин сантехники и хозяйственных товаров носит название древнеримского бога «Меркурий» (товар, торговать). Известно, что в римской мифологии он является богом-покровителем торговли, прибыли и обогащения и в свою очередь соотносится с богом Гермесом из греческого пантеона. Будучи богом прибыли и обогащения, Меркурий носил сбоку кошель – большую сумку, что свидетельствовало о его принадлежности к деньгам. Считалось, что Меркурий мог обеспечить не только торговую прибыль, но и показать спрятанный клад. Поэтому выбор такого названия для магазина сантехники является удачным, ведь это прибыльное дело.

Выделяется группа названий-обращений, характерных для культуры разных народов. Это названия торговых учреждений «Барышня», «Сударушка», «Синьорина». Первые два названия магазинов женской одежды являются вежливой формой обращений к женщине в Российской империи. Лексема сударушка образована от слова сударыня при помощи деминутива –ушк–. Слово синьорина в «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова в Италии – ‘то же, что барышня в 1 знач. (употр. при упоминании имени девушки или как вежливое обращение к ней)’ [10, 190].

Название сети обувных магазинов «Лапоток» является прецедентным феноменом, характерным для национальной культуры русского народа, «реалия определённой культуры» (Т.А. Кадоло). В словаре С.И. Ожегова даётся такое определению слову лапоть – ‘крестьянская обувь, сплетённая из лыка, охватывающая только стопу’ [7, 319]. На Руси это была довольна распространённая низкая обувь, сплетённая из лыка разных пород дерева. Лапти отличались крайне низкой себестоимостью, ввиду обилия материала, простоты изготовления (мужчин с детства учили плести лапти, поэтому в дальнейшем сноровка позволяла изготавливать такую обувь между делом) и недолговечности.

Таким образом, изучение эмпоронимов в лингвистическом ландшафте города Арзамаса представляет особый интерес для иностранных студентов-филологов, так как разнообразная эмпоронимическая лексика содержит богатый материал как для изучения языковых особенностей русского языка, так и для выявления прецедентных имён и культурных смыслов, лежащих в основе наименования. Включение ономастического компонента в процесс обучения в максимальной степени позволяет учитывать реальные социокультурные условия общения, реализуется связь учебного процесса с жизнью, повышает мотивацию в обучении русскому языку. Использование информации об эмпоронимах в учебном процессе способствует воздействию языковой среды на иностранных студентов-филологов. Приобретенные на занятиях знания и умения закрепляются и активизируются в реальных ситуациях, возникающих при соприкосновении студентов с окружающей их языковой средой города, следовательно, способствуют формированию коммуникативной компетенции иностранных студентов в условиях Нижегородского региона и успешности их лингвокультурной адаптации.

Литература

1. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. / В.И. Даль. – М.: Рипол Классик, 2002. – Т. 1. – 752 с.

2. Каминская, Е.А. Культурные смыслы традиционного фольклора / Е.А. Каминская // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2014. – С. 45–49. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnye-smysly-traditsionnogo-folklora. – Дата доступа: 23.02.2022.

3. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 264 с.

4. Кузьмина, Н.А. Интертекстуальность и прецедентность как базовые когнитивные категории медиадискурса / Н.А. Кузьмина// Медиаскоп. – Выпуск № 1. – 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mediascope.ru/node/755. – Дата доступа: 23.02.2022.

5. Никифорова, О.В. Коммуникативное пространство города Арзамаса в аспекте лингвоэкологии / О.В. Никифорова // Национальные коды в языке и литературе. Современные языки в новых условиях коммуникации: Сборник статей по материалам Международной научной конференции «Национальные коды в языке и литературе». – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2019. – С. 115–121.

6. Никифорова, О.В. Диалектная обрядовая лексика как средство формирования лингвистической компетенции иностранцев – будущих лингвистов / О.В. Никифорова // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное: сборник научных статей / отв. ред. Л.В. Рацибурская. – Москва: ФЛИНТА, 2021. – С. 501–510.

7. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2006. – 944 с.

8. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 187 с

9. Соколова, Т.П. Неймингoвая экспертиза в аспекте лингвоэкологии / Т.П. Соколова // Ономастика Поволжья: материалы XV Международной научной конференции. – Арзамас-Саров: Интерконтакт, 2016. – С. 188–192.

10. Толковый словарь русского языка; под ред. Д.Н. Ушакова. В 4-х т. – М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935 – 1940. – Т.4. – 1500 с.

11. Шмелёва, Т.В. Язык города. Наименования магазинов: методическая разработка к практике для студентов филологического факультета / Т.В. Шмелёва. – Красноярск: Красноярский университет, 1989. – 40 с.

С.В. Николаенко
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: ns-lk@mail.ru

УДК 81'373.423:37.032

Воспитательный потенциал ономастики

Ключевые слова: *гражданское воспитание, ономастический потенциал, конференция «Эврика», ономастический квиз, педагогические подходы*.

Работа с ономастическим материалом при подготовке учащихся к выступлениям на различных научно-практических конференциях способствует использованию педагогических походов к обучению и воспитанию молодежи: системно-деятельностного, культурологического, личностно-ориентированного, компетентностного. В статье анализируется круг ономастических тем, которыми интересуются учащиеся учреждений общего среднего образования, представленные в конкурсе научно-исследовательских работ «Эврика». Предложена также одна из форм выбора русского имени студентами-иностранцами, изучающими РКИ.

S.V. Nikolaenko
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

Educational potential of onomastics

Key words: *civil upbringing, onomastic potential, «Eureka» conference, onomastic quiz, pedagogical approaches.*

Working with onomastic material while training students in making presentations at various scientific and practical conferences promotes using of pedagogical approaches in educating and upbringing young people: system- and activity-based, cultural, personality-oriented, competence-based. The article analyzes the range of onomastic themes that are of great interest to students at institutions of general secondary education, and that were presented during the research works competition "Eureka". One of the forms for choosing a Russian name by foreign students studying Russian as a foreign language has also been proposed.

Пожалуй, в современном образовательном процессе учреждений образования нет более востребованного языкового материала для организации исследовательской деятельности учащихся на разных ступенях получения образования, чем ономастический. Такая востребованность объясняется широкими возможностями, которые позволяют преподавателю формировать гражданскую компетенцию у учащихся, что так важно в современной геополитической ситуации. В Образовательном стандарте общего среднего образования содержание всех учебных программ и программ воспитания направлено на обеспечение «духовно-нравственного развития...; формирования гражданской идентичности учащихся; достижения учащимися личностных, метапредметных и предметных образовательных результатов; развития творческих способностей учащихся, вовлечения их в различные виды социально значимой деятельности…» [4, 3]. И одной из таких образовательно-воспитательных форм является научная деятельность учащихся по исследованию ономастических единиц.

Так, например, научно-исследовательские работы обучающихся в рамках конференции «Эврика» в большой степени связаны с ономастической тематикой. Статистика свидетельствует о стабильном интересе учащихся к рассмотрению проблем и «погружению» в культурно-, гео-, прагма-, социолингвистические аспекты ономастики. Нами проанализированы содержания сборников по итогам конференции начиная с 2010 года (данное мероприятие имеет начало именно в этом году). Показательно, что ежегодно происходит увеличение работ по ономастике в рамках «Эврики»: 2010 – 2, 2011-2012 – 4, начиная с 2013 г. – стабильно по 8-10 ученических исследований. Надо заметить, что это количество только в итоговых публикациях в разделах «Филология», которые прошли отбор и включены в соревновательный процесс на конференции. Всего же не менее 20-ти работ ежегодно представлены учреждениями образования для участия в данном мероприятии [5].

Тематически представленные за это время исследования посвящены в основном двум направлениям в ономастике – топонимии и антропонимии. Такой интерес учащихся к данным проблемам объясняется и возрастом, и желанием «заинтересовать всех, кто любит свой край, его историю, его географическое прошлое и настоящее» [1, 39]. Топонимические «первые» шаги учащиеся делают в исследованиях ойконимов, названий улиц, исторических зарисовок и др. Приведем темы данной группы.

Назвы майго краю (тапонімы Лепельшчыны), Топонимика Витебского района, Потамонимы Беларуси, The riddles of london street-names, Айканіміка сіцькоўскай зоны Міёрскага раёна, Яыковой портрет Витебска, Айконімы родных мясцін, Прошлое, настоящее, будущее в названиях улиц деревни Псуя, Семантические и лингвистические особенности названий улиц агрогородка Вымно Витебского района, Гістарычная тапаніміка Залесчыны, Лингвистический анализ названий улиц Октябрьского района города Витебска, Тапанамічныя назвы вёсак Ушаччыны, Тапонімы Браслаўшчыны, Эргонимы в лингвистическом ландшафте Витебска, Этимология и образование ойконимов моей малой родины, Айконімы Віцебшчыны, суадносіныя з назвамі жывел і раслін.

Географически представлены почти все зоны Витебщины, что в очередной раз и уже не одно столетие подтверждает мысль великого Ф. Скорины: «Людзі да месца, дзе нарадзіліся і ўзгадаваны ў Бозе, вялікую ласку маюць».

Следующая большая группа ученических исследований представлена антропонимией. Интерес молодежи связан, в первую очередь, с тем дидактическим посылом, что данный раздел помогает восстановить культурно-исторический фон страны того или иного времени.

Происхождение фамилий моих сверстников (попытка ономастического исследования), Из истории фамилий: фамилии нашей школы, Таямніцы нашых прозвішчаў, Имена

собственные в фэнтезийных произведениях Дж. К. Ролинг «Гарри Поттер и философский камень», «Гарри Поттер и тайная комната», Дихотомия онимов в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин», Принципы создания никнеймов, или сетевых имен, в подростковой среде, Прозвища учащихся нашей школы, Электронный антропонимический словарь-справочник фамилий учащихся ГУО «Средняя школа № 18 имени Евфросинии Полоцкой г. Полоцка», Именник гимназии № 2 г. Витебска, Немецкие товарные знаки, Фамилии в антропонимном пространстве гимназии № 2 г. Витебска, Прозвища в антропонимном пространстве гимназии № 2 г. Витебска, Неофициальные имена в антропонимном пространстве гимназии, Разгадка таямніц, альбо пра што гавораць псеўданімы, Школьныя мянушкі ў моўным асяроддзе, Прецедентные феномены в заголовках газет «Переходный возраст и «Знамя юности», Лингвистический аспект в наименовании конфет фабрик «Спартак» и «Коммунарка», Изучение имянаречения, Назвы насякомых у гаворках Віцебскай вобласці, Фразеологические единицы с фитонимным компонентом: семантика, происхождение, функционирование, Мікалагічныя найменні ў гаворках Віцебшчыны, Іменаслоў жыхароў-стараверaў вёскі Латкова Шумілінскага раёна.

Воспитание интереса иностранных студентов к социокультурному богатству страны также объясняется наличием у них когнитивно-эмоциональных представлений о географических, бытовых, культурных национальных особенностях, представленных через ономастические единицы. К такому выводу мы пришли по итогам анализа ответов китайских студентов, обучающихся на филологических специальностях первой и второй ступенях получения высшего образования в ВГУ имени П.М. Машерова. Данный опрос не является новой формой приобщения иностранных студентов к местным реалиям. Уже на протяжении многих десятилетий в РУДН (и его праотце – Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы) успешно обучение РКИ происходит с “присвоения” иностранцами русских имен, что, безусловно, ускоряет процесс обучения русскому языку и вхождению студентов в культурные реалии. Здесь уместным будет вспомнить цитату русского философа А.Ф. Лосева из его книги «Философия имени», наиболее ярко объясняющую философско-воспитательное значение данного раздела ономастики: «Без имени было бы бессмысленное и безумное столкновение глухонемых масс в бездне абсолютной тьмы... И молимся мы, и проклинаем через имена, через произнесение имени. И нет границ жизни имени, нет меры для его могущества. Именем и словом создан и держится мир...» [3, 8].

По мнению Д.И. Ермоловича антропоним, представленный в качестве имени собственного, несет в себе следующие характеристики: это знак, по которому распознается человек; это только название без определения свойств и, наконец, это некое понятийное значение, имеющее признаки на а) указание, что носитель антропонима – это человек: б) указание на принадлежность к национально-языковой общности; в) указание на то, мужчина этот человек или женщина [2, 67].

Следуя научным положениям ученых-ономастов, применяя форму анкетирования студентов-филологов из КНР, мы предложили квиз «3 шага к уверенности» по страницам литературных произведений, телепередач, соцсетям:

1) назови себя русским именем – первый шаг:
2) объясни свой выбор – второй шаг;
3) узнай значение, пообщавшись с русскоговорящим (он тебе поможет) – третий шаг;

Приведем некоторые результаты.

Чжоу Яньлу – Я выбрала это русское имя Маша, потому что оно всегда встречается в сказках. А еще я полюбила Машу в мультфильме «Маша и медведь», он на меня произвел очень приятное впечатление. Девочка Маша симпатичная и веселая. Мне это очень нравится.

Янь Цзялу – Я выбрала имя Елена, потому что Елена значит солнечный свет, а я очень люблю солнце. Еще от русских ребят узнала, что Еле́на – женское имя греческого происхождения; восходит к др.-греч.Ἑλένη, имени Елены Прекрасной, героини цикла древнегреческих мифов и сказаний. О ней нам преподаватель по античной литературе говорил.

Чжан Цзинцзин – Я выбрала имя Сима, потому что оно редкое имя и его легко запомнить. А потом вместе со своей русской подругой мы залезли в словарь, и она мне прочла, что оно означает. Имя Сима древнееврейского происхождения, «услышанная богом». Как правило, девушка с таким необыкновенным именем обладает довольно спокойным и настойчивым характером. Очень часто обладательница этого имени хочет добиться славы, известности и способна это сделать. Она разносторонне развита, любит спорт, веселье и искусство – то, что может помочь самовыражению. Также Сима часто бывает тверда, верна, организованна и умеренна. Она имеет способность не только убеждать, но и отстаивать свои идеалы. Девушка с этим именем, всегда радостна и никогда не сожалеет о сделанном. Я такая, поэтому и буду иметь это имя.

Хао Дунфан – Я выбрал это русское имя Богдан, потому что я читал книгу о русской истории. В этой книге есть такой герой, который называется Богдан. Он героический и патриотичный. Его характер мне нравится. Поэтому я так выбрал.

Фэн Сэнь – Я выбрал имя Лев. И предложила мне его моя преподаватель по Истории русской литературы. Она сказала мне: «Лев Толстой – великий русский писатель». В Китае его произведения много читают, даже в моей школе о Толстом говорили на уроке. Сейчас мы тёзки. А еще мне нравится животное Лев. Они с Толстым чем-то схожи – у обоих бороды. У меня тоже.

Куан Ивэнь –Я выбрала русское имя Марина, потому что это имя символизирует море. Мне нравится море.

Лю Босан – Я выбрал русское имя Виктор, хотя мое имя несложно для русских и хорошо запоминается. Но Виктор означает победу. Имя происходит от латинского слова Victor. Мне сказали, что Виктор – сильный, решительный, энергичный, амбициозный мужчина. Я хочу быть таким человеком, именно поэтому я выбрал это русское имя. У Виктора много достоинств, но и есть некоторые недостатки. Мне нужно преодолевать недостатки и стать успешным человеком.

Юэ Лисюнь – Я выбрал русское имя Женя, потому что это имя в переводе с греческого языка означает «благородный», дословно это имя можно перевести как «с хорошими генами», и мне это по душе.

Приведенные результаты свидетельствуют, что в воспитательном процессе учреждений образования всех ступеней получения общего среднего и высшего образования задействованы все современные подходы к обучению и воспитанию молодежи: **системно-деятельностный** (учащийся занимает активную позицию и свою ономастическую деятельность осуществляет в условиях метапредметности); **культурологический** (ценностно-ориентированное содержания всех ономастических единиц способствует формированию приоритетов национальной и мировой культур); **личностно-ориентированный** (проектирование и организация ономастической научной деятельности предполагает обеспечить индивидуальную траекторию развития личности учащегося в соответствии с его возможностями, потребностями, образовательными возможностями); **компетентностный** (ономастический материал и его исследование помогает осуществлять практическую ориентированность молодежи для выбора профессии и подготовке к самостоятельной деятельности).

Литература

1. Долгачев, И.Г. Язык земли родного края / И.Г. Долгачев. – Нижне-Волжское книж. изд-во, 1989. – 141 с.
2. Ермолович, Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур / Д.И. Ермолович. – М.: Р. Валент, 2001. – 200 с.
3. Лосев, А.Ф. Философия имени / А.Ф. Лосев // Самое само: Сочинения. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1999 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/fil_im/. – Дата доступа: 21.02.2022.
4. Образовательный стандарт общего среднего образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://adu.by/ru/homepage/obrazovatelnyj-protsess-2020-2021-uchebnyj-god/obshchee-srednee-obrazovanie-2020-2021/3782-obrazovatel-nye-standarty-obshchego-srednego-obrazovaniya. – Дата доступа: 25.02.2022.
5. Эврика [Электронный ресурс]: материалы I–XII науч.-практ. конф. учащихся учреждений образования Витебской области, Витебск, 13 ноября 2021 г. / [редкол.: Е.Я. Аршанский (гл. ред.) [и др.]. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2021. – 273 с. – Режим доступа: https://rep.vsu.by/handle/123456789/31002. – Дата доступа: 25.02.2022.

И.К. Русакович, Т.Г. Трофимович
Белорусский государственный педагогический
университет имени Максима Танка
e-mail: t.trof@mail.ru

УДК 811.161’37’221.2

Из наблюдений над продуцированием и использованием антропонимов в белорусском жестовом языке

Ключевые слова: *белорусский жестовый язык, антропонимы, продуцирование антропонимов, особенности функционирования антропонимов.*

В статье рассматриваются особенности продуцирования и использования антропонимов в белорусском жестовом языке.

I.K. Rusakovich, T.G. Trofimovich
Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank

From observations on the production and use of anthroponyms in the belarusian sign language

Key words: *belarusian sign language, anthroponyms, production of anthroponyms, features of functioning of anthroponyms.*

The article discusses the peculiarities of the production and use of anthroponyms in the Belarusian sign language.

В современном общественном сознании прочно укрепилось представление о том, что кроме естественных человеческих вербальных языков, являющихся главными средствами общения, существуют и успешно выполняют свой коммуникативные функции жестовые языки. Та же Википедия утверждает, что «*же́стовый язы́к* – самостоятельный язык, состоящий из жестов, каждый из которых производится руками в сочетании с мимикой, формой или движением рта и губ, а также в сочетании с положением корпуса тела.

В научной, научно-популярной и учебной литературе используются наименования жестовых языков, включающие прилагательные, которые указывают на их национальную принадлежность: *английский жестовый язык, немецкий жестовый язык, бразильский жестовый язык, русский жестовый язык* и т.д. В интернет-публикации, посвященной Международному дню жестовых языков, читаем следующее: «Лингвисты признают жестовый язык самым быстрым в мире, ведь пока обычный человек будет произносить какое-либо слово, глухонемой сможет сказать с помощью жестов от трех до пяти слов. Кроме того, язык жестов также может иметь национальную принадлежность – быть русским, английским, японским. Например, в США американский жестовый язык – третий по популярности после английского и испанского» [4].

Встает закономерный вопрос: существует ли *белорусский жестовый язык*? Если отвечать на этот вопрос коротко, то, на наш взгляд, есть все основания считать, что тот жестовый язык, который функционирует на территории Республики Беларусь, следует называть *белорусским жестовым языком.* Попытаемся аргументировать, обратившись при этом к общепринятым факторам.

(1) Белорусский жестовый язык является средством общения неслышащих и слабослышащих людей на территории независимого государства – Республики Беларусь (территориально-политический фактор). (2) Носители белорусского жестового языка считают себя в подавляющем большинстве белорусами (фактор самоидентификации). (3) Лингвистические показатели «белорусскости» белорусского жестового языка тоже существуют и проявляются в основном на уровне лексики и фразеологии (лингвистические факторы).

Хорошо известно, что многие проблемные вопросы, находящиеся на стыке социологии и лингвистики, рассматриваются в современном гуманитарном знании с учетом целого комплекса показателей, среди которых собственно лингвистические показатели могут не иметь решающего значения. Вопросы политического, административного, территориального устройства страны, особенности самоидентификации титульной нации оказываются первостепенными.

В настоящее время аксиоматичным является положение о том, что во всех языках есть имена собственные. Это лингвистическая универсалия (Мечковская Н.Б.). Среди имен собственных (онимов) свое место занимают антропонимы – имена собственные людей. По сути своей, человек имеет несколько имен собственных, которые образуют то, что можно назвать *антропонимической парадигмой* или *индивидуальным антропонимиконом.*

Традиционно у русских и белорусов человек имеет паспортное (полное) имя, состоящее из собственно имени, отчества (патронима) и фамилии (*Юрий Алексеевич Гагарин).* В зависимости от коммуникативных задач, которые решаются, может использоваться имя и фамилия *(Юрий Гагарин*), только фамилия *(Гагарин),* только имя в разных вариантах *(Юрий, Юра, Юрка, Юрочка),* имя и отчество (*Юрий Алексеевич)* и только отчество *(Алексеевич).* Каждый из перечисленных вариантов имеет целый набор признаков, определяющих их использование, а значит, и набор коннотативных особенностей (приращенных смыслов).

Обратимся к белорусскому жестовому языку и попытаемся проследить, как в нем происходит продуцирование антропонимов, каковы особенности их функционирования в этой знаковой системе.

В белорусском жестовом языке, равно как и в других национальных жестовых языках, существует дактильный алфавит – пальцевая азбука, поэтому паспортное имя человека, его фамилия и отчество в формализованных обстоятельствах дактилируется, т.е. воспроизводится побуквенно с помощью дактилем – пальцевых знаков. Например, при выяснении фамилии, имени, отчества человек с нарушением слуха их назовет, то есть продактилирует или напишет полностью в соответствии с паспортными данными (*Солдатова Нина Ильинична)*.

В таком случае действуют те же законы выбора сочетания – только дактильно – имя, или имя-отчество, или фамилия и т.п. в зависимости от коммуникативных задач, как и в словесных языках. Например, при ответе на вопрос *«Как тебя зовут?»* ребенок с нарушением слуха продактилирует свое полное имя (*Андрей, Мария, Марианна и др.)*. Если человека с нарушением слуха вызывают к врачу или на сцену для вручения грамоты, то, как правило, дактилируют сначала его фамилию, потом имя.

В ситуации, когда обучающимся с нарушением слуха представляют учителя (*Гордюк Ирина Александровна)* или когда взрослые люди с нарушением слуха узнают сведения о значимом, важном в профессиональном или личном плане человеке, антропоним побуквенно дактильно полностью запоминают и воспроизводят потом в соответствии с паспортными данными (*Смеянович Арнольд Федорович*). В официальных ситуациях к такому человеку обращаются по имени-отчеству. При этом если позволяют слухоречевые возможности, то номинацию проговаривают устно, если нет – письменно или дактильно.

Неслышащий человек может знакомиться с ровесниками или с новыми людьми, ближайшими в окружении (соседями, гостями и т.д.). Как правило, в такой ситуации он называет/дактилирует свое имя – тот вариант, который подходит к обращению в неофициальной обстановке (*Саша, Алеша и др.).*

Вместе с тем, в национальных жестовых языках, в том числе, и в белорусском, существует присущая только субкультуре глухих ономастика; ее изучение, как и в целом лингвистическое изучение национальных жестовых языков, – относительно молодое направление научных исследований [5].

В каждой стране, где функционируют сообщества неслышащих, их называют объединения, ассоциации и др. В Республике Беларусь это общественное объединение «Белорусское общество глухих», которое рассматривается как микросоциум, объединяющий людей с нарушением слуха (около 10 000 человек) в культурно-лингвистическое меньшинство со своей историей создания, культурой, языком. В структуре таких сообществ на уровне ячеек семьи, школы, места работы, сферы досуга и интересов, в общении носителей жестового языка, а также постоянных участников межкультурной коммуникации неслышащих и слышащих (одноклассников, учителей, специалистов, кураторов, администрации, переводчиков и др.) им присваиваются и закрепляются *жестовые имена*.

Же́стовое и́мя – жест, принятый в конкретном обществе владеющих жестовым языком для обозначения определённого человека. Основным отличием жестового имени от паспортного является то, что жестовое не используется для обращения к носителю, применяясь лишь в речи о нём. При этом гоноративы опускаются [2].

В национальном жестовом языке есть специальный жест, обозначающий жестовое имя [3, 95]. Этот жест, используют, при знакомстве или интервьюировании неслышащих внутри сообщества, когда, как правило, после выяснения паспортного имени побуквенно уточняют: *«Твое / ваше жестовое имя?».* В качестве примера приведем фрагмент беседы журналиста, владеющего жестовым языком, с известным в мире глухих Виктором Палённым – кандидатом педагогических наук, историком и редактором журнала «В едином строю». В ответ на вопрос о его жестовом имени, он рассказал свою жизненную историю: сам родился в семье слышащих, потом потерял слух от антибиотиков, и уже посещая специальную школу для детей с нарушением слуха, получил свое первое жестовое имя (*Берет*), позже, работая, второе и действующее по настоящее время – *Горящий* [1].

Когда в семье глухих, которые уже имеют свое жестовое имя (*Артюховы, Колосы, Козичи, Ляпичи, Брикуны, Кузьмичи, Ореховские и др.)*, появляется невестка либо рождаются дети, то, как правило, это имя распространяется и на них, возникают династии с определенным антропонимом. В контексте презентации (самопрезентации) этих людей в субкультуре

глухих это выглядит так: «*Знаешь, помнишь Кирьяновых – вот, это жена / сын / дочь»* и далее в отношении к вновь прибывшему может использоваться указанное жестовое имя.

Особые жесты в Беларуси существуют и для именования известных людей: политических деятелей *(Лукашенко А.Г., Путин В.В., Машеров П.Д*. и др.), исторических персон (*Скарына Фр., Челюскин С.И.*, *Сталин И.В.*, *Ленин В.И.* и др.). Так и в субкультуре глухих: есть жестовое имя *Галлодета Т.Х.* – основателя Галлодетского университета в США, первого и единственного на данный момент в мире университета, в котором преподают дипломированные неслышащие профессора и обучаются все студенты с нарушением слуха по разным специальностям.

В структуре БелОГ используются жестовые наименования известных представителей руководящего состава (*Н.Ф. Шарко, Н.И. Солдатова, Е.Н. Бочанцева* и др.,), деятелей культуры (Т. *Бекиш, Л.Р. Кункин, В. Березкин)*, педагогов *(Е.Л. Павлова, А.А. Майсак* и др.), спортсменов (А.Н. *Шендер, И. Чищеня, В. Рагуля)* и др

В составе белорусских жестовых антропонимов можно выявить две группы, жестовых имен – *связанных и не связанных с инициалами.*

Среди взрослых людей, состоящих в профессиональных отношениях, достаточно распространено жестовое имя по выделению заглавной дактилемы из имени и отчества: *ВФ* – Мелеховец Владимир Федорович, *НИ* – Бобло Нелли Ивановна, *НМ* – Усова Надежда Михайловна и т.д. Среди молодежи это сочетание имени и фамилии по заглавной дактилеме (*АШ* – Антон Шашура). Есть случаи полного побуквенного дактилирования фамилий, что тоже рассматривается как антропоним, особенно, когда фамилия небольшая или легко складывается из дактилем: например, *Шугай* Татьяна Александровна или *Гук* Елена Николаевна и др.

Также, исходя из фамилий, присваиваются и «говорящие» жестовые имена. Например, известная в Беларуси переводчица национального жестового языка Радевич Ирина Петровна имеет жестовое имя *Рад*ость, согласующееся с корнем фамилии. По такому же принципу известны жестовые имена: Зайцева Галина Лазавревна (*Заяц*), Молочко Наталья Андреевна (*Молоко)* и др.

По своей сущности жестовые имена, не связанные с использованием букв, можно разделить на имеющие отношение к данным человека либо характеризующие его профессиональную направленность. В первом случае жестовое имя иконично, отображает некую материальную, изобразительную связь с человеком, может включать указание на запоминающиеся аксессуары или детали его одежды, характеризует особенности прически, манеру коммуникативно-речевого поведения, ходьбы и т.п. Таким образом получила свое жестовое имя Димскис Лидия Сергеевна, известная в БелОГ преподаватель и исследователь белорусского жестового языка: впервые она появилась в сообществе глухих с висящими сережками, и это легло в основу ее жестового имени (*Длинная серьга*). За сурдопедагогами, обучающими неслышащих детей в школах и профессиональных учебных заведениях, так же могут закрепляться жестовые имена, не связанные с инициалами, например: Левшинская Алла Петровна, учитель русского языка (*Изящная походка с покачиванием плеч*), Ясовеева Галина Николаевна (*Выразительно артикулирующая*). Такие жестовые имена воспроизводится одним характерным жестом.

Нередко жестовые имена отображают специфику профессиональной деятельности: Макаревич Татьяна Леонидовна *(Информатика),* Козловская Светлана Александровна (*Слуховая работа)* и т.п.

Известны случаи, когда жестовых антропонимов у одного человека может быть несколько, и их использование варьируется в зависимости от коммуникативных условий и задач. Например, в отношении к белорусскому учителю-методисту, историку и исследователю В.Ф. Мелеховцу для близкого окружения и в неофициальной обстановке используется

жестовое имя *Деликатный,* а в педагогическом процессе, официальном общении – актуализируется другое жестовое имя – *ВФ* – дактильными знаками по инициалам имени и отчества.

У соавтора статьи за 30-летнюю практику коммуникации с людьми с нарушением слуха также сменилось несколько жестовых имен: придя на работу в специальную школу после университета получила жестовое имя *Птица,* связанное с девичьей фамилией Соловьева, далее – *Завуч, Директор (*по профессиональному признаку*),* в неофициальной обстановке – *Русалочка (*по новой фамилии – Русакович*),* а в официальной, после перехода на преподавательскую деятельность действующее по настоящее время – *ИК (*сокращенно дактилируемое по имени-отчеству*).*

Жизненные истории людей, связанных с микросоциумом глухих, развиваются, и это тоже может влиять на выбор или изменение их жестового антропонима. Сама жизненная стратегия может определить жестовое имя. Такой случай был в белорусской специальной школе для детей с нарушением слуха № 14 г. Минска. Туда в средние классы поступил мальчик с фамилией *Железко*, и его антропоним тоже отражал эту суть (*Крепыш, с твердым накачанным торсом*), передаваемую одним жестом. Ученик действительно очень активно занимался спортом, выделялся силой и здоровьем, участвовал в дефолимпийском движении. Уже после выпуска стало известно, фамилия его при рождении была другая, рос он очень болезненным, и его слышащая мама на каком-то этапе жизни сменила его фамилию с *Терешко* на *Железко*. Это в свою очередь нашло отражение и в его образе жизни, и в личностном самоопределении.

Таким образом, наши наблюдения показали, что антропонимы в белорусском жестовом языке активно используются. Их продуцирование во многом определяется облигаторными свойствами жестовой коммуникации: лаконичностью знаков, доступностью дактилирования (побуквенной передачей) и др. По сравнению со словесным языком жестовые антропонимы имеют определенную специфику, что не мешает общению неслышащих людей. Безусловно, именования людей жестового языка могут стать перспективным предметом дальнейшего междисциплинарного изучения, в том числе как в области социолингвистики, психолингвистики (изучения феномена самоидентификации неслышащих, особенностей их коммуникативно-речевого поведения), так и собственно лингвистики национального жестового языка.

Литература

1. Горящий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com-/watch?v=ykn4FbfvLgA. – Дата доступа: 15.01.2022.

2. Жестовое имя [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wi – https://ru.wikipedia.org/ Жестовое имя. – Дата доступа: 15.01.2022.

3. Зайцева, Г.Л. Жестовая речь: дактилология: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / Г.Л. Зайцева. – М.: Владос, 2000. – 192 с.

4. О международном дне глухих людей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://scientificrussia.ru/articles/23-sentyabrya-mezhdunarodnyj-den-zhestovyh-yazykov. – Дата доступа: 05.01.2022.

5. Шпакова, Д.А. Понятие «межкультурной коммуникации» с позиции взаимодействия макросоциума слышащих и микросоциума неслышащих / Д.А. Шпакова // Комплексное психолого-педагогическое и медико-социальное сопровождение лиц с ограниченными возможностями здоровья: Материалы II Международной научно-практической конференции, 2 ноября 2016 г. ; под ред. С.А. Бронникова, У.В. Хахалкиной. – Бирск: Бирский филиал Баш. гос. ун-та, 2016. – С. 285 – 288.

Т.Г. Трофимович
Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка
e-mail: t.trof@mail.ru

УДК 371.33:811.161.1’37

Антропонимы и антропонимические вкусы времени в обучении чтению белорусских младших школьников

Ключевые слова: *букварь, обучение грамоте, антропонимы, использование антропонимов, антропонимические вкусы времени.*

В статье рассматривается использование антропонимов на этапе обучения чтению младших школьников. Анализу подвергнуто антропонимическое пространство действующего русскоязычного словаря О. Тириновой.

T.G. Trofimovich
Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank

Anthroponyms and anthroponymic tastes of time in teaching reading to belarusian primary school children

Key words: *primer, literacy training, anthroponyms, use of anthroponyms, anthroponymic tastes of time.*

The article discusses the use of anthroponyms at the stage of teaching reading to younger schoolchildren. The anthroponymic space of O.Tirinova's current Russian-language dictionary is analyzed.

В Республике Беларусь возраст поступления ребенка в школу регулируется 159 статьей Кодекса об образовании: «В I-й класс принимаются лица, которым на 1 сентября соответствующего учебного года исполняется шесть и более лет» [1]. На практике это означает, что первоклассниками становятся дети 6–7 лет, которым предстоит овладеть грамотой – умением читать и писать.

Обучение чтению, как известно, – одно из важнейших событий этапа начального образования, который называется «Обучение грамоте». Действующие учебные программы предписывают выделять в обучении чтению три периода: подготовительный (добукварный), основной (букварный) и заключительный (послебукварный). Главной учебной книгой для первоклассников становится букварь.

В течение последних четырех лет белорусская школа использует букварь на русском языке, автором которого стала О.И. Тиринова – ведущий научный сотрудник лаборатории начального образования Национального института образования Республики Беларусь (НИО), кандидат педагогических наук, доцент [2].

Букварь подготовлен в соответствии с действующей программой по предмету «Русский язык (Обучение грамоте)», в которой обозначена цель обучения: «Цель обучения грамоте – формирование базовых знаний, умений и навыков чтения и письма, общеучебных умений, навыков и способов действий; воспитание нравственно-этических качеств, эмоционально-ценностного отношения к окружающей действительности, культуры общения. При этом знания, умения и навыки рассматриваются не как цель, а как средство полноценного развития личности ребенка» [3, 19].

В обучении чтению основными привлекаемыми языковыми единицами являются звуки – слоги – слова – предложения – тексты. Слово в приведенном ряду языковых единиц не случайно занимает центральное место, потому что именно обращение к слову поднимает знания о звуке и его свойствах на новый познавательный уровень. Слово как звуковой комплекс, характеризующийся семантикой, постепенно становится основной единицей при обучении чтению.

Всем, кто знаком с проблемами обучения грамоте и букваристики, хорошо известно, что подбор именно словного материала требует больших усилий. Нужно, чтобы привлекаемое слово состояло из уже изученных букв / звуков, было посильным для прочтения и понятным учащимся. Как показывает анализ действующего букваря О.И. Тириновой, успешно помогает решить эту проблему обращение к антропонимам – собственным именам людей. Такие единицы используются традиционно, однако, в ином составе и немного по-другому.

Антропонимы (от греч. antropos – человек и onima – имя) – это личные имена, патронимы (отчества или иные именования по отцу), фамилии, родовые имена, прозвища и псевдонимы и др. [4, 36]. Различают народные и канонические имена собственные, а также формы одного же и того имени: литературные и диалектные, официальные и неофициальные. Каждый этнос в каждую эпоху имеет свой антропонимикон – реестр личных имен.

При обучении чтению имена собственные людей удобны, поскольку не нужно растолковывать значение этих слов, так как в классическом понимании у онима его просто нет, а буквенно-звуковой состав можно отрегулировать в соответствии с решаемыми задачами. Так, например, имя *Эмма* [3, 44] идеально для своего этапа обучения по набору звуков и букв, равно как имена *Мила, Оля* [3, 47], *Алла, Элла* [3, 48], *Нина, Наум, Илона, Лина* [3, 52], *Инна, Анна* [3, 53] и т.д.

В букваре, к которому мы обратились, использовано около 150 антропонимов – имен собственных людей, которые могут быть официальными и неофициальными, т.е. находится в таких отношениях, как, например, *Владимир – Володя – Вова.* Диалектные и народные имена не привлекаются, что совершенно справедливо.

Впервые имя собственное появляется в букваре, когда изучается буква М [3, 44]. До этого первоклассники уже познакомились с буквами А, У, И, О, Э, Ы, прочитали соответствующие слоги и слова *мы, мама,* а также предложения *Мама и мы; Мы и мама; Мы у мамы* [3, 43]. Изученные буквы позволяют воспользоваться при обучении именем *Эмма: У мамы Эмма. У Эммы мама.*

По мере изучения букв / звуков количество привлеченных имен собственных увеличивается. Например, буква Л, которая изучается сразу после М, содержит дидактический материал с двумя именами: *Мила* и *Оля: У Милы мыло; И у Оли мыло* [3, 47]. При изучении буквы В имена используются тоже активно: *За домом двор. Там Вова, Вика, Славик и Вадим… Вадим ловил Вику, Вову и Славу* [3, 79]. Использованные автором букваря антропонимы отобраны с учетом тех задач, которые решаются на каждом конкретном этапе обучения чтению.

Большое внимание в букваре уделяется развитию фонематического слуха первоклассников, т.е. умения различать и выделять отдельные звуки в слове и слоге, устанавливать их последовательность и количество. Первые два десятка страниц анализируемого учебного пособия посвящены именно этому. При помощи элементарных схем, красочных рисунков, ряда условных обозначений решаются поставленные образовательные задачи. Так, например, на страницах 22, 24, 25 и других содержатся задания, позволяющие понять смыслоразличительную функцию звуков (*лук – люк, шар – жар, бочка –*

почка, горка – корка, дом – том, козы - косы). Рисунки и условные схемы помогают учащимся это сделать под руководством учителя.

К развитию фонематического слуха также привлекаются и антропонимы. Научиться различать звуки первоклассники могут при помощи уместно приведенных пар имен: *Алла – Элла* [3, 48], *Нина – Лина* (с.52), *Лара – Лора* (с. 55), *Ляля – Лиля* [3, 108] и т.п.

Имена собственные используются и для того, чтобы учащиеся постепенно усваивали падежные формы слов. Непринужденно, при ответе на вопрос *Кому испекли каравай на именины?* предлагается воспользоваться формами дательного падежа: *Пете, Вере, Лене, Люде, Лиде, Наде, Зое, Рае, Юре* [3, 116].

С удовлетворением отметим, что решение основных задач при обучении грамоте не исключает комплексного, а значит, и более эффективного использования антропонимов. Так, привлекая имена, автор одновременно подталкивает младших школьников к осознанию практики их использования, а значит, к овладению культурой русской речи. Например, на странице 81 содержится текст «Выставка рисунков», где употреблены полные имена рисовавших учеников: *Иван, Виктор, Владимир, Варвара.* Под текстом в ответах на вопрос *Кто узнал рисунки?* использованы уже разговорные варианты имен: *Ваня, Варя, Витя, Вова.* Букварь предоставляет возможность пригласить первоклассников к рассуждению о существовании вариантов имен и уместности их употребления. Текст «На границе» на странице 151 тоже содержит материал для такой работы. *Андрей и Сергей – товарищи. Оба служат на пограничной заставе. Они пограничники…* Учитель не должен обходить стороной вопрос о том, почему друзей-пограничников зовут *Андрей и Сергей,* а не *Андрюша и Сережа?* Когда и какое имя нужно использовать?

Антропонимикон действующего букваря разнообразен по составу с позиций того, официальные или неофициальные имена используются. По нашим наблюдениям, большинство использованных имен следует отнести к неофициальным: *Дима, Эдик, Вадик, Славик, Ваня, Варя, Витя, Вова, Шура, Маша* и т.д. Отметим также, что автор букваря последовательно приводит антропонимические параллели типа *Федя – Федор* [3, 120], *Вадим – Вадик* [3, 79], *Роман – Рома* [3, 55], *Ирина – Ира* [3, 57] и т.п. Такие параллели при грамотном использовании расширят коммуникативные способности учащихся, повысят общий уровень культуры речи.

В букваре удалось коснуться и такой проблемы, как практика использования антропонимов. При работе над функцией буквы Ь и букв Е, Ё, Ю, Я приведены такие варианты имен: *София, Софья – Наталья, Наталия.* Учитель при грамотном подходе может с успехом использовать этот материал для формирования важных представлений об использовании имен собственных.

Ранее мы уже указывали на то, что каждый народ имеет свой антропонимикон – реестр имен, который меняется во времени. Это связано с предпочтениями в выборе имен, которые, как правило, стихийно формируются в обществе. Эти предпочтения и следует считать антропонимическими вкусами времени. Не станем приводить ссылки на многочисленные научные и научно-популярные работы по антропонимике, в которых, среди прочих, рассмотрены и проблемы смены состава антропонимикона. В современных условиях их нетрудно найти. Попробуем лучше оценить с указанных позиций отразившиеся в букваре имена.

Основу именника, вне всяких сомнений, составляют имена традиционного использования. Эти имена находятся как бы вне времени, поскольку используются постоянно, не становясь при этом слишком частотными: *Анна, Лариса, Ирина, Наталья, Любовь, Владимир, Борис, Виктор, Игорь, Андрей, Сергей, Иван* и др. Стабильная основа восточнославянского антропонимикона в букваре отражена.

Другая группа привлеченных имен знаменует собой активизировавшуюся в последние десятилетия тенденцию к выбору «старых» имен. Желание сделать выбранное имя уникальным, редким, а значит, хорошо запоминающимся привело к тому, что «вернулись» имена забытые. В настоящее время они широко представлены в белорусском обществе, поэтому справедливо отразились и в букваре: *Антон, Максим, Никита, Варвара, Федор, Мирон, Тарас, Назар, Архип, Данила, Арина* и др.

В букварь попали имена, которые мы бы назвали экзотическими. Эти имена редко используются: *Назар, Тимур, Наум, Марат* и др.

В отдельную группу следует объединить имена, которые условно можно назвать устаревшими. В свое время они были популярными и частотными, а теперь перешли в разряд редких и забытых: *Нина, Тамара, Зинаида, Роза, Лидия, Клавдия* и др. Имя *Анна* к забытым не отнесешь, а вот неофициальный вариант *Нюра* таковым является. При этом вариант хорошо используется в паре *Нюра – Юра* [3, 113].

Нуждается в комментировании и факт того, насколько часто используются антропонимы в период обучения чтению. Если судить по проанализированному букварю, в самом начале букварного периода имена собственные используются активно, чем дальше продвигается обучение чтению, тем меньше имен людей встречается. Это и понятно: посильными для прочтения и понимания становятся обычные нарицательные слова. Имена же собственные употребляются по мере необходимости для решения коммуникативных задач, поскольку свою функцию особым образом эксплуатированных единиц они выполнили.

Таким образом, идущий по белорусским образовательным просторам букварь успешно использует в процессе обучения грамоте такой значимый пласт слов, как антропонимы. Материалы букваря свидетельствуют о том, что традиции обращения к имени собственному в обучении грамоте продолжены и обновлены.

Литература

1. Кодекс об образовании Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk1100243. – Дата доступа: 26.12.2021.

2. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.

3. Тиринова, О.И. Букварь: учебное пособие для 1 класса учреждений общего среднего образования с русским языком обучения / О.И. Тиринова. – Минск: Национальный институт образования, 2020. – 184 с.

4. Учебные программы для учреждений общего среднего образования с русским языком обучения и воспитания: 1-й класс / Министерство образования Республики Беларусь. – Минск: Национальный институт образования, 2017. - 107 с.

7. СТУДЕНЧЕСКАЯ ОНОМАСТИКА

М.В. Акулов
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет»
e-mail: maksim_akulov_2002@mail.ru
Научный руководитель: Бекасова Е.Н., доктор филологических наук, доцент

УДК 811.161.1’373.211.5

Топонимическая система села Кинзелька Оренбургской области

Ключевые слова: *топонимы, Оренбургская область, виды топонимов, ойконимы, годонимы, урбанонимы, оронимы, микротопонимы*.

Исследование топонимических региональных систем представляет особый интерес, поскольку позволяет не только накапливать соответствующий полевой материал, но и развивать общую теорию имени собственного. В связи с этим представление топонимов с. Кинзелька Оренбургской области актуально, так как показывает процессы формирования топонимической системы определённой территории в течение почти двух веков и особенности её трансформации в условиях социальных, исторических и географических преобразований.

M.V. Akulov
Orenburg State Pedagogical University

Toponymic system of Kinzelka village in Orenburg region

Key words: *toponyms, Orenburg region, types of toponyms, oikonyms, hodonyms, urbanonyms, oronyms, microtoponyms.*

The study of toponymic regional systems is of particular interest because it allows not only to accumulate relevant field material, but also to develop the general theory of a proper name. In this connection, the presentation of the toponyms of the village. Kinzelka of the Orenburg region is relevant, as it shows the processes of the formation of the toponymic system of a certain territory for almost two centuries and the peculiarities of its transformation under the conditions of social, historical and geographical transformations.

Топонимическая система включает в себя совокупность топонимов определенной территории, которые «называют географический объект как реалию, выделяя его из ряда ему подобных индивидуализируя и идентифицируя его, и тем самым ограничивая его, отличая его от других объектов того же рода» [6, 114]. Топонимы выполняют определенные функции, среди которых выделяют основные – номинативную, индивидуализирующую, дифференцирующую. Топоним призван выделять объект из ряда других, при этом на разных территориях существуют различные топонимические системы.

Целью данной статьи является описание топонимической системы села Кинзелька Красногвардейского района Оренбургской области. Исследование в определённой степени актуально, и не только потому, что представляет интерес в краеведческой работе, в преподавании родного и русского языка в школе, но и в связи с тем, что, по справедливому утверждению А.В. Суперанской, «любое небольшое региональное исследование оказывается вкладом в общую теорию имени собственного» [10, 4].

Нами был предпринят системный подход к исследованию топонимии с. Кинзельки, который позволяет «выявить определённые тенденции развития конкретной топонимической системы, уровень её варьирования и закономерности эволюции» [1, 47]. Материалом послужили данные Кинзельского сельского краеведческого музея и собственные полевые исследования.

По данным Кинзельского сельского краеведческого музея, село Кинзелька было основано в 1843 г. До официального образования села (1748 г.) на данной территории селились калмыки после создания калмыцкого корпуса, одновременно шёл процесс заселения территории по реке Ток башкирами. Жителями села Кинзельки стали переселенцы из Петропаловки (Оренбургская губерния). Затем в 40-х гг. XIX века появились переселенцы из Троицкого уезда Оренбургской губернии, «так как они отказались записаться в казаки и служить на пограничной линии» [5, 151]. В это же время стали переселяться люди из Тамбовской, Курской, Орловской и Воронежской губерний. Вместе с русскими приехали несколько мордовских семей, которые поселились отдельным хутором. В 1929 г. в селе поселились казахи из Западно-Уральской области. Другие национальности были представлены единичными жителями. Большинство топонимов названий села и близлежащих географических объектов сохранилось, в том числе и в виде неофициальных названий.

По свидетельствам заведующей музеем Максимовой Светланы Петровны и сотрудников музея Нестеровой Татьяна Ивановны и Блакитной Аси Борисовны комоним *Кинзелька* появился до переселения русских на эти земли. Существует несколько легенд об этом названии села. Первая легенда гласит, что здесь когда-то стояло калмыцкое кочевье. Был калмыцкий хан Кинзель, и его стоянка его была у реки. Эту речку стали называть Кинзеля, а затем, когда заселились русские из центральных и уральских губерний, осталось название Кинзелинка, а с 1849 г., когда «жители обратились с просьбой разрешить им построить свою церковь» [3, 14] – Кинзелька. По другой легенде название села восходит к времени восстания Емельяна Пугачева. Был у него сподвижник из башкир Кинзя. Действительно, в этой местности проходили отряды Пугачева и, может быть, остались следы их пребывания, тем более что в данном районе много башкир.

Таким образом, по мнению старожилов, название реки, давшей название селу, происходит или от калмыцкого, или от башкирского слова. Многие считают название мордовским, однако известный оренбургский краевед и топонимист Б.А. Моисеев считает, что название реки *Кинзеля* происходит от названия *Кинделя* (правый приток р. Урал), которое было известно ещё яицким казакам до прихода в эти места мордвы. С учётом того, что название поселений *Кинделя* известно на других территориях Оренбуржья, Б.А. Моисеев считает, что оно тюркского происхождения (*Широкая степь*), при этом вариант *Кинзеля* «возник под влиянием произношения в башкирских говорах» [5, 152].

Исторически с. Кинзелька делилось на *Верхнюю* и *Нижнюю части*, названия которых сохранились до настоящего времени. Сейчас в селе имеется 7 улиц с официальными названиями, которые отражают реалии советской эпохи, поскольку именно в этот период складывалась система годонимов села: улица *Мира* – главная улица (центральная) села, она олицетворяется с тем, что «мир должен быть во всём мире», то есть мир в селе между жителями – это главное для данного населенного пункта; *Школьная* – на ней располагается школа; улица *Рабочая* находится рядом с мастерскими, где производится ремонт тракторов, машин и т.п.; *Молодежная* – самая «молодая» улица, куда заселялась молодежь (неофициальное название – *Новые дома)*; *Победы* – на этой улице располагается памятник Победы; *Набережная* – на берегу реки Кинзеля (неофициальное название – *Нижняя*); *Садовая* – сады у домов выходят на проезжую часть улицы.

Постепенно складывается система неофициальных ойконимических топонимов села. Особо выделяются исторические названия частей села или поселений. Например,

поселение Лягушовка – это место, где начиналось село Кинзелька. Существует предположение, что в озере *Кочковатка* было много лягушек, и с весны до самой осени кваканье было очень громкое. К этому громкому хору люди привыкли и не обращали внимания. *Лягушовка* состояла из двух улиц. Дома были построены близко друг к другу, можно было только проехать на телеге, санях, рядом с домом во дворе у всех были погребки, кладовушки, а сараи продолжали жилые постройки. Названия находящихся некогда вблизи села населенных пунктов (посёлков) сейчас также можно рассматривать как неофициальные, например: *Калиновка* (там росла калина, заросли которой сохранились и теперь); *Чилищенский* и *Ряполов* (названы по фамилиям первых переселенцев Чилищенских и Ряполовых); *Подгорный* (находился под горой), *Центральный* (располагался в центральной части по отношению к другим селам и поселкам). Имеется также территория, которая сохранила историческое название – *Хутор Классен* (назван по фамилии помещика немца Классена, который владел этой землей – в 12 км от Кинзельки). Хутор возник во время столыпинской реформы. Проживало там 5 семей, которые имели большие дома и вели хозяйство. В настоящее время в этих местах не сохранились дома и не живут люди.

На исследованной территории оронимы представлены исключительно в неофициальной форме. *Большая* гора названа так, потому что её видно из любой точки села. Эта гора излюбленное место катания на санках и лыжах ребятни. Гора *Ванякина шишка* названа по фамилии помещика Ванякина, владевшего этой землей. При этом слово «шишка» – это «одинокий холм, гора, обычно на ровном месте. Данное слово распространено в Оренбургской области почти повсеместно» [4, 104]. Считается, что *Ванякина шишка* – самая высокая точка района (высота 300 м). На самой вершине находился очень глубокий колодец, которым в сегодняшнее время никто не пользуется (по легенде в этот колодец упал лось, и с тех пор воду не стали брать). Гора *Сопочка* – от слова «сопка» – «высокая островерховая гора» [9, 332]. Малые размеры горы обусловливают особенности суффиксального образования – *Сопочка*, при этом по ней протекает река *Ольховочка*, по берегам которой растут ольха и ветла, местами бьют ключи. *Каменная* гора – получила такое название, потому что в ней есть камни, но помимо них на поверхности горы ещё находятся огромные валуны, отполированные дождем, ветром и солнцем. Гора *Маркедоновка* – от имени калмыцкого хана Меркидона. В царское время калмыки несли сторожевую службу в наших краях. Стоянки были по рекам Уралу и Кинзеле. В Новом Ташкенте, где сеяли бахчи, сторож Трехсвятских находил там калмыцкие предметы.

Материал по гидронимам села и его окрестностям представляет официальное название река Кинзеля (см. выше) и неофициальные названия. Озеро *Кочковатка* названо по наличию в середине озера больших и малых кочек, которые состояли из длинных, тонких пластиночек (растения), склеенных в большие шары. Иногда их доставали из озера, ставили около дома, и они были удобны для сидения, теплые и мягкие. Затем они перестали расти и совсем исчезли, а название озера так и осталось – *Кочковатка*. Озеро *Кочковатка* доходило до *Казенного амбара* (см. ниже), но с годами стало мелеть, и в 2000-е годы оно совсем пересохло, но до сих пор данное название *Кочковатка* используется, то есть гидроним перешел в ойконим. *Сухая плотина* была запружена для водопоя коров, когда в 1929 г. организовали совхоз. Со временем плотину перестали использовать, и в ней исчезла вода. *Батаев* родник – отантропонимическое название от фамилии Батаевых, поскольку родник располагался на территории их гумен. *Карпиный* пруд – название связано с тем, что после создания пруда в нем стали разводить карпов, но вначале пруд был *Директорским,* так как инициатором его создания был директор совхоза В.И. Куликовский. Затем пруд приобрел название *Карпиный*. Следует отметить особую модель образование названия: «карп → карпиный». На данный момент пруд высох, но его название закрепилось за определённой территорией. *Новый* пруд *(водохранилище)*

был основан в 1982 г. по инициативе Николая Федоровича Васильева. *Шибалов* колодец – отантропоним от фамилии И.П. Шабалов (или Шибалов). Это был зажиточный крестьянин, который жил в Калиновке. Рядом с усадьбой Шабаловых был очень хороший колодец. Из него вытекал небольшой ручей, который протекал по четырем поселкам. Прошло много времени, семьи Шабаловых не стало, так как их раскулачили, а название колодца осталось. Название колодца *Три ключа* связано с тем, что в районе села Подгорного, недалеко друг от друга располагались три родника с чистой водой. Следует отметить, что названия большинства исследованных микрогидронимов показывает, что в них превалируют русские названия, тогда как гидроним (Кинзеля/Кинделя) представляет результаты «соответствующей языковой "переработки", которые проявляются в названиях макрогидрообъектов» [2, 289].

Целый ряд микротопонимов известен исключительно жителям с. Кинзелька. Например, *Казенный амбар* – визитная карточка села Кинзельки. По легенде, в 1906 г. по ходатайству земского учителя Благовещенского было построено здание школы и амбар, в который засыпали семенной запасной фонд. В 1918 г. продотряд решил взять зерно, но крестьяне не отдали. Тогда произошла перестрелка, были убиты 4 человека, 7 раненых были отвезены в Бузулук в тяжелом состоянии. В советское время казенный амбар (то есть государственный) наполнялся зерном, и был разобран в 1980-х годах. Название *Саповая* яма (скотомогильник) связано с инфекционной болезнью лошадей (1960-е гг.). *Татарская ветла* – по легенде в этом месте когда-то стоял дом, в котором жил татарин. Он посадил около колодца ветлу, которая растет и сейчас. Земля *Шипилово* – в конце XVIII–XIX веков вдоль реки Малый Уран, где был колхозный огород, располагалась земля, которое называется *Шипилово.* Предприниматель Шипилов из Сорочинска арендовал эту землю, нанимал на работу крестьян, которые производили сельскохозяйственные работы. Продукцию увозили на базар в Сорочинск. Земли в этих местах очень хорошие, потому что весной Уран сильно разливался, и много наносного назема оставалось после половодья, и полив овощей был удобен арыками. *Курушатник* – согласно легенде, зимой хозяева решили перегонять стадо индюшек, когда подогнали их к горе, поднялся сильный ветер и началась поземка. Курушки, то есть «индюшки» [4, 80] не могли дальше идти и стали замерзать. И это место – по дороге в Люблинку из Кинзельки – стали называть *Курушатник. Катары* – в конце отрубов («земельный участок в лесу, предназначенный для раздела между крестьянами» [7, 302]) при совхозе, были катары. Со слов сотрудников Кинзельского сельского краеведческого музея, катары – это место, где находился молодняк, овцы. Стояло два домика, где жили рабочие, были построены базы для овец. Семьи жили круглый год, ухаживали за овцами. Пас овец сакманщик («человек, пасущий стадо баранов» [8, 50]), Раисов Мулдагали. Он плохо говорил по-русски и на вопрос: *«Где находится стадо?»*, отвечал: *«На катаре»*. *Катара* в переводе с казахского языка означает молодняк. Так и осталось это место называться катарой. *Красный яр* – изначально думали, что это природный яр (яр – это «крутой берег реки, оврага» [4, 188]), но это оказалось не так. Калиновские жители рассказали, что здесь был хутор – несколько домов, которые относились к поселку Ряполов. *Витов* мост – отантропонимическое название по фамилии семьи Витовых. Мост соединял поселок Центральный и село Кинзелька.

Таким образом, можно отметить, что село Кинзелька богато топонимами, которые отражают его историческую и географическую сторону. В основном топонимы выполняют номинативную функцию. С их помощью мы отчасти можем проследить историю заселения и народа данной территории, который называл те или иные объекты по определенным признакам: фамилиям людей, значимым событиям и др. Особое внимание следует обратить на то, что некоторые топонимы образованы в результате словообразовательных операций, в частности, с помощью уменьшительно-ласкательных суффиксов. Особенности хозяйствования последних лет обусловили стремительную потерю ряда

гидронимов, названия которых, тем не менее, сохранились в памяти жителей для обозначения соответствующих территорий. В связи с этим топонимический ландшафт села Кинзелька, помимо лингвокраеведческой значимости, имеет и определённую воспитательную функцию, поскольку его языковое воплощение наглядно свидетельствует о том, как бережно и созидательно относились люди к родным местам и что потеряли их наследники за последние несколько десятилетий.

Литература

1. Бекасова, Е.Н. О системном подходе к описанию топонимического пространства / Е.Н. Бекасова // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сб. научн. статей / сост. А.М. Мезенко, Е.А. Зайцева, О.В. Шеверинова; под науч. ред. А.М. Мезенко. – Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2016 г. – С. 46–48.

2. Бекасова, Е.Н. О некоторых особенностях номинации микрогидронимов Оренбургской области / Е.Н. Бекасова, Г.У. Халитова // Ономастика Поволжья : материалы XVI Международной научной конференции, посвящённой 50-летнему юбилею первой Поволжской ономастической конференции и памяти её организатора В.А. Никонова (Ульяновск, 20–23 сентября 2017 г.) / под ред. С.В. Рябушкиной, В.И. Супруна, Е.В. Захаровой, Е.Ф. Галушко. В 2 т. – Т. 1. Ульяновск: ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова», 2017. – С. 288–295.

3. Волженцева, В.Б. Кинзелька – судьбы колыбелька / сост. В.Б. Волженцева. – Оренбург: Печатный дом “Димур”, 2010. – 336 с.

4. Моисеев, Б.А. Оренбургский областной словарь. 5 698 слов и словосочетаний / Б.А. Моисеев. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. – 192 с.

5. Моисеев, Б.А. Топонимические очерки Оренбуржья. Научно-популярное издание / Б.А. Моисеев, [послесл. Е.Н. Бекасовой]. – Оренбург: Издательство «Оренбургская книга», 2016. – 416 с.

6. Теория и практика ономастических и дериватологических исследований: коллективная монография / науч. ред. В.И. Супрун, С.В. Ильясова. – Майкоп: Изд-во «Магарин О.Г.», 2017. – 444 с.

7. Словарь русских народных говоров / под ред. В.П. Сороколетова. – Выпуск 24. – Ленинград: «Наука», 1989. – 368 с.

8. Словарь русских народных говоров / под ред. В.П. Сороколетова. – Выпуск 36. – СПб.: «Наука», 2002. – 344 с.

9. Словарь русских народных говоров / под ред. В.П. Сороколетова. – Выпуск 39. – СПб.: «Наука», – 2005. – 344 с.

10. Суперанская, А.В. Ономастика начала XXI века / А.В. Суперанская / отв. ред. Н.В. Васильева. – М.: Изд-во Ин-та языкозн. РАН, 2009. – 80 с.

В.А. Бельская
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова,
e-mail: belskayav@list.ru
Научный руководитель: Генкин В.М., кандидат филологических наук, доцент

УДК 81’276.6:659.121.1(476)

Белорусские молочные бренды: тенденции и перспективы развития

Ключевые слова: *бренд, товарный знак, нейминг, производители, потребители, продвижение продукта.*

Предметом рассмотрения в статье являются белорусские молочные бренды и товарные знаки, используемые для именования отдельных видов молочной продукции. Определяются номинативные приоритеты, устанавливаются особенности номинации и средства репрезентации брендов и названий.

V.A. Belskaya
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

Belarusian dairy brands: trends and development prospects

Key words: brand, trademark, naming, manufacturers, consumers, product promotion.

The subject of consideration in the article is Belarusian dairy brands and trademarks used for naming certain types of dairy products. Nominative priorities are determined; nomination features and means of representing brands and names are established.

Белорусская молочная продукция является своего рода визитной карточкой пищевой промышленности нашей страны. Сегодня Беларусь занимает одну из первых строчек в списке стран, экспортирующих молочные продукты. Белорусская сметана, масло, сыр, сливки, сгущенное молоко и другие изделия из молока успешно продаются в разных странах. В общей сложности экспортируется около половины всей производимой в стране молочной продукции, большой спрос на которую обусловлен ее высоким качеством при относительно невысокой стоимости товара. Белорусская молочная продукция представлена на рынке приблизительно полутора тысячами видов товаров, которые производятся пятьдесят одним предприятием. При этом в последние годы белорусская пищевая отрасль активно занимается разработкой и освоением новых видов молочной продукции.

Как известно, продвижению того или иного продукта на потребительский рынок и закреплению на рынке способствуют не только такие показатели, как качество и цена, но и маркетинговые действия, направленные на рекламирование товара. Важную роль в этом процессе играют выбор торгового названия и наличие бренда, который уже сам по себе выступает гарантом качества. Компания, которая хочет стать брендом или создать бренд для своего товара, должна иметь целую стратегию по работе с потребителем. Создание бренда, выбор именования для товара – процесс сложный, требующий специальных лингвистических, юридических и других знаний.

Лингвистический и культурологический аспекты брендов изучаются ономастикой, так как последние относятся к числу имен собственных. В ономастической науке для именования марки товара используют термин ‘товарный знак’ (‘словесный товарный знак’), который, согласно «Словарю русской ономастической терминологии», представляет собой «словесное обозначение марки товара, в равной степени относящееся к каждому экземпляру в данной серии и ко всей серии в целом» [1, 192]. Под брендом понимают «термин в маркетинге, символизирующий комплекс информации о компании, продукте или услуге; популярную, легко узнаваемую и юридически защищённую символику какого-либо продукта» [2].

Анализ показал, что все белорусские молочные бренды с учетом их денотата можно разделить на две группы:

1) бренды, которые выступают в качестве названия предприятия и одновременно производимой на нем продукции;

2) бренды, созданные для именования конкретного вида товара (товарной группы).

Наиболее известными на внутреннем и внешнем рынке белорусскими молочными брендами первой группы являются такие, как «Бабушкина крынка», «Беллакт», «Витебское молоко», «ГЛУБОКОЕ», «Здравушка-милк», «Малочны гасцінец», «Милкавита», «Минская марка», «Молочные ГОРКИ», «Кобринские сыры», «Лепелька», «Поставы-городок», «Раніца», «РОГАЧЁВЪ», «Савушкин продукт», «Сафійка», «Слуцкий стандарт», «Толочинские сыры», «Шумилинские сыры», «Ян-сыродел» и некоторые другие.

Как видим, почти все они оформлены средствами русской графики, за исключением единичных белорусских названий: «Малочны гасцінец», «Раніца», «Сафійка». Правда, нужно отметить, что в ряде брендов белорусский компонент представлен другими способами, о чем речь пойдет ниже.

Создавая бренд этого типа, номинаторы чаще всего, как следует из примеров, пытаются так или иначе обыграть в нем название места (города, региона), где производится продукция. Это достигается за счет включения в состав бренда следующих компонентов:

– самого топонима («ГЛУБОКОЕ», «Молочные ГОРКИ», «Поставы-городок», «РОГАЧЁВЪ»);

– адъектонима («Витебское молоко», «Минская марка», «Кобринские сыры», «Слуцкий стандарт», «Шумилинские сыры»);

– образованных на базе топонима окказионализмов («Лепелька»).

Бренд «Беллакт» (название открытого акционерного общества, расположенного в г. Волковыск Гродненской области) по своей номинативной идее примыкает к перечисленным выше названиям: указывает на место производства. Именуемая этим брендом компания – «единственный в Беларуси и один из крупнейших на территории СНГ производителей сухого детского питания. Это современное, высокотехнологичное предприятие, производящее детское питание, молочные продукты, питание для беременных и кормящих женщин» [3]. Уникальный статус единственного в стране производителя подчеркивается использованием в бренде сокращенного варианта прилагательного ‘белорусский’.

Особо интересны примеры непрямого информирования о месте производства, основанные на языковой игре, аллюзиях. Так, например, бренд «Софийка» Полоцкого молочного комбината, с одной стороны, представляет собой уменьшительный вариант женского имени *София*, на что, в том числе, указывает изображение девочки на упаковке разнообразной продукции, производимой предприятием; с другой, содержит аллюзию на Софийский собор – наиболее древний и самый известный исторический и культурный памятник Полоцка, давно ставший его культурно-историческим брендом.

Подчеркнем, что визуализация (как это отмечалось на примере с изображением девочки в бренде «Софийка») – важный элемент бренда. Упаковка товаров, выпускаемых ОАО «Витебское молоко», в качестве брендового элемента содержит изображение василька: во-первых, этот цветок является одним из традиционных символов Беларуси; во-вторых, василек – это еще и символ Международного фестиваля искусств «Славянский базар», проводимого в Витебске с 1992 года. Способом визуализации может быть особое графическое и орфографическое оформление названий: в брендах «ГЛУБОКОЕ», «Молочные ГОРКИ», «РОГАЧЁВЪ» используются прописные буквы, топоним *Рогачев* в бренде написан в соответствии с нормами дореформенной орфографии, что, вероятно, призвано подчеркнуть давность традиций производства молочных продуктов в регионе. В составном названии «Молочные ГОРКИ» прописными буквами выделено название города, где производится продукция. За счет такого приема номинаторам удалось обыграть омонимию лексемы ‘горки’. Топоним *Горки* (название районного центра в Могилевской области) образован путем онимизации соответствующего апеллятива.

Наблюдения показывают, что топонимы и оттопонимные элементы в составе брендов и названий отдельных товаров – хороший способ обозначить себя и свою продукцию в условиях большой конкуренции и найти свою нишу в многообразной системе коммерческой номинации, при этом никак не пересекаясь с другими схожими названиями.

Топонимные элементы в брендах могут усиливаться лексемами, призванными указывать на высокое качество продукта: *марка, стандарт*. О том, что продукт является молочным, а значит, и производится из натурального молока, а не его заменителей,

указывают такие элементы в составе названия, как *лакт* (от латинского *lac, lactis* – относящийся к молоку) и *милк* (английское слово, которое, выступая в роли существительного, обозначает ‘молоко’, а в роли глагола переводится как ‘доить’).

Бренд «Ян-сыродел», под которым продается значительная часть продукции расположенного в районном центре Верхнедвинск Витебской области маслосырзавода, подчеркивает через использование в названии имени *Ян* белорусское качество и белорусские традиции. Для бренда, представленного на рынках разных стран, такой элемент, несомненно, является важным. Кроме того, Ян-ремесленник упоминается в белорусской легенде о князе Альгерде. Легенда гласит, что именно он раскрыл секреты сыроделия князю Альгерду. Очевидно, что с опорой на эту легенду на заводе создали также бренды «Альгерд» и «Верхний луг». В пересказе легенды, размещенном на сайте завода-производителя, говорится: «Пройдя изнурительную дорогу, Ян представил взору Ольгерда два чарующих по красоте луга. На верхнем лугу паслись коровы, а на нижнем лугу стояли сыроварни. Его взору открывалась широкая панорама леса, чистые как слёзы озёра и всё вокруг находилось в состоянии безмятежности» [4]. Под брендом «Ульянка», в основе которого лежит распространенное у белорусов женское имя, Верхнедвинский маслосырзавод реализует сливочное масло, и этот бренд продолжает номинативную идею основного названия продуктов предприятия («Ян-сыродел»).

Бренд «Бабушкина крынка» (Могилевская молочная компания) и абсолютно схожая с ним по семантике торговая марка продуктов Оршанского молочного комбината «Дедушкин горлачик», очевидно, призваны вызывать у потенциального потребителя положительные ассоциации и соответствующие воспоминания: самые вкусные и натуральные продукты – это те, которые запомнились с детства, они производились в деревне у бабушки и дедушки и предназначались для семейного употребления. Значительная часть потребителей продукции проводила каникулы у проживающих в сельской местности бабушек и дедушек.

Аналогичную функцию (ориентированность на положительные эмоции и воспоминания) выполняет и название «Малочны гасцінец». Слово ‘гасцінец’ и в белорусском, и в русском языке чаще всего употребляется в значении ‘подарок’ и ассоциируется с вещью более дорогой, имеющей лучшее качество, чем повседневно приобретаемые товары или продовольственные продукты.

Часто производители для именования отдельных видов продукции используют не только основной бренд, но и созданные на его основе или ассоциативные с ним названия. Так, например, предприятие «Бабушкина крынка» выпускает ряд товаров под брендом «Веселые внучата», в котором продолжается идея «семейности». «Веселые внучата» – это название продуктов, предназначенных в первую очередь для детей и подростков, например, молоко «Веселые внучата» питьевое стерилизованное для питания детей раннего возраста, жирность – 3,5 %; коктейли молочные «Веселые внучата» и т.д.

Нередко крупные производители стремятся подчеркнуть разнообразие выпускаемой продукции за счет брендирования отдельных групп товаров. Например, крупнейший белорусский производитель молочных продуктов компания «Савушкин продукт» имеет 11 таких брендов: «Савушкин», «Брест-Литовск», «Сыры из Александрии», «TEOS», «Бярозка», «Оптималь», «Апети», «Sveža», «Суперкид», «Активил», «Ласковое лето». Компания «Бабушкина крынка», наряду с основным брендом, использует еще четыре: «Свежие новости», «Веселые внучата», «ECO GRECO», «ZVÒNKA».

Вторая группа брендов, т. е. предназначенных для именования товаров, больше ориентирована на рекламу высокого качества и особого статуса именуемой продукции: ее полезности, свежести, натуральности, хороших вкусовых качеств. Продукция под брендом «Активил» презентуется производителем как «полезный перекус и отличная альтернатива снекам и сладостям. Он оказывает благоприятный эффект на желудочно-кишечный тракт и помогает восполнить баланс энергии в течение дня» [5]. Бренд

«Оптималь» рекламируется в качестве названия «линейки йогуртов, обогащенных бифидобактериями, которые заботятся о здоровом пищеварении и дают ощущение внутреннего комфорта тебе, твоим близким и родным» [5]. Идея натуральности и особого качества продуктов отражена в брендах «TEOS», «ECO GRECO». Греческая традиция производства молочных продуктов отличается особой рецептурой и особым качеством: «TEOS», как пишут производители, «идеальный греческий йогурт, изготовленный только из натуральных ингредиентов и содержащий в 2 раза больше белка, чем классические йогурты» [5].

Прилагательное ‘свежий’ напрямую используется или обыгрывается в брендах: «Свежие новости» (молоко, кефир, сметана, творог, выпускаемые предприятием «Бабушкина крынка»); «Sveža» (серия сыров, предприятие «Савушкин продукт»).

Ориентированность на определенную категорию потребителя отражают бренды «Суперкид», «Веселые внучата» (о котором речь шла выше).

Гораздо реже в брендах этой группы обнаруживается указание на место производства: обычно это делается, когда производственные мощности располагаются в разных населенных пунктах. Например, бренд «Бярозка» (компания «Савушкин продукт») образован от белорусского ойконима *Бяроза* – название районного центра в Брестской области. В Березе расположен филиал головного предприятия, специализирующийся на производстве сыров, масла, мороженого. В другом из брендов данного предприятия («Брест-Литовск») отражено старое название г. Бреста, которое использовалось в период с XVII по начало XX в.

Литература

1. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – Москва: Наука, 1988. – 192 с.

2. Ономастика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fb.ru/article/215239/onomastika-eto-nauka-izuchayuschaya-imena-sobstvennyie. – Дата доступа: 22.01.2022.

3. Официальный сайт «БеЛлакт» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bellakt.com/. – Дата доступа: 11.01.2022.

4. Официальный сайт «Ян-сыродел» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.yancheese.by/. – Дата доступа: 15.01.2022.

5. Официальный сайт «Савушкин продукт» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.savushkin.by/. – Дата доступа: 21.01.2022.

Д.М. Вечерко
Белорусский государственный университет
e-mail: ve4erkod@yandex.by
Научный руководитель: Ратникова И.Э., доктор филологических наук, профессор

УДК 811.512.164, 81`373.231

Антропонимы в сказках тюркских народов СССР

Ключевые слова: *антропоним, имя собственное, экзотическая лексика, ономастическая лексика, лингвокультурная семантика.*

Статья посвящена экзотической ономастической лексике фольклорных текстов тюркских народов СССР в лингвокультурологическом аспекте. В ней выделены экзотические имена собственные, установлены их значение и происхождение. Выявлена связь некоторых тюркских имен собственных с их аналогами в других культурах, показана обусловленность антропонимических аналогий инвариантными элементами фольклорных сюжетов разных народов.

D.M. Vecherko
Belarussian state university

Anthroponyms in the fairy tales of the Turkic peoples of the USSR

Key words: anthroponym, proper name, exotic vocabulary, onomastic vocabulary, linguocultural semantics.

The article is devoted to the consideration of exotic onomastic vocabulary in the folklore texts of the Turkic peoples of the USSR in the linguoculturological aspect. Exotic proper names are highlighted in it, the meaning and origin are established. The analogues of some Turkic proper names in other traditional cultures are determined, the connection of these analogies with the invariant elements of foreign plots is shown.

Одним из главных хранилищ этнических культур можно назвать устное народное творчество. В нем зафиксированы не только интересные для литературоведов и фольклористов сюжетные линии, но и особенно ценные для языковедов редкие, малоизвестные понятия, незнакомые представителям других наций. Благодаря экзотической лексике в текстах переводных сказок других национальных культур можно узнать о многих предметах и явлениях, которые отсутствуют в повседневной жизни русскоязычного социума. Выбранные нами для исследования сказки тюркских народов СССР (в переводе на русский язык) представляют немалое количество лексических единиц, отражающих экзотические особенности некоторых регионов Средней и Центральной Азии (современные Туркменистан, Узбекистан), Кавказа (Азербайджан), восточным районам современной России (Республика Тыва) [1, 77].

Экзотическая лексика, по определению Л.Г. Самотик, представлена словами, «имеющими локальную компоненту в значении слова, обозначающую принадлежность явления к нерусской действительности» [3, 44]. Особое место в системе экзотических лексем занимает ономастическая подсистема. Личные имена персонажей и героев национального фольклора обусловлены территорией, в пределах которой создавалась сказка, и в свернутой, емкой форме способны нести обширную информацию о культуре, религии, традициях и быте конкретного региона. Экзотические имена собственные (в классификации В.С. Виноградова – реалии, национально окрашенные лексические единицы [2]) характеризуются альтернативной безэквивалентностью.

Объектом исследования в данной публикации являются антропонимы тюркского происхождения, извлеченные методом сплошной выборки из текстов, представленных в электронных ресурсах «Сказки народов Азии», «Сказки народов Кавказа и Ближнего Востока», «Сказки народов Азии и Ближнего Востока» и др. Собственные имена героев отражают национальный характер сказки более точно, поскольку специфичны, как правило, для более узкого этнического коллектива, чем мифонимы (при этом антропонимы тюркских народов могут иметь как тюркское, так и арабское или персидское происхождение). Таковы популярные имена героев *Теймур* (тюрк. «крепкий, железный») и *Фатьма* (араб. فاطمة «отнятая от груди») (азербайджанская сказка «Скупой Джульфа»).

В силу того, что исконные национальные имена всегда производны от нарицательных лексем и омонимичны названиям реалий и понятий, имена персонажей часто являются «говорящими», т. е. своей внутренней формой помогают раскрыть художественный образ. Ср. имена таких персонажей, как хан *Санад* (араб. «поддержка, опора»), юноша *Цырен* (тиб. «долгая жизнь») (бурятская сказка «Золотая чаша»). Отец *Хамдам* и его сыновья *Рафи* и *Хафиз* (таджикская сказка «Город Навобод») носят имена арабского происхождения, имеющие религиозную обусловленность. Так, *Рафи* (араб. رافع «знатный, возвышенный») –

это одно из эвфемистических имен Аллаха. *Хафиз* (араб. حافظ «учащий наизусть, охранитель») – хранитель Корана, запоминающий его наизусть. Внутренняя форма имен, как видим, несет скрытую от читателя, но важную для понимания национальной специфики информацию.

Особый интерес для исследования представляет корпус туркменских антропонимов. Специфика образования большинства туркменских имен заключается в их семантике. Исконные туркменские мужские и женские имена в дословном переводе имеют значения, связанные с природными и климатическими явлениями; с особенностями внешности или характера носителя; с наименованиями родственников. Таковы имена *Ягмыр* («дождь»), *Гарягды* («снег выпал»), *Яз* («весна»); *Баяр* («барин, господин»), *Довлет* («богатство, достояние»); *Огулболды* («сын родился»), *Огулгельды* («сын пришёл»). В производных именах собственных типа *Яздурды* («весна пришла»), *Язберды* («весна дала») выделяется корневая морфема *берды-* («дал/а»). Например, в туркменской сказке «Трус Худайберды и лисица» имя главного героя переводится как «бог дал»: *xudo-* (турк. и узб. «бог») и *-berdy* (турк. «дал»). По сюжету трусливый *Худайберды* становится храбрым, что позволяет рассматривать естественный антропоним *Худайберды* как «говорящее имя».

Женские туркменские имена часто содержат компонент *-гюль-* (*-гуль-*) в значении «цветок». Ср. *Гульдже* («цветочек»), *Гюллер* («цветы»), *Дессегуль* («букет цветов»), *Гюльбабек* («ребёнок-цветок»), *Язгюль* («весенний цветок»), *Акгюль* («белый цветок») и др. [5]. В туркменской «Сказке о бородатой невесте» героиня носит имя *Бахты-Гюль* (турк. и узб. *bahtiyor* – «счастливый»): «*Это были весёлые песни, потому что Бахты-Гюль была счастлива, как цветок, а само имя* ***Бахты-Гюль*** *по-туркменски значит "цветок счастья"*» [6]. В сказке «Заколдованные волы» героиню муж называет *Гюльджан* (турк. «роза души») и ласково обращается к ней *Гюль*.

Система узбекских личных имен схожа с туркменской по наличию как исконно узбекских имен, так и арабских заимствований. Среди исконных единиц также имеют место имена, состоящие из двух компонентов: *Улугбек* («великий» и «господин»), *Отабек* («старший» и «господин»), *Алтынгуль* («золотой» и «цветок»), *Гульнара* («цветок» и «гранат») и др. В узбекской сказке «Тульганой» имя главной героини дословно переводится как «полная луна» (узб. *to'liq oy*). Там же упоминается мужское имя *Суфибек*, принадлежащее герою, совершающему обряд вечерней молитвы. Таким образом, имя *Суфибек* также можно причислить к «говорящим» антропонимам, поскольку оно дословно означает «верующий господин».

В узбекской сказке «Красавица Тысяча Косичек» главная героиня носит «говорящее» имя *Хазор-гейсу*, перевод которого отражен в названии. Внутренняя форма этого антропонима прозрачна: «*Ни у кого не было таких пышных и густых волос, как у царевны. Заплетала она их во много-много косичек, вот почему и прозвали её ласково* ***Хазор-гейсу*** *– царевна Тысяча косичек*» [5]. В сказке «Фархад и Ширин» две героини – женщина-султан *Гулчехра* (узб. «лицо цветка») и ее племянница *Ширин* (узб. «милый»), также носящая «говорящее» имя. Гулчехра говорит сватам о племяннице: «*Принцесса Ширин еще молода, она робка и пуглива, как дикая коза джейран, Ширин любит стрелы, коней и охоту. Ширин не думает о замужестве*» [7].

Насреддин Апанди (*Насреддин Афанди,* или *Ходжа Насреддин*) известен как герой многих притч, анекдотов, юмористических миниатюр и сатирических сказок, распространённых на территории Средней Азии, Ближнего Востока, в Китае, Закавказье и на Балканах ещё с XIII в. Например, в узбекской сказке «Проигранный минарет» *Насреддин Апанди* демонстрирует смекалку и остроумие, помогая разрешить конфликт между жителями двух городов.

Антропонимы некоторых персонажей сказок тюркских народов СССР являются национально-прецедентными. Их культурная семантика отражает характеристики героев – носителей имен: смелость, смекалку, проворность и т.д. В славянских и западноевропейских фольклорных текстах существуют аналоги этих персонажей. Так, образы *Алдара-Косе* (казахские сказки) и *Алдара Кусы* (узбекские сказки) можно считать аналогами героя средневековых английских народных баллад, благородного предводителя лесных разбойников *Робина Гуда*. Персонаж тувинских сказок *Оскюс-оол* близок к русскому «доброму молодцу». *Ярты-Гулок* из цикла туркменских сказок соотносится с украинским *Покатигорошком*, белорусским *Воловьим ушком* и входит в парадигму национальных вариантов героя популярного сказочного сюжета о приключениях мальчика-с-пальчика (история о мальчике величиной с мизинец отражена в системе классификации сказочных сюжетов Аарне-Томпсона, в сборниках братьев Гримм и А.Н. Афанасьева, имеет японскую, турецкую, еврейскую и индийскую и др. версии).

Завершая рассмотрение антропонимов в сказках тюркских народов СССР, можно сделать вывод, что в качестве «говорящих», прямо или косвенно характеризующих героев, могут выступать любые узуальные имена арабского, персидского, туркменского и узбекского происхождения, поскольку все они производны от нарицательных лексем. Среди национально прецедентных туркменских, казахских, узбекских, тувинских антропонимов сказочных персонажей обнаруживаются аналоги с прецедентными именами русских и других европейских фольклорных героев; наличие межкультурных параллелей демонстрирует также инвариантные составляющие сказочных сюжетов у разных народов. Некоторые имена собственные имеют исключительно самобытный характер, не «пересекаются» по своей внутренней форме с иноязычными параллелями и обладают спецификой, свойственной только определенной культуре.

Литература

1. Вечерко, Д.М. Ономастические единицы тюркских языков в русских переводных текстах / Д.М. Вечерко // Русский язык: система и функционирование (к 100-летию Белорусского государственного университета): сб. материалов IX Междунар. науч. конф., 19–20 окт. 2021 г., Минск / редкол.: И. С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. – Минск: Изд. Центр БГУ, 2021. – С. 77–83.

2. Виноградов, В.С. Введение в переводоведение / В.С. Виноградов. – М.: ИОСО РАН, 2001. – 222 с.

3. Самотик, Л.Г. Экзотизмы как единицы измерения восприятия русскими инонациональной среды / Л.Г. Самотик // Вестник Читинского Государственного университета / Забайкальский государственный университет. – Чита. – 2014. – Вып. 5 (62). – С. 44–49.

4. Туркменские имена / История Туркменистана и туркмен turkmenhistory.narod.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://turkmenhistory.narod.ru/turkmennames.html. – Дата доступа: 30.01.2022.

Источники

5. Красавица Тысяча Косичек // Узбекские сказки // Сказки народов Кавказа и Ближнего Востока [Электронный ресурс]. – Режим доступа: skazki.rustih.ru/krasavica-tysyacha-kosichek/. – Дата доступа: 01.04.2021.

6. Сказка о бородатой невесте // Туркменские сказки // Сказки народов Кавказа и Ближнего Востока [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://skazki.rustih.ru/skazka-o-borodatoj-neveste/. – Дата доступа: 30.01.2022.

7. Фархад и Ширин // Узбекские сказки // Сказки народов Кавказа и Ближнего Востока [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://skazki.rustih.ru/farxad-i-shirin/. –Дата доступа: 30.01.2022.

Ю.В. Гайдукова
Воронежский государственный университет
e-mail: grm564@mail.ru
Научный руководитель: Ковалёв Г.Ф., доктор филологических наук, профессор

УДК 811.161.1'373.211.5(476)

Особенности микротопонимии Кантемировского района Воронежской области

Ключевые слова: *ономастика, микротопонимия, оним, значение, происхождение, поселок, село, хутор*

В статье впервые осуществляется исследование, связанное с происхождением и значением названий географических объектов Кантемировского района Воронежской области. В работе представлена научная и народная этимология названий рек, озер прудов, родников, возвышенностей, низменностей, лесов, поселков, сел и некоторых хуторов.

Yu.V. Gaidukova
Voronezh State University

Features of the microtoponymy of the Kantemirovsky district of the Voronezh region

Key words: onomastics, oikonymy, microtoponymy, onym, name, meaning, origin, settlement, village, farm.

The article is the first to carry out research related to the origin and meaning of the names of geographical objects of the Kantemirovsky district of the Voronezh region. The paper presents the scientific and folk etymology of the names of rivers, lakes, ponds, springs, hills, lowlands, forests, towns, villages and some farms.

Имена собственные привлекали к себе внимание с давних пор. Историю их возникновения, значение, смысл, связь с историей общества, с мировоззрением людей, с окружающей средой рассматривали представители различных дисциплин: истории, географии, литературоведения, этнографии. Но в первую очередь имена собственные изучаются лингвистами.

Микротопонимы как часть топонимической системы региона – один из самых интересных разрядов онимов, представляющих собой большую ценность. Являясь строго территориально закрепленными, они аккумулируют в себе весь жизненный опыт народа, отражая особенности жизни и быта, отличительные черты той или иной местности. Названия улиц, строений, объектов природного ландшафта дают представление о картине мира и менталитете местного населения и русского народа в целом.

В настоящее время изучение родного края очень актуально. Особенно это касается малоисследованных украиноязычных районов, таких как Богучарский, Ольховатский, Подгоренский, Россошанский и, конечно же, Кантемировский.

Объектом нашего исследования стал Кантемировский район, который расположен рядом с российско-украинской границей и Ростовской областью.

Кантемировский район – южные «ворота» Воронежской области с неповторимой и интересной историей, которую нам важно знать и передавать своим потомкам [2, 3].

Разговор между местными жителями в селе заметно отличается от других районов. Лингвисты считают, что в нашем районе говорят на украинско-русском языке. Но при этом жители владеют и русским литературным языком. А диалект используют в обиходно-бытовом повседневном общении.

Материал был взят нами из бесед с местными жителями от 1940 до 1996 года рождения. Конечно, мы пользовались картотекой Воронежских говоров, хранящейся на кафедре славянской филологии Воронежского государственного университета (более 100 тыс. карточек), а также другими источниками, такими как словарь В.А. Прохорова «Вся воронежская земля», «Словарь микротопонимов Воронежской области» Г.Ф. Ковалёва, толковые словари В.И. Даля, Б. Гринченко и С.И. Ожегова, а также этимологический словарь М. Фасмера.

В процессе исследования микротопонимической системы Кантемировского района Воронежкой области нами были выявлены следующие классы микротопонимов: гидронимы, оронимы, дромонимы, годонимы.

Гидронимы – это названия водных объектов (рек, озер, ручьев, родников, прудов, колодцев и их частей). Всего нами выявлено 64 микрогидронима. Приведем наиболее интересные среди них.

ВОНЮЧКА (Воню́чка) – народное название реки Кантемировка. Название, очевидно, указывает на неприятный, вонючий запах воды в речке. «Река ж щас высохла, и от нее ниче не осталось…» – рассказал Александр Ткаченко.

ГОРОДОК (Городо́к) – название места на реке Богучарка близ села Смаглеевка. Возможно, название связано с *огороженной* территорией на реке.

ХОЛОДНАЯ (Холо́дна) – это место для купания на реке Федоровка. Вероятнее всего, название дано потому, что оно имеет большую глубину и вода в нем *ледяная*. Зоя Королькова рассказала про название этого места: «После первой идет место Холодная, потому что было самое глубокое, никто дна ны доставал…».

ХРИПУН (Хрипу́н). У Г.Ф. Ковалёва читаем, что это самое глубокое место на реке Богучарке у села Талы. По местной легенде, оно названо так, потому что когда-то здесь утонул некий Охрим по прозвищу *Хрипун* [3, 340].

ОЗЕРО ЛЮБВИ (О́зеро любви́) – название озера в селе Митрофановка. Местное название – *Лебединец*. Своё название он получил потому, что в нём водились *лебеди*. Виктория Семенцова вспоминает, какое событие связано с этим местом: «Я это не застала, сейчас там просто полянка. Но, мне папа рассказывал, что в его юности там, прямо посреди леса, было озеро, на которое прилетали каждый год лебедь и лебёдушка».

ЛОЗОВОЙ́ (Лозо́вый). Такое название имеют пруды в Зайцевском и Журавском сельских поселениях. В статье Ф.Н. Милькова сказано, что лоза, лозняк – “ивняк, заросли ивы на низком месте” [4, 12]. Очевидно, что пруд назван по растущей там иве – *лозе*.

КОРЧУВАТКА (Корчува́тка) / КОРЧЁВАТКА (Корчова́тка) – место на пруду в селе Евдокиевка Митрофановского сельского поселения. Возможно, что в этом месте были выкорчеваны деревья. У Фасмера слово корчева означает “пень” [7, 342]. Однако Виктория Семенцова рассказала, что *корчуватка* – это место на пруду, где бьют ключи (там приходится *корчиться* от холода).

ДОБРАЯ ВОДА (До́бра вода́) – родник около села Титаревка. Название получил по вкусной воде в нём. В словаре украинских говоров Воронежской области М.Т. Авдеевой сказано, что слово до́брий имеет и значение “вкусный” [1, 113].

КРИНИЦА (Крыны́ця) – родник в хуторе Бык Зайцевского сельского поселения. «Находится она на окраине хутора, больше в овраге», – вспоминает Михаил Павленко.

ГУДКОВ (Гудко́в) – название колодца в хуторе Бык Зайцевского сельского поселения. По рассказам Виктора Андреевича, колодец был назван по фамилии местных жителей Гудковых.

Оронимическая лексика представлена названиями возвышенностей и низменностей. Всего их в Кантемировском районе нами выявлено 33 единицы.

ИНВАЛИДСКАЯ ГОРА (Инвали́дская гора́) – это место рядом с мостом через Богучарку. Очевидно, своё название получило по поселившимся здесь воинам-инвалидам, вернувшимся с войны.

КРЫЙДЯНКА (Крыйдя́нка) – возвышенность в селе Евдокиевка Митрофановского сельского поселения. Свое название получило от украинского слова “кр́эйда”, то есть мел.

ЗАВАЛЯНА (Зава́лянъ) – место между хутором Бык и селом Гартмашевка. По воспоминаниям Виктора Коншина, Заваляна – это ярок. Почему заваляна? Ну, между полями обвалилась земля, и образовался ярок. Еще в этом месте наши солдаты наступали.

Особенную группу названий составляют дромонимы (названия лесов, полей, полян, лугов и их частей). Всего их зафиксировано нами 97.

АЛЛЕЯ ЛЮБВИ (Але́ьа Любви́) – берёзовая аллея в селе Митрофановка. Названа так потому, что стала популярным местом посещения влюблённых» [4, 39].

БЛИЖНИЙ ВАЛЫН (Бли́жний Валы́н) – урочище близ села Талы. Первая часть названия указывает на соотношение местоположения с селом. Скорее всего, вторая часть названия связана с глаголом «валить». В словаре С.И. Ожегова мы уточнили значение этого глагола – «спиливать (деревья, лес), а также рубить топором» [5, 58]. Поэтому вторая часть названия указывает на то, что в лесу спиливали или рубили топором деревья.

БОБРОВО (Бобро́во) – урочище, расположенное на территории Кантемировского района. Возможно, название леса дано по колониям бобров, расположенных вблизи леса. Либо – по фамилии или прозвищу Бобров, усадьба которого располагалась близко к лесу.

ГОРОВОЕ (Горово́) – поле близ села Зайцевка. Очевидно, свое название поле получило по расположению на возвышенном месте – на горе. О названии места рассказал Николай Пономарёв – житель села Зайцевка: «А Горова, це вроди як на гори».

МИННОЕ ПОЛЕ (Ми́нное по́ле) – поляна близ хутора Бык Зайцевского сельского поселения. Очевидно, что название дано по событиям Великой Отечественной войны.

ПАНСКИЙ (Па́нский) – лес близ села Новопавловка Зайцевского сельского поселения. Возможно, название леса дано по близкому расположению усадьбы помещика-пана.

РОССОХОВАТЫЙ (Россохова́тый) – лес близ села Новобелая. Возможно, название свое получил по своему расположению – на месте слияния двух речек. В этимологическом словаре Фасмера существительное «россоха» имеет значение “разветвление реки” и “место слияния ручьев” [6, 505].

РЫБАЛЬЧИН ЛЕС (Рыба́льчин лес) – лес близ села Пасеково. Название может быть дано по фамилии семьи Рыбалко, которые жили недалеко от этого леса, или же вблизи располагались, рыбаки, которые, как раз, здесь отдыхали.

У ТРЕХ ПЕТУХОВ (У тре́х петухо́в) – знак на стыке трех областей (Ростовской, Луганской и Воронежской), который является крайней точкой Кантемировского района. Николай Владимирович рассказал, что на полях Гармашевки есть географическая точка, где “петух поет на два государства, и на три области”. Это так называемое соединение трех областей – Ростовской, Луганской и Воронежской.

Большую группу названий составляют годонимы (названия поселков, сел, хуторов и их частей). Всего их зафиксировано нами 242 единицы. Приведем наиболее интересные среди них.

КАНТЕМИРОВКА (Кантеми’ровка) – поселок на юге Воронежской области. Своё название Кантемировка получила от Константина Кантемира, принадлежавшего к знатному молдавскому роду. Краевед Валентин Прохоров считает, что фамилия Кантемир происходит от сочетания двух слов: “хан”, “темир”. Первое слово имеет значение – титул тюркских правителей, второе – тюркское имя Темир – Тимур, что буквально означает “железо” [6, 118–119].

ГАРМАШЕВКА (Гармаше’вка) – село Кантемировского района. По первой версии, название связано со словом “гармаш” – артиллерист, пушкарь или же в основе названия глагол “гармить”, имеющий значение говорить без остановки (человек-балагур).

БЫК – хутор, входящий в состав Зайцевского сельского поселения. «Ну, раньше быкя держали, зажиточные люди быков держали, племенных, и назвали Бык. А Бык населялся из беженцев, сюда никак можно не заехать. Тут вода, там вода и там вода. Въезд – и не въедишь» [от Коншина В.А.]. Скорее всего, название связано с тем, что раньше зажиточные люди держали много быков и их основной род деятельности был связан с этим.

МОСКАЛЁВКА (Мъскалёфкъ) – часть хутора Бык Кантемировского района. «Тут жили “москали”, то есть русские» [от Коншина В.А.]. В словаре украинских говоров Воронежской области название онима означает: «МОСКА’ЛЬ, -я. Житель русского села, русский. Так богато москалів понаїхало до нас» [1, 224]. Здесь жили москали-переселенцы с русским языком в отличие от украинского (хохлы). Вы ра’ньшы жы’лы в Мъскалёфке? Название, видимо было дано по украиноязычному населению (москаль – русский).

ХОХЛОВКА (Хохли’вка) – часть хутора Бык Кантемировского района. «Чуть выше Москаливкы по логу была “хохливка”, тут обитали “хохлы” – украинцы, дед же твой на Хохливки жил…» [от Коншина В.А.]. Название указывает на связь объекта с людьми украинской национальности, прозываемыми хохлами.

Как видим, в целом номинация в исследованном районе мало чем отличается от других украиноязычных районов. Особенность названий в основном связана с фонетическими закономерностями украинско-русского языка: 1) твердость согласных перед [Е], [И]: Хрипун, Криница, Ближний валын, Минное поле, Кантемировка; 2) гласный [І] на месте древнерусских [О], [Е]: Москалівка, Хохлівка; 3) смягчение шипящих перед [І]: Гармашівка; 4) замена буквы Е на звук [Э]: Горовэ, Озэро любви, У трех пэтухов; 5) сокращение окончаний слов: Холодна, Добра вода, Инвалидска гора. В Кантемировском районе микротопонимы очень разнообразны и информативны. Они сохраняют память о диалекте, старых прозвищах, которые представители молодого поколения почти не используют. Все это дает ценные знания об истории нашего края.

Таким образом, в процессе сбора лингвистического материала мы не забывали, что для территории Воронежской области ономастические данные как южнорусских, так и украинских говоров одинаково важны при изучении региональных особенностей нашего края, а также для воспитания истинного патриотизма.

Данные об информантах

1. Коншин Виктор Андреевич, 1946 г. рожд. Родился и проживает в хут. Бык Зайцевского сельского поселения. Окончил среднюю школу, более 20 лет работал заведующим ОТФ. Пенсионер.

2. Королькова (до замужества Кулинченко) Зоя Анатольевна, 1961 г. рожд, родилась и проживает в Кантемировке. Окончила Ростовский кооперативный техникум. Более 30 лет работала бухгалтером в Администрации Кантемировского района. Пенсионер.

3. Павленко Михаил Тихонович, родился в хуторе Бык в 1947 г. Проживает в селе Гармашевка. Окончил Кантемировское СПТУ-46. Работал в колхозе механизатором более 40 лет. Пенсионер.

4. Пономарев Николай Григорьевич, 1949 г. Родился и проживает в селе Зайцевка. Окончил Кантемировское СПТУ-46, работал в колхозе более 40 лет. Пенсионер.

5. Романенко Николай Владимирович, 1944 г. рожд., родился и проживает в поселке Кантемировке, окончил Ростовскую высшую партийную школу. Работал в органах власти более 30 лет, имеет почетное звание «Трижды кантемировец», пенсионер. Возглавляет общественно-политический клуб «Дважды кантемировец».

6. Семенцова (до замужества – Ковалёва) Виктория Александровна, 1995 года рожд. Родилась в селе Евдокиевка. Проживает в городе Воронеж.

7. Ткаченко Александр Сергеевич, 1992 г. рожд. Родился в пгт Кантемировка, проживает в городе Воронеж. Окончил Кантемировское СПТУ. Работает водителем.

Литература

1. Авдеева, М.Т. Словарь украинских говоров Воронежской области: в 2 т.; Воронежский государственный университет / М.Т. Авдеева. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета. – Т. 1: А–М. – 2008. – 228 с.

2. Кантемировка. Визитная карточка / О.Н. Дрепина, И.В. Мозговая, В.Л. Елецких. – Воронеж: ООО «Творческое объединение «Альбом», 2018. – 48 с.

3. Ковалёв, Г.Ф. Словарь микротопонимов Воронежской области. В 2-х т. / Г.Ф. Ковалёв. – Воронеж, 2017. – Т.1, А-Л. – 412 с.; Т.2, М-Я. – 420 с.

4. Мильков, Ф.Н. Топология урочищ и местные географические термины Черноземного Центра / Ф.Н. Мильков // Научные записки Воронежского отдела Географического общества СССР. – Воронеж, 1970. Вып. 2. – С. 3–22.

5. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Рос. Акад. Наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – Москва, Азбуковник, 1999. – 939 с.

6. Прохоров В.А. Вся Воронежская земля. Краткий историко-топонимический словарь. – Центр.-Черноз. книж. изд-во. – Воронеж, 1973. – 368 с.

7. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – Москва, 1967. – Т. 2. – 671 с.

О.И. Губанова
Российский университет дружбы народов
e-mail: gubanova.olia2015@yandex.ru
Научный руководитель: Колышева О.Н., кандидат филологических наук

УДК 81’373.2

Особенности гемеронимов в сфере искусства

Ключевые слова: *периферийная ономастика, ономастическое пространство, гемероним, нейминг, культура.*

Статья посвящена анализу основных особенностей гемеронимов. Материалом для исследования послужили названия электронных и печатаных изданий, тематикой которых являются искусство и культура и которые выпускаются на территории Европы. В ходе исследования были выявлены основные закономерности в названии издательств о культуре, сохраняемые вне зависимости от страны.

O.I. Gubanova
People’s Friendship University of Russia

Features of hemeronims in the field of art

Key words: *peripheral onomastics, onomastic space, hemeronim, naming, culture.*

The article based on printed and digital mass media is devoted to the analysis of the main features of hemeronims. The material based on the names of digital and printed mass media are concentrated on art and culture and produced on the territory of Europe. The article reveals the main patterns in the names of publishing houses about culture, which are preserved regardless of the country.

С каждым годом расширяется представление о способности различных лексем «быть именем собственным» [6, 9]. Данный факт приводит к появлению понятия ономастического поля. По В.И. Супруну, ономастическое поле представляется «реально выделяемой языковой структурой», обладающей такими признаками, как «наличие ядерно-периферийных отношений, семантическая общность, предполагающая сходную семантическую структуру слова, частотность, стилистическая окрашенность, словообразовательная активность» [7, 16].

Данные факторы позволяют объединять множество элементов в отдельные классы, подобно топонимам и антропонимам. В этой работе нас будут интересовать именно гемеронимы, которые в «Словаре русской ономастической терминологии» определяются,

как «собственное имя органов периодической печати, в том числе газет, журналов, информационных бюллетеней» [5].

Постоянно увеличивающееся количество средств массовой информации, способность гемеронимов отражать состояние общества и языка на данный момент, а также малая изученность данного аспекта с точки зрения синхронии обусловили актуальность данного исследования.

В данной работе в качестве материала исследования была выбрана особая подгруппа в разряде гемеронимов – названия изданий, посвящённых миру искусства и моде. На наш взгляд, данная отрасль наименее подвержена изменениям под влиянием экономических или политических факторов, но позволяет проследить основные тенденции в выборе названий для изданий во всем мире, поскольку материалом для работы послужили журналы, выпускаемые на территории Европы. Также именно на примере изданий данной сферы возможно четко увидеть влияние глобализации на язык и мышление людей разных стран, что приводит к унификации ономастических моделей гемеронимов.

Процесс появления какого-либо названия является продуктом искусственной номинации, то есть результатом «осознанного и целенаправленного номинативного акта, ориентированного на априорную узуализацию созданной номинативной единицы» [3, 4], что обуславливает ряд особенностей, им присущих. С одной стороны, авторы пользуются определёнными моделями, «традициями» в нейминге, с другой – отбирают названия, ориентируясь на концепцию и читателей конкретного издания. Однако, как мы затем увидим, данные способы не всегда характерны для выбранных нами изданий.

В работах, посвященных гемеронимам, подчеркивается их ориентация на рекламу. Так, О.И. Федосова отмечает, что «гемеронимы выполняют не только информационную, но и ярко выраженную рекламную функцию, что ведет к многочисленным переименованиям, обусловленным изменениями в политической жизни или расширением сферы распространения печатного издания» [8, 78]. Более того, И.В. Крюкова также подчёркивает принадлежность многих разрядов к языку рекламы, что «позволяет отнести их к особой категории рекламного имени», что обуславливает креативностью некоторых примеров и их несвязанность с общепринятыми нормами [4, 171].

Периферийные омонимы, то есть «разряды имен собственных, которые называют не всегда четко отграниченные друг от друга материальные объекты, иногда даже серии объектов, идентичных или объединённых общей тематикой или идеей» [4, 171], отличаются двуплановостью семантики, что обусловлено их важной социальной, рекламной и информативной функциями. Из-за этого возрастает важность доономатического значения – «это соотнесённость названия со значением слова, положенного в его основу и отражающее различные свойства денотата, как прямо, так и косвенно, через метафоры» [4, 173]. Данную отличительную черту мы также наблюдаем среди выбранных нами гемеронимов, поскольку этот аспект позволяет лучше охарактеризовать направленность издания, а также заинтересовать читателя. Интересно, что данный принцип наиболее характерен для самых известных журналов, посвящённых культуре и моде. Так, слово «vogue», которое с французского переводится как «мода», легло в основу названия культового журнала «VOGUE», выпускаемого с 1892 года. Название журнала отражает его содержание: материалы посвящены обзору новых тенденций в мире искусства, а в частности одежды. Такое же средство было использовано при создании еще одного французского еженедельного журнала о моде, здоровье и красоте «Elle», который выпускается с 1945 года. С французского данная лексема переводится как личное местоимение «она», что отражает ориентированность издания на женскую аудиторию. Таким образом, мы видим, что достаточно часто в основу названия издания о моде положен культурный стереотип о центральном месте Франции в мире моды, что обуславливает использование слов французского языка.

Однако не только французский, но и английский язык используется для создания гемеронимов. Так, слово «glamour», обозначающее «очарование, волшебство», легло в снову ещё одного культового журнала о моде, выпускаемого с 1939 года в США, – «Glamour». Данное издание в основном сосредоточено на жизни современной женщины, что также можно связать со значением слова. Также журнал «Nasty», посвящённый, как признаются его создатели, другой, более мрачной и часто скрытой стороне глянца, отличает достаточно экстравагантный и радикальный контент. Данный факт обыгрывается и названием, поскольку с английского «nasty» означает «мерзкий, грязный, непристойный». Ещё одним примером, характеризующим влияние доономастического значения на выбор имени, является авторитетный англоязычный журнал «Kaleidoscope», который посвящён искусству. Сайт и печатные версии, которые выходят раз в полгода, представляют собой множество работ самых выдающихся художников, фотографов, дизайнеров и мастеров вижуал-арта, то есть напоминают «собрание пёстрых глав» – калейдоскоп.

Такой прием также можно связать с «отобъектными интенциями», то есть «стремлениями авторов в первую очередь отразить свойства обозначаемого объекта», что характерно для процесса искусственного нейминга [8, 79]. Однако также стоит учитывать и «отадресатные интенции», то есть желания авторов «предугадать, учесть и отразить в названии интересы и вкусы адресата». Причём важно не только желание создателей, но и усилия реципиентов, поскольку от них требуются определённые знания, которые в нашем случае связаны с историей поп-культуры и современного состояния языка. Такой «симбиоз» приводит к возникновению интересных образов и названий, что особенно важно для выбранной нами группы гемеронимов в связи с их тематикой.

Так, например, название журнала «Sicky», посвящённого футуристичным фотосессиям, требует от читателя знания современного сленга, поскольку в американском варианте английского слово «sick» характеризует какую-то очень интересную и нестандартную вещь, что никак не может быть сопоставимо с основным значением данной лексемы – «больной». Как мы видим, реципиенту необходимы определённые знания, чтобы предугадать контент издания.

Ещё одним примером взаимодействия читателя и автора может служить название лондонского проекта «PIBE», который расшифровывается как «Play It By Ear». Данная фраза в переводе с английского означает «действовать в зависимости от обстоятельств», что связано с материалом, выпускаемым издательством. Кроме интересных подборок фотосессий, предметов искусств и современного творчества молодых авторов, издательство выпускает тексты, посвящённые жизни в новом, более быстром и постоянно изменяющемся обществе, то есть показывает, как можно поступать в той или иной ситуации.

Такие же тенденции заметны в названии еженедельного журнала о моде «Marie Claire», выпускаемого с 1937 года. В качестве источника вдохновения было взято название романа французской писательницы Маргариты Оду – «Мари-Клэръ», который повествует о жизни женщины, что сходно с концепцией издания. Однако сейчас этимология гемеронима является скрытой, то есть является примером «стертой метафоры» (Лакофф).

Кроме того, британское издание «No substance» является примером использования «отадресатных интенций». С английского данное словосочетание переводится как «отсутствие материи», что связано с популярной среди молодёжи концепцией минимализма, которую также отражает и название издательства, и контент, который оно выпускает.

Также «отадресные тенденции» прослеживаются в названии инди-журнала «Teeth». Лексема «teeth» имеет два значения: привычное всем «зубы» и менее известное «влияние». Именно вторичное значение лежит в основе издания, поскольку оно посвящено красоте и силе различных людей.

Ещё один пример взаимодействия авторов и читателя можно увидеть в названии известного британского журнала о моде и светской жизни «Tatler». С английского лексема «tatler» переводится как «болтун, сплетник», что в полной мере отражает концепцию издания: его материалы в основном посвящены событиям из жизни известных людей той или иной страны.

Однако не всегда возможно сразу же определить данный прием. Примером может служить название британского журнала «Schon», которое посвящено не только концептуальным фотосессиям, но и аналитическим статьям о современной культуре и красоте. Страна издания журнала – Англия – наталкивает читателя на поиск значения в английском языке. Но ответ кроется в немецком языке, где лексема «schön» означает прилагательное «красивый». Скорее всего, данный прием был использован, чтобы показать связь двух культур и целого мира, а также для обмана уже привыкшего к английскому языку читателя.

Такая же интересная ситуация попытки обмана читателя может быть замечена в названии копенгагенского проекта «Dansk», который сконцентрирован на лаконичных съемках о различных людях. Читатель по привычке ищет «ключ» в английском языке. Однако выбор названия связан со страной выпуска: «dansk» с датского переводится как «датский». То есть авторы издания решили подчеркнуть его национальный характер с помощью названия.

Таким образом, чтобы правильно понять концепцию различных изданий и их названий, в которых прослеживаются «отадресатные интенции», иностранному читателю необходимо достаточно хорошее владение иностранным языком, знание контента и культуры.

Однако не всегда возможно точно объяснить, каким принципом руководствовались авторы при выборе названия того или иного издания, поскольку процесс нейминга искусственен. Также само направление журналов – искусство и мода – определяют креативность и необычность некоторых названий.

Так, например, не совсем понятен выбор названия журнала «Cake». Данное слово с английского переводится как «пирог». Возможно, выбор такой лексемы это обусловлен тем, что издание посвящено атмосфере 90-х, но нам пока не кажется возможным соотнесение этих понятий в данном названии.

Не менее интересным является издание «Knots», слово в названии которого переводится двояко – «сучки» или «узлы». В это время издание посвящено моде, культуре и музыке, хотя внешний вид платформы напоминает фотоальбом, в котором присутствуют не только оригинальные фотосессии, но и снимки других изданий. Так, не совсем ясно, как и в предыдущем случае, чем обусловлен выбор данного слова для названия журнала.

Итак, названия средств массовой информации могут быть объединены в отдельный разряд ономастической лексики – гемеронимы, поскольку они характеризуются способностью к индивидуальной номинации. Однако выбранная нами сфера, обслуживаемая гемеронимами, – мода и искусство – значительно влияет на выбор названия. Так, первые крупные журналы о моде имели тенденцию к номинации на французском языке, что связано с историческими традициями (Франция, мода, платья и т.д.) и со стереотипным представлением обо все еще сохраняющейся этой традиции. Глобализация изменила эту траекторию, и теперь появляется все больше номинаций на английском языке («No substance», «Elle», «Nakid» и другие). Однако зафиксированы случаи нейминга на менее частотных языках (датском и немецком), что можно объяснить намеренной отадресной интенцией и языковой игрой создателей журнала.

Литература

1. Васильева, О.А. Ономастическое поле зоонимов с гиперсемой «Свинья»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / О.А. Васильева; ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет». – Уфа, 2019. – 214 с.

2. Врублевская, О.В. Языковая мода в русской ономастике: автореф. дис. ... док. филол. наук: 10.02.01 / О.В. Врублевская; Волгоградский государственный социально-педагогический университет. – Волгоград, 2017. – 430 с.

3. Голомидова, М.В. Искусственная номинация в русской ономастике / М.В. Голомидова // Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург, 1998. – 232 с.

4. Крюкова, И.В. Периферийные разряды в ономастике / И.В. Крюкова // Теория и практика ономастических и дериватологических исследований. – 2017. – С. 169–183.

5. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – М.: Наука, 1988. – 192 с.

6. Суперанская, А.В. Возвращаясь к общей теории имени собственного / А.В. Суперанская // Номинация. Предикация. Коммуникация: сб. статей к юбилею проф. Л.М. Ковалёвой. – Иркутск, 2002. – С. 7–19.

7. Супрун, В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественный потенциал: монография / В.И. Супрун; Министерство образования Российской Федерации. Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград: Перемена, 2000. – 171 с.

8. Федосова, О.И. Лингвистический статус гемеронима (на материале российский и британских названий СМИ) / О.И. Федосова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2010. – №5. – С.76–80.

9. Федотова, Т.В. Ономастическая номинация в медиасфере Кубани / Т.В. Федотова // Вестник Курганского государственного университета. – 2019. – №2. – С. 47–52.

В.В. Дащинский
Волгоградский государственный социально-педагогический университет
e-mail: vladmessiya@mail.ru
Научный руководитель: Супрун В.И., доктор филологических наук, профессор

УДК 811.161.1+81.373.2+81.42

Ономастическая игра в «Баклужинском цикле» Е.Ю. Лукина

Ключевые слова: *Е.Ю. Лукин, «Баклужинский цикл», идиостиль, ономастическая игра, аллюзивный принцип языковой игры.*

В статье осуществляется исследование ономастической игры в творчестве волгоградского писателя-фантаста Е.Ю. Лукина (р. 1950). Выявляются функции ономастической игры, способы и приёмы её создания. Ономастическая игра рассматривается как идиостилевая черта, характерная для многих произведений, входящих в «Баклужинский цикл».

V.V. Dashchinsky
Volgograd State Socio-Pedagogical University

Onomastic game in the “Bakluzhin cycle” by E.Yu. Lukin

Key words*: E.Yu. Lukin, "Bakluzhinsky cycle", idiostyle, onomastic game, allusive principle of language game.*

The article is studies the onomastic game in the work of the Volgograd science fiction writer E.Yu. Lukin (b. 1950). The functions of the onomastic game, methods and techniques of its creation are revealed. The onomastic game is considered as an idio-style feature characteristic of many works included in the “Bakluzhinsky cycle”.

Популярному на сегодняшний день феномену «языковой игры», в том числе игровому полю художественного текста посвящены исследования Е.А. Земской [6], Т.А. Гридиной [3], В.З. Санникова [18], Б.Ю. Нормана [16] и др. В рамках разновидностей ЯИ некоторые языковеды выделяют ономастическую игру (далее ОИ) / онимную игру (по мнению Н.В. Мудровой, второе словосочетание «представляется более удачным» [15, 35]), под которой мы вслед за Т.И. Гридиной будем понимать языковую игру, «в основе которой лежит способность говорящих к актуализации ассоциативного потенциала имен собственных с целью создания особого мотивационного контекста их восприятия» [2, 234]. В таком контексте восприятия имени собственного «задействованы коннотативные параметры его семантики, актуализирующие лингвокреативные механизмы деятельности читателя по “восстановлению” (дешифровке) интенциональных идиостилевых интенций автора» [20, 21]. Идиостилевые интенции автора в первую очередь определяются направлением и жанром, в которых творит писатель. В настоящей работе предпринимается попытка проанализировать онимическое пространство «Баклужинского цикла» (1990–2015) Е.Ю. Лукина в аспекте ономастической игры. Евгений Юрьевич Лукин (р. 1950) – волгоградский писатель-фантаст, известен работами в жанрах юмористической, сатирической фантастики (лауреат многочисленных наград и премий в этой литературной области), что предопределяет установку на реализацию игровой стихии.

Общепризнанным в литературной ономастике является положение о том, что онимическое пространство художественного текста является одной из детерминант идиостиля писателя. Имена собственные как результат лингвокреативной деятельности писателя часто становятся «проводниками» эстетического или иного содержания, реализуясь через механизмы языковой игры. Как известно, «заглавия произведений, а также их частей, глав, разделов – это собственные имена» [7, 39], они оказываются сильной позицией в тексте, поэтому первый уровень проявления ОИ нередко связан именно с библионимами (хрематонимами в терминологии Ю.А. Карпенко), например, в «Баклужинском цикле» мы встречаем заглавия, реализующие аллюзивный принцип языковой игры (отметим, что этот принцип *ведущий*, что доказывается, например, и преобладанием интертекстовых антропонимов): «Интерпретационный вектор аллюзивной игры определяет новые ракурсы восприятия прецедентной символики, создавая и поддерживая смысловую многомерность художественного произведения» [4, 37]. В качестве «чужого слова» (М.М. Бахтин) часто используются прецедентные феномены (тексты, высказывания, фигуры речи и т.д.). Например, в следующих названиях: «*Идеалище поганое», «Кавалер Глюк», «Разочарованный странник»* (ср. «Очарованный странник» Н.С. Лескова, *«Прометей Прикопанный»* («Прометей прикованный» античного драматурга Эсхила), *«Гонка за черепахой»* (апория Зенона), *«Проклятьем заклейменный»* (строка из Интернационала), *«Точка сборки»* (эзотерическое понятие из книги К. Кастанеды «Магические пассы» [8, 12], в тексте колдун Ефрем Нехорошев объясняет его своему юному ученику), *«Тридцать три головы молодецкие»* – в этом библиониме число отсылает к 33 богатырям сказки А.С. Пушкина «Сказка о царе Салтане», но следует учитывать и дополнительное прочтение, мотивированное словосочетанием *три головы молодецкие,* которое можно встретить у В.И. Даля в словарной статье к лексеме *зарекать*: «Клад кладется с зароком, а зароку кладется на него, примером, *три головы молодецкие*» [5, 682] (Курсив наш. – *В.Д.*). Сюжет же рассказа строится на поиске клада в Аномальной зоне: «А ты знаешь, что там две экспедиции пропали? – зловеще осведомился эксплуататор вечного двигателя. – Клад-то – заговорённый… На тридцать три головы, между прочим! Молодецких, самолучших…» [11, 28]. В заглавии рассказа «*Идеалище поганое*» очевидна аллюзия на имя фольклорного персонажа, врага земли русской, – Идолище поганое. Содержание рассказа позволяет говорить об этом народно-поэтическом образе, но с учётом его авторской трансформации: Идолище поганое – это политическая мифологема «образа

внешнего врага», но в рассказе это и нечто другое: «Посетители обычно принимали странное изделие за символ Луны или Солнца – им и в голову не могло прийти, что перед ними славянский языческий идол, божество Колобог, представлявшееся нашим предкам в виде шара, центр которого находится везде, а окружность – нигде. В раннехристианских источниках подобные истуканы известны под именем Идеалища Поганого» [11, 260]. В приведённой цитате содержится интертекстовое включение: метафорическое выражение «божество… в виде шара, центр которого находится везде, а окружность – нигде» (в различных своих вариациях) приписывается разным философам (Тимею Локрскому, Ксенофану, Пармениду, Г. Трисмегисту, Н. Кузанскому, Паскалю и др.), претекстом, включающим историю этой метафоры, становится очерк Х.Л. Борхеса «Сфера Паскаля». Со времён античных философов круг признавался совершенной, *идеальной* фигурой. В данном рассказе, искусственный антропоним Идеалище образован от апеллятива «идеал» с помощью аугментативного суффикса *-ищ*. Характеризующий антропоним элемент «поганый» (‘языческий’). В этом примере, как и во многих других, точнее говорить об интертекстовой деривации, которая определяется М.Е. Ляпидовской «как процесс и результат образования интертекстовых антропонимических единиц вследствие креативного перенесения в текстреципиент сверхсловных и однословных единиц претекста» [14, 22] (в нашем случае результат образования библионимов). Рассказ «Кавалер Глюк» «воскрешает» в памяти читателей название одноимённой дебютной новеллы немецкого писателя Э.Т.А. Гофмана (от немецкого текста сохраняютя концепция двоемирия, правда, уже не романтического, а фантастического, а также романтическая ирония). Ономастическая игра связана с омонимическим обыгрыванием библионима. В произведении волгоградского фантаста слово *глюк* не собственное имя, а имя нарицательное: ‘сленг мол. субъективно приятные галлюцинации, вызванные эффектом воздействия спиртных напитков или наркотиков’ [9, 34]; данный апелятив подвергается контекстуальной онимизации, в результате которой начинает функционировать как искусственный антропоним (прозвище): «Тебе только кажется, что ты выходишь в астрал, – свысока пояснила столичная штучка. – У колдунов, особенно из глубинки, это часто… – Усмехнулась и добила: – Кавалер Глюк…» [11, 293]. Контекстуальная ономизация апеллятива в рассказе «Ответное чувство» становится сюжетообразующей. Так, один из персонажей, Митрич, огорчённый равнодушием со стороны возлюбленной, несмотря на его готовность умереть за неё, полностью отдать себя ей, оградить её от жуликов и карьеристов, которые «её, дурёху, обирают!» [11, 89], обращается за помощью к колдуну Ефрему Нехорошеву, нередко практикующему привороты. От закономерного вопроса: «Как её зовут?» герой приходит в смущение: «Родина… – с запинкой выговорил тот». – Колдун поморщился. – «Фамилия мне не нужна. Имя давай». – Клиент растерялся окончательно. – «Ну так… Какое тут имя? Отчизна…» [Там же. 90] (эксплуатируется и явление омонимии: столкновение собственного и нарицательного значения слова). Комизм ситуации придаёт и тот факт, что Митрич, соблюдая семиотику приворота, приносит фотографию – снимок родины со спутника. Языковая игра в названиях произведений во многом, прогнозирует содержание сюжета, определяет горизонт читательских ожиданий и вектор возможных интерпретаций. Практически для всех произведений, входящих в исследуемый цикл, характерна определённая *рама произведения*: 1) как правило, аллюзивное заглавие, однако в большинстве случаев аллюзивная функция закреплена за эпиграфами или антропонимами и топонимами; 2) обязательный эпиграф, выполняющий сюжетообразующую и прогнозирующую функции. В качестве авторов одного из эпиграфов (одновременно внесценического персонажа) упоминается некий *Великий Нгуен* – в одном из интервью волгоградский фантаст сообщил, что Великий Нгуен – это анаграмма (зашифровка имени и фамилии писателя – **ВЕ***лик***ИЙ** ***Н*Г***у***ЕН** = Евгений Лукин).

Организация «ядерного» и «периферийного» ономастического поля в произведениях писателя также связана с установкой на ОИ. Частым приёмом, обыгрывающим внутреннюю форму онима и обусловливающим игровую направленность имён собственных, становится «говорящая» характеристика (рассчитанная на комический эффект или сатирическую интерпретацию). Например: 1) в сфере антропонимии: *Ефрем Нехорошев, Капитон Недоступин, Ника Невыразинова, Корней Челобийцын, Андрон Дьяковатый, Савелий Сирота, Захар Чертооседлов, Фёдор Непалимый, Лаврентий Неудобняк*, *Парамон Сидорович Кирдык*. Апеллятив-приложение – значимый компонент социальной и личностной характеристики персонажа: *Колдун Нехорошев, полковник Лютый, художник Леонтий Досюда*; «семантический конфликт», передающий амбивалентную оценку персонажа автором: а) между апеллятивом и именем: *генерал Пехотинцев*; б) между мирской и церковной формой: *Питирим* (в быту Кудеяр) – в этом примере соединяются некрасовские «честный инок» и атаман-разбойник Кудеяр, оборотническая сущность запечатлена и должностном статусе персонажа: духовный сан – митрозамполит (ср. митрополит), в миру – нарком инквизиции; антропонимическая антитеза – *Ада Кромешновна, Рая Земнова* – контаминационный способ создания имени, содержащий аллюзию на фразеологизмы «ад кромешный» и «рай земной». 2) в сфере топонимии – *район Божемойка* (Е.Ю. Лукин в беседе с нами на вопрос, было ли это название придумано или заимствовано, отвечал: «Первый раз я встрепенулся, когда услышал замечательную песню Михаила Щербакова “Где ты был, – когда разведка полем шла, всего пугаясь…”. И вот там, значит, финал такой: «Боже мой. Прибил над койкой лозунг я: “Не божемойкай”» … А потом мне кто-то сказал (я ничего не проверял), что где-то в Сибири Божемойка случается». Нам, однако, не удалось в имеющих словарях зафиксировать данный топоним, что, конечно, не отменяет возможное его существование), *площадь имени Жертв Справедливости, посёлок Прикольный, станции Красный Воруй и Обум-Товарная, река Ворожейка*. Встречается и обыгрывание прецедентного высказывания: «Редкая птица долетит до середины Чумахлинки – снимут влет» [10, 13] (Чумахлинка – река, служащая границей между государствами Баклужино и Лыцк). Обыгрывается категория числа имени собственного: «Сложность в том, – озабоченно добавил он, – что на свете есть несколько Понерополей, и каждый, так сказать, претендует на подлинность. Мало того, есть вообще не Понерополи, которые тем не менее претендуют…» [12, 96] – в данном контексте топоним *Понерополи* свидетельствует о существовании нескольких одноимённых объектов, в то же время плюральная форма используется «в шутливом или неодобрительном контексте» [19, 21].

Игру с онимами можно проследить на разных языковых уровнях: **1. Графический:** совмещение элементов одного языка, но разных хронологических периодов (*ер* в конце слова): фирмы «*Ограбанкъ», «Дискомфортъ»,* сатирическая газета *«ПсихопатЪ»*; обыгрывание аббревиатур (эргонимов): *МОПС* – Министерство охраны правопорядка Суслова (ср. с *мопс* – ‘порода комнатных собак с большой круглой головой, укороченной мордой и короткой шерстью; собака такой породы’ [1, 556], *ОМОН* - отряд медработников особого назначения, *СМЕРК* – Смерть колдунам (аллюзия на СМЕРШ), *Юннаты* – юные натуралы, *Комсобогомол* – Коммунистический союз богобоязненной молодежи (идеологически оксюморонное сочетание; онимическое средство помогает выразить квазирелигиозную сущность организации и государства, в котором она действует – православного социалистического Лыцка); **2. Лексический:** окказиональное калькирование: «А-ды-ге-я!.. – надрывался вскочивший на стул живчик. – Русский язык вторым государственным языком объявила! С англоязычием борется! Столицу свою Майкоп в Моймент переименовала! [13, 62]; обыгрывание межъязыковых омофонов (ономастический каламбур): «Видок! – саркастически подытожил Артём». – «У кого? – подозрительно

переспросил дылда и на всякий случай оглядел далеко не безупречные стрелки на собственных брюках». – «Да не у кого, а Эжен Франсуа Видок – Артём осклабился» [Там же. 50]. *Видок* – коннотативное имя: ‘Сокращенное имя Франсуа-Эжен Видока (1775-1857) [17, 104], шефа парижской сыскной полиции, который в молодости был преступником’ / Видок – ‘Разг. Ирон. О внешнем виде человека’ [19, 250]; **3. Словообразовательный:** игровая префиксация (магазин «*Противотовары»*) и др.

Подводя итоги, можно утверждать, что ономастическая игра – одна из стилевых черт «Баклужинского цикла», создающая комическую (иронико-дискредитирующую), оценочно-характерологическую направленность его произведений. Лингвокреативная деятельность автора, направленная на актуализацию ассоциативного и коннотативного потенциала онимов, использует для этого различные способы и приёмы: обыгрывание внутренний формы онима, игры с аббревиатурами, контекстуальная онимизация, интертекстовые деривации и др.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПБ.: Норинт, 2000. – 1536 с.
2. Гридина, Т.А. Ментальные ориентиры ономастической игры в малых фольклорных жанрах / Т.А. Гридина // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. – Вып. 4. – Екатеринбург, 2001. – № 20. – С. 234–240.
3. Гридина, Т.А. Языковая игра в художественном тексте: монография / Т.А. Гридина. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2008. – 165 с.
4. Гридина, Т.А. Оценочный потенциал языковой игры в художественном тексте (на материале ранних рассказов Т. Толстой) / Т.А. Гридина // Филологический класс. – 2011. – №1. – С. 37–40.
5. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – М.: РИПОЛ классик, 2006. – 752 с.
6. Земская, Е.А. Русская разговорная речь: (Фонетика. Морфология. Лексика. Жесты) / Е.А. Земская, М.А. Китайгородская, Е.Н. Ширяев. – М.: Наука, 1983. – 236 с.
7. Карпенко, Ю.А. Имя собственное в художественной литературе / Ю.А. Карпенко // Филол. науки. – М.: 1986. – № 4. – С. 34–40.
8. Кастанеда, К. Магические пассы: Практическая мудрость шаманов древней Мексики / К. Кастанеда. – М.: КОР; ЭКСМО-Пресс, 2000. – 336 с.
9. Комлев, Н.Г. Словарь новых иностранных слов / Н.Г. Комлев. – М.: Изд-во МГУ, 1995. – 144 с.
10. Лукин, Е.Ю. Алая аура протопарторга. Катали мы ваше солнце / Е.Ю. Лукин. – М.: АСТ, – 2005. – 573 с.
11. Лукин, Е.Ю. Юность кудесника: [фантаст. рассказы] / Е.Ю. Лукин. – М.: АСТ Хранитель, 2007. – 414 с.
12. Лукин, Е.Ю. Понерополь / Е.Ю. Лукин // Грехи наши тяжкие: [сборник]. – М.: АСТ, 2016. – 221 с.
13. Лукин, Е.Ю. Лечиться будем / Е.Ю. Лукин // Если. – 2008. – №3. – С. 48–88.
14. Ляпидовская, М.Е. Антропонимы в творчестве Н.С. Лескова (когнитивный и деривационный аспекты): дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / М.Е. Ляпидовская. – СПБ. – 2007. – 197 с.
15. Мудрова, Н.В. Онимная игра как средство поэтики собственных имен: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Н. В. Мудрова. – Горловка, 2008. – 184 с.
16. Норман, Б.Ю. Игра на гранях языка / Б.Ю. Норман. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 344 с.
17. Отин, Е.С. Словарь коннотативных собственных имен / Е.С. Отин. – Донецк: ООО «Юго-Восток, Лтд», 2004. – 412 с.
18. Санников, В.З. Русский язык в зеркале языковой игры / В.З. Санников. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 547 с.
19. Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред. К.С. Горбачевич. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1991. – 960 с.
20. Супрун, В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.01 / В.И. Супрун; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2000. – 76 с.
21. Шебалов, Р.Ю. Ономастическая игра в художественном тексте (на материале ранних рассказов А.П. Чехова): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Р.Ю. Шебалов; Ур. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2004. – 24 с.

Ю.А. Денисова
Волгоградский государственный социально-педагогический университет
e-mail: denisova.julia63@gmail.com
Научный руководитель: Супрун В.И., доктор филологических наук, профессор

УДК 811.161.1 + 81.373.2 + 81.42

Имена собственные в творчестве Ю.Г. Тупицына

Ключевые слова: *ономастика, Тупицын, имя собственное, антропоним, топоним, фитоним, зооним, название средства передвижения*

Статья посвящена рассмотрению ономастических единиц в творчестве волгоградского писателя-фантаста Ю.Г. Тупицына. Выделены имена собственные в произведениях «В дебрях Даль-Гея», «Сказка о любви, XXIII век», «Синий мир», «Дальняя дорога». Анализ ономастических единиц показал, что в своём творчестве Ю.Г. Тупицын использовал следующие ономастические единицы: антропонимы, топонимы, фитонимы, зоонимы и названия средств передвижения. Антропонимы преобладают и могут как подчёркивать черты характера и внешности героев, так и не соответствовать им. Также они выполняют номинативную и экспрессивную функции. Топонимы, фитонимы, зоонимы и названия средств передвижения соответствуют объектам именования и выполняют номинативную и экспрессивную функции.

Yu.A. Denisova
Volgograd State Socio-Pedagogical University

Proper names in the works of Yu.G. Tupitsyn

Key words: *onomastics, Tupitsyn, proper name, anthroponym, toponym, phytonym, zoonym, name of vehicle.*

The article is devoted to the consideration of onomastic units in the work of the Volgograd science fiction writer Yu. G. Tupitsyn. Proper names are highlighted in the works "In the wilds of Far-Gay", "A tale of love, XXIII century", "Blue World", "Long Road". The analysis of onomastic units showed that in his work Yu. G. Tupitsyn used the following onomastic units: anthroponyms, toponyms, phytonyms, zoonyms and names of vehicles. Anthroponyms prevail and can both emphasize the character traits and appearance of the characters, and do not correspond to them. They also perform nominative and expressive functions. Toponyms, phytonyms, zoonyms and names of vehicles correspond to the naming objects and perform nominative and expressive functions.

В русском языке существует разделение имён существительных на имена собственные и имена нарицательные. Согласно «Словарю лингвистических терминов» Ахмановой О.С., имя существительное – это «слово или словосочетание, специфическим назначением которого является обозначение индивидуальных предметов безотносительно к их признакам, т.е. без установления соответствия между свойствами обозначаемого предмета и тем значением (или значениями), которое имеет (или имело) данное слово или словосочетание» [1, 170]. Данные лингвистические единицы «представляют собой значительный пласт лексического состава, отличающийся от нарицательных (апеллятивов) объемом понятия, суженным до одного объекта» [2, 4].

Наука, изучающая имена собственные, называется ономастикой. Кроме того, данным термином обозначается не только «комплексная наука об именах собственных», но и «сами имена собственные (в последнем значение употребляется также термин «онимия»)» [3, 8].

Один из разделов ономастики связан с изучением специфики имён собственных в художественных текстах и называется, литературной, или поэтической, ономастикой [2, 4].

В художественных текстах имена собственные выполняют ряд функций:

1. Номинативная. «Давая конкретные, пусть даже самые распространенные, собственные имена персонажам, писатель неизбежно индивидуализирует их, а читатель закономерно идентифицирует художественный образ с тем или иным лицом» [4, 272].

2. Стилистическая. Данная функция подразделяется на информационно-стилистическую и эмоционально-стилистическую. Суть информационно-стилистической функции заключается в наличии у имени собственного внутренней формы, которая является выразителем информационно-стилистических смыслов. Эмоционально-стилистическая функция отвечает за формирование у читателя определённого отношения к изображаемому [2, 19–20].

3. Экспрессивная. Писатель ориентируется на ряд факторов, способных создать экспрессию в именах собственных: «1) отчетливая внутренняя форма имен собственных, созданных писателем, способная охарактеризовать персонажи и выразить какую-либо их оценку; 2) так называемые «бракованные», малоупотребительные и не любимые народом имена; 3) совпадение имени персонажа с именем собственным известного исторического, мифологического лица или другого литературного персонажа; 4) экспрессивность фонетического строя имени собственного, звуковая «изобразительность», создаваемая, например, повторами слогов, отдельных звуков, использованием эмоционально окрашенных звукосочетаний» [2, 22–23].

Существует несколько классификаций имён собственных:

I. Именования объектов, воспринимаемых как живые:

1. Антропонимы – имена собственные, которые «относятся к именованию людей» [3, 37–38]. Они подразделяются на индивидуальные и групповые антропонимы.

2. Зоонимы. К данному виду относятся наименования животных. Среди них также существуют индивидуальные (клички) и групповые наименования животных, относящиеся ко всему виду в целом.

II. Именования неодушевлённых предметов:

1. Топонимы. К данной категории имён собственных относятся географические объекты. К объектам, расположенным на сухопутной поверхности Земли (территории), относятся: оронимы (названия гор и возвышенностей), спелионимы (названия пещер), фитонимы (названия растений), ойконимы (названия населённых пунктов). К объектам, составляющим водную поверхность Земли (акваторию), относятся: пелагонимы (названия морей), лимнонимы (названия озёр), потамонимы (названия рек). Собирательно водные объекты именуются гидронимами. К категории имён собственных, обобщённо именуемой астронимией, относятся астронимы (названия звёзд, планет, астероидов). Также отдельную категорию имён собственных составляют названия средств передвижения, не имеющие специального термина [3, 39–41].

В творчестве Ю.Г. Тупицына выделены следующие виды имён собственных:

1) Антропонимы:

Иван Лобов. Иван – имя, часто встречающееся в русских народных сказках. В произведении «Сказка о любви, XXIII век» герой спасает Лену Зим, находящуюся в состоянии «розового сна», что напоминает мотив спасения царевны из заточения. Фамилия Лобов образована от слова «лоб», что указывает на высокий интеллект героя. Антропоним выполняет номинативную (называет объект) и экспрессивную функцию (частично совпадает с именем сказочного персонажа; выражена внутренняя форма антропонима, характеризующая героя).

Алексей Кронин. Алексей – греческое по происхождению имя, означающее «защитник». Оно находит воплощение в желании героя увезти на Землю Кайну Стан –

жительницу Даль-Гея, оставаться на котором было небезопасно. Фамилия Кронин образована от слова «крона». Крона – верхняя часть дерева, одной из функций которой является защита. Антропоним выполняет номинативную (называет объект) и экспрессивную функцию (выражена внутренняя форма антропонима, характеризующая героя).

Всеволод Снегин. Фамилия Снегин образована от слова «снег» и связана с холодноватым характером и внешностью героя: «Подтянутый, синеглазый, с молодым загорелым лицом и белой как снег головой, Снегин в свои сорок лет был по-настоящему красив»; «Но холодноватый, чуть надменный Снегин, казалось, совсем не замечал этих знаков внимания» (Ю. Тупицын. «В дебрях Даль-Гея»). Антропоним выполняет номинативную (называет объект) и экспрессивную функцию (выражена внутренняя форма антропонима, характеризующая героя).

Тур Хаасен. Тур – скандинавское по происхождению имя, созвучное с именем Тора – бога грома в германо-скандинавской мифологии. Имя и фамилия Тур Хаасен могут быть отсылкой к норвежскому путешественнику и учёному-археологу Туру Хейердалу. Антропоним выполняет номинативную (называет объект) и экспрессивную функцию (частично совпадает с именем исторического лица).

Дин Самсонов. Фамилия Самсонов образована от древнееврейского имени Самсон. Может быть отсылкой к библейской легенде о силаче Самсоне и Далиле, по наущению филистимлян выведавшей у него секрет его физической силы. В произведении «В дебрях Даль-Гея» герой предаёт землян и становится шпионом преступной организации Яр-Хис, таким образом по отношению к земному консульству выступая в роли Далилы. Антропоним выполняет номинативную функцию (называет объект) и экспрессивную (частично совпадает с именем мифологического лица).

Фёдор Лорка. Лорка – испанская фамилия. Имя и фамилия Фёдор Лорка могут содержать отсылку к испанскому поэту и драматургу Федерико Гарсиа Лорка. Антропоним выполняет номинативную (называет объект) и экспрессивную функцию (совпадает с именем исторического лица).

Александр Сергеевич Соколов. Имя и отчество являются отсылкой к русскому поэту Александру Сергеевичу Пушкину, что отмечает Фёдор Лорка, главный герой романа «Дальняя дорога»: «Да, несколько старомодно, зато здорово – Александр Сергеевич! Так и хочется встать, снять шляпу и продекламировать что-нибудь «Я помню чудное мгновенье – передо мной явилась ты» (Ю. Тупицын. «Дальняя дорога»). Антропоним выполняет номинативную (называет объект) и экспрессивную функцию (совпадает с именем исторического лица).

Тимур Корсаков. Тимур – имя тюркского происхождения, распространено на Северном Кавказе. Фамилия Корсаков образовано от слова «корсак». Корсак – млекопитающее животное рода лисиц, одним из реалов обитания которого является Северный Кавказ.

Виктор Хельг. Виктор – имя латинского происхождения, означающее «победитель». В произведении «Дальняя дорога» данное имя вступает в противоречие с неосуществившимся желанием героя стать командиром экспедицию на далёкую планету: «Хельга выдвигали и в кикианскую экспедицию. И опять завалили!» (Ю. Тупицын. «Дальняя дорога»). Хельг – скандинавская по происхождению фамилия. Антропоним выполняет номинативную (называет объект) и экспрессивную функцию (выражена внутренняя форма антропонима, характеризующая героя).

Игнат Сомов. Игнат – имя латинского происхождения, означающее «огонь». Имя соответствует порывистости героя: «Ответив согласием, Игнат на радостях, как мальчишка, решил выкинуть нечто необыкновенное – в одиночку, без подстраховки, отправился брать голец Подлунный». Фамилия Сомов образована от слова «сом». Сом – рыба семейства сомовых, которая может обитать как в пресной, так и в морской воде. Фамилия контрастирует с любовью героя к горам: «Только больше всего на свете он любил

не море, как Тим и Федор, а горы». Антропоним выполняет номинативную (называет объект) и экспрессивную функцию (выражена внутренняя форма антропонима, характеризующая героя).

2) Топонимы, относящиеся к астронимам:

Орнитерра. Данное название является слиянием слов ὄρνις (др.-греч. птица) и terra (лат. земля). В произведении «Синий мир» Орнитерра населена птицами: «Разве может быть печально знаменитой планета, которая называется так романтично Орнитерра, планета птиц!» (Ю. Тупицын. «Сказка о любви, XXIII век»). Топоним выполняет номинативную (называет объект) и экспрессивную функцию (выражена внутренняя форма топонима, характеризующая местность).

Стигма. В произведении «В дебрях Даль-Гея» Стигма – земноподобная планета с космопортами и заводами далийской цивилизации, среди представителей которой – преступная организация Яр-Хис. В Древней Греции стигмой называлось клеймо на теле преступника. Топоним выполняет номинативную функцию (называет объект) и экспрессивную (совпадает с названием предмета; выражена внутренняя форма топонима, характеризующая местность).

3) Фитонимы:

Зимми. Данное название фигурирует в произведении «Синий мир» и относится к фрукту, найденному на планете Орнитерра, названному в честь одной из героинь – биолога Лены Зим и ставшему причиной нападения колибридов на героев. Фитоним выполняет номинативную функцию (называет объект) и экспрессивную (выражена внутренняя форма фитонима, характеризующая растение).

4) Зоонимы:

Колибрид. Название фигурирует в произведении «Синий мир». Образовано суффиксальным способом от слова «колибри». Колибриды имеют большие габариты по сравнению колибри: «Виктор, так это яйцо! Какое большое!» (Ю. Тупицын. «Сказка о любви, XXIII век»). Зооним выполняет номинативную (называет объект) и экспрессивную функцию (выражена внутренняя форма зоонима, характеризующая животное).

5) Названия средств передвижения:

«Торнадо». Такое название носит межпланетный экипаж в произведениях «В дебрях Даль-Гея», «Синий мир» и «Сказка о любви, XXIII век». «Торнадо» так же называлась яхта-катамаран международного класса, экипаж которой составлял 2 человека, тогда как межпланетный экипаж «Торнадо» составляет 3 человека. Название средства передвижения выполняет номинативную функцию (называет объект).

Таким образом, антропонимы преобладают в творчестве Ю.Г. Тупицына и могут как подчёркивать характер и внешность героя, так и контрастировать или вступать с ними в противоречие. Кроме того, они выполняют номинативную функцию и экспрессивную, что выражается в совпадении с историческим или мифологическим лицом или наличии внутренней формы, характеризующей объект. Внутренние формы топонимов, фитонимов, зоонимов и средств передвижения соответствуют им и также выполняют номинативную и экспрессивную функции.

Литература

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – Москва: Издательство «Советская энциклопедия», 1966. – 598 с.

2. Васильева, С.П. Литературная ономастика: учебное пособие для студентов филологических специальностей / С.П. Васильева, Е.В. Ворошилова; Красноярский гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2009. – 138 с.

3. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М., 1973. – 366 с.

4. Сызранова, Г.Ю. Ономастика: учеб. пособие / Г.Ю. Сызранова. – Тольятти: Изд-во ТГУ, 2013. – 248 с.

Т.И. Зелёнко
Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
e-mail: zelenko98@bk.ru
Научный руководитель: Королевич С.А., кандидат филологических наук, доцент

УДК 81’373.23

Образный потенциал антропонима-эталона в устойчивом сравнении

Ключевые слова: *устойчивые сравнения, эталон, антропоним, прецедентные имена, образный смысл.*

В статье исследуется состав и лингвокультурное содержание антропонимов, называющих объект сравнения, или эталон, в структуре русских народных сравнений. Описываются группы узуальных прецедентных имен с общекультурным и национально-специфическим содержанием. Устанавливается специфика представления лингвокультурных смыслов антропонима-эталона. Рассматриваются образные смыслы личного имени собственного в устойчивых сравнениях диалектного происхождения.

T.I. Zelenko
Brest State University named after A.S. Pushkin

The figurative potential of the anthroponym-standard in a stable comparison

Key words: stable comparisons, object of comparison, anthroponym, precedent names, figurative meaning.

The article describes the composition and linguistic and cultural content of anthroponyms that name the object of comparison, or the standard, in the structure of Russian folk comparisons. Groups of common case names with general cultural and national-specific content are considered. The nature of the representation of the linguistic and cultural meanings of the anthroponym-standard is established. The figurative meanings of a personal proper name in stable comparisons of dialectal origin are considered.

В современной лингвистике приоритетным направлением является изучение языка в связи с человеком в рамках когнитивно-коммуникативной парадигмы. Древнейший и до сих пор не утративший своей значения приём познания – это сравнение. Его результаты находят выражение в особых языковых средствах – устойчивых сравнениях (УС). Устойчивые сравнения (фразеологические компаративы) рождаются в коммуникации, закрепляются в языке и, по мнению исследователей, выступают одним из средств отражения когнитивной картины мира [6, 49].

Осознание значимости этих особых фразеологических единиц в языке обусловило появление интересного издания «Большой словарь русских народных сравнений» [3]. Его составители собрали здесь около 45 тысяч устойчивых сравнительных оборотов из разных источников. Поскольку УС функционирует не просто как способ наименования предметов и явлений действительности, но и как весьма яркое средство выражения оценки, складывающейся в социуме, целесообразным и актуальным видится изучение лингвокультурной ценности материалов этого источника.

Образность, экспрессивность и оценочный характер УС возникают благодаря наглядности его внутренней формы, которую обеспечивает особая структура компаративных оборотов. Исследователи выделяют в этой структуре тематическую (то, что сравнивается) и рематическую (то, с чем сравнивается) части [2, 50]. Оценка и

образное содержание в УС формируется благодаря той части, где назван объект сравнения – эталон. В роли эталона часто выступают номинации лица. Человек – существо социальное, и когда речь идет о познании его качеств, поведенческих характеристик, способностей и т.д., то логично сопоставление человека с другими людьми: *вести себя как* ***аристократ***; *везёт как* ***висельнику***; *бритый как* ***новобранец***; *красива как* ***царевна*** и др.

С нарицательными номинациями лица под влиянием экстралингвальных и собственно языковых факторов могут сближаться личные имена собственные – антропонимы. Они способны приобретать добавочные значения, или референтные коннотации, имеющие смысловой ассоциативно-образный и эмоционально-оценочный компоненты. Семантическое обогащение антропонимов происходит, как считает Е.С. Отин, благодаря более или менее регулярной востребованности в разных речевых ситуациях энциклопедической информации о денотатах и многократному выражению добавочных коннотаций в разных видах речи» [5, 55]. Сравнения также обретают статус устойчивых вследствие повторяемости в речи, потому эталон, выраженный антропонимом, способен иметь обширное лингвокультурное содержание. В устойчивых выражениях «антропоним создает эффект знакомства одного из участников речевого акта с носителем этого имени. Употребление имён свидетельствует о том, что говорящий оперирует именами собственными в пределах своей личной сферы» [7, 42–43]. И в первую очередь не как знаками идентификации лица, но как знаками характеризующими, имеющими определенный ассоциативный фон, дающими субъекту или явлению определённую оценку и формирующими образный смысл.

В собрании русских народных сравнений, изданном В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной, зафиксировано около 150 фразеологических компаративов с эталоном-антропонимом. Их можно квалифицировать как прецедентные, так как критериями прецедентности считается связанность с классическими произведениями, общеизвестность соответствующих денотатов или известность их большинству членов лингвистического сообщества; регулярная воспроизводимость; неденотативное использования того или иного имени в функции культурного знака [4, 57]. В УС личные имена собственные соответствуют этим признакам или, по меньшей мере, последним трём из них, так как «живут» в речевой деятельности активной социальной жизнью. В процессе коммуникации их содержание приобретает отпечаток общечеловеческой или национальной культуры, «прирастает» субъективными прагматическими смыслами.

Семантически обогащенные антропонимы, получившие широкую известность, квалифицируются в лингвистике как узуальные прецедентные имена. Они играют важную роль в раскрытии выраженных в сравнении образов и идей, выступают хранилищем культурной информации, так как представляют собой своего рода «свернутый текст» [1, 45]. Смысловое содержание этого «свернутого текста» (знания о носителе прецедентного имени, о ситуации, с ним связанной, о его характеристиках и т.п.) проецируются на общее значение компаративного фразеологизма в виде смысловых ассоциативно-образных и оценочных экспрессивно-эмоциональных компонентов; стилистической окраски, обусловленной сферой использования прецедентного имени.

В эталонной части УС чаще всего отмечаются историко-культурные и литературные антропонимы, распространенные в мировой культуре и литературе. Более сорока фразеологических компаративов содержат антропонимы-эталоны, восходящие к Священному Писанию. Имена *Аврам (Авраам), Авель, Адам, Голиаф, Давид, Енох, Иов, Иосиф, Каин, Нимрод, Саваоф, Самсон* имеют ветхозаветное происхождение. К Новому Завету восходят имена *Аред, Иисус* (*Исус*), *Иисус Христос, Исусик, Ирод, Иуда, Иуда Искариот, Лазарь, Пётр, Пилат, Фома (неверующий)*. В библейском выражении *беден как* ***Иов*** носитель имени выступает как эталон бедности (Бог, испытывая веру Иова, ли-

шил его именно богатства) [3, 325]. Смысл УС *целомудрен как* ***Иосиф*** мотивирован именем юноши, ставшего образцом добродетели, непорочности [3, 235]. Однако книжное сравнение *бородатый как* ***Саваоф***, включающее в эталонной части наименование Бога в Ветхом Завете, актуализирует лишь тот компонент смысла, который отсылает к представлению о внешности – о человеке с густой длинной бородой [3, 588]. Библейские имена своеобразно сказываются на стилистической окраске УС, получающих квалификацию книжных, устарелых (*охотник как* ***Нимрод***, *беден как* ***Иов***, *целомудрен как* ***Иосиф*** и др.), либо обретающих шутливый характер. Уход сравнений в пассивный запас обусловлен не только тем, что имена отсылают к преданиям, не каждому известным, но и сменой ценностных ориентиров в обществе.

Культурологическая информация новозаветного имени *Иуда* проецируется на общий смысл УС в полной мере и продуцирует ожидаемые коннотации: *жадный как* ***Иуда*** (презр. ‘об алчном человеке’); *продать как* ***Иуда*** (презр. ‘о подлеце, предавшем близкого человека’; *труситься как* ***Иуда*** *с кошельком* (презр. ‘о скаредном скупом человеке’ [3, 237]. Образное значение сравнений основано на фрагментах библейской информации, связанной с антропонимом. Примечательны в УС семантические приращения имени *Исус*. В значении выражений *сидеть (стоять) как* ***Исус [Христос]***, выступающих при характеристике скромно, тихо и смиренно сидящего (стоящего) человека, актуализируются устойчивые ассоциации с образом Христа, проповедующего любовь и смирение, продуцируются позитивнооценочные смыслы. В УС *разгоношить как* ***Исусика*** ‘раздеть догола’ эталон *Исусик* содержит отсылку к образу обнаженного младенца Иисуса, а оттенок шутливости продуцирует просторечный глагол. Сравнения, возникшие в среде пьющих людей (*как* ***Исус Христос*** *в лаптях проехал* 'о саднящем после похмелья горле’; *как* ***Исус Христос*** *на колеснице прокатился* 'об ощущении приятности от выпитого’) [3, 237], коннотируются как шутливые в силу пресуппозиций.

Прецедентные имена-мифонимы *Аполлон*, *Аякс*, *Венера*, *Геркулес*, *Икар*, *Одиссей*, *Немезида*, *Пенелопа*, *Пифия*, *Тантал*, *Эол*, *Янус* и др. также привносят в содержание сравнений общекультурную информацию, отсылая к текстам античных мифов, в которых носители этих имён отмечены определенными чертами внешности и характера. В значении УС объективируются именно книжные мифологические образы: *красив как* ***Аполлон*** ‘об идеально красивом, хорошо сложенном мужчине’ [3, 21]; *прекрасна как* ***Венера*** *‘*об идеально, классически красивой женщине’ [3, 87]; *хитроумный как* ***Одиссей*** *Книжн.* – ‘о многоопытном, изобретательном, умелом и хитром человеке’ [3, 460]; *сильный как* ***Геркулес*** ‘о человеке громадной физической силы и крепкого, атлетического сложения’ [3, 132]. Эти и другие образные выражения сохраняют книжную окраску и значение позитивной оценки. Лишь отдельных мифонимы получили дополнительные коннотации и обусловили негативный оценочный смысл УС. Например, неискренний, лицемерный человек может быть обозначен сравнением *как* ***Янус*** *двуличный* [3, 778], хотя Янусом в древнеримской мифологии просто называли двуликого бога дверей, входов, выходов, различных проходов, а также начала и конца. Устойчивое сравнение имеет помету «неодобрительное» и окрашено негативной коннотацией.

Аналогично формировался лингвокультурный смысл УС, содержащих имена литературных персонажей, пришедшие из зарубежной литературы: *Алиса, Гамлет, Гулливер, Дон Кихот, Дон Жуан, Мюнгхаузен, Отелло, Паганель, Тарзан, Улисс.* Они тоже выступают в структуре УС как смыслопорождающий и образный знак. Актуализация знаний, ассоциаций и оценок, связанных с характеристикой персонажа в исходном тексте, обеспечивает содержательность образа УС. Например, выражение *вид как у* ***Дон-Кихота*** иронически характеризует чудаковатого, несуразно длинного худого человека с рассеянным взглядом [3, 174], потому что именно так выглядит герой романа Сервантеса Дон Кихот; сравнение *ревнив как* ***Отелло*** употребляется в характеристике крайне ревнивого, вспыльчивого и мстительного

мужа [3, 471], так как имя Отелло ассоциируется именно с таким характером заглавного персонажа шекспировской драмы.

Общекультурным достоянием многих народов стали имена получивших всемирную известность участников тех или иных исторических событий, представителей искусства. Это *Демосфен, Сократ, Нерон, Цицерон, Мамай, Чингисхан, Наполеон, Маркс, Ленин, Троцкий, Геббельс, Хрущёв, Рейган, Бетховен, Паганини* и др. В сравнениях с названными антропонимами информация, связанная с носителями имён, может заполнять содержание УС, характеризуя предмет сравнения в соответствии с эталоном и привнося соответствующие оценочные смыслы (*красноречив как* ***Демосфен*** – одобр. о талантливом ораторе [3, 163]; *жестокий как* ***Чингисхан*** – неодобр. о беспощадном и самовластном человеке [3, 747]; *врать как* ***Геббельс*** (презр. о беспардонном лгуне) [3, 131] и др. В значении шутливого УС *приветствовать* (*встречать) как* ***Хрущева*** ‘о торжественном, гостеприимном, радушном приёме кого-л’ [3, 727] антропоним-эталон *Хрущев* сохраняет фрагмент культурной памяти о советском деятеле, чьё правление нередко называют «оттепелью. Выражение *глух как* ***Бетховен*** ‘о совершенно глухом человеке’ тоже актуализирует лишь часть многослойной культурологической информации, связанной с именем великого композитора.

Вторая группа культурологически значимых антропонимов в структуре УС представляет собой имена, имеющие национально-специфическое содержание. Их источник – русский фольклор (*Емеля, Еруслан, Иванушка-дурачок, Илья Муромец, Соловей-разбойник, Черномор, Яга Ягишна* и др.), тексты русской литературы (*Буратино, Евгений Онегин, папа Карло, Плюшкин, унтер Пришибеев, дядя Стёпа, Хлестаков, Чичиков* и др.), сфера общественно-культурной жизни в России и в СССР (*Аввакум, Суворов, Сусанин, Пат и Паташонок, Тарапунька и Штепсель, Челюскин* и др.). В народной памяти эти и другие имена сохранили разную культурную информацию, отразившуюся в смысловой структуре УС полностью или фрагментарно. В сравнении *сильный как* ***Илья Муромец*** лаконично, но точно зафиксирован образ могучего русского богатыря [3, 233]; сравнение *свистеть как* ***Соловей-разбойник*** ожидаемо рождает ассоциации с угрожающим или с оглушительно громким свистом [3, 642]. Однако сравнение *кос как* ***Соловей-разбойник*** актуализирует неожиданный смысл – ‘о косоглазом человеке’ (в былинном образе Соловья-разбойника есть ремарка, что Соловей-разбойник глядел одним глазом на Киев, а другим – на Чернигов).

Во содержании УС *обходителен как* ***Чичиков***; *предприимчив как* ***Чичиков*** выразительно прочитываются гоголевские образы лицемерного, но расчетливого человека, из «Мёртвых душ»; содержание сравнения *скупой как* ***Плюшкин*** тоже соответствует смысловому, оценочному и экспрессивному смыслу антропонима, ставшего эталоном скупости. То же можно сказать об эталонах-антропонимах последней подгруппы: *завести (кого куда) как* ***Сусанин*** – о человеке, который, будучи проводником, завел спутников в гиблое место, как некогда Иван Сусанин намеренно завел врагов в болото [3, 668] Однако необычны значения сравнений *красив как* ***Евгений Онегин*** (красота не главная черта Онегина); *ходить как* ***Челюскин*** ‘о человеке в рваной одежде) [3, 738]. Возникают сомнения в правомерности отнесения таких сравнений к устойчивым.

Наконец, остановимся на антропонимах-эталонах, отмеченных в диалектной речи. Это имена, очевидно являющиеся прецедентными лишь для локального речевого коллектива на определенном хронологическом отрезке. Таких имён в структуре устойчивых сравнений очень много: *Авдей, Авдотья, Акулина, Окуля, Окулька, Ананий, Артюха, Ахоня, Борис, Вавила, Дарья Омельяновна, Демид, Маланья, Манефа, Мартын, Миша Славский, Мотря, Мотя, Петя Меглецкий, Савва, Тимошка, Фаддий, Федот, Федула, Феклист, Филип, Филя, Фрося, Устиха, Устя* и мн. др. Однозначно судить

о лингвокультурном их потенциале сложно, особенно если речь идет о конкретных лицах. Изредка народная память сохраняет информацию, стоящую за их именем: например, сравнения *обрасти что* ***Миша Славский***, *ходить как* ***Миша Славский*** на Псковщине характеризует очень заросшего, бородатого и лохматого или грязного, неухоженного человека, потому что так выглядел известный в районе нищий [3, 395]. Однако презрительное выражение *глуп как* ***Петя Меглецкий***, известное в новгородских говорах, представляется немотивированным даже составителям словаря [3, 498].

За некоторыми именами закрепилась социально значимая информация. Таковы, к примеру имена *Маланья*, *Акулина*, *Матрена*, традиционно используемые в среде простонародья и потому обретшие негативные смысловые приращения. В. М. Мокиенко приводит ряд негативных значений антропонима *Маланья* [3, 370]: *расположиться как* ***Маланья*** *с ящиком* (неуместно, мешая другим), *наряжаться словно* ***Маланья*** *на Юрья* (аляповато, с претензией на моду) и др. Имя *Акулина* (*Окулина*) пренебрежительно характеризует неряшливую, неопрятную, плохо одетую женщину: *нарядиться как* ***Акулина***, *ходить как* ***Акулина***. Интенсивность образа и отрицательной оценки усиливается при использовании гипокористик: *повязаться* ***Акулькой***, *ходить* ***Акульками*** [5, 18]. Е.С. Отин считает, что такие имена постепенно могут стать нарицательными. Показательно графическое оформление антропонима-эталона, сравним: *ходить как Мотря* (о неряшливой женщине); *сидеть как* ***мотя*** (о бездельнице) [3, 405].

Дополнительные смыслы может нести форма имени, в том числе звуковая. Таковы имена с редкой для русского языка буквой Ф. Исследователи подчеркивают, что именно наличие названной буквы и иноязычного звука [ф] обусловили появление в них неодобрительных референтных коннотаций [5, 65–66]. Имена с названной буквой действительно продуцируют коннотацию негативной оценки, выступают с пометой «ирон.»: *речист как наш* ***Феклист*** (о шумном и суетливом человеке); *как* ***Филип*** *к тесту прилип* (о навязчивом человеке); *ровно* ***Филю*** *в лапти обули* (о грубо обманутом простаке); *как* ***Федула*** *губы надула* (о рассердившейся женщине) [3, 711–713]

Таким образом, антропоним, занимающий позицию эталона, участвует в формировании смысла и прагматики УС самым кардинальным образом. Имя человека в структуре УС выполняет в первую очередь аллюзивную, отсылочную функцию к лицам, явлениям, событиям, нашедшим отражение в текстах культуры, и благодаря этому служит формированию не только образного содержания сравнения, но и целого спектра прагматических смыслов, включающих экспрессивную, эмоциональную, оценочную и стилистическую составляющую. Информативность антропонима как средства создания образа сравнения – явление историческое, поэтому каждую единицу необходимо рассматривать отдельно в соответствии с её пространственно-временным континуумом.

Литература

1. Бурвикова, Н.Д. Воспроизводимые сочетания слов как лингвокогнитивная и терминологическая проблема / Н.Д. Бурвикова, В.Г. Костомаров // Филологические науки. – 2006. – № 2. – С. 45–53.

2. Долгова, А.О. Какие образы-эталоны представлены во фразеологических сравнениях? / А.О. Долгова // Русский язык и литература. – 2006. – № 7. – С. 50–55.

3. Мокиенко, В.М. Большой словарь русских народных сравнений / В.М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 800 с.

4. Нахимова, Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации: монография / Е.А. Нахимова; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т»; Ин-т социального образования. – Екатеринбург, 2007. – 207 с.

5. Отин, Е.С. Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка / Е.С. Отин. – Вопросы языкознания. – № 2. – 2003. – С. 55–72.

6. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика: учебное издание / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 226 с.

7. Фролова, О.Е. Антропоним в жестко структурированном тексте / О.Е. Фролова // Вопросы ономастики. – 2005. – № 2. – С. 36–44.

Д.А. Князев, Я.Д. Мухина
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: kniazden21@gmail.com, yanamukhina.78@gmail.com
Научный руководитель: Мезенко А.М., доктор филологических наук, профессор

УДК 81’373.23:008:316.733:378.096-057.87

Фамильный антропонимикон студентов факультета гуманитаристики и языковых коммуникаций ВГУ имени П.М. Машерова в контексте социокультурных реалий

Ключевые слова: *антропонимикон, фамилия, фамильный тип, глобализация, номинативный тип, социокультурная реалия.*

В статье исследуется фамильный антропонимикон студентов факультета гуманитаристики и языковых коммуникаций ВГУ имени П.М. Машерова в контексте социокультурных реалий начала XXI в.; устанавливаются социальные группы носителей фамилий; выявляется частотность их использования в пределах исследуемого именника.

D.A. Knyazev, I.D. Mukhina
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

Family anthroponymicon of students of the Faculty of Humanities and Language Communications of VSU named after P.M. Masherov in the context of socio-cultural realities

Key words: *anthroponymicon, surname, surname type, globalization, nominative type, sociocultural reality.*

The article examines the family anthroponymicon of students of the Faculty of Humanities and Language Communications of Vitebsk State University named after P.M. Masherov in the context of socio-cultural realities of the early 21st century; social groups of carriers of surnames are established; the frequency of their use within the studied name list is revealed.

Фамильный антропонимикон отражает состояние номинативных традиций и тенденций в эпоху глобализации. При всем богатстве и разнообразии исследований по антропонимии остается малоизученным материал отдельных регионов страны. Актуальность настоящего исследования продиктована а) необходимостью всестороннего исследования всех региональных антропонимных подсистем Беларуси для описания развития национального именника; б) культурно-исторической значимостью региона исследования.

Цель исследования – установить особенности фамильного антропонимикона студентов факультета гуманитаристики и языковых коммуникаций ВГУ имени П.М. Машерова в контексте социокультурных реалий.

Материалом исследования послужили фамилии студентов, обучающихся на факультете в 2021 г., и данные о профессиях их родителей.

Изучению особенностей региональных антропонимиконов посвящено большое число исследований белорусских, русских, польских и других ученых (см. работы Н.В. Бирилло, А.К. Устинович, А.М. Мезенко, Г.К. Семеньковой, Ю.М. Галковской, И.А. Лисовой, О.М. Ляшкевич, В.И. Супруна, И.В. Крюковой, Л.Н. Верховых, О.П. Дмитриевой, И.А. Королевой, М.В. Голомидовой, З. Абрамович, Л. Дацевич и др.).

Анализируя состояние фамильного антропонимикона славян [1], Н.В. Бирилло подчеркивал, что основным способом образования фамилий является суффиксация, и выделил 3 группы типов фамилий:

1. Общеславянские структурные фамильные типы, в состав которых входят

1) тип -ский(-овский, -евский**)**. Такие фамилии обычно связаны с географическими названиями, которые указывают на место рождения или проживания. По данным Н.В. Бириллы, на территории Витебщины чаще всего встречаются в западной части;

2) тип -ич(-ович/-евич**),** единицы которого чаще всего образовывались от мужских имён, в Витебской области больше всего распространены на северо-запад от Полоцка;

3) тип -ов/-ев, -ин, основы фамилий которого восходят к существительным мужского рода на согласный или существительным женского рода на гласный, больше всего распространен в Могилёвской области;

4) тип -ик/ -чик представлен фамилиями, образуемыми от личных имён. В Витебской области встречаются очень редко.

2. Восточнославянские фамильные типы включают:

1) тип -енко, фамилии которого считаются типично украинскими. Распространены в восточной части республики, максимальная продуктивность – зона города Витебска;

2) тип -ук/-юк, не нашедший распространения в восточной части Витебской области.

3. Внутриязыковые фамильные типы, включающие:

1) тип -еня, характерный для белорусского языка;

2) тип -онок/ -ёнок, антропонимные единицы которого, образованные от личных имён, характерны для белорусского языка. В Витебской области встречаются в северо-западной части.

Среди исследований, в которых осуществляется комплексный анализ фамилий жителей Витебщины, установление их структуры, семантики, географии, следует отметить работы Г.К. Семеньковой [4; 5].

Установлению особенностей антропонимикона современного белорусского города в динамическом и социолингвистическом аспектах на материале русскоязычных личных имен г. Витебска посвящены публикации и диссертация Т.В. Скребневой [6].

Территориальная дифференциация именника белорусского приграничья на материале имен жителей Витебщины представлена в работах Ю.М. Галковской [2].

Полиаспектный анализ неофициального антропонимикона Белорусского Поозерья сделан в статьях и кандидатской диссертации И.А. Лисовой [3].

Анализ фамильного антропонимикона студентов факультета гуманитаристики и языковых коммуникаций ВГУ имени П.М. Машерова с точки зрения соотношения типа фамилии и сферы деятельности / социальной группы родителей позволяет прийти к выводу о том, что в настоящее время наиболее частотными сферами деятельности / социальными группами их носителей являются рабочие, зафиксированные среди носителей фамилий всех выявленных структурных типов; вторую позицию занимают носители фамилий – учителя; продолжают этот список врачи и работники фирм.

Установлено, что среди фамилий студентов факультета гуманитаристики и языковых коммуникаций встречаются единицы всех славянских структурных типов.

Данные нашего исследования хорошо иллюстрирует следующая таблица:

Таблица 1 – Соотношение структурных типов фамилий и сфер деятельности / социальных групп их носителей

№ п/п	Типы и подтипы фамилий	Наиболее частотные сферы деятельности / социальные группы носителей фамилий	Менее частотные сферы деятельности / социальные группы носителей фамилий
11.	-ов / -ев	Рабочие (85), учителя (30), врачи (24)	Продавцы (10), военнослужащие (8), IT-специалисты (3)
22.	-ин	Рабочие (19), учителя (9), работники фирм (9)	Врачи (4), продавцы (2), IT-специалисты (1)
33.	-ский	Рабочие (22)	Врачи (4), продавцы (3), инженеры (1)
44.	на согласный	Рабочие (19), учителя (8)	Инженеры (3), ИП (2), IT-специалисты (1)
55.	-енко	Рабочие (7), учителя (5), Работники фирм (9), врачи (7)	Продавцы (1), работники сельского хозяйства (1)
66.	-евич / -ович	Рабочие (13), Работники фирм (8)	Учителя (4), врачи (4), работники сельского хозяйства (4)
77.	-ко	Рабочие (16), Работники фирм (5)	Врачи (1), учителя (2), работники сельского хозяйства (2)
88.	на гласный	Рабочие (9), учителя (6)	Врачи (2), военные (2), инженеры (2)
99.	-онок / -ёнок	Рабочие (6)	Инженеры (2), учителя (2), врачи и продавцы (1)
110.	-ук / -юк	Рабочие(4), врачи (4)	Учителя (2), работники сельского хозяйства (2), работники фирм (2)
111.	-ик	Рабочие (5), учителя (3)	Военнослужащие (1), врачи (1)

Таким образом, проведённое нами исследование позволяет заключить, что среди фамилий студентов факультета гуманитаристики и языковых коммуникаций встречаются единицы, носителями которых выступают представители самых разнообразных сфер деятельности / социальных групп. Наиболее частотны среди них представители таких социальных групп, как рабочие, учителя, врачи, работники фирм. Заметно уступают им представители военнослужащих, инженеров, IT-специалистов и др.

Отмеченное свидетельствует об отсутствии специализации типов фамилий по сферам деятельности их носителей.

Литература

1. Бірыла, М.В. Тыпалогія і геаграфія славянскіх прозвішчаў / М.В. Бірыла. – Мінск: Навука і тэхніка, 1988. – 66 с.

2. Галковская, Ю.М. Именник белорусского приграничья: территориальная дифференциация (на материале русскоязычных личных имен жителей Витебщины): автореф. дис. …канд. филол. наук: 10.02.02 / Ю.М. Галковская // Национальная академия наук Беларуси. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы. – Минск, 2014. – 24 с.

3. Лисова, И.А. Неофициальная антропонимия Белорусского Поозерья: полиаспектный подход: автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.02 / И.А. Лисова // Национальная академия наук Беларуси. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы. – Минск, 2016. – 26 с.

4. Семянькова, Г.К. Аб'ём і змест аднаго з мікраядзер семантычнага поля "Прозвішчы жыхароў Віцебшчыны" / Г.К. Семянькова // Весці Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. – 2001. – № 2. – С. 56–63.

5. Семянькова, Г.К. Матранімічныя прозвішчы на тэрыторыі Віцебшчыны: сістэмны і арэальны аспект / Г.К. Семянькова // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. – 2001. – № 3 (21). – С. 69–71.

6. Скребнева, Т.В. Антропонимикон современного белорусского города в динамическом и социолингвистическом аспектах (на материале русскоязычных личных имен г. Витебска): автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.02 / Т.В. Скребнёва // Белорусский государственный университет. – Минск, 2010. – 23 с.

В.М. Коврыга
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: viktorrria.kvr@gmail.com
Научный руководитель: Мезенко А.М., доктор филологических наук, профессор

УДК 81'373.2:008:070:911.3(476+410.1)

Ономастический стереотип в репрезентации образа Англии

Ключевые слова: *стереотип, ономастический стереотип, оним, Англия, газетный текст.*

В статье рассматриваются ономастические стереотипы, характерные для репрезентации образа Англии в белорусских и британских газетных текстах. Установлено, что ономастические стереотипы являются закрепившимся в сознании представителей определенного народа образом имени, который несет в себе богатые социальные, исторические и культурные сведения.

Onomastic stereotype in the representation of England's image

V.M. Kovryga
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

Key words: *stereotype, onomastic stereotype, onym, England, newspaper text.*

The article is devoted to the connection between stereotypes and onomastics. Onomastic stereotypes typical for the representation of England in Belarusian and British newspaper texts are studied. It's established that onomastic stereotypes are a special name image reflecting in the national consciousness, which possess rich social, historical and cultural information.

Язык наилучшим образом отражает человеческую культуру и является источником представлений о культурных ценностях и традициях нации. У каждого народа существуют собственные представления об окружающей действительности. Одним из способов исследования специфики национального образа мира является изучение языковых *стереотипов.* В каждом обществе постепенно складываются определенные стереотипы – как относительно своей культуры, так и относительно представителей другого культурного и языкового пространства. Особенностям функционирования стереотипов посвящено большое количество научных работ (В.И. Карасика, Л.П. Крысина, В.В. Красных, И.М. Кобзоевой, Т.Н. Волынец, С.В. Гладких, В.А. Гончаровой, Е.Ю. Горшуновой и др.), однако все они проводились без учета специфики имен собственных. По этой причине необходимо отметить относительную

малоизученность ономастических стереотипов, которые, однако, часто встречаются в газетных текстах на разных языках. Материалом исследования послужили тексты наиболее известных белорусских («Беларусь сегодня», «СБ Тенденции») и британских газет (“The Guardian”, “The Times”).

Для начала отметим, что определения термина «*стереотип*» в современных лингвистических исследованиях разнятся.

Понятие стереотипа ввел американский публицист У. Липпман. В монографии «Общественное мнение» (1922) под *стереотипом* понимается определенный образ окружающего мира, оказывающий влияние на нас и наше отношение к нему, избирательный и неточный способ восприятия действительности, ведущий к ее упрощению и порождающий предрассудки [6].

С позиции современной лингвистики *стереотип* определяется как некоторая структура ментально-лингвального комплекса, формируемая инвариантной совокупностью валентных связей, приписываемых данной единице и репрезентирующих концепт феномена, стоящего за данной единицей, в его [концепта] национально-культурной маркированности при определенной предсказуемости направленных ассоциативных связей (векторов ассоциаций)» [4, 127]. Для превращения явления в стереотип необходимо наличие некоторого упрощенного знания о нем и эмоционального отношения.

Л.П. Крысин в статье «Этностереотипы в современном языковом сознании: к постановке проблемы» дает следующее определение понятия «*этностереотип*»: «Этностереотип понимается как стандартное представление, имеющееся у большинства людей, составляющих тот или иной этнос, о людях, входящих в другой или в собственный этнос» [5, 450].

По мнению Н.В. Васильевой, стереотипы в сфере имен собственных можно рассматривать как разновидность социальных и этнокультурных стереотипов [2]. Р.Ю. Шебалов формулирует следующее определение термина «*ономастический стереотип*»: «Ономастический стереотип – это относительно устойчивый, закрепленный в языковом сознании «образ» имени, стандартный код интерпретации имени как знака, несущего социо- и этнокультурную информацию о его потенциальном носителе» [7].

Вопрос о функционировании ономастических стереотипов является в некоторой степени этнокультурным и социокультурным. Значимым критерием функционирования ономастических стереотипов является их типичность, которая основывается на частотности употребления стереотипов.

Как в белорусских, так и в британских газетных текстах широкое распространение получил оним *«туманный Альбион»* (англ. *“foggy Albion”*): *«Пока Западная Европа страдает от выпавших за сутки месячных норм осадков и внезапных наводнений,* ***туманный Альбион*** *вопреки сложившимся стереотипам наслаждается сухой погодой, принимая у себя на автодроме в Сильверстоуне очередной этап Больших Призов элиты мирового автоспорта»* [1]. *“The Russians still refer to “****Foggy Albion****”* [10]. Данный оним не просто поэтично вербализует стереотип, прочно закрепившийся за островом Великобритания, но и несет в себе богатый этнокультурный и исторический материал.

Слово «*Альбион*» (лат. “*albus*” – белый) имеет кельтское происхождение, изначально использовалось древними греками (упоминается у Птолемея), затем перешло в древнеримскую литературу. На протяжении XVI–XVII вв. англичан еще именовали просто «немцами» (т.е. немыми, не говорящими по-русски). По мере развития и укрепления контактов между Россией и Англией накапливались знания о «туманном Альбионе» как о стране, непохожей на все другие страны Европы, с особой культурой и бытом. Выражение «*коварный Альбион*» (фр. “*perfide Albion*”) пришло в Россию из Франции. На протяжении XVIII в. эта страна неоднократно оказывалась в состоянии войны с Англией, и при каждом ухудшении отноше-

ний этот образ всплывал вновь. В России этот оним приобрел особенно широкое распространение в период Крымской войны (1835–1956). По мнению российского историка Н.А. Ерофеева, именно Крымская война «подвела черту в развитии английского образа и завершила формирование нового символа в виде «коварного Альбиона», хотя до начала 30-х гг. XIX в. в отношениях между Англией и Россией не возникало конфликтов и разногласий [3]. Приведенные факты свидетельствуют о том, что ономастический стереотип «туманный Альбион» значим для представления образа Англии, так как содержит в себе уникальные исторические и культурные факты о развитии отношений между двумя народами в различные периоды времени, несет в себе информацию о восприятии представителей другой нации.

С давних времен чай является одним из символов Англии. Говоря об особой любви англичан к чаю и их трепетному отношению к чайным церемониям, следует подчеркнуть, что чай является неотъемлемой частью английской культуры, и весь мир воспринимает это именно таким образом. Обнаружены газетные тексты, в которых содержатся краткие исторические справки о древности чайной традиции и ее значимости: *«К чаепитию дамы готовились, как к светскому рауту <…> леди за один вечер успевали посетить до двадцати «**файв-о-клоков**»* [1]. *"To read Joseph Roth describe **"five o'clock tea"** in The Hotel (1930) – "corpulent ladies who have been prescribed Marienbad" drinking from "miniature coffee cups resembling thimbles"* [9]. Так, оним *"five o'clock tea"* несет в себе название национальной традиции. Перевод на русский язык путем транслитерации («файв-о-клок») имитирует звучание английского словосочетания, тем самым придает бóльшую аутентичность, подчеркивает этнокультурный характер данного ономастического стереотипа. При этом склонение слова «файв-о-клок» по модели русского существительного свидетельствует о том, что данная английская традиция хорошо известна и понятна среднестатистическому читателю белорусских газет.

Средством вербализации ономастических стереотипов, характерных для образа Англии, являются *астионимы* (собственные имена городов), распространенным из которых является «*Лондон*» (англ. "*London*"): *"The Shard looms over Borough Market in **London**, supposedly the banking and food capital of the world"* [8]. Весьма закономерно, что большое количество газетных статей содержат множество информации о политических, экономических и культурных событиях, происходящих в Лондоне, который является столицей и крупнейшим городом Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии. Город играет ведущую роль в жизни Соединенного Королевства и всегда отличался активным участием в международных делах.

Отметим, что в белорусских периодических изданиях астионим «*Лондон*» также распространен: *«Благодаря расширению присутствия в **Лондоне**, который Google рассматривает в качестве одного из лучших мест в мире для работы, в Соединенном Королевстве смогут разместиться по меньшей мере 10 тыс. сотрудников»* [1]. Приведенный пример иллюстрирует, что Лондон по праву считается одним из ведущих финансовых центров мира для международного бизнеса. Степень концентрации бизнеса подтверждается крупнейшими финансовыми операциями и сделками, сосредоточением юридических и бухгалтерских фирм. По этой причине выявленный нами ономастический стереотип является значимой характеристикой, которая способствует презентации Англии в текстах периодических изданий.

Стереотип, в соответствии с которым Лондон – одна из первых ассоциаций с Англией, прочно закрепился в сознании изучающих английский язык: *«Например, изучать технические тексты, а не уже набившую оскомину тему "**London** is the capital of Great*

Britain" [1]. *«**Лондон** – столица Великобритании»* – одна из первых фраз, которую запоминают школьники. Она надолго запоминается и порождает ассоциацию, согласно которой Англия практически приравнивается Лондону.

Оним «*гольфовые вдовы*» (англ. "*golf widows*") давно вошло в английский словари со значением «женщина, чей муж проводит много времени за игрой в гольф» [8]. Согласно данному стереотипу, семья такого мужчины практически не получает никакого внимания: *«Два столетия назад знаменитая английская писательница Агата Кристи вспоминала, как ее первый супруг увлекся игрой в гольф, и она вынуждена была пополнить широкие ряды **«гольфовых вдов»*** [1]. *"Ms Wright used to tell her friend that she was a "**golf widow**" because of the amount of time Mr Wright spent at Hintlesham Hall golf club, where he won a number of trophies"* [9]. Примечательно, что данный оним породил ряд других аналогичных ономастических стереотипов: fishing widow, football widow, computer widow.

Подводя итог нашему исследованию, отметим, что изучение стереотипов в контексте ономастики представляет собой значимое и перспективное поле деятельности. В каждом языке имя собственное является значимым лингвокультурным явлением, которое обладает определенной ассоциативной семантикой. Благодаря ассоциациям, которые могут прочно закрепиться в сознании говорящего, имя собственное не просто характеризует объект номинации, а вкладывает в его именование особенности культурно-исторического и мировоззренческого становления народа и его современные приоритеты. По этой причине имя собственное имеет определенный потенциал для того, чтобы стать стереотипным.

Ономастические стереотипы распространены в текстах белорусских и британских периодических изданий. Анализ имеющегося в нашем распоряжении материала свидетельствуют о том, что онимы несут в себе не только функцию наименования, но и являются значимым источником информации о культурно-исторических явлениях и в силу своей устойчивости поддерживают взаимодействие поколений.

Литература

1. Беларусь Сегодня [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sb.by/. – Дата доступа: 15.10.2021.

2. Васильева, Н.В. Антропонимические стереотипы в кросс-культурном аспекте / Н.В. Васильева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2010 – № 2 (2). – С. 453–456.

3. Ерофеев, Н.А. Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских, 1825–1853 гг. / Н.А. Ерофеев. – М.: Наука, 1982. – 320 с.

4. Красных, В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? – Человек. Сознание. Коммуникация / В.В. Красных; Моск. ун-т им. М.В. Ломоносова, Филол. фак. – М.: Изд-во АО «Диалог-МГУ», 1998. – 350 с.

5. Крысин, Л.П. Этностереотипы в современном языковом сознании: к постановке проблемы / Л.П. Крысин // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. – Екатеринбург, 2003. – С. 450–455.

6. Липпман, У. Общественное мнение / У. Липпман. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 383 с.

7. Шебалов, Р.Ю. Ономастическая игра в художественном тексте (на материале ранних рассказов А.П. Чехова): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Р.Ю. Шебалов; ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет». – Екатеринбург, 2004. – 24 с.

8. Collins English Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.collinsdictionary.com/. – Дата доступа: 07.11.2021.

9. The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.theguardian.com/international. – Дата доступа: 07.11.2021.

10. The Times [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.thetimes.co.uk/. – Дата доступа: 07.11.2021.

А.Ю. Кутачева
ФГБОУ ВО «Смоленская государственная сельскохозяйственная академия»
e-mail: kutachieva96@gmail.com
Научный руководитель: Соловьев А.Н., кандидат филологических наук, доцент

УДК 81.373.222

Некоторые вопросы зоонимии быков (на примере племенных центров Смоленской, Могилевской и Гродненской областей)

Ключевые слова: *зоонимы, клички, тавронимы, классификация, племенные животные, терминология.*

Данная статья посвящена кличкам племенных быков. Материал для исследования получен из каталогов и баз данных племенных животных Смоленской, Могилевской и Гродненской областей. Предлагается классификация и обоснование использования кличек, выявлены особенности и частотность их употребления. Ставится вопрос о необходимости расширения зоонимической терминологии и введении термина «тавроним».

A.Yu. Kutacheva
Smolensk State Agricultural Academy

Some issues of bull zoonymia (on the example of the breeding centers Smolensk, Mogilev and Grodno regions)

Key words: *zoonyms, bull names, tauronyms, classification, breeding animals, terminology.*

This article is devoted to analysis of the semantics of zoonyms, in particular, breeding bulls. The material to research comes from catalogs and database of breeding animals of Smolensk, Mogilev and Grodno regions. A classification and justification of bull names are proposed and the features and frequency of their use are revealed. Raised the question about the necessity of expanding of zoonymic terminology and the introduction of the term "tauronym".

Терминология зоонимикона сельскохозяйственных животных в данный момент не имеет определенной строгой упорядоченности. По мнению А.В. Суперанской, зоонимия относится к разряду слабоизученных пластов лексики, что может быть связано не только с трудностями сбора зоонимов, но и с менее четко выраженной практической надобностью в изучении этого материала. Основное значение изучения зоонимов – «познавательно-теоретическое – выявление специфики языковой практики в области ономастической номинации» [2, 28]. Также, по нашему мнению, зоономические исследования часто носят характер периферийный, находясь на стыке областей лингвистической науки – например, психологии и языкознания, так как номинатором в зоонимике является человек или круг лиц, чьей собственностью является животное. Таким образом, классификация сельскохозяйственных зоонимов на определенной территории может определяться назначением носителя клички: например, могут по-разному называться животные единичных владельцев и животные в крупных хозяйствах.

В данной статье мы хотим остановиться на зоонимах особой группы – кличках племенных быков. Эти животные по определению имеют особый генетический потенциал, а племенные предприятия часто взаимодействуют с зарубежными центрами племенного дела, поэтому, вероятно, что имена здесь будут отличаться лексической составляющей. Также мы хотим предложить термин «тавроним» для обозначения клички быка. Таким образом, выдвинем

для дискуссии два вопроса: классификация зоонимов данной группы и упорядоченность ономастической терминологии в области имен животных.

Для изучения нами были выбраны клички племенных быков Смоленского, Могилевского и Гродненского племенных предприятий – достаточно крупных центров племенного дела. Материал для исследования мы получили из актуальных каталогов государственных племенных предприятий, а также базы данных быков-производителей Республики Беларусь [4; 5; 6].

Итак, в соответствии с правилами животноводческого учета, во-первых, присваиваемые бычкам клички должны быть красивыми и краткими, во-вторых, не допускается совпадение с названиями национальностей, должностей, именами и фамилиями людей или общественно-политическими терминами. В дальнейшем отметим, что данное правило не всегда соблюдается, чаще всего в отношении использования антропонимов в зоонимиконе данной местности. В-третьих, кличка должна начинаться на ту же букву, что и кличка отца [7].

При изучении семантико-лексической нагрузки онимов мы используем классификацию Поротникова [3, 215], который разделяет зоонимы на две группы: 1) реально мотивированные и символически, а также 2) антропонимы и собственные существительные разных семантических групп. Отметим, что для исследования мы не использовали клички быков, завезенных из-за рубежа, так как за рубежом принцип номинации сельскохозяйственных животных имеет отличия.

Первый группа кличек быков – *реально мотивированные* зоонимы. Данные зоонимы представлены недостаточно широко. По нашему мнению, это происходит по причине того, что телята приобретают клички в достаточно раннем возрасте, и мотивация номинации основывается, как правило, на особенностях экстерьера животного. Е.Н. Варникова утверждает, что «...мотивированные именования составляют незначительную часть описываемого зоонимикона. Непродуктивность таких имен, как известно, характерна для кличек животных в общественных хозяйствах...» [1, 95]. Большая часть данных зоонимов – это апеллятивы, подчеркивающие различные качества быка, а также прилагательные, характеризующие шерстный покров или характер животного:

1) зоонимы *Смоленского центра*: **Аллюр, Атлант, Атлет, Бархат, Бодрый, Буран, Великан, Ворс, Габарит, Заряд, Зимник, Зимовник (по времени рождения), Имбирь, Каштан (по цвету шерсти), Крепыш, Налив, Нежный, Сердечный;**

2) зоонимы *Могилёвского центра*: **Вальс, Вандал (вероятно, по характеру), Добряк, Танец, Тур, Честный, Чудный, Юноша;**

3) зоонимы *Гродненского центра*: **Бравый, Кокс, Миндаль, Трепет.**

Следующая группа зоонимов – *символически мотивированные.* Данная группа гораздо шире представлена в крупных формах хозяйствования, так как здесь для идентификации используется скорее не кличка, а индивидуальный номер, включающий буквенный код страны происхождения, а также числовой код, и зооним здесь несет лишь дополнительную идентификационную роль. По-видимому, именно это влияет на достаточно широкую семантическую составляющую онимов – это и природные объекты, продукты, профессии, различные предметы:

1) зоонимы *Смоленского района*: **Аргумент, Арсенал, Азарт, Акрил, Бренд, Бриз, Восход, Дофин, Егерь, Есаул, Ливень, Листок, Ментол, Модник, Милорд, Мусс, Мустанг, Нейрон, Ноктюрн, Норд, Пан, Пион, Пульс, Статус, Скиф, Султан, Сюжет, Режиссер, Ром, Торт, Финик, Флёр, Фокус, Цент, Центровой, Цитрон, Ягель, Ярлык**;

2) зоонимы *Могилёвского района*: **Бант, Вереск, Инк, Обелиск, Опус, Такт, Теннис, Тир, Тираж, Торт, Тракт, Тритон, Трезубец, Треш, Трофей, Фасон, Фаянс, Фелс(монета), Фламинго, Чабан, Чародей, Чан**;

3) зоонимы *Гродненского района*: **Бустер, Вольт, Канцлер, Карабин, Кардон, Катер, Кейс, Компас, Пульс-Эт, Ротор.**

Третья группа зоонимов по классификации – *отантропонимные*, результат трансонимизации имен собственных. Как было указано ранее, в правилах племенного учета не рекомендуется присваивать животным человеческие имена, но здесь мы наблюдаем использование примеров заимствований, крайне редко встречающихся в антропонимиконе России и Беларуси:

1) зоонимы *Смоленского района:* **Аполлон, Джокер, Маркус, Флориан, Цезарь**;

2) зоонимы *Могилевкого района*: **Давид, Давлат, Дориан, Дункан, Дюбуа, Освальд, Тайсон, Тарас, Тибулл, Тихон, Тревис, Фархад, Фелпс, Фродо, Юдгар, Юлий, Юстас**;

3) зоонимы *Гродненского района*: **Айвенго, Байрон, Богард, Джон, Зидан, Карден, Моцарт**.

Последняя подгруппа данной классификации – имена собственные разных семантических групп. В основном это топонимы или торговые бренды.

1) зоонимы *Смоленского района*: **Алтай, Евфрат, Тимор** (остров в Индонезии)**, Нарзан, Селигер, Фиат**;

2) зоонимы *Могилевского района*: **Валдай, Даллас, Дунай, Инк, Омск,Тамил, Тефаль, Туборг, Ювент, Юган, Юдент, Юкит, Юриус**;

3) зоонимы *Гродненского района*: **Байкал, Барни, Кузбасс, Таймыр.**

По результатам подсчета процентного отношения разных групп зоонимов составлена таблица:

Таблица 1 – Процентное соотношение семантических групп тавронимов

	Обоснованные	Необоснов-е	Антропонимы	Проч.собств.им.
Смоленский центр	29	53	9	9
Могилевский центр	13	42	28	17
Гродненский центр	19	43	22	16

Как мы видим, имеется расхождение в зоонимической картине по регионам, но необоснованные апеллятивы в роли зоонимов преобладают во всех трех регионах. В белорусских центрах значительное число быков называется отантропонимными кличками, правда, как правило, для образования клички используются заимствованные имена и иностранные фамилии.

Хотим отметить, что при работе с терминологией мы столкнулись с проблемой – какой термин использовать для обозначения кличек быков, так как наиболее близкий термин «*вакконим*» применим именно к кличкам коров, то есть изначально образован с помощью соединения латинского «vacca» – корова и термина «оним», тем самым, по нашему мнению, используя «*вакконим*» мы допускаем неточность.

Так как «вакконимы» получили большое распространение в работах по зоонимике, мы бы хотели предложить альтернативный термин «*тавроним*» для обозначения кличек быков по схеме: [Taurus] – бык (лат.) + [оним], получая композит «тавроним», который поможет избежать неточности в исследуемой сфере.

Важность введения нового термина заключается, по нашему мнению, в том, что семантическая нагрузка кличек животных разной половой принадлежности различается. В плане сельскохозяйственных животных это имеет свои особенности в двух аспектах: во-первых, животные *мужского пола* часто завозятся из заграницы, что имеет свое отражение в зоонимиконе определенной территории. Как было указано выше, быки получают

кличку по первой букве клички отца, поэтому любого рода заимствования транслируются на зоонимикон, например, достаточно проблематично бывает подобрать зооним из русского языка на такие буквы как «Э» или «Ю».

Во-вторых, животные *женского пола* распространены не только в промышленном животноводстве, но и в частных формах хозяйствования, и зоонимическая картина имеет больше семантических отличий. Она менее стандартизована. Здесь мы сталкиваемся не только со строго регламентированным племенным делом, но и часто напрямую с человеческим фактором. Например, вакконимы могут частотными, а при образовании тавронима создатели клички стремятся к уникальности. Отметим также, что уровень контакта животного и человека несет отражение в ситуации номинации. Поэтому введение термина «тавроним» имеет научную ценность.

Исследовав тавронимы трех областей, мы отметили, что клички здесь – это преимущественно простые существительные, без использования сложных лексем и композитов, но с достаточно частым введением собственных имен и апеллятивов, что объясняется связью племенных предприятий с зарубежными компаниями и использованием зарубежного генетического материала, что в свою очередь влияет на местный зоонимикон. При этом клички Смоленского центра отличаются меньшим числом заимствований, что, вероятно, связано с особенностями ведения племенного дела в области. Также в Смоленском центре используется большее число семантически обоснованных зоонимов – почти 30% по сравнению со средними 17% в других группах.

Самая семантически разнообразная группа – это необоснованные зоонимы. Здесь все три группы представлены примерно одинаковым процентом от общего числа исследованных зоонимов (тавронимов). Данная модель может не нести особой смысловой нагрузки, как было указано выше, по причине более сложной системы идентификации животных на племенных предприятиях, поэтому кличка присваивается практически формально, с соблюдением принципа алфавитной генеалогии.

Животные Могилевского и Гродненского центров отличаются большим числом заимствованных антропонимов, путем трансонимизации перешедших в разряд зоонимов (тавронимов). Мы объясняем это тем, что здесь ведется работа по приему племенных животных из стран Европы. При этом данные имена составляют почти четверть от всех, а доля их для Смоленского центра – около 10 %.

Таким образом, несмотря на территориальную близость Смоленского и Могилевского племенных центров, их зоонимикон имеет различия, что объясняется особенностями племенного дела и ведением хозяйствования. Могилевская и Гродненская группы более близки по своей семантической составляющей, возможно, здесь сказываются этнические предпочтения в тавронимии.

Литература

1. Варникова, Е.Н. Клички коров в 30-е гг XX в. (по документам СевМаслоТреста) / Е.Н. Варникова // Слово и текст в культурном сознании эпохи: сб. науч. тр. – 2012. – Ч.10. – С. 95–103.

2. Суперанская, А.В. – Теория и методика ономастических исследований / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1986. – 256 с.

3. Поротников, П.Т. Из Уральской зоонимии / П.Т. Поротников // Восточнославянская ономастика. – М., 1972. – С. 210–250.

Источники

4. Каталог быков-производителей и геномнооцененных быков / РУСП «Гродно Племпредприятие» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://genetic.by/ru/katalog. – Дата доступа: 15.01.2021.

5. Каталог быков-производителей / АО «Смоленское» по племенной работе: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://plemsmol.ru/byki-proizvoditeli/. – Дата доступа: 10.01.2021.

6. Каталог быков-производителей РУСПП «МОГИЛЁВСКОЕ ГОСПЛЕМПРЕДПРИЯТИЕ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mogilevgosplem.by/catalog. – Дата доступа: 10.01.2021.

7. Правила учета в племенном животноводстве / АО «Смоленское» по племенной работе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://plemsmol.ru/dokumenty/. – Дата доступа: 12.01.2021.

П.Д. Лазарев
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: lazarev1.pavel1999@gmail.com
Научный руководитель: Мезенко А.М., доктор филологических наук, профессор

УДК 811.161.1’373.23:316.4(476.5)

Социальная составляющая антропонимии Витебска XIX в.

Ключевые слова: *именник, антропонимикон, ономастическое пространство, антропонимика, именослов.*

В статье анализируются направления исследования именника конца XIX – начала XX в. Рассматриваются различные вопросы развития антропонимикона данного периода, связанные с социальным статусом и родом деятельности носителя имени.

P.D. Lazarev
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

The social component of the anthroponymy of Vitebsk in the XIX century

Key words: *namesake, anthroponymicon, onomastic space, anthroponymy, namesake.*

The article analyzes the research directions of the namesake of the late XIX – early XX century. Various issues of the development of the anthroponymicon of this period are considered, related to the social status and type of activity of the bearer of the name.

Имена людей – часть истории народов. В них отражаются быт, верования, чаяния, фантазия и художественное творчество народов, их исторические контакты. Любое слово, которым именовали человека, окружающие начинали воспринимать как его личное имя, и, следовательно, любое слово могло стать именем [1, 3–4].

Ономастика (греч. onomastike – «искусство давать имена»; onomastikos – «относящийся к имени») – особый раздел языкознания, в котором изучаются имена собственные, основные закономерности истории, развития и функционирования антропонимов. Ономастика – это и совокупность всех имен собственных. В ономастике доминирует лингвистический компонент, потому что каждое имя – это слово, развивающееся по законам языка, и информация, содержащаяся в каждом имени, «добывается» с помощью лингвистических средств.

Антропонимика (греч. ἄνθρωπος – «человек») – один из разделов ономастики, объектом изучения которого являются личные имена, в том числе сакральные (тайные), фамилии, отчества, прозвища, ники, псевдонимы людей. Антропонимика изучает связь имени лица с отцом, семьей, родом, сведения о национальности, роде занятий, местности, сословии, вероисповедании, то есть всю информацию, которую может нести имя. Человек существует в обществе; и его социальный статус, а также двунаправленный характер отношений между членами социума (от человека к обществу и наоборот) диктуют разные семантико-структурные типы имён, которыми человек обладает [2, 7] .

Цель нашего исследования – определить социальную составляющую антропонимии Витебска XIX в.

Материалом нашего исследования послужили данные 9-ти «Памятных книжек Витебской губернiи». В процессе работы над темой использовано около 268 имён собственных.

Объектом данного исследования являются антропонимы, зафиксированные в «Памятных книжках Витебской губернии» 1861–1881 гг.

Одной из особенностей употребления личных имён собственных в представленных текстах является их соотношение с социальным статусом или родом деятельности носителей. Исследуя «Памятные книги Витебской губернии», где зафиксированы не только имена и фамилии людей, проживающих на данной территории, но и обозначены их титулы, социальный статус, и род занятий, проанализировано их соотношение с личным именем.

Ниже приведены наиболее яркие соответствия особенностей имяречения в зависимости от происхождения и социального статуса носителей.

В ходе анализа нами установлено, что оним Андрей был наиболее распространенным в княжеской среде крестильных имен. Носители этого имени занимали следующие должности: коллежский советник, коллежский регистратор, коллежский секретарь. Чинов такого уровня удостаивались дворяне.

Первоначальными носителями имени Антон (Антоний) были священнослужители. В перечне носителей этого имени зафиксирован Благочинный, Протоиерей Антоний. Со временем личное имя Антон вошло в русский именослов и к XVI–XVII векам использовалось во всех социальных слоях. Так, в «Памятных книжках», среди носителей этого имени были как представители высших чинов: тайные советники (2 человека, управитель дел, так и чиновники низшего ранга (делопроизводитель, бухгалтер, письмоводитель).

В XIX веке представители дворянства и интеллигенции стали называть сыновей славянским именем Всеволод. Среди трех носителей этого имени: правитель канцелярии, коллежский асессор; чиновник особых поручений; надворный советник, что подтверждает распространение этого имени среди высшего сословия.

Имя Георгий появилось на Руси в X–XI веках, первоначально им крестили князей: в династии Рюриковичей это одно из самых частых мужских имен, затем оно распространилось в церковной среде, а в XIV–XV веках стало популярно среди ремесленников, купцов и крестьян. Подтверждение этому процессу мы находим в статьях «Памятных книжек Витебской губернии». Среди его носителей: правитель, губернский секретарь; правитель дел, помощник смотрителя Богоугодных Заведений; секретарь Казенной палаты; письмоводитель.

Именем Евгений вплоть до XVIII в. крестили в основном церковных деятелей и монахов. В XIX веке имя Евгений попадает в разные социальные слои. Этот процесс отражен в изучаемом материале. Среди носителей этого онима на территории Витебского уезда представители различных социальных сословий: младший помощник правителя канцелярии; отставной мичман.

Имя Иван в России стало широко распространенным. Им нарекали князей, бояр, купцов и представителей демократических сословий. Еврейское по происхождению, оно никогда, кроме эпохи раннего христианства, не давалось евреям. Зафиксировано, что носителями имени Иван, являлись представители, принадлежащие к различным социальным слоям: губернский секретарь; надворный советник; регистратор (6 носителей), старший чиновник особых поручений, коллежский секретарь; действительный тайный старший советник; штабс-капитан, правитель канцелярии и дел общего присутствия, титулярный советник; чиновник особых поручений: коллежский секретарь; коллежский регистратор; посредник по специальному размежеванию общих дач, подполковник; надворный советник губернского комитета об обеспечении; чиновник особых поручений, коллежский секретарь; правитель канцелярии и дел общего присутствия, титулярный советник; архивариус, коллежский секретарь; помощник бухгалтера, коллежский секретарь; надворный советник; почетный мировой судья: действительный тайный советник; губернский казначей; советник питейного отделения, коллежский советник; столоначальник (2 носителя); управляющий имуществом, делопроизводитель; городской врач; помощник правителя канцелярии, статский советник; управляющий паспортным

отделением, надворный советник, князь; председатель Казенной Палаты (2 носителя); казначей Казенной Палаты; советник хозяйственного отделения; помощник ревизоров; лесной ревизор, статский советник; управляющий, действительный статский советник; секретарь, надворный советник.

На Руси имя Карл на протяжении многих веков не встречалось, поскольку отсутствовало в православном календаре. Однако в XIX в. оно получило достаточно широкое распространение, хотя, как правило, им называли не православных христиан, а обрусевших иностранцев. В большинстве своем они были представителями интеллигенции, то есть имя Карл никогда не было народным. В исследуемом материале носителями этого онима являются губернский ветеринар; лекарь.

Михаил является одним из наиболее распространенных имен во всем мире. Среди носителей этого имени мы встречаем как представителей высшего сословия: старший статский советник (3 носителя); председатель, исполняющий делами губернского предводителя дворянства (3 носителя); губернский предводитель дворянства, генерал-майор, секретарь, надворный советник; так и чиновников низшего звена: уездный исправник; помощник столоначальника; люстратор; действительный студент.

На Русь имя Петр пришло из Византии в числе первых христианских имен в конце X – начале XI века и довольно быстро вошло в обиход. На его распространение среди различных слоев населения указывают следующие записи: надзиратель за приходящими учениками; губернский секретарь; казначей, коллежский асессор (5 носителей); бухгалтер, коллежский секретарь; старший помощник правителя канцелярии; статский советник; старший помощник правителя канцелярии: коллежский секретарь; уездный стряпчий; письмоводитель; помощник исправника, надворный советник; бухгалтер; столоначальник; непременный член, действительный тайный советник; инспектор гимназии; помощник ревизоров; журналист; председатель палаты уголовного суда.

Имя Павел, также пришедшее из Византии в числе первых христианских имен в конце X – начале XI в., получило широкое распространение. Среди его носителей: действительный статский советник; коллежский секретарь; губернский секретарь; правитель дел; настоятель Витебского Маркова Монастыря Архимандрит; старший помощник; правитель канцелярии: коллежский секретарь; учитель 3 рода рисования; титулярный советник; чиновник особых поручений: губернский секретарь; старший помощник правителя канцелярии: коллежский секретарь; помощник бухгалтера, тайный советник; помощник его, тайный советник; Чиновники особых поручений: губернский секретарь; бухгалтер; начальник отделения, коллежский асессор; губернский прокурор.

В систему русского антропонимикона Филипп вошло вместе с другими христианскими именами, содержащимися в православном календаре. В «Памятных книжках Витебской губернии» встречаются такие носители этого имени, как законоучитель религии католического вероисповедания, священник; правитель канцелярии; коллежский асессор; купец; инспектор врачебной управы, коллежский советник, В следующих именах актуализирована сема – ‘правитель, облеченный высшей властью; властелин, повелитель’.

Кириллъ – греч. Κύριλλος – «господин», «владыка», «хозяин». Существует также версия, что оно имеет персидские корни и переводится на русский язык как «солнце». Как и большинство христианских имен неславянского происхождения, имя Кирилл пришло на Русь из Византии. Связано это было, прежде всего, с крещением Руси.

Василий – (др.-греч. Βασίλειος) — мужское русское личное имя греческого происхождения. Восходит к др.-греч. βασίλιος (басилиос); βασίλειος (басилейос) – «царский, царственный» – в древнегреческой мифологии эпитет Зевса и Посейдона; βασιλεύς (басилевс) – «царь, монарх, правитель». Аналоги имени Василий встречаются во многих западноевропейских языках (в формах Бэзил в английском, Базиль во французском и др.), а также в языках Восточной Европы как славянских, так и неславянских.

Август – лат. Augustus. На заре своего происхождения слово «август» являлось не именем, а обозначением звания – августом называли императора в Древнем Риме. Со временем слово стало именем собственным, но значение его осталось приближенным к императорской сфере – «великий», «царственный», «священный», «правящий», «божественный».

Максимилиан – Maximilianus. Имя Максимилиан произошло от римского родового прозвища Максим, которое образовалось от Maximus (Максим), переводящегося как «величайший, самый большой, превеликий» и Aemilianus (Эмиль, Емельян) – «соперник, участник соревнования». Еще одно значение имени Максимилиан – «величайший из рода Эмилиев».

Всеволод – это славянское имя, образованное из 2 смысловых частей: «все», то есть «весь», и «волод-» («владеть»). Также «волода» на старославянском языке означает «власть», а в современном украинском языке это слово трансформировалось в слово «влада». Поэтому имя Всеволод можно перевести как «всевластный», «владеющий всем».

Станислав – русское, славянское, украинское, католическое. Имя Станислав имеет славянское происхождение, образовано от основ слов «стан» («становиться», «устанавливаться») и «слав» («слава»), поэтому имеет различные варианты перевода – «ставший славным», «установивший славу». Имя было распространено в Польше, а затем стало употребляться и в России, и на Украине, и в Белоруссии; означает «прославившийся».

Для имен Стефан, Венцеслав актуализирована сема – перен. ’царская власть, престол’.

Стефан – это церковная форма русского имени Степан. Стоит отметить, что сначала все же появилось имя Стефан, а уже после его народная форма. Пришло это имя в русский язык из языка греческого, где звучало как Стефанос (Στέφανος). В переводе с греческого значение имени Стефан – «венок», «венец» или даже «корона».

Венцеслав – славянского происхождения. В средневековой Чехии – латинизированная форма имени Вацлав. Является заимствованием из польского Wienczyslaw, или из болгарского Венцеслав, как вольный перевод имени Стефан. Имеет соответствие с именем Вячеслав. Происходит от слов «венец» и «слава», означает «посвящающий славе, увенчанный славой»; «слава от венца, слава от короны».

Анализ первой десятки антропонимов, наиболее употребительных в Витебском уезде в XIX в., позволил установить, что лидирующими именамив высшем сословии являются: Иван – 36 носителей; Павел – 15; Петр – 13; Александр – 7 носителей. Основу предпочитаемого антропонимикона жителей Витебского уезда составляют имена православного церковного календаря.

Проведенный анализ свидетельствует, что перечень должностей людей, чьи имена имеют древнегреческое и латинское происхождение, приблизительно одинаков. Подавляющее большинство этих людей имели гражданские профессии. Что касается должностей людей, чьи имена имели древнееврейское происхождение, то среди них преобладали коммерсанты, юристы и педагоги, а среди древнегерманских имён – коммерсанты, юристы, телеграфисты и канцелярские работники. Менее многочисленная группа людей имеет имена староанглийского происхождения: юристы, полицейские, канцелярские работники, лица духовного звания, телеграфисты. Единичные вкрапления других языков (итальянского, древнеримского, скандинавского, турецкого, санскритского, арабского, персидского, болгарского, тюркского, польского, старославянского, арамейского) свидетельствуют о незначительном употреблении имён из вышеперечисленных языков представителями самых разных профессий: юристами, военными, педагогами, полицейскими, лицами духовных званий, телеграфистами.

Литература

1. Суслова, А.В. О русских именах / А.В. Суслова, А.В. Суперанская. – Л.: Лениздат, 1991. – 113 с.

2. Ономастика Беларуси. Антропонимия: учебник / А. М. Мезенко [и др.]. – Минск: РИВШ, 2017. – 398 с.

Источники

3. Памятная книжка Витебской губерніи на 1861 годъ (Съ картой губерніи). – Витебскъ: Типографія Губернскаго Правленія, 1861. – 123 с.

4. Памятная книжка Витебской губерніи на 1862 годъ. – Витебскъ: Типографія Губернскаго Правленія, 1862. – 209 с.

5. Памятная книжка Витебской губерніи на 1863 годъ. – Витебскъ: Типографія Губернскаго Правленія, 1863. – 57 с.

6. Памятная книжка Витебской губерніи на 1864 годъ / подъ ред. А.М. Сементовскаго. – САНКТПЕТЕРБУРГЪ: Типографія К. Вульфа, 1864. – 417 с.

7. Памятная книжка Витебской губерніи на 1865 годъ / подъ ред. А.М. Сементовскаго. – САНКТПЕТЕРБУРГЪ: Типографія К. Вульфа, 1865. – 128 с.

8. Памятная книжка Витебской губерніи на 1866 годъ / подъ ред. А.М. Сементовскаго. – САНКТПЕТЕРБУРГЪ: Типографія К. Вульфа, 1866. – 144 с.

9. Памятная книжка Витебской губерніи на 1867 годъ (Съ археологическою картой Витебской губерніи) / подъ ред. А.М. Сементовскаго. – САНКТПЕТЕРБУРГЪ: Типографія К. Вульфа, 1867. – 120 с.

10. Памятная книжка Витебской губерніи на 1869 годъ. – Витебскъ: Типографія Губернскаго Правленія, 1869. – 182 с.

11. Памятная книжка Витебской губерніи на 1878 годъ / сост. А.М. Сементовскимъ. – Витебскъ: Губернская типографія, 1878. – 416 с.

12. Памятная книжка Витебской губерніи на 1881 годъ: изданіе Витебскаго статистическаго комитета. – Витебскъ: Типографія Губернскаго Правленія, 1881. – 176 с.

У.Ю. Падеус
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: ya.madaranatsume@yandex.ru
Научный руководитель: Генкин В.М., кандидат филологических наук, доцент

УДК 81’276.5:79(476.5)

Названия развлекательных заведений г. Витебска

Ключевые слова: *эргоним, номинация, структурно-грамматические типы, графическое оформление, лексико-семантические типы.*

Предметом рассмотрения в статье являются названия развлекательных заведений г. Витебска. Анализируются структурно-грамматические и лексико-семантические особенности эргонимов, их графическое оформление. Устанавливаются номинативные приоритеты при выборе того или иного типа названия.

U.Y. Padzeus
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

Names of entertainment venues in Vitebsk

Key words: *ergonym, nomination, structural and grammatical types, graphic design, lexical and semantic types.*

The subjects of consideration in the article are the names of entertainment venues in Vitebsk. The structural-grammatical and lexical-semantic features of ergonyms, their graphic design are analyzed. Nominative priorities are established when choosing a particular type of name.

Одним из наиболее активно развивающихся и перспективных направлений современной ономастики является эргонимика, в качестве основного предмета изучения которой выступает такой разряд имен собственных, как эргонимы. «Словарь русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской дает следующее определение термину ‘эргоним’ – «разряд онима. Собственное имя делового объединения людей, в том числе союза,

организации, учреждения, корпорации, общества, заведения, кружка» [2, 151]. Совокупность эргонимов составляет эргонимию (города, региона и т.д.). Эргонимия, в свою очередь, представляет собой важный компонент онимического пространства любого современного города. В широком смысле онимическое пространство – это «комплекс имен собственных всех классов, употребляемых в языке данного народа в данный период для именования реальных, гипотетических и фантастических объектов» [2, 95]. В более узком смысле под онимическим (ономастическим) пространство понимают совокупность имен собственных того или иного региона.

Онимическое пространство «занимает довольно значительное место и в общей системе языковой картины мира, и в личных представлениях о составе и функционировании окружающей среды, которые воплощаются в лексических единицах и находятся во внутренних структурах человеческого мышления» [1, 7]. Не случайно, что оно в целом и его отдельные составляющие вызывают большой интерес у исследователей. Кроме того, в эргонимии довольно часто происходят изменения, отражающие особенности времени появления разного типа названий.

Современный человек живет в мире названий: они помогают ориентироваться, получать и передавать информацию, запоминать ее, выполняют рекламную и коммерческую функцию и т.д. Помимо этого, система названий является важным элементом культуры, составляет значительную лексики языка, постоянно пополняет его словарный запас. Названия представляют собой результат имятворчества, продуманной стратегии, направленной на реализацию тех функций, которые заложены в природе эргонима.

В качестве материала нашего исследования выступают названия развлекательных заведений г. Витебска, к которым мы также отнесли названия части предприятий общественного питания, являющихся не только местом принятия пищи, но и местом отдыха, проведения досуга. Общее количество проанализированных ономастических единиц составляет 104, среди них названия баров и пабов (35), кафе и ресторанов, включая антикафе и интернет-кафе (58), ночных клубов (9), кинотеатров (2). Город Витебск – один из крупнейших городов Беларуси, крупный образовательный центр с большим количеством молодежи. Вполне естественно, что он обладает развитой структурой отдыха и развлечений.

Анализ графического оформления материала показал, что в рассматриваемой группе эргонимов Витебска преобладают русскоязычные или передаваемые средствами русского языка (русской графики) названия. Таких имеется 85 единиц, что составляет 81,73%, например:

– «Аптека», «Золотая рыбка», «Малинки», «Погребок», «Ребро», «Эль» и др. (бары и пабы);

– «Амстердам», «Батькова хата», «Восход», «Кукуха», «Молодежное», «Двина», «Нино», «Северная столица», «Театральное» и т.д. (кафе и рестораны); «7 комнат» (антикафе);

– «Битлз-клуб Чердачок», «Марвин», «Мята», «Опера», «Планета», «Танцы» (ночные клубы);

– «Дом кино», «Мир» (кинотеатры).

На второй по количеству позиции находятся английские или оформленные латиницей названия (15 эргонимов, или 14,42%): «Bar 212», «Funny Chicken», «Humans», «KiberRoom», «NIRVANA», «Pandora», «Pushkin Time's», «Roki Pub», «Smoke Project», «Torvald» и т.д. Интересно отметить, что из 35-и названий баров и пабов 10 (28,57%) относятся к этой группе, тогда как в номинациях кафе и ресторанов только 4 эргонима (7,14%) оформлены на латинице, из девяти названий ночных клубов – 1 (11,11%).

Белорусскоязычные названия крайне немногочисленны (3 единицы, или 2,88%): кафе «Бульбяная», сетевые кафе «Васількі», кафе «Ля Ратушы». Выше был приведен пример, что даже белорусское по своей сути название сетевого витебского кафе «Батькова хата» передается средствами русской графики.

В четырех эргонимах буквенные элементы сочетаются с цифровыми: «BAR 212», «УГØL 90», «100 Грамм», «7 комнат». Дополнительное графическое обыгрывание элементов наблюдается только в названиях гастрономического бара «УГØL 90» и ночного клуба «NIRVANA» (все буквы прописные).

В структурно-грамматическом отношении основную группу составляют простые эргонимы (69 единиц, или 66,35%), представленные в виде русских, белорусских или заимствованных лексем, в том числе оформленных латиницей: «Галерея», «Васількі», «Город», «Мята», «Ребро», «Humans», «NIRVANA» и другие. В большинстве своем это имена существительные, хотя есть названия в форме прилагательных: «Бульбяная», «Молодежное», «Славянское, «Театральное». Названия-прилагательные чаще используются для именования кафе, на что, соответственно, указывает форма среднего рода.

Каждое четвертое название (26 единиц, или ровно 25%) относится к группе составных. Здесь преобладают эргонимы, в составе которых препозитивное зависимое прилагательное сочетается по способу связи согласование с последующим существительным (14 названий): «Золотая рыбка», «Большой Тим», «Хмельная хата», «Витебский трактир», «Северная столица», «Апельсиновый рай», «Батькова хата» и др. Схожим является английское название «Golden Eagle» («Золотой орёл»).

Вторую позицию занимают конструкции, которые характеризуются таким типом связи, как именное примыкание: «Roki Pub», «Лапша ЦайЛу», «Дом Кино», «Кофе Брейк» и др. На основе беспредложного управления построены эргонимы «Остров сокровищ», «100 грамм» (название содержит разговорный, грамматический ненормативный вариант зависимого существительного; очевидно, номинаторы стремились обыграть именно разговорную форму). В одном случае составное название представляет собой словосочетание с предложным управлением: «Корчма на Покровке», где предлог *на* употребляется для обозначения места. Хотя подобный тип именования достаточно распространен в эргонимии, в витебских названиях он представлен единичным примером.

Кафе «Сели-поели» имеет сложное по структуре название, сочетающее два глагола в одной форме.

По своей семантике эргонимы достаточно разнообразны. Нужно подчеркнуть, что только небольшая их часть прямо или косвенно указывает на отношение к городу, где они расположены: «Витебск», «Витебский трактир», «Витебский экспресс», «Двина», «Двинский бровар», «Северная столица» (перифраз, активно используемый для именования в белорусских СМИ города Витебска), «Bar 212» (212 – телефонный код города). Некоторые названия отражают внутригородское положение именуемых объектов: кафе «Театральное» расположено возле театра имени Якуба Коласа, «Корчма на Покровке» (по названию Покровской улицы), «Граф Суворов» (на улице Суворова), ресторан и ночной клуб «Континент» располагается в одноименном торгово-деловом центре, а кафе «Айс» (с англ. – *лед*) в ледовом дворце спорта. К этой же группе, очевидно, следует отнести и название ресторана «Виктория», расположенного на площади Победы (лат. *victoria* – победа).

Единичными являются названия, связанные с Беларусью, с ее национальной символикой: «Белая Русь», «Васількі» (цветок василек, наряду с зубром и аистом, представляет собой один из символов страны).

Семь эргонимов образовано путем трансонимизации топонимов: «Амстердам», «Будапешт», «Зелена Гура», «Камчатка», «Тифлис», «Шварцвальд» (*Schwarzwald* – «чёрный лес», горный массив в юго-западной Германии), «Ямайка». Из них наиболее информативным является эргоним «Тифлис». Тифлис – бывшее (до 1936 года) название столицы Грузии (ныне Тбилиси), кафе специализируется на грузинской кухне. Остальные эргонимы этой группы выполняют скорее рекламную функцию.

Заметим, что указание на характер кухни (не всегда прямое), особенности предлагаемых в заведениях блюд является одной актуальных идей, отражаемых в названиях: «Золотой дракон», «Лапша ЦайЛу» (заведения специализируются на блюдах китайской кухни), «Manao» (тайская кухня), «Нино» и «Тифлис» (грузинская кухня), «Талыш» (кавказская кухня»), «Хабиби» (арабская кухня), «Funny Chicken», «Ребро» (специализируется на мясных блюдах), «Эйлат» (по названию города, расположенного на юге Израиля, специализируется преимущественно на блюдах израильской кухни), «Эль», «Двинский бровар» (название ресторана повторяет название пивоваренного предприятия; *бровар* – старое белорусское слово, которое использовалось для обозначения предприятия, занимавшегося пивоварением и изготовлением водки), «Бульбяная», «Славянское», кофейный бар «Кекс» (предлагает в своем меню выпечку и сладкие блюда).

Помимо указания на характер кухни в эргонимах, используемых для обозначения предприятий общественного питания, отражается и тип самого заведения, причем обычно стилизованный под более древний вариант именования: «Корчма на Покровке» (корчма – «постоялый двор, трактир в дореволюционной России (гл. образом на Украине, в Белоруссии и Польше) [3, 109]), «Витебский трактир» (трактир – «1. гостиница с рестораном; 2. ресторан низшего разряда; закусочная со спиртными напитками» [4, 396], «Roki Pub» (англ. *pub*, рус. *паб* – название питейных заведений в Англии, Ирландии и других англоязычных странах).

Существительное ‘хата’, являющееся частью составных эргонимов («Батькова хата», «Хмельная хата», ранее существовавшего названия «Хата лесника»), нельзя напрямую рассматривать как название именно типа заведения общественного питания, тем не менее, функционально оно сближается с этой группой: хата – «крестьянский дом в украинской, белорусской и южнорусской деревне» [4, 593]. Слово призвано акцентировать внимание на домашнем уюте, кроме того, название обыгрывается в интерьере, способах сервировки и т.д. Название бара «Аптека» тоже отражает особенности сервировки: напитки подаются в стаканах, похожих на баночки для лекарств.

В эргониме «KiberRoom» (букв. *кибер-комната*) содержится указание на специфику заведения (интернет-кафе).

Несколько названий унаследовано от советской эпохи. Для них, в частности, характерно использование абстрактной лексики, типичной для номинации того периода: кафе «Восход» (открыто в 1964 году), «Заря» (1986 г.), кинотеатр «Мир» (1961 г.). Название кафе «Молодёжное» (открыто в 1958 году) указывает на возраст потенциального клиента, а ресторана «Двина» (работает с 1961 года) связано, во-первых, с названием гостиницы, в которой он расположен, и, во-вторых, указывает на близость к главной водной артерии г. Витебска. Аналогична ситуация с названием ресторана «Витебск», расположенного в одноименной гостинице. Кафе-мороженое «Аврора», открытое в 1972 году вместе с одноименным рестораном, который сегодня называется «Северная столица», носит название-идеологему: крейсер Балтийского флота «Аврора» является одним из символов Октябрьской революции. Ресторан «Зелена Гура», работающий с 1986 года, был именован в честь польского города-побратима. Традиция называть предприятия и организации таким образом была достаточно распространена в советское время. Например, с 1963 года в течение тридцати с лишним лет в Витебске функционировал ресторан «Франкфурт-на-Одере», повторявший название города-побратима из ГДР.

Информацию о владельце косвенно несут в себе названия «Витебский экспресс» (ресторан принадлежит белорусской железной дороге), нескольких мини-кафе и магазинов разливного пива «Филипок» (по фамилии владельца *Филиппов*), «Николаевский хуторок» (от имени Николая Мартынова – предпринимателя, основавшего обувное предприятие «Марко», и владельца пивоваренного завода «Двинский бровар», на котором варится, в том числе, пиво под названием «Николаевское»).

Часть названий не содержит прямого указания на идею мотивации и, вероятнее всего, показалась номинаторам привлекательной по тем или иным причинам.

Литература

1. Ономастика Беларуси. Антропонимия: учебник / А.М. Мезенко [и др.]. – Минск: РИВШ, 2017. – 398 с.

2. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М.: Наука, 1988. – 192 с.

3. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; gод ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – Т. 2. К – О. – М.: Русский язык, 1986. – 736 с.

4. Словарь русского языка: в 4-х т. /АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – Т. 4. С – Я. – М.: Русский язык, 1988. – 800 с.

А.Д. Панкратова
Российский университет дружбы народов
e-mail: pankratova.nastya2016@yandex.ru
Научный руководитель: Чулкина Н.Л., доктор филологических наук, профессор

УДК 811.161.1

Коммерческие названия, используемые в качестве урбанонимов (на материале коммерческих наименований в России и Беларуси)

Ключевые слова: *топонимика, имя собственное, урбаноним, эргоним, коммерческие организации, коммерческое название, лингвокреатив.*

В статье выявляется тема выделения топонимики в качестве отдельной науки, а также определяется место урбанонима в её структуре. Также затрагивается проблемный для топонимики вопрос вхождения названий организаций, рассчитанных на привлечение потребителей и получение прибыли – эргонимов – в состав урбанонимики, а следовательно, и топонимики. Даётся определение такому понятию, как коммерческие названия, обозначаются их основные характеристики и функции. Особое внимание уделяется явлению лингвокреатива как средства достижения основной цели эргонимов как коммерческих элементов. Завершает статью анализ названий различных организаций в городских пространствах Республики Беларусь и Российской Федерации.

A.D. Pankratova
Peoples' Friendship University of Russia

Commercial names used as urbanonyms (based on the materials of the commercial names of Russia and Belarus)

Key words: *toponymy, proper name, urbanonym, ergonym, commercial organizations, commercial name, linguistic creativity.*

The article is focused on the topic of the toponymy being a separate science, and also determines the place of the urbanonym in its structure. The article shows the problematic issue of ergonyms' entry into urbanonymy and toponymy. The definition of such a concept as commercial names is given, their main characteristics and functions are indicated. Special attention is paid to the phenomenon of linguistic creativity as one of the means of achieving the main goal of ergonyms – making a profit. The article concludes with an analysis of the names of various organizations in the urban spaces of the Republic of Belarus and the Russian Federation.

Топонимика, изначально существующая как раздел ономастики (на что указывает ономастический словарь Подольской Н.В. [9, 144]) и во второй половине XX века постепенно выделившаяся в самостоятельную науку, на протяжении всего её существования

волновала учёных вследствие обширной системы детонатов. Некоторые языковедческие словари [2, 477; 15, 322] подтверждают, что топонимика из раздела ономастики перешла в раздел лексикологии, поскольку система топонимов – наименований географических объектов – составляет большое количество терминов.

Особый класс, различающийся внутри системы топонимов, представляют собой урбанонимы, обозначающие любые внутригородские объекты. Как ответвление ономастики урбанонимика возникла на рубеже XIX–XX столетий, однако обширное исследование пространства города проявило себя ближе к 90-м годам прошлого века. В связи с прогрессирующим развитием городов в настоящий момент данная область подвергается наиболее тщательному изучению, а предметная область исследования с каждым годом расширяется из-за возрастающего интереса к явлению номинации увеличивающегося множества городских объектов.

Именно с определением области охвата урбанонимики связана одна из существующих в топонимике проблем, вызывающая научные споры в ряду исследователей. В словаре Н.В. Подольской обозначено, что в качестве урбанонима могут выступать любые внутригородские объекты [10, 154]. Многие исследователи причисляют к внутригородским точкам помимо линий передвижения, территориальных объектов также и коммерческие организации: кафе, магазины, гостиницы и пр. Все перечисленное объединяется на основе фактора нахождения внутри пространства города [6, 4]. Подобные предприятия получили в науке отдельный термин – эргонимы. Первой о них как о компонентах урбанонимики заговорила А.М. Мезенко, а после эту позицию отразила в своём учебном пособии по ономастике Т.В. Шмелёва [21, 103]. Некоторые учёные не согласны с включением наименований в контекст города [12, 132; 13, 17], объясняя это тем, что эргонимы в городе соотносятся с социальной жизнедеятельностью человека, следовательно, должны образовывать отдельную группу онимов, но не входить в состав внутригородских наименований. Однако на наш взгляд стоит отметить, что пространство города, как и любого населённого пункта, невозможно без сосуществования топографических характеристик и характеристик социальных. Н.В. Подольская в одной из своих работ [8, 124] обозначает, что урбанонимия представляет собой сознательный процесс номинации и отличается своей яркой «социальной тенденцией», в системе нейминга города человеческий фактор представляется одним из ведущих. Появление эргонимики – научной области, которая изучает наименования деловых объединений людей – в области урбанонимики было связано не только с проявившемся в конце XX – начале XXI века «ономастическом буме», но и с увеличившейся ролью бизнеса. Данное экономическое явление вызвало необходимость разработки названий для каждой организации. С течением времени пространство города расширялось и уплотнялось, следовательно, каждый новый объект требовал отдельного обозначения. Так, в связи с развитием частного бизнеса свои названия получили не только магазины и кафе, но и аптеки, детские сады, школы; появились новые внутригородские объекты: салоны красоты, ночные клубы, бары и т.д. [22, 9–10].

Классификация эргонимов представляет собой затруднительную задачу, поскольку система коммерческих названий не обладает чёткой структурой, а также недолговечна по экономическим причинам. Первой к проблеме типологии наименований организаций подошла А.В. Суперанская и разделила их на реальные, отражающие местоположение и характер деятельности предприятия, и символические – дающие намёк на характер деятельности [19, 197]. В дальнейшем учёные за основу классификации начали брать функции эргонимов – номинативную, информативную и рекламную [17], где информативно-рекламный тип присущ большому числу названий объектов в силу своей «ребусной» структуры: за счёт намёка на деятельность заведения, а также креативности самого названия достигается основная цель наименования – привлечение покупателя [20, 68]. На основе данной классификации выделяются коммерческие эргонимы – названия внутригородских организаций, созданные при помощи различных лингвистических и невербальных средств и призванные приносить владельцу заведения прибыль.

Коммерческий нейминг в силу своей рекламной функции неразрывно связан не только с явлением креативности как сочетания личностных и интеллектуальных качестве человека [3, 3–5], но и с таким понятием, как «лингвокреатив». Владельцы организаций стараются придумать такое название, руководствуясь не только целью привлечь посетителей и получить прибыль, но и собственным культурным и языковым опытом, на что указывает в своих трудах Е.Н. Ремчукова [14, 87–88; 15, 348–349]. К настоящему моменту можно говорить о трёх типах креативности в пространстве коммерческих урбанонимов: вербальной, невербальной (графической) и поликодовой (представленной «смешанными» текстами) [7, 68–69]. Первый представляет собой систему навыков человека, который, обладая комплексом готовых языковых форм, отличающихся грамматической «правильностью», на основе воображения осознанно отступает от канонических форм речи и создаёт что-то новое. Оригинальный словесный продукт может создаваться в любой форме (устной или письменной). Невербальная креативность отличается тем, что творческие способности человека проявляются в области графики в виде рисунков, художественных образов и т.д. В условиях современности стоит добавить, что проявления графической креативности всё чаще встречаются и в цифровых вариантах. Третий вид – поликодовость – в пространстве города встречается достаточно часто и представляет собой особый интерес, поскольку сочетает творческие способности человека в сфере как языковой, так и невербальной. Поликодовая креативность представляет собой комплекс лингвистических, графических и анимационных компонентов (аудио- и видеоматериалы и т.д.).

В нашей работе эргонимы рассматриваются именно в своём «коммерческом» значении. На материале городских названий в городском пространстве Республики Беларусь и Российской Федерации показан анализ, выявляющий элементы различных типов креативности в названиях коммерческих предприятий.

Вначале будут представлены названия различных организаций в Беларуси. К примеру наименований, в которых были использованы способы вербальной креативности можно отнести минский магазин «Мамона-про», занимающееся продажей преимущественно продуктовых изделий. В данном случае вербальная креативность основана на сближении семантических планов. Мамона – это древнесирийское божество, олицетворявшее богатство и земные блага. В сочетании с деятельностью, которую осуществляет организация, создаётся целостный образ магазина, где покупатель найдёт всё в изобилии и хорошем качестве.

Название «Мебельная фабрика «Распилини» также привлекает внимание за счёт необычной формы слова. Она не только указывает на род деятельности организации [11, 85], что видно в корне, созвучном с глаголом «пилить», но и за счёт окончания на «-ини» отражает тот факт, что итальянские бренды и итальянское качество по-прежнему глубоко сидят в головах потребителей.

В качестве примера невербальной креативности, которых в городском пространстве белорусских городов встречается не так много, можно привести название закусочной «Закон бутерброда». Если обратить внимание на вывеску (рис. 1), возникает ассоциация с кулинарным продуктом, точнее, с описанием закона, согласно которому бутерброд всегда падает маслом вниз. Верхняя строчка со словом «закон» выкрашена в светло-жёлтый цвет, который демонстрирует цвет масла, нижний же изображён в коричневом оттенке, символизируя хлеб. А расположенные зеркально строки обозначают сам процесс «переворачивания» во время падения бутерброда. Кроме того, само название соответствует не только роду деятельности заведения, но и его меню: в закусочной основными блюдами считаются бутерброды, сэндвичи и гамбургеры.

Название фирмы «Спрытна» (рис. 2), занимающейся проектной организацией пространства, в переводе на русский означает «ловко», что создаёт у потенциальных клиентов ассоциацию с быстрым и чётким выполнением их заказов. Также на логотипе организации можно увидеть пчелу, которая частично состоит из шестерёнок. Этим создатели, видимо, хотели показать установку на высокую продуктивность и точное качество работы работников фирмы. Сочетание лексемы в названии с изображением даёт пример поликодовой креативности в обозначении коммерческого предприятия.

Поликодовость в подходе к созданию названия и логотипа отражена и в наименовании кафе «Rio де Шабанейро» (рис. 3). Сочетание урбанонимов «Рио де Жанейро» и «Шабаны» (название района, где расположено кафе) создаёт пример вербальной креативности, а сочетание с изображением города в разноцветных огнях, создающее атмосферу знаменитого «карнавала», – поликодовой.

Рисунок 1 Рисунок 2 Рисунок 3

Следующие коммерческие организации, названия которых анализируются в нашей работе, расположены на территории России. Нейминг ресторана «ХЛЕБОSOUL» происходил благодаря вербальной креативности: разработчики использовали метод сложения корней двух слов из двух разных языков. Вследствие этого они получили лексему, созвучную русскому слову «хлебосольный». Акцент, сделанный на иностранном слове «soul», переводимом с английского как «душа», создаёт ассоциацию с душевной и уютной атмосферой заведения.

В качестве ещё одного примера проявления вербальной креативности мы взяли название кафе «ТжвЖик». С точки зрения семантики значение названия составляет играет весьма скудную роль, поскольку представляет собой сочетание междометий. Однако стоит обратить внимание на обилие шипящих звуков: за счёт этого название становится созвучным с шипением сковородки во время приготовления пищи, а это косвенно отражает род деятельности заведения.

Стоит отметить, что в городском пространстве России вербальная креативность тоже встречается нечасто. Расположенный в Санкт-Петербурге лофт-проект «Этажи» (рис. 4) является примером творчества на уровне графики. Логотип проекта представляет собой здание, испещрённое различными выступами, имитирующими ступеньки, то есть этажи, таким образом отражая концепцию организации – систему центров, где проходят культурные и развлекательные мероприятия.

Наиболее распространённым в нейминге в нашей стране к настоящему моменту времени является поликодовая креативность. Так, в названии ресторана «Нож справа, вилка слева» (рис. 5) на уровне вербалики прослеживается предикативность – одна из ведущих тенденций нейминга, выражающаяся в использовании целых предложений в номинации заведений. С точки зрения графической креативности на логотипе слово «нож» находится слева, а «вилка» справа, однако стрелками показано их должное расположение на столе согласно этикетной норме.

В названии кафе «Советский дайнер» (рис. 6), которое к данному моменту уже не функционирует, использован смешанный вид креативности: здесь одновременно использованы как вербальные, так и невербальные средства. Для передачи слова «дайнер» применён метод транслитерации английского варианта «diner» (обедающий, ужинающий). Невербальные средства представлены в названии и антураже данного кафе в большем объёме. Так, шрифт вывески выполнен в красном цвете, что является отсылкой на период СССР, где именно красный играл большую роль как цвет, даже в плане идеологии, в качестве своеобразной инсталляции выставлена передняя часть автомобиля эпохи Советского Союза. Также можно заметить в качестве вывески плакат, который вызывает ассоциации с популярным в СССР плакатным искусством.

Рисунок 4 Рисунок 5 Рисунок 6

Таким образом, в нашей статье было рассмотрено такое явление, как коммерческая номинация внутри пространства города. На основе выделения мнений некоторых учёных было определено, что эргонимы за счёт вхождения в общее пространство города, а также социальной характеристики, роднящей коммерческие наименования с ним, могут относиться к системе урбанонимов. На основе ведущих характеристик и функций были обозначены понятия коммерческих эргонимов, а также их основные задачи, заключающиеся в привлечении аудитории и получении прибыли за счёт употребления приёмов разных видов креативности. Сформулированные способы были рассмотрены нами на примерах названий различных заведений в двух странах – России и Беларуси. Результаты анализа говорят о том, что, несмотря на близость в расположении государств и некоторую схожесть в системе нейминга – малая часть примеров невербальной креативности – в ней имеются некоторые различия. Рассмотрение не одного десятка наименований на территориях обеих стран говорит о том, что в Беларуси, как и в России большое внимание уделяется средствам вербального творчества, однако в системе российского нейминга большое значение имеет и поликодовая креативность.

Литература

1. Алиева, Г.Н. Эргонимы современного русского языка в лексикографическом аспекте / Г.Н. Алиева, Ф.Ф. Алистанова // Научное мнение. – 2011. – № 3. – С. 7–11.

2. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 477 с.

3. Грецов, А.Г. Лучшие упражнения для развития креативности: учебно-методическое пособие / А.Г. Грецов. – СПБ.: СПбНИИ физической культуры, 2006. – 44 с.

4. Душечкина, Е.В. Ономастическое пространство, или что, как и почему мы называем / Е.В. Душечкина. // Вопросы ономастики. – 2014. – № 1(16). – С. 170–173.

5. Ермолович, Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур: заимствование и передача имён собственных с точки зрения лингвистики и теории перевода / Д.И. Ермолович. – М.: Р.Валент, 2001. – 200 с.

6. Мезенко, А.М. Урбанонимия Белоруссии: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01; 10.02.02 / А.М. Мезенко; Белорус. гос. ун-т им. В.И. Ленина. – Минск, 1991. – 35 с.

7. Омельяненко, В.А. Поликодовые тексты в аспекте теории мультимодальности / В.А. Омельяненко, Е.Н. Ремчукова // Коммуникативные исследования. – 2018. – № 3 (17). – С. 66–78.

8. Подольская, Н.В. Урбанонимия центральных областей РСФСР / Н.В. Подольская // Топонимия Центральной России (Вопросы географии. Сб. 94) – М.: Мысль, 1974. – 123–129 с.

9. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – 2-е изд., перераб., доп. – М.: Наука, 1988. – 192 с.

10. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – М.: Наука, 1978. – 201 с.

11. Позднякова, Е.Ю. Принципы и способы номинации коммерческих объектов городского пространства / Е.Ю. Позднякова // Коммуникативные исследования. – 2020. – № 1. – С. 77–98.

12. Разумов, Р.В. Урбанонимическая терминология: системы и проблемы / Р.В. Разумов, С.О. Горяев // Научный диалог. – 2019. – № 9. – С. 130–145.

13. Разумов, Р.В. Об упорядочении ономастической терминологии в области урбанонимии / Р.В. Разумов // Верхневолжский филологический вестник. – 2015. – №2. – С. 14–19.

14. Ремчукова, Е.Н. Коммерческие урбанонимы России в аспекте креативной речевой деятельности / Е.Н. Ремчукова, Л.Р. Замалетдинова // Ценности и смыслы. – 2016. – № 6 (46). – С. 87–96.

15. Ремчукова, Е.Н. Лингвокреативные тенденции в сфере городской номинации / Е.Н. Ремчукова, Т.П. Соколова // Русский язык в поликультурном мире : материалы III Международного симпозиума, Ялта, 08–12 июня 2019 г.: в 2-х т.; отв. редактор Е.Я. Титаренко., издательство типография Ариал. – Симферополь. – С. 348–353.

16. Розенталь, Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Просвещение, 1985. – 399 с.
17. Романова, Т.П. Проблемы современной эргонимии [Электронный ресурс] / Т.П. Романова // Вестник Самарского госуниверситета. Серия «Филология». – 2008. – №1. – Режим доступа: http://vestniksamgu.ssau.ru/gum/1998web1/plog/199811801.html. – Дата доступа: 14.04.2017.
18. Соколова, Т.П. Коммерческие урбанонимы России в аспекте неймингoвой экспертизы / Т.П. Соколова // Ценности и смыслы. – 2016. – №6 (46). – С. 79–86.
19. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М., 2007. – 192 с.
20. Трапезникова, А.А. К вопросу о классификации эргонимов (на материале коммерческих наименований Красноярска) /А.А. Трапезникова // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – № 2(14). – С. 68–70.
21. Шмелева, Т.В. Ономастика: учеб. пособие / Т.В. Шмелева. – Славянск-на-Кубани: Изд. центр филиала ФГБОУ ВПО «КубГУ» в г. Славянске-на-Кубани, 2013. – 161 с.
22. Шмелева, Т.В. Ономастикон российского города / Т.В. Шмелева. – Германия: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. – 144 с.

Ю.Р. Сабітава
Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна
e-mail: smalucha@yandex.by
Навуковы кіраўнік: Якубук Н.Р., кандыдат філалагічных навук, дацэнт

УДК 808.26–311.11–808.26–311.5

Мікратапонімы Брэстчыны, матываваныя назвамі раслін

Ключавыя словы: *геаграфічны аб'ект, Брэстчына, мікратапонім, лексіка-семантычная група, расліна, урочышча*.

У артыкуле праводзіцца аналіз найменняў урочышчаў Брэсцкай вобласці дзвюх лексіка-семантычных груп: мікратапонімаў, матываваных агульнымі назвамі раслінага свету, і мікратапонімаў, суадносных з канкрэтнымі назвамі раслін.

Yu.R. Sabitova
Brest State University named after A.S. Pushkin

Microtoponyms of Brest region motivated by plant names

Key words: *geographical object, Brest region, microtoponym, lexico-semantic group, plant, tract.*

The article analyzes the names of the Brest region tracts of two lexico-semantic groups: microtoponyms motivated by common plant names, and microtoponyms motivated by specific plant names.

Людзі здаўна цікавіліся, як называецца іх мясцовасць, рэчка, што працякае ў вёсцы, возера, дзе ўлетку купаюцца дзеці і адпачывае моладзь, або лес, куды мясцовыя жыхары ходзяць збіраць ягады і грыбы, і спрабавалі даведацца, чым матывуецца назва мясціны. Найменні геаграфічных аб'ектаў з'яўляюцца своеасаблівымі гістарычнымі дакументамі. Акрамя гэтага, беларускія мікратапонімы – гэта скарбніца, дзе захаваліся забытыя тэрміны, якія сталі незразумелымі па пэўных прычынах: праз знікненне прыродных і штучных аб'ектаў, якія ўваходзілі ў назву, праз выцясненне мясцовых дыялектных тэрмінаў найбольш вядомымі літаратурнымі адпаведнікамі. Некаторыя найменні ведаюць толькі спецыялісты, а ў лепшым выпадку – невялікая група старажылаў, якіх з кожным годам становіцца ўсё менш. Менавіта праз такія адзінкі і варта вывучаць гісторыю мовы, народа. Важна, каб гэтая спадчына захоўвалася, каб не перарывалася повязь

пакаленняў і не знікалі культурныя адметнасці рэгіёна. У даным артыкуле аб'ектам даследавання паслужылі мясцовыя назвы ўрочышчаў Брэсцкай вобласці.

На аснове праведзенага аналізу ўтваральных асноў мікратапонімаў Брэстчыны выявілася, што шматлікую групу складаюць мікратапонімы, ***суадносныя з канкрэтнымі відамі раслін***, г. зн. матываваныя назвамі пород дрэў, кустоў, раслін, траў, іх частак. Вельмі пашыраны ў нашым рэгіёне ў якасці ўтваральных асноў лексемы ***бяроза*** і ***дуб***: *Бере́за* м. у л. (Клейнікі Бр.), *Бере́зов Гру́д* л. (Камянюкі Кам.), *Берэзы́нка* л. (Аўсяміра Стол.), *Бырызына́* м. у л. (Псышчава Іван.), *Бырэ́зына* п. (Навасёлкі Кобр.), *Бэре́зовэ* л. (Старыя Пескі Бяроз.), *Бэрызі́нка* ўр. (Ялач Драг.), *Бэрэзіна́* п. (Падкраічы Бяроз.), *Бэрэ́знэе* паша, п. (Фядоры Стол.), *Бярó завая Гара́* ўзв. (Лапацічы Лях.), *Бярó заў О́страў* л. (Забалацце Мал.), *Бярó заўка* л. (Белавуша Стол.), *Бярó зкі* л. (Тухавічы Лях., Радзевічы Кам., Малеч Бяроз., Малахоўцы Бар.), *Бярó знае* п. (Фядоры Стол.), *Бярэ́зіна* б. (Відзібор Стол.), *Бярэ́зінка* л. (Белавусаўшчына Пруж.); *Во́зле Ду́ба* п. (Соміна Івац.), *Звал я́лый Ду́б* п. (Лука Кобр.), *Дубаве́ц* л. (Крывошын Лях.), *Ду́бавін* л. (Тухавічы Лях.), *Дубаво́е* ўр. (Кажан-Гарадок Лун.), *Дубі́шча* ўр. (Забалацце Бар.), *Ду́бішчы* л. (Небыты Бар.), *Ду́бкі* л. (Баршчэва Кам.), *Ду́бныкы* п. (Мокрая Дубрава Пін.), *Дубо́ва Града́* л. (Жолкіна Пін.), *Дубо́вае* паша (Калоднае Стол.), *Дубо́віцке* л. (Краі Івац.), *Дубо́вік* ур. (Камянюкі Кам.), *Дубо́віцке* л. (Краі Івац.), *Дубо́к* л. (Заполле Івац.), *Дубына́* л. (Сачыўкі Іван.), *Дубы́на* п. (Баранцы Жаб.), *Дубы́нка* м. у л. (Ставы Бр.), *Дубы́шча* п. (Навасёлкі Кобр.), *Дубья́* ўр. (Воса Кобр.), *Каля Ду́ба* п. (Лінова Пруж.), *Пад Ду́б* п. (Турная, Івац.), *У Дуба́х* п. (Фядоры Стол.) і інш.

У якасці батанічных номенаў выкарыстоўваюцца і іншыя назвы пород дрэў і хмызняку: *Але́с* лес, у якім растуць вольхі (Чарнаўчыцы Бр.), *Але́хоўка* л. (Стайкі Івац.), *Альшы́нка* л. (Белавусаўшчына Пруж.), *Альша́на* ўч. л. (Харсы Бр.), *Асі́нкі* л. (Пружаны Бр.), *Асо́вае* л. (Дружылавічы Іван.), *Вольша́нка* л. (Беразнякі Кам.), *Верба́* б. (Рэчкі Івац.), *Вырбы́на* луг (Псышчава Іван., Лісічыцы Бяроз., Камень Кобр.), *Граб'е́* ўр. (Шумакі Бр.), *Гра́бнік* л. (Целяханы Івац.), *Грабо́вка Выль ы́ка* п. (Залескія Кобр.), *За Але́шнікам* п. (Арэхаўскі Кобр.), *Завэ́рб'е* ўр. (Навіцкавічы Кам.), *Залозэ́нне* п., с. (Фядоры Стол.), *Зальы́ззе* б. (Багданаўка Лун.), *Зальшы́нне* ўр. (Псышчава Іван.), *Заосы́на* луг (Хаціслаў Мал.), *За Тапо́лямі* п. (Арэхаўскі Кобр.), *Кляно́вэ* л. (Старое Сяло Жаб.), *Ла́з* л., п., (Мокрая Дубрава Пін., Сялец, Падкраічы Бяроз.), *Лазаве́ц* ур. (Белавусаўшчына Пруж.), *Ла́зка* б. (Арэхаўскі Кобр.), *Лазкі́* п. (Гошчава Івац.), Лазо́к п. (Харава Пруж.), *Лоза́* б., п., ур. (Юўсічы Кам., Казловічы Бр., Дружылавічы Іван.), *Лозно́е* п. (Фядоры Стол.), *Лы́пка* п. (Навасёлкі Кобр.), *Лы́пынкы* б. (Псышчава Іван.), *Лы́п'е* п. (Аўсяміра Стол.), *Орабі́нка* б. (Краі Івац.), *Осі́новка* х. (Лукава Мал.), *Осова́* п. (Навасёлкі Кобр.), *Осо́ва Перэто́ка* л. (Краі Івац.), *Осынкы́* п. (Навасёлкі Кобр.), *У Лозі́* ўр (Лісічыцы Бяроз.), *Чарамхі́* л. (Нагор'е Драг.), *Чере́мушкі* ч. в. (Відзібор Стол.), *Черемхо́ва* луг (Бор-Дубінец Стол.), *Чэрэ́мушны Груд* узв. на б. (Псышчава Іван.), *Я́сі́нне* б. (Моладава Іван.), *Ясэнёвэе* б. (Рудня Івац.), *Я́сэнь* п. (Навасёлкі Кобр.) і інш.

Крыніцай мікратапонімаў зрэдку выступаюць назвы пладовых дрэў: *Ві́шенкі* уч. з. (Тэльмы Бр.), *Ві́шня* п. (Клейнікі Бр.), *Вы́шынька* п. (Хацінава Кам.), *Гру́шка* с. (Добрае Кобр.), *Гру́шкі* м. у л. (Малеч Бяроз.), *За Гру́шкай* п. (Белавусаўшчына Пруж.), *Я́блынька* м. у л. (Тамашоўка Бр.), *Я́блынец* луг (Дружылавічы Іван.), *Я́блынька* п. (Навасёлкі Кобр.).

Утваральнымі асновамі мікратапонімаў таксама паслужылі найменні хвойных пород дрэў: *Заяль ы́на* б. (Ляхаўцы Мал.), *Заяль ы́ннэ* п. (Масевічы Мал.), *Сасёнкі* л. (Якаўчыцы Жаб., Арэхаўскі Кобр.), *Сасно́вая Го́рка* ўзв. (Тартакі Бар.), *Сасно́ўка* п. (Ляхчыцы Кобр.), *Сасу́вка* л. (Каралін Іван.), *Хваі́на* л. (Гута Бр.), *Со́санка* п. (Навасёлкі Кобр.), *Сосні́ўка* ўр. (Псышчава Іван.), *Сосні́ўка Мо́тольска* л. (Моталь Іван.), *Сосні́ўка Псы́ська* л. (Псышчава Іван.), *Сосно́вэц* узв. (Вялічкавічы Кам.), *Со́сный Гру́д* п. (Навасёлкі Кобр.), *Сосны́ца* м. на б. (Псышчава Іван.), *Со́сонкі* л. (Фядоры Стол.), *Хваёвае* л. (Забалацце Мал.), *Хві́йка* л. (Прыбарава Бр.), *Хвоі́нка* л. (Беразнякі Кам.), *Хвойкы́* л. (Фядоры Стол.), *Ялó ўка* л. (Хвалава Пруж.), *Ялó ўцы* м. у л. (Папялёва Пруж.), *Ялэ́цкі Сынако́с* с. (Псышчава Іван.) і інш.

Зафіксаваны на Брэстчыне мікратапонімы, якія матывуюцца назвамі асобных раслін, траў: *Асо́віца* п. (Роўбіцк Пруж.), *Ба́бычовэ* л. (Старыя Пескі Бяроз.), *Ба́гныско* м. у л. (Кацельня Баярская Бр.), *Багóннік* л. (Альшаны Стол.), *Багу́ннік* уч. л. (Замшаны Мал.), *Бе́лы Багóн* м. у л. (Папялёва Пруж.), *Блюшныкі́* луг (Шышова Кам.), *Васількóве* м. у л. (Выганашчы Івац.), *Вэ́всішча* п. (Горталь Івац.), *Вэ́рос* л. (Рудня Бр.), *Залю́тте* б. (Старыя Пескі Бяроз.), *Зозу́лька* п. (Навасёлкі Кобр.), *Крапі́ўніца* б. (Стрыганец Жаб.), *Кропы́ўна* п. (Навасёлкі Кобр.), *Лóпухі* п. (Пералум'е Жаб.), *Мáчоха* п. (Навасёлкі Кобр.), *Пшані́ца Фядóрская* п. (Калоднае Стол.), *Сі́тнэе* п., с. (Фядоры Стол.), *Хмілёўка* л. (Навасады Бр.), *Чамяры́* л. (Ставы Кам.), *Черемошны́* п. (Краі Івац.), *Чырэ́т* с. (Скокі Бр.), *Чырэтня́к* б. (Сачыўкі Іван.), *Чырэ́цяныk* ур. (Псышчава Іван.) і інш.

Адзінкавыя мікратапонімы ўтвораны ад назваў ягад і ягаднікаў. Яны называюць пераважна лясныя ўрочышчы і палі: *Бруснічнік* м. у л. (Паніквы Кам.), *Го́лубаўшчына* л. (Стайкі Бар.), *Калы́ново* п. (Навасёлкі Кобр.), *Малі́на* хм. (Шышова Кам), *Малі́нава* ч. л., п. (Яўсімавічы, Заверша Кобр.), *Малі́новэ мі́сцэ* ч. л. (Рыцец Бр.), *Чарні́цы* м. у л. (Забер'е Лях.),*Чырны́ччэ* п. (Верхалессе Кобр.), *Чэрні́цко* л. (Альшаны Стол.).

Нешматлікую групу складаюць найменні ўрочышчаў, ***суадносныя з агульнымі назвамі раслін***: *Ахрап'ёва Паля́на* м. у л. (Жытлін Івац.), *Вели́кі Мóх* п. (Целяханы Івац.), *Во мхáх* м. у л. (Краі Івац.), *Гóмх* б. (Сіманавічы Драг.), *Дзі́кі Мóх* луг (Відзібор Стол.), *Малы́ Мшóк* ур. (Выжлавічы Пін.), *Мохнáтэе* б. (Краі Івац.), *Мохóвіна* б. (*Запруды Кобр.*), *Моховóе Болóто* б. (Ставы Кам.), *Трáвы* ч. в. (Павіцце Кобр.), *Тра́ўкі* п. (Арэхаўскі Кобр.), *Умшáры* л. (Багданаўка Лун.) і інш.

Мікратапонімы, ***суадносныя з назвамі грыбоў***, звычайна называюць месцы ў лесе: *Ба́бскі Го́ры* ўч. л., дзе расце шмат грыбоў бабак (падасінавікаў) (Стойлы Пруж.), *Баровічóк* ч. л. (Сіманавічы Драг.), *Зылыны́ця* м. у л., дзе растуць грыбы зялёнкі (Хаціслаў Мал.), *Козлóўка* л., у якім растуць грыбы казлякі (Лагішын Пін.), *Лісі́чнік* л. (Калоднае Стол.).

СПІС СКАРАЧЭННЯЎ І ЎМОЎНЫХ АБАЗНАЧЭННЯЎ

Раёны:

Бар. – Баранавіцкі раён
Бр. – Брэсцкі раён
Бяроз. – Бярозаўскі раён
Ганц. – Ганцавіцкі раён
Драг. – Драгічынскі раён
Жаб. – Жабінкаўскі раён
Іван. – Іванаўскі раён
Івац. – Івацэвіцкі раён
Кам. – Камянецкі
Кобр. – Кобрынскі раён
Лун. – Лунінецкі раён
Лях. – Ляхавіцкі раён
Мал. – Маларыцкі
Пін. – Пінскі
Пруж. – Пружанскі
Стол. – Столінскі

Іншыя скарачэнні

б. – балота
д. – дарога
л. – лес
м. у л. – месца ў лесе
п. – поле
р. – роў
с. – сенажаць
узв. – узвышша
узг. – узгорак
ур. – урочышча
уч. з. – участак зямлі
хм. – хмызняк
ч. л. – частка лесу
ч. в. – частка вёскі

Літаратура

1. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: больш за 65 000 слоў / уклад.: І.Л. Капылоў [і інш.]; пад рэд. І.Л. Капылова. – Мінск: БелЭн імя П. Броўкі, 2016. – 968 с.

А.И. Стаселько
Белорусский государственный университет
e-mail: mashinanaperetz@bk.ru
Научный руководитель: Дедова Е.С., кандидат филологических наук, доцент

УДК 811.161.3'373.237:659.126

Белорусскоязычный нейминг в ресторанном бизнесе г. Минска: лингвистический аспект

Ключевые слова: *белорусскоязычный нейминг, нейм, ресторанный бизнес, эргоним.*

В статье впервые рассматриваются специфические особенности белорусскоязычных неймов, используемых в сфере ресторанного бизнеса г. Минска. Выявлена лексико-семантическая специфика национально маркированных эргонимов, используемых в качестве названий предприятий ресторанного типа, определена их лингвокультурологическая составляющая и охарактеризованы графико-орфографические особенности.

A.I. Staselko
Belarusian State University

Belarusian-language naming in the restaurant business of Minsk: linguistic aspect

Key words: *Belarusian-language naming, name, restaurant business, ergonym.*

The article for the first time discusses the specific features of the Belarusian-language names used in the restaurant business of Minsk. The lexico-semantic specificity of nationally labeled ergonyms used as the names of restaurant-type enterprises is revealed, their linguoculturological component is determined and grapho-orthographic features are characterized.

В последние два десятилетия в связи с развитием рыночных отношений и бизнес-индустрии, созданием многочисленных частных предприятий, компаний и увеличением конкуренции между ними нейминг становится неотъемлемым элементом маркетинга и рекламной деятельности.

Белорусскоязычный нейминг – это относительно новое явление в современном маркетинге, в котором наблюдается отчетливая тенденция “привязать” коммерческие названия к тем или иным белорусским реалиям. В данный момент еще, видимо, преждевременно говорить о массовом характере нейминга по-белорусски. Понятно, что специалистами в сфере рекламного бизнеса движет желание выделиться, заявить о себе каким-то нетрадиционным, оригинальным способом, в том числе и благодаря продуманным белорусскоязычным названиям тех или иных коммерческих объектов. В нашей стране в условиях несбалансированного русско-белорусского билингвизма (с преобладанием русского языка как наиболее распространенного и востребованного в различных сферах деятельности) все это ведет зачастую к выбору именно белорусского языка как наиболее оригинального способа коммуникации с потребителем продукции либо клиентами.

Трудно не согласиться с тем, что название ресторана – это фактически первая точка «соприкосновения» потенциального клиента с заведением такого типа, своеобразная основа для его узнаваемости и идентичности. Нередко бывает, что при открытии ресторанного бизнеса в потоке различных организационных и финансовых вопросов не уделяется должного внимания названию заведения. Поэтому следует обратить внимание на то, что оригинальное название – это своего рода самовыражение, инвестиция в запоминаемость и узнаваемость ресторана или кафе, кофейни или бара, агроусадьбы с предприятием общественного питания или загородного ресторанного комплекса. Следует также помнить о том, что

наименование объекта – это «самый долгоиграющий компонент» ресторанного бизнеса. Поэтому броское, самобытное, нетрадиционное с лингвистической точки зрения название – это в будущем в определенной степени еше и экономия рекламного бюджета.

На современнном этапе развития общества понятие *нейминг* достаточно употребительно и широко распространено среди специалистов различных сфер деятельности – в лингвистике, экономике и бизнес-сфере, юриспруденции и психологии. Однако следует заметить, что этот термин – пока достаточно редкое явление в лекискографических источниках.

Нейминг (от англ. *naming*) – это комплекс работ, связанных с созданием звучных, запоминающихся и точных названий для компаний, товаров и услуг» [1]. Другими словами, нейминг – это разработка, своеобразное искусство создания наименований для предприятий, компаний, производимых ими товаров или предлагаемых потребителям услуг. В научных работах лингвистов наряду с термином *нейминг* сегодня используются термины *имяобразование, коммерческое название, ркламное имя* и др. Несмотря на то, что лингвистические аспекты современного нейминга входят сегодня в зону активного внимания языковедов, в том числе ономастов, особенности неймингового пространства Беларуси являются все еще недостаточно изученными.

По сравнению с русскоязычными названиями спектр белорусскоязычных неймов, функционирующих в сфере ресторанного бизнеса г. Минска и его городов-спутников, не такой многочисленный. Тем не менее, использование данного вида белорусскоязычных эргонимов в данной сфере, несомненно, придает названиям заведений ресторанного типа специфическую национально-культурную окраску и в условиях доминирования русского языка в процессе нейминга различных бизнес-объектов столицы Беларуси несет в себе «непохожесть» на другие заведения общественного питания, своеобразную «языковую экстравагантность». Как правило, благозвучные белорусскоязычные неймы с позитивной коннотацией притягивают к себе повышенный интерес со стороны посетителей.

Объектом нашего исследования являются белорусскоязычные неймы (более 60-ти рекламных имен), выбранные из интернет-источников, а также зафиксированные в процессе наблюдений за названиями объектов общественного питания в г. Минске. Основными методами исследования выступают метод научного наблюдения, описательный и элементы лингвокультурологического метода.

В процессе анализа лексико-семантических особенностей исследованной группы эргонимов выявлено, что в сфере нейминга ресторанного бизнеса г. Минска достаточно часто встречаются национально маркированные названия, семантически связанные с теми или иными особенностями общественной жизни наших предков, социальными реалиями или событиями исторического прошлого белорусских земель. Например: рестораны *«Палац», «Графскі маёнтак», «Гасцінны маёнтак»* (бел. *маёнтак* – русск. *поместье, усадьба*), *«Грунвальд»* (как «напоминание» о Грюнвальдской битве 1410 года), *«Чумацький шлях»* (чумаками в былые времена называли странствующих купцов и перевозчиков), кафе *«Пан Бровар»* (бел. *бровар* – русск. *винокуренный завод*), *«Шынок»* (загородное кафе в Заславле) и др.

В исследованных неймах отражена богатая палитра многочисленных элементов традиционной народной культуры белорусов. В числе названий такого типа следует отметить следующие эргонимы, отражающие особенности материальной культуры и бытовой сферы жизни белорусов в прошлом: рестораны *«Лазня»* (бел. *лазня* – это название бани, которое закрепилось в белорусском языке с давних времен), *«Дранікі»* (бел. *дранікі* – традиционное национальное блюдо белорусов), *«Беларуская карчма»* (бел. *карчма* – шинок, постоялый двор, трактир в дореволюционной России, Беларуси, Украине и Польше), кафе *«Камяніца»* (бел. *камяніца* – русск. *каменное или кирпичное строение*), *«Талака»* (бел. *талака* – это совместная коллективная помощь при выполнении сельскохозяйственных работ), *«Жарынка»* (бел. *жарынка* – русск. *горячий уголек*), *«Ежа на вуглях», «Дранікі Вясковыя»* и др.

Особенности духовной культуры нашего народа, отдельные элементы его традиционной обрядности, те или иные прецедентные имена репрезентируют такие неймы, как *«Васількі»* (бел. *васілёк* (*валошка)* – это неофициальный национальный символ белорусов, а также символ их культуры и духовности), *«Несцерка»* (Нестерка – находчивый-крестьянин-бедняк, любимый персонаж белорусских народных сказок; одноименная пьеса В. Вольского), *«Агінскі»* (Михаил Огинский – известный государственный деятель Речи Посполитой, композитор, поэт и меценат XVIII века, представитель литовско-польского княжеского рода Огинских), *«Будзьма»* (происхождение слова связано с глаголом *будзьма* – формой повелительного наклонения 1 лица мн. числа, которая активно употреблялась в белорусском языке начала XX века), *«Фальварак Купала»* (структурным компонентом является имя Янки Купалы – классика национальной литературы, стоящего у истоков новой белорусской литературы и языка), *«Milavitsa»* (*Мілавица* – планета Венера, а также широко распространенное среди белорусов название Венеры – богини красоты и любви в славянской мифологии) и др.

Нередкими являются белорусскоязычные неймы, мотивированные собственными именами. Большинство исследованных языковых единиц восходит к антропонимам и топонимам. Одним из приемов создания наименований ресторанного бизнеса в столице Беларуси выступает процесс топонимизации. Различные мотивационные установки имеют наименования ресторанов и кафе, семантически связанные с топонимическими объектами – названиями городов, поселков, определенных территорий. Например: рестораны *«Вільна»* (*Вильня* – столица Великого Княжества Литовского, центр исторического региона), *«Гарадзейскі фальварак»* (образовано от названия городского поселка *Городея* в Несвижском районе Минской области), *«Лошицкий фальварак»* (образовано от названия жилого микрорайона г. Минска *Лошица*), *«Ля Менска», «Менск»* (древнее название Минска, встречающееся в старобелорусских летописях), пиццерия *«Палессе»* и др.

В группе неймов отантропонимного происхождения доминируют названия, восходящие к мужским личным именам *Янка, Лявон, Цімох, Адась*, отражающим определенные традиции национального именослова белорусов. В их числе следующие рекламные имена предприятий ресторанного типа: *«У Янкі», «Шынок у Лявона»*, кафе *«Цімохін закуток»*, ресторан в структуре агроусадьбы *«Хата Адася»*, расположенной на территории Воложинского района. Свойственные белорусам такие черты характера, как гостеприимство и хозяйственность, умение поддерживать дружеские отношения, демонстрируют такие эргонимы, используемые в сфере общественного питания г. Минска, как *«У сяброў», «У гаспадыни», «У Франциска», «Селі-Паелі»* и др.

Анализ национально окрашенных неймов, в основе которых лежит апеллятивная лексика различной семантики, свидетельствует о том, что многие названия восходят к лексическим единицам белорусского языка, которые характеризуются разноплановостью своего значения и обозначают те или иные явления природы (ресторан *«Завіруха»* в Силичах – горнолыжном центре, расположенном в Логойском районе Минской области), особенности растительного мира (*«Пралеска», «Чабарок»*), пространственные и временные понятия, выраженные при помощи слов, наполненных неподдельной любовью к Беларуси, своему родному краю *(«Беларускі куток», «Спадчына», «Славянскі кут», «Раздолле», «Красавік»).*

Значительное число зафиксированных нами названий, номинирующих минские ресторанные заведения, образованы лексико-синтаксическим способом. Следует отметить следующие белорусскоязычные неймы-словосочетания с национально-культурной коннотацией: *«Беларуская карчма», «Добры густ», «Ракаўскі бровар», «Кветкі яблыні»* и др.

Характеризуя графико-орфографические особенности белорусскоязычных неймов с этнокультурной маркированностью, используемых в сфере ресторанного бизнеса нашей столицы, хотелось бы обратить внимание на то, что их обсолютное большинство оформлено на вывесках и рекламных щитах на кириллице. Это как раз и подтверждает

приведенный выше в качестве примеров исследованный эргонимный материал. Наименований же рестранов, кафе, пиццерий, написанных полностью либо частично латинкой, относительно немного. Например, *«Milavitsa», «Фальварак Kupala»*. В последнем примере, как видим, наблюдается сочетание кириллического и латинского алфавитов. Благодаря своеобразной, несколько неожиданной графической гибридизации создается по-своему интересный и эффектный «внешний вид» нейма.

Как показало исследование языкового материала, в большинстве случаев мы имеем нормативные, правильные в лексическом и грамматическом отношении белорусскоязычные нейминговые образования. Вместе с тем нами отмечены некоторые неточности и ошибки с точки зрения нормативности белорусского языка. В их числе назовем следующие неймы, отдельные из которых уже были приведены выше: *«Шляхетский маёнтак»* (замест *«Шляхецкі маёнтак»*), *«Кали ласка* (замест *«Калі ласка»*), *«Цімохін закуток»* (замест *«Цімохаў закуток»*), *«Лошицкий фальварак»* (замест *«Лошыцкі фальварак»*), *«Мясной смак»* (замест *«Мясны смак»*), *«У гаспадыни»* (замест *«У Гаспадыні»*), *«Ля Гасцинца»* (замест *«Ля Гасцінца»*), *«На росстанях»* (замест *«На ростанях»*), *«Світанок* (замест *«Світанак»*) и т.п. Да и названия таких предприятий ресторанного бизнеса, как *«Хата Адася», «Кветкі яблыні»*, следовало бы привести в соответствие с грамматическими нормами белорусского языка: *«Адасева хата», «Яблыневыя кветкі»*. По нашему мнению, значительное число подобных ошибок и языковых неточностей связано не только с русско-белорусской интерференцией и лидирующими позициями русского языка в сфере нейминга, но и, конечно же, с лингвистической некомпетентностью и недостаточной профессиональной квалификацией неймеров – специалистов, занимающихся разработкой рекламы.

Безусловно, отдельные русскоязычные неймы с очевидной для любого белоруса национально-культурной окраской *(«Дедова корчма», «Корчма Старовиленская», «Масленица», «Радзивилловский», «Харчевня»)* хотелось бы видеть грамотно оформленными на своем родном белорусском языке. Согласитесь, приведенные примеры эргонимов, написанные по-белорусски *(«Дзядулева карчма», «Карчма Старавіленская», «Масленіца», «Радзівілаўскі», «Харчэўня»)*, имели бы по-своему специфический, неповторимый национально-культурный колорит и, наверное, в большей мере притягивали бы внимание минчан и гостей столицы.

Результаты, полученные в ходе исследования белорусскоязычных неймов, используемых в сфере номинации тех или иных объектов ресторанного бизнеса в г. Минске и отдельных его окрестностях, могут стать полезными для лингвистов при разработке теоретических и практических вопросов нейминга и станут при необходимости востребованы специалистами, работающими в сфере туристической индустрии, бизнес-рекламы и маркетинга.

Литература

1. Нейминг. Финансовый словарь ФИНАМ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.finam.ru/dictionaru/wordf01D3F/?page=10. – Дата доступа: 02.02.2022.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акулов Максим Витальевич, *студент, Оренбургский государственный педагогический университет, Россия.*

Аникеева Татьяна Владимировна, *аспирант, Минский государственный лингвистический университет, Беларусь.*

Бароўка Ванда Юльянаўна, *докт. філал. н., праф., Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава, Беларусь.*

Бачинська Галина Василівна, *канд. філол. н., доц., Тернопільський національний педагогічний університет імені Володимира Гнатюка, Україна.*

Бельская Валерия Алексеевна, *магистрант, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.*

Бут-Гусаім Святлана Феадосьеўна, *канд. філал. н., дац., Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна, Беларусь.*

Вардомацкий Леонид Михайлович, *канд. филол. н., доц., Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.*

Варникова Евгения Николаевна, *канд. филол. н., доц., Вологодский филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия.*

Васильева Наталия Владимировна, *докт. филол. н., главн. науч. сотр., Институт языкознания РАН, Россия.*

Васильева Татьяна Юрьевна, *канд. филол. н., доц., Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет, Беларусь.*

Василькова Марина Васильевна, *ст. преп., Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.*

Вербовецька Оксана Степанівна, *канд. філол. н., доц., Тернопільський національний педагогічний університет імені Володимира Гнатюка, Україна.*

Верховых Людмила Николаевна, *канд. филол. н., доц., Борисоглебский филиал ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», Россия.*

Вечерко Дарья Михайловна, *магистрант, Белорусский государственный университет, Беларусь.*

Вільчинська Тетяна Пилипівна, *докт. філол. н., проф., Тернопільський національний педагогічний університет імені Володимира Гнатюка, Україна.*

Воробьев Вячеслав Михайлович, *докт. культурологии, канд. ист. н., доц., Филиал Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина в г. Твери, Россия.*

Гайдукова Юлия Викторовна, *магистрант, Воронежский государственный университет, Россия.*

Ганцовская Нина Семёновна, *докт. филол. н., проф., Костромской государственный университет, Россия.*

Генкин Владимир Максимович, *канд. филол. н., доц., Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.*

Годуйко Людмила Алексеевна, *канд. филол. н., доц., Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина, Беларусь.*

Голомидова Марина Васильевна, *докт. филол. н., проф., Уральский федеральный университет, Россия.*

Горегляд Елена Николаевна, *канд. филол. н., доц., Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.*

Горяев Сергей Олегович, *канд. филол. н., Уральский федеральный университет, Россия.*

Губанова Ольга Игоревна, *студентка, Российский университет дружбы народов, Россия.*

Дамбуев Игорь Александрович, *канд. филол. н., старший научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Россия.*

Dacewicz Leonarda, *doct. hab., prof, Uniwersitet w Białymstoku, Polska.*

Дащинский Владислав Викторович, *магистрант, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия.*

Дедова Елена Сергеевна, *канд. филол. н., доц., Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.*

Денисова Юлия Андреевна, *магистрант, (Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия.*

Деревяго Анна Николаевна, *канд. филол. н., доц., Государственное учреждение дополнительного образования взрослых «Витебский областной институт развития образования», Беларусь.*

Дерунова Анастасия Андреевна, *канд. филол. н., доц., Минский государственный лингвистический университет, Беларусь.*

Дулова Юлия Владимировна, *магистр филол. н., Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.*

Зайцава Кацярына Аляксандраўна, *магістр філал. н., Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава, Беларусь.*

Зелёнко Татьяна Игоревна, *магистрант, Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина, Беларусь.*

Иванов Евгений Евгеньевич, *докт. филол. н., доц., Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова, Беларусь.*

Кавалёва Алена Валер'еўна, *канд. філал. н., дац., Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І.П. Шамякіна, Беларусь.*

Казнина Елена Андреевна, *аспирант, Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского, Россия.*

Капылоў Ігар Лявонавіч, *канд. філал. н., дац.***,** *Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі, Беларусь.*

Кісель Таццяна Аляксандраўна, *канд. філал. н., дац., Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна, Беларусь.*

Климкова Людмила Алексеевна, *докт. филол. н., проф., Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Россия.*

Климкович Ольга Александровна, *канд. филол. н., доц., Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.*

Князев Денис Александрович, *студент, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.*

Ковалев Геннадий Филиппович, *докт. филол. н., проф., Воронежский государственный университет, Россия.*

Коврыга Виктория Михайловна, *магистрант, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.*

Копач Алег Ігаравіч, *канд. філал. н., дац., Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, Беларусь.*

Королёва Инна Александровна, *докт. филол. н., проф., Смоленский государственный университет, Россия.*

Красовская Нелли Александровна, *докт. филол. н., доц., Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого, Россия.*

Крюкова Ирина Васильевна, *докт. филол. н., проф. Волгоградский социально-педагогический университет, Россия.*

Кунтыш Марина Федоровна, *канд. филол. н., доц., Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь***.**

Кураш Ирина Яковлевна, *ст. преп., Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.*

Кураш Сяргей Барысавіч, *канд. філал. н., дац., Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І.П. Шамякіна, Беларусь.*

Кутачева Анна Юрьевна, *магистрант, Смоленская государственная сельскохозяйственная академия, Россия.*

Лазарев Павел Дмитриевич, *магистрант, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.*

Лань Лин, *аспирант, Уральский федеральный университет, Россия.*

Лукашанец Аляксандр Аляксандравіч, *докт. філал. н., акадэмік НАН Беларусі, Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Беларусь.*

Лукина Ольга Анатольевна, *канд. филол. н., доц., Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь.*

Маковский Антон Олегович, *аспирант, Минский государственный лингвистический университет, Беларусь.*

Мартынкевіч Святлана Васільеўна, *канд. філал. н., дац., Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава, Беларусь.*

Мартэн Дарья Сергеевна, *студентка, Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина, Беларусь.*

Матусевіч Кацярына Мікалаеўна, *аспірант, Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І.П. Шамякіна, Беларусь.*

Мезенко Анна Михайловна, *докт. филол. н., проф., Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.*

Мордань Михал, *канд. филол. н., Университет в Белостоке, Польша.*

Муратова Елена Юрьевна, *докт. филол. н., проф., Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.*

Мухина Яна Дмитриевна, *студентка, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.*

Мызников Сергей Алексеевич, *докт. филол. н., член-корр., Институт славяноведения РАН, Россия.*

Неганова Галина Дмитриевна, *канд. культуролог., ст. науч. сотр., Костромской государственный университет, Россия.*

Никифорова Ольга Валентиновна, *канд. филол. н., доц., Арзамасский филиал ННГУ, Россия.*

Николаенко Сергей Владимирович, *докт. пед. н., проф., Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.*

Оксенчук Анна Евгеньевна, *канд. филол. н., доц., Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.*

Падеус Ульяна Юрьевна, *студентка, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.*

Панкратова Анастасия Денисовна, *студентка, Российский университет дружбы народов, Россия.*

Paszko Małgorzata, *doktorant, mgr filologii polskiej, Uniwersytet w Białymstoku,* Polska.

Пераход Вольга Барысаўна, *канд. філал. н., дац., Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна, Беларусь.*

Петрачкова Инна Михайловна, *канд. филол. н., Гомельский государственный медицинский университет, Беларусь.*

Попов Сергей Александрович, *канд. филол. н., Воронежский государственный университет, Россия.*

Попова Анна Ростиславовна, *докт. филол. н., доц., Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, Институт филологии, Россия.*

Разумов Роман Викторович, *канд. филол. н., доц., Ярославский годарственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Россия.*

Русакович Ирина Кузьминична, *канд. пед. н., доц., Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Беларусь.*

Сабітава Юлія Русцемаўна, *студэнтка, Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна, Беларусь.*

Свистун Ніна Олександрівна, *канд. філол. н., доц., Тернопільський національний педагогічний університет імені Володимира Гнатюка, Україна.*

Семянькова Галіна Канстанцінаўна, *канд. філал. н., дац., Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава, Беларусь.*

Синкевич Татьяна Ивановна, *ст. преп., Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.*

Сироткина Татьяна Александровна, *докт. филол. н., доц., Сургутский государственный педагогический университет, Россия.*

Скрамблевіч Валерыя Баляславаўна, *саіскальнік, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Беларусь.*

Славкина Инга Анатольевна, *канд. филол. н., доц., Сибирский федеральный университет, Россия.*

Слесарева Татьяна Петровна, *канд. филол. н., доц., Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.*

Слівец Вольга Рыгораўна, *канд. філал. н., Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І.П. Шамякіна, Беларусь.*

Соловьев Алексей Николаевич, *канд. филол. н., Смоленская государственная сельскохозяйственная академия, Россия.*

Стаселько Артур Игоревич, *студент, Белорусский государственный университет, Беларусь.*

Стрельникова Наталия Даниловна, *канд. филол. н., Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» имени В.И. Ульянова, Россия.*

Супрун Василий Иванович, *докт. филол. н., проф., Волгоградский социально-педагогический университет, Россия.*

Тачыла Наталля Рыгораўна, *магістр, Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І.П. Шамякіна, Беларусь.*

Трофимович Тамара Григорьевна, *докт. филол. н., проф., Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Беларусь.*

Цветкова Елена Вячеславовна, *канд. филол. н., доц., Костромской государственный университет, Россия.*

Шеверинова Ольга Валерьевна, *канд. филол. н., доц., Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.*

Шевцова Людмила Ивановна, *канд. филол. н., доц., Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.*

Шклярык Вадзім Аляксандравіч, *канд. філал. н., Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа Цэнтра даследаванняў культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі, Беларусь.*

Шур Васіль Васільевіч, *докт. філал. н., праф., Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І.П. Шамякіна, Беларусь.*

Юдзянкова Ганна Віктараўна, *канд. філал. н., Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І.П. Шамякіна, Беларусь.*

Якубук Наталля Раманаўна, *канд. філал. н., дац., Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна, Беларусь.*

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Акулов М.В. 333
Аникеева Т.В. 4
Бароўка В.Ю. 201
Бачинська Г.В. 205
Бельская В.А. 337
Бут-Гусаім С.Ф. 209
Вардомацкий Л.М. 267
Варникова Е.Н. 271
Васильева Н.В. 8
Васильева Т.Ю. 52
Василькова М.В. 275
Вербовецька О.С. 205
Верховых Л.Н. 12
Вечерко Д.М. 341
Вільчинська Т.П. 205
Воробьёв В.М. 214
Гайдукова Ю.В. 345
Ганцовская Н.С. 144
Генкин В.М. 57
Годуйко Л.А. 278
Голомидова М.В. 61
Горегляд Е.Н. 18
Горяев С.О. 61
Губанова О.И. 349
Дамбуев И.А. 66
Dacewicz L. 149
Дащинский В.В. 353
Дедова Е.С. 302
Денисова Ю.А. 358
Деревяго А.Н. 218
Дерунова А.А. 155
Дорофеенко М.Л. 71
Дулова Ю.В. 282
Зайцава К.А. 76
Зелёнко Т.И. 362
Иванов Е.Е. 22
Кавалёва А.В. 80
Казнина Е.А. 90
Капылоў І.Л. 84
Кісель Т.А. 93
Климкова Л.А. 28
Климкович О.А. 159
Князев Д.А. 367
Ковалёв Г.Ф. 228
Коврыга В.М. 370
Копач А.І. 98
Королёва И.А. 163
Красовская Н.А. 285
Крюкова И.В. 32
Кунтыш М.Ф. 230
Кураш И.Я. 167
Кураш С.Б. 44
Кутачева А.Ю. 374
Лазарев П.Д. 378
Лань Лин 103
Лукашанец А.А. 171
Лукина О.А. 175
Маковский А.О. 290
Мартынкевіч С.В. 306
Мартэн Д.С. 278
Матусевіч К.М. 310
Мезенко А.М. 108
Мордань М. 180
Муратова Е.Ю. 233
Мухина Я.Д. 367
Мызников С.А. 112
Неганова Г.Д. 144
Никифорова О.В. 316
Николаенко С.В. 320
Оксенчук А.Е. 116
Падеус У.Ю. 382
Панкратова А.Д. 386
Paszko M. 119
Пераход В.Б. 294
Петрачкова И.М. 238
Попов С.А. 123
Попова А.Р. 185
Разумов Р.В. 127
Русакович И.К. 324
Сабітава Ю.Р. 391
Свистун Н.О. 205
Семянькова Г.К. 190
Синкевич Т.И. 298
Сироткина Т.А. 242
Скрамблевіч В.Б. 37
Славкина И.А. 40
Слівец В.Р. 249
Соловьёв А.Н. 131
Слесарева Т.П. 245
Стаселько А.И. 394
Стрельникова Н.Д. 254
Тачыла Н.Р. 194
Трофимович Т.Г. 324, 329
Цветкова Е.В. 136
Шеверинова О.В. 258
Шевцова Л.И. 262
Шклярык В.А. 141
Шур В.В. 44
Юдзянкова Г.В. 80
Якубук Н.Р. 93

Научное издание

РЕГИОНАЛЬНАЯ ОНОМАСТИКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сборник научных статей

Технический редактор *Г.В. Разбоева*

Компьютерный дизайн *В.Л. Пугач*

Подписано в печать 12.04.2022. Формат 60x84 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 23,42. Уч.-изд. л. 35,04. Тираж 98 экз. Заказ 55.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.